ПОЛИТЭКОНОМИЯ **КАПИТАЛИЗМА** учебное пособие

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА

учебное пособие

Свободное ВРЕМЯ

Политическая экономия — это наука, которая изучает общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, а также экономические законы, управляющие их развитием в исторически сменяющих друг друга общественно-экономических формациях. Название «политическая экономия» происходит от греческих слов politikós — государственный, общественный и oikonomía — управление домашним хозяйством. Термин «политическая экономия» был введён французским меркантилистом А. Монкретьеном в его труде «Трактат политической экономии» (1615 г.).

Работы, составившие учебное пособие по Политэкономии капитализма:

- «Капитал», Карл Маркс, 1867 г., 1885 г., 1894 г.
- «Империализм, как высшая стадия капитализма», Владимир Ленин, 1916 г.
- «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», Иосиф Сталин, 1924 г.
- «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»», Владимир Ленин, 1916 г.

Также были использованы работы: Фридриха Энгельса «Дополнения к третьему тому Капитала», Владимира Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и «Великий почин», Михаила Попова «Классовая борьба».
Каждая глава снабжена вопросами для самопроверки, а в конце пособия дан список экзаменационных вопросов по всему курсу. Изучив наше пособие, читатель получит полноценное знакомство с работами классиков, превышающих объём учебника в 3–5 раз, и приобретёт глубокое понимание экономических основ борьбы рабочего класса.

Свободное время
svremya.org
dzen.ru/svremya
t.me/SVremya
vk.com/svobodnoev
youtube.com/@LobbyoTV

КУПИТЬ И СКАЧАТЬ

ISBN 978-5-6051580-3-5

ВИДЕО

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА

ОТ КЛАССИКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

Ленинград

2025

УДК 330.101.8
ББК 65.02стд1-213
П58

Попов М. В., Удовиченко М. С.
П58 Политэкономия капитализма. От классиков до современности. Учебное пособие — Ленинград : Издатель Англинова Л. Н., 2025. — 936 с.

В учебном пособии последовательно изложена политэкономия капитализма от капитализма в стадии свободной конкуренции до капитализма в империалистической стадии на основе книг «Капитал» Карла Маркса и «Империализм, как высшая стадия капитализма» Владимира Ленина.

УДК 330.101.8
ББК 65.02стд1-213

Сообщить об опечатке

© Группа «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ», 2025
© М. В. Попов, М. С. Удовиченко, 2025

КАК ПОЛУЧИТЬ ОТ ЭТОЙ КНИГИ НАИБОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ

«Бессмысленно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые потратили больше усилий на неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы правильно понять».

Фридрих Энгельс

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране мира своего времени. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало трудовой теории стоимости. Маркс продолжил их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что **стоимость всякого товара определяется количеством общественно необходимого рабочего времени, идущего на его производство**. Где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношения между людьми. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. Деньги означают, что эта связь становится всё теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в единое целое. Капитал означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наёмный рабочий продаёт свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание себя и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая прибавочную стоимость для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов. Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса. От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства. Ленин

завершил работу Маркса и исследовал высшую стадию капитализма — империализм — когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала и закончился раздел всей территории Земли крупнейшими капиталистическими странами.

В чём особенность нашего учебного пособия?

1.В основе учебного пособия лежат произведения основоположников марксизма-ленинизма.

2. Материал всех глав выстроен в логике развёртывания знания политэкономии капитализма. Это диалектическая логика, для которой характерно постепенное развитие идеи от простого к сложному. Поэтому одно и то же понятие может иметь несколько определений, каждое из которых включает в себя все ранее данные определения. Это даёт возможность двигаться в познании от целого к целому, не скатываясь к куче разрозненных (не связанных между собой в систему) определений. Присвойте себе все эти знания, ведь не всегда можно научить, но всегда можно научиться!

3. Пособие позволяет проследить исторический вывод каждого положения, каждого утверждения, каждого закона и убедиться в том, что они не висят в воздухе, как аксиомы или предположения, что они не точки зрения, что они, напротив, строго выведенные, строго выверенные знания на твёрдом научном фундаменте.

Что даёт такой подход к организации и подаче учебного материала?

1. Что лучше: слушать самого Паваротти или как Галкин изображает поющего Паваротти? Что лучше: настоящая чёрная икра или её имитация? Ответ известен; так же и знания лучше получать из первоисточников, чем из пересказов.

2. Читая классиков, начинаешь понимать, почему их назвали классиками, учишься на примерах высочайшего уровня, привыкаешь к ним, и постепенно, по мере изучения, сам подтягиваешься до их уровня.

3. Экономишь время: и науку изучаешь, и классиков читаешь, причём не в отрывках и цитатах, взятых частично и потому искажающих изложение материала, а целостно и исторически, что помогает и пониманию, и усвоению, и будущему применению усвоенных знаний.

Как учиться, используя наш учебник?

1. Изучайте материал последовательно, проверяйте его усвоение с помощью контрольных вопросов в конце каждой темы, слушайте видео разбор соответствующей темы.

2. Почти каждая глава учебника — это сокращённая версия исходного авторского материала, но содержащая на 99% авторский текст (именно текст, а не цитаты) и сохраняющая всю авторскую логику и выводы. Это позволяет, если вы ведёте конспект, получить конспект и соответствующего произведения, что тоже поможет в будущей работе и при дальнейшем изучении марксизма-ленинизма.

3. Организуйте коллективное изучение материала — скооперируйтесь с одним–двумя товарищами и изучайте материал совместно, а вопросы для самопроверки помогут вам в этом. Помните, что, помогая в изучении материала товарищу, — лучше понимаешь и усваиваешь материал сам.

Учебник изучите, а что останется? Если сделаете конспект, если будете изучать совместно с товарищами, если изучите видео разборы материала, если все неясные вопросы проясните в беседах с товарищами или на семинарах Красного Университета, то вы будете стоять на твёрдом фундаменте политэкономии марксизма-ленинизма.

От редакторской группы Свободное время
Марат Удовиченко
Ленинград
2025

Книга I

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОЗДСТВА КАПИТАЛА

По книге Карла Маркса «Капитал», книга 1

Отдел 1.
ТОВАР И ДЕНЬГИ

Глава 1.
ТОВАР

товар, потребительная стоимость, меновая стоимость, стоимость, общественно необходимое рабочее время, полезный труд, относительная форма стоимости, эквивалентная форма стоимости, простая форма стоимости, развёрнутая форма стоимости, всеобщая форма стоимости, денежная форма стоимости, величина стоимости

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря её свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, то есть как предмет потребления, или окольным путём, как средство производства.

> ***Товар** есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря её свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности.*

Полезность вещи делает её потребительной стоимостью, но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и тому подобное, само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их

количественная определённость, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и так далее. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — **товароведения**. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

> *Полезность вещи (или блага) делает её **потребительной стоимостью**.*

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от неё содержания. Очевидно, что меновое отношение товаров характеризуется отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

> ***Меновая стоимость** прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода.*

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что

они — продукты труда. Что же осталось от продуктов труда? От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, то есть затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

> ***Стоимость** — это лишь выражение того, что в его производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд, то общее, что выражается в меновом отношении.*

Если мы действительно отвлечёмся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлён, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину её стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимость субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определённых долях времени, каковы: час, день и так далее.

Каждая индивидуальная рабочая сила, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила и она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, и, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

> ***Общественно необходимое рабочее время** есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.*

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы было постоянным необходимое для его производства рабочее время, но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. И, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нём масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда её полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и так далее. **Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром**. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создаёт потребительную стоимость, но не товар. **Чтобы произвести товар**, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. Наконец, **вещь не может быть**

стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на неё труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

> ***Товар** — это не просто произведённая потребительная стоимость, но потребительная стоимость для других, общественная потребительная стоимость.*

Первоначально **товар предстал перед нами как нечто двойственное**: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Труд, полезность которого выражается в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовём полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

> *Труд, полезность которого выражается в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовём **полезным трудом**.*

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В общине труд общественно разделён, но продукты его не становятся товарами. Или на каждой фабрике труд систематически разделён, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определённая целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоять друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, то есть в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда. Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, то есть не была бы возможна сама человеческая жизнь.

> ***Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость.***

Если отвлечься от определённого характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нём остаётся лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме, но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Человеческий труд есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определённого общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт

показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому. Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных стоимостей, так и в труде, представленном в этих стоимостях, исчезают различия его полезных форм — портняжества и ткачества.

> ***Человеческий труд** есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием.*

Сюртук и холст — не только стоимости вообще, но и стоимости определённой величины: по нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. **Откуда эта разница в величине их стоимости?** Причина состоит в том, что холст содержит в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства первого. Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нём труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведённого к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идёт о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае — о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося

в нём труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Производительная сила всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, **один и тот же труд в равные промежутки времени создаёт всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Однако он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растёт, меньше, когда она падает**. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для её производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости.

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и так далее. Это их доморощенная натуральная форма. Однако товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления, и носители

стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости.

Если мы припомним, что товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их **стоимость имеет поэтому чисто общественный характер**, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости.

Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение денежной формы, то есть проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

> **Простая, единичная, или случайная, форма стоимости** **x** товара **A** = **y** товара **B**, или: **x** товара **A** стоит у товара **B**. *20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.*

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Её анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара **A** и **B**, в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в **относительной форме стоимости**. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в **эквивалентной форме**.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие

или противоположные крайности, то есть полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу. Один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга. Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме — это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, то есть от того, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость.

> ***x товара A = y товара B, или: x товара A стоит y товара B. 20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.***
> ***x товара A — это относительная форма стоимости, y товара B — это эквивалентная форма стоимости.***

В стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого.

Посредством стоимостного отношения натуральная форма товара **B** становится формой стоимости товара **A**, или тело товара **B** становится зеркалом стоимости товара **A**. Товар **A**, относясь к товару **B** как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость **B** материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара **A**, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара **B**, обладает формой относительной стоимости.

> ***Стоимость товара A, выраженная в потребительной стоимости товара B, обладает формой относительной стоимости.***

Обращаем внимание, что:

I. При неизменной стоимости товара **B** относительная стоимость товара **A**, то есть стоимость его, выраженная в товаре **B**, повышается и падает прямо пропорционально изменению стоимости товара **A**.

II. При неизменной стоимости товара **A** его относительная, выраженная в товаре **B** стоимость падает или повышается в отношении, обратном изменению стоимости **B**.

III. Если бы стоимости всех товаров одновременно повысились или упали в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемены. Действительное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

IV. Пусть рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а следовательно, и их стоимости, изменяются одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяются в противоположном направлении и так далее. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением случаев I, II и III.

Далее, мы видели, что когда какой-либо товар **A** (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара **B** (сюртуке), он в то же время придаёт этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает своё собственное стоимостное бытие тем, что сюртук, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к холсту. Таким образом, холст фактически выражает своё стоимостное бытие тем, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

> ***Эквивалентная форма** какого-либо товара есть форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.*

Особенности эквивалентной формы:

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная

стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости. Натуральная форма товара становится формой стоимости. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости. Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определённого полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда.

Вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Третья особенность эквивалентной формы состоит в том, что частный труд становится формой своей противоположности, то есть трудом в непосредственно общественной форме.

Итак, стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда она представлена как «меновая стоимость». Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. **Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость».** Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причём товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару.

Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа её выражения как меновой стоимости.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара **А**, содержащегося в его стоимостном отношении к товару **В**, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма

товара **A** служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара **B** — лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, то есть через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость которого выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в котором стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нём **противоположности потребительной стоимости и стоимости**.

Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара. Между тем единичная форма стоимости сама собой переходит в более полную. Единичное выражение стоимости товара превращается в ряд различных простых выражений его стоимости, причём ряд этот может быть удлинён как угодно.

> **Полная, или развёрнутая, форма стоимости**
> **z** товара **A** = **u** товара **B**, или = **v** товара **C**, или = **w** товара **D**, или = **x** товара **E**, или = и т. д.
> ***20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унциям золота, или = ½ тонны железа, или = и так далее.***

Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и так далее, в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определённая натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь **особенная эквивалентная форма** наряду со многими другими. Равным образом многообразные определённые, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

Недостатки полной, или развёрнутой, формы стоимости: во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершённым, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается; во-вторых, такая цепь образует пёструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости; наконец, если, как это и должно произойти, в этой развёрнутой форме выражается относительная стоимость каждого товара, то относительная форма стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений стоимости, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара.

Впрочем, развёрнутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений, первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку,
20 аршин холста = 10 ф. чаю и так далее.

Однако каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук = 20 аршинам холста,
10 ф. чаю = 20 аршинам холста и так далее.

Всеобщая форма стоимости

1 сюртук =
10 ф. чаю =
40 ф. кофе =
1 квартер пшеницы =
2 унции золота
½ тонны железа =
x товара **A** =
и так далее

} = 20 аршин холста

Теперь товары выражают свои стоимости: просто, так как они выражают их в одном-единственном товаре, и единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно всеобща.

Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым

выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями, или заставляет их выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

Всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому общественно значимой формой.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишённого различий человеческого труда, самим своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобще человеческий характер труда образует его специфический общественный характер.

Простая, или единичная, относительная форма стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развёрнутая форма относительной стоимости, — это выражение стоимости товара во всех других товарах, — придаёт последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя её полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, выталкивается всеми другими товарами из их среды.

И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость. Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве **денег**. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией.

Денежная форма стоимости

20 аршин холста =
1 сюртук =
10 ф. чаю =
40 ф. кофе =
1 квартер пшеницы =
½ тонны железа =
x товара **A** =
и так далее

= 2 унции золота

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент — как отдельный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Малопомалу оно стало функционировать, как всеобщий эквивалент, в более или менее широких кругах. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь начиная с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, другими словами — всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Откуда возникает товарный фетишизм? Откуда возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Откуда возникает товарный фетишизм? Очевидно, что из самой этой формы. Равенство различных видов

человеческого труда приобретает вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых осуществляются их общественные определения труда, получают форму общественного отношения продуктов труда. Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому появлению одного вместо другого продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными.

Между тем товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из неё отношениями вещей. Это — лишь определённое общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определённых отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

> ***Товарный фетишизм** — это определённое общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами.*

Этот фетишистский характер товарного мира порождается своеобразным общественным характером труда, производящего

товары. Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависимых друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт между собой лишь путём обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, то есть производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, то есть не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от их чувственно различных потребительных предметностей. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь осуществляется на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрёл достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи производятся специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определённые виды полезного труда, они должны удовлетворять определённую общественную потребность и таким образом должны оправдать своё назначение в качестве звеньев совокупного труда, в качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменён на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство видов труда во всех отношениях различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства,

в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд. Но мозг частных производителей отражает этот двойственный общественный характер их частных работ в таких формах, которые выступают в практическом обиходе, в обмене продуктов: стало быть, общественно полезный характер их частных работ он отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных видов труда он отражает в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости.

Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф.

Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом. **Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей**. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости.

Именно законченная форма товарного мира — его денежная форма — скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте.

Представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остаётся общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, **рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта**. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Для общества товаропроизводителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, то есть стоимостями, и что отдельные частные работы относятся друг к другу в этой вещной форме как одинаковый человеческий труд, — **для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека**, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и так далее.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое товар?
Что такое потребительная стоимость?
Что такое меновая стоимость?
Что такое стоимость?
Что такое общественно необходимое рабочее время?
Что такое полезный труд?
Что такое относительная форма стоимости?
Что такое эквивалентная форма стоимости?
Что такое простая форма стоимости?
Что такое развёрнутая форма стоимости?
Что такое всеобщая форма стоимости?
Что такое денежная форма стоимости?
Чем определяется величина стоимости?

Глава 2.
ПРОЦЕСС ОБМЕНА

признание частной собственности на товары как необходимость для товарного обращения, где зарождение обмена и его проникновение внутрь общины, превращение товара во всеобщий эквивалент, деньги, первая функция денег, стоимость золота

Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они **должны признавать друг в друге частных собственников**.

Товар (то есть продукт труда, предназначенный для обмена) для его владельца не имеет непосредственной потребительной стоимости, иначе он не вынес бы его на рынок. Товар имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся непосредственная потребительная стоимость обмениваемого товара заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена. Поэтому владелец стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Поэтому все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход из рук в руки составляет их обмен, а в обмене они относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости. Значит, **товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получат возможность реализоваться как потребительные стоимости**.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один

товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

Только общественное действие может превратить определённый товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определённый товар, в котором все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается **деньгами**. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение выделенного товара в деньги.

***Деньги** — всеобщий товарный эквивалент.*

Предпосылка, необходимая для того, чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления существует как непотребительная стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Для того чтобы это отчуждение стало взаимным, **люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как частные собственники этих отчуждаемых вещей, а потому и как независимые друг от друга личности**. Однако такое отношение взаимной отчуждённости не существует между членами естественно выросшей общины. Поэтому **обмен товаров начинается там, где кончается община**, в пунктах её соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин.

И раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то **путём обратного действия они становятся товарами и внутри общины**. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, **закрепляется**

разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью её для обмена. Её потребительная стоимость отделяется от её меновой стоимости. С другой стороны, то **количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства**. Привычка фиксирует их как стоимостные величины.

Обмениваемый предмет ещё не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собственной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Задача возникает одновременно со средствами её разрешения. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолётным общественным контактом, который вызвал её к жизни. Попеременно и мимолётно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с **развитием товарного обмена форма эквивалента прочно закрепляется исключительно за определёнными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег**.

Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как всё их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов.

По мере того, как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам.

Что «**золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе — золото и серебро**», доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с функциями денег. Но пока в нашем исследовании мы знаем только одну функцию денег: служить формой проявления товарной

стоимости, или материалом, в котором величины товарных стоимостей находят себе общественное выражение. Адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие величин стоимости носит чисто количественный характер, то денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, то есть должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро обладают этими качествами от природы.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент, то они как особенные товары относятся к деньгам как к товару всеобщему.

Мы уже видели, что форма денег есть лишь застывший на данном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров. Следовательно, **тот факт, что деньги являются товаром, может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем чтобы анализировать их задним числом**. Процесс обмена даёт товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой. Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка, — что деньги только знаки. С другой стороны, в этом заблуждении сквозит смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений.

Как уже было отмечено раньше, эквивалентная форма товара не заключает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем, что золото — деньги, то есть непосредственно обмениваемо на все другие товары, то мы ещё отнюдь не знаем, сколько стоят, например, 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве

всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. Если уже в последние десятилетия XVII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товар, то всё-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами.

В капиталистическом строе общества отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, не зависимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности. Это проявляется прежде всего в том, что продукты их труда принимают вообще форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Кого должны признавать друг в друге товаровладельцы и почему?
Что предшествует реализации товара как потребительной стоимости?
Где зарождается обмен?
Как обмен проникает внутрь общины?
Что превращает товар во всеобщий эквивалент?
Что такое деньги?
В чём состоит первая функция денег?
Почему деньги по своей природе — золото и серебро?
Как определяется стоимость золота?

Глава 3.
ДЕНЬГИ, ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ

соизмеримость товаров, цена, товар без стоимости, раздвоение товара на товар и деньги, отличие товарного обращения от непосредственного обмена продуктами, появление возможности кризисов, необходимая масса денег, возможность электронных денег, положительная роль накопления сокровищ, основные функции денег, кредитные деньги

***Первая функция денег** — мера стоимости.*

Здесь я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является золото. Первая функция золота (то есть денег) состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, то есть для того, чтобы выразить стоимости товаров как одноимённые величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Золото функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, и прежде всего в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — становится деньгами.

Не деньги делают товары соизмеримыми, наоборот, именно потому, что все товары как стоимости представляют собой овеществлённый человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, то есть в деньги. Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости, — рабочего времени.

Теперь для выражения стоимости в общественно значимой форме достаточно только одного уравнения, например, 1 тонна железа = 2 унциям золота. Этому уравнению уже нет надобности маршировать плечом к плечу в ряду стоимостных уравнений других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег. Поэтому всеобщая относительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему

первоначальному виду — к простой, или единичной, относительной форме стоимости. С другой стороны, развёрнутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара.

Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении. Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото. Каждый товаровладелец знает, что он ещё не превратил свои товары в настоящее золото, если придал их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не нужно ни крупицы реального золота для того, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные, деньги. Хотя функцию меры стоимостей выполняют лишь мысленно представляемые деньги, цена всецело зависит от реального денежного материала. Стоимость, то есть количество человеческого труда, содержащегося, например, в одной тонне железа, выражается в мысленно представляемом количестве денежного товара, содержащем столько же труда. Следовательно, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость тонны железа выражается в совершенно различных ценах, или в совершенно различных количествах золота, серебра или меди.

Как **мера стоимостей** и как **масштаб цен** деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость

данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определённый вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом определении одноимённых величин, решающее значение имеет устойчивость соотношения мер. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда и, следовательно, стоимость потенциально переменную.

Очевидно прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не отражается на его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определённых количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому при прочих равных условиях не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше.

При неизменной стоимости денег общее повышение товарных цен может произойти лишь при том условии, если повышаются стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров, — если понижается стоимость денег. И наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях, — если повышается стоимость денег.

Постепенно отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно установленных счётных названиях золотого масштаба. Вместо того чтобы сказать, что один квартер пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 ф. ст. 17 шилл. 10 пенсам. Далее, название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях — фунт,

талер, франк, дукат и так далее — изглаживается всякий след отношения стоимостей. Цена есть денежное название овеществлённого в товаре труда. Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости.

> ***Цена** есть денежное название овеществлённого в товаре труда.*

Величина стоимости товара выражает необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени. С превращением величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне него денежному товару. Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях. Следовательно, возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает её адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел.

Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и так далее, могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, **вещь формально может иметь цену, не имея стоимости**. **Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике**. С другой стороны, мнимая форма цены, — например, цена не подвергавшейся обработке земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлён человеческий труд, — может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него.

Итак, чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное, хотя бы это пресуществление оказалось для него «горше», чем для гегелевского «понятия» переход от необходимости к свободе, чем для омара сбрасывание своей скорлупы, или для св. Иеронима совлечение с себя ветхого Адама. Наряду со своим реальным образом, например образом железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости, или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом.

Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается, таким образом, звонкая монета.

Вторая функция денег — *средство обращения*.

Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создаёт форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипс есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется, и разрешается.

При обмене продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда. Товар, достигнув пункта, где он служит в качестве потребительной стоимости, выпадает из сферы товарного обмена и переходит в сферу потребления. Нас интересует здесь лишь первая сфера. Поэтому мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно лишь смену форм, или метаморфоз, товаров, которая опосредствует общественный обмен веществ. При этом каждое изменение формы товара совершается путём обмена двух товаров: простого товара и денежного товара.

Процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги, внешнюю противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, то есть единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение.

Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар.

> ***Товар — Деньги — Товар: Т — Д — Т***
> ***Кругооборот товара** есть превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, то есть продажа ради купли.*

Т — Д. Первый метаморфоз товара, или **продажа**. Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Для одного товаровладельца золото замещает его товар, для другого — товар замещает его золото. Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 аршин холста и 2 ф. ст., перемещаются из рук в руки или с места на место, то есть обмениваются друг на друга. Первоначальная товарная форма сбрасывается путём отчуждения товара, следовательно — в тот момент, когда потребительная стоимость товара действительно притягивает к себе золото, лишь мысленно представленное в цене товара. Поэтому реализация цены, или только идеальной формы стоимости товара, есть, с другой стороны, реализация только идеальной потребительной стоимости денег, — превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является, таким образом, двусторонним: один его полюс — со стороны товаровладельца — продажа, противоположный полюс — со стороны владельца денег — купля. Продажа есть купля, **Т — Д** есть в то же время **Д — Т**.

Д — Т. Второй, или заключительный, метаморфоз товара — **купля**. Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остаётся следов того, как именно они попали в руки владельца и что именно в них превратилось. Деньги не пахнут, каково бы ни было их происхождение. Если, с одной стороны, деньги представляют проданный товар, то, с другой стороны, они представляют товары, которые можно купить. Одна продажа приводит ко многим актам купли различных товаров. Заключительный метаморфоз одного товара образует сумму первых метаморфозов других товаров.

Подобно тому как один и тот же товар последовательно совершает два противоположных превращения — из товара в деньги и из денег в товар, — точно так же один и тот же товаровладелец меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, это не прочно фиксированные роли, а роли, постоянно переходящие в процессе товарного обращения от одного лица к другому.

Две противоположно направленные фазы движения товарного метаморфоза образуют **кругооборот**: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме. Во всяком случае сам товар определяется здесь противоположным образом. У исходного пункта он является непотребительной стоимостью, у конечного пункта он — потребительная стоимость для своего владельца. Точно так же деньги сначала выступают как твёрдый кристалл стоимости, в который превращается товар, а затем расплываются в мимолётную эквивалентную форму товара.

Кругооборот, описываемый рядом метаморфозов каждого товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет собой **обращение товаров**. Товарное обращение не только формально, но и по существу, отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, товаровладельцы не задумываются и не знают, что будет приобретено на деньги, вырученные от продажи им товаров, другими товаровладельцами. А при непосредственном обмене продуктами обе стороны прекрасно знают, что на что обменивается.

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда

метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром.

Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создаёт равновесие между куплями и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и наоборот. Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. **Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, то есть дополняющих друг друга, процессов достигает определённого пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса.** Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только **возможность — кризисов**. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе ещё не существуют. Как посредник в процессе обращения товаров, деньги приобретают функцию средства обращения.

> *Как посредник в процессе обращения товаров, деньги приобретают* ***функцию средства обращения****.*

Смена форм, в которой совершается вещественный обмен продуктами труда, **Т — Д — Т**, обусловливает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этому же пункту в виде товара. Таким образом, это движение товаров представляет собой кругооборот. Однако

эта же самая форма исключает кругооборот денег. Результатом её является непрерывное удаление денег от их исходного пункта, а не возвращение к нему. Деньги могут вернуться лишь благодаря тому, что новый товар возобновляет или повторяет всё тот же процесс обращения, который заканчивается тем же результатом, как и первый. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет собой их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение. **Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса**.

Дело принимает такой вид, будто результат товарного обращения, замещение одного товара другим, порождается не превращением его собственных форм, а функцией денег как средства обращения, будто именно средства обращения приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, переносят их из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, и притом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в обращении и тем самым удаляясь от своего собственного исходного пункта. Поэтому, хотя в движении денег лишь выражается обращение товаров, с внешней стороны кажется наоборот, что обращение товаров есть лишь результат движения денег. Однако, деньгам присуща функция средства обращения лишь потому, что они представляют собой ставшую самостоятельной стоимость товаров. Их движение как средства обращения есть поэтому в действительности лишь движение собственной формы товара. Одни и те же деньги притекают к продавцу как отчуждённый образ товара и покидают его как абсолютно отчуждаемый образ товара.

Деньги как средство обращения постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, **сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера?** Деньги лишь представляют собой реально ту сумму золота, которая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собой. Мы знаем, однако, что при неизменной стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала):

пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Во всяком случае причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации. Следовательно, для процесса обращения за данный промежуток времени, масса денег, функционирующих в качестве средств обращения, вычисляется:

$$\frac{\textbf{сумма цен товаров}}{\textbf{число оборотов одноимённых денежных единиц}} = \textbf{масса денег}$$

Этот закон имеет всеобщее значение. Три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации. Здесь мы отметим лишь комбинации, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает скорость обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причём масса обращающихся товаров остаётся постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров

увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растёт или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остаётся постоянной, а потому остаётся постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключение составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег.

Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, идеально существующая в цене, или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства. В тех различных национальных мундирах, которые носят на себе золото и серебро в качестве монет и которые они снова снимают, появляясь на мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней или национальной сферой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, то есть сделать из монеты лишь символ её официального металлического содержания, признана даже самим современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, которая делает золотую монету негодной к обращению, то есть демонетизирует.

Само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет её металлическое бытие от её функционального бытия, в нём уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками

из другого материала или простыми символами. Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются ещё быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно независимой от их веса, то есть от всякой стоимости. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер ещё до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим, труден лишь первый шаг. Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаёмся в пределах простого товарного обращения, ещё совершенно неизвестны. Только мимоходом отметим, что, подобно тому, как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из функции денег как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функция денег как средства платежа.

Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). **Бумажные деньги являются знаками золота, или знаками денег**. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знаки стоимости, поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости.

Почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Денежная масса постоянно находится в сфере обращения,

непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, её движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарного метаморфоза **Т—Д—Т**, в котором товару противопоставляется образ его стоимости лишь для того, чтобы сейчас же снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь преходящим моментом. Оно немедленно замещается другим товаром. Поэтому в процессе, в котором деньги переходят из одних рук в другие, достаточно чисто символического существования денег. Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие. Как мимолётное объективированное отражение товарных цен, они служат лишь знаками самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками. Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную объективно общественную значимость, и бумажный символ получает её при помощи принудительного государственного курса.

> ***Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги.***

Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфозов, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции вечного двигателя обращения. Деньги иммобилизуются или превращаются, как говорит Буагильбер, из движимого в недвижимое, из монеты в деньги, как только прерывается ряд метаморфозов, и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за ней куплей.

Уже с самых первых зачатков товарного обращения возникают необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза — превращённую форму товара, или его золотую куколку. Товар продают не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Отчуждённая форма

товара встречает препятствия к тому, чтобы функционировать в качестве абсолютно отчуждаемой формы товара, или в качестве лишь его мимолётной денежной формы. Вследствие этого деньги окаменевают в виде **сокровища**, и продавец товаров становится **собирателем сокровищ**.

Третья функция денег — сокровище.

Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе известный «общественно признанный залог». Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его покупать чужие товары, в то время как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать, не покупая.

Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, то есть являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар.

Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, а потому является покупательным средством ограниченной силы. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ всё снова и снова предпринимать сизифов труд накопления. С ним происходит то же, что с завоевателем мира, который с каждой новой страной завоёвывает лишь новую границу.

Чтобы удержать у себя золото как деньги, то есть как элемент созидания сокровищ, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровищ приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он принимает всерьёз евангелие отречения. Однако, с другой стороны, он может извлечь

из обращения в виде денег лишь то, что он даёт обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. **Трудолюбие, бережливость и скупость — вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать — в этом вся его политическая экономия**.

Созидание сокровищ выполняет различные функции в экономии металлического обращения. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты. Для государства, чтобы действительно циркулирующая денежная масса соответствовала постоянно степени полной насыщенности сферы обращения, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется в каждый данный момент для монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег в сокровище. Резервуары сокровищ служат одновременно отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег, которые поэтому никогда не переполняют каналов обращения.

***Четвёртая функция денег** — средство платежа.*

Например, пользование известным видом товаров, например домом, продаётся на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении срока покупатель действительно получает потребительную стоимость товара. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продаёт наличный товар, а другой покупает, выступая как просто представитель денег или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель — должником. Так как здесь изменился метаморфоз товара, или развитие его стоимостной формы, то и деньги приобретают другую функцию. **Они становятся средством платежа. Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения.** Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар уже вышел из него. Деньги уже не опосредствуют процесса. Они самостоятельно завершают его как абсолютное наличное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при их помощи какую-либо потребность, созидатель сокровищ, — чтобы консервировать

товар в денежной форме, должник-покупатель, — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Итак, теперь, в силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, образ стоимости товара — деньги — становится самоцелью продажи.

Товар продавца обращается, но при этом реализует свою цену лишь в виде частноправового требования на получение денег. Он превращается в потребительную стоимость раньше, чем успевает превратиться в деньги. Его первый метаморфоз осуществляется лишь задним числом. Цепь следующих один за другим платежей, или осуществляемых задним числом первых метаморфозов, существенно отличается от рассмотренного ранее сплетения рядов метаморфозов. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями, самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, движение средств платежа выражает собой общественную связь, имевшуюся в готовом виде ещё до него.

Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как счётные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент производственных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом. Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система взаимного погашения их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счётных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою ценность, а стоимость товара исчезает перед лицом её стоимостной формы.

Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причём долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа. В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется главным образом в сферу розничной торговли.

Развитие денег как средства платежа вызывает необходимость накоплять деньги перед сроками уплаты. В то время как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растёт вместе с последним в форме накопления резервного фонда средств платежа.

Выходя за пределы внутренней сферы обращения, деньги сбрасывают с себя приобретённые ими в этой сфере локальные формы — масштаба цен, монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости — золото и серебро.

Пятая функция денег — мировые деньги.

Мировые деньги функционируют как всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще. Функция средства платежа, средства, служащего для расчётов по международным балансам, преобладает. Отсюда лозунг меркантилистской системы — торговый баланс.

Международным покупательным средством золото и серебро служат, по существу, тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец, они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идёт не о купле или платеже, но о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в товарной форме невозможно или вследствие

неблагоприятных конъюнктур товарного рынка, или вследствие того, что самая цель перенесения богатства требует в данном случае денежной формы.

Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна нуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как мировых денег.

Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами сконцентрированные в банковских резервуарах, необходимым для их специфических функций минимумом. За известными исключениями, чрезмерное по сравнению с средним уровнем накопление сокровищ в резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения, или о приостановке течения товарных метаморфозов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что делает товары соизмеримыми?
Что есть цена?
Может ли совесть быть товаром?
Что порождает раздвоение товара на товар и деньги?
Что отличает товарное обращение от непосредственного обмена продуктами?
Что создаёт возможность кризисов?
Как рассчитывается необходимая масса денег?
Почему возможны электронные деньги?
В чём положительная роль накопления сокровищ?
Каковы основные функции денег?
Из чего возникают кредитные деньги?

Отдел 2.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

Глава 4.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

деньги — первая форма проявления капитала, деньги как деньги и деньги как капитал, оборот товаров и оборот денег, прибавочная стоимость, капитал, движение капитала не знает границ, противоречие всеобщей формулы капитала, особенность товара рабочая сила, стоимость товара рабочая сила, процесс потребления товара рабочая сила

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала. Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдём, что деньги представляют собой его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала.

> Деньги есть последний продукт ***товарного обращения*** и первая ***форма проявления*** **капитала**.

Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения. Непосредственная форма товарного обращения есть **Т—Д—Т**, превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, продажа ради купли. Однако наряду с этой формой мы находим другую, специфически отличную от неё, форму **Д—Т—Д**, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своём движении этот последний цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собой капитал.

> ***Деньги — Товар — Деньги: Д—Т—Д***
> ***При превращении денег в товар и обратном превращении товара в деньги, то есть при купле ради продажи, такие деньги становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собой капитал.***

Присмотримся ближе к обращению **Д—Т—Д**. Подобно простому товарному обращению, оно проходит две противоположных фазы. Первая фаза, **Д—Т**, **купля**, представляет собой превращение денег в товар. Вторая фаза, **Т—Д**, или **продажа**, — обратное превращение товара в деньги. **Единство обеих фаз составляет совокупное движение**, в котором деньги обмениваются на товар и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается ради продажи, или, если оставить в стороне формальные различия между куплей и продажей, на деньги покупается товар и на товар — деньги. Результат, в котором угасает весь процесс, есть обмен денег на деньги, **Д—Д**.

Что общего в двух полученных кругооборотах: Т— Д—Т и Д—Т—Д?

1. Оба кругооборота распадаются на одни и те же противоположные фазы: **Т—Д**, продажа, и **Д—Т**, купля.

2. В каждой из обеих фаз противостоят друг другу одни и те же два вещных элемента — товар и деньги и два лица в одних и тех же характерных экономических масках — покупатель и продавец.

3. Каждый из обоих кругооборотов представляет собой единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трёх контрагентов, из которых один только продаёт, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продаёт.

Что разделяет кругообороты: Т—Д—Т и Д—Т—Д?

1. Обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Там товар, здесь деньги образуют исходный и конечный пункты движения. В первой форме роль посредника во всем процессе играют деньги, во второй, наоборот, — товар.

2. В обращении **Т—Д—Т** деньги, в конце концов, превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью.

Следовательно, ***тут деньги затрачиваются*** окончательно. Напротив, в противоположной форме **Д — Т — Д** покупатель затрачивает деньги лишь для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Покупая товар, он бросает деньги в обращение с тем, чтобы вновь извлечь их оттуда путём продажи того же самого товара. Он выпускает из рук деньги лишь с затаённым намерением снова овладеть ими. Таким образом, ***деньги здесь лишь авансируются***.

3. Кругооборот **Т — Д — Т** совершенно закончен, как только деньги, вырученные от продажи одного товара, унесены куплей другого товара. В обращении **Т — Д — Т** затрата денег не имеет никакого отношения к их обратному притоку. Напротив, в **Д — Т — Д** обратный приток денег обусловливается самим характером их затраты. Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и ещё незаконченным, так как недостаёт его второй фазы — продажи, дополняющей и завершающей куплю. Кругооборот **Т — Д — Т** потребление, удовлетворение потребностей, одним словом — потребительная стоимость есть, таким образом, конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот **Д — Т — Д** имеет движущим мотивом, его определяющей целью, является сама меновая стоимость.

4. В простом товарном обращении оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — товары. И притом товары равной стоимости. Но зато они качественно различные потребительные стоимости, например хлеб и платье. В обращении же **Д — Т — Д** оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — деньги, следовательно не являются качественно различными потребительными стоимостями, ибо деньги представляют собой как раз такой превращённый образ товаров, в котором погашены все особенные потребительные стоимости последних. Одна денежная сумма может вообще отличаться от другой денежной суммы только по величине. В результате **Д — Т — Д** из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было вброшено в него.

Поэтому полная форма рассматриваемого процесса выражается так: **Д — Т — Д'**, где **Д'** > **Д**, то есть равно первоначально авансированной сумме ***плюс*** некоторое приращение

(**Д' = Д + ΔД**). Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю **прибавочной стоимостью**.

> ***Приращение стоимости, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью.***

Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз **это движение превращает её в капитал**.

> ***Если первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость (возрастает) — такая самовозрастающая стоимость есть капитал.***

Здесь нужно заметить, что возможно, что и в **Т—Д—Т** оба крайних пункта, **Т** и **Т**, например хлеб и платье, могут являться количественно различными стоимостями. Крестьянин может продать свой хлеб выше его стоимости или купить платье ниже его стоимости. С другой стороны, его может надуть торговец платьем. Однако *для самой этой формы обращения такие различия в стоимости представляют собой нечто чисто случайное*. Эта форма обращения, в противоположность **Д—Т—Д**, ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункта, например хлеб и платье, эквивалентны друг другу. Более того, равенство их стоимостей представляет здесь собой условие нормального хода процесса, в то время как форма **Д—Т—Д** теряет смысл, если **ΔД = 0** или отрицательна.

Заканчивая движение, деньги образуют его новое начало. Следовательно, конец каждого отдельного кругооборота **Д—Т—Д**, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное обращение, **Т—Д—Т**, — продажа ради купли — служит средством для достижения конечной цели, лежащей вне обращения, — для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, **обращение денег в качестве капитала**

есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ.

Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность или, точнее, его карман — вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги.

Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операций, постольку — и лишь постольку — он функционирует как капиталист, то есть как олицетворённый, одарённый волей и сознанием капитал. Поэтому **потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста. Равным образом не получение единичной прибыли является его целью, а её неустанное движение. Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью является общим и для капиталиста, и для собирателя сокровищ, но в то время, как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая деньги от обращения, более проницательный капиталист достигает тем, что он снова и снова бросает их в обращение.**

Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть её собственное движение, следовательно её возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она приносит живых детёнышей или, по крайней мере, кладёт золотые яйца. **Не приняв на себя товарной формы, деньги не могут стать капиталом**.

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того. Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому, как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал.

***Капитал** — самовозрастающая стоимость.*

Стоимость выходит из сферы обращения, снова вступает в неё, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот. **Д—Д'**, деньги, порождающие деньги, — таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов.

Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже, **Д—Т—Д'**, представляет на первый взгляд форму, свойственную лишь одному виду капитала — купеческому капиталу. Однако и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путём продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются вне сферы обращения в промежутке между куплей и продажей, нисколько не изменяют этой формы движения. Наконец, в капитале, приносящем проценты, обращение **Д—Т—Д'** представлено в сокращённом виде, в своём результате без посредствующего звена, в своём, так сказать, лапидарном стиле, как **Д—Д'**, как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя. Таким образом, **Д—Т—Д'** есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения.

***Д—Т—Д'** есть **всеобщая формула капитала**.*

Рассматривая далее полученную всеобщую формулу капитала, мы не можем не обратить внимания, что та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения. От простого товарного обращения эту формулу отличает обратная последовательность тех же самых двух противоположных процессов, продажи и купли. Более того: этот обратный порядок существует лишь для одного из трёх деловых друзей, вступающих между собой в сделку. Как ***капиталист***, этот третий покупает товар у **А** и продаёт его затем **В**; как ***простой товаровладелец***, он продаёт товар **В** и потом снова покупает товар у **А**. Для деловых друзей **А** и **В** этого различия не существует. Они выступают лишь в качестве продавца и покупателя товаров. Упомянутый третий противостоит им всякий раз как простой владелец денег или товаровладелец, как покупатель или как продавец. Как при той, так и при другой последовательности метаморфозов этот третий противостоит одному из них только как покупатель, другому — только как продавец: одному — только в качестве денег, другому — только в качестве товара, но никому из них не противостоит в качестве капитала или в качестве капиталиста! Таким образом, перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения: нам приходится поэтому рассмотреть, допускает ли **природа самой этой сферы возрастание** входящих в неё стоимостей, а следовательно, образование прибавочной стоимости, или, по-другому, — **где кроется источник самовозрастания стоимости?**

Если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, то есть эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров обусловливает собой обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты.

Допустим теперь, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110,

если они стоят 100, то есть с номинальной надбавкой к цене в 10%. Продавец получает таким образом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того, как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и, в свою очередь, пользуется привилегией продавать товар на 10% дороже. Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10. В общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10% дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, например, измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, то есть цены товаров, возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными.

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель, в свою очередь, станет продавцом. Он уже был продавцом, прежде чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10%, прежде чем выиграл 10% в качестве покупателя. Всё остаётся по-старому.

Итак, **образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости**.

Однако, может мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные категории, а не индивидуально?

Пусть товаровладелец **A** будет настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег **B** и **C**, в то время как эти последние при всём желании не в состоянии взять реванш. **A** продаёт **B** вино стоимостью в 40 ф. ст. и посредством обмена приобретает пшеницу стоимостью в 50 фунтов стерлингов. A превратил свои 40 ф. ст. в 50 ф. ст., сделал из меньшего количества денег большее их количество и превратил свой товар в капитал. Присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось на 40 ф. ст. вина в руках A и на 50 ф. ст. пшеницы в руках **B**, а всего стоимости

на 90 фунтов стерлингов. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость в 90 фунтов стерлингов. Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, **изменилось лишь её распределение** между **А** и **В**. То, что для одной стороны является здесь прибавочной стоимостью, для другой представляет недостающую стоимость, плюс для одного есть минус для другого. Тот же самый результат получился бы, если бы **А**, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у В 10 фунтов стерлингов. Очевидно, что **сумму находящихся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении**, подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фартинг времён королевы Анны за гинею. **Весь класс капиталистов данной страны в целом не может наживаться за счёт самого себя**. Как ни вертись, а факт остаётся фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются не-эквивалены, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение, или товарообмен, не создаёт никакой стоимости.

> ***Обращение товаров (товарообмен) не создаёт никакой стоимости!***

В собственно торговом (купеческом) капитале форма **Д—Т—Д'**, купить, чтобы продать дороже, проявляется в наиболее чистом виде. С другой стороны, всё его движение протекает в пределах сферы обращения. А так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то торговый капитал представляется невозможным, поскольку обмениваются эквиваленты; поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двустороннего надувательства покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. В этом смысле Франклин говорит: «Война есть грабёж, торговля есть надувательство». Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных

звеньев, которые здесь, где единственной нашей предпосылкой является товарное обращение и его простые моменты, пока ещё совершенно отсутствуют.

То, что мы сказали о торговом капитале, ещё в большей степени применимо к ростовщическому капиталу. В торговом капитале оба крайние пункта, — деньги, бросаемые на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, — связаны, по крайней мере, через посредство купли и продажи, опосредствованы движением обращения. В ростовщическом капитале форма **Д — Т — Д'** сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: **Д — Д'**, деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена.

Как видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения.

Может ли прибавочная стоимость возникнуть откуда-либо ещё, кроме процесса обращения? Обращение есть сумма всех меновых отношений товаровладельцев. Вне обращения товаровладелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. Поскольку дело касается стоимости, это отношение ограничивается тем, что товар данного лица содержит известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определённым общественным законам. Это количество труда выражается в величине стоимости его товара, а так как величина стоимости выражается в счётных деньгах, то оно выражается в цене товара, например в 10 фунтах стерлингов. Товаровладелец может создавать своим трудом стоимости, но не возрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, например изготовляя из кожи сапоги. То же самое вещество имеет теперь больше стоимости, так как заключает в себе большее количество труда. Сапоги имеют поэтому большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаропроизводитель не может увеличить стоимость и тем самым превратить деньги или товар в капитал

вне сферы обращения, не вступая в соприкосновение с другими товаровладельцами.

> ***Капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и, в то же время, не в обращении.***
> ***Мы получили, таким образом, двойственный результат.***
> ***В этом и есть противоречие всеобщей формулы капитала.***

Что должно измениться? **Изменение должно произойти с товаром**, покупаемым в первом акте **Д—Т**, а не с его стоимостью, так как обмениваются эквиваленты, причём товары оплачиваются по их стоимости. Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, то есть только из его потребления. Однако извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, то есть на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это — способность к труду, или рабочая сила.

> ***Под рабочей силой, или способностью к труду, понимается совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.***

Чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, рабочая сила должна появиться на рынке в качестве товара. А произойти это может лишь тогда и лишь постольку (первое существенное условие), когда и поскольку она выносится на рынок или продаётся её собственным владельцем, то есть тем самым лицом, рабочей силой которого она является. А чтобы

владелец рабочей силы мог продавать её как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть **свободным** собственником своей способности к труду, своей личности. Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно оба — юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал её постоянно лишь на определённое время, потому что, если бы он продал её целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем и самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять её лишь временно, лишь на определённый срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на неё. Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишён возможности продавать товары, в которых овеществлён его труд, и, напротив, должен быть вынужден продавать как товар самою рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдёт на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий — свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы.

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли.

Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних

условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим, в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих.

Собственник рабочей силы смертен. Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, то есть детей рабочих, и таким путём увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев.

Требуется также определённое образование и воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения — совершенно ничтожные для обычной рабочей силы — входят в круг стоимостей, затрачиваемых на её производство.

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, то есть стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества.

Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при её купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил её цену, одним словом — **везде рабочий кредитует капиталиста**.

Мы познакомились с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу этого своеобразного товара, рабочей силы. Её потребительная стоимость, которую владелец денег, в свою очередь, получает при обмене, обнаружится лишь в процессе действительного использования, в процессе потребления рабочей силы. Все необходимые для этого процесса вещи, как сырой материал, оборудование и тому подобное, владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной ценой. **Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости**. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Оставим поэтому эту шумную сферу, где всё происходит на поверхности и на глазах у всех людей, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему деньги есть первая форма проявления капитала?
Что отличает деньги как деньги от денег как капитал?
Что общего между оборотом товаров и оборотом денег?
Что отличает оборот товаров и оборот денег?
Что такое прибавочная стоимость?
Что такое капитал?
Почему движение капитала не знает границ?
В чём противоречие всеобщей формулы капитала?
В чём особенность товара рабочая сила?
Какова стоимость товара рабочая сила?
Чем является процесс потребления товара рабочая сила?

Отдел 3.
ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Глава 5.
ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

труд, благо, моменты труда, экономические эпохи, средство труда, предмет труда, продукт труда, производственное и индивидуальное потребление, своеобразие потребления капиталистом товара рабочая сила, разрешение потреблением товара рабочая сила противоречия всеобщей формулы капитала, услуга, уникальность потребительной стоимости товара рабочая сила, суть капиталистического процесса производства

Потребление рабочей силы — это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет её, заставляя работать её продавца. Капиталист заставляет рабочего изготовлять какую-либо особую потребительную стоимость, какую-либо определённую вещь. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей, или благ, совершается для капиталиста и под его контролем, нисколько не изменяет общей природы этого производства. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала *независимо* от какой бы то ни было определённой общественной формы.

> ***Потребление рабочей силы** — это сам труд.*
> ***Благо** — это потребительная стоимость.*

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы.

> ***Труд** — это прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой.*

Мы не рассматриваем первых животнообразных, инстинктивных форм труда. Состояние общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, и то его уходящее в глубь первобытных времён состояние, когда человеческий труд ещё не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, разделено огромным интервалом. Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, то есть идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

> ***Моменты процесса труда**: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.*

Все предметы, которые труд вырывает из их непосредственной связи с землёй, суть данные природой **предметы труда**. Если же предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его **сырым материалом**, например уже добытая руда, находящаяся в процессе промывки. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь в том случае, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда.

Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими

свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти. Являясь первоначальной кладовой пищи человека, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда.

> ***Средство труда** есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет.*

Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда. **Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда**. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд.

Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, в **более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться**. Прямо они не входят в него, но без них, он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она даёт рабочему место, на котором он стоит, а его процессу — сферу действия. Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и так далее.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлён в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего

проявлялось в форме деятельности, теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства, в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа.

> ***Продукт труда** есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы.*

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд. Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного труда, служит средством производства для другого труда. Поэтому продукты представляют собой не только результат, но в то же время и условие процесса труда.

> *Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как **производительный труд**.*

За исключением добывающей промышленности, которая находит свой предмет труда в природе, — как горное дело, охота, рыболовство и так далее (земледелие лишь постольку, поскольку впервые обрабатывается девственная почва), — все отрасли промышленности имеют дело с таким предметом, который представляет собой сырой материал, то есть предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, и который сам уже является продуктом труда.

Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда.

Кроме того, один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда или даже в одном и том же процессе труда может служить и средством труда, и сырым материалом. Например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения. Или

продукт, существующий в готовой для потребления форме, может снова сделаться сырым материалом для другого продукта, как, например, виноград — сырым материалом для вина.

Итак, выступает ли известная потребительная стоимость в качестве сырого материала, средства труда или продукта, это **всецело зависит от её определённой функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нём, и с переменой этого места изменяются и её определения**.

Поэтому, вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они функционируют здесь уже только как материальные факторы живого труда. Для прядильщика веретено только средство, которым он прядёт, лён — только предмет, который он прядёт. Наоборот. Если средства производства и обнаруживают в процессе труда свой характер продуктов прошлого труда, то лишь благодаря своим недостаткам. Нож, который не режет, пряжа, которая постоянно рвётся, и так далее живо напоминают о ножовщике и прядильщике. В удавшемся продукте изглажен всякий след участия прошлого труда в создании его потребительных свойств.

Итак, если имеющиеся в наличии продукты являются не только результатом процесса труда, но и его условиями, то, с другой стороны, их вступление в процесс труда, то есть их контакт с живым трудом, служит единственным средством для того, чтобы сохранить и использовать эти продукты прошлого труда как потребительные стоимости.

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, то есть действующей рабочей силы этого индивидуума. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления — продукт, отличный от потребителя.

***Труд** есть процесс производственного потребления.*

Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам.

Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом, обнаруживает две своеобразных особенности:

1. Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд;

2. Продукт труда рабочего есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя (рабочего).

Процесс труда есть процесс между вещами, которые купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит капиталисту в той же мере, как продукт процесса брожения в его же винном погребе. Продукт — собственность капиталиста — есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и так далее.

Потребительные стоимости вообще производятся лишь потому и постольку, поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости. И наш **капиталист заботится о двоякого рода вещах**. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, то есть товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и **прибавочную стоимость**.

Обращаем внимание что, как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара есть единство процесса труда и процесса созидания стоимости.

> ***Товар** есть единство потребительной стоимости и стоимости.*
> ***Капиталистический процесс производства** есть единство процесса труда и процесса создания стоимости.*

Меж тем, **ежедневные издержки по сохранению рабочей силы и ежедневная затрата рабочей силы в процессе труда — это две совершенно различные величины**. Первая определяет её меновую стоимость (уплаченную рабочему), вторая составляет её потребительную стоимость (то, что приобретает капиталист). То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно стоимости, произведённой им менее, чем за день, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал весь день, так как согласно меновой стоимости у рабочего куплен весь день работы. Следовательно, **стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе её потребления капиталистом, суть две различные величины**. Капиталист, покупая рабочую силу, и имел в виду это различие стоимости. Решающее значение имеет специфическая потребительная стоимость товара «рабочая сила», его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от рабочего капиталист.

> ***Услуга** — деятельность, направленная непосредственно на человека. Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости — товара ли, труда ли.*

И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует её меновую стоимость и отчуждает её потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит её продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление её в течение дня, дневной труд.

То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем её собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

> ***Специфическая потребительная стоимость товара «рабочая сила» — его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам.***

Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал. Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, который капиталист продаёт ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И, тем не менее, он извлекает из обращения прибавочную стоимость благодаря потреблению товара «рабочая сила». Фокус удался!

Весь этот процесс, превращение денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения — потому что он обусловливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготовляет процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства.

Если мы сравним процесс образования стоимости с процессом труда, то увидим, что последний заключается в полезном труде, производящем потребительные стоимости. Движение рассматривается здесь с качественной стороны, со стороны его особого характера, цели и содержания. **В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны**. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для

его операции, или только в продолжительности периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила.

Итак, выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создаёт потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создаёт стоимость, теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства. Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть **капиталистический процесс производства**, капиталистическая форма товарного производства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое труд?
Что такое благо?
Какие есть моменты труда?
Чем отличаются экономические эпохи?
Что есть средство труда?
Что есть предмет труда?
Что есть продукт труда?
Чем отличаются производственное и индивидуальное потребление?
В чём своеобразие потребления капиталистом товара рабочая сила?
Как разрешает потребление товара рабочая сила противоречие всеобщей формулы капитала?
Что такое услуга?
В чём уникальность потребительной стоимости товара рабочая сила?
В чём суть капиталистического процесса производства?

Глава 6.
ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

двойственный характер труда, конкретный производительный труд, абстрактный производительный труд, средства производства не могут создавать стоимость, постоянный капитал, переменный капитал, смысл разделения капитала на постоянный и переменный

Различные факторы процесса труда принимают различное участие в образовании стоимости продукта. С одной стороны, рабочий присоединяет к предмету труда **новую стоимость**, присоединяя к нему определённое количество труда, каковы бы ни были конкретное содержание, цель и технический характер этого труда. С другой стороны, **стоимости потреблённых средств производства** мы вновь находим в виде составных частей стоимости продукта, например стоимость хлопка и веретён — в стоимости пряжи. Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, переносясь на продукт. Это перенесение совершается в процессе труда.

Однако рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: один раз, для того чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а другой раз, для того чтобы сохранить старую стоимость хлопка. Старую стоимость он сохраняет путём простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может быть объяснена лишь **двойственным характером самого его труда**. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость.

Каким образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому и стоимость? Всегда только в целесообразной форме своего конкретного, специфического для него производительного труда. Если бы **конкретный производительный труд** рабочего не был прядением, то он не превратил бы хлопок в пряжу,

следовательно, и стоимости хлопка и веретён не перенёс бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменит профессию и сделается столяром, то он по-прежнему своим рабочим днём будет присоединять стоимость к соответственному материалу. Следовательно, он присоединяет стоимость своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд, а поскольку он — **абстрактный, общественный труд вообще**, и определённую величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжается в течение определённого времени. Таким образом, в своём абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретён новую стоимость, а в своём конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

> ***Конкретный производительный труд** переносит на продукт стоимость средств производства, а **абстрактный производительный труд** создаёт новую стоимость.*

Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит со средств производства на продукт лишь в той мере, в какой средства производства вместе со своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость. Они передают продукту только ту стоимость, которую они утрачивают как средства производства. Однако в этом отношении с различными материальными факторами процесса труда дело обстоит различно.

Уголь, который сжигают в топке машины, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как

потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и тому подобное служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как во время своей жизни, то есть процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они её и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и так далее продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство труда со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят на свалку, то увидим, что его потребительная стоимость полностью потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость целиком перешла на продукт.

Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдаёт продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, то есть если бы само оно не было продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для образования потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Так обстоит дело со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека: с землёй, ветром и водой, железом в рудной жиле, деревом в девственном лесу и тому подобным.

Максимум потери стоимости, которую средства производства могут претерпеть в процессе труда, очевидно ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому **средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость большую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда**. Поэтому стоимость средств производства опять появляется в стоимости произведённого продукта, но, строго говоря, не воспроизводится. Производится новая

потребительная стоимость, в которой вновь появляется старая меновая стоимость.

Иначе обстоит дело с субъективным фактором процесса труда, с проявляющейся в действии рабочей силой. В то время как труд благодаря его целесообразной форме переносит стоимость средств производства на продукты и тем самым сохраняет её, каждый момент его движения создаёт добавочную стоимость, новую стоимость. Однако мы уже знаем, что процесс труда продолжается за те пределы, в которых воспроизводится и присоединяется к предмету труда просто эквивалент стоимости рабочей силы. Вместо 6 часов, которых для этого было бы достаточно, процесс продолжается, например, 12 часов. Следовательно, **действием рабочей силы не только воспроизводится её собственная стоимость, но и производится, кроме того, избыток стоимости**. Эта прибавочная стоимость образует избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потреблённых для образования продукта, то есть над стоимостью средств производства и рабочей силы.

Итак, одна часть капитала превращается в средства производства, то есть в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю её постоянной частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

> ***Та часть капитала, которая представлена средствами производства, то есть сырым материалом, вспомогательным материалом и средствами труда, и в процессе производства не изменяет величины своей стоимости есть постоянный капитал.***

Напротив, другая часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и, сверх того, избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю её переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом.

> *Часть капитала, которая превращена в рабочую силу, есть* ***переменный капитал****.*

Таким образом, составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с **точки зрения процесса увеличения стоимости** различаются как постоянный капитал и переменный капитал.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём состоит двойственный характер труда?
Что такое конкретный производительный труд?
Что такое абстрактный производительный труд?
Почему средства производства не могут создавать стоимость?
Что такое постоянный капитал?
Что такое переменный капитал?
С точки зрения чего Маркс так разделил капитал?

Глава 7.
НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

норма прибавочной стоимости, необходимое время, необходимый труд, прибавочное время, прибавочный труд, составляющие периоды рабочего дня рабочего

Порождённая авансированным капиталом (обозначим этот капитал **K**) в процессе производства прибавочная стоимость (обозначим эту прибавочную стоимость **m**), или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства.

Капитал **K**, как показано ранее, распадается на две части: денежную сумму, израсходованную на средства производства (**c**), и другую денежную сумму, израсходованную на рабочую силу (**v**); первая представляет часть стоимости, превращённую в постоянный капитал, вторая — часть стоимости, превращённую в переменный капитал. Следовательно, из первоначального **K = c + v**, в конце процесса производства получается товар, стоимость которого **K' = c + v + m = K + m**. Избыток стоимости продукта над стоимостью элементов его производства равен приросту стоимости авансированного капитала, или равен произведённой прибавочной стоимости.

> ***Соглашение по умолчанию: там, где из общей связи изложения не вытекает обратное, под постоянным капиталом, авансированным на производство стоимости, мы всегда подразумеваем только стоимость потреблённых в производстве средств производства.***

Если допустить, что **c = 0**, то есть если бы существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталисту не приходится применять никаких произведённых средств производства, ни сырого материала, ни вспомогательных материалов, ни орудий труда, а приходится применять только материалы, данные природой, и рабочую силу, тогда на продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости. И мы имели бы: **K = v**, **K' = v + m = K + m**.

Наоборот, если **m = 0**, другими словами — если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила бы только эквивалент, то **K = c + v** и **K' = c + + v + 0**, а потому **K = K'**. Авансированный капитал не возрос бы по своей стоимости.

В действительности же мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с **v**, с частью капитала, превращённой в рабочую силу, что, следовательно, **v + m = v + Δv** (**v** плюс прирост **v**). Однако действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания его изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал.

> *Относительная величина, то есть пропорция, в которой возрос переменный капитал, определяется, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью **m/v** и называется **нормой прибавочной стоимости** (**m'**).*

Рабочий день рабочего, таким образом, можно разделить на две составляющие:

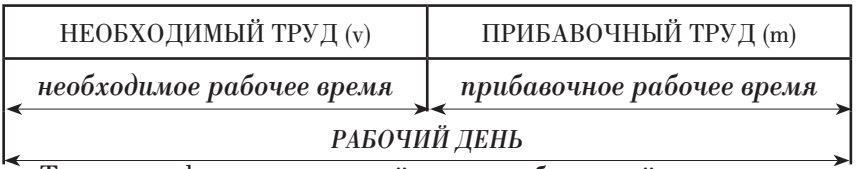
1. Когда он производит только стоимость своей рабочей силы, то есть стоимость необходимых ему жизненных средств, это производство стоимости является просто воспроизводством и

2. Когда он создаёт прибавочную стоимость, которая так нужна капиталисту.

> *Та часть рабочего дня, в продолжение которой совершается только воспроизводство, называется **необходимым рабочим временем**, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, — **необходимым трудом**. Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.*

И, соответственно,

> ***Та часть рабочего дня, в течение которой рабочий создаёт прибавочную стоимость, называется прибавочным рабочим временем, а затраченный в течение её труд — прибавочным трудом.***

Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество, основанное на рабстве, от общества наёмного труда.

Так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стоимость, в свою очередь, определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду:

$$\frac{\mathbf{m}}{\mathbf{v}} = \frac{\textbf{прибавочный труд}}{\textbf{необходимый труд}}$$

Норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом.

Распадение продукта — результата процесса производства — на количество продукта, представляющее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, представляющее только необходимый труд, присоединённый в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, представляющее только прибавочный труд, присоединённый в этом самом процессе, или прибавочную стоимость, — это распадение настолько же просто, насколько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и всё ещё не разрешённым проблемам буржуазной политэкономии.

Сумма необходимого труда и прибавочного труда, отрезков времени, в которые рабочий производит стоимость, возмещающую его рабочую силу, и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени — **рабочий день**.

> *Сумма необходимого труда и прибавочного труда, как отрезков времени, есть* ***рабочий день.***

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему формула **K' = K + m** *не изменится, если* **c = 0***?*
Что такое норма прибавочной стоимости?
Что такое необходимое время/труд?
Что такое прибавочное время/труд?
Почему **m/v** *= (прибавочный труд)/(необходимый труд)?*
Из чего состоит рабочий день рабочего?

Глава 8.
РАБОЧИЙ ДЕНЬ

корень неустранимого противоречия между классом капиталистов и рабочим классом, разрешение этого противоречия и почему, сложность выявления эксплуатации рабочего, капиталист решает задачу организации 24-часового рабочего дня, изолированный рабочий не в состоянии оказать сопротивления, международное товарищество рабочих поставило целью 8-часовой рабочий день

Рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определён, но сам по себе он — неопределённая величина. Правда, если мы предположим, что прибавочный труд = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования.

При капиталистическом способе производства необходимый труд **всегда** составляет лишь часть его рабочего дня, то есть рабочий день никогда не может сократиться до этого минимума. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлён за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, **физическим пределом рабочей силы**. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определённое количество жизненной силы. Во-вторых, удлинение рабочего дня наталкивается на **границы морального свойства**: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объём и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому **изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социальных границ**. Однако как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности.

Капиталист купил рабочую силу по её дневной стоимости. Ему принадлежит её потребительная стоимость в течение одного

рабочего дня. Он приобрёл, таким образом, право заставить рабочего работать на него в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день?

У капитала одно-единственное жизненное стремление — стремление возрастать, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда. **Капитал — это мёртвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живёт тем полнее, чем больше живого труда он поглощает**. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу. Если рабочий потребляет своё рабочее время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста.

Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а, следовательно, и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет своё право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет своё право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определённой нормальной величиной. Следовательно, здесь **получается антиномия**, право противопоставляется праву, причём оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена.

> ***Антино́мия** (от греч.* ἀντινομία *— противоречие в законе) неустранимое противоречие между двумя суждениями, каждое из которых само по себе представляется вполне обоснованным.*
> *Понятие антиномии было введено И. Кантом в «Критике чистого разума» и означало **неустранимое противоречие** равно доказуемых положений, к которым приходит разум в попытке постигнуть мир как единое целое.*

При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства

нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — **борьба между совокупным капиталистом, то есть классом капиталистов, и совокупным рабочим, то есть рабочим классом**.

Капитал не изобрёл прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, неважно будет ли этим собственником афинский аристократ, этрусский теократ, римский гражданин, норманнский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист.

Но как только народы, у которых производство совершается ещё в сравнительно низких формах рабского или барщинного труда, вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства и крепостничества присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того, как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости.

Рассмотрим, к примеру, барщинный труд. Необходимый труд, который выполняет, например, валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделён от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своём собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный

труд точно отделён от необходимого труда. Это различие в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не создаёт эквивалента для самого рабочего, будет ли этот труд называться барщинным или наёмным трудом. Если у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, то у боярина же проще и очевиднее: в непосредственной погоне за барщинными днями.

> *«Господин Бротон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингемском городском доме 14 января 1860, что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царят такие нищета и лишения, которых не знает остальной цивилизованный мир… В 2, 3, 4 часа утра 9–10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего конечности их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и всё существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивлены, что господин Маллетт и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений… Система, подобная той, которую описал его преподобие Монтегю Валпи, это — система неограниченного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях… Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и Каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческим мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались вуали и воротнички?» (Лондонская «Daily Telegraph», 17.01.1860).*

С точки зрения процесса увеличения стоимости средства производства, постоянный капитал, существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Простое существование их (простои) образует для капиталиста отрицательную потерю, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они представляют бесполезно авансированный капитал. Удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счёт ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днём и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется чередование между теми рабочими силами, которые потребляются днём, и теми, которые потребляются ночью, чередование, допускающее различные методы, например организованное таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю выполняет дневную работу, а на другой неделе — ночную и тому подобное. Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда, непрерывный, двадцатичетырёхчасовой процесс производства даёт в высшей степени удобную возможность переступать границы номинального рабочего дня.

Так что такое рабочий день? Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинён рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, **капитал отвечает**: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому всё время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для

образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье, — то всё это чистый вздор!

При своём безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Не нормальное сохранение рабочей силы определяет у капиталиста границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому, как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведёт не только к истощению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведёт к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путём сокращения продолжительности его жизни.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке. А что капиталисты? Чрезмерный труд опустошает ряды лондонских пекарей, тем не менее лондонский рынок труда всегда переполнен немецкими и другими кандидатами на смерть в пекарном промысле. Гончарное производство, тоже одна из отраслей

промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих. Но наблюдается ли из-за этого недостаток в гончарах?

Правда, в отдельные периоды лихорадочного подъёма рынок труда обнаруживал серьёзный недостаток предложения рабочей силы. Так было, например, в 1834 году. Но тут господа фабриканты предложили Комиссии по закону о бедных направлять «избыток населения» земледельческих округов на север, заявив, «что он будет поглощён и потреблён фабрикантами». Это их подлинные слова… Капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению.

Непосредственным поводом к изданию первого рабочего статута (23-й год царствования Эдуарда III, 1349) послужила великая чума, настолько уменьшившая население, что, по словам одного тори, «трудность найти рабочих по разумным ценам» (то есть по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) «поистине стала невыносима». Поэтому «разумная» заработная плата была продиктована в законодательно-принудительном порядке, а равным образом были продиктованы и пределы рабочего дня.

После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня, со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие рамки, которые ставятся обычаями и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутов, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья ещё в 1860 году должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить «в порядке судебного решения», что такое день и что такое ночь. Капитал справлял свои оргии.

Хотя акт 1844 года «похитил» у капиталистов «свободу» эксплуатировать детей моложе 11 лет более 6,5 часов в день, но он обеспечил им зато привилегию эксплуатировать детей 11–13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других

фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог: «Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при условии раннего поступления на фабрику». Из-за нежных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юге России бьют ради кожи и сала. Наконец, в 1850 году привилегия, предоставленная в 1844, была сохранена только за сучильными и мотальными цехами; но чтобы возместить убытки лишённого своей «свободы» капитала, рабочее время детей 11–13 лет было увеличено с 10 до 10,5 часов. Предлог: «Работа на шёлковых фабриках легче, чем на других, и менее вредна для здоровья». Официальное медицинское обследование впоследствии показало, что, наоборот, «средняя смертность в округах шёлкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства Ланкашира». Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразие продолжается до настоящего времени (1867).

Не забегая вперёд, на основании одной лишь общей связи исторических фактов мы приходим к следующим заключениям:

Во-первых. В отраслях промышленности, которые раньше других были революционизированы водой, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шёлковых прядильнях и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня.

Во-вторых. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и ещё продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что **изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления**. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом.

В начале сентября 1866 конгресс Международного Товарищества Рабочих в Женеве, согласно предложению лондонского Генерального Совета, постановил: «Предварительным условием, без

которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является ограничение рабочего дня... Мы предлагаем в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами».

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что является границей для установления продолжительности рабочего дня в 24 часа?
Почему Маркс сравнивает капитал с вампиром?
В чём корень неустранимого противоречия между классом капиталистов и рабочим классом?
Как разрешается такое противоречие и почему?
Почему эксплуатацию рабочего сложнее выявить, чем эксплуатацию крестьянина?
Как капиталист решает задачу организации 24-часового рабочего дня?
Почему изолированный рабочий не в состоянии оказать сопротивления?
Когда международное товарищество рабочих поставило целью 8-часовой рабочий день?

Глава 9.
НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

норма прибавочной стоимости, масса прибавочной стоимости, ошибка рассмотрения процесса производства с точки зрения процесса труда, необходимость рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости

В этой главе, как и раньше, мы предполагаем, что стоимость рабочей силы, следовательно та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства или сохранения рабочей силы, представляет собой величину данную, постоянную. При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости дана и та её масса, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за определённый период времени.

Переменный капитал (*V*) есть денежное выражение совокупной стоимости всех рабочих сил, которые одновременно употребляются капиталистом. Следовательно, стоимость авансированного переменного капитала равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы (***v***) величина переменного капитала прямо пропорциональна числу одновременно занятых рабочих (***n***).

$$V = vn.$$

Масса производимой прибавочной стоимости *(M)* равна прибавочной стоимости, доставляемой *рабочим днём отдельного рабочего (**m**)*, помноженной на число применяемых рабочих *(**n**)*.

$$M = mn.$$

И далее, так как масса прибавочной стоимости, производимой отдельным рабочим, при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, то из этого вытекает следующий **первый закон**:

> ***Масса производимой прибавочной стоимости** равна величине всего авансированного переменного капитала (**V**), помноженной на норму прибавочной стоимости (**m'**):*

$$M = mn = m\frac{V}{v} = \frac{m}{v}V = m'V$$

> ***или определяется сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы:***

$$M = mn = k\frac{a'}{v}n$$

где M — масса прибавочной стоимости; m — прибавочная стоимость, доставляемая отдельным рабочим в среднем за день; v — переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы; V — общая сумма переменного капитала; k — стоимость средней рабочей силы; a'/a — степень её эксплуатации (a'/a = прибавочный труд / необходимый труд).

Заметим, что мы постоянно предполагаем не только то, что стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная, но и то, что применяемые капиталистом рабочие сведены к среднему рабочему. Бывают исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастает не пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость рабочей силы не остаётся постоянной.

Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом, в известных границах, вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих. И наоборот, уменьшение нормы прибавочной стоимости оставляет массу производимой прибавочной стоимости без изменения, если пропорционально возрастает величина переменного капитала, или число занятых рабочих.

> ***Абсолютная граница среднего рабочего дня, который по природе всегда меньше 24 часов, образует абсолютную границу для компенсации уменьшения переменного капитала увеличением нормы прибавочной стоимости, или***

> *уменьшения числа эксплуатируемых рабочих повышением степени эксплуатации рабочей силы.*

Этот до осязательности ясный **второй закон** важен для объяснения многих явлений, возникающих из тенденции капитала, о которой мы будем говорить позже, — тенденции возможно больше сокращать число занимаемых им рабочих, или свою переменную составную часть, превращаемую в рабочую силу, что находится в противоречии с другой его тенденцией — производить возможно большую массу прибавочной стоимости. И наоборот, если масса применяемых рабочих сил, или величина переменного капитала, возрастает, но не пропорционально уменьшению нормы прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости понижается.

Третий закон вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя факторами — нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала.

> *Если дана норма прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы, и стоимость рабочей силы, или величина необходимого рабочего времени, то само собой понятно, что чем больше переменный капитал, тем больше масса производимой стоимости и прибавочной стоимости.*

Если дана граница рабочего дня, а также граница его необходимой составной части, то масса стоимости и прибавочной стоимости, производимой отдельным капиталистом, очевидно, зависит исключительно от той массы труда, которую он приводит в движение. А масса приводимого им в движение труда при данных предположениях зависит от массы рабочей силы, или числа рабочих, которых он эксплуатирует, число же это, в свою очередь, определяется величиной авансированного им переменного капитала. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости и данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов.

Возможна также и другая **формулировка третьего закона**:

> ***Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, то есть их составных частей, превращённых в живую рабочую силу.***

В процессе производства капитал развился в командование над трудом, то есть над действующей рабочей силой, или самим рабочим. Персонифицированный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий выполнял своё дело как следует и с надлежащей степенью интенсивности.

Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей. Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он его исторически застаёт. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства. Производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, то есть посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось поэтому независимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действенным, чем в современной хлопкопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, **если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости**. Средства производства тотчас же превращаются

в средства высасывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое норма прибавочной стоимости?
Что такое масса прибавочной стоимости?
Каков смысл первого закона?
Каков смысл второго закона?
Каков смысл третьего закона?
В чём ошибка рассмотрения процесса производства с точки зрения процесса труда?
Почему нужно рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости?

Отдел 4.
ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Глава 10.
ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

как повысить прибавочную стоимость, абсолютная прибавочная стоимость, относительная прибавочная стоимость, препятствие росту абсолютной прибавочной стоимости, заинтересованность капиталиста в росте производительной силы труда

Та часть рабочего дня, которая производит лишь эквивалент оплаченной капиталом стоимости рабочей силы, принималась нами до сих пор за величину постоянную, и она действительно является постоянной величиной при данных условиях производства на данной ступени экономического развития общества. Если необходимое рабочее время является, таким образом, постоянным, то весь рабочий день, напротив, представляет собой величину переменную. Возникает вопрос: каким образом может быть увеличено производство прибавочной стоимости, другими словами — **каким образом может быть удлинён прибавочный труд без всякого дальнейшего увеличения общей продолжительности рабочего дня или независимо от всякого дальнейшего его увеличения?**

Пусть, например, линия ***ac***, ***a***_____***b***__***c***, представляет собой двенадцатичасовой рабочий день; отрезок ***ab*** — десять часов необходимого труда; отрезок ***bc*** — два часа прибавочного труда. Несмотря на то, что границы рабочего дня даны, ***bc*** может быть, по-видимому, удлинено, если не путём расширения за предельный пункт ***c***, который является в то же время конечным пунктом рабочего дня, то путём перемещения начального пункта ***b*** в противоположном направлении, в сторону ***a***.

a_____***b***__***c***

⇐

a_____***b′***_____***c***

Но это расширение прибавочного труда с ***bc*** до ***b′c***, очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда

с ***ab*** до ***ab′***. Удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое рабочий до сих пор фактически употреблял на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое на капиталиста. Изменению подверглась бы при этом не длина рабочего дня, а та **пропорция**, в которой рабочий день распадается на необходимый и прибавочный труд.

Такого результата можно было бы достигнуть, например, путём понижения заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключён, так как по нашему предположению все товары, — а следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости.

Далее, при данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда происходит вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот — сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Другими словами — вследствие понижения стоимости товара рабочая сила. Однако такое понижение стоимости рабочей силы предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, которое раньше производилось в течение ***ab*** часов, теперь производится в течение ***ab′*** часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда. Должна, следовательно, произойти революция в способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости.

Итак, если при исследовании производства прибавочной стоимости в той её форме, в какой мы её до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путём превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной,

существующей форме и лишь увеличивает его продолжительность. **Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости**. Таким образом:

> *Прибавочная стоимость, производимая путём удлинения рабочего дня, называется* ***абсолютной прибавочной стоимостью****.*
> *Напротив, та прибавочная стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня, называется* ***относительной прибавочной стоимостью****.*

Итак, повышение производительной силы труда и соответствующее удешевление товаров в тех отраслях промышленности, которые доставляют вещественные элементы постоянного капитала, то есть средства труда и материал труда, для изготовления необходимых жизненных средств, также понижают стоимость рабочей силы. Напротив, повышение производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют ни необходимых жизненных средств, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без изменения.

Когда отдельный капиталист путём повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, например рубашки, то он, быть может, вовсе и не задаётся целью понизить стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время; однако, поскольку он, в конце концов, содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости. Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от форм их проявления.

Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли

производства. Он в своём отдельном случае делает то же самое, что, в общем и целом, совершает весь капитал при производстве относительной прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, эта добавочная прибавочная стоимость исчезает, как только новый способ производства приобретает всеобщее распространение и вместе с тем исчезает разница между индивидуальной стоимостью дешевле производимого товара и его общественной стоимостью.

Итак, общую норму прибавочной стоимости весь этот процесс затронет лишь тогда, когда повышение производительной силы труда распространится на всю отрасль производства и, следовательно, удешевит такие товары, которые входят в круг необходимых жизненных средств и потому образуют элементы стоимости рабочей силы. Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и посредством удешевления товаров удешевить самого рабочего.

Так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим разрешается загадочность того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, всё время старается понизить меновую стоимость своих товаров, — противоречие, которым один из основателей политической экономии, Кенэ, мучил своих противников и по поводу которого они так и не дали ему ответа.

Таким образом, при капиталистическом производстве экономия на труде, достигаемая благодаря развитию производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определённого количества товаров. Капиталист имеет целью сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий должен работать на самого себя, и именно таким путём удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста. В какой мере этот результат достижим без удешевления товаров, обнаружится при рассмотрении отдельных методов производства относительной прибавочной стоимости, к которому мы теперь и переходим.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как можно повысить прибавочную стоимость?
Что такое абсолютная прибавочная стоимость?
Что такое относительная прибавочная стоимость?
Что препятствует росту абсолютной прибавочной стоимости?
Почему капиталист заинтересован в росте производительной силы труда?

Глава 11.
КООПЕРАЦИЯ

кооперация, кооперация вызывает революцию в процессе труда, экономия в процессе труда, какие функции возникают у капитала при появлении кооперации, кооперирующие между собой рабочие как особый способ существования капитала, мнимая принадлежность капиталу общественной производительной силы, выгодность кооперации капиталистам

Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства. В том, что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своём зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена.

Итак, **сначала разница чисто количественная**. Как мы видели, масса прибавочной стоимости, производимая данным капиталом, равна той прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженной на число одновременно занятых рабочих. Впрочем, здесь в известных границах происходит некоторая модификация. **Труд, овеществлённый в стоимости, есть труд среднего общественного качества, то есть проявление средней рабочей силы**. Средняя же величина есть всегда средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида. Таким образом, предполагается определённый минимум работоспособности, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Тем не менее минимум этот отклоняется от среднего уровня, несмотря на то что рабочую силу приходится оплачивать по её средней стоимости. Поэтому из шести мелких хозяйчиков одни извлекут прибавочной стоимости больше, другие меньше, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. **Отклонения уравновесятся для всего общества, но не для отдельного**

хозяина. Следовательно, закон возрастания стоимости вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, когда последний производит как капиталист, применяет одновременно многих рабочих, то есть уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд.

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда. Здания, в которых работает много людей, склады для сырого материала, сосуды, инструменты, аппараты и так далее, служащие одновременно или попеременно многим, — одним словом, часть средств производства потребляется теперь в процессе труда сообща. С одной стороны, меновая стоимость товаров, а следовательно, и средств производства, ничуть не повышается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости. С другой стороны, масштаб сообща потребляемых средств производства возрастает. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть вместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит меньшего количества труда, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость сконцентрированных в массовом масштабе и применяемых совместно средств производства растёт не пропорционально их размерам и их полезному эффекту. Употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта частью потому, что вся та стоимость, которую они отдают, распределяется одновременно на большую массу продуктов, частью потому, что в сравнении со средствами производства, употребляемыми в отдельности, они входят в процесс производства хотя и абсолютно большей, но по отношению к сфере их действия относительно меньшей стоимостью. Тем самым понижается та составная часть стоимости, которая приходится на постоянный капитал, а следовательно, соответственно её величине, и совокупная стоимость товара. Результат получается такой, как если бы средства производства товаров стали производиться дешевле. Эта **экономия в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц**. И средства

производства приобретают этот характер условий общественного труда или общественных условий труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких хозяйчиков даже и в том случае, когда многие рабочие объединены лишь пространственно, а не общностью самого труда. Часть средств труда приобретает этот общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам процесс труда.

Экономию на средствах производства вообще следует рассматривать с двоякой точки зрения. Во-первых, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. Во-вторых, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, то есть к сумме стоимостей его постоянной и переменной составных частей.

> ***Форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией.***

Результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлён лишь в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь **дело идёт не только о повышении путём кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила**. Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное.

Ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, в результате чего происходит сокращение непроизводительных издержек производства, порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства. **Специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда.**

Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции.

Если рабочие не могут вообще непосредственно сотрудничать, когда они не находятся вместе, если поэтому их сосредоточение в определённом пункте есть условие их кооперации, то это означает, что наёмные рабочие могут кооперироваться лишь в том случае, если один и тот же капитал, один и тот же капиталист применяет их одновременно, то есть одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил, или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и так далее, должна уже быть объединена в кармане капиталиста, раньше, чем сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства.

Со стороны же капиталиста, для того чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу, хотя бы за один только день, требуется бóльшая затрата капитала, чем для того, чтобы оплачивать из недели в неделю труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом, число кооперируемых рабочих, или масштаб кооперации, зависит прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, то есть от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает жизненными средствами многих рабочих. И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Таким образом, концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наёмных рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации.

Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того чтобы формально создать капиталистическое отношение. Теперь этот минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, не зависимых друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Равным образом, первоначально командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста. С развитием кооперации многих наёмных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов.

Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижёре. **Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчинённый ему труд становится кооперативным**. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала, то есть возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растёт и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растёт давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление.

Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Таким образом, если по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двойственности самого

подчинённого ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны — процесс возрастания капитала, то по форме своей капиталистическое управление деспотично. С развитием кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает свои своеобразные формы.

Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности.

Кооперирующиеся же между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, сами представляют собой лишь особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определённые условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия.

Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, поскольку она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она **представляется производительной силой, принадлежащей капиталу** по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

Капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наёмного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Исторически капиталистическая форма кооперации развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству, всё равно, имеет ли это последнее цеховую форму или нет. По отношению к ним капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, нет, сама кооперация противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма.

Если, с одной стороны, капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, общественная форма процесса труда есть употребляемый капиталом способ выгоднее эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы.

Кооперация остаётся основной формой капиталистического способа производства, хотя в своём простом виде она сама представляет собой лишь особую форму наряду с другими, более развитыми её формами.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое кооперация?
Почему даже при неизменном способе труда кооперация вызывает революцию в процессе труда?
Благодаря чему (и почему) происходит экономия в процессе труда?
Что проявляется в кооперации?
Какие функции возникают у капитала при появлении кооперации?
Почему кооперирующие между собой рабочие есть лишь особый способ существования капитала?
Почему общественная производительная сила представляется силой, принадлежащей капиталу?
Что даёт кооперация капиталистам?

Глава 12.
РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

возникновение мануфактуры, цеховое объединение рабочих, частичный рабочий, совокупный рабочий, основные формы мануфактур, различие разделение труда в обществе и в мануфактуре, первая основа мануфактуры, ограниченность возможностей мануфактуры

Кооперация, основанная на разделении труда, приобретает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, то есть приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII.

Мануфактура возникает двояким способом. В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнородных самостоятельных ремёсел, через руки которых последовательно должен пройти продукт вплоть до того, пока он не будет окончательно готов. Так, например, карета была первоначально общим продуктом работ большого числа независимых ремесленников: тележника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и так далее. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они работают одновременно и во взаимодействии друг с другом. Конечно, карету нельзя позолотить раньше, чем она сделана. Однако если одновременно производится много карет, то часть их может непрерывно подвергаться золочению, в то время как другая часть проходит более ранние фазы процесса производства. Пока мы остаёмся ещё на почве простой кооперации, которая находит готовым свой человеческий и вещный материал. Но скоро наступает существенное изменение. Портной, слесарь, медник и так далее, раз он занимается только каретным делом, теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объёме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы

приобретает теперь наиболее целесообразные формы. Первоначально каретная мануфактура представляла собой комбинацию самостоятельных ремёсел. Постепенно производство карет разделяется на различные особые операции, каждая из которых откристаллизовывается в исключительную функцию одного рабочего и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих. Именно так, в результате комбинирования различных ремёсел под командой одного и того же капитала, возникли суконная мануфактура и целый ряд других мануфактур.

Во втором случае многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, например делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это — кооперация в её простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготовляет весь товар, то есть совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер. Однако внешние обстоятельства заставляют вскоре иначе использовать сосредоточение рабочих в одном помещении и одновременность их работ. Например, нужно доставить в определённый срок большое количество готового товара. Труд поэтому разделяется. Вместо того чтобы поручать одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, операции эти отделяются одна от другой, изолируются, располагаются в пространстве одна рядом с другой, причём каждая из них поручается отдельному ремесленнику, и все они одновременно выполняются кооперирующимися между собой работниками. Это случайное разделение повторяется, обнаруживает свойственные ему преимущества, и мало-помалу кристаллизуется в систематическое разделение труда. Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза ремесленников, каждый из которых выполняет непрерывно лишь одну и ту же частичную операцию.

Итак, способ возникновения, образования мануфактуры из ремесла является двояким. С одной стороны, она возникает из комбинации разнородных самостоятельных ремёсел, которые утрачивают свою самостоятельность и делаются односторонними

в такой степени, что представляют собой лишь друг друга дополняющие частичные операции в процессе производства одного и того же товара. С другой стороны, мануфактура возникает из кооперации однородных ремесленников, разлагает данное индивидуальное ремесло на различные обособленные операции, изолирует эти последние и делает самостоятельными в такой степени, что каждая из них становится исключительной функцией особого рабочего.

> ***С одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его дальше, с другой стороны — комбинирует ремёсла, бывшие ранее самостоятельными. Но, каков бы ни был её исходный пункт в том или другом частном случае, её конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди.***

Прежде всего расчленение процесса производства на его особые фазы совершенно совпадает в данном случае с разложением ремесленной деятельности на её различные частичные операции. Является ли каждая операция сложной или простой, её исполнение во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остаётся ремесло. Этот узкий технический базис исключает возможность действительно научного расчленения процесса производства, так как каждый частичный процесс, через который проходит продукт, должен быть выполнен как частичная ремесленная работа.

> ***Мануфактура — это производственный механизм, органами которого являются люди.***

Именно потому, что ремесленное искусство остаётся таким образом основой процесса производства, каждый рабочий приспособляется исключительно к отправлению одной частичной функции, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается в орган этой частичной функции. Это разделение труда уже само

по себе есть особый вид кооперации, и многие его преимущества вытекают из общей сущности кооперации вообще, а не из данной её особой формы.

> ***Частичный рабочий** — ремесленник, выполняющий непрерывно лишь одну и ту же одностороннюю частичную операцию.*

Мы должны прежде всего констатировать тот очевидный факт, что рабочий, выполняющий всю жизнь одну и ту же простую операцию, превращает всё своё тело в её автоматически односторонний орган и потому употребляет на неё меньше времени, чем ремесленник, который совершает попеременно целый ряд операций. Однако комбинированный совокупный рабочий, образующий живой механизм мануфактуры, состоит исключительно из таких односторонних частичных рабочих. Поэтому в сравнении с самостоятельным ремеслом здесь в течение более короткого времени производится больше продукта, то есть производительная сила труда повышается.

> ***Комбинированный совокупный рабочий**, образующий живой механизм мануфактуры — это совокупность исключительно всех односторонних частичных рабочих мануфактуры.*

Повышение производительности труда вызывается здесь или увеличенной затратой рабочей силы в течение данного промежутка времени, то есть растущей интенсивностью труда, или уменьшением непроизводительного потребления рабочей силы.

Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Как только различные операции процесса труда обособились друг от друга, и каждая частичная операция в руках частичного рабочего приняла максимально соответствующую и потому исключительную форму, — с этого момента возникает необходимость изменений в орудиях, служивших ранее для различных целей. Мануфактуру характеризуют дифференцирование рабочих инструментов, благодаря которому инструменты одного и того

же рода принимают прочные формы, особые для каждого особого их применения, и их специализация, благодаря которой каждый такой особый инструмент действует в полную свою меру лишь в руках специфического частичного работника.

Частичный рабочий и его инструмент образуют простые элементы мануфактуры. Обратимся теперь к мануфактуре в её целом. По своему внутреннему строю **мануфактуры разделяются на две основные формы**, которые, хотя иногда и переплетаются, представляют собой, однако, два существенно различных рода и при дальнейшем превращении мануфактуры в крупную машинную промышленность играют совершенно неодинаковую роль. Этот **двоякий характер мануфактуры определяется самой природой продукта**. Последний получается или путём чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов, или же своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций.

Прекрасный пример мануфактуры **первого рода** дают нам часы, которые уже Уильям Петти берёт для иллюстрации мануфактурного разделения труда. Из индивидуального продукта нюрнбергского ремесленника часы превратились в общественный продукт большого числа частичных рабочих. Комбинированное мануфактурное производство здесь выгодно лишь в исключительных случаях, так как конкуренция между рабочими, работающими на дому, особенно велика, а расщепление производства на массу гетерогенных процессов почти исключает совместное применение средств труда; между тем при рассеянном в пространстве производстве капиталист избавляется от издержек на фабричные здания и тому подобное. Надо заметить, однако, что положение и этих частичных рабочих, которые работают у себя на дому, но не на себя, а на капиталиста, совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков.

Второй род мануфактуры, её законченная форма, производит продукты, которые проходят связные фазы развития, последовательный ряд процессов; такова, например, мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72-х и даже 92-х специфических частичных рабочих.

Поскольку такая мануфактура комбинирует первоначально разрозненные ремесла, она уменьшает пространство, которым

разделяются отдельные фазы производства продукта. Сокращается время, необходимое на переход продукта от одной стадии в другую, равно как и труд, затрачиваемый на эти переходы. Тем самым достигается большая производительная сила по сравнению с ремеслом, причём её рост вытекает из общего кооперативного характера мануфактуры. С другой стороны, присущий мануфактуре принцип разделения труда приводит к изолированию различных фаз производства, которые обособляются друг от друга в виде соответственного количества самостоятельных частичных работ ремесленного характера. Установление и поддержание связи между изолированными функциями вызывает необходимость постоянных перемещений продукта из одних рук в другие, из одного процесса в другой. С точки зрения крупной промышленности это обстоятельство выступает как характерная, повышающая издержки и имманентная самому принципу мануфактуры ограниченность.

Если мы будем рассматривать мастерскую как один совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одной частью своих многочисленных рук, вооружённых инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут её, заостряют концы и так далее. Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате в данный промежуток времени получается больше готового товара. Хотя эта одновременность вытекает из общей кооперативной формы совокупного процесса, тем не менее **мануфактура не только находит в готовом виде условия кооперации, но отчасти создаёт их сама, разлагая ремесленную деятельность на составные элементы**. С другой стороны, она достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая рабочего к одной и той же детали.

Таким образом, мануфактурное разделение труда не только упрощает и разнообразит качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и **создаёт прочные математические пропорции для количественных размеров этих**

органов, то есть для относительного числа рабочих или относительной величины рабочих групп в каждой специальной функции. Вместе с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции общественного процесса труда.

Наконец, **мануфактура, подобно тому, как сама она отчасти возникает из комбинации различных ремёсел, может, в свою очередь, развиться в комбинацию различных мануфактур**. Так, например, в Англии крупные стекольные предприятия сами изготовляют для себя огнеупорные плавильные тигли, так как от качества последних существенно зависит, насколько удачным или неудачным будет продукт. Мануфактура средства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур.

Мануфактурный период, быстро провозгласивший уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом, спорадически развивает также употребление машин, особенно при некоторых простых подготовительных процессах, требующих большого количества людей и большой затраты силы. Машина в её элементарной форме завещана была ещё Римской империей в виде водяной мельницы. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические часы. Но и после этого машина, в общем и целом, всё же продолжает играть ту второстепенную роль, которую отводит ей Адам Смит рядом с разделением труда. Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики. **Специфическим для мануфактурного периода механизмом остаётся сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих**.

Если природные особенности рабочих образуют ту почву, на которой произрастает разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, коль скоро она введена, развивает рабочие силы,

по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Совокупный рабочий обладает теперь всеми производственными качествами в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления его специфической функции. **Односторонность и даже неполноценность частичного рабочего становится его достоинством**, коль скоро он выступает как орган совокупного рабочего.

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, более низкого или более высокого порядка, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в весьма различной степени образования и обладают поэтому весьма различной стоимостью. Таким образом, **мануфактура развивает иерархию рабочих сил**, которой соответствует шкала заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операции в такой же мере приспособляются к этой иерархии естественных и приобретённых способностей.

Мануфактура создаёт в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счёт способности к труду вообще, она **превращает в особую специальность отсутствие всякого развития**. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создаёт новые связные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Относительное **обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, непосредственно означает более значительное**

возрастание капитала, потому что всё, что сокращает время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

Коснёмся теперь вкратце отношения между мануфактурным разделением труда и общественным разделением труда, которое составляет общее основание всякого товарного производства.

Разделение труда внутри общества и соответственное ограничение индивидуума сферой определённой профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода — **естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, то есть на чисто физиологической почве**, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим. С другой стороны, как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и так далее вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создаёт различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь **общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства**. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связного целого разъединяются, разлагаются, — причём главный толчок этому разложению даёт

обмен товарами с чужими общинами, — и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве товаров.

Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь долее останавливаться.

Если для разделения труда внутри мануфактуры материальной предпосылкой является определённая численность одновременно занятых рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность, которые здесь играют ту же роль, какую играет скопление людей в одной и той же мастерской. Но эта плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населённая, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населённая страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты Американского союза населены плотнее, чем, например, Индия.

Так как товарное производство и товарное обращение являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Напротив, путём обратного воздействия мануфактурное разделение труда развивает и расширяет общественное разделение труда. Например:

— Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами.

— Для того, чтобы полнее провести разделение труда внутри мануфактуры, одна и та же отрасль производства делится, — в зависимости от различия её сырья и различных форм, которые может принимать одно и то же сырьё, — на различные и притом иногда совершенно новые мануфактуры.

— Территориальное разделение труда, закрепляющее определённые отрасли производства за определёнными районами

страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплуатирующему всякого рода особенности.

— В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой, которые входят в круг общих условий существования мануфактурного периода.

Однако, несмотря на многочисленные аналогии и связь между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри мастерской, **оба эти типа различны между собой не только по степени, но и по существу**. Так, например, скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь полуфабрикат, а окончательный, готовый предмет есть комбинированный продукт этих отдельных работ. Сюда присоединяются ещё различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Можно вообразить, подобно А. Смиту, будто это общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, только для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы. Но что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? Бытие их продуктов в качестве товаров. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товара. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар.

> ***Мануфактурное разделение труда** предполагает безусловную власть капиталиста над людьми, которые образуют простые звенья принадлежащего ему совокупного механизма.*
> ***Общественное разделение труда** противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов.*

Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной

формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду со старыми основывались новые цехи, однако без объединения различных ремёсел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремёсел цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом, рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой основы мануфактуры: обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему.

> ***Первая основа мануфактуры** — это обособление средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему.*

Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры. В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост применяемых рабочих технической необходимостью.

Но вместе с переменной составной частью капитала должна возрастать и постоянная его часть, причём наряду с увеличением общих условий производства — зданий, печей и так далее, должно увеличиваться, — и гораздо быстрее увеличения числа рабочих, — количество сырого материала.

Таким образом, рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или **растущее превращение общественных жизненных средств и средств производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры**.

Общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит

капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создаёт, кроме того, иерархическое расчленение самих рабочих.

Если первоначально рабочий продаёт свою рабочую силу капиталу потому, что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Ставший неспособным делать что-либо самостоятельное, мануфактурный рабочий развивает производительную деятельность уже только как принадлежность мастерской капиталиста.

То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет единство и волю общественного трудового организма. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет её служить капиталу.

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами.

Мануфактурное разделение труда путём расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм, создаёт качественное расчленение и количественную пропорциональность общественных процессов производства, то есть создаёт определённую организацию

общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает её путём уродования индивидуального рабочего. Оно производит новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утончённой эксплуатации.

Так как ремесленное искусство остаётся основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишён независимого от самих рабочих объективного скелета, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих. Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих.

Вместе с тем мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всём его объёме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы. Её собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время. Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства. Этим, с одной стороны, устраняется техническая основа пожизненного прикрепления рабочего к данной частичной функции. С другой стороны, падают те преграды, которые этот принцип ещё ставил господству капитала.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как возникает мануфактура?
Что такое цеховое объединение рабочих?
Что такое мануфактура?
Что такое частичный рабочий?
Что такое совокупный рабочий?
Какие есть основные формы мануфактур и почему?
Что порождает мануфактура?
Что различает разделение труда в обществе от разделения труда в мануфактуре?
Что есть первая основа мануфактуры?
Чего не может преодолеть мануфактура?
Что подготавливает мануфактура?

Глава 13.
МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

точка переворота в мануфактуре, точка переворота в крупной промышленности, машина, машинное производство, воздействие машинного производства на рабочего, материальный износ, моральный износ, различие прогресса в производительности как общественного прогресса и как капиталистической формой эксплуатации, борьба рабочего класса, становление и развитие капиталистического способа производства, складывание международного разделения труда, современная Марксу форма мануфактуры, путь развития капиталистического производства

Джон Стюарт Милль говорит в своих «Основаниях политической экономии»: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа». Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, машины должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдаёт капиталисту. Машины — средство производства прибавочной стоимости.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности — средство труда. Поэтому прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента. Конечно, речь идёт лишь о крупных, общих, характерных чертах, потому что эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами.

Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты — говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простейшие механизмы, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и тому подобное, называют машинами. Действительно, каждая машина состоит

из таких простейших механизмов, каковы бы ни были их формы и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что в нём отсутствует исторический элемент. С другой стороны, различие между орудием и машиной усматривают в том, что при орудии движущей силой служит человек, а движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, например животное, вода, ветер и так далее. Но тогда запряжённый быками плуг, относящийся к самым различным эпохам производства, был бы машиной, а кругловязальный станок Клауссена, который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96 000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того: один и тот же ткацкий станок был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и — машиной, если приводится в движение паром. Так как применение силы животных представляет собой одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству.

> ***Всякое развитое машинное устройство** состоит из трёх существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины.*

Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма. Она или сама порождает свою двигательную силу, как паровая машина, калорическая машина, электромагнитная машина и так далее, или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряка от ветра и тому подобное.

Передаточный механизм, состоящий из маховых колёс, подвижных валов, шестерён, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, например превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на рабочие машины.

Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы сообщить движение **машине-орудию**, благодаря чему она

захватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части — от машины-орудия. Она же и теперь образует всякий раз исходный пункт при превращении ремесленного или мануфактурного производства в машинное производство.

> ***Рабочая машина** — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий подобными же орудиями.*

Исходит ли при этом движущая сила от человека или же, в свою очередь, от машины — это ничего не изменяет в существе дела. После того как собственно орудие перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия. Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы первичным двигателем всё ещё оставался сам человек. Количество орудий, которыми одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала освобождается от тех органических ограничений, которым подвержено ручное орудие рабочего.

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует множеством одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней. Здесь мы уже имеем перед собой машину, но пока ещё только как простой элемент машинного производства.

Поскольку предположено, что человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заступила машина-орудие, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Причём в период детства крупной промышленности вода, ветер и лошадь ещё применялись довольно часто, о чём свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выражать величину механической силы в лошадиных силах. Таким образом уже мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы будущей крупной промышленности.

Только после того, как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата, рабочей машины, только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые свойственны человеческой силе. С этого времени отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Одна машина-двигатель может теперь приводить в движение много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растёт и машина-двигатель, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в широко разветвлённый аппарат.

Теперь **необходимо провести различие между двоякого рода вещами: кооперацией многих однородных машин и системой машин**.

В первом случае вся работа производится одной и той же рабочей машиной. Машина выполняет все те различные операции, которые ремесленник выполнял своим орудием, например ткач при помощи своего ткацкого станка, или которые ремесленники последовательно выполняли при помощи различных орудий, причём безразлично, были ли они самостоятельными ремесленниками или членами одной и той же мануфактуры. Весь процесс, который в мануфактуре разделён и выполняется в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинации различных орудий. Является ли подобная рабочая машина только механическим воспроизведением сложного ремесленного орудия или комбинацией разнородных простых орудий, специализированных мануфактурой, на фабрике, то есть в мастерской, основанной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин (рабочего мы оставим здесь в стороне). Так, например, ткацкая фабрика образуется из многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — из многих швейных машин, находящихся в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку многие однородные

рабочие машины одновременно и равномерно получают импульс от биения сердца общего первичного двигателя, причём движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него идут лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Во втором случае, система машин заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет собой уже комбинацию частичных рабочих машин; из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе комбинированного рабочего механизма. Комбинированная рабочая машина, представляющая теперь расчленённую систему разнородных отдельных рабочих машин и групп их, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, то есть чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно чем в большей мере перемещается он от одной фазы производства к другой не рукой человека, а самим механизмом. Поэтому, **если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует принцип непрерывности отдельных процессов**. Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз её приводит в движение один первичный двигатель, сам порождающий собственное движение.

Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего

овладевала. Следовательно, **машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе**. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем развивало дальше, сохраняя её старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдельная машина остаётся карликовой, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животных, ветра и даже воды — не пришла паровая машина, так и всё развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока сама машина — характерное средство производства крупной промышленности — была обязана своим существованием личной силе, личному искусству, то есть зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий внутри мануфактуры или ремесленник вне её оперирует своим карликовым инструментом.

Однако на **известной ступени развития крупная промышленность приходит и в техническое противоречие со своим ремесленным и мануфактурным базисом**. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный (паровой) ткацкий станок и современная чесальная машина. Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обусловливает переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собой как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Но именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, то есть в средствах связи и транспорта и так далее.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для неё средством производства, самой машиной, и производить машины с помощью машин. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги.

В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обусловливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приёмов — сознательным применением естествознания.

В мануфактуре расчленение общественного процесса труда является чисто субъективным, комбинацией частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочий застаёт как уже готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществлённым рабочим всё ещё представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, функционируют только в руках непосредственно обобществлённого или совместного труда. Следовательно, **кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда**.

Следует отметить, что машины всегда целиком принимают участие в процессе труда и всегда только частью в процессе образования стоимости. Существует большая разница между машиной как элементом образования стоимости и машиной как элементом образования продукта.

Если дана та пропорция, в которой стоимость машин переносится на продукт, то величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самих машин. Чем меньше труда они сами содержат, тем меньше стоимости они присоединяют к продукту. Чем меньше стоимости они передают продукту, тем они производительнее и тем более приближаются они по своей службе к силам природы. Производство же машин с помощью машин уменьшает их стоимость по сравнению с их размерами и их действием.

Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого сто́ит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так

как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для капитала **применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы**. Рассмотрим ближайшие действия машинного производства на рабочего.

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому (1) **женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин**! Стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы. Быть может, купля семьи, раздробленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается пропорционально превышению прибавочного труда четырёх над прибавочным трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, **машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей ареной капиталистической эксплуатации, с самого начала увеличивают и степень эксплуатации**.

Моральное калечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими авторами, поэтому я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом.

Если машина является наиболее могущественным средством увеличения производительности труда, то есть сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров, то как носительница капитала она становится, прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности, (2) **наиболее могущественным средством удлинения рабочего дня дальше всех естественных пределов**. Она создаёт, с одной

стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны — создаёт новые мотивы, обостряющие его жажду чужого труда.

Производительность машин, как мы видели, обратно пропорциональна величине той составной части стоимости, которая переносится ими на продукт. Чем продолжительнее период, в течение которого функционирует машина, тем больше масса продукта, на которую распределяется присоединяемая машиной стоимость, и тем меньше та часть стоимости, которую она присоединяет к единице товара. А активный период жизнедеятельности машины определяется, очевидно, длиной рабочего дня или продолжительностью ежедневного процесса труда, помноженной на число дней, в течение которых этот процесс повторяется.

> ***Материальный износ машины бывает двоякого рода.*** *Один возникает из её употребления, — как монеты изнашиваются от обращения, — другой из неупотребления, — как меч от бездействия ржавеет в ножнах.*

Но кроме материального износа машина подвергается, так сказать, и моральному износу. Она утрачивает меновую стоимость, по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию. В обоих случаях, как бы ещё нова и жизнеспособна ни была машина, её стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для воспроизводства её самой или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость.

> ***Моральный износ*** *— утрата машиной меновой стоимости по мере того, как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины (более производительные) вступают с ней в конкуренцию.*

Чем короче период, в течение которого воспроизводится вся её стоимость, тем меньше опасность морального износа, а чем длиннее рабочий день, тем короче этот период. С удлинением

рабочего дня масштаб производства увеличивается, между тем как часть капитала, затраченная на машины и здания, остаётся без изменения. Благодаря этому не только возрастает прибавочная стоимость, но и уменьшаются затраты, необходимые для её получения!

Капиталистическое применение машин создаёт, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и характер общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — **избыточное рабочее население**, вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то примечательное явление в истории современной промышленности, что машина опрокидывает все моральные и естественные пределы рабочего дня. **Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы всё время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости**.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта среди собственно машинных рабочих (3) **естественно увеличивается скорость, а потому и интенсивность труда**. Рабочий благодаря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Машина в руках капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машин и увеличением количества машин, которое находится под контролем одного и того же рабочего, то есть увеличением арены труда последнего.

Обратимся теперь к фабрике в её целом. Вместо характерной для мануфактуры иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравнению,

или нивелированию, тех работ, которые должны выполняться помощниками машины, вместо искусственно порождённых различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола. Расчленённая группа мануфактуры замещается здесь сочетанием главного рабочего с немногими помощниками.

Хотя машина технически опрокидывает старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает своё существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в ещё более отвратительной форме как средство эксплуатации рабочей силы. **Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине**. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины. Таким образом не только значительно уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно от капиталиста.

> ***Необходимо проводить различие** между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого процесса.*

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за движением орудия труда. В мануфактуре рабочие являются членами одного живого механизма. На фабрике мёртвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки.

Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательной проницательности фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, ещё прибыльнее для них, чем соблюдение их.

Борьба между капиталистом и наёмным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она бушует в течение всего мануфактурного периода. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстаёт против этой определённой формы средств производства как материальной основы капиталистического способа производства.

В конце первой трети XVII века ветряная лесопильня, построенная одним голландцем близ Лондона, была уничтожена в результате бунта черни. В 1758, когда Эверет построил первую стригальную машину, приводившуюся в движение водой, её сожгли 100 000 человек, оставшихся без работы.

Разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая её в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием. Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и её меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя подобно тому, как никто не берёт изъятые из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, то есть такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже её стоимости.

Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями.

Таким образом, тот характер самостоятельности и отчуждённости, который капиталистический способ производства вообще придаёт условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с **появлением машин развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, условиями труда и продуктами труда — с другой**. Поэтому

вместе с машинами впервые появляется стихийное возмущение рабочего против средства труда.

Кроме того, машина действует не только как могущественный конкурент, постоянно готовый сделать наёмного рабочего «избыточным». Она громогласно и преднамеренно прокламируется и **используется капиталом как враждебная рабочему сила**. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и так далее, направленных против самодержавия капитала.

Факты говорят следующее: вытесняемые машиной рабочие выбрасываются из мастерской на рынок труда и увеличивают там число рабочих сил, пригодных для капиталистической эксплуатации. В седьмом разделе мы увидим, что это действие машин, которое изображают нам здесь как компенсацию для рабочего класса, в действительности является самым ужасным бичом для него. Здесь отметим только следующее: конечно, рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать занятия в какой-либо другой. Если они находят таковое и если таким образом вновь восстанавливается связь между ними и жизненными средствами, которые были освобождены вместе с ними, то это происходит при посредстве нового, дополнительного капитала, ищущего применения, а отнюдь не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращён в машины. Но если даже и так, то как ничтожны всё же их перспективы! Искалеченные разделением труда, эти бедняги столь мало стоят вне своей старой сферы деятельности, что они имеют доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные и плохо оплачиваемые отрасли труда. Далее, каждая отрасль промышленности ежегодно притягивает новый поток людей, который доставляет ей необходимый контингент для регулярного замещения и роста. Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определённой отрасли промышленности, контингент заместителей тоже перераспределяется заново и поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные жертвы по большей части опускаются и гибнут в переходное время.

Машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как её капиталистическое применение удлиняет рабочий день.

Машина сама по себе облегчает труд, капиталистическое же её применение повышает его интенсивность.

Машина сама по себе знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же её применение порабощает человека силами природы.

Машина сама по себе увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и так далее.

А тем временем буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машины самой по себе как нельзя убедительнее доказывает, что все эти очевидные противоречия суть просто внешняя видимость банальной действительности, сами же по себе, а потому и в теории они вовсе не существуют. Таким образом он избавляет себя от всякого дальнейшего ломания головы и, кроме того, приписывает своему противнику такую глупость, будто он борется не против капиталистического применения машины, а против самой машины.

Ближайший результат введения машин заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем массу продуктов, в которой она воплощается; следовательно, — в том, что вместе с той субстанцией, которую потребляет класс капиталистов и его окружение, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастание богатства последних и **постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых жизненных средств**, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Всё большая часть общественного продукта превращается в прибавочный продукт, и всё большая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется всё в более и более утончённых и разнообразных формах (растёт производство предметов роскоши).

Увеличение средств производства и жизненных средств при относительном уменьшении числа рабочих даёт толчок расширению труда в таких отраслях производства, продукты которых, как, например, каналы, доки, туннели, мосты и так далее, приносят плоды лишь в сравнительно отдалённом будущем.

Наконец, чрезвычайно возросшая производительная сила в отраслях крупной промышленности, сопровождаемая интенсивным и экстенсивным ростом эксплуатации рабочей силы во всех

остальных отраслях производства, даёт возможность непроизводительно употреблять всё увеличивающуюся часть рабочего класса и таким образом воспроизводить всё большими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как, например, слуг, горничных, лакеев и так далее.

Когда фабрика достигает известного распространения и определённой степени зрелости, в особенности когда её собственная техническая основа, машины, начинает, в свою очередь, производиться с помощью машин, когда совершается революция как в добывании угля и железа, так и в обработке металлов и транспортном деле, короче говоря, **когда складываются общие условия производства, соответствующие крупной промышленности**, тогда машинное производство приобретает ту эластичность, ту способность к быстрому, скачкообразному расширению, пределы которой ставятся лишь сырым материалом и рынком сбыта. Но машины, с одной стороны, прямо ведут к увеличению количества сырого материала, как, например, волокноотделитель увеличил производство хлопка. С другой стороны, дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и связи служат **орудием для завоевания иностранных рынков**. Разрушая там ремесленное производство, машинное производство принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырого материала.

Происходящее в странах крупной промышленности постоянное превращение рабочих в «избыточных» порождает усиленную эмиграцию и ведёт к колонизации чужих стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, например, превратилась в место производства шерсти. Создаётся новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства **международное разделение труда**, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства. Эта революция стоит в тесной связи с переворотами в земледелии, которые здесь пока не приходится исследовать обстоятельнее.

Колоссальная скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо

порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Жизнь промышленности превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Таким образом, рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются то сюда, то туда, и это сопровождается постоянными изменениями пола, возраста и искусства вербуемых рабочих.

Принцип машинного производства — разлагать процесс производства на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения естественных наук, — повсюду становится определяющим. Поэтому машины проникают в мануфактуры, где они находят применение то для одного, то для другого частичного процесса. Тем самым прочный, откристаллизовавшийся строй мануфактуры, возникший из старого разделения труда, разлагается и открывает дорогу непрекращающимся переменам. Помимо того, в составе совокупного рабочего или комбинированного рабочего персонала совершается коренной переворот. В противоположность мануфактурному периоду, план разделения труда основывается теперь на применении женского труда, труда детей всех возрастов, необученных рабочих, где это только возможно, — короче говоря, на применении дешёвого труда. Это относится не только ко всякого рода комбинированному в крупном масштабе производству, применяет ли оно машины или нет, но и к так называемой домашней промышленности, независимо от того, занимаются ли ею рабочие в своих частных квартирах или же в мелких мастерских. Эта так называемая **современная домашняя промышленность** кроме названия не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она превратилась во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения. Кроме фабричных рабочих, мануфактурных рабочих и ремесленников, которых капитал пространственно концентрирует большими массами и которыми он командует непосредственно, он с помощью невидимых нитей приводит в движение целую армию домашних рабочих, рассеянных в больших городах и в деревне. Удешевление

рабочей силы путём простого злоупотребления рабочей силой женщин и малолетних, путём простого лишения труда всех тех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, путём жестокости чрезмерного и ночного труда в конце концов наталкивается на известные естественные границы, которые невозможно преступить, а вместе с тем на эти границы наталкиваются покоящееся на таких основаниях удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Когда этот пункт, наконец, достигается, — а до этого проходит долгое время, — наступает пора введения машин и быстрого с этого момента **превращения раздробленной работы на дому (а также мануфактуры) в фабричное производство**.

Эта стихийно совершающаяся промышленная революция искусственно ускоряется распространением фабричных законов на все отрасли промышленности, в которых работают женщины, подростки и дети. Принудительное регулирование продолжительности рабочего дня, перерывов, момента начала и окончания рабочего дня, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и так далее, побуждают к усиленному применению машин и к замене мускулов, как двигательной силы, паром (а потом и электричеством). С другой стороны, стремление выиграть на помещении то, что теряется на времени, ведёт к количественному расширению сообща используемых средств производства, — печей, зданий и так далее, — одним словом, усиливается концентрация средств производства и в соответствии с этим сосредоточение рабочих.

Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью

человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства.

Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что **капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих находятся в прямом противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда**. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь её разложения и образования новой.

Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накопляет тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперёд, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землёй, то есть возвращению почве её составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, то есть нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих. Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство в то же время вынуждает восстанавливать его систематически в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей

полному развитию человека. В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда — средством порабощения, эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности. **Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает силу их сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу.** В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении её плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, например, Соединённые Штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения. **Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путём, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что служит точкой переворота в мануфактуре и почему?
Что служит точкой переворота в крупной промышленности и почему?
Что такое машина?
Опишите варианты машинной кооперации.
Как возникло и развивалось машинное производство?
Как машинное производство воздействует на рабочего?
Что такое материальный износ?
Что такое моральный износ?
Почему нужно различать прогресс в производительности как общественный процесс развития и капиталистической формой эксплуатации?
Как и почему возникла борьба рабочего класса?
Что происходит по мере становления и развития капиталистического способа производства?
Как складывается международное разделение труда?
Как выглядит современная форма мануфактуры и что с ней далее происходит?
Как новое прокладывает себе дорогу?
Каким путём развивается капиталистическое производство?

Отдел 5.
ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Глава 14.
АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

определение производительного труда для совокупного рабочего, производство абсолютной прибавочной стоимости, производство относительной прибавочной стоимости, естественный базис прибавочной стоимости

В пятой главе процесс труда рассматривался абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой. Мы говорили там: «**Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд**». Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства. Это и подлежит здесь дальнейшему исследованию.

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, то есть комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда.

Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его

носителя, производительного рабочего. **Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций**. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет своё значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности.

> *Определение **производительного труда**, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет своё значение в применении к **совокупному** рабочему, рассматриваемому как **одно целое**, но оно не **подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности**.*

Однако, с другой стороны, понятие производительного труда суживается. Капиталистическое производство есть не только производство товара, по самому своему существу оно есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала.

Поэтому понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и её полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие.

> *Удлинение рабочего дня за те границы, в которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочно-*

> *го труда капиталом — вот в чём состоит* ***производство абсолютной прибавочной стоимости****.*

Производство абсолютной прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделён на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки.

> *При* ***производстве относительной прибавочной стоимости*** *рабочий день уже с самого начала разделён на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время.*

Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, который с его методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на основе формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному.

Наряду с самостоятельными производителями, которые занимаются ремеслом или земледелием на основе традиционных прадедовских способов, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, который, как паразит, высасывает их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, она может составить переходную ступень к нему, что было в конце средних веков.

С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня. Но если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, то это кажущееся тождество исчезнет. Раз капиталистический способ производства возник и стал всеобщим способом производства, разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью даёт себя знать, когда дело идёт о повышении нормы прибавочной стоимости вообще. Предполагая, что рабочая сила оплачивается по её стоимости, мы становимся перед такой альтернативой: если дана производительная сила труда и нормальная степень его интенсивности, то норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путём абсолютного удлинения рабочего дня; с другой стороны, при данных границах рабочего дня норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путём изменения относительной величины составных частей рабочего дня, то есть необходимого и прибавочного труда, что, в свою очередь, предполагает изменение производительности или интенсивности труда, поскольку заработная плата не должна падать ниже стоимости рабочей силы.

Если рабочий всё имеющееся в его распоряжении время вынужден тратить на производство необходимых ему жизненных средств, у него не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Пока производительность труда не достигла определённого уровня, нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, **невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников**.

Таким образом, можно говорить о **естественном базисе прибавочной стоимости**, но лишь в том совершенно общем смысле, что в природе нет какого-либо абсолютного препятствия,

мешающего одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования. Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, следовательно, сам их труд уже до известной степени стал общественным, — лишь тогда возникают отношения, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого. На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних.

Впрочем, капиталистические отношения возникают на экономической почве, представляющей собой продукт длительного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков.

Внешние **природные условия** экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство **средствами жизни**, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и тому подобное, и естественное богатство **средствами труда**, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и так далее. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства.

Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем меньше его необходимое рабочее время; то же самое относится и к рабочему населению в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых жизненных средств, тем больше остальная его часть, которую можно использовать на какое-либо другое дело.

Слишком расточительная природа ведёт человека, как ребёнка, на помочах. Она не делает его собственное развитие естественной

необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а её дифференцированность, разнообразие её естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; **благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда**. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать её при помощи сооружений крупного масштаба, возведённых рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как определяется производительный труд для совокупного рабочего?
Как производится абсолютная прибавочная стоимость?
Как производится относительная прибавочная стоимость?
Что такое естественный базис прибавочной стоимости?

Глава 15.
ИЗМЕНЕНИЕ В ВЕЛИЧИНЕ ЦЕНЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

определение стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости, фонд амортизации и фонд накопления при коммунизме, свободное время при капитализме, свободное время при коммунизме

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего. Масса этих жизненных средств, несмотря на возможные изменения их формы, для данной эпохи и данного общества дана и потому должна рассматриваться как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Ещё два фактора входят в определение стоимости рабочей силы. С одной стороны, издержки на её развитие, меняющиеся с изменением способа производства, с другой стороны — естественные различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних. Однако оба эти фактора не принимаются в расчёт в дальнейшем исследовании.

Мы предполагаем:

1. Что товары продаются по их стоимости;
2. Что цена рабочей силы может иногда подниматься выше стоимости, но никогда не падает ниже её.

При таком предположении относительные величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости определяются тремя обстоятельствами:

1. Длиной рабочего дня, или экстенсивной величиной труда;
2. Нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, — тем, что определённое количество труда затрачивается в течение данного времени;
3. Наконец, производительной силой труда, — тем, что в зависимости от степени развития условий производства одно и то же количество труда в течение данного времени может дать большее или меньшее количество продукта. Рассмотрим лишь главнейшие комбинации перечисленных трёх факторов.

*Величина рабочего дня и интенсивность труда **постоянны**, а производительная сила труда **изменяется**.*

При этом предположении стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость определяются тремя законами:

> ***Во-первых**: рабочий день данной величины всегда выражается в одной и той же вновь произведённой стоимости, как бы ни изменялась производительность труда и вместе с ней масса продуктов, а следовательно, и цена единицы товара.*
>
> ***Во-вторых**: стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении. Изменение производительной силы труда, её возрастание или уменьшение, влияет на стоимость рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом.*
>
> ***В-третьих**: возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не бывает причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы.*

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью определённого количества жизненных средств. С изменением производительной силы труда меняется стоимость этих жизненных средств, а не их масса. При повышении производительной силы труда масса жизненных средств как рабочего, так и капиталиста может расти одновременно и в одной и той же пропорции без какого-либо изменения в отношении величин цены рабочей силы и прибавочной стоимости.

*Величина рабочего дня и производительная сила труда **постоянны**, а интенсивность труда **изменяется**.*

Растущая интенсивность труда предполагает увеличенную затрату труда в течение одного и того же промежутка времени. Более интенсивный рабочий день воплощается поэтому в большем

количестве продуктов, чем менее интенсивный день той же продолжительности. Количество продуктов возрастает здесь, не вызывая падения их цены. Вместе с их количеством растёт и сумма их цен, тогда как при повышении производительной силы та же самая сумма стоимости выражается в возросшей массе продуктов. Таким образом, при неизменном количестве рабочих часов более интенсивный рабочий день воплощается в более высокой вновь созданной стоимости, а следовательно, если стоимость денег не меняется, — в большем количестве денег. И цена рабочей силы, и прибавочная стоимость — могут возрастать одновременно в равной или неравной степени. В данном случае возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением её ниже стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует её ускоренного изнашивания.

Если бы интенсивность труда поднялась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная степень интенсивности стала бы обычным общественно нормальным уровнем и, следовательно, уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина. Однако и в этом случае средние степени интенсивности труда у различных наций остались бы различными и потому видоизменяли бы применение закона стоимости к рабочим дням различных наций.

Интенсивность труда и производительная сила труда ***постоянны****, а величина рабочего дня* ***изменяется****.*

Рабочий день может изменяться в двух направлениях. Он может сокращаться и удлиняться.

1. Сокращение рабочего дня при данных условиях, то есть при неизменной производительной силе и интенсивности труда, оставляет без перемены стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращает прибавочный труд и прибавочную стоимость. С падением абсолютной величины последней падает и её относительная величина, то есть её величина по отношению к неизменной величине стоимости рабочей силы. Только путём понижения цены рабочей силы ниже

её стоимости капиталист мог бы в данном случае избавиться от потерь.

2. Удлинение рабочего дня. *Пусть необходимое рабочее время 6 часов, или стоимость рабочей силы — 3 шилл., прибавочный труд также 6 часов и прибавочная стоимость 3 шиллинга. Весь рабочий день составляет тогда 12 часов и выражается в продукте стоимостью в 6 шиллингов.* Если рабочий день удлиняется на 2 часа и цена рабочей силы остаётся без изменения, то вместе с абсолютной величиной прибавочной стоимости растёт и её относительная величина.

При удлинении рабочего дня цена рабочей силы может упасть ниже её стоимости, хотя бы номинально она осталась неизменной или даже повысилась. Ведь дневная стоимость рабочей силы определяется, как мы помним, из расчёта нормальной средней продолжительности или нормального периода жизни рабочего и нормального, свойственного человеческой природе превращения жизненной субстанции в движение. До известного пункта повышенное изнашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано более высокой оплатой. За пределами этого пункта изнашивание растёт в геометрической прогрессии и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. Цена рабочей силы и степень её эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами.

*Одновременные **изменения** интенсивности труда, производительной силы труда, и величины рабочего дня.*

После выводов, сделанных нами выше, анализ всех возможных случаев не представляет затруднений. Результат любой возможной комбинации отыскивается, если последовательно рассматривать каждый из факторов как переменный, предполагая остальные постоянными. Поэтому здесь мы отметим вкратце лишь два важных случая.

1. **Уменьшающаяся производительная сила труда при одновременном удлинении рабочего дня**, например, понижение производительной силы труда вследствие возрастающего неплодородия почвы и соответственного вздорожания продуктов

земледелия. В этом случае, абсолютная величина прибавочной стоимости может остаться без изменения, в то время как относительная величина её падает; её относительная величина может оставаться неизменной, в то время как абсолютная величина растёт, и, наконец, при известной степени удлинения рабочего дня может одновременно расти и относительная, и абсолютная величина прибавочной стоимости.

2. **Возрастающая интенсивность и производительная сила труда при одновременном сокращении рабочего дня**. Повышение производительной силы труда и рост его интенсивности в одном отношении: оказывают одинаковое действие. И то и другое увеличивает массу продуктов, производимую в данный промежуток времени. Следовательно, и то и другое сокращает ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство своих жизненных средств или их эквивалента. Чем сильнее растёт производительная сила труда, тем больше может быть сокращён рабочий день, а чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределён труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. **В капиталистическом обществе свободное время одного класса создаётся**

посредством превращения всей жизни масс в рабочее время.

> *Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен всё же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как формулируются законы, определяющие стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость?
Что и почему при коммунизме придётся причислить к необходимому труду от прибавочного труда при капитализме?
Как и для кого создаётся свободное время при капитализме?
Как и для кого создаётся свободное время при коммунизме?

Глава 16.
РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМУЛЫ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

«тайна» самовозрастания капитала, капитал

Как мы видели, норма прибавочной стоимости выражается в следующих формулах (**I**):

$$\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$$

Две первые формулы выражают в виде отношения стоимостей то же самое, что третья формула выражает в виде отношения отрезков времени, в течение которых эти стоимости производятся. Эти взаимно заменяющие друг друга формулы являются строго логичными. Мы находим их поэтому уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде, а лишь по существу. Но зато мы встречаем там следующие производные формулы (**II**):

$$\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость продукта}} = \frac{\text{прибавочный продукт}}{\text{совокупный труд}}$$

Одно и то же отношение попеременно выражается здесь то в форме рабочего времени, то в форме стоимостей, в которых воплощается это рабочее время, то в форме продуктов, в которых существуют эти стоимости. Само собой разумеется, что под стоимостью продукта здесь следует понимать стоимость, вновь созданную в продолжение рабочего дня, — постоянная же часть стоимости продукта исключается. Во **всех этих формулах действительная степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, выражена неправильно**.

Действительно, пусть рабочий день равняется 12 часам. Сохранив все остальные допущения нашего прежнего примера (из предыдущей главы), мы в этом случае выразим степень действительной эксплуатации труда в следующих отношениях: согласно формулам (**I**):

$$\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{6}{6} = 100\%$$

согласно формулам (**II**):

$$\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} = \frac{\text{прибавочный продукт}}{\text{совокупный труд}} = \frac{6}{12} = 50\%$$

Эти производные формулы (II) в действительности выражают то отношение, в котором рабочий день или созданная в течение его стоимость распределяется между капиталистом и рабочим. Но если они принимаются за непосредственное выражение степени самовозрастания капитала, то тем самым устанавливается ложный закон: прибавочный труд, или прибавочная стоимость, никогда не может достигнуть 100%. Однако, так как прибавочный труд всегда составляет лишь часть рабочего дня и прибавочная стоимость — лишь часть всей вновь созданной стоимости, то прибавочный труд всегда необходимо должен быть меньше, чем весь рабочий день, или прибавочная стоимость меньше, чем вся вновь созданная стоимость. Но для того, чтобы относиться друг к другу как $^{100}/_{100}$ они должны быть равны между собой. Чтобы прибавочный труд мог поглотить весь рабочий день (дело идёт о среднем дне рабочей недели, рабочего года), необходимый труд должен понизиться до нуля. Но если исчезает необходимый труд, исчезает и прибавочный труд, потому что последний есть только функция первого. Присущий классической политической экономии метод рассматривать рабочий день как величину постоянную укрепился благодаря применению формул (II), так как здесь прибавочный труд сравнивается всегда с рабочим днём данной величины. Тот же самый результат получается, если обращают внимание исключительно на распределение вновь созданной стоимости. **Рабочий день, уже воплотившийся во вновь созданной стоимости, всегда является рабочим днём данной величины**.

Выражение прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в виде частей вновь созданной стоимости, — впрочем, такой способ выражения вырастает из самого капиталистического способа производства, и мы выясним впоследствии его значение, — скрывает специфический характер капиталистического отношения, а именно тот факт, что переменный капитал обменивается на живую рабочую силу и что соответственно этому рабочий отстраняется от продукта. Вместо этого создаётся ложная

видимость отношения товарищества, при котором капиталист и рабочий делят между собой продукт сообразно доле участия каждого из них в образовании его.

Третья формула такова (**III**):

$$\frac{\textbf{прибавочная стоимость}}{\textbf{стоимость рабочей силы}} = \frac{\textbf{прибавочный труд}}{\textbf{необходимый труд}} = \frac{\textbf{неоплаченный труд}}{\textbf{оплаченный труд}}$$

Последняя пропорция данной формулы (III) могла бы дать повод подумать, будто капиталист оплачивает труд, а не рабочую силу, но возможность такого недоразумения устранена нашим предшествующим изложением. По сути дела, данная пропорция есть лишь популярное выражение центральной пропорции» этой же формулы:

$$\frac{\textbf{прибавочный труд}}{\textbf{необходимый труд}}$$

Капиталист оплачивает стоимость или отклоняющуюся от неё цену рабочей силы и при помощи обмена получает в своё распоряжение саму живую рабочую силу. Использование им этой рабочей силы распадается на два периода. В течение одного периода рабочий производит лишь стоимость, равную стоимости его рабочей силы, следовательно лишь эквивалент. Таким образом взамен авансированной цены рабочей силы капиталист получает продукт такой же цены. Дело происходит так, будто капиталист купил продукт в готовом виде на рынке. Наоборот, в период прибавочного труда использование рабочей силы создаёт для капиталиста стоимость, за которую он ничего не платит. Здесь функционирование рабочей силы достаётся ему даром. В этом смысле прибавочный труд может быть назван неоплаченным трудом.

Итак, капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и тому подобное, по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. **Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определённым количеством неоплаченного чужого труда**.

> ***Капитал** есть не только командование над трудом, но, по существу своему, капитал есть командование над неоплаченным трудом, по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как позволяют формулы (II) манипулировать?
Как позволяют формулы (III) манипулировать?
Как эти формулы буржуазной политэкономии скрывают «тайну» самовозрастания капитала?
Что есть капитал?

Отдел 6.
ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Глава 17.
ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ, СООТВЕТСТВЕННО И ЦЕНЫ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

стоимость товара, стоимость труда, зарплата как способ спрятать необходимое и прибавочное рабочее время в едином рабочем дне

На поверхности буржуазного общества заработная плата рабочего представляется в виде цены труда, в виде определённого количества денег, уплачиваемых за определённое количество труда. При этом говорят о стоимости труда и её денежное выражение называют необходимой или естественной ценой труда. С другой стороны, говорят о рыночных ценах труда, то есть о ценах, колеблющихся выше или ниже его необходимой цены.

Но **что такое стоимость товара?** Предметная форма затраченного при его производстве общественного труда. А чем измеряем мы величину стоимости товара? Величиной содержащегося в нём труда. Чем же могла бы определяться стоимость, например, двенадцатичасового рабочего дня? Очевидно лишь 12 часами труда, содержащимися в двенадцатичасовом рабочем дне; но это плоская тавтология.

> ***Стоимость товара** — это предметная форма затраченного при его производстве общественного труда, измеряющаяся величиной содержащегося в нём труда.*

Для того чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд во всяком случае должен существовать до этой продажи. Однако если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не труд.

Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. То, что продаёт последний, есть его рабочая сила. Когда его труд действительно начинается, он перестаёт принадлежать ему и, следовательно, не может быть

им продан. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости.

> ***Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости.***

В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как, например, стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это — категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своём проявлении часто представляются в извращённом виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии. То, что классическая политэкономия называет стоимостью труда (value of labour), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Некритически применяя категории «стоимость труда», «естественная цена труда» и подобные, классическая политическая экономия запуталась в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вульгарной политической экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений.

Посмотрим прежде всего, каким образом стоимость и цена рабочей силы в своей **превращённой форме** выражаются в виде заработной платы. Как мы знаем, дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определённой продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определённая длина рабочего дня. Допустим, что обычный рабочий день продолжается 12 часов и что дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., представляющим денежное выражение стоимости, которая воплощает в себе 6 рабочих часов. Если рабочий получает 3 шилл., он получает стоимость своей рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов. Выразив теперь эту дневную стоимость рабочей силы в виде стоимости дневного труда, мы получим формулу: двенадцатичасовой труд имеет стоимость в 3 шиллинга. Стоимость рабочей силы определяет, таким

образом, стоимость труда, или — в денежном выражении — его необходимую цену. Если же цена рабочей силы отклоняется от её стоимости, то и цена труда отклоняется от его так называемой стоимости. Так ***как стоимость труда есть лишь иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства её собственной стоимости.***

Итак, форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Весь труд выступает как оплаченный труд. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наёмного труда даже прибавочный, или неоплаченный, труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает труд раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровой труд наёмного рабочего.

> *Форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Весь труд выступает как оплаченный труд.*

На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увёртки вульгарной политической экономии.

Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец — предмет, отличный от денег.

Так как меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе величины несоизмеримые, то выражения «стоимость труда», «цена труда» кажутся не более иррациональными, чем, например, выражения «стоимость хлопка», «цена хлопка». Сюда присоединяется ещё то обстоятельство, что рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд. В своей функции средства платежа деньги задним числом реализуют стоимость, или цену, доставленного предмета, следовательно, в данном случае стоимость, или цену, доставленного труда. Наконец, той «потребительной стоимостью», которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а её функция, определённый полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и так далее. Что этот же самый труд, с другой стороны, есть всеобщий созидающий стоимость элемент, — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обыденного сознания.

Возьмём капиталиста. Он хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество денег. Поэтому практически его интересует лишь разница между ценой рабочей силы и той стоимостью, которую создаёт её функционирование. Но он старается купить возможно дешевле все товары и всегда видит источник своей прибыли в простом надувательстве, в купле ниже и продаже выше стоимости. Следовательно, он далёк от понимания того обстоятельства, что если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не могли бы превратиться в капитал.

К тому же действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые создают **видимость доказательства**, будто оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость её функции, то есть самого труда. Явления эти мы можем свести к двум большим группам:

Во-первых: изменение заработной платы вместе с изменением продолжительности рабочего дня. С таким же правом можно

было бы вывести заключение, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость её операций, потому что и машину арендовать на неделю стоит дороже, чем на один день.

Во-вторых: индивидуальные различия в заработных платах различных рабочих, выполняющих одну и ту же функцию. Эти индивидуальные различия находим мы и в системе рабского труда, но здесь, где сама рабочая сила продаётся совершенно открыто без всяких прикрас, они не служат поводом для иллюзий. Разница сводится лишь к тому, что при рабской системе выгода от рабочей силы выше среднего качества и, потеря от рабочей силы ниже среднего качества выпадает на долю рабовладельца, а при системе наёмного труда — на долю самого рабочего, так как в последнем случае рабочая сила продаётся самим рабочим, в первом случае — третьим лицом.

Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием. Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Это она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое стоимость товара?
Почему труд не имеет стоимости?
Почему форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный?
Почему капиталистам это выгодно?

Глава 18.
ПОВРЕМЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

цена труда, повременная заработная плата, тенденцию к понижению цены труда

Как мы помним, рабочая сила продаётся всегда на определённый период времени. Поэтому той превращённой формой, в которой непосредственно выражается дневная стоимость рабочей силы, недельная её стоимость и так далее, является форма «повременной заработной платы», то есть подённая и так далее заработная плата.

Сумма денег, которую рабочий получает за свой дневной, недельный и так далее труд, образует сумму его номинальной заработной платы, то есть заработной платы в её стоимостном выражении. Очевидно, однако, что в **зависимости от продолжительности рабочего дня, то есть в зависимости от количества труда, ежедневно доставляемого рабочим, одна и та же подённая, понедельная и так далее заработная плата может представлять очень различную цену труда**, то есть очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда.

> ***Цена труда** — это денежная сумма за одно и то же количество труда.*

Таким образом, при повременной плате необходимо различать общую сумму заработной платы — подённой, понедельной и так далее — и цену труда. Но как найти эту цену, или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим **среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня**. Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей измерения цены труда.

Очевидно, что существуют методы понижения цены труда, независимые от уменьшения номинальной подённой или понедельной заработной платы (например, увеличение интенсивной силы труда). Общий же закон таков: при данном **количестве**

труда в день, в неделю и так далее размеры подённой или понедельной заработной платы зависят от цены труда, которая, в свою очередь, изменяется или вместе с изменением стоимости рабочей силы, или с отклонением её цены от стоимости. Если, наоборот, дана **цена** труда, то подённая или понедельная заработная плата зависит от количества дневного или недельного труда.

Если часовая плата фиксируется так, что обязательство капиталиста состоит не в том, чтобы выдавать определённую дневную или недельную плату, а лишь в том, чтобы оплачивать те рабочие часы, в течение которых ему угодно дать занятие рабочему, то капиталист может сократить время труда рабочего по сравнению с теми размерами рабочего дня, которые первоначально послужили для определения **часовой платы, или единицы измерения цены труда**. Так как эта единица измерения определяется отношением:

$$\frac{\textbf{дневная стоимость рабочей силы}}{\textbf{рабочий день данного числа часов}}$$

то, разумеется, она теряет всякий смысл, раз рабочий день перестаёт заключать в себе определённое число часов. Связь между оплаченным и неоплаченным трудом уничтожается. Капиталист может теперь выколотить из рабочего определённое количество прибавочного труда, не доводя рабочее время до размеров, необходимых для поддержания существования рабочего. Он может уничтожить всякую регулярность труда и, руководствуясь исключительно своим удобством, прихотью и минутным интересом, сменять периоды чудовищного чрезмерного труда периодами относительной или даже полной безработицы. Под предлогом оплаты «нормальной цены труда» он может удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без сколько-нибудь соответствующей компенсации для рабочего. Законодательное ограничение рабочего дня кладёт конец такого рода безобразиям, хотя, конечно, отнюдь не уничтожает неполной занятости рабочего, вытекающей из конкуренции машин, из изменений в квалификации применяемых рабочих, из частичных и всеобщих кризисов.

При растущей подённой или понедельной плате цена труда может номинально остаться неизменной и тем не менее упасть ниже своего нормального уровня. Это случается каждый раз,

когда при постоянной цене труда, то есть рабочего часа, рабочий день увеличивается за пределы своей обычной продолжительности. Вследствие этого во многих отраслях производства, где преобладает повременная плата при отсутствии законодательного ограничения рабочего времени, само собой выработался обычай считать рабочий день нормальным («нормальный рабочий день», «дневная работа», «регулярные часы труда») лишь до известного предела, например до истечения десятого часа труда. Рабочее время, выходящее за эту границу, образует сверхурочное время и оплачивается, при расчёте на каждый час труда по повышенному тарифу, хотя повышенному часто в совершенно ничтожной степени. Нормальный рабочий день существует здесь как часть действительного рабочего дня, причём зачастую последний в течение всего года продолжительнее первого.

> ***Повременная заработная плата** есть превращённая форма стоимости или цены рабочей силы.*

Однако, те **же самые обстоятельства, которые позволяют капиталисту надолго удлинить рабочий день, сначала позволяют ему, а в конце концов вынуждают его понижать цену труда** также и номинально до тех пор, пока не понизится совокупная цена возросшего числа рабочих часов, то есть дневная или недельная плата. Здесь достаточно указать на **два обстоятельства**. Если один человек начинает выполнять работу полутора или двух человек, то растёт предложение труда, хотя бы предложение рабочей силы, находящейся на рынке, оставалось неизменным. Конкуренция, созданная таким образом среди рабочих, даёт капиталисту возможность понизить цену труда, а падающая цена труда даёт ему, в свою очередь, возможность ещё более увеличить рабочее время. Однако скоро возможность располагать этим ненормальным, то есть превышающим средний общественный уровень, количеством неоплаченного труда становится орудием конкуренции среди самих капиталистов. Часть товарной цены состоит из цены труда. Но неоплаченная часть цены труда может и не учитываться в цене товара. Её можно подарить покупателю. Таков **первый** шаг, совершаемый под давлением конкуренции. **Второй** шаг, к которому вынуждает

та же конкуренция, заключается в том, чтобы исключить из продажной цены товара по крайней мере часть той ненормальной прибавочной стоимости, которая создаётся удлинением рабочего дня. Таким путём образуется ненормально низкая продажная цена товара, которая сначала возникает спорадически, а затем малопомалу фиксируется и становится постоянной основой жалкой заработной платы и чрезмерного рабочего времени, под влиянием которых она первоначально возникла. Мы лишь намечаем здесь это движение, так как анализ конкуренции не входит пока в нашу задачу.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое цена труда?
Что и как влияет на цену труда?
Что такое повременная заработная плата?
Почему цена труда имеет тенденцию к понижению?

Глава 19.
ПОШТУЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

поштучная заработная плата, её наибольшее соответствие капиталистическому способу производства

Поштучная заработная плата есть не что иное, как превращённая форма повременной заработной платы, точно так же как повременная заработная плата есть превращённая форма стоимости или цены рабочей силы.

> ***Поштучная заработная плата** есть не что иное, как превращённая форма повременной заработной платы.*

При поштучной заработной плате дело на первый взгляд выглядит так, будто той потребительной стоимостью, которую продаёт рабочий, является не функция его рабочей силы, не живой труд, а труд, уже овеществлённый в продукте, и будто цена этого труда определяется не дробью:

$$\frac{\textbf{дневная стоимость рабочей силы}}{\textbf{рабочий день данного числа часов}}$$

как при повременной заработной плате, а дееспособностью производителя.

Уверенность в правильности такого взгляда должна была бы сильно пошатнуться уже ввиду одного того факта, что обе формы заработной платы существуют одновременно и рядом в одних и тех же отраслях промышленности. Например, в Лондоне в одних и тех же шорных мастерских труд французов оплачивается зачастую поштучно, труд англичан — подённо.

В действительности поштучная плата непосредственно не выражает собой никакого стоимостного отношения. Здесь не стоимость штуки товара измеряется воплощённым в ней рабочим временем, а, наоборот, затраченный рабочим труд измеряется числом произведённых им штук товара. При **повременной заработной плате труд непосредственно измеряется своей продолжительностью, при поштучной заработной плате — количеством того продукта, в котором сгустился**

труд определённой продолжительности. Цена самого рабочего времени определяется, в конце концов, уравнением: стоимость дневного труда = дневной стоимости рабочей силы. Таким образом, **поштучная заработная плата есть лишь модифицированная форма повременной заработной платы**.

Рассмотрим несколько подробнее характерные особенности поштучной заработной платы. Качество труда контролируется здесь самим его продуктом, так как поштучная плата выдаётся полностью лишь в том случае, если продукт обладает средней доброкачественностью. Вследствие этого поштучная плата является обильнейшим источником вычетов из заработной платы и капиталистического мошенничества.

Она даёт капиталисту совершенно определённую меру интенсивности труда. Лишь то рабочее время, которое воплощается в заранее определённом, установленном опытом количестве товара, считается общественно необходимым рабочим временем и оплачивается как таковое.

Так как качество и интенсивность труда контролируются здесь самой формой заработной платы, то надзор за трудом становится в значительной мере излишним. Поэтому **поштучная плата образует основу как описанной выше современной работы на дому, так и иерархически расчленённой системы эксплуатации и угнетения**. Последняя имеет *две основных формы*. С одной стороны, поштучная плата облегчает внедрение паразитов между капиталистом и наёмным рабочим, перепродажу труда посредниками. Прибыль посредников образуется исключительно за счёт разницы между ценой труда, уплачиваемой капиталистом, и той частью этой цены, которую посредники действительно оставляют рабочему. В Англии эта система носит характерное название (потогонная система). С другой стороны, поштучная плата позволяет капиталисту заключать со старшим рабочим — в мануфактуре с главой группы, в шахтах — с углекопом, на фабрике — с собственно машинным рабочим — контракт на определённое число штук продукта по определённой цене, за которую старший рабочий берёт на себя привлечение и оплату подручных. Эксплуатация рабочих капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим.

Раз существует поштучная заработная плата, то естественно, что личный интерес рабочего заставляет его как можно интенсивнее напрягать свою рабочую силу, что, в свою очередь, облегчает для капиталиста повышение нормального уровня интенсивности.

При повременной заработной плате господствует, за немногими исключениями, равная плата за одни и те же функции; при поштучной же плате, хотя цена рабочего времени измеряется определённым количеством продукта, дневная и недельная плата меняется в зависимости от индивидуальных различий между рабочими, один из которых доставляет в данное время минимум продукта, другой — среднюю норму, третий — больше средней нормы. Следовательно, величина действительного дохода рабочего в данном случае сильно колеблется в зависимости от его искусства, силы, энергии, выносливости и тому подобное.

Поштучная плата, расширяя сферу индивидуальной деятельности, тем самым, с одной стороны, способствует развитию у рабочих индивидуальности, духа свободы, самостоятельности и способности к самоконтролю, но, с другой стороны, порождает между ними взаимную конкуренцию. Она имеет поэтому тенденцию, повышая индивидуальную заработную плату выше среднего уровня, в то же время понижать самый этот уровень. Однако там, где определённая поштучная плата прочно закреплена продолжительной традицией и потому понижение её представляет особые трудности, — в таких случаях хозяева прибегают иногда к насильственному превращению поштучной платы в повременную. Этим была вызвана, например, в 1860 году большая стачка рабочих ленточного производства в Ковентри. Наконец, поштучная плата является главной опорой описанной выше почасовой системы.

Из всего вышесказанного вытекает, что **поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое поштучная заработная плата?
Основой чего является поштучная заработная плата?
Почему поштучная форма заработной платы наиболее соответствует капиталистическому способу производства?

Глава 20.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

сравнение заработных плат в разных странах и как трактовать их различие

В пятнадцатой главе мы рассмотрели разнообразные комбинации, которые может повлечь за собой изменение абсолютной или относительной (то есть по сравнению с прибавочной стоимостью) величины стоимости рабочей силы, причём оказалось, что количество жизненных средств, в которых реализуется цена рабочей силы, может испытывать изменения, независимые или отличные от колебаний этой цены. Как уже было отмечено, путём простого перехода стоимости — соответственно цены — рабочей силы в экзотерическую[1] форму заработной платы все указанные там законы превращаются в законы движения заработной платы. То, что в пределах этого движения представляется в виде последовательно сменяющих друг друга комбинаций, то для различных стран может представляться как одновременно существующее национальное различие заработных плат. Следовательно, при сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объём естественных и исторически развившихся первейших жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего сведе́ния средней дневной заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя даёт мерило и для производительности, и для интенсивности труда.

Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение

[1] Экзотерика — учение, не представляющее тайны, предназначенное для непосвящённых. Противоположное эзотерике — тайному учению.

стоимости простой продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, интегральными частями которого являются отдельные страны. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют, таким образом, шкалу, единицей измерения которой является средняя единица труда всего мира. Следовательно, более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

Однако закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает ещё более значительные изменения благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчёт тоже как более интенсивный, если только конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену её товара до его стоимости.

Интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны. Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, то есть в денежных суммах, различных по величине в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом, **относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства**. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, то есть выраженный в деньгах эквивалент рабочей силы, у первой нации будет выше, чем у второй; но это отнюдь ещё не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, то есть количество жизненных средств, находящихся в распоряжении рабочего.

Но если даже оставить в стороне это относительное различие в стоимости денег в различных странах, часто оказывается, что дневная, недельная и так далее заработная плата у первой нации выше, чем у второй, тогда как относительная цена труда, то есть цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью и стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Какие моменты необходимо принимать во внимание при сравнении заработных плат разных стран?
О чём говорит различие в заработных платах разных стран?

Отдел 7.
ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу есть первое движение, совершаемое стоимостью, которая должна функционировать в качестве капитала. Происходит оно на рынке, в сфере обращения. Вторая фаза этого движения, процесс производства, закончена, поскольку средства производства превращены в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, то есть содержит в себе первоначально авансированный капитал плюс прибавочную стоимость. Эти товары должны быть затем снова брошены в сферу обращения. Надо продать их, реализовать их стоимость в деньгах, эти деньги вновь превратить в капитал и так всё снова и снова. Этот **кругооборот, неизменно проходящий одни и те же последовательные фазы, образует обращение капитала**.

Первое условие накопления заключается в том, чтобы капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал большую часть полученных за них денег. В дальнейшем предполагается, что капитал совершает свой процесс обращения нормальным образом. Подробный анализ этого процесса относится ко ***второй*** книге.

Капиталист, производящий прибавочную стоимость, то есть высасывающий неоплаченный труд непосредственно из рабочих и фиксирующий его в товарах, первый присваивает себе прибавочную стоимость, но отнюдь не является её окончательным собственником. Он должен затем поделиться ею с другими капиталистами, выполняющими иные функции в общественном производстве в его целом, с земельным собственником и так далее.

Таким образом, прибавочная стоимость расщепляется на различные части. Различные её доли попадают в руки лиц различных категорий и приобретают различные, самостоятельные по отношению друг к другу формы, каковы: прибыль, процент, торговая прибыль, земельная рента и так далее. Эти превращённые формы прибавочной стоимости могут быть рассмотрены лишь в ***третьей*** книге.

Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продаёт их по их стоимости, причём мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок: ни тех новых форм, которые принимает

капитал в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий воспроизводства. С другой стороны, мы предполагаем, что капиталистический производитель является собственником всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителем всех участников в дележе её. Таким образом, сначала **мы рассмотрим накопление абстрактно, то есть просто как момент непосредственного процесса производства**.

Впрочем, поскольку накопление совершается, постольку очевидно, что капиталисту удаётся продать произведённый товар и превратить вырученные от этой продажи деньги обратно в капитал. Далее: распадение прибавочной стоимости на различные доли ничуть не изменяет её природы и тех необходимых условий, при которых она становится элементом накопления. В какой бы пропорции ни распадалась прибавочная стоимость на часть, удерживаемую самим капиталистическим производителем, и часть, которую он уступает другим, во всяком случае в первую очередь прибавочная стоимость присваивается её капиталистическим производителем. Следовательно, то, что мы предполагаем при нашем изображении процесса накопления, то происходит и в действительности. С другой стороны, расщепление прибавочной стоимости и посредствующее движение обращения затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма.

Глава 21.
ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

простое воспроизводство, накопленный капитал, исходный пункт капиталистического процесса производства, потребление рабочего, капиталистический процесс производства увековечивает условия эксплуатации рабочего

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, то есть должен периодически всё снова и снова проходить одни и те же стадии. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому **всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства**.

Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, то есть воспроизводить, не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или элементы нового производства. При прочих равных условиях оно может воспроизводить своё богатство или поддерживать его на неизменном уровне лишь в том случае, если средства производства, то есть средства труда, сырые и вспомогательные материалы в натуральном выражении, потреблённые в течение, например, года, замещаются равным количеством новых экземпляров того же рода; это последнее отделяется от годовой массы продуктов и снова входит в процесс производства.

Итак, определённое количество годового продукта принадлежит производству. Предназначенная с самого начала для производственного потребления, эта часть существует в своём большинстве в таких натуральных формах, которые уже сами по себе исключают индивидуальное потребление.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство

воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, то есть в качестве самовозрастающей стоимости. Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму дохода, возникающего из капитала. Если доход этот служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же периодически потребляется, как и добывается, то при прочих равных условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство.

> ***Если доход служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же периодически потребляется, как и добывается, то при прочих равных условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство.***

Заметим, что переменный капитал утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста, лишь в том случае, если мы рассматриваем капиталистический процесс производства в **непрерывном потоке его возобновления**. Но где-нибудь и когда-нибудь этот процесс должен был начаться. Следовательно, исходя из той точки зрения, на которой мы стояли до сих пор, представляется вероятным, что капиталист в известный момент стал владельцем денег посредством какого-то первоначального накопления, независимого от чужого неоплаченного труда, и благодаря этому смог выступить на рынке в качестве покупателя рабочей силы. Между тем уже простая непрерывность капиталистического процесса производства, или простое воспроизводство, вызывает и другие своеобразные изменения, касающиеся не только переменной части капитала, но и всего капитала в целом.

Если прибавочная стоимость, создаваемая периодически, например ежегодно, капиталом в 1 000 ф. ст., составляет 200 ф. ст. и если эта прибавочная стоимость потребляется без остатка в течение года, то ясно, что после повторения этого процесса в течение пяти лет сумма потреблённой прибавочной стоимости будет равна 200 x 5, или первоначально авансированной капитальной стоимости в 1 000 фунтов стерлингов.

Если капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь общую

сумму безвозмездно присвоенной им прибавочной стоимости. Ни одного атома стоимости старого капитала уже не существует.

Итак, **совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость**. Если даже капитал при своём вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, всё же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией — в денежной или иной форме — чужого неоплаченного труда.

> ***Накопленный капитал** — это капитализированная прибавочная стоимость.*

Как мы видели в четвёртой главе, для того **чтобы превратить деньги в капитал, недостаточно наличия товарного производства и товарного обращения**. Для этого необходимо прежде всего, чтобы в качестве покупателя и продавца противостояли друг другу с одной стороны владелец стоимости или денег, с другой стороны — владелец субстанции, образующей стоимость, здесь — владелец средств производства и жизненных средств, там — владелец одной только рабочей силы. Следовательно, отделение продукта труда от самого труда, отделение объективных условий труда от субъективного фактора — рабочей силы — было фактически данной основой, исходным пунктом капиталистического процесса производства.

> *Отделение продукта труда от самого труда, отделение объективных условий труда от субъективного фактора — рабочей силы — есть основа, исходный пункт капиталистического процесса производства.*

Но что первоначально было исходным пунктом, то впоследствии благодаря простой непрерывности процесса, благодаря простому воспроизводству, создаётся снова и снова и увековечивается

как собственный результат капиталистического производства. С одной стороны, процесс производства постоянно превращает вещественное богатство в капитал, в средства увеличения стоимости для капиталиста и в средства потребления для него. С другой стороны, рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишённый всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для себя самого. Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделённый от средств её собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, — короче говоря, производит рабочего как наёмного рабочего. Это постоянное воспроизводство или увековечение рабочего есть **непременное условие** капиталистического производства.

Потребление рабочего бывает двоякого рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость авансированного капитала. Это — его **производственное потребление**. Это — в то же время потребление его рабочей силы капиталистом, который купил её. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при купле его рабочей силы, на приобретение жизненных средств. Это — его **индивидуальное потребление**. Следовательно, производственное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего.

В случае, если рабочий поглощает жизненные средства лишь для того, чтобы держать «в ходу» свою рабочую силу, как паровая машина — уголь и воду, как колесо — смазочные масла. Здесь его средства потребления являются просто средствами потребления одного из средств производства, его индивидуальное потребление

является непосредственно производственным потреблением. Однако это представляется злоупотреблением, не связанным с сущностью капиталистического процесса производства.

Иначе выглядит дело, если мы рассматриваем не отдельного капиталиста и не отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, не единичные процессы производства, а весь капиталистический процесс в его потоке и в его общественном объёме. Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает весь свой капитал. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он даёт рабочему. Капитал, отчуждённый в обмен на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющихся налицо, и для производства новых рабочих. Следовательно, **индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств, отчуждённых капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала**. Это — производство и воспроизводство необходимейшего для капиталиста средства производства — самого рабочего. Таким образом, индивидуальное потребление рабочего составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, фабрики, внутри или вне процесса труда, подобно тому, как таким же моментом является чистка машины независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определённых перерывов последнего. Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет своё индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочим скотом не перестаёт быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам находит удовольствие в том, что он ест. Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остаётся постоянным условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь

на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым.

С общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мёртвое орудие труда. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одарённые сознанием орудия производства не сбежали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны, уничтожая жизненные средства, вызывает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наёмный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует юридическая фикция договора.

Итак, **капиталистический процесс производства самим своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Тем самым он воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего**. Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно даёт капиталисту возможность покупать её, чтобы обогащаться.

В действительности рабочий принадлежит капиталу ещё раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая несвобода одновременно и обусловливается, и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменой его индивидуальных хозяев-нанимателей и колебаниями рыночных цен его труда. Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наёмного рабочего — на другой.

Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наёмного рабочего — на другой.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Чем также является всякий общественный процесс производства?
Что такое простое воспроизводство?
Что такое накопленный капитал?
Что есть исходный пункт капиталистического процесса производства?
Каким бывает потребление рабочего?
Как капиталистический процесс производства увековечивает условия эксплуатации рабочего?

Глава 22.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

накопление капитала, связь накопления капитала и расширяющегося воспроизводства, добавочный капитал, закон обмена, росту нормы прибавочной стоимости, перенос трудом стоимости средств производства на продукт

Раньше мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала, теперь посмотрим, каким образом капитал возникает из прибавочной стоимости.

> ***Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала.***

Рассмотрим сначала этот процесс с точки зрения отдельного капиталиста. Пусть, например, прядильный фабрикант авансирует капитал в 10 000 фунтов стерлингов, в том числе ⅘ в виде хлопка, машин и так далее и ⅕ в виде заработной платы. Допустим, что ежегодно он производит 240 000 фунтов пряжи стоимостью в 12 000 фунтов стерлингов. Таким образом, прядильный фабрикант, чтобы далее превратить в капитал эту вновь поступившую к нему сумму в 2 000 фунтов стерлингов, должен при прочих равных условиях авансировать ⅘ её на закупку хлопка и так далее, и ⅕ на закупку новых рабочих-прядильщиков, причём последние найдут на рынке жизненные средства, стоимость которых он им авансировал. Тогда этот новый капитал в 2 000 фунтов стерлингов будет функционировать в прядильном деле и, со своей стороны, принесёт прибавочную стоимость в 400 фунтов стерлингов.

Капитальная стоимость была первоначально авансирована в денежной форме; напротив, прибавочная стоимость вначале существует как стоимость определенной части валового продукта. Если этот последний продаётся, превращается в деньги, то капитальная стоимость снова приобретает свою первоначальную форму, а прибавочная стоимость изменяет свою первоначальную

форму бытия. Однако, начиная с этого момента, обе они, и капитальная стоимость и прибавочная стоимость, суть денежные суммы, и их обратное превращение в капитал происходит совершенно одинаковым способом. И ту и другую стоимость капиталист затрачивает на покупку товаров, которые дают ему возможность снова начать изготовление своего продукта и на этот раз уже в расширенном масштабе.

Для того чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Однако, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, то есть средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, то есть жизненные средства. Следовательно, часть годового прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и жизненных средств сверх того их количества, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, **прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала**.

Итак, накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди, в спираль.

> *Накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе.*

Мы не должны забывать, что наряду с новообразованными капиталами первоначальный капитал продолжает воспроизводить себя и производить прибавочную стоимость и что то же самое можно сказать о каждом накопленном капитале в его отношении к созданному им **добавочному** капиталу.

> ***Добавочный капитал** — это капитализированная прибавочная стоимость.*

Первоначальный капитал образовался путём авансирования 10 000 фунтов стерлингов. Откуда их достал их владелец? Они созданы его собственным трудом и трудом его предков! — единодушно отвечают нам представители политической экономии, и это их предположение действительно кажется тем единственным предположением, которое согласуется с законами товарного производства.

Совершенно **иначе обстоит дело с добавочным капиталом** в 2 000 фунтов стерлингов. Процесс его возникновения нам известен с полной точностью. Это — капитализированная прибавочная стоимость. С самого своего рождения он не заключал в себе ни единого атома стоимости, который бы возник не из чужого неоплаченного труда. Средства производства, к которым присоединяется добавочная рабочая сила, как и жизненные средства, при помощи которых она поддерживает самоё себя, есть не что иное как составные части прибавочного продукта, — той дани, которая классом капиталистов ежегодно вырывается у класса рабочих. Если класс капиталистов на часть этой дани закупает добавочную рабочую силу, даже по полной цене, так что эквивалент обменивается на эквивалент, то всё же он поступает в этом случае по **старому рецепту завоевателя, покупающего товары побеждённых на их же собственные, у них же награбленные деньги**.

> *Рабочий класс своим прибавочным трудом в течение текущего года создаёт капитал, который в следующем году даст занятие добавочному количеству труда. Вот в чём суть того, что называют: «порождать капитал капиталом».*

Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществлённого чужого труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда. Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере, мы должны были принять это допущение, так как друг другу противостоят лишь равноправные

товаровладельцы, причём средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество.

> ***Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество.***

Таким образом, как бы ни казалось, что капиталистический способ присвоения противоречит первоначальным законам товарного производства, тем не менее этот способ присвоения возникает не из нарушения этих законов, а, напротив, из их применения. Действительно, если сумма стоимости, авансированная в заработной плате, не только просто вновь оказывается в продукте, но оказывается в нём увеличенной на сумму прибавочной стоимости, то это проистекает отнюдь не из того, что продавца надувают, — он ведь получил стоимость товара, — а лишь из потребления этого товара покупателем.

> ***Закон обмена гласит: возможен обмен лишь равных меновых стоимостей.***

Закон обмена обусловливает равенство лишь для меновых стоимостей обменивающихся друг на друга товаров. Он даже с самого начала предполагает различие их потребительных стоимостей и не имеет ничего общего с их потреблением, которое начинается лишь тогда, когда акт торговли вполне закончен и завершён. Следовательно, **первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности**. Несмотря на это, в результате его оказывается:

1. Что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;

2. Что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, заключает в себе ещё и прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила и, тем не менее, составляет правомерную собственность последнего;

3. Что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать её, если найдёт покупателя.

Простое воспроизводство есть лишь периодическое повторение этой операции; при этом каждый раз деньги снова превращаются в капитал. Таким образом, здесь закон отнюдь не нарушается, — напротив, он получает лишь возможность постоянного осуществления.

Одно и то же право собственности сохраняет свою силу как вначале, когда продукт принадлежит производителю и когда последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь за счёт собственного труда, так и в капиталистический период, когда общественное богатство во **всё возрастающей мере** становится собственностью тех, кто в состоянии постоянно всё вновь и вновь присваивать неоплаченный труд других. Этот результат неизбежен, поскольку рабочая сила свободно продаётся самим рабочим как товар. Но лишь начиная с этого момента товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь с этих пор каждый продукт с самого начала производится для продажи, и всё производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наёмный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу; но лишь тогда оно может развернуть также все скрытые в нём потенции.

В общем потоке производства **весь первоначально авансированный капитал становится вообще бесконечно малой величиной (в математическом смысле) по сравнению с непосредственно накопленным капиталом, то есть с прибавочной стоимостью, или прибавочным продуктом, вновь превращёнными в капитал**, причём безразлично, функционирует ли он в руках того, кто его накопил, или в чужих руках. Весь наличный капитал есть накопленный или

капитализированный процент, потому что процент есть просто часть прибавочной стоимости.

Также заметим, что как товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить ему в качестве средств производства и увеличения стоимости, так и труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Покупая такого рода товары или труд, капиталист не превращает затраченной на них прибавочной стоимости в капитал, а, наоборот, потребляет или расходует её как доход. В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличии» и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, ***буржуазная*** политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой гражданской обязанностью и неустанно проповедовать, что не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят. С другой стороны, политической экономии приходилось бороться с ***народным предрассудком***, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ и считает поэтому, будто накопленное богатство есть богатство, ограждённое от разрушения в его данной натуральной форме и, следовательно, изъятое из сферы потребления и даже из сферы обращения. В действительности изъятие денег из обращения было бы прямой противоположностью их употребления в качестве капитала, а накопление товаров в смысле собирания сокровищ было бы чистейшей бессмыслицей.

В предыдущей главе мы рассматривали прибавочную стоимость, соответственно прибавочный продукт, лишь как индивидуальный потребительный фонд капиталиста, в этой главе мы рассматривали её до сих пор лишь как фонд накопления. В действительности прибавочная стоимость есть не только первый и не только второй фонд, а то и другое вместе. Часть прибавочной стоимости потребляется капиталистом как доход, другая часть её применяется как капитал, или накопляется.

Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почётом. В этом своём качестве он разделяет с собирателем сокровищ абсолютную страсть к обогащению. Но то, что у собирателя сокровищ выступает как индивидуальная мания, то для капиталиста суть действие общественного механизма, в котором он является только одним из колёсиков. Кроме того, **развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы**. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления.

При исторических зачатках капиталистического способа производства — а каждый капиталистический выскочка индивидуально проделывает эту историческую стадию — жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти. Но прогресс капиталистического производства создаёт не только новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной ступени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастного» капиталиста. Роскошь входит в представительские издержки капитала. Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает такого простодушного характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе её всегда таится самое грязное скряжничество и мелочная расчётливость; тем не менее расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему. Вместе с тем в благородной груди капиталиста развёртывается фаустовский конфликт между страстью к накоплению и жаждой наслаждений.

Итак, уже простая гуманность, очевидно, требует, чтобы капиталист был избавлен от мученичества и искушений тем же самым способом, каким отмена рабства избавила недавно рабовладельца

Джорджии от тяжкой дилеммы: растранжирить ли на шампанское весь прибавочный продукт, выколоченный из негров-рабов, или же часть его снова превратить в добавочное количество негров и земли.

Как мы помним, норма прибавочной стоимости зависит прежде всего от степени эксплуатации рабочей силы. Политическая экономия так высоко оценивает эту роль степени эксплуатации, что нередко отождествляет ускоренный рост накопления под влиянием повышения производительной силы труда с ускоренным ростом его под влиянием повышенной эксплуатации рабочего. В отделах о производстве прибавочной стоимости мы постоянно предполагали, что заработная плата, по меньшей мере, равна стоимости рабочей силы. Однако на практике насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости играет слишком важную роль, чтобы хоть вкратце не остановиться на нём. В известных границах это понижение фактически превращает необходимый фонд потребления рабочего в фонд накопления капитала.

«Если бы труд можно было получить без купли, заработная плата была бы излишней», — говорит Дж. Ст. Милль. Однако если бы рабочие могли питаться воздухом, их нельзя было бы купить ни за какую цену. Следовательно, даровой труд есть предел в **математическом** смысле этого слова: к нему всегда можно приближаться, никогда, однако, не достигая его. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы низвести рабочих до этого нигилистического уровня.

Рассмотрим ещё факты, играющие роль в образовании прибавочной стоимости без участия **нового** добавочного капитала.

В добывающей промышленности, например в горном деле, сырьё не является составной частью авансируемого капитала. Здесь предмет труда — не продукт предшествовавшего труда, а бесплатный дар природы. Таковы: металлические руды, минералы, каменный уголь, камни и так далее. Постоянный капитал состоит здесь почти исключительно из таких средств труда, которые очень хорошо позволяют применить увеличенное количество труда (например, путём введения дневных и ночных смен рабочих). Но ведь при прочих равных условиях масса и стоимость продукта растут прямо пропорционально приложенному количеству

труда. Как в первый день производства, здесь идут рука об руку оба первичных фактора, создающие продукт, а следовательно, создающие также и вещественные элементы капитала: человек и природа. Благодаря эластичности рабочей силы область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала.

В земледелии расширить обрабатываемую площадь без дополнительного авансирования посевного материала и удобрений невозможно. Но если это авансирование уже произведено, то даже чисто механическая обработка земли колоссально повышает количество продукта. Возросшее количество труда, доставленное прежним числом рабочих, повышает плодородие почвы, не требуя новых авансирований на средства труда. Это опять-таки прямое воздействие человека на природу, которое становится непосредственным источником повышенного накопления без участия нового капитала.

Наконец, в промышленности в собственном смысле этого слова каждая добавочная затрата на труд предполагает соответственную добавочную затрату на сырьё, но вовсе не обязательно на средства труда. А так как добывающая промышленность и земледелие доставляют обрабатывающей промышленности её собственное сырьё и сырьё для её средств труда, то на пользу последней идёт и то добавочное количество продуктов, которое создаётся первыми без добавочной затраты капитала.

То есть, овладевая двумя первичными созидателями богатства, рабочей силой и землёй, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, то есть стоимостью и массой тех уже произведённых средств производства, в виде которых капитал существует.

Другим важным фактором накопления капитала является уровень производительности общественного труда. С ростом производительной силы труда растёт и та масса продуктов, в которой выражается определённая стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость данной величины. При неизменной и даже при падающей норме прибавочной стоимости, если только последняя падает медленнее, чем увеличивается производительная сила труда, масса прибавочного продукта растёт. С ростом

производительности труда происходит удешевление рабочего, а следовательно, возрастание нормы прибавочной стоимости, даже в том случае, если реальная заработная плата повышается. Эта последняя никогда не увеличивается в том же отношении, как производительность труда. Итак, та же самая стоимость переменного капитала приводит в движение больше рабочей силы, а следовательно, и больше труда. Та же самая стоимость постоянного капитала выражается в большем количестве средств производства, то есть в большем количестве средств труда, материалов труда и вспомогательных материалов, и, следовательно, доставляет больше элементов, образующих как продукт, так и стоимость, или элементов, впитывающих в себя труд. Поэтому при **неизменной и даже понижающейся стоимости добавочного капитала имеет место ускоренное накопление**. Не только вещественно расширяются размеры воспроизводства, но производство прибавочной стоимости растёт быстрее, чем стоимость добавочного капитала.

Развитие производительной силы труда оказывает влияние также и на первоначальный капитал, то есть на капитал, уже находящийся в процессе производства. Часть функционирующего постоянного капитала состоит из средств труда, каковы машины и так далее, которые могут быть потреблены, следовательно, воспроизведены или замещены новыми экземплярами того же рода, лишь в течение более или менее продолжительных периодов. Но ежегодно часть этих средств труда отмирает, то есть достигает конечной цели своей производительной функции. Следовательно, эта часть ежегодно находится в стадии своего периодического воспроизводства или своего замещения новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда развивается в тех отраслях, где производятся эти средства труда, — а она развивается непрерывно с прогрессом науки и техники, — то место старых машин, инструментов, аппаратов и так далее заступают новые, более эффективные и сравнительно с размерами своей работы более дешёвые. Старый капитал воспроизводится в более производительной форме, не говоря уже о постоянных частичных изменениях в наличных средствах труда. Другая часть постоянного капитала, сырой и вспомогательный материал, воспроизводится непрерывно в течение года, материал

земледельческого происхождения — в большинстве своём раз в год. Следовательно, всякое улучшение методов и так далее воздействует здесь почти одновременно и на добавочный капитал, и на капитал уже функционирующий.

Труд переносит на продукт стоимость потреблённых им средств производства. С другой стороны, стоимость и масса средств производства, приводимых в движение данным количеством труда, растут пропорционально увеличению производительности труда. Следовательно, если данное количество труда и присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, то с ростом производительности труда растёт та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт.

Чем больше растёт капитал благодаря последовательному накоплению, тем сильнее возрастает и та сумма стоимости, которая распадается на фонд потребления и фонд накопления. Капиталист может поэтому жить более роскошно и в то же время усиливать своё «воздержание». И, в конце концов, все движущие пружины производства действуют тем энергичнее, чем сильнее расширяется вместе с массой авансированного капитала масштаб производства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое накопление капитала?
Как связаны накопление капитала и расширяющееся воспроизводство?
Что такое добавочный капитал?
Что гласит закон обмена?
Почему накопление капитала не противоречит закону обмена?
Что помогает росту нормы прибавочной стоимости?
Что переносит труд на созданный продукт?

Глава 23.
ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

техническое строение капитала, стоимостное строение капитала, органическое строение капитала, накопление капитала, абсолютный закон капиталистического способа производства, рычаги централизации капитала, неизбежность сокращения спроса на труд при капитализме, резервная армия труда при капитализме, формы относительного перенаселения при капитализме, всеобщий закон капиталистического накопления

В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое возрастание капитала оказывает на положение рабочего класса. Важнейшие факторы этого исследования — строение капитала и те изменения, которые претерпевает оно в ходе процесса накопления.

Строение капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал делится на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, то есть общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой. Первое я называю **стоимостным строением капитала**, второе — **техническим строением капитала**. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю стоимостное строение капитала, — поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, — **органическим строением капитала**. В тех случаях, где говорится просто о строении капитала, всегда следует подразумевать его органическое строение.

Возрастание капитала включает в себя возрастание его переменной, или превращаемой в рабочую силу, составной части.

Предположим, что в числе прочих неизменных условий остаётся без изменения и строение капитала, то есть что по-прежнему требуется всё та же масса рабочей силы для того, чтобы привести в движение определённую массу средств производства, или постоянного капитала; в таком случае спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, увеличивается пропорционально возрастанию капитала и увеличивается тем быстрее, чем быстрее растёт капитал. Так как каждый год применяется больше рабочих, чем в предыдущий, то раньше или позже должен наступить момент, когда потребности накопления начинают перерастать обычное предложение труда, когда, следовательно, наступает повышение заработной платы. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всего XV и первой половины XVIII века. Однако более или менее благоприятные условия, при которых наёмные рабочие сохраняются и размножаются, нисколько не изменяют основного характера капиталистического производства. Больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наёмных рабочих на другом. Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата.

Накопление капитала есть увеличение пролетариата.

Повышение цены труда вследствие накопления капитала в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наёмный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать её напряжение менее сильным. В спорах об этом предмете обыкновенно упускали из виду самое главное, а именно характерные особенности капиталистического производства. Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы её действием или её продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая, тем не менее, реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства. Рабочая сила может быть предметом продажи лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства как

капитал, воспроизводит свою собственную стоимость как капитал и в неоплаченном труде доставляет источник добавочного капитала. Следовательно, условия её продажи, будут ли они более благоприятны для рабочих или менее, предполагают необходимость постоянного повторения её продажи и постоянно расширяющееся воспроизводство богатства как капитала. Заработная плата, как мы видели, по своей природе постоянно обусловливает, что рабочий доставляет определённое количество неоплаченного труда.

> ***Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон капиталистического способа производства.***

Закон капиталистического производства, лежащий в основе мнимого «естественного закона народонаселения», сводится просто к следующему: отношение между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть не что иное, как отношение между неоплаченным трудом, превращённым в капитал, и добавочным трудом, необходимым для того, чтобы привести в движение добавочный капитал. Следовательно, это — отнюдь не отношение между двумя не зависимыми одна от другой величинами, между величиной капитала, с одной стороны, и численностью рабочего населения — с другой; напротив, это в последнем счёте отношение лишь между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но как только это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестаёт предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: уменьшается капитализируемая часть дохода, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы,

но и обеспечивается её воспроизводство в расширяющемся масштабе. Следовательно, закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьёзно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе.

> ***Закон капиталистического накопления** исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьёзно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе.*

Иначе оно и быть не может при таком способе производства, где рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук.

Раз даны общие основы капиталистической системы, в ходе накопления непременно наступает такой момент, когда **развитие производительности общественного труда становится мощнейшим рычагом накопления**.

С увеличением производительности труда не только возрастает объём потребляемых им средств производства, но и понижается стоимость их по сравнению с их объёмом. Таким образом, стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам. Поэтому разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя. Впрочем,

если прогресс накопления уменьшает относительную величину переменной части капитала, то этим он вовсе не исключает увеличения её абсолютной величины.

> *Разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя.*

С накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов. Два обстоятельства характеризуют концентрацию этого рода, непосредственно покоящуюся на накоплении или даже тождественную с ним. Во-первых: рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничен степенью возрастания общественного богатства. Во-вторых: часть общественного капитала, вложенная в каждую отдельную сферу производства, делится между многими капиталистами, которые противостоят один другому как независимые и конкурирующие друг с другом товаропроизводители. Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому, если, с одной стороны, накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов.

> *С одной стороны, накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов.*

Этому дроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом. Это — концентрация уже образовавшихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно арена его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь капитал сосредоточивается в огромных массах в одних руках потому, что там он исчезает из многих других рук. Это — собственно **централизация в отличие от накопления и концентрации**. Кроме того, вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит; вначале он потаённо прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также **конкуренция и кредит** — эти два наиболее мощных рычага централизации. Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять масштаб своих операций. Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, совершается ли централизация насильственным путём захвата, когда известные капиталы становятся центрами столь сильного тяготения для других, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние множества уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных

обществ, — экономическое действие во всех этих случаях остаётся одно и то же. Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, то есть для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.

> ***Централизация ведёт к прогрессирующему превращению разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.***

Добавочные капиталы, образованные в ходе нормального накопления, служат преимущественно средством для эксплуатации новых изобретений, открытий и вообще промышленных усовершенствований. Но и старый капитал достигает с течением времени момента, когда он обновляется с ног до головы, когда он меняет свою кожу и так же возрождается в технически усовершенствованном виде, при котором меньшей массы труда оказывается достаточно для того, чтобы привести в движение большую массу машин и сырья. Само собой разумеется, что **неизбежно вытекающее отсюда абсолютное сокращение спроса на труд** оказывается тем больше, чем больше капиталы, проделывающие этот процесс обновления, уже собраны в массы благодаря централизующему движению.

Итак, с одной ***стороны***, добавочный капитал, образованный в ходе накопления, притягивает всё меньше и меньше рабочих по сравнению со своей величиной. С другой ***стороны***, старый капитал, периодически воспроизводимый в новом строении, отталкивает всё больше и больше рабочих, которые раньше были заняты им.

С прогрессом накопления отношение постоянной части капитала к переменной изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1:1, то потом оно превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и так далее, так что, по мере возрастания капитала, в рабочую силу последовательно превращается не ½ его общей

стоимости, а лишь ⅓, ¼, ⅕, ⅙, ⅛ и так далее, в средства же производства — ⅔, ¾, ⅘, ⅚, ⅞ и так далее. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала, вместо того чтобы, как мы предполагали раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины. Правда, с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, то есть присоединяемая к нему рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции.

> *С возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, то есть присоединяемая к нему рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции.*

Капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, **относительно избыточное**, то есть избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население. Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения, так как всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек. Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Оно **образует промышленную резервную армию**, которой может располагать капитал и которая так же

абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил её на свой собственный счёт. Чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в решающие пункты большую массу людей. Её доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, имеющий форму десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, цикла, прерываемого более мелкими колебаниями, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и образовании вновь промышленной резервной армии, или перенаселения. Превратности промышленного цикла увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Строение капитала изменялось лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медленным ни был прогресс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплуатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии.

Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определённое количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дёшево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его сила возрастает с накоплением капитала.

Итак, с прогрессом накопления больший переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих; с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение большее количество труда при прежней массе рабочей силы и, наконец,

вытесняя рабочие силы высшего класса, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего класса.

Производство относительного перенаселения или высвобождение рабочих идёт поэтому ещё быстрее, чем и без того ускоряемый прогрессом накопления технический переворот производственного процесса и соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной.

В общем и целом, всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютной численности рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова высвобождается.

Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и сдерживает её требования в период перепроизводства и пароксизмов. Следовательно, **относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда**. Оно втискивает действие этого закона в границы, абсолютно согласные с жаждой эксплуатации и стремлением к господству, свойственными капиталу.

Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, когда он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придаёт перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым — во время кризисов, — то хроническим — во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, то **перенаселение всегда имеет три формы**: *текучую*, *скрытую* и *застойную*.

В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, металлургических заводах, рудниках и так далее — рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более

значительном количестве, так что, в общем и целом, число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в **текучей** форме. К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или оттесняется с высшей ступени на низшую. Как раз у **рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни**. Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности, — и той премией за производство рабочих детей, которую даёт их эксплуатация.

Как только капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того, как оно овладевает им, спрос на сельскохозяйственных рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причём выталкивание рабочих не сопровождается, как в производстве неземледельческом, большим привлечением их. Часть сельского населения находится поэтому постоянно в таком состоянии, когда оно вот-вот перейдёт в ряды городского или мануфактурного пролетариата, и выжидает условий, благоприятных для этого превращения. Этот источник относительного перенаселения течёт постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное **скрытое** перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко. Поэтому заработная плата сельскохозяйственного рабочего низводится до минимальных размеров, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма.

Застойное перенаселение, образует часть активной рабочей армии, которая характеризуется крайней нерегулярностью занятий. В силу этого она составляет для капитала неисчерпаемый резервуар свободной рабочей силы. Её жизненный уровень опускается ниже среднего нормального уровня рабочего класса, и как раз это делает её для капитала широким базисом отраслей особенной эксплуатации. Она характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы. Под рубрикой работы на дому мы уже познакомились с её главной формой.

Наконец, **низший слой относительного перенаселения обитает в сфере пауперизма**. Если оставить в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, — короче говоря, весь люмпен-пролетариат в собственном смысле этого слова, то этот слой общества состоит из трёх категорий. Во-первых: работоспособные. Во-вторых: сироты и дети пауперов. В-третьих: опустившиеся, босяки, неработоспособные. Вместе с относительным перенаселением пауперизм составляет условие существования капиталистического производства и развития богатства.

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем **больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия**. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления. Подобно всем другим законам, в своём осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами.

> ***Чем больше резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.***

Закон, согласно которому всё возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение всё с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе

капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятости, тем ненадёжнее, следовательно, необходимое условие их существования: продажа собственной силы для умножения чужого богатства или для самовозрастания капитала. Таким образом, увеличение средств производства и производительности труда, более быстрое, чем увеличение производительного населения, получает капиталистическое выражение, наоборот, в том, что рабочее население постоянно увеличивается быстрее, чем потребность в возрастании капитала.

Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, то есть на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

С каких двух точек зрения можно рассматривать строение капитала?
Что такое техническое строение капитала?
Что такое стоимостное строение капитала?
Что такое органическое строение капитала?
Что есть накопление капитала?
Как звучит абсолютный закон капиталистического способа производства?
Что исключает закон капиталистического накопления?
Что за мощные рычаги централизации капитала?
Почему неизбежно сокращение спроса на труд при капитализме?
Что такое резервная армия труда при капитализме?
Какие формы имеет относительное перенаселение при капитализме?
Как формулируется всеобщий закон капиталистического накопления?

Глава 24.
ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

процесс так называемого первоначального накопления, первоначальное возникновение капиталистов

Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как за счёт прибавочной стоимости увеличивается капитал. Накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, всё это движение вращается, по-видимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное», являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом.

Это первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии: Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошёл грех. В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие всё, что у них было, и даже больше того. Правда, теологическая легенда о грехопадении рассказывает нам, как человек был осуждён есть свой хлеб в поте лица своего; история же экономического грехопадения раскрывает, как могли появиться люди, совершенно не нуждающиеся в этом. Но это всё равно. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры.

Подобные пошлые сказки пережёвывает, например, в целях оправдания собственности, господин Тьер некогда столь остроумным французам, да ещё с торжественно-серьёзной миной государственного мужа. Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие. Но в кроткой политической экономии

искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение составлял, разумеется, «этот год». В действительности методы первоначального накопления — это всё, что угодно, но только не идиллия.

Деньги и товары, точно так же как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определённых обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различных вида товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт — с одной стороны, собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двояком смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и так далее, но и средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство; напротив, они свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их. Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в постоянно возрастающем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наёмных рабочих. Следовательно, так **называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства**. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства.

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого. Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несёт свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наёмных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые властители, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой стороны их возвышение представляется как плод победоносной борьбы против феодальной власти с её возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают цехи на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, к которым они сами были совершенно непричастны. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наёмного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую. Для того чтобы

понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблёкла блестящая страница средневековья — вольные города.

В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Её история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи.

Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое по-узурпаторски и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путём удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата.

Деревенское население, насильственно лишённое земли, изгнанное и превращённое в бродяг, старались приучить, опираясь на чудовищно террористические законы, к дисциплине наёмного труда поркой, клеймами, пытками.

Мало того, что на одном полюсе выступают условия труда как капитал, а на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Мало также принудить этих людей добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам

признаёт условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы. Организация развитого капиталистического процесса производства сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а, следовательно и заработную плату, в границах, соответствующих потребности капитала в возрастании; слепая сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, ещё продолжает применяться, но лишь в виде исключения.

Мы рассмотрели те насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наёмных рабочих, те грязные высокогосударственные меры, которые, усиливая степень эксплуатации труда, повышали полицейскими способами накопление капитала. Спрашивается теперь: **откуда же возникли первоначально капиталисты?**

Ведь экспроприация сельского населения создаёт непосредственно лишь крупных земельных собственников. Что касается генезиса фермеров, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это медленный процесс, растянувшийся на многие столетия. Уже крепостные, а наряду с ними и свободные мелкие земельные собственники, находились в очень различном имущественном положении, а потому и освобождение их совершилось при очень различных экономических условиях.

В Англии первой формой фермера был управляющий господским имением, который сам оставался крепостным. Во второй половине XIV столетия на место управляющего становится фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и земледельческими орудиями. Положение его не очень отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наёмного труда. Скоро он становится фермером-половинником. Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лендлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом. В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал, ведёт хозяйство при помощи наёмных рабочих и отдаёт лендлорду

деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты.

В течение XV века, пока труд независимых крестьян и сельскохозяйственных рабочих, занимавшихся наряду с работой по найму в то же время и самостоятельным хозяйством, шёл в их собственную пользу, уровень жизни фермера был так же незначителен, как и сфера его производства. Земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (за исключением последних его десятилетий), обогащала фермера так же быстро, как разоряла сельское население. Узурпация общинных пастбищ и тому подобное позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как скот доставляет богатое удобрение для его земли.

В XVI веке сюда присоединяется ещё один момент, имеющий решающее значение. В то время арендные договоры заключались на продолжительные сроки, нередко на 99 лет. Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а следовательно, и стоимости денег, было очень выгодно для фермеров. Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть заработной платы превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, — одним словом, на все сельскохозяйственные продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всяких усилий с его стороны, между тем земельную ренту он уплачивал на основе договоров, заключённых при прежней стоимости денег. Таким образом он обогащался одновременно и за счёт своих наёмных рабочих, и за счёт своего лендлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «**капиталистических фермеров**».

Генезис **промышленного капиталиста** не отличался той постепенностью, какой характеризуется генезис фермера. Средние века оставили после себя две различные формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал.

Превращению денежного капитала, образовавшегося путём ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе. Ограничения эти пали, когда были распущены феодальные дружины, когда сельское население было экспроприировано и отчасти изгнано. Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. Отсюда ожесточённая борьба английских городов с цеховым корпоративным строем против этих новых питомников промышленности.

Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства.

Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. «Общества-монополии» были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, которая первой полностью развила колониальную систему, уже в 1648 году достигла высшей точки своего торгового могущества.

В XIX веке промышленная гегемония влечёт за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда решающая роль, которую в то время играла колониальная система. Это был тот «неведомый бог», который взошёл на алтарь наряду со старыми божествами Европы и в один прекрасный день одним махом всех их выбросил вон. Колониальная система провозгласила наживу последней и единственной целью человечества.

Система общественного кредита, то есть государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции ещё в средние века, распространилась по всей Европе в течение мануфактурного периода. Колониальная система с её морской

торговлей и торговыми войнами послужила для неё теплицей. Так она прежде всего пустила корни в Голландии. Государственный долг, то есть отчуждение государства — всё равно: деспотического, конституционного или республиканского, — накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги. **Вполне последовательна поэтому современная доктрина, что народ тем богаче, чем больше его задолженность**. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу.

Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебной палочки он наделяет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но кроме созданного таким образом класса праздных рантье и импровизированного богатства финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, кроме откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых попадает добрая доля всякого государственного займа в качестве капитала, свалившегося с неба, государственный долг создал акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, ажиотаж, одним словом — биржевую игру и современную банкократию.

С самого своего зарождения крупные банки, подкреплённые национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов, которые оказывали содействие правительствам и, благодаря полученным привилегиям, могли ссужать им деньги. Поэтому самым непогрешимым

мерилом накопления государственного долга является прогрессивное повышение акций этих банков, расцвет которых начинается с момента учреждения Английского банка (1694). Английский банк начал свою деятельность ссудами правительству денег из 8%; вместе с тем он был уполномочен парламентом чеканить деньги из того же самого капитала, который он ещё раз ссужал публике в форме банкнот. Этими банкнотами он мог дисконтировать векселя, давать ссуды под товары, скупать на них благородные металлы. Прошло немного времени, и эти фабрикуемые самим банком кредитные деньги стали функционировать как звонкая монета: банкнотами выдавал Английский банк ссуды государству, банкнотами уплачивал за государство проценты по государственным займам. Мало того, что он одной рукой давал, чтобы другой взять гораздо больше; даже когда он получал, он оставался вечным кредитором нации на всю данную им сумму до последней копейки. Мало-помалу он стал непременным хранителем металлического запаса страны и центром тяготения для всего торгового кредита. В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот. Какое впечатление произвело на современников внезапное появление этого отродья банкократов, финансистов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков, показывают сочинения того времени, например сочинения Болингброка.

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет собой один из скрытых источников первоначального накопления у того или другого народа. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили подобное скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией, позднее Англией и США.

Так как государственные долги опираются на государственные доходы, за счёт которых должны покрываться годовые проценты и тому подобные платежи, то современная налоговая система стала необходимым дополнением системы государственных займов. Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что налогоплательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют, в конце

концов, повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное последовательно нарастающими долгами, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать всё к новым и новым займам. Таким образом, современная фискальная система, осью которой является обложение необходимейших жизненных средств (следовательно, их вздорожание), в самой себе несёт зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайный факт, а скорее её принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот де Витт прославляет её в своих «Максимах» как наилучший способ развить в наёмном рабочем покорность, умеренность, прилежание и ... готовность переносить чрезмерный труд. Однако нас интересует здесь не столько то разрушительное влияние, которое современная фискальная система оказывает на положение наёмных рабочих, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников — одним словом, всех составных частей мелкой буржуазии. Об этом нет двух мнений, даже среди буржуазных экономистов. Экспроприирующее действие фискальной системы ещё больше усиливается благодаря протекционизму, который сам является одной из составных частей фискальной системы.

С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала.

Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, то есть его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наёмных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, то есть уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги,

тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путём централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путём применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растёт и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. **Экспроприаторов экспроприируют**.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном

труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса своё собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землёй и произведёнными самим трудом средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжёлым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Чем является (в своей сути) процесс так называемого первоначального накопления?
Откуда первоначально возникли капиталисты?
К чему всё идёт?

Глава 25.
КОЛОНИИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

капиталистический способ производства и накопления уничтожает частную собственность, покоящуюся на собственном труде

Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и вырастает лишь на его могиле.

На западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления завершился. Капиталистический режим или прямо подчинил себе здесь всё национальное производство, или, где отношения менее развиты, он, по меньшей мере косвенно, контролирует те продолжающие ещё существовать наряду с ним и погибающие общественные слои, которые относятся к устаревшему способу производства. К этому готовому миру капитала экономист с тем более трусливым усердием и с тем большим умилением применяет представления о праве и собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии.

Иначе обстоит дело в колониях. Капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем проявляется здесь на практике в их борьбе. Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде производителя. Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы побуждают его здесь «очистить свою совесть в этом отношении» и громко провозгласить противоположность этих способов производства. С этой целью

он показывает, что развитие общественной производительной силы труда — кооперация, разделение труда, применение в крупном масштабе машин и так далее — невозможно без экспроприации работников и соответствующего превращения их средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства он ищет искусственных средств для создания народной бедности. Его апологетический панцирь рассыпается здесь на куски, как дряблый трут.

Однако здесь нас занимает не положение колоний. Нас интересует здесь только тайна, которую открыла в Новом свете и громко возвестила политическая экономия Старого света: **капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность предполагают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, то есть предполагают экспроприацию работника**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему капиталистический способ производства и накопления уничтожает частную собственность, покоящуюся на собственном труде?

Книга II

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

По книге Карла Маркса «Капитал», книга 2

Отдел 1.
МЕТАМОРФОЗЫ КАПИТАЛА И ИХ КРУГООБОРОТ

Глава 1.
КРУГООБОРОТ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА

кругооборот денежного капитала и его общая формула, момент становления денег капиталом, кругооборот капитала для транспорта и связи, процесс кругооборота капитала, обманчивость формулы кругооборота денежного капитала

Процесс кругооборота капитала проходит три стадии, которые, как изложено в первом томе, образуют следующий ряд:

Первая стадия: Капиталист появляется на товарном рынке и на рынке труда как покупатель; его деньги превращаются в товар, или проделывают акт обращения **Д — Т**.

Вторая стадия: Производительное потребление купленных товаров капиталистом. Он действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал совершает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства.

Третья стадия: Капиталист возвращается на рынок как продавец; его товар превращается в деньги, проделывает акт обращения **Т — Д**.

Следовательно, формула для кругооборота денежного капитала такова: **Д — Т … П … Т' — Д'**, где точки обозначают, что процесс обращения прерван, а **Т'**, равно как и **Д'**, означает **Т** и **Д**, увеличенные на прибавочную стоимость.

> *Общая формула **кругооборота денежного капитала**:*
> ***Д — Т…П…Т' — Д'***

В первом томе первая и третья стадии исследовались лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания второй стадии — процесса производства капитала. Поэтому там остались нерассмотренными те различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота. Теперь они

составляют предмет более подробного исследования — рассмотрим каждую стадию подробнее.

Первая стадия: Д—Т

Д—Т представляет собой превращение известной суммы денег в известную сумму товаров: для покупателя — превращение его денег в товар, для продавцов — превращение их товаров в деньги. Этот акт общего товарного обращения становится в то же самое время функционально определённым отделом в самостоятельном кругообороте индивидуального капитала прежде всего вследствие особого характера потребления тех товаров, которые меняются местом с деньгами. Это, с одной стороны, — средства производства, с другой стороны — рабочая сила: вещные и личные факторы товарного производства, особый характер которых, конечно, должен соответствовать тому виду изделий, который предполагается производить.

Если мы назовём рабочую силу **Р**, средства производства **Сп**, то покупаемая капиталистом сумма товаров **Т = Р + Сп**, или, короче: $\mathbf{Т < \frac{Р}{Сп}}$. Следовательно, рассматриваемый со стороны своего содержания акт **Д—Т** представляет собой: $\mathbf{Д—Т < \frac{Р}{Сп}}$. Таким образом, **Д—Т** распадается на **Д—Р** и **Д—Сп** (денежная сумма **Д** разделяется на две части, одна из которых идёт на покупку рабочей силы, а другая — на покупку средств производства). Эти два ряда покупок имеют место на совершенно различных рынках: один — на собственно товарном рынке, другой — на рынке труда.

Когда акт $\mathbf{Д—Т < \frac{Р}{Сп}}$ совершился, покупатель располагает не только средствами производства и рабочей силой, необходимыми для производства какого-либо полезного предмета. Он располагает бóльшим количеством приводимой в действие рабочей силы, или бóльшим количеством труда, чем необходимо для возмещения стоимости рабочей силы, и в то же время располагает средствами производства, требующимися для реализации или овеществления этой суммы труда; следовательно, он располагает факторами производства изделий большей стоимости, чем стоимость элементов их производства, или располагает факторами производства товарной массы, содержащей прибавочную стоимость. Следовательно,

стоимость, авансированная им в денежной форме, находится теперь в такой натуральной форме, в которой она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость (в виде товаров). Другими словами: она находится в состоянии или в форме **производительного капитала**, который обладает способностью функционировать как созидающий стоимость и прибавочную стоимость. Обозначим капитал в этой форме через **П**.

> *Стоимость, авансированная капиталистом в денежной форме и находящаяся теперь в такой натуральной форме, в которой она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость (в виде товаров) — находится в состоянии (в форме) **производительного капитала**, который обладает способностью функционировать как созидающий стоимость и прибавочную стоимость.*

Но стоимость **П** = стоимости **Р + Сп = Д**, превращённому в **Р** и **Сп**. **Д** есть та же самая капитальная стоимость, как и **П**, только форма её существования другая, а именно, это — капитальная стоимость в денежном состоянии, или в денежной форме: это — **денежный капитал**.

> *Капитальная стоимость в денежном состоянии (в денежной форме) есть **денежный капитал**.*

Поэтому акт **Д—Т**, то есть сумма всех актов купли товаров, будучи актом общего товарного обращения, в то же время, как стадия в самостоятельном процессе кругооборота капитала, есть превращение капитальной стоимости из её денежной формы в её производительную форму, или, короче, **превращение денежного капитала в производительный капитал**. Следовательно, в той фигуре кругооборота, которая здесь рассматривается в первую очередь, деньги являются первым носителем капитальной стоимости, а потому денежный капитал является той формой, в которой авансируется капитал. Капитальная стоимость в денежном состоянии может выполнять лишь функции денег и никаких иных. Что превращает эти функции в функции

капитала, так это их определённая роль в движении капитала, а потому и связь стадии, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота.

Обращение денежного капитала **Д** распадается на **Д — Сп** и **Д — Р**, на куплю средств производства и куплю рабочей силы. Рассмотрим последний акт сам по себе. Со стороны капиталиста **Д — Р** есть купля рабочей силы; со стороны рабочего, владельца рабочей силы, это есть продажа рабочей силы, мы можем сказать здесь, — продажа труда, ибо форма заработной платы уже предполагается. В тот момент, когда капиталист и наёмный рабочий противостоят друг другу в акте **Д — Р** (**Р — Д** со стороны рабочего), **классовое отношение между капиталистом и наёмным рабочим уже имеется налицо**, уже предположено. Рассматриваемый акт — это купля и продажа, денежное отношение, но такая купля и продажа, где покупателем предполагается капиталист, а продавцом — наёмный рабочий; это отношение возникло в силу того, что условия для реализации рабочей силы — жизненные средства и средства производства — отделены от владельца рабочей силы как чужая собственность.

Если **Д — Р** является функцией денежного капитала или если деньги являются здесь формой существования капитала, то отнюдь не только потому, что деньги выступают здесь в качестве средства платежа за человеческую деятельность, имеющую полезный эффект, за услугу; следовательно, отнюдь не вследствие функции денег как средства платежа. Деньги могут быть израсходованы в такой форме лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства (включая сюда и жизненные средства как средства производства самой рабочей силы); потому что это отделение устраняется лишь таким способом, что рабочая сила продаётся собственнику средств производства, что, следовательно, покупателю принадлежит также и функционирование рабочей силы, границы которого отнюдь не совпадают с границами количества труда, необходимого для воспроизводства её собственной цены. **Капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения**, в тех различных основных экономических условиях, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их

классовом отношении. Это отношение вытекает не из природы денег; напротив, **лишь существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала**.

> *Капиталистическое отношение проявляется в процессе производства потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в тех различных основных экономических условиях, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Это отношение вытекает не из природы денег. Наоборот, именно существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала.*

Купля и продажа рабов по своей форме тоже является куплей и продажей товаров. Однако без существования рабства деньги не могут совершать эту функцию. Если рабство существует, то и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, наличия денег в руках покупателя ещё отнюдь недостаточно для того, чтобы сделать рабство возможным.

Сущность дела, лежащая здесь в основе акта $\mathbf{Д—Т<}^{\mathbf{Р}}_{\mathbf{Сп}}$, есть распределение; не распределение в обычном смысле как распределение предметов потребления, а распределение элементов самого производства, причём предметные факторы сконцентрированы на одной стороне, рабочая же сила, изолированная от них, — на другой. Следовательно, средства производства, предметная часть производительного капитала, уже должны противостоять рабочему как таковые, как капитал, прежде чем акт **Д—Р** может стать всеобщим общественным актом.

Совершенно ясно, что формула для кругооборота денежного капитала: **Д—Т…П…Т'—Д'**, является само собой разумеющейся формой кругооборота капитала лишь на основе уже **развитого капиталистического производства**, так как она предполагает наличие класса наёмных рабочих в общественном масштабе. **Капиталистическое производство, как мы видели, производит не только товар и прибавочную стоимость; оно воспроизводит, притом в постоянно расширяющемся масштабе, класс наёмных рабочих**

и превращает в наёмных рабочих подавляющее большинство непосредственных производителей.

Поэтому кругооборот **Д—Т…П…Т'—Д'**, поскольку первой предпосылкой его осуществления является постоянное наличие класса наёмных рабочих, уже предполагает капитал в форме производительного капитала, а потому предполагает и форму кругооборота производительного капитала.

Вторая стадия: П

Потребление рабочей силы, то есть труд, может быть реализовано лишь в процессе труда. Капиталист не может вновь продать рабочего как товар, потому что рабочий не раб его и потому что он купил лишь пользование его рабочей силой в течение определённого времени. С другой стороны, он может использовать рабочую силу, лишь заставляя её использовать средства производства в качестве факторов создания товаров. Следовательно, результат первой стадии — это вступление во вторую, в производительную стадию капитала.

Когда производство посредством наёмного труда приобретает всеобщий характер, товарное производство должно стать всеобщей формой производства. Товарное производство, предполагая, что оно имеет всеобщий характер, обусловливает, со своей стороны, постоянно возрастающее разделение общественного труда, то есть постоянно увеличивающееся обособление продукта, производимого определённым капиталистом как товар, всё большее разделение взаимно дополняющих друг друга процессов производства на самостоятельные процессы. Поэтому в **той самой степени, в какой развивается Д—Р, развивается и Д—Сп**, то есть в той же мере производство средств производства отделяется от производства товаров, по отношению к которым они являются средствами производства, а последние сами противостоят каждому товаропроизводителю как товары, которых он не производит, но которые он покупает для своего определённого процесса производства. Они выходят из отраслей производства, которые совершенно отделены от его собственной, которые ведутся самостоятельно, — они входят в его отрасль производства как товары; следовательно, их приходится покупать. Вещные

условия товарного производства всё в большей мере противостоят товаропроизводителю как продукты других товаропроизводителей, как товары. И в той же мере капиталист должен выступать как денежный капиталист; иначе говоря — **расширяется тот масштаб, в котором его капитал должен функционировать как денежный капитал**.

С другой стороны, те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наёмных рабочих, — содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, в какой последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим образом на всякую более старую форму производства, которая, будучи направлена преимущественно на удовлетворение непосредственных собственных потребностей, превращает в товар только избыток продукта. Продажу продукта оно делает главным интересом, причём сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, — таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайский, индийский, арабский и так далее. Но **там, где капиталистическое товарное производство пустило корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служили или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта**. **Сначала оно делает товарное производство всеобщей формой производства, а потом постепенно превращает всё товарное производство в капиталистическое производство**.

Всякое предприятие, занимающееся производством товаров, становится вместе с тем предприятием по эксплуатации рабочей силы; но лишь капиталистическое товарное производство становится таким, составляющим новую эпоху способом эксплуатации, который в своём дальнейшем историческом развитии, организуя процесс труда и колоссально развивая технику, совершает переворот во всей экономической структуре общества и оставляет далеко позади все предшествовавшие эпохи.

Если **рабочая сила есть товар только в руках её продавца, наёмного рабочего, то, напротив, капиталом она становится только в руках её покупателя, капиталиста,**

которому достаётся её временное потребление. Сами средства производства становятся предметным воплощением производительного капитала, или производительным капиталом, только с того момента, когда рабочая сила, как личная форма существования того же капитала, получает возможность соединяться с ними. Следовательно, как рабочая сила человека не является капиталом от природы, точно так же не являются капиталом от природы и средства производства. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определённых, исторически развившихся условиях, подобно тому, как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги — характер денежного капитала.

Третья стадия: Т'—Д'

Товар становится **товарным капиталом** как вышедшая непосредственно из самого процесса производства функциональная форма существования уже возросшей капитальной стоимости. Если бы товарное производство во всём его общественном размере велось капиталистически, то всякий товар с самого начала был бы элементом товарного капитала, состоит ли этот товар из чугуна или брюссельских кружев, серной кислоты или сигар. Проблема, какие виды товаров своим свойством предопределены к возведению в ранг капитала и какие к рядовой товарной службе, является одним из тех невинных затруднений, которые создала для себя сама схоластическая политическая экономия.

> ***Товарный капитал** — это вышедшая непосредственно из самого процесса производства функциональная форма существования уже возросшей капитальной стоимости.*

Капитал, находясь в товарной форме, должен выполнять функцию товара. Предметы, из которых он состоит, произведённые с самого начала для рынка, должны быть проданы, превращены в деньги, следовательно, должны совершить движение **Т—Д**.

Товарная масса **Т'**, как носитель капитала, возросшего по стоимости, должна, далее, во всём своём объёме проделать метаморфоз **Т'—Д'**.

Если принять **Т' = Т + ΔТ** (где **ΔТ** — прибавочный продукт), далее, если **ΔТ**, выраженное в деньгах, мы обозначим посредством **ΔД**, то получим: **Т' — Д' = (Т + ΔТ) — (Д + ΔД)**, а кругооборот **Д — Т … П … Т' — Д'** в его распространённой форме будет, следовательно, обозначаться:

$$Д — Т < \begin{matrix} Р \\ Сп \end{matrix} \ldots П \ldots (Т + \Delta Т) — (Д + \Delta Д) \text{ или}$$

$$Д — Т < \begin{matrix} Р \\ Сп \end{matrix} \ldots П \ldots Т' < \begin{matrix} Т — Д \\ \Delta Т — \Delta Д \end{matrix}$$

Прибавочная стоимость, **ΔТ**, только в процессе производства и появилась на свет. Следовательно, она впервые выступает на товарный рынок и выступает притом именно в товарной форме; это — первая форма её обращения, а потому акт **ΔТ — ΔД**, первый акт её обращения, или её первый метаморфоз, который, следовательно, ещё остаётся дополнить посредством противоположного акта обращения, или посредством обратного метаморфоза **ΔД — ΔТ**.

Иначе обстоит дело с обращением, которое совершает капитальная стоимость **Т** в том же самом акте обращения **Т' — Д'**, являющемся для неё актом обращения **Т — Д**, где **Т** равно первоначально авансированному **Д**. Капитальная стоимость открыла первый акт своего обращения как **Д**, как денежный капитал, и посредством акта **Т — Д** возвращается к той же самой форме; следовательно, она прошла обе противоположные фазы обращения 1) **Д — Т** и 2) **Т — Д** и опять оказалась в такой форме, в которой она снова может начать тот же процесс кругооборота. **То, что для прибавочной стоимости является первым превращением товарной формы в денежную форму, для капитальной стоимости является возвратом, или обратным превращением в её первоначальную денежную форму**.

> *Что **для прибавочной стоимости** является первым превращением товарной формы в денежную форму, то **для капитальной стоимости** является возвратом, или обратным превращением в её первоначальную денежную форму.*

Необходимо отметить обстоятельства двоякого рода. Во-первых, заключительное обратное превращение капитальной стоимости в её первоначальную денежную форму есть функция товарного капитала. Во-вторых, эта функция включает в себя первое превращение прибавочной стоимости из её первоначальной товарной формы в денежную форму. Таким образом, денежная форма играет здесь двоякую роль: с одной стороны, она представляет ту форму, к которой возвращается стоимость, первоначально авансированная в деньгах, — следовательно, возврат к той форме стоимости, которой открылся процесс; с другой стороны, она — первая превращённая форма той стоимости, которая первоначально вступает в обращение в товарной форме.

Итак, в конце процесса капитальная стоимость находится опять в той же форме, в которой она вступила в него, и, следовательно, снова в качестве денежного капитала может открыть и совершить этот процесс. Именно потому, что исходная и заключительная формы процесса являются формой денежного капитала (**Д**), процесс кругооборота в этой форме назван нами кругооборотом денежного капитала. В конце процесса оказывается изменившейся не форма, а только величина авансированной стоимости.

Кругооборот в целом

В обоих метаморфозах, в **Д — Т** и в **Т' — Д'**, относящихся к обращению, всякий раз противостоят друг другу и заменяют друг друга равновеликие, одновременно существующие стоимости. **Изменение величины стоимости принадлежит исключительно метаморфозу П**, процессу производства, который, таким образом, является реальным метаморфозом капитала, в противоположность лишь формальным метаморфозам в сфере обращения.

Рассмотрим теперь движение **Д — Т … П … Т' — Д'** в целом или его развёрнутую форму:

$$Д — Т < \begin{matrix} Р \\ С_п \end{matrix} \ldots П \ldots Т' (Т + \Delta Т) — Д' (Д + \Delta Д)$$

Капитал является здесь стоимостью, которая проходит последовательный ряд взаимно связанных, обусловливаемых друг

другом превращений, ряд метаморфозов, которые составляют такой же ряд фаз или стадий всего процесса. Две из этих фаз относятся к сфере обращения, одна — к сфере производства. В каждой из этих фаз капитальная стоимость находится в особой форме, которой соответствует особая, специальная функция. В этом движении авансированная стоимость не только сохраняется, но и возрастает, увеличивается. Наконец, в заключительной стадии она возвращается к той самой форме, в которой появилась в начале всего процесса. Таким образом, этот процесс, как целое, есть процесс кругооборота.

Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, суть формы денежного капитала и товарного капитала; её форма, относящаяся к стадии производства, есть форма производительного капитала. Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть **промышленный капитал**; слово промышленный употребляется здесь в том значении, в котором оно охватывает всякую, ведущуюся капиталистически отрасль производства.

> Две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, суть формы **денежного капитала** и **товарного капитала**; а форма капитальной стоимости, относящаяся к стадии производства, есть форма **производительного капитала**.

> Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает все эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть **промышленный капитал**.

Следовательно, денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные виды капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделённых друг от друга отраслей предпринимательства. Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает все эти три формы одну за другой.

Кругооборот капитала совершается нормально лишь до тех пор, пока его различные фазы без задержек переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе **Д — Т**, то денежный капитал затвердевает в виде сокровища; если на производственной фазе (**П**), то на одной стороне лежат, не функционируя, средства производства, между тем как на другой стороне остаётся незанятой рабочая сила; если капитал задерживается на последней фазе **Т' — Д'**, то нераспроданные товары, накопляясь, преграждают путь потоку обращения.

С другой стороны, по сути дела, кругооборот сам обусловливает фиксацию капитала, фиксацию на определённые сроки, в отдельных фазах кругооборота. В каждой из своих фаз промышленный капитал связан с одной определённой формой — как денежный капитал, производительный капитал, товарный капитал. Лишь выполнив функцию, соответствующую той форме, в которой он находится в данное время, он приобретает форму, в которой может вступить в новую фазу превращения.

В общей формуле продукт **П** рассматривается как материальная вещь, отличная от элементов производительного капитала, как предмет, который обладает обособленным от процесса производства существованием, который обладает потребительной формой, отличной от потребительной формы элементов производства. Это имеет место во всех случаях, когда результат процесса производства выступает как вещь, — даже там, где часть продукта снова входит как элемент в возобновляемое производство. Так, зерно в качестве семян служит для производства зерна, но продукт состоит только из зерна, следовательно, имеет форму, отличную от других элементов, также нашедших применение, — от рабочей силы, орудий труда, удобрений.

Однако существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт процесса производства не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность, осуществляющая **перевозки и связь**, будет ли то собственно транспортная промышленность по перевозке товаров и людей или же просто передача сообщений, писем, телеграмм.

Следовательно, для транспортной промышленности формула будет такова: **Д — Т … П — Д'**, ибо здесь оплачивается

и потребляется самый процесс производства, а не продукт, который может быть отделён от него. Следовательно, перед нами почти точно такая же форма, как и форма для производства благородных металлов, с той только разницей, что Д' является здесь превращённой формой полезного эффекта, созданного во время процесса производства, а не натуральной формой золота или серебра, добытых во время этого процесса и вытолкнутых из него.

> *Формула кругооборота денежного капитала для* ***транспортной промышленности*** *такова:* ***Д—Т…П—Д'***

Промышленный капитал есть единственный способ существования капитала, при котором функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости, соответственно присвоение прибавочного продукта, но в то же время и её создание. Поэтому промышленный капитал обусловливает капиталистический характер производства; существование промышленного капитала включает в себя наличие классовой противоположности между капиталистами и наёмными рабочими. По мере того, как он овладевает общественным производством, совершается переворот в технике и в общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономико-историческом типе общества. Другие **виды капитала**, которые появились до него в рамках отошедших в прошлое или гибнущих укладов общественного производства, не только подчиняются ему и не только претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой своей основой. Денежный капитал и товарный капитал, поскольку они со своими функциями выступают наряду с промышленным капиталом как носители особых отраслей предпринимательства, суть лишь достигшие самостоятельности вследствие общественного разделения труда и односторонне развитые способы существования различных функциональных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения.

Итак, если мы посмотрим на **Д—Т…П…Т'—Д'** как на **особую форму процесса кругооборота капитала** наряду

с другими формами, которые будут исследованы впоследствии, то она характеризуется следующим:

1. Она является кругооборотом денежного капитала, потому что промышленный капитал в своей денежной форме, как денежный капитал, образует исходный пункт всего процесса и пункт, к которому этот процесс возвращается. Для делания денег процесс производства является лишь неизбежным посредствующим звеном, необходимым злом. Поэтому **все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства**.

2. Стадия производства, функция **П**, образует в этом кругообороте перерыв между двумя фазами обращения **Д — Т** и **Т' — Д'**, который, в свою очередь, лишь опосредствует простое обращение **Д — Т — Д'**. Процесс производства в самой этой форме процесса кругооборота формально и определённо предстаёт тем, чем он и является при капиталистическом способе производства: простым средством для увеличения авансированной стоимости; следовательно, обогащение как таковое является здесь самоцелью производства.

3. Так как последовательный ряд фаз открывается фазой **Д — Т**, то вторым звеном обращения является **Т' — Д'**; следовательно, исходный пункт — **Д**, денежный капитал, которому ещё предстоит возрасти по стоимости; заключительный пункт — **Д'**, уже возросший по стоимости денежный капитал **Д + ΔД**, где **Д** наряду со своим отпрыском **ΔД** фигурирует как реализованный капитал. Это отличает кругооборот **Д** от двух других кругооборотов, **П** и **Т'**, и отличает в двояком отношении. С одной стороны, отличие состоит в денежной форме обоих крайних членов; деньги же суть самостоятельная осязательная форма существования стоимости, суть стоимость продукта в той её самостоятельной форме, в которой исчез всякий след потребительной стоимости товаров. С другой стороны, форма **П … П** не необходимо превращается в **П … П'** (то есть в **П + ΔП**), а в форме **Т' … Т'** вообще не видно никакой разницы в стоимости двух крайних членов. — Следовательно, для формулы **Д … Д'**, с одной стороны, характерно то, что капитальная стоимость составляет исходный пункт,

а возросшая капитальная стоимость заключительный пункт, так что авансирование капитальной стоимости является средством, возросшая капитальная стоимость — целью всей операции; с другой стороны, для неё характерно то обстоятельство, что это отношение выражено в денежной форме, в самостоятельной форме стоимости, а потому денежный капитал получает выражение как деньги, порождающие деньги.

4. Так как **Д'**, реализованный денежный капитал, как результат **Т' — Д'**, то есть дополнительной и заключительной фазы **Д — Т**, находится абсолютно в той же форме, в которой он начал свой первый кругооборот, то, выйдя из него, он может снова начать такой же кругооборот, как увеличенный (накопленный) денежный капитал: **Д' = Д + ΔД**; форма **Д … Д'**, по меньшей мере, не выражает того, что при повторении кругооборота обращение **ΔД** отделяется от обращения **Д**. Рассматриваемый в своём однократном виде, формально, кругооборот денежного капитала выражает, следовательно, только процесс увеличения стоимости и процесс накопления.

Итак, **процесс кругооборота капитала есть единство обращения и производства**, и заключает в себе и то, и другое. Поскольку обе фазы: **Д — Т**, **Т' — Д'** суть акты обращения, постольку обращение капитала составляет часть общего товарного обращения. Но поскольку они представляют функционально определённые отделы, стадии в кругообороте капитала, — в кругообороте, относящемся не только к сфере обращения, но и к сфере производства, — постольку капитал совершает свой собственный кругооборот в сфере общего товарного обращения. На первой стадии общее товарное обращение служит ему для того, чтобы принять форму, в которой он может функционировать как производительный капитал; на второй стадии — для того, чтобы отрешиться от функции товара, в которой он не может возобновить свой кругооборот, и в то же время для того, чтобы перед ним открылась возможность отделить свой собственный кругооборот как капитала от обращения приросшей к нему прибавочной стоимости. Поэтому **кругооборот денежного капитала есть самая односторонняя, а потому и наиболее резко выраженная, и самая характерная из форм, в которых проявляется кругооборот промышленного капитала**; цель

и движущий мотив последнего: увеличение стоимости, делание денег и накопление представлены здесь так (**покупать, чтобы продать дороже**), что они прямо бросаются в глаза. Вследствие того, что первой фазой является **Д—Т**, обнаруживается также, что составные части производительного капитала поступают с товарного рынка, равно как и вообще обнаруживается обусловленность капиталистического процесса производства обращением, торговлей. Кругооборот денежного капитала — это не только товарное производство: он сам осуществляется лишь при посредстве обращения, он предполагает последнее. Это ясно уже из того, что форма **Д**, принадлежащая обращению, является первой и чистой формой авансированной капитальной стоимости, чего нет в двух других формах кругооборота.

Формула **Д—Т…П…Т'—Д'**, имеющая своим результатом **Д' = Д + ΔД**, **обманчива** по своей внешности, носит иллюзорный характер, вытекающий из того, что авансированная и возросшая стоимости существуют здесь в своей эквивалентной форме, в деньгах. Эта формула ставит ударение не на возрастание стоимости, а на денежную форму этого процесса, на то обстоятельство, что из обращения, в конце концов, извлекается больше стоимости в денежной форме, чем было первоначально авансировано, — следовательно, на увеличение массы золота и серебра, принадлежащей капиталисту. Так называемая монетарная система есть просто выражение иррациональной формы **Д—Т—Д'**, движения, протекающего исключительно в сфере обращения; поэтому оба акта: 1) **Д—Т**, и 2) **Т—Д'**, **могут найти в этой системе лишь то объяснение, что Т во втором акте продаётся выше своей стоимости** и, следовательно, извлекает из обращения больше денег, чем было брошено в обращение при его купле. Напротив, **Д—Т…П…Т'—Д'**, будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе более развитой меркантилистской системы, необходимым элементом которой является уже не только товарное обращение, но и товарное производство.

Иллюзорный характер формулы **Д—Т…П…Т'—Д'** и соответствующее ей иллюзорное истолкование сохраняются до тех пор, пока эта форма фиксируется как однократная, а не как текучая, постоянно возобновляющаяся; следовательно, — до тех пор,

пока она считается не одной из форм кругооборота, а его исключительной формой.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое производительный капитал?
Что такое денежный капитал?
Что такое товарный капитал?
Что такое промышленный капитал?
Из каких стадий состоит кругооборот денежного капитала?
Как выглядит общая формула кругооборота денежного капитала?
Когда деньги становятся капиталом?
Как совершается кругооборот капитала?
Как выглядит кругооборот капитала для транспорта и связи?
Чем характеризуется кругооборот денежного капитала?
Что есть процесс кругооборота капитала?
В чём и почему обманчивость формулы кругооборота денежного капитала?

Глава 2.
КРУГООБОРОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА

общая формула кругооборота производительного капитала, она же в случае простого и в случае расширенного воспроизводства, причина кризисов при капитализме, резервный фонд

> *Общая формула **кругооборота производительного капитала** такова:*
> ***П … Т'—Д'—Т … П***

Этот кругооборот означает периодически возобновляемое функционирование производительного капитала, следовательно, означает воспроизводство, или процесс производства капитала как процесс его воспроизводства в связи с увеличением стоимости; означает не только производство, но и периодическое воспроизводство прибавочной стоимости; он означает функционирование промышленного капитала, находящегося в своей производительной форме не как однократное, а как периодически повторяющееся функционирование, так что возобновление определяется уже самим исходным пунктом.

Часть **Т'** (в известных случаях, в известных отраслях приложения промышленного капитала) может в виде средств производства снова непосредственно войти в тот самый процесс труда, из которого она вышла как товар; вследствие этого становится излишним только превращение её стоимости в действительные деньги или в денежные знаки, или она получает самостоятельное выражение лишь в виде счётных денег. Эта часть стоимости не входит в обращение. Таким образом в **процесс производства входят стоимости, которые не входят в процесс обращения**. То же самое относится и к той части **Т'**, которую капиталист потребляет в натуральной форме как часть прибавочного продукта. Однако эта часть не имеет существенного значения для капиталистического производства; её принимают во внимание самое большее в земледелии.

В этой форме сразу **бросаются в глаза обстоятельства двоякого рода**.

Во-первых. В то время как в первой форме **Д … Д'** процесс производства, функция **П**, прерывает обращение денежного капитала и является лишь посредником между двумя его фазами **Д — Т** и **Т' — Д'**, здесь весь процесс обращения промышленного капитала, всё его движение в пределах фазы обращения, образует лишь перерыв и оказывается лишь посредствующим звеном между производительным капиталом, который в качестве первого крайнего члена открывает кругооборот, и производительным капиталом, который в качестве последнего члена замыкает его в той же самой форме, то есть в форме, в которой он снова начинает движение. Собственно **обращение является лишь опосредствованием воспроизводства, периодически возобновляемого и непрерывного вследствие этого возобновления**.

Во-вторых. Всё **обращение представляется в форме, прямо противоположной той, которой оно обладает в кругообороте денежного капитала**. Там форма, если оставить в стороне величину стоимости, была такова: **Д — Т — Д (Д — Т … Т — Д)**; здесь, если опять-таки оставить в стороне величину стоимости, она такова: **Т — Д — Т (Т — Д … Д — Т)**, то есть это форма простого товарного обращения.

Простое воспроизводство

Рассмотрим прежде всего процесс **Т' — Д' — Т**, протекающий в сфере обращения между двумя крайними членами **П … П**. Обратимся прежде всего к простому воспроизводству производительного капитала, причём, как и в первой главе, предположим, что обстоятельства остаются неизменными, а купля и продажа товаров совершаются по их стоимости. При таком предположении вся прибавочная стоимость входит в личное потребление капиталиста.

После того как произошло превращение товарного капитала **Т'** в деньги, часть денежной суммы, представляющая капитальную стоимость, продолжает циркулировать в кругообороте промышленного капитала; другая часть, превращённая в деньги прибавочная стоимость, входит в общее товарное обращение, представляет собой исходящее от капиталиста денежное обращение, которое, однако, совершается вне сферы обращения его индивидуального капитала.

$$\mathbf{Т'}\begin{pmatrix}\mathbf{Т}\\+\\\Delta\mathbf{Т}\end{pmatrix}\begin{matrix}—\\—\\—\end{matrix}\mathbf{Д'}\begin{pmatrix}\mathbf{Д}\\+\\\Delta\mathbf{Д}\end{pmatrix}\begin{matrix}—\,\mathbf{Т}<^{\mathbf{Р}}_{\mathbf{Сп}}\\\\—\,\Delta\mathbf{Т}\end{matrix}$$

То есть акт $\Delta\mathbf{Д}—\Delta\mathbf{Т}$ представляет собой ряд покупок на деньги, которые капиталист расходует или на собственно товары, или же на услуги для своей драгоценной персоны, соответственно, — для своей семьи. Эти покупки раздроблены, совершаются в различные сроки. Следовательно, деньги существуют временно в форме денежного запаса, предназначенного на текущее потребление, или в форме сокровища, — потому что **деньги, обращение которых прервано, находятся именно в форме сокровища**. Их функция как средства обращения, а таковым они остаются и в своей преходящей форме сокровища, не входит в обращение капитала в его денежной форме **Д**. Деньги в данном случае не авансируются, а расходуются.

Следовательно, форма $\mathbf{П}\ldots\mathbf{Т'}—\mathbf{Д'}—\mathbf{Т}\ldots\mathbf{П}$ в её развёрнутом виде такова:

$$\mathbf{П}\ldots\mathbf{Т'}\begin{pmatrix}\mathbf{Т}\\+\\\Delta\mathbf{Т}\end{pmatrix}\begin{matrix}—\\—\\—\end{matrix}\mathbf{Д'}\begin{pmatrix}\mathbf{Д}\\+\\\Delta\mathbf{Д}\end{pmatrix}\begin{matrix}—\,\mathbf{Т}<^{\mathbf{Р}}_{\mathbf{Сп}}\ldots\mathbf{П}\\\\—\,\Delta\mathbf{Т}\end{matrix}$$

Превращение денежного капитала в производительный капитал есть купля товаров с целью производства товаров. Поскольку потребление представляет собой лишь это производительное потребление, оно входит в кругооборот самого капитала; условие этого потребления заключается в том, что посредством товаров, потребляемых производительно, создаётся прибавочная стоимость. А это есть нечто весьма отличное от того производства и даже от того товарного производства, цель которого — обеспечить существование производителя; **замена товара товаром, обусловливаемая производством прибавочной стоимости, есть, таким образом, нечто совершенно иное, чем обмен продуктов сам по себе, лишь опосредствованный деньгами**.

Размеры товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяются масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, а отнюдь

не предопределённым кругом спроса и предложения, не кругом потребностей, подлежащих удовлетворению.

Производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и индивидуальное потребление капиталиста может возрастать, весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем состоянии, — и, однако, весьма значительная часть товаров может перейти в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она может оставаться непроданной в руках перекупщиков, следовательно, — фактически всё ещё находиться на рынке. Но один поток товаров следует за другим, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощён потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Прибывшие на рынок позже, чтобы продать товары, продают их по пониженной цене. Товары прежних потоков ещё не превращены в наличные деньги, как уже наступают сроки платежа за них. Владельцы их вынуждены объявить себя несостоятельными или же, чтобы произвести платежи, продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она имеет отношение лишь к спросу на платежи, лишь к абсолютной необходимости превратить товар в деньги. Тогда **разражается кризис**.

Если продолжение процесса обращения наталкивается на препятствия, так что **Д** в силу внешних обстоятельств — положения на рынке и так далее — вынуждено приостановить свою функцию **Д — Т** и поэтому более или менее продолжительное время остаётся в своей денежной форме, то перед нами опять-таки деньги в состоянии сокровища. Это происходит и при простом товарном обращении, когда переход от **Т — Д** к **Д — Т** прерывается внешними обстоятельствами. Это — вынужденное образование сокровища. Таким образом в нашем случае деньги имеют форму лежащего праздно, скрытого денежного капитала. Однако пока мы не будем дольше останавливаться на этом.

Но в обоих случаях **пребывание денежного капитала в его денежном состоянии является результатом перерыва в движении**, причём безразлично, каков этот перерыв — целесообразный или нецелесообразный, добровольный или недобровольный, вытекает ли он из функций капитала или противоречит им.

Накопление и воспроизводство в расширенном масштабе

Так как пропорции, в которых может расширяться процесс производства, устанавливаются не по произволу, а предопределяются данной техникой, то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов может возрасти до такого размера (следовательно, должна накопляться до такого размера), при котором она действительно может функционировать как добавочный капитал или войти в кругооборот капитальной стоимости, совершающей свой процесс. Следовательно, прибавочная стоимость затвердевает в виде сокровища и в этой форме образует скрытый денежный капитал. Скрытый [латентный], — потому что он не может действовать как капитал, пока остаётся в денежной форме. Следовательно, образование сокровища является здесь моментом, входящим в процесс капиталистического накопления, сопровождающим его, но в то же время и существенно отличным от него. Отличным, — потому что вследствие образования скрытого денежного капитала сам процесс воспроизводства не расширяется. Происходит лишь иное распределение национального сокровища в форме золота или серебра.

Если в сделках нашего капиталиста деньги функционируют в качестве средства платежа (таким образом, что покупатель должен платить за товары лишь через более или менее продолжительный срок), то прибавочный продукт, предназначенный для капитализации, превращается не в деньги, а в долговые требования, в титул собственности на эквивалент, которым покупатель, быть может, уже владеет или же который, быть может, он только имеет в виду. Этот эквивалент не входит в процесс воспроизводства капитала, совершающего данный кругооборот, — как в него не входят и деньги, вложенные в процентные бумаги и так далее, — хотя он может входить в кругооборот других индивидуальных промышленных капиталов.

Весь характер капиталистического производства определяется увеличением авансированной капитальной стоимости, следовательно, в первую очередь определяется производством возможно большей прибавочной стоимости, а во вторых (см. «Капитал»,

книга I, гл. XXII), — производством капитала, то есть превращением прибавочной стоимости в капитал. Накопление, или производство в расширенном масштабе, которое выступает в качестве средства для постоянного расширения производства прибавочной стоимости, а потому выступает в качестве средства обогащения капиталиста, в качестве его личной цели, и которое составляет одну из сторон общей тенденции капиталистического производства, в дальнейшем вследствие своего развития становится, как показано в первой книге, необходимостью для каждого индивидуального капиталиста. Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения.

Сначала мы рассмотрели простое воспроизводство, причём предполагалось, что вся прибавочная стоимость расходуется как доход. В действительности при нормальных условиях одна часть прибавочной стоимости всегда должна расходоваться как доход, а другая часть — капитализироваться, причём совершенно безразлично, что прибавочная стоимость, произведённая в тот или иной определённый период, то целиком потребляется, то целиком капитализируется. В среднем, — а общая формула может представить лишь среднее движение, — всегда имеют место одновременно оба процесса. Однако, чтобы не усложнять формулу, будет лучше предположить, что накопляется вся прибавочная стоимость. Формула **П … Т' — Д' — Т' … П'** или по-другому:

$$\text{П} \ldots \text{Т}' — \text{Д}' — \text{Т}' < {}^{\text{Р}}_{\text{Сп}} \ldots \text{П}'$$

выражает производительный капитал, который воспроизводится в расширенном масштабе как капитал большей стоимости и который затем начинает свой второй кругооборот или, что то же, возобновляет первый кругооборот уже как возросший производительный капитал.

Денежный и товарный капитал являются особыми различными формами, различными способами существования промышленного капитала, которые соответствуют различным его функциям. Денежный капитал может выполнять только функции денег, товарный капитал — только функции товара, и различие между ними есть только различие между деньгами и товаром. Точно так же промышленный капитал в своей форме производительного

капитала может состоять лишь из тех элементов, которые вообще входят во всякий процесс труда, создающий продукты: с одной стороны, — из предметных условий труда (средств производства), с другой стороны, — из производительно (целесообразно) действующей рабочей силы. Как промышленный капитал может существовать в сфере производства лишь при таком строении, которое соответствует процессу производства вообще, а следовательно, и некапиталистическому процессу производства, точно так же в сфере обращения он может существовать лишь в двух формах, соответствующих этой сфере: в формах товара и денег. Но сумма элементов производства с самого начала проявляет себя как производительный капитал, потому что рабочая сила является чужой рабочей силой, которую капиталист покупает у владельца совершенно так же, как он покупает для себя средства производства у владельца других товаров; поэтому и самый процесс производства выступает как производительная функция промышленного капитала, а деньги и товар являются формами обращения того же самого промышленного капитала и, следовательно, функции денег и товара — функциями обращения этого капитала, причём они или служат подготовкой к функциям производительного капитала, или вытекают из них. **Функция денег и функция товара являются здесь в то же время функциями денежного капитала и товарного капитала лишь вследствие того, что они связаны между собой как формы тех функций, которые промышленный капитал должен выполнять на различных стадиях процесса своего кругооборота. Следовательно, совершенно неправильно специфические свойства и функции, характеризующие деньги как деньги и товар как товар, выводить из их свойств как капитала, — и точно так же неправильно, наоборот, выводить свойства производительного капитала из способа его существования в виде средств производства**.

Кроме того, на стадии $Д' — Т' < \frac{Р}{Сп}$ возрастание величины капитала отмечено лишь посредством **Т'**, а не посредством **Р'** или **Сп'**, так как **Т = Р + Сп**, то **Т'** уже показывает, что сумма заключающихся в нём **Р** и **Сп** больше, чем первоначальное **П**. Но, кроме того, обозначение **Р'** и **Сп'** было бы и ошибочно, потому что, как мы знаем, с возрастанием капитала связано изменение его

строения по стоимости, а именно, последнее развивается таким образом, что стоимость **Сп** возрастает, стоимость же **Р** всегда уменьшается относительно, а часто и абсолютно.

Накопление денег

Может ли **ΔД**, прибавочная стоимость, превратившаяся в деньги, немедленно снова присоединиться к капитальной стоимости, совершающей процесс своего движения, и таким образом, вместе с капиталом **Д**, составив величину **Д'**, войти в процесс кругооборота, — это определяется обстоятельствами, независимыми от простого наличия **ΔД**. Если **ΔД** должно в качестве денежного капитала служить в новом, самостоятельном предприятии, которое предполагается основать наряду с первым, то ясно, что **ΔД** может быть употреблено на это лишь в том случае, если оно обладает минимальной величиной, необходимой для такого предприятия. Если **ΔД** должно быть употреблено на расширение первоначального предприятия, то опять-таки отношения вещественных факторов **П** и их отношения по стоимости обусловливают определённую минимальную величину **ΔД**. Между всеми средствами производства, действующими в этом предприятии, существует не только известное качественное, но и определённое количественное соотношение, известная пропорциональность размеров.

Следовательно, накопление денег, образование сокровища является здесь таким процессом, который временно сопровождает действительное накопление, то есть расширение того масштаба, в котором действует промышленный капитал; сопровождает временно потому, что пока сокровище пребывает в состоянии сокровища, оно не функционирует как капитал, не принимает участия в процессе увеличения стоимости, остаётся денежной суммой, которая возрастает лишь потому, что деньги, получаемые без её содействия, кладутся в тот же самый сундук.

Форма сокровища есть просто форма денег, не находящихся в обращении, денег, обращение которых прервано и которые поэтому сохраняются в своей денежной форме. Что касается самого процесса образования сокровища, то он присущ всякому товарному производству, в качестве же самоцели играет некоторую роль только при неразвитых, докапиталистических формах этого

производства. Но здесь сокровище выступает как форма денежного капитала, образование же сокровища — как такой процесс, который временно сопровождает накопление капитала, так как, и поскольку, деньги фигурируют здесь в качестве скрытого денежного капитала, так как образование сокровища, — сохранение в состоянии сокровища той прибавочной стоимости, которая находится в денежной форме, — является здесь совершающейся вне кругооборота капитала, функционально определённой подготовительной стадией к превращению прибавочной стоимости в действительно функционирующий капитал. Следовательно, вследствие такого своего назначения, **сокровище — это скрытый денежный капитал**, поэтому и размеры, которых оно должно достигнуть прежде, чем вступит в процесс кругооборота капитала, каждый раз определяются строением производительного капитала по стоимости.

Резервный фонд

Сокровище в только что рассмотренной форме, являющейся формой существования прибавочной стоимости, представляет собой денежный фонд накопления, ту денежную форму, которую временно принимает накопление капитала, и постольку само сокровище является условием последнего. Но этот фонд накопления может оказывать и особые побочные услуги, то есть входить в процесс кругооборота капитала, не принимая формы **П…П'** и, следовательно, не расширяя размеров капиталистического воспроизводства.

Если процесс **Т' — Д'** затягивается свыше его нормальной продолжительности и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму ненормально задерживается или если, после того как это превращение совершилось, цена, например, средств производства, в которые должен превратиться денежный капитал, поднимается выше того уровня, который существовал к моменту начала кругооборота, то сокровище, функционирующее как фонд накопления, может быть употреблено на то, чтобы занять место денежного капитала или его части. Следовательно, **денежный фонд накопления служит в качестве резервного фонда** для того, чтобы устранять нарушения кругооборота.

Резервный фонд — это не составная часть уже функционирующего капитала, точнее, функционирующего денежного капитала, а составная часть капитала, находящегося на подготовительной стадии своего накопления, составная часть прибавочной стоимости, ещё не превратившейся в активный капитал. Впрочем, само собой разумеется, что при затруднительных обстоятельствах капиталист вовсе не интересуется тем, какие определённые функции выполняют находящиеся в его руках деньги, а просто употребляет то, что у него есть, — только бы поддержать ход процесса кругооборота своего капитала.

Денежный фонд накопления — это уже бытие скрытого денежного капитала; следовательно, — это уже превращение денег в денежный капитал.

Общая формула кругооборота производительного капитала, охватывающая простое воспроизводство и воспроизводство в расширенном масштабе:

$$\text{П} \ldots \overbrace{\text{Т}' — \text{Д}'}^{1}. \quad \overbrace{\text{Д} — \text{Т}}^{2} < {}^{\text{Р}}_{\text{Сп}} \ldots \text{П}(\text{П}')$$

Если **П = П**, то в 2) **Д** равно **Д'** минус **ΔД**.

Если **П = П'**, то в 2) **Д** больше **Д'** минус **ΔД**, то есть **ΔД** целиком или частично превратилось в денежный капитал.

Кругооборот производительного капитала есть та форма, в которой классическая политическая экономия рассматривает процесс кругооборота промышленного капитала.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как выглядит общая формула кругооборота производительного капитала?
На какие обстоятельства необходимо обратить внимание?
Как выглядит формула в случае простого воспроизводства?
Как выглядит формула в случае расширенного воспроизводства?
Что является основной причиной кризисов при капитализме?
Что такое резервный фонд и какова его функция?

Глава 3.
КРУГООБОРОТ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА

общая формула кругооборота товарного капитала, три формы кругооборота

Общая формула кругооборота товарного капитала такова: Т'—Д'—Т…П…Т'.

Т' является не только продуктом, но и предпосылкой двух ранее рассмотренных кругооборотов, так как то, что для одного капитала есть **Д—Т**, уже включает **Т'—Д'** для другого, — по крайней мере постольку, поскольку часть средств производства сама есть товарный продукт других индивидуальных капиталов, совершающих свой кругооборот. В нашем случае, например, уголь, машины и так далее представляют собой товарный капитал углепромышленника, капиталистического машиностроителя и так далее. В главе I было показано, что уже при первом повторении **Д…Д'**, прежде чем закончится этот второй кругооборот денежного капитала, предполагается не только кругооборот **П…П**, но и кругооборот **Т'…Т'**. Если же воспроизводство совершается в расширенном масштабе, то заключительное **Т'** больше начального **Т'** и потому его следует в этом случае обозначить как **Т''**.

В форме I, Д…Д', процесс производства находится посредине между двумя друг друга дополняющими и друг другу противоположными фазами обращения капитала; он будет закончен, прежде чем наступит заключительная фаза **Т'—Д'**. Деньги авансируются как капитал сначала на элементы производства, элементы производства превращаются в товарный продукт, а этот товарный продукт опять превращается в деньги. Это — вполне законченный цикл сделок, результатом которого являются на всё и каждого пригодные деньги. Поэтому возобновление процесса дано, таким образом, лишь в возможности. **Д…П…Д'** может быть одинаково как последним кругооборотом, которым заканчиваются функции индивидуального капитала в случае извлечения его из предприятия, так и первым кругооборотом индивидуального

капитала, впервые начинающего функционировать. Общее движение здесь таково: **Д … Д'**, от известной суммы денег к большей сумме денег.

В форме II, П … Т' — Д' — Т … П (П'), весь процесс обращения следует за первым **П** и предшествует второму; но он протекает в порядке, противоположном порядку в форме **I**. Первое **П** есть производительный капитал, и функция его есть процесс производства, являющийся предварительным условием следующего за ним процесса обращения. Напротив, заключительное **П** не есть процесс производства; оно представляет собой лишь вторичное пребывание промышленного капитала в его форме производительного капитала. И притом это **П** является результатом превращения, совершившегося в последней фазе обращения, — превращения капитальной стоимости в **Р + Сп**, в субъективные и объективные факторы, которые в своём соединении образуют форму существования производительного капитала. Капитал, будь то **П** или **П'**, в конце кругооборота опять имеется налицо в такой форме, в которой он должен снова функционировать как производительный капитал, совершать процесс производства. Общая форма движения, **П … П**, есть форма воспроизводства и не указывает, подобно **Д … Д'**, на увеличение стоимости как на цель процесса. Поэтому эта форма тем более облегчает классической политической экономии возможность игнорировать определённую капиталистическую форму процесса производства и изображать производство как таковое целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы производить возможно больше и возможно дешевле и обменивать продукт на другие возможно более разнородные продукты, служащие отчасти для возобновления производства (**Д — Т**), отчасти для потребления (**ΔД — ΔТ**).

В форме III, Т' — Д' — Т … П … Т', кругооборот открывают две фазы процесса обращения, и именно в том же порядке, как в форме **II**, есть в форме **П … П**; затем следует **Т**, притом, следует как и в форме **I**, со своей функцией, с процессом производства; результатом этого последнего, **Т'**, кругооборот заканчивается. Подобно тому как в форме **II** он заканчивается **П**, просто повторным существованием производительного капитала, так и здесь он заканчивается **Т'**, повторным существованием товарного капитала; подобно тому как в форме **II** капитал в своей

заключительной форме **II** снова должен начать процесс как процесс производства, так и здесь после вторичного появления промышленного капитала в форме товарного капитала кругооборот должен снова начаться фазой обращения **Т' — Д'**. Обе формы кругооборота остаются незавершёнными, потому что они не завершаются **Д'**, то есть возросшей капитальной стоимостью, снова превращённой в деньги. Следовательно, обе формы должны быть продолжены, а потому они заключают в себе воспроизводство. Весь кругооборот в форме **III** представляет собой **Т' … Т'**.

Третью форму отличает от двух первых то обстоятельство, что только в этом кругообороте исходным пунктом процесса увеличения стоимости является уже возросшая капитальная стоимость, а не первоначальная капитальная стоимость, которая ещё только должна возрасти. Исходным пунктом здесь служит **Т'**, выражающее капиталистическое отношение; как таковое оно оказывает определяющее влияние на весь кругооборот, ибо уже в первой своей фазе этот кругооборот включает в себя как кругооборот капитальной стоимости, так и кругооборот прибавочной стоимости; при этом прибавочная стоимость, если и не в каждом кругообороте в отдельности, то в среднем, должна отчасти расходоваться как доход, проходить обращение **ΔТ — ΔД — ΔТ**, отчасти же функционировать как элемент накопления капитала.

В формах **I** и **II** всё движение выражается как движение авансированной капитальной стоимости. В форме **III** возросший по своей стоимости капитал, выступающий в виде совокупного товарного продукта, образует исходный пункт и имеет форму движущегося капитала, товарного капитала. Лишь после его превращения в деньги это движение разветвляется на движение капитала и движение дохода. В этой форме в кругооборот капитала включается как распределение всего общественного продукта, так и особое распределение продукта всякого индивидуального товарного капитала, — распределение, с одной стороны, на фонд индивидуального потребления, с другой стороны — на фонд воспроизводства.

В форме **I Д** может быть первым денежным капиталом, в форме **II П** может быть первым производительным капиталом, выступающим на арене истории, но в форме **III Т** дважды предполагается существующим вне кругооборота:

$$\mathbf{Т'}\begin{pmatrix}\mathbf{Т}\\+\\\Delta\mathbf{Т}\end{pmatrix}\!\!\begin{matrix}—\\—\\—\end{matrix}\mathbf{Д'}\begin{pmatrix}\mathbf{Д}\\+\\\Delta\mathbf{Д}\end{pmatrix}\!\!\begin{matrix}—\,\mathbf{Т}<^{\mathbf{Р}}_{\mathbf{Сп}}\ldots\mathbf{П}\ldots\mathbf{Т'}\\\\—\,\Delta\mathbf{Т}\end{matrix}$$

В первый раз в кругообороте **Т' — Д' — Т**. Это **Т**, поскольку оно состоит из **Сп**, есть товар в руках продавца; оно само есть товарный капитал, поскольку является продуктом капиталистического процесса производства, а если даже и нет, то оно выступает как товарный капитал в руках купца. Во второй раз оно предполагается в **ΔТ — ΔД — ΔТ**, во втором **ΔТ**, которое точно так же должно иметься в наличии в качестве товара, чтобы его можно было купить. Во всяком случае **Р** и **Сп**, независимо от того, являются ли они товарным капиталом или нет, суть такие же товары, как и **Т'**, и относятся друг к другу как товары. Точно так же обстоит дело со вторым **ΔТ** в **ΔТ — ΔД — ΔТ**.

Именно потому, что кругооборот **Т' ... Т'** в пределах своего движения предполагает наличие другого промышленного капитала в форме **Т = Р + Сп** (**Сп** включает различного рода другие капиталы, например машины, уголь, масло и так далее), — то уже по этой причине его приходится рассматривать не только как общую форму кругооборота, то есть не только как такую общественную форму, в которой можно рассматривать каждый отдельный промышленный капитал (кроме тех случаев, когда он вкладывается впервые), следовательно, — не только как форму движения, общую всем индивидуальным промышленным капиталам, но в то же время и как форму движения суммы индивидуальных капиталов, то есть **всего капитала класса капиталистов**, как такое движение, по отношению к которому движение каждого индивидуального промышленного капитала является лишь частичным движением, переплетающимся с движениями других капиталов и обусловленным ими.

В фигуре **Т' ... Т'** движение товарного капитала, то есть всего капиталистически произведённого продукта, не только является предпосылкой самостоятельного кругооборота индивидуального капитала, но и, в свою очередь, обусловливается им. Поэтому, если понято своеобразие этой фигуры, то уже недостаточно ограничиться указанием, что метаморфозы **Т' — Д'** и **Д — Т** являются, с одной стороны, функционально определёнными этапами

в метаморфозе капитала, и, с другой стороны, — звеньями общего товарного обращения. Теперь необходимо ясно показать сплетения метаморфозов одного индивидуального капитала с метаморфозами других индивидуальных капиталов и с той частью совокупного продукта, которая предназначена для индивидуального потребления. Поэтому при анализе кругооборота индивидуального промышленного капитала мы берём в качестве основы преимущественно две первые формы.

Также заметим, что в фигуре **III** находящиеся на рынке товары образуют постоянную предпосылку процесса производства и воспроизводства. Поэтому, если сосредоточить внимание на этой фигуре, то кажется, что все элементы процесса производства происходят из сферы товарного обращения и состоят только из товаров. При таком одностороннем понимании упускают из виду такие элементы процесса производства, которые не являются товарными элементами.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как выглядит и почему общая формула кругооборота товарного капитала?
В чём особенность каждой из трёх форм кругооборота?
*Когда и почему используют **I** и **II** формы кругооборота?*
*Что показывает именно **III** форма и почему?*
*Что можно упустить в рассмотрении, используя только **III** форму?*

Глава 4.
ТРИ ФИГУРЫ ПРОЦЕССА КРУГООБОРОТА

кругооборот капитала есть единство всех его форм, сокровище, тенденция капиталистического способа производства, цель капиталиста по отношению к спросу и предложению

Если через ***Обр***. обозначить весь процесс обращения (**Т — Д — Т'**), то три фигуры процесса кругооборота могут быть изображены так:

1. **Д — Т … П … Т' — Д'**
2. **П … Обр … П**
3. **Обр … П(Т')**

Если мы все три формы рассмотрим в совокупности, то все предпосылки процесса кругооборота оказываются его результатом, предпосылкой, созданной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. **Процесс кругооборота, взятый в целом, выступает как единство процесса производства и процесса обращения**; процесс производства становится посредствующим звеном процесса обращения и наоборот.

> ***Кругооборот промышленного капитала*** *есть действительное единство всех трёх его форм.*

Для всех трёх кругооборотов общим является следующее: увеличение стоимости как определяющая цель, как движущий мотив. В **I** это выражено в самой форме. Форма **II** начинается с **П**, с самого процесса увеличения стоимости. В форме **III** кругооборот начинается с возросшей стоимости и заканчивается вновь возросшей стоимостью, даже если движение повторяется в прежнем масштабе.

В постоянно вращающемся кругу каждый пункт есть одновременно и исходный пункт, и пункт возвращения. Если это круговое движение прервано, то не каждый исходный пункт есть пункт возвращения. Так, мы видели, что не только каждый отдельный кругооборот предполагает другой, но и что повторение кругооборота в одной форме предполагает кругооборот в других формах.

Таким образом, всё различие представляется чисто формальным или даже чисто субъективным различием, существующим лишь для наблюдателя.

В действительности же **каждый индивидуальный промышленный капитал находится во всех трёх кругооборотах одновременно**. Следовательно, весь кругооборот есть действительное единство трёх его форм. Непрерывность есть характерный признак капиталистического производства; она обусловлена технической основой этого последнего, хотя не всегда безусловно достижима.

Действительный кругооборот промышленного капитала в своей непрерывности является поэтому не только единством процесса обращения и процесса производства, но и единством всех его трёх кругооборотов. Но таким единством он может быть лишь постольку, поскольку каждая из различных частей капитала может последовательно проходить следующие одна за другой фазы кругооборота и переходить из одной фазы, из одной функциональной формы в другую; поскольку, следовательно, промышленный капитал, как совокупность этих частей, находится одновременно в различных фазах и функциях и, таким образом, одновременно описывает все три кругооборота. Следование одной части за другой обусловлено здесь существованием частей рядом друг с другом, то есть делением капитала.

Всякая остановка последовательного движения частей нарушает порядок их существования друг возле друга; всякая остановка на одной стадии влечёт за собой большую или меньшую остановку во всём кругообороте не только той части капитала, движение которой остановилось, но и в кругообороте всего индивидуального капитала.

Одна часть капитала — всегда, однако, меняющаяся, постоянно воспроизводимая, — существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая часть — в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья — в виде производительного капитала, превращающегося в товарный капитал. Постоянное наличие всех трёх форм достигается тем, что весь капитал в своём кругообороте проходит именно эти три фазы.

Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом

одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путём поочерёдно функционирует во всех формах. Таким образом **эти формы суть текучие формы**, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует другой, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрестанно совершает свой собственный оборот, но в этой форме находится каждый раз другая часть капитала, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты процесса в целом.

Только в единстве трёх кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса вместо изображённой выше прерывности. Весь общественный капитал всегда обладает этой непрерывностью, и его процесс всегда есть единство трёх кругооборотов.

Капитал как самовозрастающая стоимость заключает в себе не только классовые отношения, не только определённый характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наёмный труд**. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии, процесс, который, в свою очередь, заключает в себе три различные формы процесса кругооборота**. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое.

Движения капитала проявляются как действия отдельного промышленного капиталиста таким образом, что он функционирует как покупатель товаров и труда, как продавец товаров и как производительный капиталист, следовательно, своей деятельностью он опосредствует кругооборот.

Если совершается революция в стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста станет жертвой этой революции и погибнет, так как он не в состоянии соблюсти условия этого движения стоимости. Чем острее и чаще становятся революции в стоимости, тем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы, движение стоимости, ставшей самостоятельной, торжествует над предусмотрительностью и расчётливостью отдельного капиталиста, тем больше ход нормального

производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование отдельных капиталов. Следовательно, эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они якобы опровергают, а именно подтверждают то, что **стоимость, в качестве капитала, приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения**.

В процессе своего обращения, в котором промышленный капитал функционирует или как деньги, или как товар, кругооборот промышленного капитала — независимо от того, выступает ли он как денежный капитал или как товарный капитал — перекрещивается с обращением товаров, произведённых при самых разнообразных способах общественного производства, поскольку эти способы производства представляют собой в то же время товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или государственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов, — всё равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, — следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости. Следовательно, всесторонний характер их происхождения, существование рынка как мирового рынка — вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала. Сказанное о чужих товарах, в равной мере относится и к чужим деньгам; подобно тому как товарный капитал противостоит им только как товар, так и эти деньги по отношению к нему функционируют только в качестве денег; деньги функционируют здесь как мировые деньги.

Тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы, по возможности, всякое производство превратить в товарное производство; его главным средством для достижения этого служит как раз вовлечение этих способов производства в свой процесс обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наёмных рабочих.

Товары, входящие в процесс обращения промышленного капитала (сюда относятся и необходимые жизненные средства, в которые превращается для воспроизводства рабочей силы переменный капитал после того как он выплачен рабочим), каково бы ни было их происхождение, какова бы ни была общественная форма создавшего их процесса производства, противостоят самому промышленному капиталу уже в форме товарного капитала, товарно-торгового, или купеческого капитала; этот же последний по самой своей природе охватывает товары, произведённые при всяких способах производства.

Чем больше скорость обращения денег, чем быстрее, следовательно, каждый отдельный капитал совершает ряд своих товарных или денежных метаморфозов. Благодаря этому одна и та же масса капитальной стоимости требует для своего обращения тем меньше денег, чем больше деньги функционируют в качестве средства платежа, следовательно, чем в большей степени, например, при возмещении товарного капитала средствами его производства, приходится оплачивать лишь разницу при сведении балансов и чем короче сроки платежа при выплате, например, заработной платы. С другой стороны, если скорость обращения и все другие обстоятельства предполагаются неизменными, то количество денег, которое должно обращаться в виде денежного капитала, определяется суммой цен товаров (цена, умноженная на количество товаров) или, если даны количество и стоимости товаров, — стоимостью самих денег.

> ***Одной из наиболее осязательных особенностей процесса кругооборота промышленного капитала, а следовательно, и капиталистического производства, является то обстоя-***

> *тельство, что, с одной стороны, элементы, образующие производительный капитал, должны поступать с товарного рынка и постоянно возобновляться при посредстве товарного рынка, то есть постоянно должны покупаться как товары, а с другой стороны, продукт процесса труда выходит из этого процесса как товар и каждый раз должен снова продаваться как товар.*

Действительно капиталистическое производство есть такое товарное производство, которое стало всеобщей формой производства, но оно является таковым — и по мере своего развития становится всё более таковым — лишь потому, что **здесь сам труд оказывается товаром**, лишь потому, что рабочий продаёт труд, то есть продаёт функцию своей рабочей силы, и притом, как мы предполагаем, продаёт по её стоимости, определяемой издержками её воспроизводства.

В той мере, в какой труд становится наёмным трудом, производитель становится промышленным капиталистом; поэтому капиталистическое производство (а следовательно, и товарное производство) проявляется во всём своём объёме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель является наёмным рабочим. В отношении между капиталистом и наёмным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, внутренне присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого.

Капиталист бросает в обращение меньше стоимостей в денежной форме, чем он из него извлекает, потому что он бросает в него стоимостей в товарной форме больше, чем извлёк их оттуда в товарной форме. Поскольку он функционирует лишь как олицетворение капитала, как промышленный капиталист, постольку его предложение товарных стоимостей всегда больше, чем его спрос на товарные стоимости. Поэтому, если бы его предложение и спрос взаимно покрывались, то это означало бы, что его капитал не возрастает по стоимости; капитал не функционировал бы как производительный капитал; производительный капитал превращался бы в товарный капитал,

не оплодотворённый прибавочной стоимостью; во время процесса производства он не извлекал бы из рабочей силы прибавочной стоимости в товарной форме, следовательно, вообще не функционировал бы как капитал. Капиталист действительно должен «продавать дороже, чем купил»; но это удаётся ему только потому, что он посредством капиталистического процесса производства превращает купленный им более дешёвый товар, — так как этот товар имеет меньшую стоимость, — в товар большей стоимости, следовательно, в более дорогой товар. **Капиталист продаёт дороже не потому, что продаёт свой товар выше его стоимости, а потому, что продаёт товар такой стоимости, которая выше суммы стоимостей элементов его производства**.

Норма, в какой капиталист увеличивает стоимость своего капитала, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, то есть чем больше избыток той товарной стоимости, которую он предлагал, над той товарной стоимостью, на которую он предъявляет спрос. Его **цель состоит не в том, чтобы спрос и предложение взаимно покрывались**, а в том, чтобы они по возможности не покрывались, чтобы его предложение превышало его спрос.

Спрос на рабочую силу при капиталистическом производстве возрастает относительно в меньшей степени, чем его спрос на средства производства. Капиталист во всё возрастающей степени становится более покупателем **Сп**, чем покупателем **Р**.

Так как рабочий превращает свою заработную плату преимущественно в жизненные средства, и притом главным образом в необходимые жизненные средства, то спрос капиталиста на рабочую силу косвенно является в то же время спросом на предметы потребления, входящие в потребление рабочего класса. Но этот спрос равен **v**, и ни одним атомом не больше **v** (если рабочий делает сбережения из своей заработной платы, — всякие отношения кредита мы по необходимости оставляем здесь в стороне, — то это значит, что он часть своей заработной платы превращает в сокровище и соответственно уже не выступает как лицо, предъявляющее спрос, как покупатель). Максимальный предел спроса капиталиста равен **c + v**, предложение же его **c + v + m**. Чем больше, в процентном выражении, произведённая

им масса **m** (норма прибыли), тем меньше становится его спрос по сравнению с его предложением.

Рассмотрим одно предположение. Допустим, что капиталист лично потребляет всю прибавочную стоимость **ΔД** и превращает снова в производительный капитал только сумму, равную величине первоначального капитала **К**. В таком случае спрос капиталиста по стоимости равен его предложению. Но не равен в связи с движением его капитала; как капиталист он предъявляет спрос только на ⅘ своего предложения (по величине стоимости); ⅕ он потребляет как некапиталист, не в силу своих функций капиталиста, а на свои личные потребности или удовольствия.

Счёт его, выраженный в процентах, таков:

Спрос его как капиталиста = 100, предложение = 120.
Спрос его как человека, любящего пожить в своё удовольствие, = 20, предложение = 0.
Итого, сумма спроса = 120, сумма предложения = 120.

Это предположение равнозначно тому, что капиталистического производства не существует, а потому не существует и самого промышленного капиталиста, ибо предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не само обогащение, устраняет саму основу капитализма.

Кроме того, такое предположение и технически невозможно, так как капиталист не только должен образовать резервный капитал, чтобы обезопасить себя от колебаний цен и иметь возможность выжидать наиболее благоприятной конъюнктуры для купли и продажи; он должен накоплять капитал, чтобы таким образом расширять производство и внедрять технические достижения в свой производительный организм. Чтобы накоплять капитал, капиталист должен прежде всего извлекать из обращения некоторую часть прибавочной стоимости, притекающую к нему из обращения в денежной форме, и увеличивать её как сокровище до тех пор, пока она не примет размеры, необходимые для того, чтобы расширить старое предприятие или открыть новое предприятие наряду со старым.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему кругооборот капитала есть единство всех его форм?
Сокровище — это капитал?
Какова тенденция капиталистического способа производства?
Почему капиталист в обращение бросает больше, чем извлекает из него?
В чём состоит цель капиталиста по отношению к спросу и предложению?
Если капиталист будет проедать всю прибавочную стоимость, то к чему это приведёт?

Глава 5.
ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ

время производства, время обращения, кругооборот капитала, время труда, капиталист всегда стремится сократить время обращения

Движение капитала через сферу производства и две фазы сферы обращения совершается, как мы видели, последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения — время его циркуляции, или обращения. Всё время, в течение которого капитал совершает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения.

> ***Время производства капитала** — это продолжительность пребывания капитала в сфере производства.*
> ***Время обращения капитала** — это продолжительность пребывания капитала в сфере обращения.*
> ***Время кругооборота капитала** равняется сумме времени производства капитала и времени обращения капитала.*

Время производства

Время производства, естественно, включает **период процесса труда**, но этот последний не охватывает всего времени производства. Имеет место разница между временем производства капитала и временем его функционирования. Следовательно, время производства охватывает:

1. Время, в течение которого средства производства функционируют как средства производства, то есть служат в процессе производства;

2. Перерывы, в течение которых процесс производства, а следовательно, и функционирование включённых в него средств производства, прекращается;

3. Время, в течение которого они, хотя и имеются наготове в качестве условий процесса, следовательно, уже представляют

производительный капитал, однако ещё не вошли в процесс производства.

Рассмотренная выше разница **всегда есть разница между временем пребывания производительного капитала в сфере производства и временем его пребывания в процессе производства**.

> ***Время производства больше, чем время труда**. Разница между обоими заключается в превышении времени производства над временем труда. Это превышение всегда возникает или **потому**, что производительный капитал скрыто находится в сфере производства, не функционируя в самом процессе производства, или **потому**, что он функционирует в процессе производства, но не находится в процессе труда.*

Та часть скрытого производительного капитала, которая имеется наготове лишь в качестве условия для процесса производства, как, например, хлопок, уголь и так далее на прядильной фабрике, эта часть не действует ни как фактор образования продукта, ни как фактор образования стоимости. Она является капиталом, лежащим праздно, хотя его бездеятельность служит условием для непрерывного течения процесса производства. Постройки, аппараты и тому подобное, необходимые в качестве хранилищ производственного запаса (скрытого капитала), суть условия процесса производства и потому образуют составные части авансированного производительного капитала. Они выполняют свою функцию хранителей составных частей производительного капитала на предварительной стадии. Поскольку на этой стадии необходимы процессы труда, постольку эти процессы удорожают сырьё, но они представляют собой производительный труд и создают прибавочную стоимость, потому что часть этого труда, как и всякого другого наёмного труда, не оплачивается. В течение нормальных перерывов всего процесса производства, следовательно, в течение тех интервалов, во время которых производительный капитал не функционирует, не производится ни стоимость, ни прибавочная стоимость. Отсюда вытекает стремление заставить работать и ночью.

Другая часть скрытого капитала, как, например, постройки, машины и так далее, то есть средства труда, функционирование которых прерывается лишь вследствие регулярных пауз в процессе производства, — нерегулярные перерывы вследствие сокращения производства, кризисов и так далее представляют собой чистые убытки, — эта часть скрытого капитала присоединяет к продукту свою стоимость, хотя и не участвует в образовании продукта; вся стоимость, которую эта часть прибавляет к продукту, определяется средней продолжительностью её существования; она утрачивает свою стоимость в силу того, что утрачивает потребительную стоимость как в то время, когда она функционирует, так и в то время, когда она не функционирует.

Наконец, стоимость постоянной части капитала, которая продолжает находиться в процессе производства, несмотря на перерыв в процессе труда, снова появляется в стоимости продукта процесса производства. Средства производства поставлены здесь самим трудом в такие условия, в рамках которых они сами собой проходят через ряд известных естественных процессов, в результате которых получается определённый полезный эффект, или происходит изменение формы их потребительной стоимости. Труд всегда переносит стоимость средств производства на продукт, поскольку он потребляет их действительно целесообразно, как средства производства. Дело нисколько не меняется от того, должен ли труд для достижения этого эффекта непрерывно воздействовать на предмет труда при помощи средств труда или же он должен только дать первый толчок, поставив средства производства в такие условия, в силу которых они подвергаются заранее намеченному видоизменению сами собой, без дальнейшего содействия труда, вследствие естественных процессов.

На чём бы ни основывалось превышение времени производства над временем труда, — на том ли, что средства производства образуют лишь скрытый производительный капитал, следовательно, находятся ещё лишь на пороге к действительному процессу производства, или на том, что во время процесса производства их собственное функционирование прерывается вследствие пауз в этом процессе, или, наконец, на том, что сам процесс производства обусловливает перерывы в процессе труда, — ни в одном из этих случаев средства производства

не функционируют таким образом, чтобы они всасывали труд. **Если они не всасывают труда, то они не всасывают и прибавочного труда**. Поэтому не происходит увеличения стоимости производительного капитала, пока он находится на том отрезке времени своего производства, который составляет превышение над временем труда, как бы неотделимо ни было совершение процесса увеличения стоимости от этих его перерывов. **Ясно, что чем более совпадает друг с другом время производства и время труда, тем больше производительность и увеличение стоимости данного производительного капитала в данный промежуток времени**. Отсюда вытекает тенденция капиталистического производства по возможности уменьшить превышение времени производства над временем труда. Но хотя время производства капитала и может отклоняться от времени труда, тем не менее оно всегда заключает в себе это последнее, и само это превышение первого над вторым является условием процесса производства. Следовательно, **время производства всегда есть то время, в течение которого капитал производит потребительные стоимости и сам возрастает по своей стоимости**, то есть функционирует как производительный капитал, хотя время производства заключает в себе и то время, когда капитал либо находится в скрытом состоянии, либо производит продукты, не возрастая по своей стоимости.

Время обращения

В сфере обращения капитал находится в виде товарного капитала и денежного капитала. Два процесса его обращения состоят в том, что он превращается из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму. То обстоятельство, что превращение товара в деньги является здесь в то же время реализацией заключающейся в товаре прибавочной стоимости и что превращение денег в товар есть в то же время превращение или обратное превращение капитальной стоимости в форму элементов её производства, это обстоятельство совершенно ничего не меняет в том, что эти процессы, как процессы обращения, являются процессами простого метаморфоза товаров.

Время обращения и время производства взаимно исключают друг друга. В течение времени своего обращения капитал не функционирует как производительный капитал и потому не производит ни товара, ни прибавочной стоимости. Если различные части капитала проделывают кругооборот одна за другой, так что кругооборот всей капитальной стоимости осуществляется последовательно в кругообороте её различных частей, то ясно, что чем длиннее тот промежуток времени, в течение которого составные части капитальной стоимости постоянно задерживаются в сфере обращения, тем меньше будет та её часть, которая постоянно функционирует в сфере производства. **Расширение и сокращение времени обращения играет поэтому роль отрицательного предела для сокращения или расширения времени производства или той степени, в которой капитал данной величины функционирует как производительный капитал**. Чем в большей степени метаморфозы обращения капитала являются лишь идеальными, то есть чем больше время обращения становится равным нулю или приближается к нулю, тем больше функционирует капитал, тем выше становится его производительность и самовозрастание его стоимости.

Буржуазная политическая экономия видит лишь внешнее проявление, а именно только влияние времени обращения на процесс увеличения капитала по стоимости вообще. Это отрицательное влияние она принимает за положительное, потому что его последствия положительны. Она тем более цепляется за эту видимость, что эта последняя будто бы доставляет доказательство того, что капитал обладает мистическим источником самовозрастания стоимости, независимым от его процесса производства, а потому и от эксплуатации труда, и что этот источник находится в сфере обращения. Позже мы увидим, как даже научная политическая экономия позволяет обмануть себя этой видимостью. Эта видимость, как позже будет показано, находит себе подкрепление в различных явлениях:

1. В капиталистическом способе исчисления прибыли, при котором отрицательная причина фигурирует в качестве положительной, так как для капиталов, находящихся в таких различных сферах приложения, где различно только время обращения,

более продолжительное время обращения действует в качестве причины повышения цен, — словом, в качестве одной из причин выравнивания прибылей.

2. Время обращения образует лишь часть времени оборота; последнее же заключает в себе время производства, или время воспроизводства. То, что на самом деле своим существованием обязано последнему, кажется обязанным времени обращения.

3. Превращение товаров в переменный капитал (в заработную плату) обусловлено предварительным превращением их в деньги. Следовательно, при накоплении капитала превращение товаров в добавочный переменный капитал совершается в сфере обращения или происходит во время обращения. Поэтому кажется, что именно этому последнему обязано своим происхождением совершившееся накопление.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое время производства?
Что такое время обращения?
Что такое кругооборот капитала?
Почему время труда меньше времени производства?
Если на производстве будут только роботы, будет ли там образовываться прибавочная стоимость?
Почему капиталист всегда стремится сократить время обращения?

Глава 6.
ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ

издержки обращения, чистые издержки обращения, издержки по хранению, формы запаса, издержки и стоимость товаров, транспортные издержки

I. Чистые издержки обращения

1) Время купли и продажи

Превращения формы капитала из товара в деньги и из денег в товар являются в то же время торговыми сделками капиталиста, актами купли и продажи. Время, в течение которого совершаются эти превращения формы капитала, субъективно, с точки зрения капиталиста, является временем продажи и купли, то есть тем временем, в течение которого капиталист функционирует на рынке как продавец и покупатель. Время обращения капитала составляет необходимую часть времени его воспроизводства; точно так же время, в течение которого капиталист покупает и продаёт, когда он рыщет на рынке, составляет необходимую часть времени его функционирования в качестве капиталиста, то есть в качестве персонифицированного капитала. Оно составляет часть его делового времени.

Так как мы приняли, что товары покупаются и продаются по их стоимостям, то при этих актах речь идёт лишь о превращении одной и той же стоимости из одной формы в другую, из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму, — речь идёт лишь о перемене состояния. Если товары продаются по их стоимостям, то величина стоимости остаётся неизменной в руках как покупателя, так и продавца; изменяется только форма её существования. Если же товары продаются не по их стоимостям, то сумма претерпевших превращение стоимостей остаётся неизменной: то, что является плюсом для одной стороны, есть минус для другой.

Купля и продажа становятся главной функцией капиталиста, заставляющего других работать на себя. Так как он присваивает продукт многих, присваивает его в широком общественном масштабе, то в таком же масштабе он должен продавать этот продукт,

а потом снова превращать деньги в элементы производства. Но, как и раньше, во время купли и продажи стоимость не создаётся. Иллюзию создания стоимости здесь порождает функционирование купеческого капитала. Но, если даже не входить в более детальное рассмотрение этого вопроса, само собой ясно, что если какая-нибудь функция, сама по себе не производительная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства, вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих исключительную функцию немногих, в их особое занятие, то от этого сам характер функций не изменится.

Чтобы упростить вопрос (так как мы лишь позже рассмотрим купца как капиталиста и купеческий капитал), мы примем, что агент по купле и продаже является человеком, продающим свой труд. Он расходует свою рабочую силу и своё рабочее время на эти операции **Т—Д** и **Д—Т**. Следовательно, он существует этим так же, как другой существует, например, прядением или приготовлением пилюль. Он выполняет необходимую функцию, потому что сам процесс воспроизводства заключает в себе и непроизводительные функции. Он работает так же, как всякий другой, но содержание его труда таково, что он не создаёт ни стоимости, ни продукта. Он сам относится к непроизводительным издержкам производства. Он приносит пользу не тем, что превращает непроизводительную функцию в производительную или непроизводительный труд в производительный. Было бы чудом, если бы подобное превращение могло совершиться вследствие такой передачи функции от одного лица к другому. Напротив, он **приносит пользу тем, что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества затрачивается на эту непроизводительную функцию**.

При всех обстоятельствах время, затрачиваемое на куплю и продажу, является издержками обращения, ничего не прибавляющими к совершающим своё превращение стоимостям. Это — **издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму**. Поскольку капиталистический товаропроизводитель выступает в качестве агента обращения, он отличается от непосредственного товаропроизводителя лишь тем, что продаёт и покупает

в более крупных масштабах, а потому в более крупном масштабе функционирует как агент обращения.

> ***Издержки обращения** — это издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму.*

2) Ведение бухгалтерского учёта

Наряду с затратой времени на осуществление купли и продажи, рабочее время расходуется также и на ведение бухгалтерского учёта, которое, кроме того, требует затрат и овеществлённого труда (перья, чернила, бумага, письменный стол и так далее), то есть требует издержек на контору. Следовательно, при выполнении этой функции расходуется, с одной стороны, рабочая сила, с другой стороны — средства труда. Дело здесь обстоит совершенно так же, как со временем, затрачиваемым на куплю и продажу.

Есть некоторое различие между издержками по ведению учёта, то есть между непроизводительной затратой на это рабочего времени, с одной стороны, и издержками времени просто на куплю и продажу — с другой стороны. Последние вытекают лишь из определённой общественной формы процесса производства, из того, что это — процесс производства товаров. Бухгалтерский учёт как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимее, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер; следовательно, ведение бухгалтерского учёта более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению бухгалтерского учёта сокращаются вместе с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство.

3) Деньги

Производится ли какой-либо продукт как товар или не как товар, он всегда является вещественной формой богатства, потребительной стоимостью, предназначенной для индивидуального

или производительного потребления. Так как на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта; так как подавляющая масса продукта производится как товар и потому должна принимать форму денег; так как, следовательно, масса товаров, то есть та часть общественного богатства, которая функционирует как товар, беспрерывно растёт, — то здесь увеличивается также количество золота и серебра, функционирующих в качестве средств обращения, средств платежа, резерва и так далее. Эти товары, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это — общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения. Помимо того, что часть общественного богатства удерживается в этой непроизводительной форме, износ денег требует постоянного возмещения их или превращения большего количества общественного труда — в форме продукта — в большие количества золота и серебра. Эти издержки возмещения достигают значительных размеров у капиталистически развитых наций, так как часть богатства, находящаяся в форме денег, вообще велика. Золото и серебро как денежные товары представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это — непроизводительные издержки товарного производства, вообще возрастающие с развитием товарного производства и, в особенности, капиталистического производства. Это — часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения.

II. Издержки по хранению

Иную природу имеют те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут вытекать из процессов производства, которые только продолжаются в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушёвывается формой обращения. С другой стороны, с общественной точки зрения, они могут быть чистыми издержками, непроизводительным расходованием живого или овеществлённого труда, но именно как раз благодаря этому они могут действовать таким образом, что создают стоимость для индивидуального капиталиста, образуют

надбавку к продажной цене его товара. Эти издержки обращения не утрачивают характера непроизводительных издержек от того, что надбавка, которую они присоединяют к цене товаров, лишь равномерно распределяет эти издержки. Например, страховые общества распределяют потери индивидуальных капиталистов на весь класс капиталистов. Однако это не мешает потерям, уравниваемым таким способом, по-прежнему оставаться потерями по отношению ко всему общественному капиталу.

1) Образование запаса вообще

В течение того времени, пока продукт существует в виде товарного капитала или пока он пребывает на рынке, то есть в течение всего промежутка времени между процессом производства, из которого продукт выходит, и процессом потребления, в который он входит, продукт образует **товарный запас**. В качестве товара на рынке и, следовательно, в форме запаса, товарный капитал дважды появляется в каждом кругообороте: сначала как товарный продукт того самого находящегося в движении капитала, кругооборот которого рассматривается; затем, напротив, как товарный продукт другого капитала, как продукт, который должен находиться на рынке для того, чтобы его можно было купить и превратить в производительный капитал.

Чем быстрее совершается продажа, тем быстрее протекает процесс воспроизводства. Задержка в превращении формы **Т' — Д'** препятствует действительному обмену веществ, который должен совершиться в кругообороте капитала, и дальнейшему функционированию последнего в качестве производительного капитала. С другой стороны, постоянное наличие товара на рынке, то есть товарный запас, является по отношению к **Д — Т** условием, без которого не может протекать ни процесс воспроизводства, ни применение нового или добавочного капитала.

Итак, существование капитала в форме товарного капитала и, следовательно, в качестве товарного запаса, вызывает издержки, которые, так как они принадлежат не к сфере производства, считаются издержками обращения. Эти издержки обращения отличаются от приведённых в пункте **I** тем, что они в известной степени входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары. При всех обстоятельствах капитал и рабочая сила, служащие для

содержания и хранения товарного запаса, отвлечены от непосредственного процесса производства. С другой стороны, капиталы, вложенные сюда, включая и рабочую силу как составную часть капитала, должны быть возмещены из общественного продукта. Поэтому затрата их действует так же, как уменьшение производительной силы труда, так что для получения определённого полезного эффекта требуется большее количество капитала и труда. Это — непроизводительные издержки.

Теперь необходимо ещё исследовать, насколько эти непроизводительные издержки обязаны своим происхождением своеобразному характеру товарного производства вообще и товарного производства в его всеобщей абсолютной форме, то есть капиталистического товарного производства; насколько, с другой стороны, они присущи всякому общественному производству, а здесь, при капиталистическом производстве, только принимают особый вид, особую форму проявления.

Адам Смит выдвинул нелепое положение, будто образование запаса является специфическим признаком капиталистического производства. В действительности запас существует в трёх формах: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса или товарного капитала. Когда увеличивается запас в одной форме, то запас в другой форме относительно уменьшается, хотя по своей абсолютной величине он может одновременно возрастать во всех трёх формах.

> ***Запас существует в трёх формах**: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса (или товарного капитала).*

Само собой ясно, что там, где производство направлено непосредственно на удовлетворение собственной потребности и где продукт лишь в незначительной части производится для обмена или продажи, следовательно, где общественный продукт совсем не принимает формы товара или принимает её лишь в небольшой своей части, там запас в форме товара, или товарный запас, образует лишь незначительную и незаметную часть богатства. Что касается фонда потребления, то он здесь относительно велик,

особенно фонд собственно жизненных средств. Достаточно напомнить только о старинном крестьянском хозяйстве. Преобладающая часть продукта превращается здесь непосредственно, не образуя товарного запаса, — именно потому, что она остаётся в руках своего владельца, — в запасные средства производства или в запасные жизненные средства. Она не принимает формы товарного запаса, и именно поэтому, по мнению Адама Смита, в обществах, основанных на таком способе производства, не существует никакого запаса. **Адам Смит смешивает форму запаса с самим запасом** и думает, что до сих пор общество существовало, перебиваясь со дня на день, или же полагалось на случайности завтрашнего дня. Это — наивное недоразумение.

2) Собственно товарный запас

Всякий товар, пока он находится на рынке, образует элемент товарного запаса. Поэтому вместе с развитием капиталистического производства — даже при неизменных размерах производства — возрастает и товарный запас сам по себе (то есть возрастает это обособление и закрепление товарной формы продукта). Мы уже видели, что это — лишь изменение формы запаса: на одной стороне запас в товарной форме увеличивается только потому, что на другой стороне, в форме прямого запаса для производства или потребления, он уменьшается. Это — лишь изменённая общественная форма запаса. Если вместе с тем возрастает не только относительная величина товарного запаса по сравнению со всем общественным продуктом, но также и его абсолютная величина, то это происходит потому, что вместе с развитием капиталистического производства возрастает и масса всего продукта.

Какова бы ни была общественная форма запаса продуктов, его сохранение требует издержек: построек, тары и так далее для хранения продукта; оно требует также, в зависимости от природы продукта, больше или меньше труда и средств производства, которые приходится затрачивать для предотвращения вредных влияний. Чем выше общественная концентрация запасов, тем относительно меньше становятся эти издержки. Эти затраты всегда составляют часть общественного труда в овеществлённой или живой форме, — следовательно, в капиталистической форме они представляют собой затраты капитала, — которые

не принимают участия в самом образовании продукта и потому являются вычетом из продукта. Они необходимы, эти непроизводительные издержки общественного богатства. **Это — издержки по сохранению общественного продукта, независимо от того, вытекает ли существование последнего в качестве элемента товарного запаса лишь из общественной формы производства, следовательно, из товарной формы и её необходимых превращений, или же мы будем рассматривать товарный запас только как специальную форму запаса продуктов, присущего всем обществам, хотя бы такой запас и не имел формы товарного запаса, этой формы запаса продуктов, относящейся к процессу обращения**.

Теперь спрашивается, в какой мере эти издержки входят в стоимость товаров?

Поскольку образование запаса представляет собой приостановку обращения, то вызванные этим издержки не прибавляют к товару никакой стоимости. С другой стороны, никакой запас не может существовать без пребывания в сфере обращения, без более или менее продолжительного пребывания капитала в его товарной форме; следовательно, невозможен запас без приостановки обращения, — совершенно так же, как невозможно обращение денег без образования денежного резерва. Таким образом, без **товарного запаса невозможно товарное обращение**. Если необходимость образования запаса не возникает для капиталиста в **Т'—Д'**, то она появляется для него в **Д—Т**; если она не возникает по отношению к его товарному капиталу, то возникает по отношению к товарному капиталу других капиталистов, которые производят средства производства для него самого и жизненные средства для его рабочих.

Для решения этого вопроса полезно знать, чем отличается добровольное образование запаса от вынужденного. **Вынужденное образование запаса** вытекает из приостановки обращения или тождественно с приостановкой обращения, не зависящей от предвидения капиталиста и противоречащей его воле. Что же характеризует **добровольное образование запаса**? Сам производитель старается иметь на складе товарный запас в размере, соответствующем среднему спросу на его товар,

чтобы устранить непосредственную зависимость от производства и обеспечить себе постоянный круг покупателей. Соответственно периодам производства устанавливаются сроки покупок, и товары в продолжение большего или меньшего времени образуют запас, пока их не заменят новые экземпляры того же рода. Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса обращения, а потому и процесса воспроизводства, включающего в себя и процесс обращения.

Издержки, вызываемые сохранением запаса, являются просто транспонированными издержками по сохранению общественного производственного фонда или общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара, вызываемое ими, только распределяет эти издержки пропорционально между различными товарами, так как они различны для различных видов товаров. Издержки по образованию запаса по-прежнему остаются вычетами из общественного богатства, хотя они и являются одним из условий его существования.

Лишь поскольку товарный запас является условием товарного обращения и даже формой, необходимо возникающей в товарном обращении, следовательно, поскольку этот кажущийся застой является формой самого движения, — подобно тому, как образование денежного резерва есть условие денежного обращения, — лишь постольку этот застой является **нормальным**. Напротив, поскольку товары, задержавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства и, таким образом, резервуары **аномально** переполняются, постольку товарный запас увеличивается вследствие задержки обращения, совершенно так же, как растут размеры сокровища, когда происходит задержка в обращении денег. При этом безразлично, происходит ли эта задержка на складах промышленного капиталиста или на складах купца. В таком случае товарный запас является уже не условием непрерывной продажи, а следствием того обстоятельства, что товары не удаётся продать. Издержки остаются те же, но так как теперь они вытекают исключительно из формы, а именно из необходимости превратить товары в деньги, и из затруднительности этого метаморфоза, то они

не входят в стоимость товара, а представляют собой вычет, потерю стоимости при реализации стоимости. Так как нормальная и аномальная формы запаса по форме не отличаются одна от другой и обе представляют собой приостановку обращения, то эти явления могут быть приняты одно за другое. Самих агентов производства они могут ввести в заблуждение тем легче, что для производителя процесс обращения его капитала может протекать прежним порядком, хотя процесс обращения его товаров, перешедших в руки купцов, приостановился. Если увеличиваются размеры производства и потребления, то, при прочих равных условиях, увеличивается и размер товарного запаса. Он обновляется и поглощается с прежней скоростью, но его размеры становятся больше. Таким образом, размер товарного запаса, аномально вздутый вследствие приостановки обращения, может быть ошибочно принят за симптом расширения процесса воспроизводства; эта ошибка становится возможной в особенности тогда, когда с развитием системы кредита действительное движение может мистифицироваться.

Издержки по образованию запаса состоят:

— из количественного уменьшения массы продукта (как, например, при образовании запаса муки);

— из порчи качества;

— из овеществлённого или живого труда, которого требует сохранение запаса.

III. Транспортные издержки

Здесь нет необходимости входить во все детали издержек обращения, каковы, например, упаковка, сортировка и так далее. Общий закон заключается в том, что **все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости**. Это — просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести её из одной формы в другую. Израсходованный на эти издержки капитал (включая и подчинённый ему труд) принадлежит к **непроизводительным издержкам** капиталистического производства. **Возмещение этих издержек** должно воспоследовать из прибавочного продукта и составляет,

если рассматривать весь класс капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта; совершенно так же, как то время, которое требуется рабочему для покупки жизненных средств, является для него потерянным временем. Но транспортные издержки играют слишком важную роль, и потому здесь необходимо кратко остановиться на них.

> ***Общий закон**: все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости.*

Количество продукта не увеличивается вследствие его перевозки. Все перемены, произведённые перевозкой в естественных свойствах продуктов, за некоторыми исключениями, являются не преднамеренным полезным эффектом, а неизбежным злом. Но потребительная стоимость предметов реализуется лишь в потреблении их, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно, сделать необходимым дополнительный производственный процесс транспортной промышленности. Поэтому вложенный в неё производительный капитал присоединяет стоимость к транспортируемому продукту, отчасти вследствие перенесения стоимости средств транспорта, отчасти вследствие того, что стоимость присоединяется трудом на транспорте. Эта последняя надбавка стоимости распадается, как и вообще при капиталистическом производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость.

Как было показано раньше, **общий закон товарного производства таков: производительность труда находится в обратном отношении к создаваемой им стоимости**. Это относится к транспортной промышленности так же, как и ко всякой другой отрасли производства. Чем меньше то количество труда, мёртвого и живого, которое требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда, и наоборот. **Абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом**, при прочих равных условиях обратно пропорциональна производительной силе труда в транспортной промышленности и прямо пропорциональна тем расстояниям, на которые товары перемещаются.

> ***Общий закон товарного производства** таков: производительность труда находится в обратном отношении к создаваемой им стоимости.*

Относительная величина стоимости, которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара, прямо пропорциональна объёму и весу товара. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, например, принятия более или менее серьёзных мер предосторожности, а потому вызывает большую или меньшую затрату труда и средств труда, в зависимости от относительной ломкости продукта, его подверженности порче, его способности взрываться. В этой области железнодорожные магнаты развивают ещё большую гениальность в изобретении фантастических видов, чем ботаники или зоологи. Например, классификация товаров, принятая на английских железных дорогах, составляет тома и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств товаров в столь же многочисленные пороки с точки зрения транспорта и в поводы для вымогательства. Далее, то обстоятельство, что относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару транспортные издержки, обратно пропорциональна его стоимости, даёт железнодорожным магнатам особое основание для того, чтобы установить тариф на перевозку товаров, прямо пропорциональный их стоимости.

Капиталистический способ производства уменьшает транспортные издержки для единичного товара как посредством развития средств транспорта и связи, так и посредством концентрации (увеличения масштаба) транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, живого и овеществлённого, которая расходуется на транспортировку товаров, — увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдалёнными рынками.

С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства в пределах процесса обращения и для процесса обращения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое издержки обращения?
Что и почему относят к чистым издержкам обращения?
Что и почему относят к издержкам по хранению?
Какие формы запаса существуют?
В какой мере издержки входят в стоимость товаров?
Что и почему относят к транспортным издержкам?

Отдел 2.
ОБОРОТ КАПИТАЛА

Глава 7.
ВРЕМЯ ОБОРОТА И ЧИСЛО ОБОРОТОВ

цель капиталистического производства, оборот капитала, время оборота капитала

Как мы видели, общее время оборота данного капитала равно сумме времени его обращения и времени его производства. Это — промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определённой форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме.

Определяющей целью капиталистического производства всегда является увеличение авансированной стоимости, независимо от того, авансирована ли она в своей самостоятельной форме, то есть в денежной форме, или же в виде товара, так что её форма стоимости приобретает в цене авансированных товаров лишь идеальную самостоятельность. В обоих случаях эта капитальная стоимость проходит в своём кругообороте различные формы существования. Её тождество с ней самой констатируется в бухгалтерских книгах капиталиста, или в форме счётных денег.

> ***Целью капиталистического производства*** *всегда является увеличение авансированной стоимости.*

После того как вся капитальная стоимость, вложенная отдельным капиталистом в какую-либо отрасль производства, совершит в своём движении кругооборот, она оказывается снова в своей первоначальной форме и может снова повторить тот же самый процесс. **Чтобы стоимость увековечилась и продолжала возрастать как капитальная стоимость, она должна повторять этот кругооборот**. В жизни капитала отдельный кругооборот составляет лишь один постоянно повторяющийся отдел, следовательно, составляет **период**.

Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени

его производства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала. Следовательно, она охватывает промежуток времени от одного периода кругооборота всей капитальной стоимости до следующего; она отмечает периодичность в процессе жизни капитала или, если угодно, время возобновления, повторения процесса увеличения стоимости или процесса производства одной и той же капитальной стоимости.

> ***Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его производства и времени его обращения, и называется временем оборота капитала.***

Если оставить в стороне индивидуальные приключения, которые для отдельного капитала могут ускорить или сократить время оборота, то последнее вообще различно в зависимости от различий отдельных сфер вложения капитала.

Подобно тому как для функционирующей рабочей силы естественной единицей измерения служит рабочий день, так год представляет собой естественную единицу измерения для оборотов функционирующего капитала. Естественным базисом такой единицы измерения является то обстоятельство, что в умеренном поясе, на родине капиталистического производства, важнейшие продукты земледелия производятся один раз в год.

Если год, как единицу измерения времени оборота, мы обозначим через **О**, время оборота определённого капитала — **о**, число его оборотов — **n**, то $n = О/о$. Если время оборота капитала составляет несколько лет, то оно исчисляется, следовательно, одним годом, взятым несколько раз.

> ***Если год, как единицу измерения времени оборота, мы обозначим через О, время оборота определённого капитала — о, число его оборотов — n, то*** $n = О/о$.

Для капиталиста время оборота его капитала представляет собой время, на которое ему приходится авансировать свой

капитал с той целью, чтобы он возрос по своей стоимости и возвратился к нему в своей первоначальной форме.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что является целью капиталистического производства?
Что такое оборот капитала?
Что такое время оборота капитала?

Глава 8.
ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ

основной капитал, оборотный капитал, классификации постоянный-переменный капитал и основной-оборотный капитал, основной капитал и земля, амортизационный фонд

Мы видели ранее, что часть постоянного капитала сохраняет ту определённую потребительную форму, в которой он входит в процесс производства, сохраняет её по отношению к тем продуктам, в образовании которых он участвует. Следовательно, в течение более или менее продолжительных периодов, в постоянно повторяемых процессах труда, эта часть постоянного капитала постоянно выполняет одни и те же функции. К ней относятся, например, производственные здания, машины и так далее, — короче, всё, что мы объединяем под названием **средств труда**. Эта часть постоянного капитала передаёт свою стоимость продукту в той мере, в какой она вместе со своей собственной потребительной стоимостью утрачивает свою собственную меновую стоимость. Эта передача стоимости, или этот переход стоимости такого средства производства на продукт, в образовании которого оно принимает участие, определяется по среднему подсчёту; она измеряется средней продолжительностью функционирования средства производства, охватывающей время от момента, когда оно входит в процесс производства, и до момента, когда оно будет совершенно изношено, станет непригодным, когда оно должно быть заменено новым экземпляром того же рода, должно быть воспроизведено.

> ***Средства труда** — это такая часть постоянного капитала, которая передаёт свою стоимость продукту в той мере, в какой она вместе со своей собственной потребительной стоимостью утрачивает свою собственную меновую стоимость.*

Средства труда, вступив однажды в сферу производства, уже никогда не покидают её. Их прочно удерживает в сфере производства их функция. Часть авансированной капитальной стоимости фиксируется в этой форме, определяемой

функцией средств труда в процессе производства. Вследствие функционирования, а потому и изнашивания средства труда одна часть его стоимости переносится на продукт, другая же остаётся фиксированной в средстве труда и, следовательно, остаётся в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, — до тех пор, пока средство труда не отслужит своей службы; поэтому его стоимость в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средство труда всё ещё действует в качестве средства труда, следовательно, пока его ещё не приходится заменять новым экземпляром того же самого рода, стоимость постоянного капитала всё время остаётся фиксированной в нём, между тем как другая часть первоначально фиксированной в нём стоимости переносится на продукт и потому совершает обращение как составная часть товарного запаса. Чем долговечнее средство труда, чем медленнее оно изнашивается, тем дольше постоянная капитальная стоимость остаётся фиксированной в этой потребительной форме.

Обращение рассматриваемой здесь части капитала является своеобразным. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме, обращается только её стоимость, и притом лишь постепенно, частями, в той мере, как она переносится с рассматриваемой части капитала на продукт, который обращается как товар. В течение всего времени функционирования этой части некоторая доля её стоимости остаётся фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму **основного капитала**. В противоположность ему все другие вещественные составные части капитала, авансированного на процесс производства, образуют **оборотный, или текучий капитал**.

> ***Основной капитал** — это часть постоянного капитала, которая:*
> *1. Не обращается в своей потребительной форме;*

> *2. Обращается только её стоимость, и притом лишь постепенно, частями, в той мере, как она переносится с рассматриваемой части капитала на создаваемый продукт, который обращается как товар;*
> *3. В течение всего времени функционирования этой части некоторая доля её стоимости остаётся фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует.*

Только функционирование продукта в процессе производства в качестве средства труда превращает его в основной капитал. Напротив, когда сам продукт только выходит из процесса производства, он ещё отнюдь не является основным капиталом. Например, машина как продукт, соответственно — как товар фабриканта-машиностроителя принадлежит к его товарному капиталу. Основным капиталом она становится лишь в руках её покупателя, капиталиста, который производительно её применяет.

> *Только функционирование продукта в процессе производства в качестве средства труда превращает его в основной капитал.*

При прочих равных условиях степень закреплённости средства труда в процессе производства возрастает с долговечностью этого средства труда. Именно от этой долговечности зависит величина разницы между капитальной стоимостью, закреплённой в средстве труда, и той частью этой стоимости, которая при повторных процессах труда переносится на продукт. Чем медленнее совершается эта передача стоимости, — а стоимость передаётся от средства труда при каждом повторении одного и того же процесса труда, — тем больше **закреплённый капитал**, тем больше разница между капиталом, применяемым в процессе производства, и капиталом, потребляемым в нём. Когда эта разница исчезает, это значит, что данное средство труда отжило свой век и вместе со своей потребительной стоимостью утратило свою стоимость. Оно перестало быть носителем стоимости.

Заметим, если какое-либо средство производства, не представляющее собой средство труда в собственном значении этого понятия, — например, вспомогательный материал, сырьё, полуфабрикат и так далее, — **если это средство производства в отношении передачи стоимости, а потому и в отношении способа обращения своей стоимости занимает такое же положение, как и средства труда, то оно также является вещественным носителем, формой существования основного капитала**. Именно так обстоит дело в случае с, например, улучшениями почвы, когда в почву вносятся химические вещества, действие которых простирается на многие периоды производства или на многие годы. Здесь одна часть их стоимости по-прежнему существует наряду с продуктом в своей самостоятельной форме, или в форме основного капитала, между тем как другая часть стоимости уже перенесена на продукт и потому вместе с ним совершает обращение. В этом случае в продукт входит не только часть стоимости основного капитала, но и та потребительная стоимость, та субстанция, в которой существует эта часть стоимости.

> *Если средство производства в отношении передачи стоимости готовому продукту, а потому и в отношении способа обращения своей стоимости, занимает такое же положение, как и средства труда, то оно также является вещественным носителем, формой существования основного капитала.*

Мы знаем, что **средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда**. Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда, и предмет труда становятся капиталом, притом «производительным капиталом» в том значении, в котором он определён в предыдущем отделе.

> ***Средства производства** во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на **средства труда** и **предмет труда**.*

Вместе с тем **различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, проявляется в новой форме — в форме различия основного капитала и оборотного капитала**. Лишь с этого времени вещь, которая функционирует как средство труда, становится основным капиталом. Если она по своим вещественным свойствам способна служить и в других функциях, кроме функций средств труда, то она является или не является основным капиталом в зависимости от различий своих функций. Скот в качестве рабочего скота есть основной капитал; скот, откармливаемый на убой, представляет собой сырой материал, который в конечном счёте как продукт вступает в обращение, — следовательно, это не основной, а оборотный капитал.

Анализ процесса труда и процесса увеличения стоимости показал, что различные составные части производительного капитала играют совершенно различную роль в образовании продукта и в образовании стоимости. Стоимость той части постоянного капитала, которая состоит из вспомогательных материалов и сырья, — совершенно так же, как стоимость той его части, которая состоит из средств труда, — снова появляется в стоимости продукта как лишь перенесённая стоимость, между тем как рабочая сила посредством процесса труда присоединяет к продукту эквивалент своей стоимости, или действительно воспроизводит свою стоимость.

Далее, одна часть вспомогательных материалов — уголь в качестве топлива, светильный газ и так далее — потребляется в процессе труда, вещественно не входя в продукт, между тем как другая часть их вещественно входит в продукт и образует материал его субстанции. Но все эти различия не имеют значения для обращения, а потому и для способа оборота. Поскольку **вспомогательные материалы и сырьё целиком потребляются при образовании известного продукта, постольку они целиком переносят на продукт всю свою стоимость**. Поэтому последняя целиком вносится продуктом в обращение, превращается в деньги, а из денег обратно в элементы производства товара. Оборот этой части стоимости не прерывается, как оборот основного капитала, она непрерывно проходит весь кругооборот её форм, так что эти элементы производительного

капитала постоянно возобновляются в натуральной форме. Что касается переменной составной части производительного капитала, затрачиваемой на рабочую силу, то рабочая сила покупается на определённый срок. Когда капиталист купил её и включил в процесс производства, она образует составную часть его капитала, а именно — переменную составную часть его капитала. Ежедневно она действует на протяжении известного промежутка времени, в течение которого она присоединяет к продукту не только всю свою дневную стоимость, но также и известную избыточную, прибавочную стоимость, которую мы здесь пока оставим в стороне. После того как рабочая сила была уже куплена и действовала, например, в течение недели, купля её должна постоянно возобновляться через определённые сроки. Тот эквивалент её стоимости, который рабочая сила постоянно присоединяет к продукту во время своего функционирования и который вследствие обращения продукта превращается в деньги, должен постоянно совершать обратное превращение из денег в рабочую силу, или должен постоянно проделывать полный кругооборот своих форм, то есть должен постоянно оборачиваться, чтобы не прервался кругооборот непрерывного производства.

Следовательно, часть стоимости производительного капитала, авансированная на рабочую силу, целиком переносится на продукт (прибавочную стоимость мы здесь всё время оставляем в стороне), проделывает вместе с ним оба метаморфоза, относящиеся к сфере обращения, и благодаря такому постоянному возобновлению постоянно остаётся включённой в процесс производства. Поэтому, как бы рабочая сила ни отличалась в остальном, в отношении её роли в образовании стоимости, от тех составных частей постоянного капитала, которые не составляют основного капитала, такой способ оборота стоимости рабочей силы оказывается общим с этими составными частями и противоположным основному капиталу. Вследствие такой общности в характере их оборота эти составные части производительного капитала, а именно те части его стоимости, которые затрачиваются на рабочую силу и на средства производства, не составляющие основного капитала, противостоят основному капиталу как оборотный, или текучий капитал.

> ***Составные части производительного капитала, а именно те части его стоимости, которые затрачиваются на рабочую силу и на средства производства, не составляющие основного капитала, противостоят основному капиталу как оборотный, или текучий капитал.***

Оборотным капиталом, в противоположность основному капиталу, становятся не сами жизненные средства рабочего и не его рабочая сила, а та часть стоимости производительного капитала, которая затрачивается на рабочую силу и которая благодаря форме своего оборота приобретает этот характер, общий для неё ещё с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала.

Стоимость оборотного капитала — в виде рабочей силы и средств производства — авансируется лишь на то время, в течение которого изготовляется продукт, причём авансируется в соответствии с масштабом производства, определяемым размером основного капитала. Эта стоимость целиком входит в продукт, а потому путём продажи продукта снова целиком возвращается из обращения и может быть авансирована снова.

Из предыдущего вытекает следующее:

1. Определённость форм основного и оборотного капитала вытекает лишь из различий оборота капитальной стоимости, функционирующей в процессе производства, или производительного капитала. Это различие оборота в свою очередь вытекает из различий того способа, каким различные составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт, а не из различий их участия в производстве стоимости продукта или не из особенностей их роли в процессе увеличения стоимости. Наконец, различия в передаче стоимости продукту, а потому и различие способов, какими эта стоимость вносится продуктом в обращение и посредством метаморфозов продукта возобновляется в своей первоначальной натуральной форме, — эти различия вытекают из различий тех вещественных форм, в которых существует производительный капитал, одна часть которого при образовании отдельного продукта потребляется целиком, другая же потребляется лишь постепенно. Следовательно, **лишь производительный**

капитал может разделяться на основной и оборотный. Этой противоположности не существует, напротив, для двух других способов существования промышленного капитала, следовательно, — ни для товарного капитала, ни для денежного капитала; её не существует и как противоположности этих двух форм по отношению к производительному капиталу. Она существует лишь для производительного капитала и в пределах последнего.

2. Оборот основной составной части капитала, а следовательно и необходимое для этого время оборота, охватывает несколько оборотов оборотных составных частей капитала. В течение того времени, когда основной капитал сделает лишь один оборот, оборотный капитал успевает сделать несколько оборотов.

3. Затрачиваемая на основной капитал часть стоимости производительного капитала авансируется полностью, разом, на весь срок функционирования той части средств производства, которая составляет основной капитал. Следовательно, капиталист одним разом бросает эту стоимость в обращение, но она извлекается им из обращения лишь долями, постепенно, посредством реализации тех долей стоимости, которые основной капитал частями присоединяет к товарам. С другой стороны, сами средства производства, в которых фиксируется одна из составных частей производительного капитала, извлекаются из обращения разом и на весь срок своего функционирования входят в процесс производства. Но они в течение этого срока не требуют замены новыми экземплярами того же рода, не требуют воспроизводства. В течение более или менее продолжительного времени они продолжают принимать участие в образовании товаров, бросаемых в обращение, не требуя извлечения из обращения элементов своего собственного возобновления. Следовательно, в течение этого времени они со своей стороны не требуют также и возобновления авансирования со стороны капиталиста. Наконец, капитальная стоимость, вложенная в основной капитал, за время функционирования тех средств производства, в виде которых она существует, проходит кругооборот своих форм не вещественно, а лишь по своей стоимости, да и то лишь по частям и постепенно.

4. Чтобы процесс производства шёл непрерывно, элементы оборотного капитала должны быть так же постоянно закреплены в этом процессе, как и элементы основного капитала.

Составные части, возмещение, ремонт и накопление основного капитала

Износ отдельных элементов основного капитала вызывается самим его использованием, влиянием сил природы и моральный износ также играет свою роль. Износ (оставляя в стороне моральный износ) есть та часть стоимости, которую основной капитал вследствие его использования постепенно передаёт продукту, — передаёт в той средней мере, в какой он утрачивает свою потребительную стоимость. Этот износ отчасти таков, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он должен быть целиком заменён.

Однако **поддержание основного капитала в исправности** требует также и прямых затрат труда. Машины необходимо время от времени чистить. Здесь речь идёт о добавочном труде, без которого они сделаются непригодными к употреблению; о простом предотвращении тех вредных стихийных влияний, которые неотделимы от процесса производства, — следовательно, речь идёт о сохранении машин в состоянии работоспособности в буквальном значении этих слов. Как само собой разумеется, нормальная продолжительность жизни основного капитала определяется с учётом того, что будут выполнены те условия, при которых он может нормально функционировать в течение этого времени — совершенно так же, как, принимая, что человек живёт в среднем 60 лет, предполагают, что он и моется. Следовательно, речь идёт здесь не о возмещении труда, заключающегося в машине, а о **постоянном добавочном труде**, который становится необходимым вследствие её употребления. Речь идёт здесь не о той работе, которую совершает машина, а о том труде, который прилагается к машине и, по отношению к которому, она не агент производства, а сырой материал. Капитал, затрачиваемый на этот труд, — хотя этот капитал не входит в тот процесс труда, которому собственно обязан продукт своим происхождением, — относится к оборотному капиталу.

Повреждения, которым подвержены отдельные части машин, по природе своей случайны, а потому так же случаен и обусловливаемый ими ремонт. Однако из **массы этих ремонтных**

работ выделяются два вида, которые имеют более или менее постоянный характер и приходятся на различные периоды жизни основного капитала: **болезни детства и несравненно более многочисленные болезни возраста, вышедшего за пределы средней продолжительности жизни**. Например, какой бы совершенной конструкции машина ни вступила в процесс производства, при её употреблении на практике обнаруживаются недостатки, которые приходится исправлять дополнительным трудом. С другой стороны, чем больше вышла она за предел своего среднего возраста, следовательно, чем больше сказывается действие нормального изнашивания, чем больше изношен и старчески ослаб материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до конца периода средней продолжительности её жизни; совершенно так же старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится делать больше расходов на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил. Следовательно, при всём случайном характере ремонтных работ, они распределяются неравномерно между различными периодами жизни основного капитала.

Перенесение стоимости вследствие изнашивания основного капитала рассчитывается по средней продолжительности его жизни, но эта средняя продолжительность жизни, в свою очередь, рассчитана на то, что всё время будет авансироваться добавочный капитал, необходимый для содержания его в исправности. Не менее ясно, что эта стоимость, присоединяемая к основному капиталу благодаря добавочной затрате капитала и труда, не может входить в цену товаров одновременно с этой затратой. Например, если у фабриканта-прядильщика на этой неделе сломалось колесо или порвался ремень, он не может на этой неделе продавать свою пряжу дороже, чем продавал на прошлой неделе. Общие издержки прядения нисколько не изменились вследствие этого происшествия на отдельной фабрике. Здесь, как и вообще при определении стоимости, решающее значение имеет средняя величина. Опыт показывает среднее количество таких происшествий и средний объём работ по содержанию и ремонту, необходимых в течение среднего периода жизни основного капитала, вложенного в определённую отрасль производства. Этот средний

расход распределяется на средний период жизни основного капитала и соответствующими частями прибавляется к цене продукта, следовательно, **возмещается** посредством продажи последнего.

Как от возмещения износа, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично **страхование** от возможных разрушений, производимых чрезвычайными явлениями природы: пожарами, наводнениями и тому подобное. Расходы на страхование должны покрываться за счёт прибавочной стоимости и представляют собой вычет из неё. Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, то есть производство в более широком масштабе, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства; оно, — если совсем оставить в стороне прирост населения, — необходимо для того, чтобы иметь в распоряжении средства производства для устранения последствий тех чрезвычайных разрушений, которые вызываются случайностями и силами природы.

При определении как износа, так и издержек по ремонту в соответствии с общественной средней нормой неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина существует дольше среднего периода, у другого — не так долго. Издержки по ремонту у одного выше средней величины, у другого ниже. Но надбавка к цене товаров, определяемая с учётом как износа, так и издержек по ремонту, одна и та же: она определяется по средней величине. Таким образом, благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности добавочно затратил, другой — меньше. Это — как и все другие обстоятельства, которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства, — способствует тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости.

Хотя, как мы видели, большая часть денег, возвращающихся на возмещение износа основного капитала, ежегодно или даже чаще снова совершает обратное превращение в натуральную форму этого капитала, тем не менее каждому отдельному

капиталисту необходим **амортизационный фонд** для той части основного капитала, для которой лишь по истечении ряда лет разом наступает срок воспроизводства и которую тогда приходится возмещать целиком. Значительная составная часть основного капитала уже в силу своих свойств исключает возможность её воспроизводства по частям. Кроме того, когда воспроизводство по частям происходит таким способом, что через короткие промежутки к обесценившемуся составу основного капитала присоединяется новый, то, чтобы сделать возможным это возмещение, необходимо предварительное накопление денег в большем или меньшем размере, — в зависимости от специфического характера данной отрасли производства. Для этого достаточна не всякая произвольная сумма денег, — для этого требуется денежная сумма определённых размеров.

Если мы рассмотрим образование амортизационного фонда, предполагая лишь простое денежное обращение и совершенно оставляя в стороне систему кредита, которую надлежит исследовать позже, то механизм движения таков: если одна часть денег, имеющихся в данном обществе, всегда лежит в бездеятельном состоянии, в форме сокровища, а другая функционирует как средство обращения или как непосредственный резервный фонд по отношению к уже обращающимся деньгам, то пропорция, в которой вся масса денег распадается на сокровище и на средства обращения, подвержена постоянным изменениям. Деньги, которые относительно крупный капиталист должен накопить в виде сокровища сравнительно большого размера, при закупке основного капитала разом выбрасываются в обращение. Потом они в пределах данного общества снова сами распадаются на средства обращения и сокровище. Вследствие образования амортизационного фонда, в который, как в свой исходный пункт возвращается стоимость основного капитала, соответствующая его износу, часть обращающихся денег на более или менее продолжительное время опять образует сокровище в руках того самого капиталиста, сокровище которого при покупке основного капитала ушло от него, превратившись в средство обращения. Перед нами — постоянно изменяющееся распределение существующего в обществе сокровища, которое попеременно функционирует сначала как средство обращения, а потом в качестве сокровища

опять отделяется от массы обращающихся денег. С развитием кредита, которое необходимо идёт параллельно развитию крупной промышленности и капиталистического производства, эти деньги функционируют уже не как сокровище, а как капитал, однако в руках не их собственника, а других капиталистов, в распоряжение которых они предоставлены.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое средства труда?
Что такое предмет труда?
Что такое средства производства?
Что такое основной капитал?
Что такое оборотный капитал?
Как соотносятся классификации постоянный-переменный капитал и основной-оборотный капитал?
Что делает продукт основным капиталом?
Может ли земля быть основным капиталом?
Может ли один и тот же продукт быть то основным капиталом, то оборотным?
Только какой капитал может разделяться на основной и оборотный и почему?
Каковы составные части основного капитала?
Что такое амортизационный фонд?

Глава 9.
ОБЩИЙ ОБОРОТ АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА. ЦИКЛЫ ОБОРОТОВ

однородная форма авансированного капитала, причина кризисов при капитализме

Основные и оборотные составные части производительного капитала совершают свои обороты различным способом и в периоды разной продолжительности. Различные составные части основного капитала на одном и том же предприятии, в свою очередь, имеют различные периоды оборота в зависимости от разной продолжительности их жизни, а следовательно, и времени их воспроизводства. **1)** Общий оборот авансированного капитала есть средний оборот различных его составных частей. Поскольку речь идёт лишь о различных периодах времени, нет, конечно, ничего проще, как вывести из них среднее; но **2)** здесь имеет место не только количественное, но и качественное различие.

Оборотный капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт всю свою стоимость, и потому, чтобы процесс производства шёл без перерывов, оборотный капитал, посредством продажи продукта, **должен постоянно возмещаться** в натуральной форме. **Основной капитал**, входящий в процесс производства, переносит на продукт лишь часть своей стоимости (износ) и, несмотря на этот износ, продолжает функционировать в процессе производства; поэтому он лишь **через более или менее продолжительные промежутки времени**, во всяком случае не так часто, как оборотный капитал, должен возмещаться в натуральной форме. Ввиду этого **необходимо свести особые обороты различных частей основного капитала к однородной форме оборота**, так, чтобы они отличались друг от друга лишь количественно, по продолжительности оборота.

Этой качественной тождественности нет места, если мы примем за исходный пункт **П ... П**, то есть форму непрерывного процесса производства. Ведь определённые элементы **П** должны постоянно возмещаться в натуральной форме, другие же нет. Но **форма Д ... Д', несомненно, даёт такую тождественность** оборота. Поэтому, вычисляя общий оборот авансированного

производительного капитала, мы фиксируем все его элементы в денежной форме, так что возврат к денежной форме является завершением оборота. Мы исходим из предположения, что стоимость всегда авансируется в деньгах, даже при непрерывном процессе производства, когда эта денежная форма стоимости представляет собой форму только счётных денег. Таким способом мы и можем вывести среднюю величину.

3) Из этого следует, что, даже и в том случае, когда подавляющая часть авансированного производительного капитала состоит из основного капитала, время воспроизводства, а следовательно, и время оборота которого охватывает многолетний цикл, оборачивающаяся в течение года капитальная стоимость может быть больше, чем общая стоимость авансированного капитала; это — следствие того, что оборотный капитал в течение года делает несколько оборотов. **4)** Следовательно, оборот стоимости авансированного капитала отделяется во времени от его действительного воспроизводства, или от реального оборота его составных частей.

Итак, в той самой мере, в какой вместе с развитием капиталистического способа производства возрастает размер стоимости и продолжительность жизни применяемого основного капитала, в такой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счётом в десятилетнюю жизнь. Если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием капиталистического способа производства также постоянно учащаются. С этим связаны и смена средств производства, и необходимость постоянного их возмещения вследствие морального износа, наступающего задолго до того, как они физически отживут своё время. Можно принять, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь в среднем десять лет. Однако дело здесь не в определённом числе. Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплён своей основной составной частью, дана **материальная основа периодических кризисов**, причём

в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного подъёма, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создаёт новую материальную основу для следующего цикла оборотов.

Кредит, равно как и торговый капитал, модифицирует оборот для отдельного капиталиста. В общественном же масштабе он модифицирует его лишь постольку, поскольку ускоряет не только производство, но и потребление.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как выглядит и почему однородная форма авансированного капитала?

В чём причина кризисов при капитализме и почему?

Глава 10.
ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. ФИЗИОКРАТЫ И АДАМ СМИТ

прогресс и регресс взглядов Адама Смита по сравнению с воззрениями Кенэ, основные ошибки Адама Смита, истоки учения о рабочем фонде

У Кенэ различие между основным и оборотным капиталом выступает как различие между первоначальными авансами и ежегодными авансами. Он правильно изображает это различие как различие, существующее лишь в пределах производительного капитала, то есть капитала, включённого в непосредственный процесс производства. А так как для Кенэ единственным действительно производительным капиталом является капитал, применяемый в земледелии, то есть капитал фермера, то и различия эти оказываются относящимися только к капиталу фермера. Этим же объясняется, почему у него время оборота одной части капитала составляет один год, а время оборота другой — более года (десять лет). По мере дальнейшего развития своего учения физиократы стали попутно переносить эти различия и на другие виды капитала, на промышленный капитал вообще. Для общества различие между ежегодными и многолетними авансами настолько важно, что многие экономисты даже после А. Смита возвращались к этому определению.

Меж тем различие между обоими видами авансов возникает лишь тогда, когда авансированные деньги превращены в элементы производительного капитала. Различие это существует исключительно и только в рамках производительного капитала. Поэтому Кенэ даже не приходит в голову причислять деньги ни к первоначальным, ни к ежегодным авансам. Как авансы для производства, — то есть как производительный капитал, — оба вида авансов противостоят как деньгам, так и находящимся на рынке товарам. Далее, у Кенэ различие между этими двумя элементами производительного капитала правильно сводится к различию тех способов, посредством которых эти элементы входят в стоимость готового продукта, следовательно, к различию способов обращения их стоимости вместе со стоимостью продукта, а потому

и к различию способов их возмещения или их воспроизводства, причём стоимость одного элемента ежегодно возмещается целиком, стоимость другого — по частям, в течение более продолжительных периодов.

Единственный прогресс, достигнутый в этом вопросе Адамом Смитом, заключается в том, что он указанным категориям придаёт общий характер. У него они относятся уже не только к одной специальной форме капитала, к капиталу фермера, но и вообще ко всякой форме производительного капитала. Отсюда уже само собой следует, что на место заимствованного из сферы земледелия различия между ежегодным и многолетним оборотом выступает вообще различие оборотов разной продолжительности, причём оборот основного капитала всегда охватывает более чем один оборот оборотного капитала, какой бы ни была продолжительность этих оборотов оборотного капитала; один год, более года или менее года. Таким образом у Смита «ежегодные авансы» превращаются в оборотный, «первоначальные авансы» — в основной капитал. Но этим обобщением категорий и исчерпывается сделанный им шаг вперёд. В том же, как он делает это обобщение, он далеко уступает Кенэ.

Рассмотрим некоторые ошибки Адама Смита

1. Адам Смит противопоставляет торговый капитал основному. В действительности же торговый капитал — это капитал, функционирующий только в пределах сферы обращения, и как таковой он вообще противостоит производительному капиталу, то есть капиталу, включённому в процесс производства, но именно поэтому, он не может противопоставляться как текучая (оборотная) составная часть производительного капитала основной составной части производительного капитала.

2. Различная роль элементов производительного капитала в процессе труда образует лишь исходный пункт различия между основным и не основным капиталом, а не само различие, как это ясно уже из того, что указанная различная роль в одинаковой мере существует для всех способов производства, капиталистических и некапиталистических. Но этой различной вещественной роли элементов производительного капитала в процессе

труда соответствуют определённые способы перехода стоимости на продукт, а последним соответствуют опять-таки определённые способы возмещения стоимости посредством продажи продукта; только это и составляет искомое нами различие. Следовательно, капитал является основным не потому, что он фиксирован в средствах труда, а потому, что часть его стоимости, вложенной в средства труда, остаётся фиксированной в них, в то время как другая часть обращается в качестве составной части стоимости продукта. Меж тем у Адама Смита читаем: «Если он» (капитал) «применяется для получения в будущем прибыли, то он должен доставить эту прибыль или оставаясь у него» (у «владельца»), «или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором — оборотный капитал». Здесь прежде всего бросается в глаза грубо эмпирическое представление о происхождении прибыли, заимствованное из обычных воззрений капиталиста и стоящее в полном противоречии с более глубоким, эзотерическим воззрением самого Адама Смита. В цене продукта возмещается как цена материалов, так и цена рабочей силы, но в то же время и та часть стоимости орудий труда, которая переносится на продукт вследствие износа орудий труда. Это возмещение ни в коем случае не может быть источником прибыли. В зависимости от того, возмещается ли путём продажи продукта авансированная для его производства стоимость целиком или частями, разом или постепенно, может изменяться только способ и время возмещения; но в обоих случаях оно остаётся возмещением уже затраченной стоимости и отнюдь не превращается в созидание прибавочной стоимости. Здесь в основе лежит обычное представление, что прибавочная стоимость, — раз она реализуется только путём продажи продукта, путём его обращения, — и возникнуть может только из продажи, из обращения. То, что Адам Смит говорит здесь о различных способах возникновения прибыли, в действительности является лишь ошибочным выражением того факта, что различные элементы производительного капитала играют различную роль, в качестве производительных элементов неодинаково функционируют в процессе труда. Наконец, это различие выводится не из процесса труда, соответственно — не из процесса увеличения стоимости, не из функции самого производительного капитала, а, согласно Адаму Смиту, имеет лишь субъективное значение для отдельного

капиталиста, которому одна часть капитала представляется полезной в одном, другая — в другом отношении.

Напротив, Кенэ выводил эти различия из самого процесса воспроизводства и его необходимых закономерностей. Для того чтобы процесс этот мог совершаться непрерывно, стоимость произведённого за год продукта должна целиком возмещать стоимость ежегодных авансов, в то время как стоимость основного капитала должна возмещаться частями, так что только в течение ряда лет, например, десятилетия, она возмещается и, следовательно, воспроизводится целиком (замещается новыми экземплярами того же самого рода). Таким образом, Адам Смит делает большой шаг назад по сравнению с Кенэ!

3. Противопоставляя оборотный капитал основному, Адам Смит не подчёркивает, что эта противоположность существует лишь постольку, поскольку оборотный капитал представляет собой ту составную часть производительного капитала, которая должна быть целиком возмещена из стоимости продукта, должна, следовательно, целиком участвовать в его метаморфозах, в то время как по отношению к основному капиталу этого нет. Адам Смит, напротив, смешивает оборотный капитал с теми формами, которые принимает капитал, переходя из сферы производства в сферу обращения, выступая здесь как товарный капитал и денежный капитал. Но обе эти формы, товарный капитал и денежный капитал, являются в равной степени носителями стоимости как основной, так и оборотной части производительного капитала. Обе они суть капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный (текучий) капитал в противоположность основному.

4. Совершенно неверно представление, будто основной капитал создаёт прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный — покидая процесс производства и циркулируя в сфере обращения; такое представление приводит к следующему: та одинаковая форма, которую в процессе оборота принимают переменный капитал и оборотная часть постоянного капитала, скрывает существенное различие между ними в процессе увеличения стоимости и образования прибавочной стоимости, и, таким образом, вся тайна капиталистического производства ещё более затемняется. Общее обозначение «оборотный капитал» уничтожает это

существенное различие. Политическая экономия после Адама Смита пошла в этом отношении ещё дальше, установив противоположность не между постоянным и переменным, а противоположность между основным и оборотным капиталом как существенную и единственно подлежащую разграничению.

5. Крупная ошибка Адама Смита заключается в том, что он всё общественное богатство разделяет на: I) фонд непосредственного потребления, II) основной капитал, III) оборотный капитал. Когда согласно вышеизложенному, всё богатство следовало бы разделить на: I) фонд потребления, который вовсе не составляет доли функционирующего общественного капитала, хотя отдельные части его всегда могли бы функционировать как капитал, и II) капитал. Согласно этому одна часть богатства функционирует как капитал, другая часть — как не капитал, или как фонд потребления. Следовательно, для всякого капитала здесь появляется неустранимая необходимость быть или основным, или оборотным, подобно тому, как для всякого млекопитающего абсолютно необходимо быть или самцом, или самкой. Мы, однако, видели, что **противоположность между основным и оборотным капиталом применима лишь к элементам производительного капитала**, что, следовательно, наряду с ними существует ещё очень значительная масса капитала, то есть товарный капитал и денежный капитал, находящаяся в такой форме, в которой она не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

6. Купля и повторные акты купли рабочей силы относятся к процессу обращения. Но только в процессе производства стоимость, затраченная на рабочую силу, из определённой, постоянной величины превращается (превращается не для рабочего, а для капиталиста) в переменную, и, следовательно, вообще только благодаря этому авансированная стоимость превращается в капитальную стоимость, в капитал, в самовозрастающую стоимость. Но вследствие того, что оборотной составной частью производительного капитала считают, подобно Адаму Смиту, не ту стоимость, которая затрачена на рабочую силу, а ту, которая затрачена на жизненные средства рабочего, — вследствие этого становится невозможным понимание различия между переменным и постоянным капиталом, а следовательно, и понимание процесса капиталистического производства вообще. Определение этой части

капитала как капитала переменного в противоположность постоянному капиталу, затраченному на предметные факторы образования продукта, совершенно погребено здесь под определением, гласящим, что по своей роли в обороте часть капитала, затраченная на рабочую силу, принадлежит к оборотной части производительного капитала. Это погребение завершается тем, что в качестве элемента производительного капитала вместо рабочей силы приводятся жизненные средства рабочего. Суть дела не меняется от того, авансируется ли стоимость рабочей силы в виде денег или прямо в виде жизненных средств.

7. Таким образом, вследствие того, что это определение оборотного капитала было установлено Адамом Смитом в качестве решающего для капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, — определение, заимствованное у физиократов, но без предпосылки физиократов, — Адам Смит счастливо привёл своих последователей к полнейшей невозможности познать часть капитала, затраченную на рабочую силу, как переменный капитал. Более глубокие и правильные мысли, рассеянные самим А. Смитом в других местах, не одержали верх — победа осталась именно за этой ошибкой. Последователи Адама Смита сводят основную характеристику оборотного капитала к тому, что он затрачивается на жизненные средства рабочих. Отсюда неизбежно вытекает **учение о рабочем фонде**, состоящем из необходимых жизненных средств, как о величине данной, о величине, которая, с одной стороны, физически ограничивает долю рабочих в общественном продукте и, с другой стороны, во всём своём объёме должна быть затрачена на покупку рабочей силы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём прогресс взглядов Адама Смита по сравнению с воззрениями Кенэ?
В чём регресс взглядов Адама Смита по сравнению с воззрениями Кенэ?
В чём основные ошибки Адама Смита?
В чём истоки учения о рабочем фонде?
В чём вред этого учения?

Глава 11.
ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. РИКАРДО

ошибка Рикардо, выгода ошибки Рикардо для буржуазии, результаты путаницы, идущей от Адама Смита

У Рикардо основная неясность уже с самого начала обнаруживается в следующем беглом сопоставлении: «Это различие в степени долговечности основного капитала и разнообразие пропорций, в каких могут комбинироваться эти два вида капитала». Если же мы спросим, каковы «эти два вида капитала», то получим следующий ответ: «Кроме того, пропорции между капиталом, предназначенным для содержания труда, и капиталом, вложенным в орудия, машины и здания, могут комбинироваться весьма различным образом».

Следовательно, основной капитал = средствам труда, а оборотный капитал = капиталу, затраченному на труд. «Капитал, предназначенный для содержания труда», — уже это представляет собой плоское выражение, заимствованное у Адама Смита. С одной стороны, оборотный капитал смешивается здесь с переменным капиталом, то есть с частью производительного капитала, затраченной на труд. Но, с другой стороны, так как эта противоположность почерпнута не из процесса увеличения стоимости, где капитал подразделяется на постоянный и переменный, а из процесса обращения (старая смитовская путаница), то в результате получаются определения, ложные вдвойне.

Кроме того, у Рикардо часть капитальной стоимости, затраченная на материалы труда (на сырые и вспомогательные материалы), не появляется ни на той, ни на другой стороне. Она исчезает совершенно. А именно: она не подходит к категории основного капитала, так как она по способу своего обращения вполне совпадает с частью капитала, затраченной на рабочую силу. С другой стороны, она не может быть отнесена к оборотному капиталу, так как вместе с этим само собой исчезло бы отождествление противоположности основного и оборотного капитала с противоположностью постоянного и переменного капитала. Между тем Рикардо берёт у Адама Смита и молчаливо сохраняет отождествление

этих двух противоположностей. Рикардо обладает достаточно сильным логическим инстинктом, чтобы не почувствовать этого, и потому-то упомянутая часть капитала вовсе исчезает у него.

Все составные части капитала различаются у Рикардо только по способу своего обращения (а обращение товара имеет дело, конечно, лишь с уже имеющимися в наличии, с данными стоимостями); при этом особый способ обращения является общим и для капитала, затраченного на заработную плату, и для той части капитала, которая затрачена на сырьё, полуфабрикаты, вспомогательные материалы, — в противоположность части капитала, затраченной на средства труда.

Отсюда **понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно сохраняла смитовское смешение категорий «постоянный капитал» и «переменный капитал» с категориями «основной капитал» и «оборотный капитал»** и без всякой критики в течение почти целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для неё капитал, затраченный на заработную плату, уже совершенно не отличается от той части капитала, которая затрачена на сырые материалы, а от постоянного капитала отличается лишь формально — лишь тем, обращается ли он вместе с продуктом по частям или целиком. Таким образом одним ударом разрушается основа, необходимая для понимания действительного движения капиталистического производства, а следовательно, и капиталистической эксплуатации. Речь идёт лишь о том, что авансированная стоимость появляется снова.

Эта некритически заимствованная у Адама Смита путаница мешает Рикардо последовательно развить свою теорию. Она мешает ему не только больше, чем позднейшим апологетам, которым эта путаница понятий, напротив, содействует, но и больше, чем самому Адаму Смиту, так как Рикардо, в противоположность ему, следуя по существу эзотерическому учению Адама Смита против экзотерического Адама Смита, последовательнее и острее развивает свою теорию стоимости и прибавочной стоимости.

Рикардо, вследствие смешения основного и оборотного капитала с постоянным и переменным, делает крупнейшие ошибки и в действительности исходит в своём исследовании из совершенно ложного основания. А именно, 1) поскольку оборотный

капитал целиком сводится к той части капитальной стоимости, которая затрачена на рабочую силу, постольку неправильно развиваются определения самого оборотного капитала и в особенности определение тех условий, которые подводят часть капитала, затраченную на труд, под эту рубрику; 2) происходит смешение того определения, согласно которому часть капитала, затраченная на труд, есть переменный капитал, и того, согласно которому она есть оборотный капитал в противоположность основному.

Итак, путаница, ведущая своё происхождение от Адама Смита, привела к следующим результатам:

1. Различие между основным и оборотным капиталом смешивается с различием между производительным капиталом и товарным капиталом. Так, например, одна и та же машина есть оборотный капитал, если она в качестве товара находится на рынке, и основной капитал, если она включена в процесс производства. При этом остаётся совершенно непонятным, почему какой-то определённый вид капитала должен быть в большей степени основным или в большей степени оборотным, чем другой вид капитала.

2. Весь оборотный капитал отождествляется с капиталом, который затрачен или должен быть затрачен на заработную плату. Так, например, у Дж. Ст. Милля и у других.

3. Различие между переменным и постоянным капиталом, которое уже Бартон, Рикардо и другие смешивают с различием между оборотным и основным капиталом, в конце концов целиком сводится к этому последнему. Так, например, у Рамсея, у которого все средства производства, — сырьё и так далее, точно так же, как и средства труда, — являются основным капиталом, и только капитал, затраченный на заработную плату, есть оборотный капитал. Но так как сведение совершается именно в этой форме, то действительное различие между постоянным и переменным капиталом остаётся непонятым.

4. У английских, в особенности у шотландских экономистов, а именно у Маклеода, Паттерсона и других, которые всё рассматривают с невероятно ограниченной точки зрения банкирского приказчика, различие между основным и оборотным капиталом превращается в различие между денежными вкладами, получаемыми обратно без предварительного уведомления, и денежными вкладами, выдаваемыми лишь после предварительного уведомления.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём ошибка Рикардо?
В чём выгода этой ошибки Рикардо для буржуазии?
К каким результатам привела путаница, идущая от Адама Смита?

Глава 12.
РАБОЧИЙ ПЕРИОД

рабочий период, частичный продукт, практическая важность различия между основным и оборотным капиталом, что влияет на скорость обращения капитала, отличия развитого капиталистического производство от неразвитого (раннего) капиталистического производства, акционерное общество, замедленный обратный приток

Обычный жилой дом может быть построен в более короткое время, чем крупная фабрика, и требует поэтому меньшего числа непрерывных процессов труда. Если постройка паровоза требует трёх месяцев, то постройка броненосца — одного года или нескольких лет. Производство зерна требует почти целого года, производство крупного рогатого скота — нескольких лет; лесоразведение может охватывать период от 12 до 100 лет; там, где грунтовая дорога может быть проложена за несколько месяцев, там постройка железной дороги потребует, возможно, многих лет; обыкновенный ковёр изготовляется, быть может, в течение недели, гобелен же изготовляется целые годы и так далее. Следовательно, различия в продолжительности производственного акта варьируются до бесконечности. **Различие в продолжительности производственных актов, очевидно, должно при равных затратах капитала вызвать различие в скорости оборота капитала, то есть различие в периодах, на которые авансируется данный капитал**.

При прочих равных условиях, в конце недели, сдав готовую пряжу, фабрикант-прядильщик (мы оставляем здесь прибавочную стоимость в стороне) получает назад вложенный им оборотный капитал, а также часть стоимости основного капитала, вошедшую в стоимость пряжи вследствие его износа. Следовательно, он может с тем же самым капиталом снова повторить тот же самый кругооборот. Этот капитал завершил свой оборот.

Напротив, фабрикант паровозов должен в течение трёх месяцев еженедельно затрачивать всё новый и новый капитал на заработную плату и сырой материал, и только по прошествии трёх

месяцев, после сдачи паровоза, оборотный капитал, постепенно затрачивавшийся в течение этого времени на один и тот же производственный акт, на изготовление одного и того же товара, опять принимает форму, в которой он может вновь начать свой кругооборот; равным образом, износ машин в течение этих трёх месяцев, возмещается ему только теперь.

Затрата одного производится на одну неделю, затрата другого равна недельной затрате, помноженной на 12. Предполагая все остальные условия равными, один должен иметь в своём распоряжении в двенадцать раз больший оборотный капитал, чем другой.

То обстоятельство, что еженедельно авансируемые капиталы равны, не имеет здесь никакого значения. Какова бы ни была величина авансированного капитала, в одном случае он авансируется только на одну неделю, в другом случае — на двенадцать недель, и только по истечении этих сроков с ним можно оперировать снова, повторяя ту же самую операцию или начиная какую-либо иную.

Рабочий день, образованный из ряда последовательных, более или менее многочисленных и связанных между собой рабочих дней, я называю рабочим периодом. Говоря о рабочем дне, мы имеем в виду продолжительность того рабочего времени, в течение которого рабочий должен ежедневно затрачивать свою рабочую силу, в течение которого он должен ежедневно работать. Если же мы говорим, напротив, о рабочем периоде, то это означает определённое число связанных между собой рабочих дней, необходимых в определённой отрасли производства для получения готового продукта.

> ***Рабочий период** — это определённое число связанных между собой рабочих дней, необходимых в определённой отрасли производства для получения готового продукта.*

В этом случае продукт каждого рабочего дня есть лишь частичный продукт; он изо дня в день продолжает находиться в обработке и лишь в конце более или менее продолжительного периода рабочего времени получает свой законченный вид, становится готовой потребительной стоимостью.

> ***Частичный продукт** — это неполностью готовый продукт; продукт, у которого не завершён связный акт его производства.*

Перерывы, нарушения общественного процесса производства, например, вследствие кризисов, оказывают поэтому весьма различное влияние на те продукты труда, которые по своей природе делимы, и на те, которые требуют для своего производства более продолжительного, связного периода труда. В одном случае за сегодняшним производством определённого количества пряжи, угля и так далее завтра не последует нового производства пряжи, угля и так далее. Иначе обстоит дело с кораблями, зданиями, железными дорогами и так далее. В этом случае прерывается не только работа, но прерывается и связный акт производства. Если постройка не ведётся дальше, то средства производства и труд, потреблённые при её производстве, затрачены бесполезно. Если даже она и будет потом возобновлена, то за промежуточный период неизбежно произойдут некоторые повреждения.

В продолжение всего рабочего периода как бы слоями накопляется та часть стоимости, которую основной капитал ежедневно отдаёт продукту до его полной готовности. И в то же время **здесь обнаруживается практическая важность различия между основным и оборотным капиталом**. Основной капитал авансируется в процесс производства на более продолжительное время, его не приходится обновлять до истечения этого, быть может, многолетнего периода. Переносит ли паровая машина свою стоимость ежедневно по частям на пряжу, то есть на продукт прерывного процесса труда, или же она в течение трёх месяцев отдаёт её паровозу, то есть продукту непрерывного производственного акта, — это обстоятельство нисколько не отражается на затрате капитала, необходимого для покупки паровой машины. В одном случае её стоимость притекает назад маленькими дозами, например, еженедельно, в другом — более крупными частями, например, через каждые три месяца. Но в обоих случаях обновление паровой машины совершается всего один раз, скажем, в 20 лет. Если каждый отдельный период, в течение которого стоимость паровой машины вследствие продажи продукта частями притекает обратно, короче периода её собственного

существования, то эта машина продолжает функционировать в процессе производства в течение нескольких рабочих периодов. Иначе обстоит дело с оборотными составными частями авансированного капитала. Рабочая сила, закупленная на эту неделю, затрачена в течение этой недели и овеществилась в продукте. Она должна быть оплачена в конце этой недели. И такая затрата капитала на рабочую силу повторяется еженедельно в течение, скажем, трёх месяцев, так что затрата этой части капитала в данную неделю не избавляет капиталиста от необходимости в следующую неделю снова закупать труд. На оплату рабочей силы еженедельно должен затрачиваться новый добавочный капитал, и, если оставить в стороне все отношения кредита, капиталист должен иметь возможность выплатить заработную плату за три месяца, хотя фактически он выплачивает её лишь еженедельными частями. То же самое относится и к другой части оборотного капитала, к сырым и вспомогательным материалам.

Время оборота равно сумме времени производства и времени обращения капитала. Следовательно, **удлинение времени производства уменьшает скорость оборота капитала в такой же мере, как и удлинение времени обращения**. Однако в данном случае необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых: на более продолжительное пребывание капитала в сфере производства. Так, например, капитал, авансированный в первую неделю на труд, сырые материалы и так далее, — точно так же, как и части стоимости основного капитала, уже перенесённые на продукт, — в течение всего трёхмесячного периода остаётся связанным в сфере производства (паровозов) и, как включённый в ещё только образующийся, в ещё неготовый продукт, не может вступить в процесс обращения в качестве товара.

Во-вторых: так как рабочий период, требуемый для производственного акта (паровозов), продолжается три месяца и в действительности составляет лишь один связный процесс труда, то каждую неделю новая часть оборотного капитала должна присоединяться к предыдущим. Следовательно, вместе с удлинением рабочего периода возрастает масса последовательно авансированного, добавочного капитала.

Предполагая, что капиталы, вложенные в прядильную фабрику и в машиностроительный завод, равны по величине, что капиталы эти в одинаковой пропорции делятся на постоянный и переменный капитал, а также на основной и оборотный, что рабочие дни имеют одинаковую продолжительность, — короче говоря, что одинаковы все условия, за исключением продолжительности рабочего периода. В течение первой недели затраты в обоих случаях равновелики, но продукт фабриканта-прядильщика уже может быть продан и на вырученные деньги может быть куплена новая рабочая сила, новое сырьё и так далее, одним словом, производство может вестись дальше в том же самом масштабе. Напротив, фабрикант машин может превратить в деньги оборотный капитал, затраченный в первую неделю, и начать с ним новые операции только по истечении трёх месяцев, когда его продукт будет уже готов. Итак, во-первых, **имеет место разница во времени обратного притока одного и того же количества затраченного капитала**. Во-вторых, в течение трёх месяцев на прядильной фабрике и на машиностроительном заводе применены равновеликие производительные капиталы, но **величина затраченного капитала для фабриканта-прядильщика и для фабриканта машин совершенно различна**, так как в одном случае один и тот же капитал быстро возобновляется и, следовательно, может снова повторить ту же самую операцию; в другом случае он возобновляется лишь сравнительно медленно, и, следовательно, до момента его возобновления новые порции капитала постоянно должны присоединяться к старым. Таким образом, **различны как продолжительность периодов, в течение которых возобновляются определённые части капитала, или продолжительность периодов, на которые капитал авансируется, так и те массы капитала (хотя ежедневно и еженедельно применяются одинаковые капиталы), которые должны быть авансированы в зависимости от продолжительности процесса труда**. Это обстоятельство должно быть отмечено потому, что в некоторых случаях, как, например, в тех случаях, которые мы рассмотрим в следующей главе, продолжительность времени, на которое авансируется капитал, может возрастать, не вызывая пропорционального возрастания авансируемого капитала. Итак,

если капитал должен авансироваться на более продолжительное время, то большее количество капитала связывается в форме производительного капитала.

На менее развитых ступенях капиталистического производства предприятия, требующие продолжительного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, — особенно, если они осуществимы только в большом масштабе, — ведутся или вовсе не капиталистически, а на общественный или государственный счёт, как, например, проведение дорог, каналов и тому подобное (в прежние времена, если иметь в виду рабочую силу, такие работы большей частью осуществлялись путём применения принудительного труда). Или же такие продукты, изготовление которых требует сравнительно продолжительного рабочего периода, лишь в ничтожной своей части производились за счёт средств самого капиталиста. Так, например, при постройке дома то частное лицо, для которого строится дом, время от времени даёт авансы строительному предпринимателю. Следовательно, фактически это частное лицо оплачивает дом по частям, по мере того как продвигается вперёд процесс производства этого дома. Напротив, в **эпоху развитого капитализма**, когда, с одной стороны, значительные массы капитала сконцентрированы в руках отдельных лиц и когда, с другой стороны, наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерные общества) и в то же время уже развито кредитное дело, капиталистический строительный предприниматель лишь в виде исключения возводит постройки по заказу отдельных частных лиц. Его предприятием является постройка для рынка целого ряда домов, целых городских кварталов, подобно тому, как предприятием других отдельных капиталистов является строительство железных дорог по подряду.

> ***Акционерное общество** есть ассоциированный капиталист.*

Выполнение работ, требующих очень продолжительного рабочего периода и ведущихся в крупном масштабе, целиком попадает в руки капиталистической промышленности лишь тогда, когда концентрация капитала уже

очень значительна и когда, с другой стороны, развитие кредитной системы даёт капиталисту благоприятную возможность авансировать чужой капитал вместо своего собственного, а следовательно, и рисковать чужим капиталом. Но, само собой разумеется, на скорость оборота и на время оборота капитала не оказывает никакого влияния то обстоятельство, что в одних случаях авансированный капитал принадлежит, а в других не принадлежит тому, кто авансирует его на производство.

Итак, сокращение рабочего периода связано по большей части с увеличением капитала, авансируемого на более короткий срок, так что по мере сокращения срока, на который капитал авансируется, возрастает масса авансируемого капитала. Ввиду этого здесь необходимо напомнить, что, абстрагируясь от того, какова вообще масса общественного капитала, всё дело зависит от того, в какой степени раздроблены или сосредоточены в руках отдельных капиталистов средства производства и жизненные средства или распоряжение ими, — следовательно, от того, каких размеров уже достигла концентрация капитала. **Поскольку кредит способствует концентрации капитала в одних руках, ускоряет и повышает её, постольку он способствует сокращению рабочего периода, а следовательно, и времени оборота**.

По мере увеличения продолжительности рабочего периода, а следовательно, и периода времени, необходимого для изготовления пригодного к обращению товара, часть стоимости, переносимая как бы слоями с основного капитала на продукт, накапливается, и обратный приток этой части стоимости замедляется. Но это замедление не вызывает новой затраты на основной капитал. Машина продолжает действовать в процессе производства независимо от того, медленнее или быстрее притекает назад в денежной форме возмещение её изношенной части. Иначе обстоит дело с оборотным капиталом: не только вложенный капитал должен быть связан более продолжительное время соответственно продолжительности рабочего периода, но должен также постоянно авансироваться новый капитал на заработную плату, на сырые и вспомогательные материалы. Поэтому **замедленный обратный приток оказывает на основной и оборотный**

капитал различное влияние. Независимо от того, будет ли обратный приток более медленным или более быстрым, основной капитал продолжает действовать. Напротив, оборотный капитал при задержке его обратного притока теряет способность функционировать, поскольку он закреплён в форме непроданного или неготового, ещё непригодного к продаже продукта и поскольку нет налицо добавочного капитала, чтобы возобновить его производство.

Методы, сокращающие рабочий период, в различных отраслях промышленности применимы в весьма различной степени и отнюдь не способны уравнять разницу в продолжительности различных рабочих периодов. Так, в нашем примере применение новых станков может абсолютно сократить рабочий период, необходимый для изготовления одного паровоза. Однако, если вследствие усовершенствований в процессах прядения количество ежедневно или еженедельно доставляемого готового продукта, то есть пряжи, увеличивается ещё быстрее, то относительно, по сравнению с прядением, продолжительность рабочего периода в машиностроении всё же увеличится.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое рабочий период?
Что такое частичный продукт?
В чём практическая важность различия между основным и оборотным капиталом?
Что влияет на скорость обращения капитала?
Что отличает развитое капиталистическое производство от неразвитого (раннего) капиталистического производства?
Что такое акционерное общество?
Как влияет на основной и оборотный капиталы замедленный обратный приток?

Глава 13.
ВРЕМЯ ПРОИЗВОДСТВА

время производства и рабочее время, лесоразведение невыгодно частному капиталу

Рабочее время есть всегда время производства, то есть время, в течение которого капитал связан в сфере производства. Напротив, не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, уже в силу этого необходимо является рабочим временем.

> ***Время производства** — это время, в течение которого капитал находится в процессе производства.*

Здесь речь идёт не о тех перерывах в процессе труда, которые обусловлены естественными пределами возможностей самой рабочей силы, хотя мы и видели, что одним из важных мотивов для неестественного удлинения процесса труда и введения непрерывной дневной и ночной работы стало уже одно то обстоятельство, что основной капитал — фабричные здания, машины и так далее — остаётся без употребления во время перерывов в процессе труда. Здесь речь идёт о перерыве, не зависящем от продолжительности процесса труда, обусловленном самой природой продукта и способом его изготовления, о перерыве, в течение которого предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен претерпеть физические, химические, физиологические изменения, во время которых процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается. Например, молодое вино сначала некоторое время должно перебродить, а затем снова стоять в течение известного периода для того, чтобы достигнуть определённой степени совершенства.

Однако поскольку только по окончании периода производства продукт готов, созрел и, следовательно, может быть превращён из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Следовательно, в зависимости от продолжительности той части времени производства, которая не состоит из рабочего времени, удлиняется и период оборота капитала. Поскольку время

производства, избыточное по сравнению с рабочим временем, не определено раз навсегда данными законами природы, как при созревании хлеба, во время роста дуба и тому подобное, то период оборота нередко может более или менее сокращаться посредством искусственного сокращения времени производства. К этому приводит, например, введение химического беления вместо беления на лугу, введение в процессах сушения более эффективных сушильных аппаратов и тому подобное.

Само собой разумеется, что, если существует разница между рабочим временем и временем производства, то и время потребления применённого основного капитала постоянно прерывается на более или менее продолжительные периоды, — например, в земледелии так обстоит дело с рабочим скотом, с орудиями труда и машинами. Поскольку этот основной капитал состоит из рабочего скота, он непрерывно требует одинаковых или почти одинаковых затрат на корм и так далее как в то время, когда скот работает, так и в то время, когда он не работает. Что касается мёртвых средств труда, то их неупотребление также влечёт за собой некоторое их обесценение. Следовательно, вообще происходит удорожание продукта, так как передача стоимости на продукт исчисляется не в соответствии с тем временем, в течение которого основной капитал функционирует, а в соответствии с тем временем, в течение которого он теряет стоимость. В этих отраслях производства бездеятельность основного капитала, связана ли она с текущими издержками или нет, является таким же условием его нормального применения, как, например, потеря известного количества хлопка при прядении; равным образом в каждом процессе труда, совершающемся при нормальных технических условиях, затраты рабочей силы, непроизводительные, но неизбежные, учитываются точно так же, как и производительные. Всякое усовершенствование, которое уменьшает непроизводительную затрату средств труда, сырья и рабочей силы, уменьшает также и стоимость продукта.

Также заметим, что все методы, при помощи которых в земледелии, с одной стороны, затраты на заработную плату и средства труда распределяются более равномерно в течение всего года, и, с другой стороны, сокращается время оборота, как, например, при производстве разнородных продуктов, вследствие чего становится возможной разновременная уборка урожая в течение

одного и того же года, — все эти методы требуют увеличения авансированного на производство оборотного капитала, который расходуется на заработную плату, удобрения, семена и так далее. Так обстоит дело при переходе от трёхпольной системы хозяйства с паром к плодосменному хозяйству без пара.

Таким образом, **продолжительное время производства (включающее в себя лишь относительно незначительное рабочее время), а потому и большая продолжительность периодов оборота делают, например, лесоразведение отраслью, невыгодной для частного, а следовательно, и для капиталистического производства**, — ведь капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный. Развитие культуры и промышленности вообще с давних пор сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим всё, что было сделано капиталистами для поддержания и новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину.

Итак, **разница между временем производства и рабочим временем может возникнуть в весьма различных случаях**. Оборотный капитал может находиться в периоде производства, прежде чем он вступит в собственно процесс труда (производство сапожных колодок); или он находится в периоде производства после того, как он уже прошёл через собственно рабочий процесс (вино, посев); или в общее время производства рабочее время входит с перерывами, отдельными частями (земледелие, лесоводство); большая часть годного к обращению продукта остаётся в активном процессе производства, в то время как несравненно меньшая часть его вступает в ежегодное обращение (лесоводство и животноводство); большая или меньшая продолжительность того периода времени, на который должен быть затрачен оборотный капитал в форме потенциального производительного капитала и на который, следовательно, большая или меньшая масса капитала должна быть затрачена сразу, отчасти обусловливается характером самого процесса производства (земледелие), отчасти же зависит от близости рынков и так далее, — короче говоря, от обстоятельств, относящихся к сфере обращения.

Позже («Капитал», книга III) мы увидим, к каким нелепым теориям пришли Мак-Куллох, Джемс Милль и другие вследствие попытки отождествить время производства, отклоняющееся от рабочего времени, с этим последним, — попытки, которая в свою очередь вытекает из неправильного применения теории стоимости.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое время производства?
Почему рабочее время не равно времени производства?
Почему лесоразведение невыгодно частному капиталу?

Глава 14.
ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ

время оборота капитала, время купли-продажи и время обращения капитала, смысл резервного фонда для капиталиста

Время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения, или циркуляции. Поэтому само собой понятно, что **различная продолжительность времени обращения делает различным время оборота**. Это становится ясным до очевидности, если сравнить два различных вложения капитала, у которых различно только время обращения, а все прочие условия, модифицирующие оборот, одинаковы, или если взять определённый капитал с определённым соотношением основного и оборотного капитала, при определённом рабочем периоде и так далее, и гипотетически изменять только время его обращения.

Одна часть времени обращения — относительно самая важная — состоит из времени продажи, то есть из того периода времени, в течение которого капитал находится в состоянии товарного капитала. Соответственно относительной продолжительности этого срока удлиняется или сокращается время обращения, а потому и период оборота вообще. Вследствие издержек на хранение и так далее может также потребоваться добавочная затрата капитала. Само собой ясно, что время, необходимое для продажи готовых товаров, может быть весьма различно для отдельных капиталистов в одной и той же отрасли производства, следовательно, различно не только для массы капиталов, вложенных в различные отрасли производства, но и для различных самостоятельных капиталов, которые в действительности представляют собой только обособившиеся части всего капитала, вложенного в одну и ту же сферу производства. При прочих равных условиях период продажи для одного и того же индивидуального капитала будет изменяться соответственно общим изменениям в условиях рынка или изменениям этих условий в отдельной отрасли производства.

Одной из причин, постоянно вызывающих разницу в продолжительности времени продажи, а потому и времени оборота вообще,

является отдалённость того рынка, на котором товар продаётся, от места производства этого товара. В продолжение всего времени своего путешествия до рынка капитал остаётся связанным в состоянии товарного капитала; если товар производится по заказу, то капитал остаётся связанным до момента передачи товара заказчику; если не по заказу, то ко времени нахождения в пути до рынка присоединяется ещё и то время, в течение которого товар находится на этом рынке, ожидая продажи. Улучшение средств связи и транспорта абсолютно сокращает период странствования товаров, но не уничтожает вытекающей из этого странствования относительной разницы во времени обращения различных товарных капиталов или даже различных частей одного и того же товарного капитала, путешествующих на различные рынки.

По мере того, как в большей или меньшей степени развивается интенсивность функционирования средств транспорта; например, с одной стороны, число поездов железной дороги увеличивается по мере того, как на одном месте производства производится всё больше, по мере того, как оно превращается в более крупный центр производства, и притом число поездов увеличивается в направлении к уже существующему рынку сбыта, следовательно, — в направлении к крупным центрам производства и населения, к портам, через которые идёт экспорт, и так далее. Но, с другой стороны, эта особенная лёгкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обусловливается временем обращения) вызывает, наоборот, ускоренное развитие данного центра производства, а также упрочение его положения на рынках сбыта. Вместе с ускоренной таким образом концентрацией массы людей и массы капиталов в определённых пунктах возрастает концентрация этих масс капиталов в немногих руках. В то же время происходит новое передвижение и перемещение центров производства и рынков вследствие изменений их относительного положения, обусловленных изменениями в средствах транспорта и связи. Какое-нибудь место производства, прежде обладавшее особыми преимуществами благодаря своему положению на большой дороге или на канале, оказывается теперь вблизи единственной железнодорожной ветки, которая к тому же функционирует лишь с сравнительно большими перерывами, тогда как другое место, лежавшее совершенно в стороне

от главных путей сообщения, теперь оказалось в узловом пункте нескольких дорог. Второй район развивается, первый — приходит в упадок. Итак, изменение в средствах транспорта приводит к местным различиям во времени обращения товаров, к различиям в условиях купли, продажи и так далее, или же вносит изменения в уже существующие местные различия. Важность этого обстоятельства для оборота капитала обнаруживается в беспрерывных спорах представителей купцов и промышленников из различных районов с правлениями железных дорог.

Если, с одной стороны, с прогрессом капиталистического производства развитие средств транспорта и связи сокращает время обращения для данного количества товаров, то, напротив, тот же самый прогресс и условия, складывающиеся вместе с развитием средств транспорта и связи, приводят к необходимости работать на всё более отдалённые рынки, короче говоря, — на мировой рынок.

Перейдём теперь ко второму периоду времени обращения: ко времени купли или к периоду, в течение которого капитал из денежной формы снова превращается в элементы производительного капитала. В течение этого периода он должен более или менее продолжительное время оставаться в своём состоянии денежного капитала, следовательно, некоторая часть всего авансированного капитала должна непрерывно находиться в состоянии денежного капитала, хотя эта часть и состоит из постоянно меняющихся элементов.

Мы уже видели, что возникающее вследствие отдалённости рынка сбыта увеличение продолжительности времени, в течение которого капитал остаётся связанным в форме товарного капитала, оказывает прямое влияние на замедление обратного притока денег, следовательно, оно задерживает также и превращение капитала из денежного капитала в производительный капитал.

Далее, что касается закупки товаров, мы видели (глава VI), каким образом время купли, большая или меньшая отдалённость от главных источников получения сырого материала, делает необходимым закупать сырой материал на сравнительно продолжительные периоды и сохранять его годным к употреблению в форме производственного запаса, в форме скрытого или потенциального производительного капитала; следовательно, при одном и том же

масштабе производства, большая отдалённость главных источников сырых материалов увеличивает и массу капитала, который приходится авансировать разом, и время, на которое его приходится авансировать.

Подобное же влияние в различных отраслях производства оказывают периоды — более или менее продолжительные, — когда на рынок выбрасываются сравнительно значительные массы сырого материала. Так, например, в Лондоне через каждые три месяца происходят крупные аукционы шерсти, которые оказывают решающее влияние на весь рынок шерсти; напротив, рынок хлопка возобновляется от урожая до урожая в общем непрерывно, хотя и не всегда равномерно. Такие периоды определяют главные сроки закупок этого сырья и в особенности влияют на спекулятивные закупки, обусловливающие более или менее продолжительные авансирования на эти элементы производства, — влияют совершенно так же, как природа произведённых товаров воздействует на спекулятивное, умышленное, более или менее продолжительное придерживание продукта в форме потенциального товарного капитала.

При рассмотрении второй половины времени обращения, в течение которой деньги снова превращаются в элементы производительного капитала, следует принимать во внимание не только это превращение, взятое само по себе, не только время, в течение которого деньги возвращаются обратно в зависимости от отдалённости того рынка, на котором продаётся продукт; следует прежде всего принимать во внимание также и размеры той части авансированного капитала, которая постоянно должна находиться в денежной форме, в состоянии денежного капитала.

Оставляя в стороне всякую спекуляцию, размер закупок тех товаров, которые постоянно должны иметься налицо в качестве производственного запаса, зависит от сроков возобновления этого запаса, следовательно, — от обстоятельств, в свою очередь зависящих от условий рынка и потому различных для различных видов сырья и так далее; следовательно, здесь приходится время от времени авансировать деньги разом в сравнительно больших количествах. В соответствии с продолжительностью оборота капитала деньги притекают обратно быстрее или медленнее, но всегда по частям. Часть их с таким же постоянством снова расходуется

через сравнительно короткие промежутки времени, а именно та часть, которая опять превращается в заработную плату. Но другая часть, подлежащая обратному превращению в сырой материал и прочее, должна в течение более продолжительного времени накапливаться в качестве **резервного фонда**, служащего для покупок или для платежей. Следовательно, эта часть существует в форме денежного капитала, хотя размер, в котором она существует как таковая, постоянно меняется.

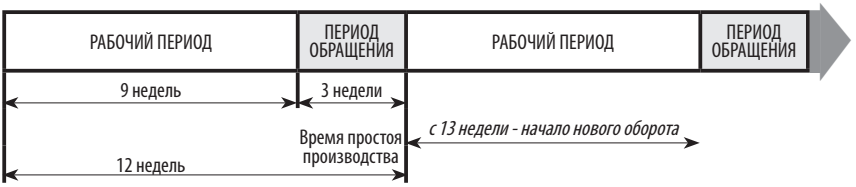
ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Из чего складывается время оборота капитала?
Как влияет и почему время продажи на время обращения капитала?
Как влияет и почему время купли на время обращения капитала?
Что такое и для чего нужен капиталисту резервный фонд?

Глава 15.
ВЛИЯНИЕ ВРЕМЕНИ ОБОРОТА НА ВЕЛИЧИНУ АВАНСИРУЕМОГО КАПИТАЛА

добавочный капитал, соотношение между рабочим периодом и периодом обращения, цены и период оборота капитала

Возьмём товарный капитал, представляющий собой продукт рабочего периода, например, из 9 недель. Если мы временно оставим в стороне как ту часть стоимости продукта, которая присоединена к нему вследствие среднего износа основного капитала, так и прибавочную стоимость, присоединённую к нему во время процесса производства, то стоимость этого продукта будет равна стоимости авансированного на его производство оборотного капитала, то есть равна стоимости заработной платы и потреблённых при его производстве сырых и вспомогательных материалов. Предположим, что эта стоимость равна 900 ф. ст., так что еженедельная затрата составляет 100 ф. ст. Следовательно, период производства, который совпадает здесь с рабочим периодом, составляет 9 недель. При этом безразлично, предположим ли мы, что речь идёт здесь о рабочем периоде для неделимого продукта или же о непрерывном рабочем периоде для продукта делимого; это становится безразличным, если только на рынок доставляется разом такое количество делимого продукта, которое стоит 9 недель труда. Время обращения продолжается, скажем, 3 недели. Следовательно, весь период оборота продолжается 12 недель. По истечении 9-ти недель авансированный производительный капитал превратился в товарный капитал, но затем он ещё три недели пребывает в периоде обращения. Следовательно, новый период производства может начаться снова только с 13-й недели, и производство должно приостановиться на три недели, или на четвёртую часть всего периода оборота.

Вести производство непрерывно из недели в неделю в одинаковом масштабе возможно только двумя способами:

1. Непрерывность производства в течение времени обращения производительного капитала, превращённого в товарный капитал, непрерывное продолжение его из недели в неделю, может быть достигнуто, если для этого нет особого оборотного капитала, только путём уменьшения масштаба производства, путём сокращения оборотной составной части функционирующего производительного капитала. Оборотная часть капитала, высвобожденная таким способом для продолжения производства в течение времени обращения, относится ко всему авансированному оборотному капиталу, как время обращения относится к периоду оборота. Это имеет силу только в отношении таких отраслей производства, в которых процесс труда совершается в одинаковом масштабе из недели в неделю, в которых, следовательно, не приходится, как в земледелии, в различные рабочие периоды затрачивать различные суммы капитала. В нашем примере, чтобы вести производство непрерывно, затраты того же самого оборотного капитала приходится распределить на более продолжительное время, на 12 недель вместо 9. Следовательно, в каждый данный промежуток времени функционирует уменьшенный производительный капитал; оборотная часть производительного капитала уменьшена со 100 до 75 ф. ст. в неделю, или на одну четверть. Вся сумма, на которую сокращается производительный капитал, функционирующий в продолжение девятинедельного рабочего периода, составляет $25 \times 9 = 225$ ф. ст., или четвёртую часть 900 ф. ст. Но отношение времени обращения к периоду оборота по-прежнему составляет $^3/_{12} = ¼$.

2. Напротив, если мы предположим, что по характеру предприятия исключена возможность сокращения масштаба производства, а потому и размера еженедельно авансируемого оборотного капитала, то непрерывность производства может быть достигнута только посредством авансирования добавочного оборотного капитала, в вышеприведённом случае — посредством авансирования добавочных 300 ф. ст. В течение двенадцатинедельного периода оборота будет последовательно авансировано 1 200 ф. ст., из них 300 составят четвёртую часть, как и 3 недели по отношению к 12.

Производство будет совершаться без перерыва лишь при том условии, если в процессе производства постоянно будет фактически занята лишь часть промышленного капитала. Пока одна часть находится в периоде производства, другая часть постоянно должна находиться в периоде обращения. Или, другими словами, одна часть может функционировать как производительный капитал лишь при том условии, что другая часть в форме товарного или денежного капитала извлечена из собственно производства. Упускать это из виду — значит вообще не замечать значения и роли денежного капитала.

Теперь нам необходимо исследовать, какое различие в обороте возникает в зависимости от того, будут ли обе части периода оборота — рабочий период и период обращения — равны один другому, или рабочий период будет больше или меньше периода обращения, и, далее, как это влияет на связывание капитала в форме денежного капитала.

Рабочий период равен периоду обращения

Хотя этот случай в действительности встречается лишь как редкое исключение, он должен послужить исходным пунктом исследования, потому что отношения представляются здесь в наиболее простом и в наиболее наглядном виде.

Два капитала (капитал I, который авансируется на первый рабочий период, и добавочный капитал II, функционирующий в продолжение периода обращения капитала I) сменяют друг друга в своих движениях, не перекрещиваясь между собой. Поэтому, за исключением первого периода, каждый из обоих капиталов авансируется только на свой собственный период оборота.

Мы рассматриваем капитал I и капитал II как два совершенно независимых друг от друга капитала. В своих движениях они совершенно самостоятельны; эти движения дополняют одно

другое только потому, что рабочие периоды и периоды обращения этих капиталов непосредственно сменяют друг друга.

Их можно рассматривать как два совершенно независимых капитала, принадлежащих разным капиталистам, но даже и в этом случае они представляли бы собой только различные самостоятельные части общественного капитала, авансированного в одной и той же сфере производства. В конечном счёте число оборотов всего общественного капитала равно сумме капитала, обернувшегося в различных сферах производства, разделённой на сумму капитала, авансированного в этих сферах производства.

Рабочий период больше периода обращения

Вместо того чтобы по очереди сменять друг друга, рабочие периоды и периоды оборота капиталов I и II перекрещиваются между собой. В то же время здесь происходит высвобождение капитала, чего не было в ранее рассмотренном случае.

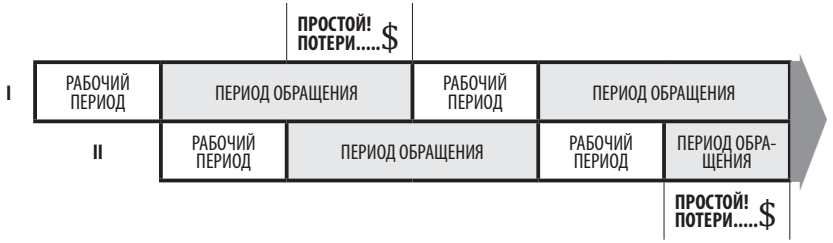
Однако от этого нисколько не изменяется то, что теперь, как и ранее, 1) число рабочих периодов всего авансированного капитала равно сумме стоимости годового продукта обеих авансированных частей капитала, разделённой на весь авансированный капитал, и 2) число оборотов всего капитала равно сумме итогов обоих оборотов, разделённой на сумму обоих авансированных капиталов. При этом мы и здесь должны рассматривать обе части капитала таким образом, как будто бы совершаемые ими обороты вполне независимы друг от друга.

Оказывается, что в нашем случае, где мы приняли, что рабочий период больше периода обращения, в конце каждого рабочего периода при всяких обстоятельствах имеется свободный денежный капитал, по величине равный капиталу, авансированному на период обращения.

Рабочий период меньше периода обращения

Когда время обращения не представляет собой простого кратного по отношению к рабочему периоду, в конце рабочего периода происходит высвобождение капитала, причём этот высвобождающийся капитал равен той части капитала, которая должна заполнить время превышения периода обращения над рабочим периодом или над кратным рабочих периодов.

Оборотный капитал, применённый в одном рабочем периоде, не может быть применён в новом рабочем периоде, пока он не закончит своего оборота, не превратится в товарный капитал, из него — в денежный капитал, а из этого последнего опять в производительный капитал. Поэтому, чтобы за первым рабочим периодом тотчас, без перерыва, последовал второй, приходится снова авансировать капитал и превращать его в оборотные элементы производительного капитала, и притом авансировать в количестве, достаточном для того, чтобы заполнить пробел, образуемый периодом обращения оборотного капитала, авансированного на первый рабочий период. **Этим и определяется влияние продолжительности рабочего периода оборотного капитала на масштаб процесса труда в данном производстве и на деление авансированного капитала**, соответственно, — на величину добавочно авансируемых новых долей капитала.

Выводы

A. Различные доли, на которые должен быть разделён капитал так, чтобы одна его часть постоянно могла находиться в рабочем периоде, в то время как другие части находятся в периоде

обращения, — эти доли сменяют одна другую, как различные самостоятельные индивидуальные капиталы, в двух случаях:

1. Если рабочий период равен периоду обращения, следовательно, если период оборота распадается на две равные части.

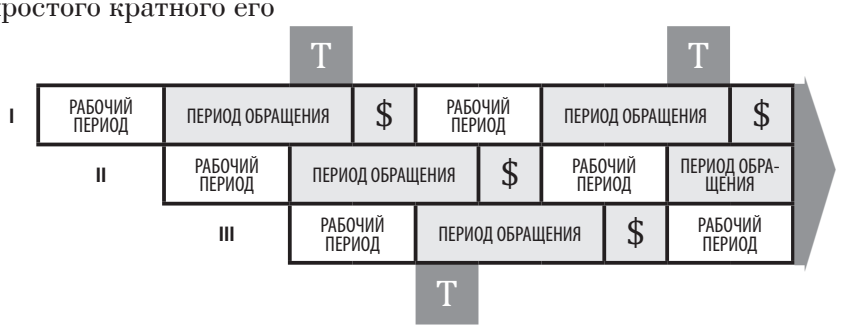

2. Если период обращения продолжительнее рабочего периода, но вместе с тем составляет простое кратное рабочего периода, так что один **период обращения = n рабочих периодов**, где **n** должно быть целым числом. В этих случаях ни одна часть последовательно авансируемого капитала не высвобождается.

В. Напротив, во всех случаях, когда:

1. период обращения больше рабочего периода и не составляет простого кратного его

и 2. когда рабочий период больше периода обращения, — в этих случаях в конце каждого рабочего периода, начиная со второго

оборота, постоянно и периодически высвобождается некоторая часть всего оборотного капитала.

C. Из этого следует, что для всего общественного капитала, рассматриваемого с точки зрения его оборотной части, высвобождение капитала должно составлять правило, а простое чередование частей капитала, последовательно функционирующих в процессе производства, — исключение. Ибо равенство рабочего периода и периода обращения или равенство периода обращения с простым кратным рабочего периода — эта правильная пропорциональность двух составных частей периода оборота не имеет ничего общего с существом дела и потому, в общем и целом, может иметь место лишь в виде исключения.

Следовательно, **весьма значительная часть общественного оборотного капитала, совершающего несколько оборотов на протяжении года, в течение годового цикла оборотов будет периодически находиться в форме высвободившегося капитала**.

Влияние изменения цен

Выше мы предполагали неизменные цены, неизменный масштаб производства, с одной стороны, сокращение или увеличение продолжительности времени обращения — с другой. Предположим теперь, напротив, неизменную продолжительность периода оборота, неизменный масштаб производства, но, с другой стороны, — изменение цен, то есть понижение или возрастание цен сырых и вспомогательных материалов, а также труда, или только двух первых из этих элементов производительного капитала.

Предположим, что цена сырых и вспомогательных материалов, а также величина заработной платы упали наполовину.

Первое следствие понижения стоимости, соответственно — цены, элементов производительного капитала наполовину, было бы в том, что на ведение предприятия X в прежнем масштабе авансировалась бы капитальная стоимость, уменьшенная наполовину; а так как предприятие X авансирует эту капитальную стоимость сначала в форме денег, то есть как денежный капитал, то, значит, оно выбрасывало бы на рынок только половину прежнего количества денег. Масса брошенных в обращение денег уменьшилась бы, так как цены на элементы производства упали.

Второе следствие: половина первоначально авансированной капитальной стоимости, которая раньше a) попеременно принимала форму денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, b) одновременно находилась частью в форме денежного капитала, частью в форме производительного капитала и частью в форме товарного капитала, причём эти части постоянно находились одна рядом с другой, — эта половина выделилась бы из кругооборота предприятия X и поэтому, поступив как добавочный денежный капитал на денежный рынок, оказала бы на него воздействие как добавочная составная часть денежного капитала. Эти высвободившиеся деньги действуют как денежный капитал не потому, что они суть деньги, оказавшиеся излишними для ведения предприятия X, а потому, что они являются составной частью первоначальной капитальной стоимости и, следовательно, должны по-прежнему действовать как капитал, а не расходоваться как простое средство обращения. Самый простой способ заставить их действовать в качестве капитала — это бросить их на денежный рынок как денежный капитал. С другой стороны, можно было бы также вдвое увеличить масштаб производства (основной капитал мы оставляем в стороне). С тем же самым, исходным, авансированным капиталом можно было бы вести процесс производства в удвоенном масштабе.

Предположим, что цены оборотных элементов производительного капитала повысились наполовину. Для ведения предприятия в том же масштабе понадобилось бы на 50% больше добавочного капитала, и это в зависимости от состояния денежного рынка произвело бы на него большее или меньшее давление. Если бы был предъявлен спрос на весь свободный капитал на рынке, то возникла бы усиленная конкуренция из-за свободного

капитала. Если бы некоторая часть его лежала без употребления, то она была бы призвана к деятельности.

Однако возможен и третий случай: предположим, что при данном масштабе производства, при неизменной скорости оборота и **неизменных ценах элементов оборотного производительного капитала** цена продуктов предприятия X может понизиться или повыситься.

Если цена товаров, поставляемых на рынок предприятием X, понижается, то цена его товарного капитала, которые оно постоянно бросало в обращение, падает. Следовательно, часть стоимости авансированного капитала не возвращается из процесса обращения; она пропадает в этом процессе (заключающаяся в товарном капитале прибавочная стоимость здесь не принимается во внимание). Но так как стоимость, а соответственно и цена элементов производства остаётся прежняя, то возвратившихся денег хватит лишь на то, чтобы частично возместить капитал, постоянно занятый в процессе производства. Следовательно, для продолжения производства в прежнем масштабе пришлось бы затратить добавочный денежный капитал, возмещающий понижение цены поставляемых на рынок товаров.

Наоборот: если цена продуктов предприятия X повысится, то повысится и цена товарного капитала, то есть часть его цены, будет приходить не из процесса производства, так как не была авансирована на него, а будет притекать из процесса обращения. Однако для возмещения элементов производства этот дополнительный денежный приток не требуется, следовательно, пришедшая дополнительно сумма денег высвобождается.

Оставшиеся случаи, которые надо рассмотреть

Изучение ***причин***, почему продолжительность периода оборота сокращается или удлиняется, почему цены сырого материала и труда, а также цены доставленных на рынок продуктов повышаются или падают, — изучение этих причин не входит в круг вопросов, которые мы до сих пор исследовали. Но в круг исследуемых вопросов входит рассмотрение следующих случаев:

1-й случай: **неизменный масштаб производства, неизменные цены элементов производства и продуктов,**

изменение в периоде обращения, а следовательно, и в периоде оборота. Если *ускорилось* превращение товарного капитала в деньги, а этих денег — в производительный капитал, **Т' — Д — Т**, следовательно, ускорилось также и обращение денег, участвующих в этом процессе. Значит они извлечены из него, потому что они более не требуются для оборота капитала Х. Если, наоборот, время обращения, а потому и период оборота *удлиняется*, то необходимо авансирование добавочного капитала, — из кармана самого капиталиста, если у него есть такой добавочный капитал. Но в таком случае этот капитал в той или иной форме будет применён уже как часть капитала, находящегося на денежном рынке; чтобы получить его в распоряжение, его надо высвободить из старой формы, например, продать акции, истребовать вклады, так что и в этом случае будет оказано косвенное влияние на денежный рынок. Или же капиталист должен получить добавочный капитал в кредит. Что касается той части добавочного капитала, которая необходима для выплаты заработной платы, то при нормальных условиях её постоянно приходится авансировать как денежный капитал, и поэтому капиталист Х, со своей стороны, оказывает прямое давление на денежный рынок. Для той части капитала, которая должна быть вложена в производственные материалы, авансирование в виде денежного капитала неизбежно лишь в том случае, если капиталист должен оплачивать их наличными. Если он может получить их в кредит, то это не оказывает прямого влияния на денежный рынок, потому что в этом случае добавочный капитал прямо авансируется как производственный запас, а не как денежный капитал с самого начала. Если кредитор в свою очередь выпускает полученный от капиталиста Х вексель непосредственно на денежный рынок, предъявляет его к учёту и так далее, то это оказало бы косвенное воздействие на денежный рынок через посредство второго лица. Но если кредитор использует этот вексель для того, чтобы, например, досрочно погасить свой долг, то этот добавочно авансированный капитал не окажет на денежный рынок ни прямого, ни косвенного влияния.

2-ой случай: изменение цены производственных материалов, все прочие условия неизменны. Если цена производственных материалов, например, *падает* наполовину,

то выделившийся и теперь незанятый, а потому ищущий применения на денежном рынке денежный капитал представляет собой не что иное, как часть капитала, первоначально авансированного в виде денежного капитала, часть, которая стала избыточной вследствие падения цен тех элементов производства, в которые она периодически превращается, — стала избыточной, поскольку предприятие не расширяется, а ведётся в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (например, особенно богатым урожаем, чрезмерным предложением товаров и тому подобное), а увеличением производительной силы труда в той отрасли, которая доставляет сырьё, то этот денежный капитал представлял бы собой абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала, потому что этот капитал больше не являлся бы необходимой составной частью того капитала, который уже нашёл себе применение.

3-й случай: изменение рыночной цены самого продукта. В этом случае при *падении* цены продукта часть капитала оказывается потерянной для капиталиста X и потому должна быть возмещена новым авансированием денежного капитала. Если, наоборот, цена продукта *повышается*, то из сферы обращения капиталистом X присваивается часть капитала, которая не была им авансирована. Она не представляет собой органической части капитала, авансированного на процесс производства, и потому, если производство не расширяется, образует выделившийся денежный капитал.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

При каком соотношении между рабочим периодом и периодом обращения не требуется добавочный капитал?

Что происходит, когда рабочий период больше периода обращения?

Что происходит, когда рабочий период меньше периода обращения?

Как связаны цены и период оборота капитала?

Глава 16.
ОБОРОТ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА

прибавочная стоимость, норма прибавочной стоимости, годовая норма прибавочной стоимости, оборот авансированного капитала и годовая норму прибавочной стоимости, случай совпадения годовой нормы прибавочной стоимости и нормы прибавочной стоимости

Затраченный во время производства переменный оборотный капитал может снова служить в процессе обращения лишь постольку, поскольку продукт, в котором воспроизведена его стоимость, продан, превращён из товарного капитала в денежный капитал, чтобы последний снова мог быть затрачен на оплату рабочей силы. Точно так же обстоит дело и с затраченным на производство постоянным оборотным капиталом (с производственными материалами), стоимость которых снова появляется в продукте как часть стоимости последнего. Общее свойство обеих этих частей, то есть переменной и постоянной части оборотного капитала, и их отличие от основного капитала состоит не в том, что их стоимость, перенесённая на продукт, обращается при посредстве товарного капитала, при посредстве обращения продукта в виде товара. Некоторая часть стоимости продукта, и притом продукта, обращающегося в виде товара, некоторая часть стоимости товарного капитала всегда состоит из износа основного капитала, то есть из той части стоимости основного капитала, которая перенесена им на продукт во время производства. Различие состоит в следующем: **основной капитал продолжает функционировать в процессе производства в своей старой потребительной форме в продолжение более или менее длительного цикла периодов оборота оборотного капитала (последний равен оборотному постоянному капиталу плюс оборотный переменный капитал); между тем каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего — в виде товарного капитала — в сферу обращения из сферы производства**. Первая фаза обращения, **Т' — Д'**, является общей для оборотного постоянного и оборотного переменного капитала. Во второй фазе они разделяются. Деньги, в которые

превратился товар, отчасти превращаются в производственный запас (оборотный постоянный капитал). Соответственно различным срокам закупок составных частей такого запаса одна часть этих денег может превратиться в производственные материалы раньше, другая — позже, но в конечном счёте все эти деньги превращаются в производственные материалы. Другая часть денег, вырученных от продажи товара, остаётся лежать в виде денежного запаса и мало-помалу расходуется на оплату рабочей силы, включённой в процесс производства. Эта часть денег образует оборотный переменный капитал. Тем не менее в процессе оборота капитала, при его превращении в продукт, из продукта в товар, а из товара в деньги каждый раз происходит полное возмещение той или другой части оборотного капитала.

До сих пор мы совершенно оставляли в стороне одну часть стоимости товарного капитала, а именно заключающуюся в нём прибавочную стоимость, которая произведена во время процесса производства и присоединена к продукту. На неё-то мы и должны теперь обратить наше внимание.

Отношение всей массы прибавочной стоимости, произведённой в течение года, к сумме стоимости авансированного переменного капитала мы называем годовой нормой прибавочной стоимости. Если детальнее проанализировать эту норму, то окажется, что **она равна норме прибавочной стоимости, которую авансированный переменный капитал производит в течение одного периода оборота, умноженной на число оборотов переменного капитала** (совпадающее с числом оборотов всего оборотного капитала).

> ***Годовая норма прибавочной стоимости** — это отношение всей массы прибавочной стоимости, произведённой в течение года, к сумме стоимости авансированного переменного капитала.*

Рассмотрим два случая.

Переменный капитал в 500 ф. ст., оборачивающийся 10 раз в год и производящий в течение года прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст., переменный капитал, для которого, следовательно, *годовая норма прибавочной стоимости = 1 000%*, мы назовём

капиталом **А**. Полагаем также, что в процессе труда каждую неделю находится переменный капитал в 100 ф. ст., то есть переменный капитал в 500 ф. ст. авансируется сроком на 5 недель.

Предположим теперь, что другой переменный капитал В равный 5 000 ф. ст. авансируется на целый год (то есть в данном случае на 50 недель) и потому оборачивается только один раз в год. Далее, предположим при этом, что в конце года продукт оплачивается в тот самый день, как он готов, и что, следовательно, денежный капитал, в который он превращается, возвращается в тот же самый день. Следовательно, период обращения здесь = 0, период оборота = рабочему периоду, а именно = одному году. Как и в предыдущем случае (**А**), в процессе труда каждую неделю находится переменный капитал в 100 ф. ст., следовательно, в течение 50 недель — переменный капитал в 5 000 ф. ст. Норма прибавочной стоимости пусть будет та же самая, = 100%, то есть при одинаковой продолжительности рабочего дня половина его состоит из прибавочного труда. Если мы остановимся на 5 неделях, то вложенный переменный капитал будет равен 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости = 100%, следовательно, масса прибавочной стоимости, произведённая в течение 5 недель, = 500 ф. ст. Масса рабочей силы, которая при этом эксплуатируется, и степень её эксплуатации предполагаются здесь точно такими же, как у капитала **А**.

Применённый переменный капитал в 100 ф. ст. еженедельно производит прибавочную стоимость в 100 ф. ст., поэтому в течение 50 недель применённый капитал в 100 × 50 = 5 000 ф. ст. произведёт прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Масса ежегодно производимой прибавочной стоимости оказывается такой же, как и в предыдущем случае, = 5 000 ф. ст., но годовая норма прибавочной стоимости совершенно иная. Она равна произведённой в течение года прибавочной стоимости, разделённой на авансированный переменный капитал: $\frac{5000\,\mathrm{m}}{5000\,\mathrm{v}} = 100\%$, тогда как ранее, для капитала **А**, она была равна 1 000%.

В примере с капиталом **А**, как и в примере с капиталом **В**, мы еженедельно затрачивали 100 ф. ст. переменного капитала; степень увеличения стоимости или норма прибавочной стоимости совершенно одинакова, = 100%; величина переменного капитала

также одинакова, = 100 ф. ст. Эксплуатируется совершенно одинаковая масса рабочей силы, величина и степень эксплуатации в обоих случаях одинаковы, рабочие дни одинаковы и одинаково делятся на необходимый труд и прибавочный труд. Сумма переменного капитала, применённого в течение года, одинакова по величине, = 5 000 ф. ст., она приводит в движение такую же массу труда и выжимает из рабочей силы, приводимой в движение двумя равными капиталами, одинаковую массу прибавочной стоимости, = 5 000 ф. ст. И всё-таки разница в годовой норме прибавочной стоимости капиталов **A** и **B** составляет 900%.

Из этого следуют **два вывода**.

Во-первых. Авансированный капитал **A** только в 5 раз больше части капитала, постоянно применяемой в процессе производства в течение недели. Напротив, капитал **B**, который в течение 50 недель оборачивается только один раз и, следовательно, должен быть авансирован на 50 недель, в 50 раз больше той части его, которая постоянно может быть применена в течение недели. Поэтому оборот видоизменяет соотношение между капиталом, авансируемым на процесс производства в течение года, и капиталом, который постоянно может быть применён за определённый период производства, например, за одну неделю. Здесь перед нами первый случай, когда пятинедельная прибавочная стоимость берётся не в её отношении к капиталу, применяемому в течение этих 5 недель, а в отношении к капиталу, в десять раз большему, применяемому в течение 50 недель.

Во-вторых. Пятинедельный период оборота капитала **A** составляет лишь $^1/_{10}$ года, поэтому год заключает в себе 10 таких периодов оборота, в течение которых капитал **A** в 500 ф. ст. применяется постоянно снова и снова. Применённый капитал равен здесь капиталу, авансированному на 5 недель, умноженному на число периодов оборота, совершённых в течение года. Капитал, применённый в течение года, = 500 × 10 = 5 000 ф. ст. Капитал, авансированный в течение года, = 5000 / 10 = 500 ф. ст. Действительно, хотя 500 ф. ст. постоянно вновь применяются, тем не менее каждые 5 недель вновь авансируются не более этих 500 ф. ст. С другой стороны, у капитала **B** в течение 5 недель применяются и авансируются на эти 5 недель только 500 ф. ст.; но так как период оборота здесь = 50 неделям, то капитал, применённый

в течение года, равен капиталу, авансируемому не на 5 недель, а на 50 недель. Но ежегодно производимая масса прибавочной стоимости, при данной её норме, находится в прямой зависимости от величины капитала, применённого в течение года, а не от величины капитала, авансированного в течение года. Следовательно, для данного капитала в 5 000 ф. ст., оборачивающегося один раз, эта масса прибавочной стоимости не больше, чем для капитала в 500 ф. ст., оборачивающегося десять раз, и она только потому так велика, что капитал, оборачивающийся один раз в год, сам в десять раз больше капитала, оборачивающегося десять раз.

Обернувшийся в течение года переменный капитал, — следовательно, соответствующая ему часть годового продукта или равная последней часть годовых затрат, — есть переменный капитал, действительно применённый, производительно потреблённый в течение года. Из этого следует, что если обернувшийся в течение года переменный капитал **A** и обернувшийся в течение года переменный капитал **B** равновелики и если они применяются при равных условиях увеличения стоимости, если, следовательно, норма прибавочной стоимости для обоих капиталов одинакова, то и ежегодно производимая масса прибавочной стоимости также должна быть одинаковой для обоих; следовательно, так как массы применённых капиталов одинаковы, то должна быть также одинакова и норма прибавочной стоимости, исчисленная за год, поскольку она выражается формулой:

$$\textit{Годовая норма прибавочной стоимости} = \frac{\textit{Масса прибавочной стоимости, произведённая в течение года}}{\textit{Переменный капитал, обернувшийся в течение года}} =$$

Из вышеизложенного, следует, что годовая норма прибавочной стоимости **только в одном единственном случае** совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости, выражающей степень эксплуатации труда, а именно в том случае, когда авансированный капитал оборачивается только один раз в год; тогда авансированный капитал равен капиталу, обернувшемуся в течение года, поэтому отношение массы прибавочной стоимости, произведённой в течение года, к капиталу, применённому для её производства в течение года, совпадает и тождественно с отношением

массы прибавочной стоимости, произведённой в течение года, к капиталу, авансированному в течение года.

Если переменный капитал, как в примере **A**, оборачивается десять раз в год, то в течение года **один и тот же авансированный капитал** десять раз произведёт такую же массу прибавочной стоимости, которая соответствует её производству за один период оборота в примере **B**.

И тогда формула расчёта годовой нормы прибавочной стоимости примет вид:

$$\textit{Годовая норма прибавочной стоимости} = \frac{\textit{Масса прибавочной стоимости, произведённая в течение года}}{\textit{Переменный капитал, авансированный в течение года}} = \mathbf{M' = m' n}$$

где **M'** — это **годовая** норма прибавочной стоимости,
m' — норма прибавочной стоимости,
n — количество оборотов капитала в год.

Итак, различие в годовой норме прибавочной стоимости в примерах **A** и **B** вытекает из разницы в продолжительности периодов оборота, то есть тех периодов, по истечении которых стоимость, возмещающая переменный капитал, применённый в определённый промежуток времени, снова может функционировать как капитал, следовательно, — как новый капитал. У капиталиста **B**, как и у капиталиста **A**, имеет место одинаковое возмещение стоимости переменного капитала, применявшегося в течение одних и тех же периодов. При этом в течение одних и тех же периодов происходит также одинаковый прирост прибавочной стоимости. Но хотя у капиталиста **B** каждые 5 недель и происходит возмещение стоимости в 500 ф. ст., да ещё нарастает 500 ф. ст. прибавочной стоимости, однако стоимость, которая служит возмещением, ещё не образует нового капитала, потому что она находится не в денежной форме. У капиталиста **A** старая капитальная стоимость не только возмещается новой стоимостью, но она восстанавливается при этом в своей денежной форме, следовательно, возмещается в виде нового, способного вновь функционировать капитала.

Указанное обстоятельство изменяет величину того денежного капитала, который приходится авансировать для того, чтобы

в течение года привести в движение определённое количество рабочей силы, и, следовательно, оно определяет годовую норму прибавочной стоимости.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое прибавочная стоимость?
Что такое норма прибавочной стоимости?
Что такое годовая норма прибавочной стоимости?
Как оборот авансированного капитала влияет на годовую норму прибавочной стоимости?
Когда годовая норма прибавочной стоимости и норма прибавочной стоимости совпадают?

Глава 17.
ОБРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

накопленный капитал и добавочный, роль кредита для капиталиста с добавочным капиталом, простое воспроизводство, смысл инвестиций рабочей силы и средств производства в добычу золота и серебра при капитализме, капиталистическое накопление, расширенное воспроизводство, сокровище, непроизводительность издержек на добычу золота и серебра как орудий обращения, необходимость издержек на добычу золота и серебра как орудий обращения при капитализме, вклады в банки, вклады в ценные бумаги, вклады в акции, причина накопления сокровищ при капитализме

Выше мы уже видели, что различие в периоде оборота вызывает различие в годовой норме прибавочной стоимости, даже при неизменной массе ежегодно производимой прибавочной стоимости.

Но затем необходимо возникает различие в капитализации прибавочной стоимости, в накоплении, и постольку, при одинаковой норме прибавочной стоимости, возникает также различие в её массе, производимой в течение года.

Отметим прежде всего, что капитал **A** (в примере предыдущей главы) даёт периодический текущий доход, следовательно, за исключением первого периода оборота после открытия предприятия, капиталист покрывает своё собственное потребление в течение года за счёт своего производства прибавочной стоимости, на это потребление ему не приходится авансировать деньги из собственного фонда. Напротив, последнее имеет место у капиталиста **B**. Хотя в одни и те же периоды времени он производит столько же прибавочной стоимости, сколько и капиталист **A**, но его прибавочная стоимость не реализована, и потому она не может быть потреблена ни индивидуально, ни производительно. Поскольку речь идёт об индивидуальном потреблении, прибавочная стоимость просто предвосхищается. Для этого должен быть авансирован специальный фонд.

Далее, та часть производительного капитала, которую трудно подвести под определённую рубрику, а именно добавочный капитал, необходимый для ремонта и содержания в исправности основного

капитала, эта часть капитала тоже выступает теперь в новом свете. У капиталиста **А** эта часть капитала при начале производства не авансируется ни целиком, ни в большей своей части. Капиталисту не надо иметь её в своём распоряжении, он может даже совсем не иметь её. Она возникает в процессе функционирования предприятия путём непосредственного превращения прибавочной стоимости в капитал, то есть путём прямого применения её в качестве капитала. Для капиталиста **В** это невозможно. Часть капитала, о которой идёт речь, должна составлять у него часть первоначально авансируемого капитала. В обоих случаях эта часть капитала будет фигурировать в бухгалтерских книгах капиталиста как авансированный капитал, чем она и является в действительности, так как, согласно нашему предположению, она составляет часть производительного капитала, необходимого для ведения предприятия в данном масштабе. Но огромное различие заключается в том, из какого фонда она авансируется. У капиталиста **В** она действительно составляет часть первоначально авансируемого капитала или капитала, который должен иметься в распоряжении. Напротив, у капиталиста **А** она составляет часть прибавочной стоимости, применяемой в качестве капитала. Этот последний случай показывает нам, что не **только накопленный капитал, но и часть первоначально авансируемого капитала может быть просто капитализированной прибавочной стоимостью**.

Между тем ясно, что в тех случаях, когда увеличение числа периодов оборота влечёт за собой более частую реализацию прибавочной стоимости в течение года, в этих случаях рано или поздно наступают периоды, когда уже нельзя будет ни удлинять рабочий день, ни вводить частичные улучшения; с другой стороны, пропорциональное расширение всего предприятия возможно только в известных, более или менее узких пределах, обусловливаемых отчасти общим характером предприятия, например, зданий, отчасти размерами обрабатываемого поля, как в сельском хозяйстве; притом для этого требуется столь значительный добавочный капитал, что его может доставить лишь накопление прибавочной стоимости в течение многих лет.

Итак, **наряду с действительным накоплением, или превращением прибавочной стоимости в производительный капитал (и соответствующим воспроизводством**

в расширенном масштабе), происходит накопление денег, накопление части прибавочной стоимости в виде скрытого денежного капитала, который только впоследствии, когда он достигнет известной величины, будет функционировать как добавочный активный капитал.

> ***Капиталистическое накопление** — превращение прибавочной стоимости в производительный капитал и, таким образом, его воспроизводство в расширенном масштабе.*

Простейшая форма, которую может принять этот добавочный скрытый денежный капитал, есть форма сокровища. Возможно, что это сокровище представляет собой добавочное золото или серебро, полученное прямо или косвенно при обмене со странами, добывающими благородные металлы. И только таким способом денежное сокровище в пределах данной страны возрастает абсолютно. С другой стороны, возможно — и таково большинство случаев, — что такое сокровище представляет собой не что иное, как деньги, изъятые из обращения внутри страны и принявшие форму сокровища в руках отдельных капиталистов. Возможно, далее, что этот скрытый денежный капитал заключается просто в знаках стоимости — кредитные деньги мы всё ещё оставляем в стороне — или также в простых, подтверждённых официальными документами притязаниях (юридических титулах) капиталистов к третьим лицам. Во всех этих случаях, какова бы ни была форма существования этого добавочного денежного капитала, поскольку он является капиталом в перспективе, он представляет собой не что иное, как добавочный и сохраняемый про запас юридический титул капиталиста на будущую добавочную часть годового производства общества.

Однако, одновременно с развитием капиталистического производства развивается и система **кредита**. Денежный капитал, который один капиталист ещё не может применить в своём собственном предприятии, применяется другими капиталистами, от которых он получает за это проценты. Для него этот капитал функционирует как денежный капитал в специфическом смысле, как особый вид капитала, отличный от производительного капитала. Но он действует как капитал в руках другого. Ясно, что при более частой реализации прибавочной стоимости и при увеличении масштаба,

в котором она производится, возрастает та пропорция, в которой новый денежный капитал, или деньги в виде капитала, выбрасывается на денежный рынок, а отсюда, по крайней мере в своей большей части, вновь поглощается для расширения производства.

Итак, если оставить в стороне те помехи, которые затрудняют воспроизводство даже в прежнем масштабе, то возможны только **два нормальных случая воспроизводства**: или имеет место простое воспроизводство, или имеет место капитализация прибавочной стоимости, то есть накопление.

Простое воспроизводство

При простом воспроизводстве прибавочная стоимость, производимая и реализуемая ежегодно, или, при нескольких оборотах, периодически в течение года, целиком потребляется её собственниками, капиталистами, индивидуально, то есть непроизводительно.

Даже если предположить только простое воспроизводство, то часть прибавочной стоимости должна постоянно находиться не в форме продукта, а в форме денег, потому что в противном случае её нельзя превратить из денег в продукт для потребления. Это превращение прибавочной стоимости из её первоначальной товарной формы в деньги мы должны исследовать здесь более обстоятельно. Для упрощения дела представим проблему в самом простом виде, а именно предположим, что в обращении находятся исключительно металлические деньги, то есть деньги, представляющие собой действительный эквивалент.

Согласно законам простого товарного обращения, масса имеющихся в стране металлических денег должна быть достаточной не только для обращения товаров. Она должна быть достаточной и при тех колебаниях в денежном обращении, которые возникают отчасти вследствие изменений в скорости обращения, отчасти вследствие изменения цен товаров, отчасти вследствие тех различных и меняющихся пропорций, в которых деньги функционируют как средство платежа или как собственно средство обращения. Отношение, в котором имеющаяся в наличии масса денег распадается на сокровище и на обращающиеся деньги, постоянно изменяется, но общая масса денег всегда равна сумме

денег, имеющихся, и в форме сокровища, и в форме обращающихся денег. Эта масса денег (масса благородного металла) представляет собой постепенно накопленное сокровище общества. Поскольку часть этого сокровища уничтожается вследствие износа, постольку она должна ежегодно возмещаться, как и всякий другой продукт. В действительности это возмещение совершается посредством прямого или косвенного обмена части годового продукта страны на продукт стран, добывающих золото и серебро. Однако такой интернациональный характер сделки скрывает её простоту. Поэтому, чтобы свести проблему к её простейшему и наиболее ясному выражению, следует предположить, что добыча золота и серебра происходит в данной стране и, таким образом, составляет часть всего общественного производства этой страны.

Если оставить в стороне золото и серебро, производимые для предметов роскоши, то минимум их ежегодной добычи должен быть равен износу денежного металла, происходящему вследствие обращения денег в течение года. Далее, если возрастает сумма стоимости ежегодно производимой и обращающейся массы товаров, то должна возрастать также и годовая добыча золота и серебра, поскольку возросшая сумма стоимости обращающихся товаров и масса денег, необходимая для их обращения (и для образования соответствующего сокровища), не компенсируются большей скоростью обращения денег и более широким функционированием денег в качестве средства платежа, то есть более частым взаимным погашением платежей по покупкам и продажам без участия действительных денег.

Следовательно, **часть общественной рабочей силы и часть общественных средств производства должна ежегодно затрачиваться на добычу золота и серебра**.

Так как мы предполагаем здесь простое воспроизводство, то в данном случае капиталисты, занимающиеся добычей золота и серебра, ограничивают её размерами среднего годового износа и обусловленного им среднего годового потребления золота и серебра; свою прибавочную стоимость, которую они, по нашему предположению, потребляют ежегодно, ничего из неё не капитализируя, они бросают в обращение прямо в денежной форме, которая для них является здесь натуральной, а не превращённой формой продукта, как в других отраслях производства.

Капиталисты, добывающие золото, получают весь свой продукт в виде золота, — как те его части, которые возмещают постоянный и переменный капитал, так и ту часть, которая состоит из прибавочной стоимости. Следовательно, часть общественной прибавочной стоимости заключается в золоте, а не в таком продукте, который превращается в золото только в процессе обращения. Эта часть с самого начала заключается в золоте и бросается в обращение для того, чтобы извлечь из него продукты. То же самое относится в данном случае к заработной плате, то есть к переменному капиталу, и к возмещению авансированного постоянного капитала. Следовательно, если одна часть класса капиталистов бросает в обращение товарную стоимость, большую (на величину прибавочной стоимости), чем авансированный ими денежный капитал, то другая часть капиталистов бросает в обращение большую денежную стоимость (большую на величину прибавочной стоимости), чем товарная стоимость, которую они постоянно извлекают из обращения для добычи золота. **Если часть капиталистов постоянно выкачивает из обращения больше денег, чем она их вносит в обращение, то часть капиталистов, — та, которая добывает золото, — постоянно накачивает в обращение денег больше, чем извлекает из него в виде средств производства**.

Из вышеизложенного следует, что прибавочная стоимость, расходуемая капиталистами в форме денег, а точно так же и переменный и прочий производительный капитал, авансируемый ими в форме денег, в действительности есть продукт рабочих, а именно рабочих, занятых добычей золота. Они добывают вновь как ту часть золотого продукта, которая «авансируется» им в качестве заработной платы, так и ту часть золотого продукта, в которой непосредственно представлена прибавочная стоимость капиталистов-золотопромышленников. Наконец, что касается той части золотого продукта, которая только возмещает постоянную капитальную стоимость, авансированную на добычу золота, то она снова появляется в форме денег (и вообще в любом продукте) лишь вследствие годового труда рабочих. При учреждении предприятия она была отдана капиталистом не в виде денег, добытых на этом предприятии, а в виде денег, составлявших часть обращающейся в обществе массы денег. Напротив, поскольку эта часть денег возмещается

новым продуктом, добавочным золотом, то она представляет собой годовой продукт рабочего. Авансирование со стороны капиталиста и здесь является авансированием только по форме потому, что рабочий не является владельцем своих собственных средств производства и во время добычи золота не располагает жизненными средствами, произведёнными другими рабочими.

Далее, если мы предположим, что при прочих неизменных условиях, — в том числе при неизменной продолжительности, интенсивности и производительности рабочего дня, — изменяется только распределение вновь произведённой стоимости между заработной платой и прибавочной стоимостью, так что или первая повышается, а вторая уменьшается, или наоборот, то это не окажет никакого влияния на массу обращающихся денег. Такое изменение в распределении вновь созданной стоимости может произойти без какого-либо увеличения или сокращения массы денег, находящихся в обращении. Рассмотрим в особенности тот случай, когда происходит общее повышение заработной платы, и потому — при выше предположенных условиях — происходит общее понижение нормы прибавочной стоимости, когда, кроме этого, также согласно предположению, не происходит никакого изменения в стоимости обращающейся товарной массы. В этом случае, конечно, возрастает денежный капитал, который приходится авансировать в качестве переменного капитала, следовательно, увеличивается и та масса денег, которая служит для такой функции. Но именно настолько, насколько возрастает масса денег, требующихся для функции переменного капитала, настолько уменьшается прибавочная стоимость, а следовательно, уменьшается и масса денег, необходимая для её реализации. На общую массу денег, необходимую для реализации товарной стоимости, это не оказывает никакого влияния, точно так же, как и на саму эту товарную стоимость. Издержки производства товара возрастают для отдельного капиталиста, но общественная цена производства товара остаётся неизменной. Если оставить в стороне постоянную часть стоимости, то при этом изменится только то отношение, в котором цена производства товаров делится на заработную плату и прибыль.

Капиталистический способ производства, — базисом которого служит наёмный труд, а потому и оплата рабочего деньгами

и вообще превращение натуральных платежей в денежные, — может развиваться в сравнительно широком масштабе, достигнуть более глубокого и полного развития только в той стране, где имеется в наличии масса денег, достаточная для обращения и для образования сокровища (резервного фонда и так далее), обусловливаемого обращением. Такова историческая предпосылка, хотя не следует понимать дело таким образом, будто сначала образуется достаточная масса денег в форме сокровища, а затем начинается капиталистическое производство. Оно развивается одновременно с развитием условий для него, а одним из таких условий является достаточное предложение благородных металлов. Поэтому увеличение ввоза благородных металлов начиная с XVI столетия составляет существенный момент в истории развития капиталистического производства. Но поскольку речь идёт о необходимости добавочного предложения денежного материала уже на базисе капиталистического способа производства, то, с одной стороны, прибавочная стоимость бросается в обращение в виде продукта, без денег, необходимых для его превращения в деньги, и, с другой стороны, прибавочная стоимость бросается в обращение в виде золота, без предварительного превращения продукта в деньги.

Добавочные товары, которые должны превратиться в деньги, находят необходимую для такого превращения сумму денег уже в наличии, потому что с другой стороны не посредством обмена, а самим производством в обращение выбрасывается добавочное золото (и серебро), которое должно превратиться в товары.

Накопление и расширенное воспроизводство

Прежде всего, что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью уже реализованной прибавочной стоимости, которую данный капиталист бросает в обращение как денежный капитал, а не как денежную форму своего дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их применение иное.

Здесь мы должны разобраться — откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме? Общий ответ тот

же самый, что и в случае простого воспроизводства. Сумма цен обращающейся массы товаров увеличилась не потому, что цены данной массы товаров повысились, а потому, что масса обращающихся теперь товаров больше, чем масса товаров, обращавшихся ранее, причём эта разница не уравновешивается понижением цен.

Добавочные деньги, необходимые для обращения этой большей товарной массы, имеющей большую стоимость, должны быть получены или путём более экономного использования обращающейся денежной массы, — причём безразлично, достигается ли такая экономия посредством взаимного погашения платежей и так далее или при помощи применения средств, ускоряющих обращение одних и тех же денег, — или же путём превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег. Это последнее включает в себя не только то, что денежный капитал, лежавший без употребления, начинает функционировать как покупательное средство или как средство платежа; не только то, что денежный капитал, уже функционирующий в качестве резервного фонда, выполняя такую функцию для своего собственника, активно обращается для общества (например, при вкладах в банки, из которых он постоянно выдаётся в ссуду), следовательно, при этом он выполняет двоякую функцию, — это последнее включает в себя и то, что более экономно используются резервные фонды, застаивающиеся в виде монет.

Вся масса рабочей силы и общественных средств производства, затраченных на ежегодную добычу золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную статью всех непроизводительных издержек капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, основанного на производстве товаров. Эта добыча золота и серебра как орудий обращения отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных, добавочных средств производства и предметов потребления, то есть действительного богатства. Поскольку при неизменяющемся данном масштабе производства или при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогостоящий механизм обращения, постольку вследствие этого повышается производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку такое влияние оказывают вспомогательные средства,

развивающиеся вместе с системой кредита, постольку они непосредственно увеличивают капиталистическое богатство — или потому, что вследствие этого большая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается без какого-либо участия действительных денег, или потому, что повышается способность функционирования массы денег, действительно находящейся в обращении.

Этим разрешается и нелепый вопрос о том, **было бы ли возможно капиталистическое производство в его теперешних размерах без системы кредита (если даже рассматривать её только с этой точки зрения), то есть при одном металлическом обращении. Очевидно, нет. Напротив, оно было бы ограничено размерами добычи благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать никаких мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он лишь предоставляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение**. Однако дальнейшее развитие этой мысли здесь неуместно.

Теперь мы должны упомянуть тот случай, когда не происходит действительного накопления, то есть непосредственного увеличения масштаба производства, но когда часть реализованной прибавочной стоимости более или менее продолжительное время накопляется в виде денежного резервного фонда, чтобы впоследствии превратиться в производительный капитал.

Скрытый денежный капитал, накопляемый для последующего применения, состоит:

1. Из **вкладов в банки**. Вклады составляют относительно незначительную сумму тех денег, которыми действительно располагает банк. Денежный капитал накапливается при этом лишь номинально. Что при этом действительно накопляется, так это притязания на деньги, которые превращаются в деньги (если только они когда-нибудь превращаются в деньги) только потому, что устанавливается равновесие между суммой вкладов в банк и суммой денег, затребованных вкладчиками. В виде же денег в банке находится лишь относительно небольшая сумма.

2. Из **государственных ценных бумаг**. Они вообще представляют собой не капитал, а только долговые притязания на годовой продукт нации.

3. Из **акций**. Поскольку дело не исключительно спекулятивное, акции представляют собой титул владения действительным капиталом, принадлежащим какой-либо корпорации, и свидетельство на получение прибавочной стоимости, ежегодно приносимой этим капиталом.

Во всех этих случаях не происходит никакого накопления денег: то, что на одной стороне является накоплением денежного капитала, на другой стороне оказывается постоянным действительным расходованием денег. Расходуются ли деньги тем лицом, которому они принадлежат, или другим, его должником, это нисколько не меняет сути дела.

На основе капиталистического производства образование сокровища само по себе никогда не является целью; оно является или результатом задержки в обращении, — при которой большее, чем обычно, количество денег принимает форму сокровища, — или результатом накоплений, обусловленных оборотом капитала, или, наконец, сокровище представляет собой лишь образование денежного капитала, — пока что в скрытой форме, — предназначенного функционировать в качестве производительного капитала.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Когда накопленный капитал может начать функционировать как добавочный?
Как кредит помогает капиталисту с добавочным капиталом?
Что такое простое воспроизводство?
Почему при капитализме часть общественной рабочей силы и средств производства должна тратиться на добычу золота и серебра?
Что такое капиталистическое накопление?
Что такое расширенное воспроизводство?
Что такое сокровище?
Почему расходы на добычу золота и серебра, как орудий обращения, составляют непроизводительные издержки?
Почему это необходимые издержки при капитализме?
Чем являются вклады в банки, в ценные бумаги, в акции?
Результатом чего при капитализме является накопление сокровищ?

Отдел 3.
ВОСПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА

Глава 18.
ВВЕДЕНИЕ

производительное потребление, процесс воспроизводства капитала, индивидуальное потребление, две стороны обращения денежного индивидуального капитала, отличие капиталистического производства от общественного производства, исчезновение денег при общественном производстве

Непосредственный процесс производства капитала есть процесс труда и процесс увеличения стоимости капитала, то есть процесс, результатом которого является товарный продукт, а определяющим мотивом — производство прибавочной стоимости.

> ***Непосредственный процесс производства капитала** или **производительное потребление** есть процесс труда и процесс увеличения стоимости капитала, то есть процесс, результатом которого является товарный продукт, а определяющим мотивом — производство прибавочной стоимости.*

Процесс воспроизводства капитала охватывает как этот непосредственный процесс производства, так и обе фазы собственно процесса обращения, то есть процесс воспроизводства капитала охватывает весь кругооборот, который, как процесс периодический, — то есть процесс, всё снова и снова повторяющийся через определённые периоды времени, — образует оборот капитала.

> ***Процесс воспроизводства капитала** охватывает как непосредственный процесс производства, так и обе фазы собственно процесса обращения.*

Каждый отдельный капитал составляет лишь обособившуюся, так сказать, одарённую индивидуальной жизнью, дробную часть всего общественного капитала, подобно тому, как каждый

отдельный капиталист представляет собой лишь индивидуальный элемент класса капиталистов. Движение общественного капитала состоит из всей совокупности движений его обособившихся дробных частей, из всей совокупности оборотов индивидуальных капиталов. Как метаморфоз отдельного товара является звеном в цепи метаморфозов товарного мира, то есть товарного обращения, точно так же метаморфоз индивидуального капитала, его оборот, является звеном в кругообороте общественного капитала.

Весь этот процесс в целом охватывает как **производительное потребление** (непосредственный процесс производства) вместе с превращениями форм (обменами, если рассматривать дело с вещественной стороны), которые опосредствуют его, так и **индивидуальное потребление** с опосредствующими его превращениями форм или обменами. Он охватывает, с одной стороны, превращение переменного капитала в рабочую силу, а поэтому и включение рабочей силы в капиталистический процесс производства. Рабочий выступает здесь в качестве продавца своего товара — рабочей силы, а капиталист — в качестве её покупателя. Но, с другой стороны, продажа товаров включает куплю последних рабочим классом, следовательно, его индивидуальное потребление. Рабочий класс выступает здесь в качестве покупателя, а капиталисты — в качестве продавцов товаров рабочим.

Обращение товарного капитала включает обращение и прибавочной стоимости, а следовательно, и те акты купли и продажи, при посредстве которых осуществляется индивидуальное потребление капиталистов, потребление прибавочной стоимости.

Следовательно, кругооборот индивидуальных капиталов в их объединении в общественный капитал, то есть во всей его совокупности, охватывает не только обращение капитала, но и общее товарное обращение.

Однако как в первом, так и во втором отделе речь постоянно шла лишь об индивидуальном капитале, о движении обособившейся части общественного капитала. Но кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обусловливают друг друга и как раз благодаря этому сплетению образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении весь метаморфоз товара представлялся

звеном в цепи метаморфозов товарного мира, так теперь метаморфоз индивидуального капитала является звеном в цепи метаморфозов общественного капитала. Но **если простое товарное обращение отнюдь не включало в себя с необходимостью обращения капитала, так как оно может совершаться на основе некапиталистического производства, то кругооборот всего общественного капитала, как уже было отмечено, включает в себя также и товарное обращение, совершающееся вне сферы кругооборота отдельного капитала, то есть включает в себя также и обращение товаров, которые не являются капиталом**.

Мы должны теперь перейти к рассмотрению процесса обращения (который в своей совокупности есть форма процесса воспроизводства) индивидуальных капиталов как составных частей всего общественного капитала, то есть к рассмотрению процесса обращения всего общественного капитала.

При рассмотрении оборота индивидуального капитала были обнаружены **две стороны денежного капитала**.

Во-первых, он образует ту форму, в которой каждый индивидуальный капитал выступает на сцену, начинает свой процесс как капитал. Он выступает поэтому как первичный двигатель, дающий толчок всему процессу. Действительно, товарное производство предполагает товарное обращение, а товарное обращение предполагает, что товар находит себе выражение в качестве денег, предполагает денежное обращение; раздвоение товара на товар и деньги есть закон выражения продукта как товара. Точно так же капиталистическое товарное производство, — безразлично, будем ли мы его рассматривать с общественной или с индивидуальной точки зрения, — предполагает существование капитала в денежной форме, или существование денежного капитала в качестве первичного двигателя для каждого вновь возникающего предприятия и в качестве его постоянного двигателя.

Во-вторых, в зависимости от различной продолжительности периода оборота и различного отношения между обеими составными частями последнего — рабочим периодом и периодом обращения — изменяется и относительная величина той составной части авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно авансироваться и возобновляться в денежной форме:

изменяется её величина по отношению к производительному капиталу, приводимому ею в движение, то есть по отношению к неизменному масштабу производства. Но каково бы ни было это отношение, при всех условиях та часть находящейся в движении капитальной стоимости, которая может постоянно функционировать как производительный капитал, ограничена той частью авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно существовать в денежной форме наряду с производительным капиталом. Речь идёт здесь лишь о нормальном обороте, об абстрактной средней величине. При этом мы оставляем в стороне добавочный денежный капитал, необходимый для того, чтобы сглаживать нарушения в процессе обращения.

В зависимости от продолжительности периода оборота для приведения в движение производительного капитала требуется большая или меньшая масса денежного капитала. Точно так же мы видели, что известное деление периода оборота на рабочий период и время обращения обусловливает увеличение находящегося в денежной форме скрытого капитала, или, другими словами, капитала, применение которого отсрочено.

В той мере, в какой период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, он определяется, при прочих неизменных условиях, материальной природой процесса производства, следовательно, он определяется не специфическим общественным характером этого процесса производства.

Однако на **основе капиталистического производства** сравнительно широкие операции более длительного характера обусловливают авансирование более крупного денежного капитала на более продолжительное время. Следовательно, производство в таких областях зависит от тех границ, в пределах которых отдельный капиталист располагает денежным капиталом. Эти границы раздвигаются системой кредита и связанным с нею ассоциированием, например, акционерными обществами. Поэтому нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, а эти последние, в свою очередь, вызывают нарушения на денежном рынке.

На основе общественного производства необходимо определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства

производства, не доставляя за всё это время никакого продукта в качестве полезного эффекта; необходимо определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя ущерба таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в течение года не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют жизненные средства и средства производства. При общественном производстве, так же, как и при капиталистическом, рабочие, занятые в отраслях производства с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; между тем отрасли производства с длинными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на более продолжительное время, прежде чем сами начнут давать таковые. Следовательно, это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения — не деньги. Они не совершают обращения.

> ***При общественном производстве денежный капитал отпадает. Бумажные удостоверения на получение из общественных запасов предметов потребления соответствуют времени труда. Эти удостоверения — не деньги. Они не совершают обращения.***

Итак, поскольку потребность в денежном капитале вытекает из продолжительности рабочего периода, она обусловливается двумя обстоятельствами: во-первых, деньги вообще являются той формой, в которой должен выступить каждый индивидуальный капитал (кредит мы оставляем в стороне) для превращения в производительный капитал. Это вытекает из сущности капиталистического производства, вообще из сущности товарного производства. Во-вторых, величина необходимо авансируемой денежной

суммы обусловливается тем обстоятельством, что в течение более или менее продолжительного времени у общества постоянно отвлекаются рабочая сила и средства производства, причём ему в течение этого времени не возвращается никакого продукта, который можно было бы превратить в деньги. Первое обстоятельство, а именно, что подлежащий авансированию капитал приходится авансировать в денежной форме, не устраняется самой формой этих денег, будь то металлические деньги, кредитные деньги, знаки стоимости и так далее. На второе обстоятельство никакого влияния не оказывает то, при помощи каких денежных средств или при какой форме производства отвлекаются труд, жизненные средства и средства производства, когда при этом обратно в обращение не выбрасывается никакого эквивалента.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое производительное потребление?
Что такое процесс воспроизводства капитала?
Что такое индивидуальное потребление?
Какие есть две стороны обращения денежного индивидуального капитала?
Отличие капиталистического производства от общественного производства?
Почему исчезают деньги при общественном производстве?

Глава 19.
ПРЕЖНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДМЕТЕ

Физиократы

Система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства. Представитель промышленного капитала — класс фермеров — направляет всё экономическое движение. Земледелие ведётся капиталистически, то есть как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный земледелец является наёмным рабочим. В процессе производства создаются не только предметы потребления, но и их стоимость; побудительным же мотивом производства служит получение прибавочной стоимости, местом рождения которой является сфера производства, а не сфера обращения. Из трёх классов, которые у Кенэ фигурируют в качестве носителей общественного процесса воспроизводства, опосредствуемого обращением, непосредственный эксплуататор «производительного» труда, производитель прибавочной стоимости, капиталистический фермер, отличается от тех, кто просто её присваивает.

Капиталистический характер физиократической системы ещё во время её расцвета вызвал оппозицию, с одной стороны, Ленге и Мабли, и, с другой стороны, — защитников свободного мелкого землевладения.

Адам Смит

Адам Смит не видит, как это видел уже Кенэ, повторного появления стоимости постоянного капитала в обновлённой форме, следовательно, он не видит важного момента процесса воспроизводства. Адам Смит определяет стоимость товара тем количеством труда, которое наёмный рабочий «присоединяет» к предмету труда. Он говорит буквально: «к материалам», потому что у него речь идёт о мануфактуре, которая сама уже перерабатывает продукты труда; но это нисколько не меняет сути дела. Стоимость, которую рабочий «присоединяет» к предмету, совершенно не зависит от того обстоятельства, обладал ли до этого

момента стоимостью сам предмет, к которому присоединяется стоимость, или нет. Следовательно, рабочий создаёт новую стоимость в товарной форме. Часть этой вновь созданной стоимости, по Адаму Смиту, является эквивалентом заработной платы рабочего; следовательно, эта часть определяется размером стоимости его заработной платы (**v**). Чтобы произвести или воспроизвести стоимость, равную стоимости его заработной платы, ему придётся присоединить большее или меньшее количество труда в зависимости от того, как велика его заработная плата. Но, с другой стороны, рабочий сверх определяемой таким образом границы присоединяет дальнейший труд, который образует прибавочную стоимость для нанявшего его капиталиста (**m**). Остаётся ли эта прибавочная стоимость целиком в руках капиталиста или часть её приходится уступить третьим лицам, — это абсолютно ничего не меняет ни в качественном (в том, что эта стоимость вообще является прибавочной стоимостью), ни в количественном (в смысле величины) определении прибавочной стоимости, присоединённой наёмным рабочим. Это — стоимость, как и всякая другая часть стоимости продукта, но она отличается тем, что рабочий не получил за неё никакого эквивалента и впоследствии не получит его; напротив, капиталист присваивает её без эквивалента. Таким образом, общая стоимость товара определяется Адамом Смитом как **v + m**, то есть без **c** (!).

Далее Адам Смит рассуждает, что то, что верно в отношении товара, произведённого на отдельном промышленном предприятии каждым отдельным рабочим, верно и в отношении годового продукта всех отраслей производства в целом. То, что относится к однодневному труду индивидуального производительного рабочего, относится и к совокупному годовому труду, приведённому в движение всем производительным рабочим классом.

Ошибка Адама Смита заключается в том, что он отождествляет стоимость годового продукта только с вновь созданной за год стоимостью. Меж тем последняя является продуктом только труда истёкшего года; первая заключает в себе, кроме того, все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но произведены в предыдущий, а отчасти и в ранее истёкшие годы: средства производства, стоимость которых лишь снова появляется и которые, что касается их стоимости,

не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года. Посредством такого смешения двух различных вещей Адам Смит совершенно изгоняет постоянную часть стоимости годового продукта.

Само же это смешение является следствием другой ошибки в его основных взглядах: он не различает двойственного характера самого труда, то есть не различает труда, поскольку он в качестве затраты рабочей силы создаёт стоимость, и труда, поскольку он в качестве конкретного, полезного труда создаёт предметы потребления (потребительную стоимость). Общая сумма произведённых за год товаров, то есть весь годовой продукт, есть продукт полезного труда, действовавшего в течение последнего года; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно применённый труд был израсходован в многообразно разветвлённой системе различных видов полезного труда. Только поэтому в общей стоимости произведённых товаров сохранилась стоимость средств производства, потреблённых при их производстве, сохранилась, опять появившись в новой натуральной форме. Следовательно, весь годовой продукт есть результат полезного труда, затраченного в течение года. Но в течение года вновь создаётся лишь часть стоимости годового продукта; эта часть есть вновь созданная за год стоимость, в которой воплощена сумма труда, приведённого в движение в течение данного года.

Наконец, переходя от понятий первоначальных авансов и ежегодных авансов к понятиям основной капитал и оборотный капитал, Адам Смит делает шаг вперёд в употреблении слова «капитал»; понятие это обобщается, становится независимым от того особого внимания к «земледельческой» сфере применения, которое характерно для физиократов. Шагом же назад у Адама Смита является то, что различия между «основным» и «оборотным» капиталом рассматриваются и сохраняются как решающие различия.

Давид Рикардо и другие

Рикардо полностью принял теорию Смита относительно разложения цены товара на заработную плату и прибавочную стоимость (или на переменный капитал (**v**) и прибавочную стоимость (**m**)). В чём он полемизирует со Смитом, так это 1) относительно

составных частей прибавочной стоимости: из необходимых элементов её он исключает земельную ренту; 2) Рикардо разделяет цену товара на эти составные части. Следовательно, величина стоимости для него первоначальное. Рикардо предполагает, что сумма составных частей цены товара есть величина данная; он исходит из неё в противоположность Адаму Смиту, который часто, вразрез со своим собственным более глубоким взглядом, определял величину стоимости товара задним числом, посредством сложения составных частей.

Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле превративший особую формулировку этого отношения в характерное отличие своих «Nouveaux Principes», не сказал ни одного научного слова, не внёс ни атома в разрешение проблемы.

Бартон, **Рамсей** и **Шербюлье** делали попытки возвыситься над пониманием Смита. Но они терпят неудачу, так как с самого начала они ставят проблему односторонне, не проводя ясной границы между различием постоянной и переменной капитальной стоимости и различием основного и оборотного капитала.

Джон Стюарт Милль с обычной для него важностью также воспроизводит эту доктрину, унаследованную от Адама Смита его последователями.

Результат: смитовское смешение понятий продолжает существовать до настоящего времени, и догма Смита является ортодоксальным символом веры политической экономии.

Глава 20.
ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

простое воспроизводство, годовой продукт, два подразделения всего производства общества, обмен между двумя подразделениями, обмен внутри подразделения I, обмен внутри подразделения II, отличие капитала от дохода

Годовой продукт заключает в себе как те части общественного продукта, которые возмещают капитал, то есть идут на воспроизводство общественного капитала, так и те части, которые входят в фонд потребления, потребляются рабочими и капиталистами, следовательно, годовой продукт входит как в производительное, так и в индивидуальное потребление. Это потребление заключает в себе воспроизводство (то есть сохранение) как класса капиталистов, так и рабочего класса, а потому заключает в себе также и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства.

Очевидно, что нам следует анализировать фигуру обращения

$$\mathbf{T'} — \begin{cases} \mathbf{Д — Т \ldots П \ldots T'} \\ \mathbf{\Delta Д — \Delta Т} \end{cases}$$

Причём потребление необходимо играет здесь известную роль, так как исходный пункт $\mathbf{T' = T + \Delta T}$, то есть товарный капитал, содержит как постоянную и переменную капитальную стоимость, так и прибавочную стоимость. Поэтому его движение охватывает как индивидуальное, так и производительное потребление. В кругооборотах $\mathbf{Д — T' \ldots П \ldots T' — Д'}$ и $\mathbf{П \ldots T' — Д' — Т \ldots П}$ исходным и конечным пунктом является движение капитала.

Ввиду стоящей перед нами цели мы должны рассмотреть процесс воспроизводства с точки зрения возмещения как стоимости, так и натуральной формы отдельных составных частей T'. Вопрос, который непосредственно встаёт перед нами, заключается в следующем: **каким образом капитал, потреблённый в процессе производства, возмещается по своей стоимости из годового продукта, и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими**?

Следовательно, речь идёт прежде всего о воспроизводстве в неизменном масштабе.

Пока мы рассматривали производство стоимости и стоимость продукта капитала с точки зрения индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма товарного продукта была совершенно безразлична, — безразлично, состоял ли товарный продукт, например, из машин, или из хлеба, или же из зеркал. В каждом случае мы брали эти натуральные формы только в качестве примера, и любая отрасль производства одинаково могла служить в качестве иллюстрации. Нам приходилось иметь дело с самим непосредственным процессом производства, который в каждом отдельном случае представляет собой процесс индивидуального капитала. Поскольку мы рассматривали воспроизводство капитала, нам достаточно было лишь предположить, что часть товарного продукта, представляющая собой капитальную стоимость, находит в сфере обращения возможность совершить обратное превращение в элементы её производства и, следовательно, снова принять форму производительного капитала; совершенно так же нам достаточно было предположить, что рабочий и капиталист непременно находят на рынке товары, на которые они расходуют заработную плату и прибавочную стоимость. Но этот чисто формальный приём изложения уже недостаточен, если мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в индивидуальное потребление класса капиталистов и класса рабочих составляет движение в пределах самой стоимости продукта, в котором нашёл своё выражение результат функционирования всего совокупного капитала; и это движение есть не только возмещение стоимости, но и возмещение натуральной формы продукта, а потому оно в одинаковой мере обусловлено как взаимным соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их натуральной формой.

Весь общественный продукт, а, следовательно, и **всё производство общества, распадается на два больших подразделения**:

I. Средства производства, то есть товары, имеющие такую форму, в которой они должны войти или, по меньшей мере, могут войти в производительное потребление.

II. Предметы потребления, то есть товары, имеющие такую форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных отраслей производства, относящихся к этому подразделению, составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае — **отрасль производства средств производства**, в другом случае — **предметов потребления**.

Весь капитал, применяемый в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала. В **каждом подразделении капитал распадается на две составные части**:

1. **Переменный капитал**. Рассматриваемый со стороны стоимости этот капитал равен стоимости общественной рабочей силы, применённой в этой отрасли производства, следовательно, он равен сумме заработной платы, выплаченной за эту рабочую силу. Рассматриваемый со стороны его натуральной формы, он состоит из самой рабочей силы, проявляющей себя в действии, то есть из живого труда, приведённого в движение этой капитальной стоимостью.

2. **Постоянный капитал**, то есть стоимость всех средств производства, применённых для производства в этой отрасли. В свою очередь средства производства распадаются на **основной капитал**: машины, орудия труда, постройки, рабочий скот и так далее, и на **оборотный постоянный капитал**: производственные материалы, как-то сырые и вспомогательные материалы, полуфабрикаты и так далее.

Стоимость всего годового продукта, произведённого в каждом из двух подразделений с помощью этого переменного и постоянного капитала, распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал **c**, потреблённый в процессе производства и по своей стоимости лишь перенесённый на продукт, и на часть стоимости, присоединённую к продукту всем трудом в течение года. Эта последняя часть стоимости годового продукта, в свою очередь, распадается на возмещение авансированного

переменного капитала **v** и на избыток над ним, образующий прибавочную стоимость **m**. Следовательно, подобно стоимости всякого отдельного товара, стоимость всего годового продукта в каждом подразделении тоже распадается на **c + v + m**.

Часть стоимости, а именно **c**, представляющая постоянный капитал, потреблённый в процессе производства, по своей величине не совпадает со стоимостью постоянного капитала, применённого в этом процессе производства. Правда, производственные материалы потребляются при этом целиком, и потому их стоимость целиком переносится на продукт. Но лишь некоторая часть применённого основного капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, то есть машины, здания и так далее, существует и продолжает функционировать по-прежнему, хотя стоимость этого основного капитала и уменьшилась вследствие годового износа.

В основу нашего исследования простого воспроизводства мы положим нижеследующую схему, в которой c = постоянному капиталу, **v** = переменному капиталу, **m** = прибавочной стоимости, а степень увеличения стоимости, **m/v**, принята равной 100%. Через **I** обозначим производство средств производства и через **II** — производство предметов потребления.

Рассмотрим обмен между двумя подразделениями: I (v + m) на II (c)

Стоимости **I (v + m)**, которые в руках своих производителей существуют в натуральной форме средств производства, обмениваются на **II (c)**, на стоимости, существующие в натуральной форме предметов потребления. Благодаря этому обмену капиталисты подразделения **II** превратили свой постоянный капитал из формы предметов потребления в форму средств производства предметов потребления, в форму, в которой он снова может функционировать как фактор процесса труда и — по отношению к процессу увеличения стоимости — как постоянная капитальная стоимость. С другой стороны, благодаря этому обмену эквивалент стоимости рабочей силы подразделения **I (v)** и прибавочная стоимость капиталистов подразделения **I (m)** реализовались

в предметах потребления; и то и другое из своей натуральной формы средств производства превратилось в такую натуральную форму, в которой они могут быть потреблены как доход.

Таким образом, при простом воспроизводстве сумма стоимостей **v + m** товарного капитала подразделения **I** (а следовательно, и соответствующая пропорциональная часть всего товарного продукта подразделения **I**) должна равняться постоянному капиталу **c**, выделенному в качестве соответствующей части всего товарного продукта подразделения **II**.

При простом воспроизводстве I (v + m) = II (c)

Рассмотрим обмен в пределах подразделения II

Подразделение **II** годового производства товаров состоит из разнообразнейших отраслей промышленности, которые, однако, — в зависимости от характера их продуктов — можно разделить на два больших подотдела:

a. **Предметы потребления**, которые входят в потребление рабочего класса и, поскольку они являются необходимыми жизненными средствами, составляют также часть потребления класса капиталистов, хотя в этом случае они по качеству и по стоимости часто отличаются от жизненных средств рабочих. Для цели нашего исследования мы можем объединить весь этот подотдел под рубрикой: **необходимые предметы потребления**, причём совершенно безразлично, является ли соответствующий продукт, например, табак, предметом потребления, необходимым с физиологической точки зрения или же не является таковым; достаточно того, что он — привычно необходимый предмет потребления.

b. **Предметы роскоши**, которые входят лишь в потребление класса капиталистов, следовательно, могут быть обменены лишь на расходуемую прибавочную стоимость, которая никогда не достаётся рабочему. В первой рубрике ясно, что переменный капитал, авансированный на производство разных товаров, относящихся к этой рубрике, должен непосредственно возвращаться в денежной форме к той части капиталистов подразделения **II** (следовательно, к капиталистам **IIa**), которая производит эти

необходимые жизненные средства. Эти капиталисты продают их своим собственным рабочим на сумму переменного капитала, выданного рабочим в качестве заработной платы. По отношению ко всему этому подотделу а капиталистов подразделения **II** такое возвращение является ***непосредственным***, как бы многочисленны ни были те сделки между капиталистами различных, входящих в этот подотдел отраслей промышленности, посредством которых пропорционально распределяется этот возвращающийся переменный капитал. Это такие процессы обращения, для совершения которых средства обращения непосредственно доставляют рабочие, расходуя полученные ими деньги. Однако иначе обстоит дело в подотделе **IIb**. Вся та часть вновь созданной стоимости, с которой нам приходится здесь иметь дело, **IIb** (**v + m**), существует в натуральной форме предметов роскоши, то есть в форме предметов, которые рабочий класс так же не может купить, как и товарную стоимость **I** (**v**), существующую в форме средств производства, хотя и эти предметы роскоши и те средства производства представляют собой продукты, произведённые этими рабочими. Следовательно, тот обратный приток, посредством которого переменный капитал, авансированный в этом подотделе, возвращается к капиталистическим производителям в своей денежной форме, не может происходить непосредственно, а должен быть опосредствован так же, как и в случае с **I** (**v**).

Из того обстоятельства, что **IIb** (**v**) реализуется в эквивалентной части **IIa** (**m**), вытекает следующее: в той мере, в какой возрастает часть годового продукта, состоящая из предметов роскоши, следовательно, в той мере, в какой увеличивается количество рабочей силы, поглощаемое производством предметов роскоши, в той же самой мере обратное превращение авансированного на **IIb** (**v**) переменного капитала в денежный капитал, который снова будет функционировать как денежная форма переменного капитала, а тем самым существование и воспроизводство части рабочего класса, занятой в подотделе **IIb**, то есть возможность для этой части рабочих получить необходимые предметы потребления, обусловливается расточительностью класса капиталистов, превращением значительной части их прибавочной стоимости в предметы роскоши.

Каждый кризис сразу уменьшает потребление предметов роскоши; он замедляет, задерживает обратное превращение **IIb** (**v**) в денежный капитал, делает возможным лишь частичное превращение и тем самым выбрасывает на мостовую часть рабочих, производящих предметы роскоши, и в то же время, с другой стороны, именно этим самым кризис тормозит и сокращает продажу необходимых предметов потребления. Мы уже не говорим об одновременном увольнении непроизводительных рабочих, которые за свои услуги получают от капиталистов часть затрат последних на предметы роскоши (соответственно сами эти рабочие являются предметом роскоши) и которые принимают очень большое участие в потреблении как раз необходимых жизненных средств. Противоположное явление имеет место в период процветания и особенно во время расцвета спекуляции в этот период, когда относительная, выраженная в товарах стоимость денег падает уже по другим причинам (не по причине действительной революции в стоимости), а потому цена товаров, независимо от их собственной стоимости, повышается. В этот период возрастает не только потребление необходимых жизненных средств; рабочий класс (в который теперь активно вступает вся его резервная армия) на время принимает участие и в потреблении обычно недоступных для него предметов роскоши, а также той категории необходимых предметов потребления, большая часть которых обычно составляет «необходимые» предметы потребления лишь для класса капиталистов; это, в свою очередь, вызывает повышение цен.

Пропорциональное отношение между производством необходимых предметов потребления и производством предметов роскоши обусловливает соответствующее деление величины **II** (**v + m**) между подотделами **IIa** и **IIb**, — а следовательно, и соответствующее деление величины **II** (**c**) между **IIa** (**c**) и **IIb** (**c**). Таким образом это деление имеет решающее значение для характера и количественных отношений производства и является моментом, который существенным образом определяет весь его строй.

$$II\ (v + m) = IIa + IIb$$
$$II\ (c) = IIa\ (c) + IIb\ (c)$$

Простое воспроизводство, по существу, имеет своей целью потребление, хотя получение прибавочной стоимости и здесь является побудительным мотивом индивидуальных капиталистов; но прибавочная стоимость, какова бы ни была её относительная величина, в конечном счёте должна служить здесь только для индивидуального потребления капиталиста.

Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, также и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, то этот мотив, то есть личное потребление, сохраняет своё значение, выступая в сопровождении мотива обогащения и в противоположность ему как таковому. В действительности дело обстоит сложнее, потому что участники дележа добычи, то есть прибавочной стоимости капиталиста, выступают как потребители, независимые от капиталиста.

Рассмотрим постоянный капитал подразделения I

Постоянный капитал подразделения **I**, то есть **I**(**c**), — это стоимость, которая равна снова появляющейся в товарном продукте **I** стоимости средств производства, потреблённых при производстве этой товарной массы. Эта снова появляющаяся стоимость, которая не была произведена в данном процессе производства подразделения **I**, а годом раньше вступила в него как постоянная стоимость, как определённая стоимость средств производства этого подразделения, существует теперь в виде всей той части товарной массы подразделения **I**, которая не поглощена капиталистами подразделения **II**.

Другими словами: весь продукт подразделения **I** состоит из таких потребительных стоимостей, которые по своей натуральной форме могут служить — при капиталистическом способе производства — только в качестве элементов постоянного капитала.

Рассмотрим переменный капитал и прибавочную стоимость в обоих подразделениях

Вся стоимость произведённых за год предметов потребления равна воспроизведённой в течение года переменной капитальной

стоимости подразделения **II** плюс вновь произведённая прибавочная стоимость подразделения **II** (то есть равна стоимости, произведённой в течение года в подразделении **II**) плюс переменная капитальная стоимость подразделения **I**, воспроизведённая в течение года, и вновь произведённая прибавочная стоимость подразделения **I** (следовательно, плюс стоимость, произведённая в течение года в подразделении **I**).

Если предположить простое воспроизводство, то вся стоимость произведённых за год предметов потребления будет равна годовой вновь созданной стоимости, то есть равна всей стоимости, произведённой общественным трудом в течение данного года, — и должна быть равна ей, так как при простом воспроизводстве потребляется вся эта стоимость.

Вот это обстоятельство и дало Адаму Смиту повод утверждать, что стоимость всего годового продукта якобы разлагается на **v+m**. Это правильно: 1) лишь для той части годового продукта, которая состоит из предметов потребления; 2) правильно не в том смысле, что эта стоимость целиком произведена в подразделении **II** и что, следовательно, стоимость продукта подразделения **II** равна стоимости переменного капитала, авансированного в этом подразделении **II**, плюс прибавочная стоимость, произведённая в том же подразделении. Это правильно лишь в том смысле, что $\mathbf{II(c+v+m)=II(v+m)+I(v+m)}$, или потому, что $\mathbf{II(c)=I(v+m)}$.

II (c + v + m) = II (v + m) + I (v + m)
II (c) = I (v + m)

Рассмотрим постоянный капитал в обоих подразделениях

Что касается всей стоимости совокупного продукта и тех категорий, на которые она распадается, то их анализ не представляет бóльших затруднений, чем анализ стоимости продукта отдельного капитала, и, напротив, тождествен с последним. Затруднение заключается не в анализе стоимости самого общественного продукта. Затруднение возникает при сопоставлении составных частей стоимости общественного продукта с его вещными составными частями.

Постоянная, лишь снова появляющаяся часть стоимости равна стоимости той части общественного продукта, которая состоит из средств производства; она воплощается в этой части общественного продукта.

Вновь созданная в течение года стоимость, то есть сумма **v + m**, равна стоимости той части продукта, которая состоит из предметов потребления; она воплощается в этой части общественного продукта.

Но если оставить в стороне исключения, которые здесь не имеют значения, то средства производства и предметы потребления представляют собой совершенно различные виды товаров, продукты совершенно различной натуральной или потребительной формы, следовательно, продукты совершенно различных конкретных видов труда. Труд, применяющий машины для производства жизненных средств, совершенно отличен от труда, производящего машины.

Вся стоимость предметов потребления, произведённых в подразделении **II**, равна сумме вновь произведённой стоимости подразделений **I** и **II**, или **II** (**c + v + m**) = **I** (**v + m**) + **II** (**v + m**), следовательно, равна сумме новой стоимости в форме **v + m**, произведённой годичным трудом.

С другой стороны, вся стоимость средств производства **I** равна сумме постоянной капитальной стоимости, снова появляющейся в форме средств производства **I** и в форме предметов потребления **II**, следовательно, равна сумме постоянной капитальной стоимости, снова появляющейся во всём продукте общества.

Итак, трудность при анализе всего общественного годового продукта возникает потому, что постоянная часть стоимости представлена в средствах производства — в продуктах совсем иного рода, чем присоединённая к этой постоянной части стоимости новая стоимость **v + m**, которая представлена в предметах потребления.

Продукт индивидуального капитала, то есть любой части общественного капитала, самостоятельно функционирующей, наделённой собственной жизнью, может иметь какую угодно натуральную форму. Единственное условие состоит в том, чтобы он действительно имел потребительную форму, потребительную стоимость, которая наложила бы на него печать члена товарного мира, способного к обращению. При этом совершенно безразличным и случайным является то обстоятельство, может ли он как

средство производства снова войти в тот самый процесс производства, из которого вышел как продукт, следовательно, обладает ли та часть стоимости этого продукта, в которой представлена постоянная часть капитала, такой натуральной формой, в которой она фактически может снова функционировать в качестве постоянного капитала. Если этого нет, то указанная часть стоимости продукта посредством продажи и купли вновь превращается в форму вещных элементов производства этого продукта, а постоянный капитал при посредстве такого обмена воспроизводится в той натуральной форме, в которой он может функционировать как таковой.

Иначе обстоит дело с продуктом всего общественного капитала. Все вещные элементы воспроизводства должны в своей натуральной форме составлять части самого этого продукта. Потреблённая постоянная часть капитала может быть возмещена при посредстве всего производства лишь при том условии, если вся снова появляющаяся в годовом продукте постоянная часть капитала появляется в натуральной форме новых средств производства, которые действительно могут функционировать как постоянный капитал. Поэтому, **поскольку предполагается простое воспроизводство, стоимость той части продукта, которая состоит из средств производства, должна быть равна постоянной части стоимости общественного капитала**.

Далее, если рассматривать дело с индивидуальной точки зрения, то посредством вновь присоединяемого труда капиталист производит лишь свой переменный капитал плюс прибавочную стоимость, входящие в общую стоимость его продукта, между тем как постоянная часть стоимости переносится на продукт благодаря конкретному характеру вновь присоединяемого труда.

> ***Годовой общественный рабочий день** — это труд, затраченный всем рабочим классом в течение всего года.*

Если рассматривать дело с точки зрения всего общества, то та часть общественного рабочего дня, которая производит средства производства, следовательно, присоединяет к ним новую стоимость и переносит на них стоимость средств производства, потреблённых при их производстве, — то эта часть общественного рабочего дня не производит ничего иного, кроме

нового постоянного капитала, предназначенного возместить как в подразделении **I**, так и в подразделении **II** постоянный капитал, потреблённый в форме старых средств производства.

Эта часть общественного рабочего дня производит только продукт, предназначенный для производительного потребления. Следовательно, вся стоимость этого продукта представляет собой стоимость, которая может вновь функционировать только как постоянный капитал, на которую можно вновь купить только постоянный капитал в его натуральной форме и которая, следовательно, если рассматривать дело с точки зрения всего общества, не разлагается ни на переменный капитал, ни на прибавочную стоимость. — С другой стороны, та часть общественного рабочего дня, которая производит предметы потребления, ничего не производит для возмещения постоянного общественного капитала. Она производит лишь продукты, которые в своей натуральной форме предназначены для того, чтобы реализовать в них стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость подразделений **I** и **II**.

Рассматривая вопрос с точки зрения всего общества, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который включает как элементы воспроизводства общественного капитала, так и элементы индивидуального потребления, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной политической экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество с капиталистическим способом производства, взятое в целом, утрачивает этот свой специфический исторически-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с **совокупным капиталистом**. Весь капитал общества представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое акционерное общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что каждый знает, что он вложил, но не знает, что он получит обратно.

Капитал и доход: переменный капитал и заработная плата

Всё годовое воспроизводство, весь продукт данного года представляет собой продукт полезного труда за этот год. Но стоимость всего этого продукта больше, чем та часть его стоимости,

в которой воплощается годовой труд, то есть рабочая сила, затраченная в текущем году. Новая годовая стоимость, стоимость, вновь созданная в течение этого года в товарной форме, меньше, чем стоимость продукта, чем вся стоимость товарной массы, произведённой за весь год. Разность, которая получится, если из всей стоимости годового продукта вычесть стоимость, присоединённую к нему трудом текущего года, представляет собой не действительно воспроизведённую стоимость, а стоимость, лишь снова появившуюся в новой форме бытия, стоимость, перенесённую на годовой продукт со стоимости, которая существовала раньше этого продукта и которая — в зависимости от долговечности составных частей постоянного капитала, принимавших участие в процессе общественного труда текущего года, — возможно, была произведена в более или менее отдалённое время, которая происходит от стоимости средств производства, появившихся на свет, быть может, в прошлом году или в течение ряда предыдущих лет. Во всяком случае это — стоимость, перенесённая на продукт текущего года со средств производства, произведённых в прошлые годы.

Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наёмного рабочего. Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как денежный капитал; он функционирует как денежный капитал, когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остаётся в его руках в денежной форме, он представляет собой не что иное, как данную стоимость, существующую в денежной форме, следовательно, представляет собой постоянную, но отнюдь не переменную величину. Это — лишь потенциально переменный капитал именно вследствие того, что он может быть превращён в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь после сбрасывания своей денежной формы, лишь после того, как он превращён в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала.

Деньги, которые сначала функционировали для капиталиста как денежная форма переменного капитала, теперь функционируют в руках рабочего как денежная форма его заработной платы,

которую он превращает в жизненные средства, следовательно, функционируют как денежная форма дохода, который он получает за счёт постоянно повторяющейся продажи своей рабочей силы.

Здесь перед нами лишь тот простой факт, что деньги покупателя, в данном случае капиталиста, из его рук переходят в руки продавца, в данном случае продавца рабочей силы, рабочего. То, что здесь дважды функционирует — как капитал для капиталиста и как доход для рабочего — это не переменный капитал, а одни и те же деньги, которые сначала существовали в руках капиталиста как денежная форма его переменного капитала, следовательно, как потенциальный переменный капитал, и которые, когда капиталист превратит их в рабочую силу, служат в руках рабочего эквивалентом проданной рабочей силы. Но то, что одни и те же деньги в руках продавца получают иное употребление, чем в руках покупателя, это явление свойственно всякой купле и продаже товаров.

Во время всех этих превращений переменный капитал постоянно остаётся в руках капиталиста: 1) сначала как денежный капитал; 2) потом как элемент его производительного капитала; 3) ещё позже как часть стоимости его товарного капитала, следовательно, в виде товарной стоимости; 4) наконец, опять в виде денег, которым опять противостоит рабочая сила, в которую они могут быть превращены. В течение процесса труда переменный капитал находится в руках капиталиста как проявляющая себя в действии, созидающая стоимость рабочая сила, а не как стоимость данной величины; но так как капиталист всегда оплачивает рабочего лишь после того, как сила последнего уже действовала определённое, более или менее продолжительное время, то прежде чем оплатить её, он уже получает в свои руки созданную ею стоимость как возмещение её самой плюс прибавочную стоимость.

Так как переменный капитал в той или иной форме постоянно остаётся в руках капиталиста, то отнюдь нельзя утверждать, что он превращается для кого-либо в доход. В доход превращается не переменный капитал капиталиста в форме денег. Эти деньги, как только они превращены в рабочую силу, перестают функционировать как денежная форма переменного капитала, — как и деньги всякого другого покупателя товаров перестают представлять что-либо принадлежащее ему, как только они будут

превращены в товар какого-либо продавца. Превращения, которые совершают в руках рабочего класса деньги, полученные им как заработная плата, суть превращения не переменного капитала, а стоимости рабочей силы рабочего класса, превращённой в деньги, совершенно так же, как превращение вновь созданной рабочим стоимости есть лишь превращение принадлежащего капиталисту товара, нисколько не касающееся рабочего.

Возмещение основного капитала

Если, — предполагая неизменными все прочие условия, то есть не только масштаб производства, но в частности и производительность труда, — в текущем году отмирает более значительная часть основного элемента стоимости **II** (**c**), чем в предыдущем году, а потому и более значительная часть этого элемента подлежит возобновлению в натуральной форме, то при этом та часть основного капитала, которая находится лишь на пути к своей смерти и до момента смерти подлежит возмещению пока что в деньгах, должна уменьшиться в такой же пропорции, так как, согласно предположению, сумма основной части капитала, функционирующей в подразделении **II** (также и сумма стоимости), остаётся неизменной. Но это влечёт за собой следующие обстоятельства. Во-первых, если более значительная часть товарного капитала подразделения **I** состоит из элементов основного капитала **II** (**c**), то соответственно меньшая часть — из оборотных составных частей **II** (**c**), так как всё производство подразделения **I** для **II** (**c**) остаётся неизменным. Если производство одной части увеличивается, то производство другой части уменьшается, и наоборот. Но, с другой стороны, всё производство подразделения **II** также сохраняет прежний объём. Как же возможно это при уменьшении у него количества сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов (то есть при уменьшении оборотных элементов постоянного капитала подразделения **II**)? Во-вторых, более значительная часть основного капитала **II** (**c**), вновь восстановленного в денежной форме, устремляется в подразделение **I**, чтобы снова превратиться из денежной формы в натуральную форму. Следовательно, в подразделение **I** устремляется больше денег, чем необходимо только

для товарного обмена между двумя подразделениями, устремляется больше таких денег, которые не служат посредником во взаимном обмене товаров, а лишь односторонне выступают в функции покупательного средства. В то же время пропорционально уменьшилась бы та товарная масса из **II** (**c**), которая представляет возмещение стоимости износа основного капитала, следовательно, уменьшилась бы та товарная масса подразделения **II**, которая должна быть превращена не в товары подразделения **I**, а лишь в деньги этого подразделения **I**. От подразделения **II** к **I** подразделению притекло бы больше денег просто в качестве покупательных средств, а у подразделения **II** оказалось бы меньше товаров, по отношению к которым подразделение **I** функционировало бы только в качестве покупателя. Так как **I** (**v**) уже превращено в товары подразделения **II**, то, следовательно, более значительная часть **I** (**m**) не могла бы быть превращена в товары подразделения **II**; эту часть **I** (**m**) пришлось бы сохранить в денежной форме.

Противоположный случай имеет место тогда, когда в какомлибо году воспроизводство отмершего основного капитала подразделения **II** оказывается меньше и, напротив, часть для возмещения износа основного капитала — больше; после вышеизложенного этот случай не требует дальнейшего рассмотрения.

И таким образом, **несмотря на воспроизводство в неизменном масштабе, наступил бы кризис — кризис перепроизводства**.

Словом: если при простом воспроизводстве и при прочих неизменных условиях, то есть, в частности, при неизменной производительности, общем количестве и интенсивности труда, — предполагается непостоянное соотношение между отмершим (подлежащим возобновлению) и продолжающим действовать в старой натуральной форме (присоединяющим к продуктам только стоимость, возмещающую его износ) основным капиталом, то в одном случае масса подлежащих воспроизводству оборотных составных частей осталась бы неизменной, но возросла бы масса подлежащих воспроизводству основных составных частей; следовательно, всё производство подразделения **I** должно было бы увеличиться или же, даже если оставить в стороне денежные отношения, имел бы место дефицит в воспроизводстве этих

частей основного капитала. В другом случае: если бы относительная величина основного капитала подразделения **II**, подлежащего воспроизводству в натуральной форме, уменьшилась, а потому в том же отношении увеличилась бы та составная часть основного капитала подразделения **II**, которая пока что подлежит возмещению лишь в деньгах, то масса оборотных составных частей постоянного капитала подразделения **II**, воспроизведённых подразделением **I**, осталась бы неизменной, а масса подлежащих воспроизводству основных частей, напротив, уменьшилась бы. Следовательно, имело бы место или уменьшение объёма всего производства подразделения **I**, или же появился бы излишек основного капитала (как ранее был дефицит), и притом излишек, который не может быть превращён в деньги.

Правда, в первом случае тот же самый труд, при увеличении его производительности, продолжительности или интенсивности, мог бы доставить больший продукт и таким образом было бы возможно в этом случае покрыть дефицит; но такое изменение не могло бы произойти без перемещения труда и капитала из одной отрасли производства подразделения **I** в другую его отрасль, а всякое такое перемещение немедленно вызвало бы нарушения. И, во-вторых, подразделению **I** пришлось бы (поскольку возросли продолжительность и интенсивность труда) обменять большую стоимость на меньшую стоимость подразделения **II**, следовательно, произошло бы обесценение продукта подразделения **I**.

Противоположное произошло бы во втором случае, когда подразделение **I** вынуждено сокращать своё производство, что означает кризис для занятых в нём рабочих и капиталистов, или же оно доставляет излишек, что опять-таки представляет собой кризис. **Сами по себе такие излишки — это отнюдь не беда, а благо, но при капиталистическом производстве они являются бедой**.

Помочь в обоих случаях могла бы внешняя торговля; в первом случае — чтобы товар подразделения **I**, удерживаемый в денежной форме, превратить в предметы потребления; во втором случае — чтобы сбыть товарный излишек. Но внешняя торговля, поскольку она не просто возмещает элементы капитала (также и по величине стоимости), лишь отодвигает противоречия в более широкую сферу, открывает им больший простор.

Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведётся к тому, что величина отмирающей и потому подлежащей возмещению в натуральной форме части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве предметов потребления) изменяется в различные, следующие один за другим годы. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю норму отмирания, подобно тому, как это бывает со смертностью людей), то в следующем году она, несомненно, будет значительно меньше. Если предположить, что прочие условия не изменились, то количество сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для производства предметов потребления в течение года, вследствие указанных изменений в возмещении основного капитала не уменьшается; следовательно, в одном случае всё производство средств производства должно было бы расшириться, в другом — сократиться. Эти колебания можно предотвратить лишь посредством постоянного относительного перепроизводства; при этом, с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, создаётся запас сырья и так далее сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в **рамках капиталистического общества перепроизводство является одним из элементов общей анархии**.

Этот пример с основным капиталом — при неизменном масштабе воспроизводства — весьма убедителен. **Несоответствие в производстве основного и оборотного капитала — это одна из излюбленных экономистами причин, которыми они объясняют возникновение кризисов. А что такое несоответствие может и должно возникать при простом сохранении величины основного капитала, что оно может и должно возникать при предположении идеального нормального производства, при простом воспроизводстве уже функционирующего общественного капитала, это для них — нечто новое.**

Воспроизводство денежного материала

До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, а именно на годовое воспроизводство золота и серебра. Как просто материал для изготовления предметов роскоши, для позолоты и так далее, золото и серебро, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль. Здесь, ради упрощения, мы будем считать денежным материалом только золото.

Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если предположить нормальное годичное воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля только замещает туземные изделия изделиями другой потребительной или натуральной формы, не затрагивая ни отношений стоимости, а следовательно, и тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента, ни для самой задачи, ни для решения её. Следовательно, её совсем не надо принимать во внимание; поэтому золото следует рассматривать здесь как непосредственный элемент годового воспроизводства, а не как ввозимый извне посредством обмена товарный элемент.

Даже при простом воспроизводстве, хотя здесь и исключается накопление в собственном смысле этого слова, то есть исключается воспроизводство в расширенном масштабе, всё же необходимо предполагается накопление денег, или образование сокровища. И так как это накопление денег ежегодно повторяется снова, то оно объясняет предположение, из которого мы исходили, исследуя капиталистическое производство, а именно то предположение, что при начале воспроизводства в руках капиталистов подразделений **I** и **II** находится известное количество денежных средств, соответствующее величине

товарного обмена. Такое накопление денег происходит даже при вычете того золота, которое безвозвратно пропадает вследствие износа обращающихся денег.

Уже самое простое рассмотрение денежного обращения, представленного в его первоначальной форме, а это обращение денег является здесь имманентным моментом годового процесса воспроизводства, показывает:

a. Если мы предположим развитое капиталистическое производство, следовательно, предположим господство системы наёмного труда, то очевидно, что денежный капитал играет главную роль, поскольку он является формой, в которой авансируется переменный капитал. В той мере, в какой развивается система наёмного труда, всякий продукт превращается в товар, а потому — за некоторыми важными исключениями — должен целиком пройти превращение в деньги как фазу своего движения. Количество обращающихся денег должно быть достаточно для этого превращения товаров в деньги, и большая часть этого количества доставляется в форме заработной платы, денег, которые авансированы промышленными капиталистами в качестве денежной формы переменного капитала на оплату рабочей силы и функционируют в руках рабочих: в большей своей части функционируют лишь как средство обращения (как покупательное средство).

b. Стихийно совершающиеся на основе капиталистического производства отливы и приливы денег при обмене годового продукта; единовременные авансирования основных капиталов на всю величину их стоимости и постепенное, охватывающее многолетние периоды извлечение их стоимости из обращения, следовательно, постепенное восстановление их в денежной форме посредством ежегодного образования сокровища, которое по своему существу совершенно отлично от того образования сокровища, которое происходит параллельно с ним и основывается на ежегодной добыче нового золота; различная продолжительность времени, на которое, в зависимости от продолжительности периодов производства товаров, авансируются деньги, и, следовательно, необходимость уже предварительно иметь эти деньги в форме сокровища, иметь их раньше, чем можно будет обратно извлекать их из обращения посредством продажи товара; различная

продолжительность времени, на которое авансируются деньги, вытекающая хотя бы уже из различной отдалённости места производства от рынка сбыта; точно так же различие в величине и сроке возврата денежных сумм в зависимости от состояния или относительной величины производственных запасов на различных предприятиях и у различных отдельных капиталистов одной и той же отрасли производства, следовательно, различия в сроках закупок элементов постоянного капитала — и всё это в течение одного года воспроизводства. Стоит только на основе практики заметить все эти разнообразные моменты стихийного движения и обратить на них внимание, и они будут планомерно использованы как для применения механических вспомогательных средств системы кредита, так и для действительного выуживания тех наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду.

К этому присоединяется ещё различие между такими отраслями, производство которых при нормальных в общем условиях непрерывно совершается в неизменном масштабе, и такими, которые в различные периоды года применяют рабочую силу в различном количестве, как, например, сельское хозяйство.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое простое воспроизводство?
Чему равен годовой продукт?
На какие два подразделения распадается всё производство общества?
Как выглядит обмен между двумя подразделениями?
Как выглядит обмен внутри подразделения **I***?*
Как выглядит обмен внутри подразделения **II***?*
Что отличает капитал от дохода?

Глава 21.
НАКОПЛЕНИЕ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

производительное накопление, накопление сокровищ, расширенное воспроизводство, переход от простого к расширенному воспроизводству

В книге I было показано, как происходит накопление у отдельного капиталиста. Вследствие превращения в деньги товарного капитала превращается в деньги и прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость. Эту прибавочную стоимость, превращённую таким образом в деньги, капиталист снова превращает в добавочные натуральные элементы своего производительного капитала. При следующем кругообороте производства увеличенный капитал доставляет большее количество продукта. Но то, что происходит с индивидуальным капиталом, должно проявляться и в совокупном годовом производстве, подобно тому, что мы видели при рассмотрении простого воспроизводства, когда — при воспроизводстве индивидуального капитала — последовательное осаждение его потреблённых основных составных частей в форме денег, накопляемых как сокровище, находит своё выражение и в годовом общественном воспроизводстве.

Рассмотрим накопление в подразделении I (производство средств производства)

Следует принять во внимание, что **образование сокровищ** происходит уже при простом товарном обращении, задолго до того, как это обращение начинает совершаться на основе капиталистического товарного производства; и количество денег, имеющееся в обществе, всегда больше той части их, которая находится в активном обращении, хотя эта последняя в зависимости от обстоятельств то увеличивается, то уменьшается. При расширенном воспроизводстве мы опять встречаем такие же сокровища и такое же образование сокровищ, но на этот раз уже как момент, присущий капиталистическому процессу производства.

Можно понять удовольствие, когда при системе кредита все эти **потенциальные капиталы**, благодаря концентрации их в руках банков и так далее, становятся капиталом, которым можно свободно располагать, становятся ссудным капиталом, денежным капиталом, притом уже не пассивным, не «музыкой будущего», а активным, ростовщическим капиталом (здесь ростовщический в смысле его роста).

Прибавочный продукт, носитель прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталистам подразделения **I**, присваивающим этот прибавочный продукт. Им ни в какой форме не приходится авансировать ни денег, ни товаров, чтобы получить его. Аванс уже у физиократов является всеобщей формой стоимости, овеществлённой в элементах производительного капитала. Следовательно, капиталисты подразделения **I** авансируют только свой постоянный и переменный капитал. Рабочий своим трудом не только сохраняет им постоянный капитал, он не только возмещает им переменную капитальную стоимость посредством соответствующей вновь созданной части стоимости в форме товара; своим прибавочным трудом он, кроме того, доставляет им прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта. Последовательно продавая этот прибавочный продукт, они образуют сокровище, добавочный потенциальный денежный капитал.

Для того, **чтобы произошёл переход от простого к расширенному воспроизводству**, производство подразделения **I** должно быть в состоянии создавать меньше элементов постоянного капитала для подразделения **II**, но в той же мере больше для подразделения **I**. Этот переход, не всегда совершающийся без затруднения, облегчается тем фактом, что некоторые продукты подразделения **I** могут служить средствами производства в обоих подразделениях.

Из этого следует, — если рассматривать вопрос только с точки зрения величины стоимости, — что в рамках простого воспроизводства создаётся материальный субстрат расширенного воспроизводства. Он состоит просто из прибавочного труда рабочих подразделения **I**, израсходованного непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального добавочного капитала подразделения **I**. Следовательно, образование потенциального добавочного денежного капитала на стороне

капиталистов подразделения **I** — путём последовательной продажи их прибавочного продукта, который образуется без всякой капиталистической затраты денег, — представляет собой здесь просто денежную форму добавочно произведённых средств производства подразделения **I**.

Итак, производство потенциального добавочного капитала в нашем случае (потому что, как мы увидим, он может образоваться и совершенно иначе) выражает не что иное, как явление самого процесса производства: это — производство в определённой форме, — производство элементов производительного капитала.

Следовательно, производство добавочного потенциального денежного капитала в крупном масштабе — во множестве пунктов сферы обращения — есть не что иное, как результат и выражение многостороннего производства потенциального добавочного производительного капитала, само возникновение которого не предполагает никаких добавочных денежных расходов со стороны промышленных капиталистов.

Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, и, значит, чем более развиты технические средства для быстрого расширения производства средств производства и, следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых он выражен, тем больше:

1. Потенциально добавочный производительный капитал в форме прибавочного продукта в руках капиталистов подразделения **I**;

2. Масса этого прибавочного продукта, превращённого в деньги, следовательно, масса потенциально добавочного денежного капитала в руках капиталистов подразделения **I**.

Капиталисты групп подразделения **I** попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в добавочный потенциальный денежный капитал и попеременно снова бросают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (скорость обращения и так далее принята неизменной) достаточно как для активного обращения, так и для образования запасного сокровища; следовательно, это то же самое предположение, которое, как мы видели, должно найти осуществление и при простом товарном обращении. Только функция накопленных сокровищ здесь иная. Кроме того, количество наличных денег должно быть больше: 1) потому что при капиталистическом производстве всякий продукт производится как товар, следовательно, он должен проделать превращение в денежную куколку (исключение составляют вновь добываемые благородные металлы и те относительно немногие продукты, которые потребляются самим производителем); 2) потому что на капиталистической основе масса товарного капитала и величина его стоимости не только абсолютно больше, но и возрастает с несравненно большей быстротой; 3) всё увеличивающийся переменный капитал постоянно должен превращаться в денежный капитал; 4) потому что образование новых денежных капиталов идёт в ногу с расширением производства, следовательно, должен быть налицо и материал для их накопления в форме сокровища.

Если всё это верно, во всяком случае, для первой фазы капиталистического производства, когда и система кредита сопровождается преимущественно металлическим обращением, то это верно также и для наиболее развитой фазы кредитной системы, поскольку её базисом остаётся металлическое обращение.

В заключение скажем, что **если говорить о добавочном переменном капитале**, так как до этого мы говорили о добавочном постоянном капитале, то при капиталистической основе производства рабочая сила всегда имеется в запасе и в случае необходимости можно привести в движение больше труда без увеличения числа занятых рабочих или количества рабочей силы. Мы должны, следовательно, предположить, что часть вновь образовавшегося денежного капитала, превращаемая в переменный капитал, всегда находит рабочую силу, в которую она должна превратиться. В книге I было изложено также и то, каким образом данный капитал может без накопления расширять в известных границах размеры своего производства. Но здесь речь идёт о накоплении капитала в специфическом смысле, так что расширение производства

обусловлено превращением прибавочной стоимости в добавочный капитал, следовательно, оно обусловлено также и увеличением всего капитала, на основе которого ведётся производство.

Рассмотрим накопление в подразделении II (производство предметов потребления)

До сих пор мы предполагали, что капиталисты подразделения **I** продают свой прибавочный продукт капиталистам из того же подразделения **I**. Но предположим, что капиталист **A** из подразделения **I** превращает в деньги свой прибавочный продукт, продавая его капиталисту **B** из подразделения **II**. Это накопление может произойти лишь вследствие того, что капиталист **A** (подразделения **I**), продав капиталисту **B** (подразделения **II**) средства производства, затем не покупает предметы потребления, следовательно, лишь вследствие односторонней продажи с его стороны.

Капиталист **A** (подразделения **I**), продав капиталисту **B** (подразделения **II**) свой прибавочный продукт, доставил капиталисту **B** (подразделения **II**) соответствующую часть стоимости постоянного капитала в натуральной форме, но вместе с тем, извлекая деньги из обращения и не дополняя своей продажи последующей куплей, он сделал невозможной продажу части товаров капиталиста **B** (подразделения **II**), товаров равной стоимости. Следовательно, если мы имеем в виду всё общественное воспроизводство, в одинаковой мере охватывающее капиталистов подразделений **I** и **II**, то превращение прибавочного продукта капиталиста **A** (подразделения **I**) в потенциальный денежный капитал выражает невозможность обратного превращения в производительный (постоянный) капитал для равного по величине стоимости товарного капитала капиталиста **B** (подразделения **II**); следовательно, это превращение выражает не возможность производства в расширенном масштабе, а нарушение простого воспроизводства, следовательно, выражает наличие дефицита при простом воспроизводстве. Так как образование прибавочного продукта капиталиста **A** (подразделения **I**) и его продажа сами представляют собой нормальные явления простого воспроизводства, то здесь, уже на основе простого воспроизводства, мы имеем следующие взаимно обусловливаемые явления:

— образование потенциально добавочного денежного капитала в подразделении **I** (поэтому недопотребление с точки зрения подразделения **II**);

— задержка в подразделении **II** товарных запасов, которые не могут быть обратно превращены в производительный капитал (следовательно, относительное перепроизводство в подразделении **II**);

— избыток денежного капитала в подразделении **I** и наличие дефицита при воспроизводстве в подразделении **II**.

Заметим ещё следующее: при изображении простого воспроизводства предполагалось, что вся прибавочная стоимость подразделений **I** и **II** расходуется как доход. Но в действительности одна часть прибавочной стоимости расходуется как доход, а другая часть превращается в капитал. Только при таком предположении происходит действительное накопление. Утверждение, будто накопление совершается за счёт потребления, рассматриваемое в такой общей форме, само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как оно предполагает, что целью и побудительным мотивом капиталистического производства является потребление, а не получение прибавочной стоимости и её капитализация, то есть накопление.

Товары, лежащие на складах капиталистов подразделения **II**, представляют собой товарный запас предметов потребления, который обеспечивает непрерывность процесса потребления, предполагаемого воспроизводством, следовательно, этот запас в данном случае обеспечивает переход от одного года к другому. Фонд потребления, который при этом находится ещё в руках его продавцов и вместе с тем производителей, не может в данном году сократиться до нуля, не может сократиться так, чтобы следующий год начинался с нуля, — совершенно так же, как это невозможно при переходе от нынешнего дня к завтрашнему. Так как такие товарные запасы должны постоянно образовываться вновь, хотя размеры их изменяются, то наши капиталистические производители подразделения **II** должны располагать запасным денежным капиталом, который давал бы им возможность непрерывно продолжать процесс производства, несмотря на то что часть их производительного капитала временно задерживается в товарной форме. Ведь, согласно предположению, они полностью соединяют

в своих руках дело торговли с делом производства; следовательно, они должны располагать и таким добавочным денежным капиталом, который при обособлении отдельных функций процесса воспроизводства в качестве функций различных категорий капиталистов будет находиться в руках купцов.

Таким образом:

1. Такое образование запасов и необходимость его имеет значение для всех капиталистов — как для капиталистов подразделения **I**, так и для капиталистов подразделения **II**. Рассматриваемые просто как продавцы товаров, они отличаются друг от друга только тем, что продают товары различного рода. Наличие запаса товаров в подразделении **II** предполагает, что раньше уже имелся запас товаров в подразделении **I**. Не принимая во внимание этого запаса на одной стороне, мы должны не принимать его во внимание и на другой стороне. Если же мы принимаем их во внимание на обеих сторонах, то проблема нисколько не меняется.

2. Если в подразделении **II** текущий год заканчивается с товарным запасом для следующего года, то начался он в этом же подразделении **II** с товарным запасом, перешедшим от прошлого года. Следовательно, при анализе годового воспроизводства, сведённого к его самому абстрактному выражению, мы в обоих случаях должны вычеркнуть товарный запас. Если мы отнесём всё производство к текущему году, а следовательно, и ту часть годового продукта, которую он передаёт следующему году в качестве товарного запаса, но, с другой стороны, вычтем из этого товарного запаса товарный запас, полученный им от предыдущего года, то тем самым мы действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт.

3. То простое обстоятельство, что при исследовании простого воспроизводства мы не наталкивались на затруднение, которое теперь приходится преодолевать, доказывает, что здесь мы имеем дело с совершенно особенным явлением, которое вызывается всего лишь иной группировкой (по отношению к воспроизводству) элементов продукта в подразделении **I**: такой изменённой группировкой, без которой вообще невозможно никакое воспроизводство в расширенном масштабе.

Однако здесь друг другу противостоят только капиталисты одного и того же подразделения, которые продают друг другу

и покупают друг у друга произведённые ими предметы потребления. Деньги, необходимые для такого обмена, функционируют при этом только как средства обращения и при нормальном ходе вещей должны возвращаться к участникам соответственно величине их авансов на обращение, чтобы затем постоянно снова и снова проделывать один и тот же путь.

Извлекать деньги из обращения для образования добавочного потенциального денежного капитала возможно, по-видимому, только двумя способами.

Или одна часть капиталистов подразделения **II** обманывает другую часть капиталистов и совершает таким образом грабёж денег. Как мы знаем, для образования нового денежного капитала не требуется никакого предварительного увеличения количества денег, находящихся в обращении; для этого не требуется ничего иного, кроме того, чтобы деньги с известных сторон извлекались из обращения и накоплялись в виде сокровища. То обстоятельство, что деньги могут быть украдены и потому образование добавочного денежного капитала у одной части капиталистов подразделения **II** может быть связано с прямой потерей денег у другой части, — это обстоятельство нисколько не меняет сути дела. Обманутой части капиталистов подразделения **II** пришлось бы вести несколько менее разгульную жизнь, только и всего.

Или же часть **II**(**m**), заключающаяся в необходимых жизненных средствах, прямо превращается в новый переменный капитал в пределах подразделения **II**.

Действительно, первоначальным источником денег для подразделения **II** служит сумма **v + m** золотопромышленников в подразделении **I**, обмениваемая на часть **II**(**c**); лишь поскольку золотопромышленник накопляет прибавочную стоимость или превращает её в средства производства подразделения **I**, следовательно, поскольку он расширяет своё производство, постольку его **v + m** не входит в подразделение **II**; с другой стороны, поскольку накопление денег самим золотопромышленником в конечном счёте приводит к расширенному воспроизводству, часть прибавочной стоимости золотопромышленности, расходуемая не как доход, а как добавочный переменный капитал золотопромышленника, входит в подразделение **II**, способствует здесь образованию новых сокровищ или даёт новые средства покупать у подразделения **I**,

в свою очередь не продавая ему непосредственно. Из денег, происходящих от этого **I**(**v + m**) золотопромышленности, часть золота уходит в известные отрасли производства подразделения **II**, которые нуждаются в нём как в сыром материале и тому подобное, короче, как в элементе, возмещающем постоянный капитал подразделения **II**. Элемент для предварительного образования сокровищ — в целях будущего расширения воспроизводства — оказывается при обмене между подразделениями **I** и **II** в следующих случаях: для подразделения **I** только в том случае, если часть **I**(**m**) продаётся подразделению **II** односторонне, без соответствующей купли и служит здесь, в подразделении **II**, в качестве добавочного постоянного капитала; для подразделения **II** в том случае, если подразделение **I** делает то же самое с целью превращения её в добавочный переменный капитал; кроме того, в том случае, если часть прибавочной стоимости, израсходованной подразделением **I** в виде дохода, не покрывается посредством **II** (**c**), так что на неё будет куплена и таким образом превращена в деньги часть **II** (**m**).

Спрашивается, в какой мере может происходить образование сокровищ в рамках обмена капиталистов подразделения II между собой, в рамках того обмена, который может быть только взаимным обменом II(m)? Мы знаем, что в пределах подразделения **II** непосредственное накопление происходит в силу того, что часть **II**(**m**) прямо превращается в переменный капитал (совершенно так же, как в подразделении **I** часть **I**(**m**) прямо превращается в постоянный капитал). При различной давности накопления в различных отраслях производства подразделения **II** и в каждой отдельной отрасли у отдельных капиталистов дело объясняется, с соответствующими изменениями, совершенно так же, как в подразделении **I**. Одни находятся ещё на стадии образования сокровищ, продают, не покупая; другие уже достигли пункта действительного расширения воспроизводства, покупают, не продавая. Правда, сначала расходуется добавочный переменный денежный капитал на добавочную рабочую силу; рабочие, в свою очередь, покупают жизненные средства у тех владельцев добавочных предметов потребления, входящих в потребление рабочих, которые ещё образуют сокровища. От этих владельцев деньги, соответственно образованию сокровища у каждого из них, не возвращаются к своему исходному пункту; они накопляются ими.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое производительное накопление?
Что такое накопление сокровищ?
Что такое расширенное воспроизводство?
Как происходит переход от простого к расширенному воспроизводству?

Книга III

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

По книге Карла Маркса «Капитал», книга 3

Отдел 1.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ

Глава 1.
ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИБЫЛЬ

товарная стоимость, прибыль, прибыль — это превращённая форма прибавочной стоимости, невозможность продажи по цене издержек производства при капитализме

В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический процесс производства, взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причём оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства ещё не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения, который составил предмет исследования второй книги. Там, — именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, — оказалось, что **капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения**. Что касается того, о чём идёт речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое.

Стоимость всякого капиталистически произведённого товара (**W**) выражается формулой: **W = c + v + m**. Если из этой стоимости продукта вычесть прибавочную стоимость **m**, то останется только эквивалент или стоимость, возмещающая в товаре капитальную стоимость **c + v**, израсходованную в виде элементов производства.

> ***Стоимость всякого капиталистически произведённого товара (W) выражается формулой: W = c + v + m.***

То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит само производство товара, это во всяком случае — две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Но так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам образует составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала, и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, то издержки производства товара для него неизбежно представляются действительной стоимостью [Kost] самого товара. Если мы издержки производства назовём **k**, то формула: **W = c + v + m** превращается в формулу: **W = k + m**, или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.

> ***Если W = c + v + m и издержки производства назовём k, то W = k + m, или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.***

С одной стороны, **то, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой капитала; то, чего товар действительно стоит, — затратой труда**. Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства; они меньше, чем товарная стоимость, так как, раз **W = k + m**, то **k = W – m**.

С другой стороны, издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практически постоянно даёт о себе знать в действительном воспроизводстве товаров, так как из своей товарной формы эта часть посредством процесса обращения снова и снова должна превращаться обратно в форму производительного капитала и, следовательно, на издержки производства необходимо снова и снова покупать элементы производства, потреблённые на производство товара.

Наше исследование, однако, покажет, что издержки производства в капиталистическом хозяйстве приобретают ложную видимость категории, относящейся к самому производству стоимости.

Израсходованный постоянный капитал возмещается той частью товарной стоимости, которую он сам присоединяет к товарной стоимости. Таким образом, этот элемент издержек производства имеет двоякое значение: с одной стороны, он входит в издержки производства товара, потому что является той составной частью товарной стоимости, которая возмещает израсходованный капитал; а, с другой стороны, он лишь потому является составной частью товарной стоимости, что представляет собой стоимость израсходованного капитала, или потому, что средства производства столько-то стоят.

Совершенно обратное происходит с другой составной частью издержек производства. Труд, израсходованный во время производства товара, образует новую стоимость. Из этой новой стоимости одна часть возмещает только авансированный переменный капитал, или цену применённой рабочей силы. Но эта авансированная капитальная стоимость отнюдь не входит в образование новой стоимости. При авансировании капитала рабочая сила рассматривается как стоимость, но в процессе производства она функционирует как созидатель стоимости. На место той стоимости рабочей силы, которая фигурирует при авансировании капитала, в действительно функционирующем производительном капитале выступает сама живая, созидающая стоимость рабочая сила.

До сих пор мы рассматривали только один элемент товарной стоимости — издержки производства. Мы должны теперь посмотреть и на другую составную часть товарной стоимости, на избыток над издержками производства, или на прибавочную стоимость. Итак, **прибавочная стоимость представляет собой прежде всего избыток стоимости товара над издержками его производства**. Но так как издержки производства равны стоимости израсходованного капитала, в вещественные элементы которого они постоянно обратно превращаются, то этот избыток стоимости представляет собой прирост стоимости капитала, израсходованного на производство товара и возвращающегося из обращения этого товара.

Раньше мы уже видели, что хотя **m**, прибавочная стоимость, возникает лишь из изменения стоимости **v**, переменного капитала, и потому по своему происхождению представляет собой

просто прирост переменного капитала, однако по окончании процесса производства она в такой же мере образует прирост стоимости **c + v**, то есть всего израсходованного капитала. Формула **c + (v + m)**, которая указывает, что **m** производится вследствие превращения определённой капитальной стоимости **v**, авансированной на рабочую силу, в изменяющуюся величину, следовательно, вследствие превращения постоянной величины в величину переменную, может быть представлена точно так же в виде **(c + v) + m**.

Прибавочная стоимость составляет прирост не только к той части авансированного капитала, которая входит в процесс образования стоимости, но и к той части, которая не входит в него; следовательно, — прирост стоимости не только к тому израсходованному капиталу, который возмещается из цены производства товара, но вообще ко всему капиталу, вложенному в производство.

Теперь для капиталиста ясно, что этот прирост стоимости возникает из производственных процессов, предпринятых с капиталом, что, следовательно, он порождается самим капиталом; после процесса производства указанный прирост уже существует, а до этого процесса его не было. Что касается прежде всего капитала, израсходованного в производстве, то **кажется**, будто прибавочная стоимость одинаково возникает из различных элементов его стоимости, состоящих из средств производства и труда, ибо эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства. Они в одинаковой мере присоединяют к стоимости продукта свои составляющие авансированный капитал стоимости и не различаются как постоянная и переменная величины стоимости.

Весь капитал — как средства труда, так и производственные материалы, и труд — вещественно служит созидателем продукта. Вещественно в действительном процессе труда участвует весь капитал, а в процессе образования стоимости только часть его. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но зато целиком в образовании прибавочной стоимости. Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала. Рассуждения можно было бы ещё более сократить, если грубо

и просто сказать вслед за Мальтусом: «Капиталист ждёт одинаковой выгоды от всех частей авансированного им капитала».

Прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращённую форму прибыли. Следовательно, известная сумма стоимости является капиталом потому, что она затрачена для того, чтобы произвести прибыль, или прибыль появляется потому, что известная сумма стоимости употребляется как капитал. Если прибыль мы обозначим буквой **p**, то формула **W = c + v + m = k + m** превращается в формулу **W = k + p**, или товарная стоимость = издержкам производства + прибыль.

Следовательно, прибыль, как мы её сначала здесь имеем перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как при видимом образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то изменение стоимости, совершающееся во время процесса производства, неизбежно связывается не с переменной частью капитала, а со всем капиталом. Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращённой форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращённой форме прибыли.

> ***Прибыль** — превращённая форма прибавочной стоимости, представленной как порождение всего авансированного капитала. Прибыль есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме: **W = c + v + m = k + m** превращается в формулу **W = k + p**.*

Как мы видели, издержки производства товара меньше, чем его стоимость. Так как **W = k + m**, то **k = W – m**. Формула **W = k + m** лишь при том условии сводится к **W = k**, равенству товарной стоимости и издержек производства товара, **если m = 0**, — это случай, который никогда не встречается на основе капиталистического производства, хотя при особой рыночной конъюнктуре продажная цена товаров может падать до или даже ниже их издержек производства.

В обществе, где господствует капиталистическое производство, даже некапиталистический производитель находится во власти капиталистических представлений. В своём последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще отличающийся глубоким пониманием реальных отношений, метко показывает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом одним выстрелом двух зайцев. Он избавляет себя от денежных расходов на заработную плату и втягивает всё больше и больше в долговую кабалу крестьянина, который постепенно разоряется, так как не работает на собственном поле.

Нелепое представление, будто издержки производства товара составляют его действительную стоимость, а прибавочная стоимость происходит из продажи товара выше его стоимости, что, следовательно, товары продаются по их стоимостям, если их продажная цена равна издержкам их производства, то есть равна цене средств производства, потреблённых на них, плюс заработная плата, — это нелепое представление Прудон с обычным для него наукообразным шарлатанством возвестил как новое открытие тайны социализма.

Было бы совершенно ошибочно предполагать, что если бы все товары продавались по издержкам их производства, то результат фактически получился бы такой же, как если бы все товары продавались выше издержек их производства, но по их стоимостям. Если даже предположить, что стоимость рабочей силы, продолжительность рабочего дня и степень эксплуатации труда повсюду одинаковы, то всё же массы прибавочной стоимости, заключающиеся в стоимостях различных видов товара, в зависимости от различного органического строения капитала, авансированного на их производство, отнюдь не будут равны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое товарная стоимость?
Что такое прибыль?
Почему прибыль — это превращённая форма прибавочной стоимости?
Почему при капитализме нельзя продавать по цене издержек производства?

Глава 2.
НОРМА ПРИБЫЛИ

источник роста капитала, условия при которых переменный капитал создаёт прибавочную стоимость, прибыль и норма прибыли

Всеобщая формула капитала такова: **Д — Т — Д'**, то есть известную сумму стоимости бросают в обращение **для того**, чтобы извлечь из него большую сумму стоимости.

***Капитал** — это самовозрастающая стоимость.*

Процесс, порождающий эту бóльшую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий её, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, — это не сам осязаемый продукт, а избыток стоимости продукта над стоимостью потреблённого на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал, не обращая внимания на различные роли, которые составные части капитала играют в производстве прибавочной стоимости. Он одинаково авансирует все эти составные части не только для того, чтобы воспроизвести авансированный капитал, но и произвести известный избыток стоимости по сравнению с ним. **Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в бóльшую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда**. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, — средства труда и предмет труда, машины и сырьё, — то есть, если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства; как и вообще он только потому является капиталистом, только потому вообще может приняться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы. Уже раньше, в первой книге, было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства

владеют нерабочие, превращает рабочих в наёмных рабочих, нерабочих — в капиталистов.

> ***Стоимость переменного капитала, авансируемого капиталистом, он может превратить в бóльшую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда.***

Хотя прибавочную стоимость создаёт только переменная часть капитала, однако создаёт её лишь при том условии, если авансированы и другие части — необходимые для труда условия производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путём авансирования постоянного капитала, так как он может увеличить стоимость постоянного капитала лишь путём авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы сливаются воедино, и это тем более, что действительный уровень его прибыли определяется отношением её не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли, которая, как мы увидим, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости.

> ***Хотя прибавочную стоимость создаёт только переменная часть капитала, однако создаёт её лишь при том условии, если авансированы и другие части — необходимые для труда условия производства.***

Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. Прибавочная стоимость, соответственно прибыль, состоит как раз из избытка стоимости товара над издержками его производства, то есть из избытка всей суммы труда, содержащейся в товаре, над содержащейся в нём оплаченной суммой труда. В соответствии с этим и прибавочная стоимость, каково бы ни было её происхождение, есть избыток над всем авансированным капиталом. Следовательно, этот избыток стоит в таком отношении ко всему капиталу, которое выражается дробью $\mathbf{m/K}$, где **K** означает весь капитал. Таким образом мы получаем **норму прибыли** $\mathbf{m/K = m/(c + v)}$ в отличие от **нормы прибавочной стоимости** $\mathbf{m/v}$.

> ***Отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу называется нормой прибыли: $m/K = m/(c + v)$.***

Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, — а не наоборот. Хотя исходным пунктом исторически была норма прибыли, и прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путём исследования, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений.

Что касается отдельного капиталиста, то ясно, что его интересует только одно: отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продаёт свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определённое отношение этого избытка к отдельно взятым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями вовсе не интересуют капиталиста, и более того, его интерес заключается как раз в том, чтобы окутать туманом это определённое отношение и эту внутреннюю связь.

Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; и видимость, будто этот избыток возник из процесса обращения, тем легче создаётся, что в действительности, в условиях конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени он будет реализован. Здесь нет надобности говорить о том, что если товар продаётся выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости и что это иное распределение, изменение отношения, в котором различные лица делят между собой прибавочную стоимость, ничего не изменяет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости. В действительном процессе обращения не только совершаются превращения, которые мы рассмотрели в книге II, но они совпадают с действительной конкуренцией, с куплей или продажей товаров выше или ниже их стоимости, так что для отдельного капиталиста реализуемая им самим прибавочная стоимость в такой же

мере зависит от взаимного обмана, как и от непосредственной эксплуатации труда.

Недаром даже такие экономисты, как Рамсей, Мальтус, Сениор, Торренс и другие, прямо ссылаются на эти явления обращения, как на доказательства того, будто капитал просто в своём вещном существовании, независимо от его общественного отношения к труду, которое только и делает его капиталом, является, наряду с трудом и независимо от труда, самостоятельным источником прибавочной стоимости.

> ***Ошибка буржуазных политэкономов** в том, что они полагают капитал наряду с трудом самостоятельным источником прибавочной стоимости.*

Кроме того, под рубрикой издержек, к которой заработная плата относится совершенно так же, как цена сырья, износ машин и так далее, выжимание неоплаченного труда выступает лишь как сбережение на оплате одной из статей, входящих в издержки, лишь как меньшая плата за определённое количество труда; совершенно так же, как происходит сбережение, когда дешевле покупается сырьё или уменьшается изнашивание машин. Таким образом выжимание прибавочного труда утрачивает свой специфический характер; его специфическое отношение к прибавочной стоимости затемняется; этому сильно способствует и облегчает это, как показано в книге I, то обстоятельство, что стоимость рабочей силы представлена в форме заработной платы.

> *Указанной ошибке способствует также и исторически сложившаяся и понятная привычка капиталистов делить капитал на основной и оборотный, а не на постоянный и переменный.*

В выражении $\mathbf{m/K}$ прибавочная стоимость измеряется её отношением к стоимости всего капитала, который авансирован на её производство и частью потреблён в этом производстве целиком, частью же только применён к производству. В действительности же отношение $\mathbf{m/K}$ выражает степень возрастания стоимости всего авансированного капитала, а не только прибавочной

стоимости; то есть, будучи взято в соответствии с внутренней существенной связью и природой прибавочной стоимости, оно показывает, каково отношение той величины, на которую изменяется переменный капитал, к величине всего авансированного капитала.

Меж тем величина стоимости всего капитала сама по себе не стоит ни в каком внутреннем отношении к величине прибавочной стоимости, по крайней мере не стоит непосредственно. По своим вещественным элементам весь капитал минус переменный капитал, — то есть постоянный капитал, — состоит из вещественных условий осуществления труда — из средств труда и материала труда. Для того чтобы определённое количество труда овеществилось в товарах, а потому и образовало стоимость, требуется определённое количество материала труда и средств труда. В зависимости от особого характера присоединяемого труда существует определённое техническое отношение между массой труда и массой тех средств производства, к которым должен быть присоединён этот живой труд. Постольку же, следовательно, существует определённое отношение и между массой прибавочной стоимости, или прибавочного труда, и массой средств производства. Если, например, труд, необходимый для производства заработной платы, составляет 6 часов ежедневно, то рабочий, чтобы доставить 6 часов прибавочного труда, чтобы создать прибавочную стоимость в 100%, должен работать 12 часов. За эти 12 часов он потребляет вдвое больше средств производства, чем за 6 часов. Но от этого прибавочная стоимость, присоединяемая им за 6 часов, ещё не становится ни в какое непосредственное отношение к стоимости средств производства, потреблённых за 6 или хотя бы за 12 часов. Эта стоимость не имеет здесь никакого значения; важно только, чтобы имелась технически необходимая масса. Дёшевы ли, дороги ли сырьё или средства труда, это совершенно безразлично, если только они обладают требуемой потребительной стоимостью и имеются в предписываемой техникой пропорции к тому живому труду, который подлежит поглощению. Однако если мне известно, что за один час перепрядается $\boldsymbol{x}$ фунтов хлопка, стоящих $\boldsymbol{a}$ шиллингов, то мне, конечно, известно также, что за 12 часов перепрядается $12\boldsymbol{x}$ фунтов хлопка = $12\boldsymbol{a}$ шиллингам, и тогда я могу вычислить отношение прибавочной

стоимости к стоимости 12 совершенно так же, как к стоимости 6. Но отношение живого труда к стоимости средств производства имеет здесь место лишь постольку, поскольку ***a*** шиллингов служат обозначением ***x*** фунтов хлопка: так как определённое количество хлопка имеет определённую цену, то и обратно — определённая цена может служить показателем определённого количества хлопка, пока цена последнего не изменится. Если я знаю, что для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, я должен заставить работать 12 часов, следовательно, должен иметь в готовности хлопка на 12 часов, и если я знаю цену этого количества хлопка, которое требуется на 12 часов, то косвенным путём устанавливается отношение между ценой хлопка (как показателем необходимого количества) и прибавочной стоимостью. А по цене сырья я, наоборот, никогда не могу установить ту массу сырья, для прядения которой потребуется, например, один, а не 6 часов. Следовательно, **нет никакого внутреннего, необходимого отношения между стоимостью постоянного капитала, а следовательно, и стоимостью всего капитала (= c + v), и прибавочной стоимостью**.

Прибыль есть превращённая форма прибавочной стоимости, форма, в которой её происхождение и тайна её бытия замаскированы и скрыты. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь посредством анализа надлежит выводить из первой. В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, — то есть капитала и прибавочной стоимости, проявляющейся, с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара, а с другой, как избыток, получающий более точное определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, — капитал выступает как отношение к себе самому, как отношение, в котором он как первоначальная сумма стоимости отличается от новой стоимости, созданной им же самим. Что он производит эту новую стоимость во время своего движения через процесс производства и процесс обращения — это имеется в сознании. Но каким образом это совершается — это покрыто тайной и кажется, что прибавочная стоимость обязана своим происхождением каким-то присущим самому капиталу скрытым свойствам.

Чем дальше прослеживаем мы процесс увеличения стоимости капитала, тем более мистифицируется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его внутреннего организма.

В этом отделе норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости; напротив, прибыль и прибавочная стоимость рассматриваются как одна и та же числовая величина, только в различной форме. В следующем отделе мы увидим, как размежевание идёт дальше и как прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое капитал?
Что есть источник роста капитала?
При каких условиях переменный капитал создаёт прибавочную стоимость?
Что такое прибыль?
Что такое норма прибыли?
В чём состоит частая ошибка буржуазных политэкономов? Почему?

Глава 3.
ОТНОШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К НОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

связь нормы прибыли и нормы прибавочной стоимости, чем определяется норма прибыли

Как сказано в конце предыдущей главы, мы предполагаем здесь, как и вообще во всём этом первом отделе, что сумма прибыли, приходящаяся на данный капитал, равна всей сумме прибавочной стоимости, произведённой при посредстве этого капитала в течение данного периода обращения. Следовательно, мы пока отвлекаемся от того, что эта прибавочная стоимость, с одной стороны, распадается на различные производные формы: процент на капитал, земельную ренту, налоги и так далее, и что, с другой стороны, она в большинстве случаев не совпадает с прибылью в том виде, как прибыль эта присваивается в силу общей средней нормы прибыли, о чём речь будет во втором отделе.

Поскольку прибыль предполагается количественно равной прибавочной стоимости, её величина и величина нормы прибыли определяются отношениями простых числовых величин, которые даны или могут быть определены для каждого отдельного случая. Таким образом исследование движется сначала в чисто математической области.

Мы сохраняем обозначения, применявшиеся в первой и второй книгах. Весь капитал **K** разделяется на постоянный капитал **c** и переменный капитал **v** и производит прибавочную стоимость **m**. Отношение этой прибавочной стоимости к авансированному переменному капиталу, следовательно **m / v**, мы называем нормой прибавочной стоимости и обозначаем её посредством **m'**. Следовательно, **m / v = m'** и потому **m = m'v**.

Если эту прибавочную стоимость относить не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, то она называется прибылью **p**, а отношение прибавочной стоимости **m** ко всему капиталу **K**, следовательно, **m / K** называется нормой прибыли **p'**. Мы получаем таким образом:

$$p' = m/K = m/(c + v) = \{и, если\ m = m'v, то:\} =$$
$$= m'v/K = m'v/(c + v)$$
$$или\ p'/m' = v/K$$

Из этой пропорции следует, что **p'**, норма прибыли, всегда меньше **m'**, нормы прибавочной стоимости, потому что **v**, переменный капитал, всегда меньше **K**, суммы **v + c**, переменного и постоянного капитала; это — за исключением единственного, практически невозможного случая, когда **v = K**, когда, следовательно, капиталист совсем не авансирует постоянного капитала, средств производства, а лишь заработную плату.

В нашем исследовании надо обратить внимание ещё на ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину **c**, **v** и **m** и потому заслуживают краткого упоминания.

Во-первых, ***стоимость денег***. Её мы можем принимать повсюду постоянной.

Во-вторых, ***оборот***. Этот фактор мы оставим пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется в одной из последующих глав.

В-третьих, следует принять во внимание ***производительность труда***, влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в книге **I**, отдел **IV**. Но она может оказывать также и прямое влияние на норму прибыли, по крайней мере отдельного капитала, как показано в книге **I**, глава **X**. Мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменения, совершающиеся с факторами **c**, **v** и **m**, предполагают в то же время и изменения в производительности труда.

То же самое относится и к трём остальным факторам: продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и заработной плате. Их влияние на массу и норму прибавочной стоимости подробно исследовано в первой книге. Итак, понятно, что, хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что эти три фактора остаются постоянными, тем не менее изменения, совершающиеся с **v** и **m**, могут предполагать изменения величины, этих трех определяющих их моментов. Здесь следует лишь кратко напомнить, что заработная плата действует на величину прибавочной стоимости и высоту нормы прибавочной стоимости обратно тому, как действует продолжительность

рабочего дня и интенсивность труда; что повышение заработной платы уменьшает прибавочную стоимость, между тем как удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда увеличивают её.

Теперь мы переходим к тому, чтобы применить к различным возможным случаям приведённое выше уравнение нормы прибыли $\mathbf{p' = m'v/K}$. Мы будем изменять значение одного за другим отдельных факторов $\mathbf{m'v/K}$ и устанавливать влияние этих изменений на норму прибыли.

Итак, мы выделяем в произведении $\mathbf{m'v/K}$ оба его множителя, $\mathbf{m'}$ и $\mathbf{v/K}$; сначала мы возьмём $\mathbf{m'}$ как постоянную величину и исследуем влияние возможных изменений $\mathbf{v/K}$; потом мы предположим, что дробь $\mathbf{v/K}$ есть постоянная величина, и заставим $\mathbf{m'}$ проделать возможные изменения; наконец, мы предположим, что все факторы изменяются, и этим исчерпаем все случаи, из которых могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли.

I. m' не изменяется, v/K изменяется

Для этого случая, охватывающего несколько частных случаев, можно составить общую формулу. Если мы имеем два капитала: $\mathbf{K}$ и $\mathbf{K_1}$ с соответственными переменными составными частями $\mathbf{v}$ и $\mathbf{v_1}$, с общей для обоих нормой прибавочной стоимости $\mathbf{m'}$ и нормами прибыли $\mathbf{p'}$ и $\mathbf{p_1'}$, то $\mathbf{p' = m'v/K}$; $\mathbf{p_1' = m'v_1/K_1}$.

Если мы теперь определим отношение друг к другу $\mathbf{K}$ и $\mathbf{K_1}$, а также $\mathbf{v}$ и $\mathbf{v_1}$, если мы предположим, например, дробь $\mathbf{K_1/K = E}$, а дробь $\mathbf{v_1/v = e}$, то получим $\mathbf{K_1 = EK}$ и $\mathbf{v_1 = ev}$. Теперь, подставив в прежнее уравнение полученные таким образом величины для $\mathbf{p_1'}$, $\mathbf{K_1}$ и $\mathbf{v_1}$, мы будем иметь: $\mathbf{p_1' = m'ev/EK}$.

Однако из прежних двух уравнений мы можем вывести и ещё одну формулу, превратив их в следующую пропорцию: $\mathbf{p'/p_1' = (m'v/K) : (m'v_1/K_1) = (v/K) : (v_1/K_1) = (v/v_1)(K_1/K)}$. Или ***при двух произвольно взятых капиталах, функционирующих с равной нормой прибавочной стоимости, нормы прибыли относятся друг к другу, как переменные части капитала, взятые в процентном отношении к соответствующим совокупным капиталам.*** Эти формулы охватывают все случаи изменений $\mathbf{v/K}$.

1. **m'** и **K** не изменяются, **v** изменяется.

Если **v** изменяет свою величину, **K** может остаться неизменным лишь потому, что другая составная часть **K**, именно постоянный капитал **c**, изменяет свою величину на такую же сумму, как и **v**, но в противоположном направлении, что нам даёт:

$$\mathbf{p' / p'_1 = v / v_1}.$$

Или: ***при неизменной норме прибавочной стоимости и неизменной величине всего капитала, первоначальная норма прибыли относится к норме прибыли, возникшей вследствие изменения переменного капитала, как первоначальный переменный капитал относится к изменённому.***

2. **m'** не изменяется, **v** изменяется, **K** изменяется вследствие изменения **v**.

Этот случай отличается от предыдущего только степенью. Вместо того чтобы **c** уменьшалось или увеличивалось настолько, насколько увеличивается или уменьшается **v**, **c** остаётся здесь неизменным. Но при современных условиях крупной промышленности и сельского хозяйства переменный капитал представляет собой относительно лишь небольшую часть всего капитала, и потому уменьшение или возрастание последнего, поскольку оно определяется изменением первого, тоже относительно невелико.

$$\mathbf{p' / p_1' = (v / v_1)(K_1 / K)}.$$

3. **m'** и **v** не изменяются, **c**, а потому и **K**, изменяются.

В этом случае уравнение: $\mathbf{p'=m'v / K}$ изменяется в: $\mathbf{p'_1 = m'v / K_1}$ и при соответствующем сокращении множителей на обеих сторонах приводит к пропорции: $\mathbf{p'_1 / p' = K / K_1}$; то есть ***при равенстве норм прибавочной стоимости и равенстве переменных частей капитала нормы прибыли обратно пропорциональны общей величине капиталов.***

4. **m'** не изменяется, **v**, **c**, и **K** изменяются.

В этом случае остаётся в силе прежняя общая формула изменённой нормы прибыли:

$$\mathbf{p'_1 = m'ev / EK}$$

Из неё следует, что ***при неизменной норме прибавочной стоимости***:

a. Норма прибыли падает, если **E** больше, чем **e**, то есть *если постоянный капитал увеличивается таким образом, что весь капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный капитал.*

b. Норма прибыли остаётся неизменной только в том случае, если **e = E**, то есть *если дробь — при кажущемся изменении сохраняет прежнюю величину, то есть если числитель и знаменатель будут помножены или разделены на одно и то же число.*

c. Норма прибыли повышается, если **e** больше, чем **E**, то есть *если переменный капитал возрастает относительно быстрее, чем весь капитал.*

Таким образом мы исчерпали в нашем уравнении все возможные случаи изменения **v**, **c** и **K**. Мы видели, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли может понижаться, оставаться неизменной или возрастать, так как самого незначительного изменения в отношении **v** к **c**, соответственно к **K**, достаточно для того, чтобы изменить и норму прибыли.

Далее, оказалось, что при изменении **v** всегда достигается граница, когда неизменяемость **m'** становится экономически невозможной. Так как всякое одностороннее изменение **c** тоже должно дойти до границы, когда **v** не может более оставаться неизменным, то оказывается, что для всех возможных изменений **v**/**K** существуют границы, за которыми **m'** тоже должно сделаться изменяющимся. Это взаимодействие различных переменных нашего уравнения ещё яснее выступит при исследовании изменений **m'**, к чему мы теперь и переходим.

II. m' изменяется

Общая формула норм прибыли при различных нормах прибавочной стоимости — безразлично, остаётся ли **v**/**K** неизменным или, в свою очередь, изменяется, — получится, если уравнение: $\mathbf{p'} = \mathbf{m'v/K}$ мы превратим в другое: $\mathbf{p'}_1 = \mathbf{m'}_1\mathbf{v}_1/\mathbf{K}_1$, где $\mathbf{p'}_1$, $\mathbf{m'}_1$, $\mathbf{v}_1$ и $\mathbf{K}_1$ означают изменившиеся величины **p'**, **m'**, **v** и **K**. Мы тогда получаем:

$$\mathbf{p'/p'_1 = (m'v/K) : (m'_1v_1/K_1)}$$

а отсюда:

$$\mathbf{p'/p'_1 = (m'/m'_1)(v/v'_1)(K_1/K)}$$
$$\mathbf{p' = (m'/m'_1)(v/v'_1)(K_1/K)p'_1}$$
$$\mathbf{p'(m'_1/m')(v'_1/v)(K/K_1) = p'_1}$$
$$\mathbf{p'_1 = (m'_1/m')(v'_1/v)(K/K_1)p'}$$

1. **m'** изменяется, **v / K** не изменяется.

В этом случае мы имеем: $\mathbf{p' = m'v/K}$ и $\mathbf{p'_1 = m'_1v_1/K_1 = m'_1v/K}$, следовательно получим, что:

$$\mathbf{p'/p'_1 = m'/m'_1.}$$

Нормы прибыли двух капиталов одинакового строения относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости у обоих этих капиталов. Если же абсолютные величины **v** и **K** в обоих случаях одинаковы, то нормы прибыли относятся друг к другу, кроме того, как массы прибавочной стоимости:

$$\mathbf{p'/p'_1 = m'v/m'_1v = m/m_1.}$$

Теперь ясно, что у капиталов одинакового строения — одинакового в абсолютных числах или в процентном отношении — нормы прибавочной стоимости могут быть различны лишь в том случае, если различны или заработная плата, или продолжительность рабочего дня, или интенсивность труда.

2. **m'** [или **m**] и **v** изменяются, **K** не изменяется.

К этому случаю относится пропорция:

$$\mathbf{p'/p'_1 = (m'v/K) : (m'_1v_1/K) = (m'v) : (m'_1v_1) = m/m_1.}$$

То есть нормы прибыли относятся друг к другу, как соответственные массы прибавочной стоимости.

Изменение нормы прибавочной стоимости при неизменности переменного капитала означает изменение величины и деления вновь произведённой стоимости. Одновременное изменение **v** и **m'** тоже всегда предполагает иное деление вновь произведённой стоимости, но не всегда — изменение её величины. Возможны три случая:

а. **v** и **m** изменяются в противоположном направлении, но на одинаковую величину. Это — единственный случай, когда

при одновременном изменении **v** и **m** число рабочих, интенсивность труда и продолжительность рабочего дня остаются неизменными.

b. Изменение **m'** и **v** совершается опять в противоположном направлении, однако не на одну и ту же величину. В таком случае перевес оказывается или на стороне изменения **v** или на стороне изменения **m'**. Как вновь произведённая стоимость, так и заработная плата изменились; но изменение вновь произведённой стоимости означает изменение количества совершённого труда, следовательно, или числа рабочих, или продолжительности труда, или интенсивности труда, или одновременно нескольких из этих трёх факторов.

c. Изменение **m'** и **v** происходит в одинаковом направлении; в таком случае одно усиливает действие другого.

3. **m'**, **v** и **K** изменяются.

Этот случай не даёт новых точек зрения и разрешается общей формулой, когда **m'** изменяется: $\mathbf{p' = m'v/K}$.

* * *

Итак, действие изменений величины нормы прибавочной стоимости на норму прибыли допускает следующие случаи:

1. если **v/K** остаётся неизменным, то **p'** увеличивается или уменьшается в том же отношении, как **m'**.

2. Если **v/K** изменяется в одинаковом направлении с **m'**, то есть увеличивается или уменьшается, когда увеличивается или уменьшается **m'**, то **p'** повышается или понижается в большей степени, чем **m'**.

3. Если **v/K** изменяется в направлении, противоположном **m'**, но относительно слабее, чем **m'**, то **p'** повышается или понижается относительно слабее, чем **m'**.

4. Если **v/K** изменяется в направлении, противоположном **m'**, и относительно сильнее, чем **m'**, то **p'** повышается, хотя **m'** понижается, или **p'** понижается, хотя **m'** повышается.

5. Наконец, если **v/K** изменяется в направлении, противоположном **m'**, но изменяет свою величину точно в том же отношении, как и **m'**, **p'** остаётся неизменным, хотя **m'** повышается или понижается.

Из всех пяти случаев вытекает, что повышающаяся норма прибыли может соответствовать понижающейся или повышающейся норме прибавочной стоимости, понижающаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости, неизменная норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости. Что повышающаяся, понижающаяся или неизменная норма прибыли тоже может соответствовать неизменяющейся норме прибавочной стоимости, это мы видели в случае 1.

* * *

Вывод, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Влияние этих двух факторов можно кратко резюмировать следующим образом, причём строение мы можем выражать в процентах, так как здесь безразлично, от какой из двух частей капитала исходит изменение.

> ***Норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала.***

Нормы прибыли двух капиталов или одного и того же капитала в двух последовательных различных состояниях **равны**:

1. При одинаковом в процентном отношении строении капиталов и одинаковой норме прибавочной стоимости.

2. При неодинаковом в процентном отношении строении капиталов и неодинаковой норме прибавочной стоимости, если равны произведения норм прибавочной стоимости на выраженные в процентах переменные части капиталов (произведения $\mathbf{m'}$ на $\mathbf{v}$), то есть если равны массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу ($\mathbf{m = m'v}$), другими словами, если в обоих случаях множители $\mathbf{m'}$ и $\mathbf{v}$ стоят в обратном отношении друг к другу.

Они не **равны**:

1. При равном в процентном отношении строении капиталов, если нормы прибавочной стоимости не равны; при этом нормы относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости.

2. При равной норме прибавочной стоимости и неравном в процентном отношении строении, причём они относятся друг к другу, как переменные части капиталов.

3. При неодинаковой норме прибавочной стоимости и неодинаковом в процентном отношении строении, причём они относятся друг к другу, как произведения **mv**, то есть как массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как связаны норма прибыли и норма прибавочной стоимости?
Когда **m'** *неизменна, как ведёт себя* **p'**?
Когда **m'** *изменяется, как ведёт себя* **p'**?
Чем определяется норма прибыли?

Глава 4.
ВЛИЯНИЕ ОБОРОТА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

влияние оборота на производство прибавочной стоимости, главные средства увеличения оборота, формула вычисления годовой нормы прибыли

Влияние оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, было рассмотрено во второй книге. Вкратце его можно резюмировать в следующих положениях:

— так как для оборота требуется время известной продолжительности, на производство не может быть употреблён одновременно весь капитал, следовательно, часть капитала постоянно должна бездействовать,

— в форме ли денежного капитала, запасного ли сырья, готового, но ещё не проданного товарного капитала, или долговых требований, для которых ещё не наступил срок;

— капитал, действующий в активном производстве, то есть в процессе создания и присвоения прибавочной стоимости, постоянно уменьшается на потреблённую часть и в том же самом отношении постоянно сокращается производимая и присваиваемая прибавочная стоимость;

— чем короче время оборота, тем меньше по сравнению со всем капиталом эта бездействующая часть капитала; и, следовательно, при прочих равных условиях тем больше становится присваиваемая прибавочная стоимость.

Было подробно показано, как сокращение времени оборота или одного из его двух отрезков — времени производства и времени обращения — повышает массу производимой прибавочной стоимости. Но так как норма прибыли служит лишь выражением отношения произведённой массы прибавочной стоимости ко всему капиталу, занятому в её производстве, то ясно, что всякое такое сокращение повышает норму прибыли. То, что раньше, во втором отделе второй книги, сказано относительно прибавочной стоимости, в такой же мере касается и прибыли, и нормы прибыли, и не нуждается здесь в повторении. Мы намерены отметить лишь несколько главных моментов.

Главным средством сокращения времени производства является повышение производительности труда, что обычно называют прогрессом промышленности. Если этим не будет вызвано одновременно значительное увеличение общих затрат капитала вследствие внедрения дорогостоящих машин и так далее и, следовательно, понижение нормы прибыли, исчисляемой на весь капитал, то последняя должна повыситься. И это определённо имеет место при осуществлении многих новшеств.

Главным средством для сокращения времени обращения является совершенствование путей сообщения.

Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов одинаковы. В частности, кроме нормы прибавочной стоимости и рабочего дня, пусть будет одинаково и строение капиталов, выраженное в процентах.

При капиталах одинакового процентного строения, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне, нормы прибыли двух капиталов обратно пропорциональны времени их оборотов. Если в двух сравниваемых случаях неодинаковы или строение, или норма прибавочной стоимости, или рабочий день, или заработная плата, то этим, конечно, будут вызваны и дальнейшие различия в норме прибыли; но они независимы от оборота и потому здесь не интересуют нас; к тому же они рассмотрены уже в главе 3.

Прямое влияние сокращения времени оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, заключается в достигаемом таким способом повышении действенности переменной части капитала, о чём смотри книгу II, главу 16: «Оборот переменного капитала».

Масса прибавочной стоимости, присваиваемая в течение года, равна массе прибавочной стоимости, присваиваемой в течение одного оборота переменного капитала, умноженной на число таких оборотов в год. Если мы присваиваемую за год прибавочную стоимость, или прибыль, назовём **M**, присваиваемую за один оборот прибавочную стоимость — **m**, число оборотов переменного капитала в год — **n**, то **M = mn**, и годовая норма прибавочной стоимости **M' = m'n**, как уже было показано в книге II, главе 16.

Для того чтобы получить верную формулу годовой нормы прибыли, мы должны вместо простой нормы прибавочной стоимости поставить годовую норму прибавочной стоимости, то есть вместо **m'** поставить **M'** или **m'n**. Другими словами, **m'**, норму прибавочной стоимости, или, что сводится к тому же, **v**, переменную часть капитала, заключающуюся в **K**, мы должны помножить на **n**, на число оборотов этого переменного капитала в год, и таким образом у нас получится **p' = m'nv/K**.

> ***p' = m'nv/K** — формула для вычисления **годовой нормы прибыли**.*

Так как, конечно, лишь немногим капиталистам приходит в голову производить такие вычисления применительно к своим собственным предприятиям, то статистика почти совершенно умалчивает об отношении постоянной части всего общественного капитала к переменной части. Только американские цензы дают то, что возможно при современных отношениях: сумму заработной платы, выданной в каждой отрасли предпринимательства, и сумму полученных прибылей. Как ни сомнительны эти данные, — потому что они основываются лишь на непроверяемых сообщениях самих промышленников, — тем не менее они в высшей степени ценны и представляют собой всё, что имеется у нас по этому предмету. В Европе мы слишком щепетильны, чтобы требовать подобных разоблачений от наших крупных промышленников.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как оборот влияет на производство прибавочной стоимости?
Назовите главные средства увеличения оборота.
Как выглядит формула вычисления годовой нормы прибыли?

Глава 5.
ЭКОНОМИЯ В ПРИМЕНЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

основные способы экономии постоянного капитала капиталистами, ремонтные издержки машин, научный труд, совместный труд, интеллектуальное производство

Увеличение абсолютной прибавочной стоимости, или **удлинение прибавочного труда, а следовательно и рабочего дня**, при неизменной величине переменного капитала, то есть при том же числе рабочих, получающих номинально ту же заработную плату, — причём безразлично, оплачивается или не оплачивается сверхурочное время, — относительно понижает стоимость постоянного капитала по сравнению со стоимостью всего капитала и стоимостью переменного капитала и повышает благодаря этому норму прибыли, опять-таки независимо от роста массы прибавочной стоимости и от возможного повышения нормы прибавочной стоимости. Размер основной части постоянного капитала — фабричные здания, машины и так далее — остаётся неизменным, работают ли с его помощью 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту наиболее дорогостоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится благодаря этому в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно, сокращается время, на которое он должен быть авансирован, чтобы извлечь определённую прибыль. Удлинение рабочего дня повышает поэтому прибыль даже в том случае, если сверхурочное время оплачивается, и, в известных границах, даже в том случае, если оно оплачивается выше, чем нормальные рабочие часы. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому для алчных до прибыли капиталистов главным толчком к удлинению рабочего дня.

Иные условия имеют место при постоянном рабочем дне. В этом случае для увеличения массы эксплуатируемого труда (мы здесь отвлекаемся от вычетов из заработной платы или от понижения заработной платы ниже её нормального уровня) необходимо увеличить число рабочих, а вместе с тем в известном

отношении и массу основного капитала — строений, машин и так далее. Или же, если увеличивается интенсивность труда или повышается производительная сила труда и вообще производится больше относительной прибавочной стоимости, то в отраслях производства, применяющих сырьё, растёт масса оборотной части постоянного капитала, так как в данный промежуток времени перерабатывается больше сырья и тому подобное, и также возрастает количество машин, приводимых в движение тем же числом рабочих, следовательно, возрастает и эта часть постоянного капитала. Возрастание прибавочной стоимости сопровождается, таким образом, возрастанием постоянного капитала, возрастающая эксплуатация труда сопровождается вздорожанием тех условий производства, при помощи которых эксплуатируется труд, то есть сопровождается возрастанием затрат капитала. Таким образом, норма прибыли вследствие этого, с одной стороны, уменьшается, а с другой стороны, повышается.

Продолжительность времени, в течение которого воспроизводится стоимость машин и других составных частей основного капитала, практически определяется не тем временем, в течение которого они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и используются. Если рабочие вынуждены гнуть спину 18 часов вместо 12, то это составляет три лишних дня в неделю, неделя превращается в полторы недели, два года — в три. Если сверхурочное время не оплачивается, то рабочие сверх нормального прибавочного времени отдают ещё даром неделю на каждые две недели, год — на каждые два года труда. Таким образом воспроизводство стоимости машин ускоряется на 50% и занимает лишь ⅔ того времени, которое было бы необходимо при 12-часовом рабочем дне.

Как уже было указано при анализе кооперации, разделения труда и роли машин, экономия на условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в основном возникает благодаря тому, что эти условия функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно, — как общественные условия труда.

Благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские

в собственном смысле слова, но также на складские помещения и тому подобное. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и тому подобное. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но **вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как своё существенное условие, сосредоточение и совместную деятельность рабочих, то есть общественное комбинирование труда**. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают всецело и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

В этом исследовании прибавочная стоимость дана, значит норма прибыли может быть увеличена только путём уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. **Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость**. Сколько труда способен впитать в себя лён на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, то есть уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, например, трём рабочим, зависит не от её стоимости, но от её потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дёшева.

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, например, что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы овеществить данное количество труда и, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда,

требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того, чтобы присвоить определённое количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получаются в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, — общественно- комбинированным рабочим. Но уже здесь должно быть упомянуто об **экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин**, а именно:

1. Благодаря улучшению их материала, например, замене дерева железом;

2. Благодаря удешевлению машин вследствие улучшения производства машин вообще; причём, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени;

3. Благодаря специальным усовершенствованиям, которые удешевляют и делают более эффектной эксплуатацию уже имеющихся машин, как, например, усовершенствование паровых котлов и тому подобное, о чём некоторые подробности будут даны ниже;

4. Благодаря уменьшению количества отходов при усовершенствованных машинах.

Всё, что уменьшает изнашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар в силу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю часть износа, но и сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и тому подобное, поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает, соответственно, цену последних.

> *Ремонтные работы и тому подобное, поскольку они необходимы, причисляются к **первоначальным издержкам** на машины.*

Однако, развитие производительной силы труда в одной отрасли производства, — например, в производстве железа, угля,

машин, в строительном деле и так далее, — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области **интеллектуального производства**, именно от успехов естественных наук и их применения, является условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в других отраслях промышленности, например, в текстильной промышленности или земледелии. Это само собой понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его бóльшая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно условием повышения нормы прибыли.

> ***Интеллектуальное производство** — это успехи естественных наук и их применения в производстве.*

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной неуклонным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в одной отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в другой отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Такое развитие производительной силы в конечном счёте всегда сводится к общественному характеру действующего труда, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественных наук. **Капиталист использует выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда не в данной отрасли промышленности, а в той, которая доставляет ей средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого**

капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли.

В другом случае повышение нормы прибыли достигается не вследствие экономии на труде, производящем постоянный капитал, а вследствие экономии в применении самого постоянного капитала. **Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается постоянный капитал**. Одни и те же постройки, приспособления для отопления и освещения и тому подобное обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигателях и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Экономия, которую данный капитал осуществляет в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, то есть в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; напротив, упомянутая выше экономия сводится к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, то есть с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а на экономии в применении самого постоянного капитала, она создаётся или непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и так далее в таком масштабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство — такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится

излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной заработной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собой главное средство понижения стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным и повышения, таким образом, нормы прибыли; как существенный элемент надувательства сюда присоединяется ещё продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль, особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям — это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы её ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом X, этому капиталисту X, — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведётся к тому, что капиталист X извлекает выгоду из производительности труда не только своей собственной мастерской, но также и чужих мастерских. Тем не менее капиталисту экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым рабочему и абсолютно не касающимся его, условием, к которому рабочий не имеет никакого отношения; между

тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определённого результата при наименьших затратах, в ещё большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

> *Экономия в применении постоянного капитала, отчасти является результатом того, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства.*
>
> *Таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом X, этому капиталисту X, — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведётся к тому, что капиталист X извлекает выгоду из производительности труда не только своей собственной мастерской, но также и чужих мастерских.*

Едва ли надо говорить, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства проявляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем повышает норму прибыли, эта всеобщая связь общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касается фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чужой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает

продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, — этот факт представляет собой связь, которая благополучно маскируется процессом обращения.

Сюда присоединяется ещё следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства усиливает, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда и, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к необходимому труду и путём эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно, всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция — применять этот сведённый к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, то есть сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растёт масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает лишь концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, — которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно

меньшее количество применяемого труда, — и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Мы иллюстрируем это вкратце отдельными примерами. Начнём с конца, — с экономии на условиях производства, поскольку последние представляют собой в то же время условия существования и жизни рабочего.

Каменноугольные копи. «При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт... не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того, чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтёрами, которых имеется обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних деревенских подёнщиков, так как работа в шахтах позволяет, кроме того, с выгодой использовать и их детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самом несовершенном способе осушения и вентиляции, часто в плохо построенных шахтах, с плохими креплениями, неподготовленными машинистами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих — таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc.», 21 April 1841).

Фабрики. Сюда относится отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Отсюда исходит большая часть боевых сводок о раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчёты). Для фабрик характерны также тесные помещения, плохая вентиляция и так далее.

Работа в закрытых помещениях вообще. Известно, насколько экономия на пространстве, а, следовательно, на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для

вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность.

Комбинирование рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и при таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 подверглись обследованию со стороны санитарного надзора, даёт следующие результаты: на то же самое число мужчин 15–55-летнего возраста, на которое в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других лёгочных заболеваний, приходится: в Ковентри — 163 смертных случая от чахотки, в Блэкберне и Скип-тоне — 167, в Конглтоне и Брадфорде — 168, в Лестере — 171, в Лике — 182, в Маклсфилде — 184, в Болтоне — 190, в Ноттингеме — 192, в Рочдейле — 193, в Дерби — 198, в Солфорде и Аштонеандер-Лайн — 203, в Лидсе — 218, в Престоне — 220 и в Манчестере — 263.

«Что касается усовершенствования машин, то я должен отметить, что сделаны крупные успехи прежде всего в постройке фабрик, приспособленных к установке этих новых машин... В нижнем этаже я произвожу трощение всей пряжи, и исключительно там сосредоточены 29 000 тростильных веретён. В одном этом помещении и в пристройке я достигаю экономии труда по крайней мере на 10%, и не столько вследствие усовершенствований в системе самого трощения, сколько благодаря концентрации машин под одним управлением; то же самое количество веретён я могу привести в движение при помощи одного передаточного вала, вследствие чего я, по сравнению с другими фирмами,

выгадываю на одном передаточном механизме от 60% до 80%. Кроме того, при этом получается крупная экономия на смазочном масле, жире и тому подобном. Одним словом, при усовершенствованном устройстве фабрики и улучшенных машинах я, по самому скромному подсчёту, сократил на 10% труд и, кроме того, добился большой экономии силы, угля, масла, сала, передаточных валов, ремней и тому подобного» (показания одного хлопчатобумажного фабриканта, «Reports of Insp. of Fact., October 1863»).

Вместе с развитием капиталистического способа производства **расширяется использование экскрементов производства и потребления**. Под первыми мы понимаем отходы промышленности и сельского хозяйства, под последними — частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Экскрементами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые не используются при малых размерах производства; железные стружки, образующиеся при производстве машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырья, и тому подобное. Экскременты потребления — это естественные вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпья и так далее. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. В отношении их использования капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, например, оно не находит для испражнений 4,5 миллиона людей лучшего употребления, кроме как с огромными издержками загрязнять ими Темзу.

В общем условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при работе в крупном масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей полезные свойства таких отходов. Правда, и при мелкой грядковой земледельческой культуре, как, например, в Ломбардии, Южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода.

Наиболее яркий пример применения отходов даёт химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отходы, находя для них новое применение, но также отходы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, например, раньше почти бесполезный каменноугольный дёготь в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время также в медикаменты.

От этой экономии на отходах производства путём вторичного использования последних следует отличать **экономию за счёт сокращения самих отходов**, то есть сведение экскрементов производства к минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство.

Экономия, достигаемая благодаря изобретениям. Этого рода экономия на основном капитале является, как уже сказано, результатом того, что условия труда применяются в крупном масштабе, короче говоря, результатом того, что они служат условиями непосредственно общественного обобществлённого труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены, не повышая цену товара, а последнее обстоятельство является всегда непременным условием. С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становится возможной экономия, вытекающая из того, что производительное потребление осуществляется целыми коллективами рабочих. Наконец, **только опыт комбинированного рабочего открывает и показывает, где и как надо экономить**, как проще всего воспользоваться уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать, следуя требованиям теории, — применяя её к производственному процессу, и так далее.

Заметим мимоходом, что **следует различать всеобщий труд и совместный труд**. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью

использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

> ***Всеобщим трудом** является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников.*
>
> ***Совместный труд** предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.*

Вышесказанное получает новое подтверждение в неоднократно наблюдавшихся фактах:

1. В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками её производства в последующем, о чём писали Юр и Баббедж.

2. В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, на его костях. Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своём большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и тому подобное достаются по более дешёвым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда и человеческого разума, из общественного применения этого прогресса комбинированным трудом в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Назовите основные способы экономии постоянного капитала капиталистами. Почему они применяются?
Ремонтные издержки машин к каким издержкам относятся?
Что такое совместный труд?
Почему в политэкономии говорится о классе капиталистов, а не об отдельных капиталистах?

Глава 6.
ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

влияние колебаний цен сырья на норму прибыли, влияние на норму прибыли развития производительной силы труда, влияние отходов влияют на норму прибыли, высвобождение / связывание капитала, высвобождение / связывание дохода, факторы роста спроса на сырьё, капиталистическая система противоречит рациональному земледелию

Колебания цен сырья

Здесь предполагается, как и раньше, что норма прибавочной стоимости не претерпевает никакого изменения. Эта предпосылка необходима для исследования данного случая в его чистом виде. Представляется, однако, возможным, что при неизменной норме прибавочной стоимости капитал занимает увеличивающееся или уменьшающееся количество рабочих вследствие тех его сокращений или расширений, которые вызываются подлежащими здесь нашему рассмотрению колебаниями цен на сырьё. В этом случае **масса** прибавочной стоимости могла бы изменяться при постоянной **норме** прибавочной стоимости. Однако мы должны здесь устранить и этот случай. Если усовершенствование машин и изменение цены сырья одновременно влияют на количество занятых данным капиталом рабочих или на величину заработной платы, то следует только сопоставить 1) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения постоянного капитала, и 2) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения заработной платы; итог получается сам собой.

Так как норма прибыли = $\mathbf{m}/\mathbf{K}$ или = $\mathbf{m}/(\mathbf{c}+\mathbf{v})$, то, очевидно, всё, что изменяет величину **c**, а, следовательно, и **K**, изменяет в то же время и норму прибыли даже в том случае, если **m** и **v** и их взаимное отношение остаются неизменными. Сырьё образует главную составную часть постоянного капитала. Даже в те отрасли промышленности, в которых нет сырья в собственном смысле слова, сырьё входит в качестве вспомогательного материала или как составная часть машин и тому подобное, и таким образом колебания его цен влияют соответственно на норму

прибыли. Если цена сырья уменьшается (падает) на сумму = **d**, то $\mathbf{m/K = m/(K - d) = m/((c + v) - d) = m/((c - d) + v)}$, то, следовательно, норма прибыли повышается. Наоборот, если цена сырья повышается, то и норма прибыли падает: $\mathbf{m/K = m/(K + d) = m/((c + v) + d) = m/((c + d) + v)}$. При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении, обратном движению цены сырья. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран низкие цены сырья, даже если колебания цен на сырьё не сопровождаются изменениями в сфере сбыта продукта, то есть если даже совершенно отвлечься от соотношения между спросом и предложением.

Стоимость сырья и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала входит в продукт лишь по мере их изнашивания, следовательно, лишь постепенно. Отсюда следует, что на цену продукта в гораздо большей степени оказывает влияние цена сырья, чем цена основного капитала, хотя норма прибыли определяется общей суммой стоимости вложенного капитала, независимо от того, какая часть его потребляется в данное время. Очевидно, однако, что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены, — впрочем, об этой стороне дела мы упоминаем лишь мимоходом, так как здесь мы всё ещё предполагаем, что товары продаются по их стоимости, и, следовательно, совершенно отвлекаемся от колебания цен, вызванного конкуренцией. Поэтому в действительности оказывается, что цена готового товара повышается не пропорционально повышению цены сырья и понижается не пропорционально понижению цены сырья. Таким образом в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом поднимается выше, чем это имело бы место при продаже товаров по их стоимости.

Далее: масса и стоимость применяемых машин возрастает с развитием производительной силы труда, но не пропорционально росту самой производительной силы, то есть не пропорционально увеличению количества продукта, доставляемого этими машинами. Таким образом, в тех отраслях промышленности, куда вообще входит сырьё, или, другими словами, где предмет труда

сам является уже продуктом предшествующего труда, — в этих отраслях промышленности рост производительной силы труда выражается как раз в том отношении, в каком большее количество сырья поглощает данное количество труда, следовательно, в растущей массе сырья, превращаемой в продукт, перерабатываемой в товар в течение, например, одного рабочего часа. Итак, по мере развития производительной силы труда стоимость сырья образует всё возрастающую составную часть стоимости товарного продукта, и не только потому, что она целиком входит в эту последнюю, но также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, — как часть, соответствующая износу машин, так и часть, создаваемая вновь присоединённым трудом, — уменьшаются. Вследствие этого движения в сторону понижения относительно возрастает другая часть стоимости, образуемая сырьём, если только этот рост не уничтожается соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья.

Далее, так как сырьё и вспомогательные материалы совершенно так же, как и заработная плата, образуют составные части оборотного капитала, то они постоянно должны полностью возмещаться из каждой отдельной продажи продукта, в то время как у машин возмещается только их износ и к тому же сначала в форме резервного фонда; при этом на деле отнюдь не столь существенно — выделяется определённая часть в резервный фонд при каждой отдельной продаже продукта или нет, предполагается только, что из всей годовой выручки производится соответственное годовое отчисление. Таким образом здесь снова обнаруживается, что повышение цены сырья может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства в том случае, если цена, вырученная от продажи товара, недостаточна для возмещения всех элементов товара или если цена эта делает невозможным продолжение процесса производства в размерах, отвечающих его техническому базису, так что в результате или работает только часть машин или же все машины не могут работать обычное полное время.

Наконец, издержки, связанные с образованием отходов, изменяются в прямом отношении к колебаниям цены сырья: растут, если она растёт, падают, если она падает. Однако и здесь имеется

известная граница. Уже в 1850 г. были написаны следующие строки: «Один из источников значительных потерь, вызываемых повышением цены сырья, обыкновенно ускользает от внимания всякого, кто не является прядильщиком-практиком, а именно потери на угарах. Мне сообщают, что при повышении цен хлопка издержки прядильщика, в особенности при изготовлении пряжи низших сортов, растут сильнее, чем уплачиваемая надбавка к цене. Угары при прядении грубой пряжи достигают более 15%; следовательно, если эта норма при цене хлопка в 3,5 пенса причиняет потерю в 0,5 пенни на 1 фунт, то при возрастании цены хлопка до 7 пенсов на фунт потеря составит уже 1 пенни на фунт» («Reports of Insp. of Fact., April 1850»).

Повышение и понижение стоимости капитала, его высвобождение и связывание

Можно ли рассматривать высвобождение и связывание капитала, с одной стороны, повышение и понижение его стоимости, с другой, как различные явления?

Прежде всего возникает вопрос: что понимаем мы под высвобождением и связыванием капитала? Повышение и понижение стоимости понятны сами собой. Они означают лишь, что вследствие каких-либо общих экономических причин — так как здесь речь идёт не об особой судьбе каждого отдельного частного капитала — увеличивается или уменьшается стоимость уже существующего капитала, следовательно, повышается или падает стоимость капитала, авансированного на производство, несмотря на её увеличение тем прибавочным трудом, который применяется этим капиталом.

Под **связыванием капитала** подразумевается то, что определённые данные части совокупной стоимости продукта должны быть снова превращены в элементы постоянного или переменного капитала, для того чтобы производство могло продолжаться в своих прежних размерах. Под **высвобождением капитала** мы понимаем то, что часть совокупной стоимости продукта, которая до сих пор должна была превращаться в постоянный или переменный капитал, становится свободной и излишней, хотя производство продолжается в прежних размерах.

Это высвобождение и связывание капитала отличается от высвобождения и связывания дохода. Если, например, годовая прибавочная стоимость для капитала **K = x**, то вследствие удешевления товаров, входящих в потребление капиталиста, **x – a** может оказаться достаточным для того, чтобы удовлетворить те же самые потребности, что и раньше. Благодаря этому часть дохода = **a** высвобождается и может служить или для расширения потребления, или же для обратного превращения в капитал (для накопления). Наоборот, если потребуется **x + a** для того, чтобы продолжать прежний образ жизни, то или этот последний должен претерпеть ограничение, или часть дохода, равная **a** и прежде накоплявшаяся, должна быть израсходована теперь в качестве дохода.

Таким образом, если при повышении цены сырья на рынке находятся значительные массы готового товара, — на какой бы то ни было ступени обработки, — то повышается стоимость этого товара и вместе с тем происходит повышение стоимости уже существующего капитала. То же самое следует сказать о находящихся в руках производителей запасах сырья и тому подобного. Это повышение стоимости может компенсировать или более чем компенсировать отдельных капиталистов или даже капиталистов целой отрасли промышленности за падение нормы прибыли, обусловленное повышением цены сырья. Не входя здесь в детали влияния конкуренции, можно, однако, ради полноты отметить, что: 1) если находящиеся на складах запасы сырья значительны, они противодействуют повышению цен, возникающему в самом очаге производства сырья; 2) если находящиеся на рынке полуфабрикаты или готовые товары оказывают очень сильное давление на рынок, то они препятствуют возрастанию цены готовых товаров или полуфабрикатов пропорционально цене их сырья.

Наоборот, при падении цены сырья норма прибыли при прочих равных условиях повышается. Товары, находящиеся на рынке, предметы, обработка которых ещё не закончена, запасы сырья обесцениваются, противодействуя тем самым одновременному повышению нормы прибыли.

Чем меньше запасы, находящиеся в сфере производства и на рынке, например, к концу производственного года, ко времени, когда сырьё вновь доставляется в большом

количестве, — следовательно, для земледельческих продуктов после уборки урожая, — тем в более чистом виде проявляется влияние изменения цен на сырьё.

Во всём нашем исследовании мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости. Но так как здесь речь идёт о том влиянии, которое колебания цен оказывают на норму прибыли, то источник самих этих колебаний в действительности не имеет значения; развитые здесь выводы остаются справедливыми и в том случае, если цены повышаются и падают не вследствие колебаний стоимости, а вследствие воздействия системы кредита, конкуренции и тому подобное.

Так как норма прибыли равняется отношению избытка стоимости продукта к стоимости всего авансированного капитала, то повышение нормы прибыли, вызываемое обесценением авансированного капитала, связано с потерей капитальной стоимости точно так же, как понижение нормы прибыли, вызываемое повышением стоимости авансированного капитала, может быть связано с выигрышем капитальной стоимости.

Что касается другой части постоянного капитала, машин и вообще основного капитала, то повышения стоимости, имеющие здесь место, а именно касающиеся построек, капиталовложений в землю и тому подобного, могут быть исследованы только в связи с учением о земельной ренте и потому не относятся сюда. Однако среди факторов обесценения этой части капитала общее значение имеют следующие.

Прежде всего, постоянные усовершенствования, вследствие которых уже имеющиеся машины, фабричные здания и так далее утрачивают в известной мере свою потребительную стоимость, а, следовательно, и свою стоимость. Этот процесс действует с особой силой в первый период введения новых машин, когда эти последние не достигли ещё достаточной степени зрелости и когда поэтому они сплошь да рядом оказываются устарелыми раньше, чем успеют воспроизвести свою стоимость. Это является одной из причин обычного в такие периоды чрезмерного удлинения рабочего времени, непрерывной работы благодаря системе дневных и ночных смен, имеющей целью в течение возможно более короткого периода воспроизвести стоимость машин, не отчисляя

слишком больших сумм на их амортизацию. Если бы короткий период действия машин (сокращённый срок их жизни ввиду вероятных новых усовершенствований) не компенсировался таким образом, то на продукт вследствие морального износа машин переходила бы столь значительная часть их стоимости, что они не могли бы конкурировать даже с ручным трудом.

Если машины, постройки, вообще основной капитал, достигли известной зрелости, так что в течение более или менее продолжительного периода остаются неизменными, по крайней мере в основе своей конструкции, то подобного же рода обесценение происходит вследствие усовершенствования методов воспроизводства этого основного капитала. Стоимость машин и тому подобного падает теперь не потому, что они быстро вытесняются и до известной степени обесцениваются новыми более производительными машинами, а потому, что они теперь могут быть воспроизведены дешевле. Такова одна из причин того, почему крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того как обанкротится его первый владелец, а второй, купив его за дешёвую цену, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала.

В земледелии особенно бросается в глаза то, что в силу тех же самых причин, которые вызывают повышение или понижение цены продукта, повышается или понижается также и стоимость капитала, так как последний в значительной своей части сам состоит из этого продукта: зерно, скот и тому подобное (Рикардо).

Следовало бы сказать ещё несколько слов о переменном капитале. Раз стоимость рабочей силы возрастает вследствие повышения стоимости жизненных средств, необходимых для её воспроизводства, или, наоборот, понижается вследствие понижения стоимости этих жизненных средств, — а повышение и понижение стоимости переменного капитала не выражает ничего иного, кроме этих двух случаев, — то при неизменной продолжительности рабочего дня повышению стоимости жизненных средств соответствует падение прибавочной стоимости, понижению их — увеличение прибавочной стоимости. Но с этим в то же время могут быть связаны и другие обстоятельства — **высвобождение и связывание капитала**, — которые ещё не были исследованы и которые мы должны теперь вкратце рассмотреть.

Если заработная плата падает вследствие понижения стоимости рабочей силы (хотя при этом может иметь место даже повышение реальной цены труда), то высвобождается часть капитала, которая до сих пор затрачивалась на заработную плату. Происходит высвобождение переменного капитала. На вновь вкладываемый капитал это оказывает лишь то влияние, что он функционирует с повышенной нормой прибавочной стоимости. Меньшее по сравнению с прежним количество денег приводит в движение то же самое количество труда, и таким образом неоплаченная часть труда увеличивается за счёт оплаченной. Но что касается капитала, бывшего до сих пор в деле, то не только повышается норма прибавочной стоимости, но и, кроме того, высвобождается часть капитала, который до того времени расходовался на заработную плату. До сих пор она была связана и непременно должна была отчисляться от выручки за продукт, затрачиваться на заработную плату, функционировать как переменный капитал, коль скоро предприятие должно продолжаться в прежнем масштабе. Теперь эта часть капитала становится свободной и, следовательно, она может быть употреблена как новая затрата капитала — или для расширения того же самого предприятия, или для функционирования в другой сфере производства.

Выгоды, вытекающие из высвобождения, и потери, вытекающие из связывания переменного капитала, существуют только для капитала, уже вложенного в дело и, следовательно, воспроизводящегося при данных отношениях. Для капитала, вкладываемого вновь, выгоды в одном случае, потери в другом сводятся к повышению, соответственно понижению, нормы прибавочной стоимости и к соответственному, хотя отнюдь не пропорциональному, изменению нормы прибыли.

Переменный капитал может, однако, высвобождаться также в том случае, если вследствие развития производительной силы труда при неизменной норме заработной платы требуется меньше рабочих для того, чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала. Равным образом и наоборот, связывание добавочного переменного капитала может иметь место, если вследствие понижения производительной силы труда требуется больше рабочих на ту же самую массу постоянного капитала. Если, напротив, часть капитала, применявшегося до сих пор

в качестве переменного, теперь применяется в форме постоянного капитала, если, следовательно, происходит лишь иное распределение между составными частями того же самого капитала, то хотя это и оказывает влияние на норму прибавочной стоимости и прибыли, но не относится к рассматриваемой здесь рубрике связывания и высвобождения капитала.

Постоянный капитал, как мы уже видели, также может связываться или высвобождаться вследствие повышения или понижения стоимости элементов, из которых он состоит. Если отвлечься от этого, связывание постоянного капитала (предполагается, что часть переменного не превращается в постоянный) возможно лишь в том случае, если производительная сила труда увеличивается, то есть если та же самая масса труда производит больше продукта и, следовательно, приводит в движение больше постоянного капитала. То же самое при известных условиях может иметь место, если производительная сила уменьшается, например в земледелии, так что то же самое количество труда для производства того же самого продукта требует больше средств производства, например, больше семян, удобрений, дренирования и тому подобного. Без понижения стоимости его элементов постоянный капитал может высвобождаться в том случае, если усовершенствования, применение сил природы и тому подобного делают постоянный капитал меньшей стоимости способным выполнять ту же техническую роль, какую раньше выполнял капитал более высокой стоимости.

Иначе обстоит дело с сырьём. Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы полностью возместить её из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства.

Другой элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, — так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определённым органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, например, количество машин и прочего

основного капитала, угля, руды и тому подобного, увеличение которого при соответствующих природных условиях в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Поэтому возможно, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящий из основного капитала, машин и так далее, значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырьё увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что:

1. Сырьё начинает подвозиться из более отдалённых местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки;

2. Производство его увеличивается, правда, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год, и

3. Используются ранее неиспользуемые суррогаты и экономнее обращаются с отходами.

Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложение, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в последние сырьё входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие понижения стоимости капитала в его различных формах, наступает и кризис.

Кроме того, чем больше развито капиталистическое производство, чем больше поэтому средств для быстрого и непрерывного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и так далее, чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчётливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства.

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что **капиталистическая система противоречит рациональному земледелию**, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и **требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как влияют колебания цен сырья на норму прибыли?
Как влияет на норму прибыли развитие производительной силы труда?
Как отходы влияют на норму прибыли?
Что такое высвобождение / связывание капитала?
Что такое высвобождение / связывание дохода?
Что влияет на рост спроса на сырьё?
Почему капиталистическая система противоречит рациональному земледелию?

Глава 7.
ДОБАВЛЕНИЯ

капиталист не рассматривает прибыль как прибавочную стоимость, факторы понижения / повышения нормы прибыли

Допустим, как это мы вообще делаем в настоящем отделе, что масса прибыли, присваиваемая в каждой отдельной сфере производства, равна сумме прибавочной стоимости, производимой всем капиталом, вложенным в эту сферу. Даже и в этом случае буржуа не будет рассматривать прибыль как нечто тождественное прибавочной стоимости, то есть неоплаченному прибавочному труду, и не будет по следующим причинам:

1. В процессе обращения он забывает процесс производства. Реализация стоимости товаров, — включающая и реализацию заключающейся в них прибавочной стоимости, — ему представляется созиданием прибавочной стоимости.

2. Если предположить, что степень эксплуатации труда остаётся неизменной, то, как мы уже видели, независимо от всех модификаций, вызываемых кредитной системой, независимо от взаимного обмана и взаимного надувательства капиталистов и усилий каждого выиграть за счёт другого, независимо, далее, от всякого удачного выбора рынка норма прибыли может быть весьма различной в зависимости от большей или меньшей дешевизны сырья, от большего или меньшего умения его закупить; в зависимости от того, насколько производительны, целесообразны и дёшевы применяемые машины; в зависимости от того, более или менее совершенна общая организация различных ступеней производственного процесса, насколько устранено расточительство сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и тому подобное. Короче говоря, если дана прибавочная стоимость для определённого переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно, может доставлять большую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков.

И эти обстоятельства создают у капиталиста иллюзию, убеждение в том, что его прибыль обязана своим существованием не эксплуатации труда, но по крайней мере отчасти и другим, не зависимым от этого обстоятельствам, в особенности его индивидуальной деятельности.

Увеличение нормы прибыли всегда происходит вследствие того, что прибавочная стоимость увеличивается относительно или абсолютно по сравнению с издержками её производства, то есть с размерами всего авансированного капитала; другими словами, вследствие того, что разница между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости уменьшается.

Колебания нормы прибыли, независимые от изменений органических составных частей капитала или от его абсолютной величины, возможны в том случае, если стоимость авансированного капитала, в какой бы форме — основной или оборотной — он ни являлся, повышается или понижается вследствие независимого от уже существующего капитала увеличения или уменьшения рабочего времени, необходимого для его воспроизводства. Стоимость всякого товара, — а следовательно, и товаров, из которых состоит капитал, — определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нём самом, а рабочим временем, общественно необходимым для его воспроизводства. Это воспроизводство может происходить при улучшающихся или ухудшающихся условиях, при условиях, отличных по сравнению с условиями первоначального производства.

Если бы это повышение стоимости или, наоборот, обесценение затрагивало все части капитала в равной степени, то и прибыль соответственно с этим выразилась бы в двойной или вдвое меньшей сумме денег. Если же оно сопровождается изменением органического строения капитала, повышением или понижением отношения переменной части капитала к постоянной, то при прочих равных условиях норма прибыли будет расти при относительном возрастании, будет падать при относительном уменьшении переменного капитала. Если же повышается или понижается только денежная стоимость (вследствие изменения стоимости денег) авансированного капитала, то в том же отношении повышается или понижается денежное выражение прибавочной стоимости. Норма прибыли остаётся неизменной.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему капиталист не рассматривает прибыль как прибавочную стоимость?
Что влияет на понижение / повышение нормы прибыли?

Отдел 2.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ

Глава 8.
РАЗЛИЧНОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛОВ В РАЗНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА РАЗЛИЧИЯ В НОРМАХ ПРИБЫЛИ

масса прибыли, источники неравенства норм прибыли, строение капитала, техническое строение капитала, органическое строение капитала, деление капитала на основной и оборотный не имеет значения для нормы прибыли

Ранее было показано, каким образом норма прибыли может изменяться — повышаться или понижаться — при неизменной норме прибавочной стоимости. В этой главе предполагается, что степень эксплуатации труда, а следовательно, норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня, имеет одинаковую величину, стоит на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже Адам Смит обстоятельно показал, что они выравниваются в силу всякого рода действительных или основанных на предрассудке компенсирующих условий, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и преходящие, не должны приниматься в расчёт при исследовании общих отношений. Другие различия, например, в уровне заработной платы, покоятся главным образом на указанном уже в начале книги I, различии между простым и сложным трудом, причём, хотя они и делают участь рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковой, однако нисколько не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах. Если, например, труд золотых дел мастера оплачивается выше, чем труд подёнщика, то прибавочный труд золотых дел мастера производит по сравнению с прибавочным трудом подёнщика пропорционально больше прибавочной стоимости. И если выравнивание заработной платы и продолжительности

рабочего дня, а, следовательно, и нормы прибавочной стоимости в различных сферах производства и даже между различными капиталистическими предприятиями в одной и той же сфере производства, задерживается многочисленными обстоятельствами местного значения, то с прогрессом капиталистического производства и по мере подчинения этому способу производства всех экономических отношений это выравнивание осуществляется всё более и более полно. Как ни важно изучение подобного рода осложняющих моментов для каждой специальной работы о заработной плате, в общем исследовании капиталистического производства ими можно пренебречь как случайными и несущественными.

В предыдущем отделе было показано, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли, доставляемая определённым капиталом, может повышаться или понижаться в зависимости от обстоятельств, которые повышают или понижают стоимость той или другой части постоянного капитала и, следовательно, вообще влияют на отношение между постоянной и переменной составными частями капитала. Далее было отмечено, что обстоятельства, удлиняющие или сокращающие время оборота капитала, могут оказывать аналогичное влияние на норму прибыли. Так **как масса прибыли тождественна с массой прибавочной стоимости, с самой прибавочной стоимостью, то оказалось, что масса прибыли — в отличие от нормы прибыли — не затрагивается вышеупомянутыми колебаниями стоимости**. Они модифицируют только норму, в которой выражается данная прибавочная стоимость, а следовательно, и прибыль данной величины, то есть модифицируют лишь относительную величину прибыли, её величину по сравнению с величиной авансированного капитала. Правда, поскольку вследствие этих колебаний стоимости происходит связывание или высвобождение капитала, таким косвенным путём может подвергнуться влиянию не только норма прибыли, но и сама прибыль. Однако это касается лишь капитала, уже функционирующего, а не новых вложений капитала; и, кроме того, увеличение или уменьшение самой прибыли всегда зависит от того, насколько больше или меньше труда вследствие указанных колебаний стоимости может быть приведено

в движение тем же самым капиталом; другими словами, от того, насколько большую или меньшую массу прибавочной стоимости — при неизменной норме прибавочной стоимости — может произвести один и тот же капитал. Таким образом это кажущееся исключение в действительности отнюдь не противоречит общему закону, не является исключением из него, а, напротив, представляет собой лишь особый случай применения общего закона.

> ***Масса прибыли тождественна с массой прибавочной стоимости, с самой прибавочной стоимостью.***

В предыдущем отделе мы видели, что при неизменной степени эксплуатации труда изменение стоимости составных частей постоянного капитала, а также изменение времени оборота капитала изменяют норму прибыли. Отсюда само собой вытекает, что нормы прибыли в различных, одновременно существующих одна возле другой, сферах производства будут различны, если капиталы, применяемые в различных отраслях производства, имеют при прочих равных условиях различное время оборота или различные по стоимости отношения между своими органическими составными частями. То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом последовательно во времени, теперь мы рассматриваем как одновременно существующие различия между капиталистическими предприятиями, действующими одно рядом с другим в различных сферах производства.

Нам предстоит исследовать **основные источники неравенства норм прибыли**: 1) различие в органическом строении капиталов, 2) различие во времени их оборота.

Само собой понятно, что если мы в этом исследовании говорим о строении или времени оборота капитала в определённой отрасли производства, мы всегда имеем в виду средние, нормальные отношения капитала, вложенного в данную отрасль производства; вообще речь здесь идёт о средних отношениях для всего капитала данной сферы производства, а не о случайных различиях между отдельными капиталами, вложенными в эту сферу.

Различие в органическом строении капиталов

Под строением капитала мы понимаем, как уже указано в книге I, отношение между его активной и пассивной составными частями, между переменным и постоянным капиталом. При этом нашему рассмотрению подлежат два отношения, имеющие неодинаковое значение, хотя при известных обстоятельствах могущие оказывать одинаковое действие.

> ***Строение капитала** — это отношение между его активной и пассивной составными частями, между переменным и постоянным капиталом.*

Первое отношение покоится на техническом базисе и на известной ступени развития производительных сил может рассматриваться как данное. Требуется определённая масса рабочей силы, представленная определённым числом рабочих, чтобы произвести определённую массу продукта, например, в течение одного дня, и, следовательно, — что уже при этом само собой разумеется, — привести в движение, потребить производительно определённую массу средств производства, машин, сырья и так далее. Определённое число рабочих приходится на определённое количество средств производства, следовательно, определённое количество живого труда приходится на определённое количество труда, уже овеществлённого в средствах производства. Это отношение очень различно в различных отраслях производства, часто даже в различных подразделениях одной и той же отрасли промышленности, хотя, с другой стороны, в очень отдалённых друг от друга отраслях промышленности оно случайно может быть совершенно или почти одинаковым. Это отношение образует **техническое строение капитала** и является действительной основой его органического строения.

> ***Техническое строение капитала** определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой.*

Разница между техническим строением и стоимостным строением капитала обнаруживается в каждой отрасли промышленности в том, что при неизменном техническом строении отношение стоимости обеих частей капитала может изменяться, и, наоборот, при изменении технического строения отношение стоимости их может оставаться неизменным; последнее имеет место, конечно, лишь в том случае, если изменение в отношении между массой применяемых средств производства и рабочей силой уравновешивается противоположным изменением их стоимостей. Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменение технического строения, мы называем **органическим строением капитала**.

> *Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменение технического строения, мы называем* ***органическим строением капитала****.*

Различное органическое строение капиталов не зависит от их абсолютной величины. Вопрос состоит всегда лишь в том, сколько из каждых 100 единиц капитала приходится на переменный и сколько на постоянный капитал.

Капиталы различной величины, выраженные в 100 единицах, — или, что здесь сводится к тому же, равновеликие капиталы — производят при равном рабочем дне и равной степени эксплуатации труда весьма различные количества прибыли, так как они производят различные количества прибавочной стоимости; это вызывается именно тем, что вследствие различного органического строения капиталов в различных сферах производства различны их переменные части, следовательно, различны количества приводимого ими в движение живого труда, а потому различны и количества присваиваемого ими прибавочного труда — этой субстанции прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. Равновеликие части совокупного капитала в различных сферах производства заключают в себе неравные по величине источники прибавочной стоимости, а ведь единственный источник прибавочной стоимости есть живой труд.

Различие во времени оборота капиталов

Кроме различного органического строения капиталов, следовательно, кроме различия в массах труда, а значит при прочих равных условиях и прибавочного труда, приводимого в движение равновеликими капиталами в различных сферах производства, существует ещё один источник неравенства норм прибыли: различная продолжительность оборота капитала в разных сферах производства. В главе 4 мы видели, что при одинаковом строении капиталов и при прочих равных условиях нормы прибыли обратно пропорциональны времени их оборота; мы видели также, что один и тот же переменный капитал, если он оборачивается в различные отрезки времени, создаёт неравные массы годовой прибавочной стоимости. Итак, различие времени оборота — вот другая причина, вследствие которой в разных сферах производства равные капиталы в равные отрезки времени производят неравную прибыль и вследствие которой нормы прибыли в этих различных сферах различны.

Что касается той пропорции, в которой совокупный капитал распадается на основной и оборотный, то это соотношение само по себе вовсе не затрагивает нормы прибыли. Оно может влиять на норму прибыли лишь в двух случаях: или тогда, когда различие в соотношении между основным и оборотным капиталами совпадает с различием в соотношении между переменной и постоянной частями, следовательно, когда этому различию, а не различию в соотношении оборотной и основной частей обязана своим происхождением разница в норме прибыли; или же тогда, когда различие в соотношении между основной и оборотной составными частями обусловливает различие во времени оборота, в течение которого реализуется определённая прибыль. Если капиталы распадаются в различной пропорции на основной и оборотный, то это обстоятельство, правда, всегда будет оказывать влияние на время их оборота и вызывать различия в последнем; однако отсюда ещё не следует, что будет различно время оборота, в течение которого одни и те же капиталы реализуют данную прибыль. Пусть, например, **А** постоянно должен продавать большую часть продукта для приобретения сырья и тому подобного, тогда как **В** более продолжительное время применяет одни и те же машины и тому

подобное при меньшем количестве сырья; во всяком случае у обоих, поскольку они производят, постоянно занята часть капитала; у одного она вложена в сырьё, то есть в оборотный капитал, у другого — в машины и так далее, то есть в основной капитал. **A** постоянно превращает часть своего капитала из товарной в денежную форму и из этой последней обратно в форму сырья; между тем **B** часть своего капитала более или менее продолжительное время употребляет как орудие труда без такого превращения. Если оба они применяют одинаковое количество труда, то хотя они продадут в течение года массы продуктов неодинаковой стоимости, но обе массы продуктов будут заключать в себе одинаковые количества прибавочной стоимости, и их нормы прибыли, исчисляемые на весь авансированный капитал, одинаковы, хотя в обоих случаях различна та пропорция, в какой каждый из этих капиталов состоит из основной и оборотной частей, так же как различно и время их оборота. Оба капитала реализуют в равное время равные прибыли, хотя оборачиваются они в продолжение различного времени. Различие во времени оборота само по себе имеет значение лишь постольку, поскольку оно влияет на массу прибавочного труда, которая в течение данного времени может быть присвоена и реализована одним и тем же капиталом. Следовательно, если неодинаковое деление капитала на оборотный и основной не приводит с необходимостью к различию во времени оборота, которое, в свою очередь, обусловливает неравенство норм прибыли, то, очевидно, раз это последнее имеет место, оно обусловливается не самим по себе различным делением капитала на оборотный и основной, а, напротив, тем, что это деление капитала является в данном случае лишь показателем влияющего на норму прибыли различия во времени оборота.

Итак, **различное деление постоянного капитала на оборотный и основной в разных отраслях промышленности само по себе не имеет значения для нормы прибыли**, так как решающее влияние оказывает отношение переменного капитала к постоянному, причём стоимость постоянного капитала, а следовательно и его относительная величина по сравнению с переменным, не стоит ни в какой зависимости от основного или оборотного характера его составных частей. Совершенно справедливо, однако, — и это зачастую приводит к ложным

выводам, — что там, где значительно развит основной капитал, это является выражением только того факта, что производство ведётся в крупном масштабе и, следовательно, постоянный капитал сильно преобладает над переменным, другими словами, применяемая к делу живая рабочая сила незначительна по сравнению с массой средств производства, приводимых ею в движение.

Мы показали таким образом следующее: в разных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли, соответствующие различию в органическом строении капиталов и в известных пределах — различиям времени оборота; поэтому даже при равной норме прибавочной стоимости только по отношению к капиталам одинакового органического строения, — если предположить равное время оборота, — сохраняет силу закон (в общей тенденции), согласно которому прибыли относятся между собой, как величины капиталов и, следовательно, равновеликие капиталы в равные промежутки времени дают равновеликие прибыли.

Развитые нами соображения покоятся на той основе, которая до сих пор была основой всего нашего исследования, — что товары продаются по их стоимостям. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне несущественные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние.

Из первого отдела настоящей книги следует, что издержки производства одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы равновеликие капиталы, как бы ни было различно органическое строение этих капиталов. В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100 ф. ст., стоит одинаково дорого, должен ли он затратить 90**c**+10**v** или 10**c**+90**v**. Товар во всяком случае обходится ему в 100 ф.

ст., не больше и не меньше. Издержки производства в различных сферах производства при равновеликих затратах капитала одни и те же, как бы ни были различны между собой произведённые стоимости и прибавочные стоимости. Это равенство издержек производства образует базис капиталистической конкуренции, посредством которой устанавливается средняя прибыль.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Чему равна масса прибыли?
Каковы основные источники неравенства норм прибыли?
Что такое строение капитала?
Что такое техническое строение капитала?
Что такое органическое строение капитала?
Почему деление капитала на основной и оборотный не имеет значения для нормы прибыли?

Глава 9.
ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ (СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ) И ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ ТОВАРОВ В ЦЕНУ ПРОИЗВОДСТВА

цена производства, условие равенства суммы цен производства товаров сумме их стоимостей, факторами определения общей нормы прибыли, капитал высокого / среднего / низкого строения, издержки производства, стоимость, условие изменения цены производства, значение закона повышения (понижения) нормы прибыли

Органическое строение капитала зависит в каждый данный момент от двух обстоятельств: во-первых, от технического отношения между применяемой рабочей силой и массой применяемых средств производства; во-вторых, от цены этих средств производства. Его следует рассматривать, как мы видели, в процентном отношении. Органическое строение капитала, состоящего на ⅘ из постоянного и на ⅕ из переменного капитала, мы выражаем формулой $80\mathbf{c}+20\mathbf{v}$. Далее, при сравнении предполагается неизменная норма прибавочной стоимости, а именно какая-либо произвольная норма, например 100%. Капитал, состоящий из $80\mathbf{c}+20\mathbf{v}$, даёт таким образом прибавочную стоимость в $20\mathbf{m}$, что составляет на весь капитал норму прибыли в 20%. Величина действительной стоимости его продукта зависит от того, насколько велика основная часть постоянного капитала, и от того, много или мало из этой последней входит в стоимость продукта вследствие изнашивания. Но так как это обстоятельство не имеет значения для нормы прибыли, а потому и для настоящего исследования, то ради простоты мы принимаем, что постоянный капитал одинаково везде входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов. Мы принимаем далее, что капиталы различных сфер производства реализуют ежегодно одинаковое по отношению к величине переменной их части количество прибавочной стоимости; следовательно, мы пока оставляем в стороне ту разницу, которую в этом отношении может вызвать различие во времени оборота.

Следует иметь в виду, что стоимости товаров, производимые каждыми 100 единицами различных капиталов, могут быть

различны в зависимости от различного деления **c** на основную и оборотную составные части и что основные составные части различных капиталов могут, в свою очередь, изнашиваться медленнее или быстрее, следовательно, в равные промежутки времени присоединять к продукту неравные количества стоимости. На норму прибыли это, однако, не оказывает влияния.

Далее, цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, — такие цены суть **цены производства**. Предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме. Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства = **m / K** и должны быть выведены, как это и сделано в первом отделе настоящей книги, из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а, следовательно, и цена производства товара) была бы представлением, лишённым смысла и содержания. Цена производства товара равняется, таким образом, издержкам его производства плюс присоединённая к ним прибыль, исчисленная соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.

> ***Цена производства** товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.*

Вследствие различного органического строения капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому вследствие того, что в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины равновеликими капиталами приводятся в движение весьма различные количества труда, равновеликими капиталами присваиваются также весьма различные количества прибавочного труда, или производятся весьма различные массы прибавочной стоимости. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально весьма различны.

Эти **различные нормы прибыли выравниваются путём конкуренции в единую общую норму прибыли**, представляющую собой среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, выпадающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется **средней прибылью**. Цена товара, равная его издержкам производства плюс выпадающая на его долю при данных условиях его оборота часть годовой средней прибыли на капитал, применяемый в производстве товара (а не только потреблённый в его производстве), есть его цена производства.

Таким образом, **хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают обратно капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они получают не ту прибавочную стоимость, а следовательно и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, а лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, сколько при равномерном распределении её приходится на каждую соответственную часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведённой в течение данного промежутка времени этим совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых**.

Различные **капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества**, в котором прибыль распределяется между ними равномерно на каждую сотню капитала и поэтому для различных капиталистов она бывает различна лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций.

Таким образом, если капиталист продаёт свой товар по цене производства, то он получает количество денег, соответствующее величине стоимости капитала, потреблённого им в производстве, и извлекает прибыль, пропорциональную величине авансированного им капитала, просто как определённой части совокупного общественного капитала. То есть в масштабе общества, — если

рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведённых товаров равна сумме их стоимостей.

> ***Если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведённых товаров равна сумме их стоимостей.***

Между прибылью и прибавочной стоимостью не существует различия, поскольку, например, прибавочная стоимость капиталиста **A** входит в постоянный капитал капиталиста **B**. Ведь для стоимости товара совершенно безразлично, состоит ли заключающийся в нём труд из оплаченного или неоплаченного труда. Это показывает только, что **B** уплачивает прибавочную стоимость **A**. В общем итоге прибавочная стоимость **A** не может засчитываться два раза.

Однако существует всё же следующее различие. Мало того, что цена продукта, произведённого, например, капиталом **B**, отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в **B**, может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединённая к цене продуктов **B**, — то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала **B**, а косвенно — в качество жизненных средств рабочих — и переменную его часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс прибавочная стоимость, то есть в данном случае равна издержкам производства плюс прибыль, а эта прибыль, в свою очередь, может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то хотя дневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен работать для того, чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако само это количество часов, в свою очередь, непостоянно в силу того, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей. Всё это разрешается, однако, благодаря тому что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько её недостаёт в другом, а следовательно,

отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются. Вообще при **капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция**, как некоторая никогда твёрдо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний.

Так как общая норма прибыли образуется из средней различных норм прибыли на каждую сотню авансированного капитала за определённый период времени, скажем, за один год, то в ней погашается и то различие, которое создаётся различием времени оборота различных капиталов. Но эти различия являются определяющим моментом для различных норм прибыли тех разных сфер производства, средняя которых образует общую норму прибыли.

Таким образом, **общая норма прибыли определяется двумя факторами**:

1. Органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2. Распределением совокупного общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, то есть той долей, которая поглощается каждой отдельной сферой производства из всей массы общественного капитала.

В книгах I и II мы имели дело только со стоимостями товаров. Теперь же, с одной стороны, обособлены издержки производства как часть этой стоимости, с другой стороны, развита цена производства как превращённая форма стоимости товара.

Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже в зависимости от того, каково количество средств производства, приводимых в движение определённым количеством труда, или — при данном рабочем дне — определённым числом рабочих, то есть оно обратно пропорционально количеству труда, требуемого определённым количеством средств производства. Поэтому капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем

капиталами высокого строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем **капиталами низкого строения**. Наконец, **капиталами среднего строения** мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала.

> ***Капиталы высокого строения** — это капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал.*
> ***Капиталы низкого строения** — это капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале.*
> ***Капиталами среднего строения** мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала.*

Рассуждения, развитые выше, несомненно, модифицируют определение издержек производства товаров. **Первоначально предполагалось, что издержки производства товара равны стоимости товаров, потреблённых при его производстве**. Но цена производства данного товара для покупателя последнего является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потреблённых при их изготовлении средств производства. Для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить

в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остаётся справедливым положение, что **издержки производства товаров всегда меньше их стоимости**. В самом деле, как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потреблённых им средств производства, для капиталиста эти прошлые отклонения не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, содержащий прибавочную стоимость, то есть некоторый избыток стоимости над издержками его производства. Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства. По отношению к совокупному общественному капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тождественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно модифицируется, тем не менее в основе его всегда остаётся тот факт, что при **рассмотрении совокупного общественного капитала издержки производства произведённых им товаров оказываются ниже, чем стоимость**, или, в данном случае, применительно ко всей массе произведённых товаров, издержки производства их оказываются ниже, чем тождественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нём оплаченного труда, стоимость — всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства — сумме оплаченного труда плюс определённое количество неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства.

> ***Издержки производства** товара соответствуют только количеству заключающегося в нём оплаченного труда.*
> ***Стоимость** товара соответствует всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда.*
> ***Цена производства** товара соответствует сумме оплаченного труда плюс определённое количество неоплаченно-*

> *го труда (средней прибыли), независимое от особых условий данной сферы производства.*

Формула, согласно которой цена производства товара = **k + p**, то есть равна издержкам производства плюс прибыль, теперь точнее определилась в том смысле, что **p = kp'** (где **p'** — общая норма прибыли) и, следовательно, цена производства = **k + kp'**.

Цена производства товаров в каждой отдельной отрасли производства может изменяться:

1. При неизменной стоимости товаров (то есть при условии, что в производство товара входит неизменно одно и то же количество мёртвого и живого труда) — вследствие такого изменения общей нормы прибыли, которое не зависит от конкретных условий данной сферы производства;

2. При неизменной общей норме прибыли — вследствие изменения стоимости как в самой данной сфере производства в результате технических перемен, так и вследствие изменения стоимости товаров, которые входят в постоянный капитал данной сферы производства в качестве образующих элементов;

3. Наконец, — вследствие совместного влияния обоих этих обстоятельств.

Несмотря на крупные изменения, которым, — как будет показано дальше, — постоянно подвергаются фактические нормы прибыли в отдельных сферах производства, действительное изменение общей нормы прибыли, поскольку оно не вызывается какими-либо исключительными чрезвычайными экономическими событиями, наступает очень поздно вследствие целого ряда колебаний, охватывающих весьма продолжительные периоды, то есть колебаний, требующих много времени для того, чтобы наступило прочное и уравновешенное изменение общей нормы прибыли. Поэтому при рассмотрении сравнительно коротких периодов (колебания рыночных цен мы совершенно оставляем в стороне) изменения цен производства всегда следует объяснять в первую очередь действительным изменением стоимости товаров, то есть изменением общей суммы рабочего времени, необходимого для их производства. Простое изменение денежного выражения одних и тех же стоимостей здесь, разумеется, вовсе не принимается во внимание.

С другой стороны, очевидно, что если рассматривать совокупный общественный капитал, то сумма стоимости произведённых им товаров (или, в денежном выражении, их цена) будет = = **c+v+m** = стоимости постоянного капитала + стоимость переменного капитала + прибавочная стоимость. Если степень эксплуатации труда принять за величину постоянную, то при неизменной массе прибавочной стоимости норма прибыли может изменяться здесь лишь при том условии, если изменяется стоимость постоянного капитала, если изменяется стоимость переменного капитала, или если обе они вместе изменяются так, что изменяется **K**, а, следовательно, и **m / K**, то есть общая норма прибыли. Следовательно, в каждом случае изменение общей нормы прибыли предполагает изменение стоимости товаров, которые входят в качестве образующих элементов в постоянный капитал, в переменный капитал или одновременно в тот и другой.

Далее, общая норма прибыли может изменяться при неизменной стоимости товаров, раз изменяется степень эксплуатации труда.

Наконец, при неизменной степени эксплуатации труда общая норма прибыли может изменяться, если сумма применяемого труда относительно изменяется по сравнению с постоянным капиталом вследствие технических перемен в процессе труда. Но такие технические перемены всегда должны обнаруживаться в изменении стоимости товаров, а потому должны всегда сопровождаться изменением стоимости товаров, на производство которых теперь требуется больше или меньше труда, чем требовалось раньше.

В первом отделе мы видели, что прибавочная стоимость и прибыль тождественны, поскольку они рассматриваются со стороны их массы. Однако норма прибыли уже с самого начала оказывается отличной от нормы прибавочной стоимости, причём отличие это первоначально представляется лишь иной формой расчёта; но так как норма прибыли может повышаться или понижаться при неизменной норме прибавочной стоимости и наоборот, и так как капиталиста практически интересует исключительно норма прибыли, то это обстоятельство опять-таки с самого начала совершенно затемняет и мистифицирует происхождение прибавочной стоимости.

Иначе обстоит дело, когда установлена общая норма прибыли и при её посредстве средняя прибыль, соответствующая величине применяемого капитала, величине, данной для различных отраслей производства. Теперь только случайно прибавочная стоимость, а, следовательно, и прибыль, действительно произведённая в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно различными величинами. Теперь, при данной степени эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости, произведённая в какой-либо отдельной сфере производства, оказывается важнее для совокупной средней прибыли общественного капитала, то есть для класса капиталистов вообще, чем непосредственно для капиталиста в пределах каждой отдельной отрасли производства. Для последнего она важна лишь постольку, поскольку количество прибавочной стоимости, произведённой в его отрасли производства, участвует как один из определяющих моментов в регулировании средней прибыли. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, процесс, которого капиталист не видит, не понимает и которым он фактически не интересуется. Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, — а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, — в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочего. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости. Наконец, если уже при простом превращении прибавочной стоимости в прибыль та часть стоимости товара, которая образует прибыль, противопоставляется другой части стоимости как издержкам производства, то уже здесь понятие стоимости ускользает от капиталиста, потому что последний имеет перед собой не всё количество труда, которого стоит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мёртвых средств производства, и таким образом капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара; с превращением стоимости в цену производства это

представление окончательно утверждается, упрочивается и закостеневает, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне её.

То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые; что политическая экономия, как будет показано в дальнейшем изложении, до сих пор или произвольно абстрагировалась от различия между прибавочной стоимостью и прибылью, нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли с тем, чтобы иметь возможность сохранить в качестве основы определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза, — эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как капиталист, всецело захваченный конкурентной борьбой и отнюдь не проникающий за её внешние проявления, как такой капиталист-практик не способен распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй этого процесса.

Все **законы повышения и понижения нормы прибыли, развитые в первом отделе, в действительности имеют следующее двоякое значение**:

1. С одной стороны, это — законы общей нормы прибыли. При обилии различных причин, которые, согласно вышеизложенному, заставляют норму прибыли повышаться или понижаться, можно было бы думать, что общая норма прибыли ежедневно должна изменяться. Но движение в одной сфере производства уничтожается движением в другой сфере производства; влияния перекрещиваются и взаимно парализуются. Общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением совокупного капитала между различными отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянную причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изменения, которая благодаря непрерывности и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самоё себя.

2. В пределах каждой сферы норма прибыли этой сферы имеет возможность колебаться в течение более или менее продолжительного периода, пока колебание это после ряда повышений и понижений не консолидируется настолько, чтобы иметь достаточно времени для воздействия на общую норму прибыли и, следовательно, для того чтобы приобрести более чем местное значение. Поэтому в пределах таких пространственных и временных границ законы нормы прибыли, развитые в первом отделе этой книги, опять-таки сохраняют свою силу.

Отдельно взятый капиталист (или все капиталисты в каждой сфере производства), взгляд которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль происходит не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идёт о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обусловливается общей эксплуатацией труда совокупным капиталом, то есть всеми собратьями-капиталистами, это является для него совершеннейшей тайной, тем более что сами буржуазные теоретики, экономисты, до сих пор не разоблачили этой тайны. Экономия на труде — не только на труде, необходимом для производства определённого продукта, но и на числе занятых рабочих — и большее применение мёртвого труда (постоянного капитала) представляется операцией, экономически совершенно правильной и отнюдь не затрагивающей общей нормы прибыли и средней прибыли. Но как **же тогда живой труд может быть исключительным источником прибыли, если оказывается, что уменьшение количества труда, необходимого для производства, не только не понижает прибыли, но при известных условиях является, напротив, ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста**?

Изменение рабочего времени, необходимого для производства товаров, а следовательно изменение стоимости товаров, представляется теперь по отношению к издержкам производства, а потому и к ценам производства, как иное распределение той же самой заработной платы на большее или меньшее количество товаров, смотря по тому, больше или меньше товаров производится в течение того же самого рабочего времени за ту же самую заработную плату. **Капиталист, а следовательно и экономист, видят,**

что с изменением производительности труда изменяется количество оплаченного труда, которое падает на каждую штуку товара, а вместе с тем и стоимость каждой отдельной штуки; но они не видят, что то же самое имеет место и по отношению к неоплаченному труду, содержащемуся в каждой штуке товара, и они тем более не видят этого, так как средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощённым в данной сфере производства. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое цена производства?
Как относятся друг к другу простые капиталисты?
Когда сумма цен производства товаров равна сумме их стоимостей?
Какими факторами и почему определяется общая норма прибыли?
Что такое капитал высокого строения?
Что такое капитал низкого строения?
Что такое капитал среднего строения?
Что такое издержки производства?
Что такое стоимость?
Когда изменяется цена производства?
Какое значение имеют законы повышения (понижения) нормы прибыли?

Глава 10.
ВЫРАВНИВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРЕНЦИИ. РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ И РЫНОЧНЫЕ СТОИМОСТИ. ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ

последствие выравнивания нормы прибыли, причина выравнивания прибылей, рыночная стоимость и индивидуальная, неадекватность закона законом спроса и предложения, участие среднего капиталиста в эксплуатации рабочего класса

Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, то есть строение их капитала вполне или приблизительно такое же, как строение среднего общественного капитала.

Цена производства товаров, производимых в этих сферах, полностью или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах. Стоимость составляет математический предел цены производства. Конкуренция так распределяет общественный капитал между различными сферами производства, что цены производства в каждой сфере складываются по образцу цен производства в сферах среднего строения, то есть = **k + kp'** (издержки производства плюс произведение издержек производства на среднюю норму прибыли). Но эта средняя норма прибыли есть не что иное как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Следовательно, норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, равная норме прибыли в тех средних сферах производства, где господствует среднее строение капитала. Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости.

При этом неизбежно господствует тенденция сделать цены производства просто превращённой формой стоимости или превратить прибыли в простые части прибавочной стоимости, которые, однако, распределяются не пропорционально прибавочной стоимости, произведённой в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально массе капитала, применяемого в каждой

сфере производства, так что на равновеликие массы капитала, каково бы ни было их органическое строение, приходятся равновеликие доли (части) совокупной прибавочной стоимости, произведённой совокупным общественным капиталом.

> ***На равновеликие массы капитала, каково бы ни было их органическое строение, приходятся равновеликие доли (части) совокупной прибавочной стоимости, произведённой совокупным общественным капиталом.***

Таким образом для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает со стоимостью или приближается к ней, а прибыль — с произведённой ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каково бы ни было их строение, стремятся под давлением конкуренции выровняться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения по своему строению равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведённая ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, то есть стремятся реализовать цены производства.

С другой стороны, можно сказать, что везде, где образуется средняя прибыль, а следовательно, и общая норма прибыли, — каким бы путём ни достигался этот результат, — эта средняя прибыль не может быть ничем иным, как только прибылью на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости, и что цены, получаемые путём надбавки этой средней прибыли к издержкам производства, не могут быть ничем иным, как только стоимостью, превращённой в цены производства.

Действительно трудным вопросом является здесь следующий — **каким образом происходит это выравнивание прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом**?

Прежде всего очевидно, что оценка товарной стоимости, например в деньгах, может быть лишь результатом её обмена и что, предположив такую оценку, мы должны рассматривать её как результат действительного обмена товарной стоимости

на товарную стоимость. **Каким же образом может осуществиться этот обмен товаров по их действительным стоимостям**?

Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведённых данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала.

Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, движение их подчиняется закону стоимости. Когда уменьшается рабочее время, необходимое для производства товара, падают и цены; когда оно увеличивается, повышаются при прочих равных условиях и цены.

Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как предшествующее цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землёй, и ремесленника. Это согласуется и с тем мнением, что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закреплённые в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины.

Для того чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, соответствовали приблизительно их стоимостям, требуется лишь:

1. Чтобы обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или только единичным явлением;

2. Чтобы, поскольку мы рассматриваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что устанавливается взаимным опытом, приобретаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и

3. Поскольку речь идёт о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости или не принуждала их уступать ниже её. Под случайной монополией мы понимаем монополию, возникающую для покупателя или продавца из случайного соотношения спроса и предложения.

Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимостям, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз. Необходимо, кроме того, всегда отличать **рыночную стоимость** от **индивидуальной стоимости** отдельных товаров, произведённых различными производителями. Индивидуальная стоимость некоторых из этих товаров будет стоять ниже их рыночной стоимости (то есть для их производства требуется меньше рабочего времени, чем выражает рыночная стоимость), индивидуальная стоимость других товаров — выше их рыночной стоимости. Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведённых в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней.

Итак, как бы ни регулировались цены, получаются следующие выводы:

1. Закон стоимости управляет движением цен так, что уменьшение или увеличение количества труда, необходимого для производства, заставляет цены производства понижаться или повышаться.

2. Средняя прибыль, определяющая цены производства, всегда должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной

стоимости, которое приходится на данный капитал, как соответствующую часть всего общественного капитала.

Далее, для того чтобы товары одной и той же сферы производства, одного и того же вида и приблизительно одного и того же качества продавались по их стоимости, необходимы **два условия**:

Во-первых, различные индивидуальные стоимости должны выровняться в одну общественную стоимость, рыночную стоимость, а для этого требуется наличие конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, так же, как и наличие рынка, на котором они одновременно предлагают свои товары.

Во-вторых. То обстоятельство, что товар имеет потребительную стоимость, означает лишь, что он удовлетворяет какой-либо общественной потребности. Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли предполагать, что существует потребность в этом определённом товаре, — количество которого уже заключено в его цене, — и дальше не вдавались в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, коль скоро, с одной стороны, имеется продукт целой отрасли производства, а с другой — общественная потребность в нём.

Товарная масса не только удовлетворяет известную потребность, но удовлетворяет её в общественных размерах. Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости. И первое отклонение состоит в том, что при недостаточном количестве рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведённые при худших условиях; при избыточном количестве — всегда товары, произведённые при наилучших условиях; что, таким образом, рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей, несмотря на то, что на основании самого по себе отношения между массами, произведёнными при различных условиях, должен был бы получиться иной результат. Если разница между спросом и предложением продуктов значительнее, то и рыночная цена будет значительнее отклоняться вверх или вниз от рыночной стоимости. Но разница между количеством произведённых товаров и тем количеством их, которое продаётся по их рыночной стоимости, может иметь двоякую причину. Или изменяется, становится слишком малым или слишком большим

само количество произведённых товаров, так что воспроизводство совершается в ином масштабе, чем тот, который регулировал данную рыночную стоимость. В этом случае изменяется предложение, хотя спрос остаётся неизменным, и, следовательно, имеет место относительное перепроизводство или недопроизводство. Или же воспроизводство, то есть предложение, остаётся неизменным, а спрос падает или поднимается, что может совершиться по различным причинам, хотя при этом абсолютная величина предложения осталась той же самой, его относительная величина, его величина по сравнению с потребностью, изменилась. Это оказало бы такое же влияние, как и в первом случае, только в противоположном направлении. Наконец, если изменения совершаются с той и с другой стороны, но в различных направлениях, или же хотя в одном направлении, но в различной степени, — одним словом, если совершаются изменения двусторонние, но в то же время изменяющие прежнее соотношение между сторонами, то конечный результат неизбежно должен свестись к одному из двух рассмотренных выше случаев.

Действительная трудность при общем определении понятий **спроса и предложения** заключается в том, что определения эти как будто сводятся к тавтологии.

Рассмотрим сначала предложение, то есть продукт, который находится на рынке или может быть доставлен на него.

Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определённого вида товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определённый товар произведён в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается. (*Только там, где производство находится под действительным, предопределяющим это производство контролем общества, общество создаёт связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определённого предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей*

удовлетворению при помощи этого предмета.) Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана. Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определённого вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. Если же количество общественного труда, затраченного на производство определённого товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведённая масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продаётся по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, — не из отклонений выводить самый закон.

Рассмотрим теперь другую сторону дела — спрос.

Товары покупаются или как средства производства или как жизненные средства для того, чтобы войти в производительное или личное потребление, причём дело не изменяется от того, что некоторые виды товаров могут служить обеим этим целям. Следовательно, спрос на них предъявляется со стороны производителей (в данном случае капиталистов, так как предполагается, что средства производства превращены в капитал) и со стороны потребителей.

На стороне спроса имеется определённая общественная потребность данной величины, которая требует для своего покрытия наличия на рынке определённого количества товаров. Но количественная определённость этой потребности чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксированной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то рабочие покупали бы их больше, и обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных видах товаров, причём мы совершенно оставляем в стороне пауперов и так далее, «спрос» которых стоит ниже самых крайних границ их физической потребности. Если бы, с другой стороны, цена, например, хлопка, понизилась, то возрос бы спрос капиталистов на хлопок, больше дополнительного

капитала было бы вложено в хлопчатобумажную промышленность и так далее.

Пределы, в которых представленная на рынке потребность в товарах — спрос — количественно отклоняется от действительной общественной потребности, конечно, очень различны для различных товаров; имеется в виду разница между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных, соответственно жизненных, условиях покупателей.

Нет ничего легче, как понять неравномерность спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определённой отрасли производства может быть продана по её рыночной стоимости — не выше и не ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И во-вторых, если товары могут быть проданы по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. **Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют вовне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил**. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. **Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения** (если даже оставить в стороне более глубокий анализ обеих этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществлёнными в чистом виде

лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, то есть покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно, с **научной точки зрения этот случай должен быть = 0, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему?**

Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, то есть рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, — для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать её. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, — что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истёкшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путём **рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, если рассматривать их среднюю величину, выравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью,** причём отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое, но и практическое значение для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и выравнивания в течение более или менее определённого периода времени.

Следовательно, **отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, то есть уничтожить влияние отношения между**

спросом и предложением. Какова бы ни была рыночная стоимость, спрос и предложение должны уравновеситься, чтобы она реализовалась. Это значит, что не отношение спроса к предложению объясняет рыночную стоимость, а, наоборот, **эта последняя объясняет колебания спроса и предложения**.

В отношении между спросом и предложением товаров отражается, во-первых, отношение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами, покупателем и продавцом; во-вторых, — отношение между производителем и потребителем, хотя оба последние могут быть представлены третьими лицами, торговцами.

Рассматривая спрос и предложение, мы считаем, что предложение представляет сумму продавцов, или производителей, данного определённого товара, а спрос — покупателей, или потребителей (индивидуальных или производительных), этого же самого товара. И притом суммы эти действуют друг на друга как целое, как агрегатные силы. Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, — именно в такой форме конкуренция обнаруживает *общественный* характер производства и потребления.

Спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость, и, поскольку они действуют на капиталистическом базисе, поскольку товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно, совершенно иное сплетение отношений, чем простая купля и продажа товаров. Здесь речь идёт не о формальном превращении стоимости товаров в цену, то есть не о простом изменении формы; речь идёт об определённых количественных отклонениях рыночных цен от рыночных стоимостей и, далее, от цен производства. При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров как таковые противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собой совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, **для понимания спроса и предложения, которые производители как таковые создают**

друг для друга; необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом.

При капиталистическом производстве речь идёт не только о том, чтобы за массу стоимости, брошенную в обращение в форме товара, выручить равную массу стоимости в другой форме, — денежной или товарной, — речь идёт о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь такую же прибавочную стоимость, или прибыль, какую получает всякий другой капитал такой же величины, или соответственно его величине, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется; следовательно, речь идёт о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, то есть по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает сознавать себя как общественную силу, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всём общественном капитале.

Во-первых, капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определённой потребительной стоимости и вообще к специфическим особенностям того товара, который оно создаёт. В каждой сфере производства речь идёт для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость, присвоить себе в продукте труда определённое количество неоплаченного труда. И равным образом наёмный труд, подчинённый капиталу, по самой своей природе относится безразлично к специфическому характеру своих работ, он должен видоизменяться сообразно потребностям капитала и допускать переброску его из одной сферы производства в другую.

Во-вторых, на деле одна сфера производства так же хороша или плоха, как и другая; каждая приносит одинаковую прибыль, и каждая не оправдывала бы своего назначения, если бы производимые ею товары не удовлетворяли какой-либо общественной потребности.

Но если товары продаются по их стоимостям, то, как было уже показано выше, в разных сферах производства возникают весьма различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль.

Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, — словом, **посредством своего распределения между различными сферами производства, в зависимости от понижения и повышения нормы прибыли, капитал обусловливает такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создаётся одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства**. Это выравнивание капиталу удаётся осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, то есть чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, при которых совершается процесс производства.

> ***Постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, чем, во-первых, подвижнее капитал, то есть чем легче он может быть перенесён из одной сферы и из одного места в другие; во-вторых, чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного центра производства данной местности в другой.***

Пункт первый предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, то есть устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распылённую массу свободного общественного капитала, противопоставляя её отдельному капиталисту; наконец, — подчинение различных сфер производства капиталистам. Последнее уже включено в принятые нами предпосылки, раз мы допустили, что речь идёт о превращении стоимостей в цены производства во всех капиталистически эксплуатируемых сферах производства; однако само это выравнивание наталкивается на более крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются

и с ними переплетаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся не капиталистически (например, земледелие мелких крестьян). Необходима, наконец, значительная плотность населения. Пункт второй предполагает: отмену всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного центра производства данной местности в другой; безразличное отношение рабочего к содержанию его труда; возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду; освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков; наконец, — и это в особенности — подчинение рабочего капиталистическому способу производства. Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции.

Из сказанного следует, что каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обусловливает своим участием определённую степень этой эксплуатации — и участвует не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, — если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом.

Итак, мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым.

Цена производства включает в себя среднюю прибыль. Мы называем её ценой производства — фактически это то же самое, что Адам Смит называет «естественной ценой», Рикардо — «ценой производства», «стоимостью производства», физиократы — «необходимой ценой», причём никто из них не исследовал отличия цены производства от стоимости, — так как цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

К чему приводит выравнивание нормы прибыли?
Каким образом происходит выравнивание прибылей?
Чем отличается рыночная стоимость от индивидуальной?
Что не так с законом спроса и предложения?
Как средний капиталист участвует в эксплуатации рабочего класса?

Глава 11.
ВЛИЯНИЕ ОБЩИХ КОЛЕБАНИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА

воздействие на цены производства,
повышение / понижение заработной платы

Общее повышение заработной платы, при прочих равных условиях, означает понижение нормы прибавочной стоимости. Для среднего капитала прибыль и прибавочная стоимость совпадают.

При общем повышении заработной платы:

1. Для капитала среднего общественного строения цена производства товара осталась неизменной;

2. Для капитала более низкого строения цена производства товара возросла, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль;

3. Для капитала более высокого строения цена производства товара упала, хотя и не в том отношении, как прибыль.

Так как цена производства товаров, производимых капиталом среднего строения, осталась неизменной, равной стоимости продукта, то и сумма цен производства продуктов всех капиталов осталась неизменной, равной сумме стоимостей, произведённых совокупным капиталом; повышение, с одной стороны, понижение, с другой стороны, для всего капитала выравниваются до уровня общественного среднего капитала.

Каким же образом подействует **общее понижение заработной платы** и соответствующее ему общее повышение нормы прибыли, а следовательно, и средней прибыли, на цены производства товаров, которые являются продуктом капиталов, отклоняющихся от общественного среднего строения в противоположных направлениях? Стоит только перевернуть вышеприведённые рассуждения, чтобы получить результат.

Итак, мы видим, что следует лишь повторить предыдущие рассуждения, но в обратном направлении и с соответствующими поправками; общее понижение заработной платы имеет своим результатом: общее повышение прибавочной стоимости, нормы прибавочной стоимости, а следовательно, при прочих равных условиях, нормы прибыли, хотя и в иной пропорции; понижение

цен производства для товаров, произведённых капиталами с низким, повышение цен производства для товаров, произведённых капиталами с высоким строением. Результат — как раз противоположный тому, который мы имели при общем повышении заработной платы. В обоих случаях — и при повышении, и при понижении заработной платы — продолжительность рабочего дня предполагалась неизменяющейся точно так же, как и цена всех необходимых жизненных средств. Таким образом, понижение заработной платы здесь возможно лишь при том условии, если она или раньше стояла выше нормальной цены труда, или теперь опускается ниже её. Какие произойдут модификации, если понижение или повышение заработной платы вызывается изменением стоимости, а следовательно, и цен производства товаров, входящих в обычное потребление рабочего, это будет отчасти исследовано ниже, в отделе о земельной ренте. Здесь же мы заметим раз навсегда следующее:

Если повышение или понижение заработной платы вызывается изменением стоимости необходимых жизненных средств, то вышеприведённые соображения могут модифицироваться лишь постольку, поскольку товары, изменение цен которых повышает или понижает размеры переменного капитала, входят в то же время и в постоянный капитал в качестве образующих его элементов и, следовательно, воздействуют не на одну только заработную плату. Поскольку же они воздействуют только на заработную плату, вышеприведённые соображения заключают в себе всё, что следует сказать относительно этого случая.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как воздействует на цены производства повышение заработной платы?

Как воздействует на цены производства понижение заработной платы?

Глава 12.
ДОБАВЛЕНИЯ

цена производства, причины изменений цена производства, причины выравнивания нормы прибыли

Цена производства какого-либо товара может изменяться только в результате двух причин:

Во-первых. Изменяется общая норма прибыли. Это возможно лишь при том условии, если изменяется сама средняя норма прибавочной стоимости или — при неизменной средней норме прибавочной стоимости — если изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости к сумме всего авансированного общественного капитала. То есть в обоих случаях сохраняет силу следующий закон: если изменяется цена производства данного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, однако должно произойти изменение стоимости других товаров.

Во-вторых. Общая норма прибыли остаётся неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого, причём безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Например, цена производства хлопчатобумажной пряжи может упасть или потому, что дешевле производится хлопок-сырец, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие усовершенствования машин.

> ***Цена производства**, как было показано выше, равняется $k + p$, то есть издержкам производства плюс прибыль. А это, в свою очередь, равно $k + kp'$, где k, издержки производства, — неопределённая величина, изменяющаяся в различных сферах производства и всегда равная стоимости постоянного и переменного капитала, потреблённого в производстве товара, а p' есть исчисленная в процентах средняя норма прибыли.*

Всякое изменение цены производства товаров в конечном счёте сводится к изменению стоимости; но не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства, так как эта последняя определяется не только стоимостью данного товара, но также совокупной стоимостью всех товаров. Изменение, касающееся товара **A**, может быть уравновешено противоположным изменением товара **B**, так что общее отношение остаётся неизменным.

Цена производства товаров среднего строения

Отклонения цен производства от стоимостей происходят вследствие того:

1. Что к издержкам производства товара присоединяется не та прибавочная стоимость, которая в нём содержится, а средняя прибыль;

2. Что цена производства товара, отклоняющаяся таким образом от его стоимости, входит как элемент в издержки производства другого товара, так что уже в издержках производства товара может заключаться отклонение от стоимости потреблённых на него средств производства независимо от того отклонения, которое для самого этого товара получается вследствие разницы между средней прибылью и прибавочной стоимостью.

Возможно, что и у товаров, произведённых капиталами среднего строения, издержки производства отклоняются от суммы стоимости элементов, из которых слагается эта составная часть их цены производства. Однако эта возможность нисколько не колеблет справедливости положений, установленных для товаров среднего строения. Количество прибыли, приходящейся на эти товары, равно количеству заключающейся в них самих прибавочной стоимости. Повышение или понижение заработной платы оставляет в этом случае **k + p** столь же неизменным, сколь неизменной оставило бы оно стоимость товара, и вызывает только соответственное обратное движение, понижение или повышение, на стороне нормы прибыли. А именно, если бы вследствие повышения или понижения заработной платы изменилась в данном случае цена товаров, то норма прибыли в этих сферах среднего строения оказалась бы выше или ниже её уровня в других сферах.

Лишь поскольку цена остаётся неизменной, сферы среднего строения сохраняют свой уровень прибыли, одинаковый с другими сферами. Таким образом практически дело происходит совершенно так, как если бы продукты этой сферы продавались по их действительной стоимости. В самом деле, если товары продаются по их действительным стоимостям, то очевидно, что при прочих равных условиях повышение или понижение заработной платы вызовет соответственное понижение или повышение прибыли, но отнюдь не изменение стоимости товаров, и что при всех обстоятельствах повышение или понижение заработной платы может затронуть только величину прибавочной стоимости, а никак не стоимость товаров.

Основания у капиталиста для компенсации

Как уже было сказано, **конкуренция выравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства**. И это совершается путём постоянного перелива капитала из одной сферы в другую, где в данный момент прибыль стоит выше среднего уровня; при этом, однако, должны быть приняты во внимание колебания прибыли, связанные для известной отрасли промышленности на протяжении известного периода с чередованием скудных и весьма прибыльных годов. Эта непрерывная эмиграция и иммиграция капитала, происходящая между различными сферами производства, вызывает восходящие и нисходящие движения нормы прибыли, которые более или менее взаимно уравновешиваются и в силу этого имеют тенденцию повсюду сводить норму прибыли к одному общему уровню.

> ***Конкуренция выравнивает нормы прибыли** различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства.*

Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, выравнивание различных норм прибыли

отдельных сфер производства в общую норму прибыли отнюдь не совершается исключительно путём отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами. После того как на известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, до сознания отдельных капиталистов доходит, что при таком выравнивании выравниваются определённые различия, которые немедленно учитываются капиталистами в их взаимных расчётах. В представлении капиталистов эти различия живут и учитываются ими как **основания для компенсации**.

Основой такого представления является при этом сама средняя прибыль, то есть то, что капиталы равной величины в равные промежутки времени должны давать равную прибыль. А это, в свою очередь, основывается на том, что капитал каждой сферы производства должен соответственно своей величине участвовать в присвоении совокупной прибавочной стоимости, выжатой из рабочих совокупным общественным капиталом; или что каждый отдельный капитал должен рассматриваться просто как часть совокупного капитала, каждый отдельный капиталист должен рассматриваться по существу как акционер общего предприятия, который участвует в общей прибыли соответственно величине своей доли во всём капитале.

> ***Каждый отдельный капитал должен рассматриваться просто как часть совокупного капитала, каждый отдельный капиталист должен рассматриваться по существу как акционер общего предприятия, который участвует в общей прибыли соответственно величине своей доли во всём капитале.***

На этом представлении основываются затем расчёты капиталистов. Так, например, если капитал оборачивается сравнительно медленно или потому, что товары дольше остаются в процессе производства, или потому, что они должны быть проданы на более отдалённых рынках, то прибыль, ускользающая от него вследствие этого, всё-таки начисляется, следовательно, компенсируется путём надбавки к цене. Точно так же капиталовложения, подвергающиеся исключительно большим опасностям, например вложения в морской транспорт, тоже получают компенсацию

в виде надбавки к цене. Когда капиталистическое производство, а вместе с ним и страховое дело достаточно развиваются, опасность становится фактически одинаковой для всех сфер производства; предприятия, наиболее подверженные опасности, платят, однако, более высокие страховые суммы и компенсируют себя за это в цене своих товаров. На практике всё сводится к тому, что каждое обстоятельство, которое делает данное вложение капитала более прибыльным, а другое менее прибыльным, — а в известных границах все вложения считаются одинаково необходимыми, — принимается в расчёт, как раз навсегда установленное основание для компенсации; причём уже нет надобности в новых и новых действиях конкуренции, чтобы оправдать этот мотив или правильность этого расчёта. **Капиталист забывает только, — или, скорее, не видит, так как конкуренция ему этого не показывает, — что все эти основания для компенсации, выдвигаемые капиталистами друг против друга при взаимном расчёте товарных цен в различных отраслях производства, покоятся исключительно на том, что все капиталисты имеют соответственно их капиталу одинаковое притязание на общую добычу, на совокупную прибавочную стоимость. Наоборот, так как фактически полученная ими прибыль отлична от выжатой ими прибавочной стоимости, то им кажется, что их основания для компенсации не выравнивают их участия в совокупной прибавочной стоимости, а создают самоё прибыль, так как эта последняя возникает якобы просто из так или иначе мотивированной надбавки к издержкам производства товаров**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое цена производства?
Из-за чего может изменяться цена производства?
Что выравнивает нормы прибыли?

Отдел 3.
ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К ПОНИЖЕНИЮ

Глава 13.
ЗАКОН КАК ТАКОВОЙ

закон тенденции нормы прибыли к понижению, что способствует / препятствует понижению нормы прибыли

При неизменяющейся степени эксплуатации труда одна и та же норма прибавочной стоимости выражалась бы в понижающейся норме прибыли, потому что вместе с материальным объёмом постоянного капитала возрастает, хотя и не в той же пропорции, и величина стоимости постоянного, а следовательно, и всего, капитала.

Постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом постепенное понижение общей нормы прибыли при неизменяющейся норме прибавочной стоимости, или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но законом капиталистического способа производства оказалось, что с его развитием совершается относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом и, следовательно, по сравнению со всем приводимым в движение капиталом. Это означает только то, что одинаковое число рабочих, одинаковое количество рабочей силы, которым может располагать переменный капитал данной стоимостной величины, вследствие развития методов производства, свойственных капиталистическому производству, за одинаковое время приводит в движение, перерабатывает и производительно потребляет постоянно возрастающую массу средств труда, машин и других видов основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, а потому — и постоянный капитал, постоянно возрастающий по своей стоимостной величине. Такое прогрессирующее относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, и, следовательно со всем, капиталом тождественно с прогрессирующим повышением среднего органического строения общественного капитала. Это является также только иным выражением прогрессирующего

развития общественной производительной силы труда, которое сказывается именно в том, что посредством возрастающего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, то есть с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырья и вспомогательных материалов. Получается, что каждый индивидуальный продукт, рассматриваемый сам по себе, содержит меньшую сумму труда, чем на низшей ступени производства, где отношение капитала, затраченного на труд, к капиталу, затраченному на средства производства, представляет несравненно большую величину.

Указанная тенденция капиталистического производства оказывается действительной и вместе с прогрессирующим относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным создаёт всё более высокое органическое строение всего капитала, непосредственным результатом чего является то, что при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда норма прибавочной стоимости выражается в постоянно понижающейся общей норме прибыли.

Следовательно, возрастающая тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение, **свойственное капиталистическому способу производства**.

Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по сравнению с массой приводимого им в движение овеществлённого труда, с массой производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего вложенного капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего вложенного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать.

Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному капиталу, из которого она возникает. Следовательно, понижение нормы прибыли выражает убывающее отношение

самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями.

Закон понижения нормы прибыли, — причём в понижающейся норме прибыли получает выражение та же самая или даже возрастающая норма прибавочной стоимости, — иными словами означает следующее: если взять какое-нибудь определённое количество среднего общественного капитала, например капитал в 100, то часть его, заключающаяся в средствах труда, всё возрастает, а часть, заключающаяся в живом труде, всё уменьшается. Следовательно, так как **совокупная масса живого труда, присоединяемого к средствам производства, относительно уменьшается по сравнению со стоимостью этих средств производства, то относительно уменьшается по сравнению со стоимостью всего авансированного капитала и неоплаченный труд и та часть стоимости, в которой он выражается**. Или: из **всего затрачиваемого капитала в живой труд превращается всё меньшая часть, и поэтому весь этот капитал всасывает по сравнению со своей величиной всё меньше прибавочного труда, хотя одновременно с этим может возрастать отношение неоплаченной части применяемого труда к его оплаченной части**. Относительное уменьшение переменного капитала и увеличение постоянного при абсолютном возрастании обеих этих частей есть, как мы сказали, только другое выражение возрастающей производительности труда.

> ***Закон понижения нормы прибыли** означает следующее: если взять какое-нибудь определённое количество среднего общественного капитала, например капитал в 100, то часть его, заключающаяся в средствах труда, всё возрастает, а часть, заключающаяся в живом труде, всё уменьшается.*
>
> *Следовательно, так как совокупная масса живого труда, присоединяемого к средствам производства, относительно*

уменьшается по сравнению со стоимостью этих средств производства, то относительно уменьшается по сравнению со стоимостью всего авансированного капитала и неоплаченный труд и та часть стоимости, в которой он выражается;

или: из всего затрачиваемого капитала в живой труд превращается всё меньшая часть, и поэтому весь этот капитал всасывает по сравнению со своей величиной всё меньше прибавочного труда, хотя одновременно с этим может возрастать отношение неоплаченной части применяемого труда к его оплаченной части.

Число рабочих, занятых капиталом, то есть абсолютная масса труда, приводимого им в движение, следовательно, абсолютная масса высасываемого им прибавочного труда, а потому и масса производимой им прибавочной стоимости, а значит и абсолютная масса производимой им прибыли, может возрастать, и возрастать прогрессивно, несмотря на прогрессивное падение нормы прибыли. Это не только возможно. На основе капиталистического производства так должно быть, если оставить в стороне преходящие колебания. Процесс капиталистического производства, по существу, есть в то же время и процесс накопления. Мы показали, как с развитием капиталистического производства масса стоимости, которая должна быть просто воспроизведена, сохранена, увеличивается и возрастает вместе с повышением производительности труда, если даже применяемая рабочая сила остаётся неизменной. Но с развитием общественной производительной силы труда ещё быстрее возрастает масса производимых потребительных стоимостей, часть которых составляют средства производства. А количество добавочного труда, путём присвоения которого это добавочное богатство может быть снова превращено в капитал, зависит не от стоимости, а от массы этих средств производства (включая и жизненные средства), так как в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства. Однако само накопление

и сопровождающая его концентрация капитала сами являются материальным средством увеличения производительной силы. Но это возрастание средств производства предполагает возрастание численности рабочего населения, создание населения рабочих, соответствующего добавочному капиталу и даже, в общем и целом, постоянно превышающего его потребности, следовательно, предполагает перенаселение рабочих. Временный избыток добавочного капитала сравнительно с рабочим населением, находящимся под его командой, может оказывать двоякое влияние. С одной стороны, он может постепенно увеличивать рабочее население путём повышения заработной платы, то есть путём смягчения губительных влияний, сокращающих прирост рабочих, и облегчением браков. А с другой стороны, посредством применения методов, создающих относительную прибавочную стоимость (введение и усовершенствование машин), он может ещё быстрее создавать искусственное относительное перенаселение, которое, в свою очередь, — так как при капиталистическом производстве нищета порождает население, — служит теплицей для действительно быстрого увеличения численности населения. Поэтому из природы капиталистического процесса накопления, который составляет лишь момент в капиталистическом процессе производства, само собой следует, что возросшая масса средств производства, предназначенных к превращению в капитал, всегда находит в наличии соответственно увеличившееся и даже избыточное рабочее население, пригодное для эксплуатации. Следовательно, с развитием процесса производства и накопления необходимо должна возрастать масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому должна возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом. Но те **же законы производства и накопления вместе с увеличением массы постоянного капитала обусловливают в возрастающей прогрессии увеличение его стоимости более быстрое, чем увеличение стоимости переменной части капитала, обмениваемой на живой труд**. Таким образом, в силу одних и тех же законов абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается.

> ***Закон понижения нормы прибыли** при капитализме: абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается.*

Возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов. Рука об руку и во взаимодействии с этим совершается прогрессирующая экспроприация более или менее непосредственных производителей. Таким образом в отношении отдельных капиталистов понятно, что они командуют всё большими рабочими армиями (как бы относительно ни уменьшался их переменный капитал по сравнению с постоянным), что масса присваиваемой ими прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, возрастает одновременно с понижением нормы прибыли и несмотря на такое понижение. Именно те самые причины, в силу которых происходит концентрация массы рабочих армий под командой отдельных капиталистов, приводят также и к увеличению массы применяемого основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, относительно более быстрому и значительному, чем увеличение массы применяемого живого труда.

Далее, нам достаточно здесь просто упомянуть, что при данной численности рабочего населения, если норма прибавочной стоимости возрастает, — вследствие ли удлинения рабочего дня или интенсификации труда рабочего или же вследствие понижения заработной платы в стоимостном выражении, являющегося результатом развития производительной силы труда, — масса прибавочной стоимости, а потому и абсолютная масса прибыли, должна возрасти, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным.

То же самое развитие производительной силы общественного труда, те же самые законы, которые выражаются в относительном уменьшении переменного капитала по сравнению со всем капиталом и в ускоряющемся вместе с тем накоплении, — между тем как, с другой стороны, накопление, оказывая обратное действие, становится исходным пунктом дальнейшего развития производительной силы и дальнейшего относительного уменьшения

переменного капитала, — это же самое развитие, если оставить в стороне временные колебания, выражается в прогрессивном увеличении всей применяемой рабочей силы, во всё усиливающемся возрастании абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли.

В какой же форме должен выражаться этот двойственный закон, согласно которому уменьшение нормы прибыли и одновременное увеличение абсолютной массы прибыли, возникает в силу одних и тех же причин; закон, основанный на том, что при данных условиях присваиваемая масса прибавочного труда, а следовательно и прибавочной стоимости, возрастает и что, если рассматривать весь капитал в целом или рассматривать каждый отдельный капитал только как часть всего капитала, прибыль и прибавочная стоимость суть тождественные величины?

В той же мере, в какой развивается капиталистическое производство, развивается также возможность появления относительно избыточного рабочего населения, не потому, что производительная сила общественного труда уменьшается, а потому, что она увеличивается, то есть не вследствие абсолютного несоответствия между трудом и средствами существования или средствами для производства этих средств существования, а вследствие несоответствия, вытекающего из капиталистической эксплуатации труда, несоответствия между прогрессивным возрастанием капитала и его относительно уменьшающейся потребностью в возрастании населения.

Итак, одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли: так что в общем относительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обоих.

Как мы показали, этот двусторонний результат может выразиться лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того чтобы при более высоком строении капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно

было применить абсолютно возросший переменный капитал, весь капитал должен возрасти не только в соответствии с более высоким строением, но ещё быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства требуется всё большее количество капитала для того, чтобы применять ту же самую рабочую силу, и тем более для того, чтобы применять увеличивающуюся рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создаёт постоянное явное перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только ⅙ всего капитала вместо прежней ½, то для того, чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того, чтобы дать занятие вдвое большей рабочей силе, он должен возрасти в шесть раз.

Закон, согласно которому понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли, этот закон выражается и в том, что падение цен товаров, производимых капиталом, сопровождается относительным увеличением массы прибыли, заключающейся в них и реализуемой посредством их продажи.

То обстоятельство, что цена отдельных товаров, из суммы которых состоит совокупный продукт капитала, падает, означает только то, что данное количество труда реализуется в большей массе товаров, следовательно, что каждая штука товара содержит меньше труда, чем прежде. Это имеет место даже в том случае, если повышается цена некоторой части постоянного капитала, сырья и прочее.

То вытекающее из природы капиталистического способа производства явление, что при возрастающей производительности труда цена отдельного товара, или данного количества товара, понижается, число товаров увеличивается, масса прибыли на отдельный товар и норма прибыли на данную сумму товаров понижаются, а масса прибыли на всю сумму товаров увеличивается, — это явление выражает на поверхности только понижение массы прибыли, приходящейся на отдельный товар, понижение его цены, увеличение массы прибыли на увеличившееся общее число товаров, произведённых всем капиталом общества или же отдельным капиталистом. **Это явление воспринимается так, будто капиталист**

по доброй воле получает меньшую прибыль с единицы товара, но компенсирует себя тем, что производит большее количество товаров. Такое понимание основывается на представлении о прибыли, как «прибыли от отчуждения», а это представление, в свою очередь, взято из воззрений купеческого капитала.

Ранее, в четвёртом и седьмом отделах первой книги, мы видели, что масса товаров, возрастающая вместе с производительной силой труда, и удешевление отдельного товара (поскольку эти товары не влияют определяющим образом на цену рабочей силы) сами по себе, несмотря на понижение цены, не изменяют отношения оплаченного и неоплаченного труда в отдельном товаре.

Так как при конкуренции всё представляется в ложном, в извращённом виде, то отдельный капиталист может вообразить себе: 1) что, понижая цену, он понижает свою прибыль с единицы товара, но вместе с тем выручает большую прибыль вследствие увеличения массы товаров, которые он продаёт; 2) что он устанавливает цену единицы товара и посредством умножения определяет цену всего продукта, тогда как первоначальный процесс — это процесс деления (см. книгу I, главу 10); умножение же оказывается правильным лишь как второй этап, предполагающий предварительно такое деление. Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит своеобразные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на якобы более теоретический, обобщающий язык, и вымучивает обоснование правильности этих представлений.

В действительности понижение цен товаров и увеличение массы прибыли на увеличивающуюся массу удешевлённых товаров есть только другое выражение закона понижения нормы прибыли при одновременном увеличении её массы.

> ***Закон понижения нормы прибыли при капитализме гласит, что есть тенденция к понижению нормы прибыли при одновременном увеличении её массы.***

Капиталист, применяющий усовершенствованные, но ещё не получившие всеобщего распространения методы производства, продаёт по цене ниже рыночной, но выше его индивидуальной цены производства; таким образом, норма прибыли повышается

для него до тех пор, пока её не уравняет конкуренция; пока продолжается этот период выравнивания, происходит и другой процесс — рост капиталовложений; смотря по степени этого роста, капиталист будет в состоянии предоставить работу при новых условиях части прежде занятых рабочих, быть может, всем им или даже бóльшему, чем прежде, числу рабочих, следовательно, будет в состоянии производить ту же самую или бóльшую массу прибыли.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём суть закона тенденции нормы прибыли к понижению?
Что способствует понижению нормы прибыли?
Что препятствует понижению нормы прибыли?

Глава 14.
ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРИЧИНЫ

в законе понижения нормы прибыли говорится именно о лишь тенденции к понижению

Если принять во внимание чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда, в особенности если принять во внимание, что не только собственно машины, а вся огромная масса основного капитала входит в совокупность общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым. Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению. Наиболее общие из этих причин следующие.

Повышение степени эксплуатации труда

Степень эксплуатации труда, присвоение прибавочного труда и прибавочной стоимости, повышается, в частности, посредством **удлинения рабочего дня** и **интенсификации труда**. Мы знаем, что существует много таких факторов интенсификации труда, которые предполагают увеличение постоянного капитала по сравнению с переменным, следовательно, понижение нормы прибыли, — например, если рабочему приходится наблюдать за большим числом машин. Однако существуют и другие факторы интенсификации труда, как, например, увеличение скорости машин, последние при этом потребляют в одинаковый промежуток времени больше сырья, но что касается основного капитала, то, хотя машины и изнашиваются быстрее, от этого нисколько не изменяется отношение их стоимости к цене труда, который приводит их в движение. Но в особенности увеличивает

массу присваиваемого прибавочного труда удлинение рабочего дня — это изобретение современной промышленности; не изменяя существенным образом отношения применяемой рабочей силы к приводимому ею в движение постоянному капиталу, оно фактически приводит скорее к относительному уменьшению постоянного капитала.

Впрочем, мы уже показали, что методы производства относительной прибавочной стоимости в общем и целом сводятся к следующему, — в этом, собственно, и заключается тайна тенденции нормы прибыли к понижению: с одной стороны, возможно большую часть данной массы труда превращать в прибавочную стоимость, с другой стороны, — вообще применять как можно меньше труда по сравнению с авансированным капиталом; так что те самые причины, которые позволяют повышать степень эксплуатации труда, не допускают, чтобы капитал той же самой общей величины эксплуатировал столько же труда, как и прежде. Таковы противодействующие тенденции, которые повышают норму прибавочной стоимости и в то же время вызывают уменьшение массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, а следовательно, и понижение нормы прибыли.

Когда капиталисты пользуются изобретениями и так далее, которые ещё не получили всеобщего распространения, то у них имеют место временные повышения прибавочной стоимости над общим её уровнем; может возникнуть вопрос, входят ли эти временные, но постоянно повторяющиеся повышения прибавочной стоимости над её общим уровнем, обнаруживающиеся то в одной, то в другой отрасли производства, в число тех причин, которые тормозят падение нормы прибыли, но в конечном счёте постоянно ускоряют его. На этот вопрос следует ответить утвердительно.

Масса прибавочной стоимости, произведённая капиталом данной величины, зависит от двух факторов, именно от нормы прибавочной стоимости и от числа рабочих, занятых при данной норме. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости она зависит от числа рабочих, а при данном числе рабочих — от нормы прибавочной стоимости, то есть вообще от сложного отношения абсолютной величины переменного капитала и нормы прибавочной стоимости. Оказалось, что те самые причины,

которые повышают норму относительной прибавочной стоимости, в среднем уменьшают массу применяемой рабочей силы. Но ясно, что увеличение или уменьшение происходит при этом в зависимости от определённого отношения между этими двумя противоположными движениями и что тенденция к уменьшению нормы прибыли ослабляется, в частности, повышением нормы абсолютной прибавочной стоимости, проистекающим из удлинения рабочего дня.

Прежде чем перейти к следующему пункту, мы должны ещё раз подчеркнуть, что при данной величине капитала норма прибавочной стоимости может возрастать, когда масса её уменьшается, и обратно. Масса прибавочной стоимости равна её норме, помноженной на число рабочих; но эта норма никогда не исчисляется на весь капитал, а только на переменный капитал, в действительности только на один рабочий день. Напротив, при данной величине капитальной стоимости норма прибыли никогда не может повыситься или понизиться, если не увеличилась или не уменьшилась масса прибавочной стоимости.

Понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы

Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в действительности оно, как и многое другое, что здесь можно было бы привести, относится не к общему анализу капитала, а к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению.

Удешевление элементов постоянного капитала

Стоимость постоянного капитала возрастает не в такой пропорции, как его материальный объём. Например, количество хлопка, которое перерабатывает отдельный европейский прядильщик на современной фабрике, в колоссальной степени возросло по сравнению с тем количеством, которое европейский прядильщик перерабатывал раньше при помощи ручной

прялки. Но стоимость перерабатываемого хлопка увеличилась не в такой пропорции, как его количество. То же самое можно сказать о машинах и другом основном капитале. Короче говоря, то самое развитие, которое увеличивает массу постоянного капитала по отношению к переменному, уменьшает стоимость его элементов вследствие повышения производительной силы труда и, следовательно, препятствует стоимости постоянного капитала, хотя и постоянно возрастающей, возрастать в таком же отношении, как возрастает материальный объём основного капитала, то есть материальный объём средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы. В отдельных случаях масса элементов постоянного капитала может даже увеличиться, в то время как его стоимость остаётся прежней или даже уменьшается.

Здесь снова оказывается, что те самые причины, которые порождают тенденцию нормы прибыли к понижению, в то же время сдерживают осуществление этой тенденции.

Относительное перенаселение

Создание относительного перенаселения неотделимо от развития производительной силы труда и ускоряется этим развитием, выражающимся в уменьшении нормы прибыли. Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в данной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь, оно является причиной того, что, с одной стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу — и притом продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответствует общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся на рынке или уволенных наёмных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в некоторых отраслях производства, по самой их природе, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, возникают новые отрасли производства, в особенности предметов роскоши, — отрасли, базисом для которых служит именно избыточное население, зачастую образующееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства, и которые,

в свою очередь, покоятся на преобладании в них элементов живого труда и лишь мало-помалу проходят такой же путь развития, как другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства и норма прибавочной стоимости, и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется путём выравнивания норм прибыли отдельных отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее её влияние.

Внешняя торговля

Поскольку внешняя торговля удешевляет отчасти элементы постоянного капитала, отчасти необходимые жизненные средства, в которые превращается переменный капитал, она способствует повышению нормы прибыли, так как повышает норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала. Она вообще влияет в этом смысле, позволяя расширять масштабы производства. Таким образом она ускоряет, с одной стороны, накопление, а с другой стороны, уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, а потому ускоряет и понижение нормы прибыли. Точно так же расширение внешней торговли хотя и служило в младенческий период капиталистического способа производства базисом для него, однако, с его развитием, вследствие присущей этому способу производства внутренней необходимости, вследствие его потребности в постоянно расширяющемся рынке, оно стало его собственным результатом. Здесь снова обнаруживается такое же, как и в других случаях, двоякое влияние.

Другой вопрос, — который ввиду своего специального характера лежит, собственно, вне рамок нашего исследования, — заключается в следующем: повышается ли общая норма прибыли вследствие более высокой нормы прибыли, которую даёт капитал, вложенный во внешнюю, особенно в колониальную торговлю?

Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь имеет место конкуренция с товарами, которые производятся другими странами

при менее благоприятных условиях производства, так что страна более развитая продаёт свои товары выше их стоимости, хотя и дешевле конкурирующих стран. Норма прибыли повышается, поскольку труд более развитой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, поскольку этот труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продаётся как таковой.

Однако та же самая внешняя торговля развивает в стране, вывозящей товары, капиталистический способ производства и, следовательно, ведёт к уменьшению переменного капитала по отношению к постоянному; с другой стороны, она создаёт перепроизводство по отношению к заграницe и потому в дальнейшем оказывает опять-таки противодействующее влияние. И таким образом в общем оказывается, что те самые причины, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызывают противодействия, тормозящие это понижение, замедляющие и отчасти парализующие его.

Прежде чем пойти дальше, мы, во избежание недоразумений, ещё раз повторим два уже неоднократно изложенных положения.

Во-первых: **Тот самый процесс, который с развитием капиталистического способа производства порождает удешевление товаров, вызывает также изменение в органическом строении общественного капитала, применяемого для производства товаров, а вследствие этого вызывает и понижение нормы прибыли**.

Во-вторых: То обстоятельство, что в отдельных товарах, из совокупности которых складывается продукт капитала, содержащийся в них вновь присоединённый живой труд оказывается во всё убывающей пропорции к заключённому в них сырью и потреблённым при их производстве средствам труда; то обстоятельство, стало быть, что в отдельных товарах овеществляется всё уменьшающееся количество вновь присоединяемого живого труда, так как по мере развития общественной производительной силы на их производство требуется меньше труда, — это обстоятельство не касается того отношения, в котором живой труд, заключающийся в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный. Наоборот. **Хотя общее количество заключающегося в товаре вновь присоединённого живого труда уменьшается, неоплаченная часть возрастает по сравнению с оплаченной частью**

вследствие или абсолютного или относительного сокращения оплаченной части, потому что тот же самый метод производства, который уменьшает общую сумму вновь присоединённого живого труда в каждой единице товара, сопровождается повышением абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Тенденция нормы прибыли к понижению связана с тенденцией к повышению нормы прибавочной стоимости, следовательно, с тенденцией к повышению степени эксплуатации труда. Поэтому в высшей степени нелепо объяснять понижение нормы прибыли повышением заработной платы, хотя в виде исключения и это может иметь место. Только поняв отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ уровня заработной платы в различные эпохи и в различных странах. Норма прибыли понижается не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. То и другое, повышение нормы прибавочной стоимости и понижение нормы прибыли, суть лишь особые формы, в которых получает своё капиталистическое выражение возрастающая производительность труда.

Увеличение акционерного капитала

К вышеизложенным пунктам можно добавить ещё один, на котором, однако, мы пока что не можем останавливаться подробно. С прогрессом капиталистического производства, который идёт рука об руку с ускоряющимся накоплением, часть капитала учитывается и применяется только как капитал, приносящий проценты. Не в том смысле, что всякий капиталист, ссужающий капитал, довольствуется процентами, тогда как промышленный капиталист получает предпринимательский доход. Это не имеет никакого отношения к высоте общей нормы прибыли, потому что, когда речь идёт о ней, имеется в виду **прибыль = проценту + прибыль всякого рода + земельная рента**; такое деление прибыли безразлично для общей нормы прибыли. А в том смысле, что капиталы, хотя и вложенные в крупные производственные предприятия, за вычетом всех издержек не приносят ничего, кроме высоких или низких процентов, так называемых

дивидендов, как, например, в железнодорожном деле. Следовательно, они не участвуют в выравнивании общей нормы прибыли, потому что их норма прибыли меньше средней. Если бы они участвовали в этом, то последняя упала бы значительно ниже. Рассматривая вопрос теоретически, эти капиталы можно принять в расчёт, и в таком случае получится меньшая норма прибыли, чем та, которая, по-видимому, существует и действительно имеет определяющее значение для капиталистов, так как именно на этих предприятиях постоянный капитал наиболее значителен по отношению к переменному.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему в законе понижения нормы прибыли говорится именно о тенденции к понижению?
Что замедляет тенденцию к понижению нормы прибыли?
Что ускоряет эту тенденцию?

Глава 15.
РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЗАКОНА

главная цель капиталистического производства, закон капиталистического производства, основное противоречие капиталистического производства, предел капиталистического производства, перепроизводство капитала, три главных факта капиталистического производства

В первом отделе этой книги мы видели, что норма прибавочной стоимости, будучи выражена в виде нормы прибыли, всегда кажется ниже, чем она есть на самом деле. Теперь мы увидели, что **даже повышающаяся норма прибавочной стоимости имеет тенденцию выражаться в понижающейся норме прибыли**. Норма прибыли лишь в том случае была бы равна норме прибавочной стоимости, если бы **c = 0**, то есть если бы весь капитал расходовался на заработную плату. Понижающаяся норма прибыли только в том случае выражает понижающуюся норму прибавочной стоимости, если отношение между стоимостью постоянного капитала и массой рабочей силы, приводящей его в движение, остаётся неизменным или если эта последняя увеличивается по отношению к стоимости постоянного капитала.

Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление являются лишь постольку различными выражениями одного и того же процесса, поскольку то и другое выражает развитие производительной силы. В свою очередь, накопление ускоряет понижение нормы прибыли, поскольку оно обусловливает концентрацию работ в крупном масштабе и вместе с тем более высокое строение капитала. С другой стороны, понижение нормы прибыли опять-таки ускоряет концентрацию капитала и централизацию его путём лишения мелких капиталистов собственности, путём экспроприации последних остатков её у непосредственных производителей, если у них ещё есть что экспроприировать. Далее, вследствие этого **ускоряется накопление, рассматриваемое в количественном отношении, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления**.

С другой стороны, поскольку норма увеличения стоимости всего капитала, норма прибыли, служит стимулом

капиталистического производства (подобно тому, как увеличение стоимости капитала служит его единственной целью), понижение нормы прибыли замедляет образование новых самостоятельных капиталов и таким образом представляется обстоятельством, угрожающим развитию капиталистического процесса производства; оно способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением. Поэтому экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создаёт себе пределы, и потому приписывают эти пределы не производству, а природе (в учении о ренте). Но что существенно в том страхе, который внушает им понижение нормы прибыли, так это — смутное сознание того, что капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым; и этот своеобразный предел свидетельствует об **ограниченности и лишь историческом, преходящем характере капиталистического способа производства**; свидетельствует о том, что капиталистический способ производства не является абсолютным способом для производства богатства и что, напротив, на известной ступени он вступает в конфликт со своим дальнейшим развитием.

Если мы будем рассматривать весь общественный капитал **K** и обозначим через $\mathbf{p_1}$ промышленную прибыль, остающуюся за вычетом процента и земельной ренты, через **z** процент и через **r** земельную ренту, то $\mathbf{m/K = p/K = (p_1 + z + r)/K = p_1/K + z/K + r/K}$. Мы видели, что хотя в ходе развития капиталистического производства общая сумма прибавочной стоимости **m** постоянно возрастает, однако **m/K** столь же постоянно уменьшается, потому что **K** возрастает ещё быстрее, чем **m**.

Следовательно, нет никакого противоречия в том, что $\mathbf{p_1}$, **z** и **r**, каждое само по себе, могут постоянно возрастать, тогда как **m/K = p/K**, а также $\mathbf{p_1/K}$, **z/K** и **r/K** каждое само по себе могут постоянно уменьшаться, или что $\mathbf{p_1}$ по сравнению с **z** или **r** по сравнению с $\mathbf{p_1}$ или же по сравнению и с $\mathbf{p_1}$, и с **z** относительно возрастает. При увеличивающейся совокупной прибавочной стоимости, или прибыли **m = p**, но одновременно понижающейся норме прибыли **m/K = p/K**, отношение величин $\mathbf{p_1}$, **z** и **r**,

на которые распадается **m = p**, может изменяться как угодно в пределах общей суммы **m**, причём не оказывая этим никакого влияния на величину **m** или **m / K**.

Изменение $\mathbf{p_1}$, **z** и **r** по отношению друг к другу является лишь иным распределением **m** по различным рубрикам. Поэтому $\mathbf{p_1 / K}$, **z / K** или **r / K** норма индивидуальной промышленной прибыли, норма процента и отношение ренты ко всему капиталу могут возрастать, если сравнивать их друг с другом, хотя общая норма прибыли, **m / K**, понижается; **незыблемо только одно условие**, а именно, что сумма всех трёх величин = **m / K**.

Никогда не следует забывать, что производство прибавочной стоимости, — а обратное превращение некоторой части её в капитал, или накопление, образует составную часть этого производства прибавочной стоимости, — является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому **никогда нельзя изображать капиталистическое производство тем, чем оно не является на самом деле, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов**. При этом был бы совершенно упущен из виду его специфический характер, который выражается всей его внутренней сущностью.

Добывание этой прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства, для которого, как мы сказали, не существует иных пределов, кроме указанных выше. Как только то количество прибавочного труда, которое можно выжать, овеществилось в товарах, прибавочная стоимость произведена. Но этим производством прибавочной стоимости закончен только первый акт капиталистического процесса производства, непосредственный процесс производства. Капитал всосал столько-то неоплаченного труда. С развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров. Теперь наступает второй акт процесса. Вся товарная масса, весь продукт, — как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, — должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит только отчасти, или если товар продаётся

лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, так как отсутствуют условия реализации выжатой прибавочной стоимости или возможна лишь частичная её реализация, то есть имеет место частичная или полная потеря капитала.

Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации её не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена, далее, стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе. Таков **закон капиталистического производства**, диктуемый постоянными переворотами в самих методах производства, постоянно сопровождающим такие перевороты обесценением наличного капитала, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. **Поэтому рынок должен постоянно расширяться**, так что рыночные связи и определяющие их условия всё более принимают характер независимого от производителей естественного закона, становятся всё более неподдающимися контролю. **Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления**. На этом основании, полном противоречий, вполне естественным является то, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения; потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы,

но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется.

> ***Закон капиталистического производства** состоит в стремлении к накоплению, в стремлении к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе.*

Если дана определённая норма прибыли, то масса прибыли всегда зависит от величины авансированного капитала. Накопление же определяется в таком случае той частью этой массы, которая превращается в капитал. Но так как эта часть равна прибыли минус потреблённый капиталистами доход, то она будет зависеть не только от стоимости этой массы, но также от дешевизны товаров, которые капиталист может на неё купить; товаров, которые отчасти входят в его потребление, — в его доход, — отчасти в его постоянный капитал (заработная плата предполагается здесь данной).

Высокая норма прибыли, поскольку она основывается на высокой норме прибавочной стоимости, возможна, если рабочий день очень продолжителен, хотя труд и не очень производителен; она возможна, несмотря на невысокую производительность труда потому, что потребности рабочих весьма ничтожны и вследствие этого средняя заработная плата весьма низкая. Низкой заработной плате будет соответствовать отсутствие энергии у рабочих. Несмотря на высокую норму прибыли, капитал накопляется при этом медленно. Население не увеличивается, а рабочее время, которого стоит продукт, велико, хотя получаемая рабочим заработная плата мала. Норма прибыли понижается не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что вообще применяется относительно меньше труда по сравнению с применяемым капиталом.

Впрочем, масса прибыли даже при меньшей норме возрастает вместе с величиной затраченного капитала. Однако это в то же время обусловливает концентрацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших капиталов. Это обусловливает также централизацию капитала, то есть поглощение мелких капиталистов крупными и утрату первыми своих

капиталов. Это опять-таки является отделением, хотя лишь вторичного порядка, условий труда от производителей, к числу которых всё ещё относятся эти мелкие капиталисты, так как у них собственный труд ещё играет известную роль; вообще труд капиталиста обратно пропорционален величине его капитала, то есть той степени, в какой он является капиталистом. Именно это **отделение условий труда от производителей образует понятие капитала**, оно начинается вместе с первоначальным накоплением (книга I, глава 24), происходит затем как постоянный процесс при накоплении и концентрации капитала и здесь, наконец, выражается в виде централизации уже имеющихся капиталов в немногих руках и потери капиталов многими (такую форму принимает теперь экспроприация). **Этот процесс скоро привёл бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализующим образом противодействующие тенденции**.

Конфликт между расширением производства и увеличением стоимости

Развитие общественной производительной силы труда проявляется двояким образом. Во-первых, в величине уже произведённых производительных сил, в стоимостном объёме и массе условий производства, при которых совершается новое производство, и в абсолютной величине уже накопленного производительного капитала; во-вторых, в относительной незначительности сравнительно со всем капиталом той его части, которая расходуется на заработную плату, то есть в относительной незначительности живого труда, который требуется для воспроизводства и увеличения стоимости данного капитала, для массового производства. А это предполагает в то же время концентрацию капитала.

По отношению к применяемой рабочей силе развитие производительной силы проявляется опять-таки двояким образом: во-первых, в увеличении прибавочного труда, то есть в сокращении необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства рабочей силы; во-вторых, в уменьшении количества рабочей силы (числа рабочих), которая вообще употребляется для того, чтобы привести в движение данный капитал.

Оба эти движения не только идут рука об руку, но взаимно обусловливают друг друга и представляют собой явления, в которых находит себе выражение один и тот же закон. Между тем они влияют на норму прибыли в противоположном направлении. Общая масса прибыли равна общей массе прибавочной стоимости, норма прибыли равна:

$$\frac{\mathbf{m}}{\mathbf{K}} = \frac{\textit{прибавочная стоимость}}{\textit{весь авансированный капитал}}$$

Но прибавочная стоимость, её общая сумма, определяется, во-первых, её нормой, а во-вторых, массой труда, одновременно применяемого при такой норме, или, — что то же самое, — величиной переменного капитала. С одной стороны, возрастает один фактор — норма прибавочной стоимости, с другой стороны, уменьшается (относительно или абсолютно) другой фактор — число рабочих. Поскольку развитие производительной силы сокращает оплачиваемую часть применяемого труда, оно повышает прибавочную стоимость, повышая её норму; поскольку же оно уменьшает общую массу труда, применяемого данным капиталом, оно уменьшает другой фактор, число рабочих, на которое надо помножить норму прибавочной стоимости, чтобы получить её массу.

Итак, с развитием капиталистического способа производства норма прибыли понижается, тогда как её масса и масса применяемого капитала увеличиваются. При данной норме абсолютная масса, на которую возрастает капитал, зависит от его величины в данный момент. Но, с другой стороны, если дана эта величина, то отношение, в котором он возрастает, степень его возрастания, зависит от нормы прибыли. Повышение производительной силы (которое, кроме того, как мы упоминали, постоянно идёт рука об руку с обесценением наличного капитала) непосредственно может повысить величину стоимости капитала лишь при том условии, если оно, повышая норму прибыли, увеличивает ту часть стоимости годового продукта, которая вновь превращается в капитал. Поскольку речь идёт о производительной силе труда (потому что эта производительная сила непосредственно не имеет никакого отношения к стоимости наличного капитала), увеличение массы прибыли

может произойти только в том случае, если вследствие роста производительной силы труда или увеличивается относительная прибавочная стоимость, или уменьшается стоимость постоянного капитала, следовательно, удешевляются товары, которые входят или в воспроизводство рабочей силы, или в элементы постоянного капитала. Но и то и другое сопровождается обесценением наличного капитала, то и другое идёт рука об руку с относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным. То и другое обусловливает понижение нормы прибыли и замедляет это понижение. Далее, поскольку повышение нормы прибыли вызывает повышение спроса на труд, оно влияет на увеличение рабочего населения и вместе с тем на увеличение пригодного для эксплуатации материала, **который только и делает капитал капиталом**.

Но косвенно развитие производительной силы труда содействует увеличению наличной капитальной стоимости, увеличивая массу и разнообразие потребительных стоимостей, в которых представлена одна и та же меновая стоимость и которые образуют материальный субстрат, вещественные элементы капитала, реальные предметы, из которых непосредственно состоит постоянный капитал и, по крайней мере, косвенно — переменный. Тем же самым капиталом и тем же самым количеством труда производится больше вещей, которые, независимо от их меновой стоимости, могут быть превращены в капитал, — вещей, которые могут служить для впитывания дополнительного труда, следовательно и дополнительного прибавочного труда, и которые таким образом могут составить дополнительный капитал.

> ***С развитием капиталистического способа производства норма прибыли понижается, тогда как её масса и масса применяемого капитала увеличиваются.***

Противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого.

Одновременно с побуждениями к действительному увеличению рабочего населения, возникающими из увеличения части совокупного общественного продукта, функционирующей как капитал, действуют факторы, создающие относительное перенаселение.

Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов, и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала, которое задерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости.

Одновременно с развитием производительной силы развивается более высокое строение капитала, относительное уменьшение переменной части по сравнению с постоянной.

Эти различные влияния проявляются то преимущественно одно рядом с другим в пространстве, то преимущественно одно вслед за другим во времени; конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие.

Противоречие, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и её увеличение в возможно большей степени (то есть постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в использовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счёт уже произведённых производительных сил.

> ***Противоречие**, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо*

> ***от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и её увеличение в возможно большей степени (то есть постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости).***

Периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства, сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путём образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства.

Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным стимулирует рост рабочего населения и в то же время постоянно создаёт искусственное перенаселение. Накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли, ускоряя тем самым накопление потребительных стоимостей, а это последнее, в свою очередь, ведёт к ускорению хода накопления, рассматриваемого опять же со стороны стоимости. Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе.

Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден

применять для достижения своей цели и которые служат безграничному расширению производства, производству как самоцели, безусловному развитию общественных производительных сил труда. **Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства**.

Избыток капитала при избытке населения

Изобилие капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому изобилие это представляет собой явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне — незанятый капитал, на другой стороне — незанятое рабочее население. Перепроизводство капитала, а не отдельных товаров, — хотя перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров, — означает поэтому не что иное, как перенакопление капитала. Однако оно является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку эти последние должны функционировать как капитал и, следовательно, должны пропорционально увеличению стоимости, соответствующему увеличению их массы, производить дополнительную стоимость.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, — средств труда и жизненных средств, — которые могут функционировать как капитал, то есть могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определённого пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства.

Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещён при более высокой норме прибыли. Но такой капитал — абсолютно избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют рядом друг с другом и взаимно обусловливают друг друга.

С другой стороны, связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает конкурентную борьбу. Компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет реальное значение только для совокупного общественного капитала и для крупных капиталистов, владельцев уже существующих предприятий. Новый, самостоятельно функционирующий дополнительный капитал не находит заранее готовых условий для такой компенсации; он ещё должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Эта конкурентная борьба сопровождается, конечно, временным повышением заработной платы и вытекающим из этого дальнейшим временным понижением нормы прибыли. То же проявляется

в перепроизводстве товаров, в переполнении рынков. Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров.

Все возражения против очевидных явлений перепроизводства сводятся к тому, что границы капиталистического производства не являются границами производства вообще, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но **противоречие капиталистического способа** производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично, по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять трудоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком большая часть населения, которая фактически не работает, которая в силу условий своей жизни эксплуатирует труд других или занимается работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы всё трудоспособное население могло быть использовано наиболее производительным образом, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в течение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они при данной норме

прибыли могли функционировать как средства эксплуатации рабочих. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, то есть чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатств производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатств в их капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1. В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

2. В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществлённому труду вообще, или, выражаясь языком капиталиста, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

В этом обнаруживается ограниченность капиталистического способа производства, его относительность, то, что он — не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

Добавления

Так как развитие производительной силы труда происходит очень неравномерно в различных отраслях промышленности, и притом не только неравномерно по степени, но часто в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (= прибавочной стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в наиболее развитых отраслях промышленности. То обстоятельство, что развитие производительной силы в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, вытекает не только из анархии конкуренции и из особенностей буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые нередко становятся менее плодотворными по мере того, как производительность, поскольку последняя зависит от общественных условий, повышается. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других.

Далее, увеличение того минимума капитала, который с возрастанием производительной силы становится необходимым для успешного ведения самостоятельного промышленного предприятия, проявляется в конкуренции следующим образом: как только новое более дорогое производственное оборудование получает всеобщее распространение, более мелкие капиталы на будущее время лишаются доступа в соответствующее производство. Только в начальной стадии применения механических изобретений в различных сферах производства мелкие капиталы могут функционировать в них самостоятельно. С другой стороны, очень крупные предприятия с чрезвычайно высокой долей постоянного капитала, как железные дороги, приносят не среднюю норму прибыли, а только часть её, процент. Иначе общая норма прибыли пала бы ещё ниже. Напротив, большое скопление капиталов в форме акций находит себе здесь непосредственное поле деятельности.

Далее, постоянное увеличение капитала, а потому и расширение производства на основе старых методов производства, спокойно протекающее в то время, как наряду с ними вводятся уже

новые методы, в свою очередь, являются причиной того, что норма прибыли понижается не в такой степени, в какой возрастает совокупный общественный капитал.

Далее, предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Таким образом, капитал всё более оказывается общественной силой, функционером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума. Он оказывается отчуждённой, обособленной общественной силой, которая **противостоит обществу как вещь** и как сила капиталиста через посредство этой вещи. **Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится всё более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения**, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обусловливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие.

Итак, **тремя главными фактами капиталистического производства** являются следующие:

1. Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных работников, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя сначала таковыми они становятся, будучи ещё частной собственностью капиталистов. Последние — опекуны буржуазного общества, но они прикарманивают все плоды этой опеки.

2. Организация самого труда как общественного труда: путём кооперации, разделения труда и соединения труда

с естествознанием. Как с той, так и с другой стороны, капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах.

3. Создание мирового рынка. По сравнению с численностью населения огромная производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции, капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, находятся в противоречии со становящейся всё более узкой, по сравнению с ростом богатства, основой, на которой действует эта огромная производительная сила, и с условиями возрастания стоимости этого всё нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём главная цель капиталистического производства?
Чем не является капиталистическое производство?
В чём состоит закон капиталистического производства?
В чём состоит основное противоречие капиталистического производства?
В чём состоит настоящий предел капиталистического производства?
Что означает перепроизводство капитала?
Каковы три главных факта капиталистического производства?

Отдел 4.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ (КУПЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ)

Глава 16.
ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

товарно-торговый капитал,
денежно-торговый капитал, купеческий капитал,
купеческий капитал обособляется от промышленного

Купеческий, или торговый, капитал распадается на две формы или два подвида: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал, которые мы теперь охарактеризуем подробнее, поскольку это необходимо для анализа капитала в его основной структуре. А это тем более необходимо, что современная политическая экономия, даже в лице своих лучших представителей, смешивает торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей.

> ***Купеческий, или торговый, капитал** распадается на две формы или два подвида: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал*

Движение товарного капитала было проанализировано в книге II. Если рассматривать совокупный общественный капитал, то одна часть его, хотя и постоянно составляющаяся из новых элементов и изменяющаяся даже по величине, постоянно находится на рынке в виде товара, который должен превратиться в деньги; другая часть находится на рынке в виде денег, которые должны превратиться в товар. Он постоянно находится в процессе этого превращения, этого метаморфоза форм.

Товарно-торговый капитал безусловно представляет собой не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги,

выполнить на рынке свою функцию товарного капитала. Только эта функция вместо побочной операции производителя является теперь исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, обособляется как сфера особых вложений капитала.

> ***Товарно-торговый капитал** безусловно представляет собой не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги, выполнить на рынке свою функцию товарного капитала.*

Что же придаёт товарно-торговому капиталу характер самостоятельно функционирующего капитала, между тем как в руках производителя, который сам продаёт свой товар, он, очевидно, является лишь особой формой его капитала в особой фазе процесса воспроизводства, которую этот капитал принимает, находясь в сфере обращения?

Во-первых, то обстоятельство, что товарный капитал в руках агента, отличного от производителя этого товарного капитала, совершает своё окончательное превращение в деньги, следовательно свой первый метаморфоз, выполняет на рынке функцию, присущую ему как товарному капиталу — и что эта функция товарного капитала опосредствуется операциями купца, его куплями и продажами, так что эти операции становятся особым делом, отдельным от остальных функций промышленного капитала и потому самостоятельным. Это — особая форма общественного разделения труда, вследствие чего некоторая часть функции, которая должна быть выполнена в особой фазе воспроизводства капитала, в данном случае в обращении, является исключительной **функцией особого агента обращения**, отличного от производителя. Однако такое особое занятие ещё отнюдь не обязательно должно быть функцией особого капитала, который отличен от промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, и самостоятелен по отношению к промышленному капиталу; это занятие в действительности не является функцией особого капитала в тех случаях, когда торговля товарами ведётся через посредство простых коммивояжёров или других

непосредственных агентов промышленного капиталиста. Следовательно, к этому следует добавить ещё второй момент.

Во-вторых, это происходит вследствие того, что самостоятельный агент обращения, купец, авансирует в этом своём положении денежный капитал (собственный или заёмный). То, что для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, представляется просто как **Т — Д**, как превращение товарного капитала в денежный капитал, или как простая продажа, для купца представляется как **Д — Т — Д'**, как купля и продажа одного и того же товара, следовательно, как возвращение к нему посредством продажи удалившегося от него при купле денежного капитала.

Следовательно, товарный капитал в товарно-торговом капитале принимает форму самостоятельного вида капитала вследствие того, что купец авансирует денежный капитал, который увеличивается в стоимости как капитал, функционирует как капитал лишь постольку, поскольку он употребляется исключительно для опосредствования метаморфоза товарного капитала, опосредствования его функции товарного капитала, то есть его превращения в деньги, и он осуществляет это посредством постоянной купли и продажи товаров. Это составляет исключительную операцию товарно-торгового капитала; эта деятельность, опосредствующая процесс обращения промышленного капитала, является исключительной функцией того денежного капитала, которым оперирует купец. Посредством этой функции он превращает свои деньги в денежный капитал, так что его **Д** принимает вид **Д — Т — Д'**, и путём такого же процесса он превращает товарный капитал в товарно-торговый капитал.

Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала, — с точки зрения процесса воспроизводства всего общественного капитала, — очевидно, есть не что иное, как ещё находящаяся на рынке в процессе своих метаморфозов часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует как товарный капитал.

Следовательно, по отношению к процессу воспроизводства всего совокупного капитала мы должны рассматривать только тот денежный капитал, который авансируется купцом, предназначен

исключительно для купли и продажи и потому никогда не принимает иной формы, кроме формы товарного капитала и денежного капитала, никогда не принимает формы производительного капитала и постоянно находится в сфере обращения капитала.

Если купеческий капитал не превышает своей необходимой пропорции, то следует признать:

1. Что вследствие разделения труда капитал, занятый исключительно куплей и продажей (а кроме денег, употребляемых на покупку товаров, сюда относятся деньги, расходуемые на оплату труда, необходимого для ведения торгового дела, на постоянный капитал купца, — здания для складов, транспорт и так далее, меньше, чем он был бы в том случае, если бы промышленный капитал должен был сам вести всю торговую часть своего предприятия;

2. Что так как купец занимается исключительно этим делом, то не только для производителя его товар раньше превращается в деньги, но и самый товарный капитал совершает свой метаморфоз быстрее, чем он мог бы совершать его в руках производителя;

3. Что если рассматривать весь купеческий капитал в отношении к промышленному капиталу, то один оборот купеческого капитала может представлять не только обороты многих капиталов в одной сфере производства, но обороты нескольких капиталов в различных сферах производства.

Вообще необходимо заметить следующее: оборот промышленного капитала ограничивается не только временем обращения, но и временем производства. Оборот купеческого капитала, поскольку он торгует лишь определёнными товарами, ограничивается оборотом не одного промышленного капитала, а всех промышленных капиталов одной и той же отрасли производства. Купец, купив и продав холст у одного, может затем купить его у другого и продать прежде, чем первый снова выбросит товар на рынок. Итак, один и тот же купеческий капитал может последовательно опосредствовать различные обороты капиталов, вложенных в какую-нибудь отрасль производства, так что его оборот не тождествен с оборотами какого-нибудь отдельного промышленного капитала и потому замещает не только тот денежный резерв, который должен иметь в наличности этот отдельный промышленный капиталист. Оборот купеческого капитала в сфере

производства, конечно, ограничен общим объёмом производства в этой сфере. Но он не ограничен пределами производства или временем оборота отдельного капитала этой сферы, поскольку это время оборота определяется временем производства.

Но оборот одного и того же купеческого капитала может с таким же успехом опосредствовать обороты капиталов различных отраслей производства.

Поскольку один и тот же купеческий капитал в различных оборотах служит для последовательного превращения в деньги различных товарных капиталов, следовательно, поочерёдно покупает и продаёт их, он как денежный капитал **выполняет по отношению к товарному капиталу ту самую функцию, какую вообще деньги всеми своими оборотами за определённый период выполняют по отношению к товарам**.

Оборот купеческого капитала не тождествен с оборотом, или с однократным воспроизводством равновеликого промышленного капитала; напротив, он равен сумме оборотов нескольких таких капиталов в одной и той же или в различных сферах производства. Чем быстрее оборачивается купеческий капитал, тем меньше часть всего денежного капитала, фигурирующая в качестве купеческого капитала, и чем медленнее он оборачивается, тем эта часть больше. Чем менее развито производство, тем больше сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросаемых в обращение; но абсолютно и сравнительно с суммой купеческого капитала при более развитом производстве сумма купеческого капитала при менее развитом производстве меньше. И наоборот. Поэтому при **неразвитом производстве большая часть собственно денежного капитала находится в руках купцов, состояние которых таким образом противостоит другим как денежное состояние**.

Скорость обращения денежного капитала, авансируемого купцом, зависит: 1) от скорости, с которой возобновляется процесс производства и различные процессы производства переплетаются один с другим; 2) от скорости потребления.

Для того чтобы купеческий капитал совершил только выше рассмотренный оборот, — ему нет необходимости сначала покупать товары на всю величину его стоимости, а затем продавать их. Купец одновременно совершает обе эти операции. Его капитал

разделяется в таком случае на две части. Одна состоит из товарного капитала, а другая — из денежного капитала. Он покупает в одном месте, превращая этим свои деньги в товар. Он продаёт в другом месте, превращая этим другую часть товарного капитала в деньги. С одной стороны, к нему возвращается его капитал как денежный капитал, тогда как, с другой стороны, к нему притекает товарный капитал. Чем больше часть, находящаяся в одной форме, тем меньше часть, существующая в другой форме. Эти части меняются своими местами и взаимно уравниваются. Если с употреблением денег как средства обращения соединяется употребление их как средства платежа и вырастающая отсюда система кредита, то денежная часть купеческого капитала ещё более уменьшается по сравнению с размерами сделок, совершаемых этим купеческим капиталом.

Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства. Но в процессе обращения не производится никакой стоимости, а потому никакой прибавочной стоимости. В нём происходят лишь изменения формы одной и той же массы стоимости. В самом деле, здесь не совершается ничего иного, кроме метаморфоза товаров, который как таковой не имеет никакого отношения к созданию стоимости или к изменению стоимости. Если при продаже произведённого товара реализуется прибавочная стоимость, то это потому, что она уже имеется в нём; поэтому при втором акте, при обратном обмене денежного капитала на товар (на элементы производства), покупателем также не реализуется никакой прибавочной стоимости; посредством обмена денег на средства производства и рабочую силу только подготовляется производство прибавочной стоимости. Напротив. Поскольку такие метаморфозы требуют времени обращения, — времени, в течение которого капитал вообще ничего не производит, а следовательно, не производит и прибавочной стоимости, — время это задерживает создание стоимости, и прибавочная стоимость, выраженная в виде нормы прибыли, будет стоять как раз в обратном отношении к продолжительности времени обращения. Следовательно, **купеческий капитал не создаёт ни стоимости, ни прибавочной стоимости**, то есть непосредственно он их не создаёт. Поскольку он содействует сокращению времени

обращения, он **косвенным образом** может содействовать увеличению прибавочной стоимости, производимой промышленным капиталистом. Поскольку он содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами, следовательно, даёт капиталу возможность работать в более крупном масштабе, **его функция повышает производительность** промышленного капитала и способствует его накоплению. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно норму прибыли. Поскольку он уменьшает ту часть капитала, которая должна постоянно оставаться в сфере обращения как денежный капитал, он увеличивает часть капитала, применяемую непосредственно в производстве.

> ***Купеческий капитал** есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое товарно-торговый капитал?
Что такое денежно-торговый капитал?
Что такое купеческий капитал?
Почему купеческий капитал обособляется от промышленного?

Глава 17.
ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ

купеческий капитал притягивает к себе свою долю прибыли, купеческий капитал участвует в создании прибавочной стоимости лишь косвенно, функция купеческого капитала, работникам купца платят бóльшую зарплату чем в промышленности, источник зарплаты купца и его наёмных работников

В книге II мы видели, что чистые функции капитала в сфере обращения — операции, которые должен предпринять промышленный капиталист, во-первых, чтобы реализовать стоимость своих товаров, а во-вторых, чтобы эту стоимость снова превратить в элементы производства товара, операции, которые опосредствуют метаморфозы товарного капитала **Т' — Д — Т**, следовательно, акты продажи и купли, — не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Наоборот, оказалось, что требующееся для них время ставит границы для создания стоимости и прибавочной стоимости объективно по отношению к товарам и субъективно по отношению к капиталистам. Что касается метаморфоза самого товарного капитала, то, конечно, ничего не изменится от того, что часть его принимает вид товарно-торгового капитала, или от того, что операции, которые опосредствуют метаморфоз товарного капитала, являются особым занятием особого подразделения капиталистов или исключительной функцией части денежного капитала.

Товарно-торговый капитал, — если отбросить все разнородные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка их, перевозка, группировка, разборка, и ограничиться его истинной функцией купли ради продажи, — не создаёт ни стоимости, ни прибавочной стоимости, а только опосредствует их реализацию и тем самым одновременно опосредствует действительный обмен товаров, их переход из одних рук в другие, общественный обмен веществ. Тем не менее, так как фаза обращения промышленного капитала точно так же составляет фазу процесса воспроизводства, как и производство, то капитал, самостоятельно функционирующий в процессе обращения, должен точно так же приносить среднюю годовую прибыль, как и капитал,

функционирующий в различных отраслях производства. Если бы купеческий капитал приносил в процентном отношении более высокую среднюю прибыль, чем промышленный капитал, то часть промышленного капитала превратилась бы в купеческий капитал. Если бы он приносил более низкую среднюю прибыль, то имел бы место обратный процесс. Часть купеческого капитала превратилась бы в промышленный капитал. Ни один вид капитала не может изменять своего назначения, своей функции с большей лёгкостью, чем купеческий капитал.

Так как сам купеческий капитал не производит прибавочной стоимости, то ясно, что прибавочная стоимость, приходящаяся на его долю в форме средней прибыли, составляет часть прибавочной стоимости, произведённой всем производительным капиталом. Но теперь вопрос заключается в следующем: **каким образом купеческий капитал притягивает к себе достающуюся на его долю часть произведённой производительным капиталом прибавочной стоимости, или прибыли?**

Для промышленного капиталиста разница между продажной и покупной ценой его товаров равна разнице между их ценой производства и издержками производства или, если рассматривать совокупный общественный капитал, равна разнице между стоимостью товаров и издержками их производства для капиталистов, что, в свою очередь, сводится к разнице между всем количеством овеществлённого в них труда и количеством овеществлённого в них оплаченного труда. Товары, купленные промышленным капиталистом, прежде чем они снова будут выброшены на рынок как товары, готовые для продажи, проходят процесс производства, в котором только и производится составная часть их цены, реализуемая впоследствии как прибыль. Иначе всё обстоит у торговца товарами. Товары находятся в его руках только до тех пор, пока они находятся в процессе своего обращения. Он только продолжает их продажу, начатую производительным капиталистом, продолжает реализацию их цены и потому не подвергает их никакому промежуточному процессу, в котором они снова могли бы всасывать прибавочную стоимость.

Ясно, что прибыль промышленного капиталиста равна избытку цены производства товара над его издержками производства и что в отличие от этой промышленной прибыли **торговая прибыль**

равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которая для купца является его покупной ценой = **k + p + h** (где **h** означает торговую прибыль).

Однако ясно, что действительная цена товара = его цене производства + купеческая (торговая) прибыль. Подобно тому, как промышленный капитал только потому реализует прибыль, что она как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только потому реализует её, что не вся прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталом в цене товара. Таким образом цена, по которой купец продаёт, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже её.

Итак, **купеческий капитал участвует в выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль, хотя и не участвует в производстве этой прибавочной стоимости**. Поэтому общая норма прибыли уже содержит в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящейся на долю купеческого капитала, то есть вычет из прибыли промышленного капитала.

Из вышеизложенного следует:

1. Чем больше купеческий капитал по сравнению с промышленным капиталом, тем меньше норма промышленной прибыли, и обратно.

2. Если в первом отделе оказалось, что норма прибыли всегда выражается меньшей величиной, чем норма действительной прибавочной стоимости, то есть всегда показывает степень эксплуатации труда слишком низкой, то эти величины расходятся ещё больше, поскольку сама средняя норма прибыли, если учесть долю, приходящуюся на купеческий капитал, в свою очередь, представляется меньше. Следовательно, средняя норма прибыли непосредственно эксплуатирующего капиталиста выражает норму прибыли преуменьшенной по сравнению с той, какой она является в действительности.

Если купец продаёт товар, то к нему возвращается кроме ΔД и первоначальный денежный капитал (**Д**), авансированный им на покупку товаров. При этом снова обнаруживается, что его денежный капитал вообще есть не что иное, как превращённый в денежный капитал товарный капитал промышленного капиталиста, капитал, который так же мало может влиять на величину

стоимости этого товарного капитала, как если бы последний продавался не купцу, а непосредственно окончательному потребителю. Фактически он только предвосхищает оплату товара этим последним.

Сказанное, однако, справедливо только в том случае, если купец не делает никаких издержек или если в процессе метаморфоза товаров, купли и продажи, ему не приходится авансировать никакого иного капитала, ни основного, ни оборотного, кроме того денежного капитала, который он должен авансировать для того, чтобы купить товар у производителя. Однако, как мы это видели при рассмотрении издержек обращения (книга II, глава VI), это не так. И эти издержки обращения являются отчасти такими, которые купец может потребовать от других агентов обращения, отчасти такими, которые непосредственно связаны с его специфическим предприятием.

Все такие издержки купца делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в совокупный процесс воспроизводства.

Совершая торговые операции или продолжая выполнять функции капитала в сфере обращения после того, как их перестал выполнять производительный капиталист, купец лишь заменяет промышленного капиталиста и оплачивается частью прибыли, возникающей из разницы между покупной ценой товаров и их действительной ценой производства.

Теперь спрашивается: как **обстоит дело с торговыми наёмными рабочими, занятыми у торгового капиталиста, в нашем случае у торговца товарами**?

С одной стороны, такой торговый рабочий совершенно такой же наёмный рабочий, как и всякий другой. Во-первых, поскольку его труд покупается на переменный капитал купца, а не на те деньги, которые расходуются как доход, следовательно, покупается не для личных услуг, а в целях увеличения стоимости капитала, авансированного купцом. Во-вторых, поскольку стоимость его рабочей силы и, следовательно, его заработная плата, определяется, как и у всех других наёмных рабочих, издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда.

Но между ним и рабочими, непосредственно занятыми промышленным капиталом, имеется такое же различие, какое существует между промышленным капиталом и торговым капиталом, а потому между промышленным капиталистом и купцом. Так как купец как простой агент обращения не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости (потому что добавочная стоимость, которую он присоединяет к товарам посредством своих издержек, сводится лишь к добавлению ранее существовавшей стоимости, хотя здесь напрашивается вопрос, каким образом он удерживает, сберегает эту стоимость своего постоянного капитала), то и торговые рабочие, занятые у него исполнением таких же функций, не могут непосредственно создавать для него прибавочную стоимость. При этом, как и для производительных рабочих, мы предполагаем, что их заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, следовательно, купец не обогащается вычетами из заработной платы, то есть он не включает в счёт своих издержек сумму, которую он недоплачивает за труд, другими словами, он обогащается не тем, что надувает своих приказчиков и прочих.

Хотя неоплаченный труд этих приказчиков не создаёт прибавочной стоимости, но он создаёт для него возможность присвоения прибавочной стоимости, что по своему результату представляет для этого капитала совершенно то же самое; следовательно, этот труд является для него источником прибыли. Иначе торговое предприятие невозможно было бы вести в крупных размерах, невозможно было бы вести капиталистически.

Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создаёт для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наёмных рабочих создаёт для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости.

Рассмотрим теперь купеческий капитал. Во-первых, что касается чисто купеческих работ. В счетоводстве при больших числах не требуется больше времени, чем при малых. 10 покупок по 100 ф. ст. требуют в десять раз больше времени, чем одна покупка в 1 000 фунтов стерлингов. Корреспонденция, бумага, почтовые расходы обойдутся в десять раз дороже, если иметь дело с 10 мелкими купцами, чем если иметь дело с одним крупным. Строго очерченное разделение труда в коммерческом предприятии, где один ведёт бухгалтерский учёт, другой кассу, третий

корреспондирует, тот покупает, этот продаёт, другой находится в разъездах и так далее, сберегает рабочее время в огромных количествах, так что число торговых рабочих, находящих применение в оптовой торговле, не стоит ни в каком соответствии с относительной величиной предприятия. Это происходит оттого, что в торговле гораздо чаще, чем в промышленности, одна и та же функция требует одинакового рабочего времени независимо от того, выполняется ли она в большом или малом масштабе. Поэтому исторически концентрация в купеческом деле наступает раньше, чем в промышленной мастерской. Далее, расходы на постоянный капитал. 100 мелких контор стоят бесконечно дороже, чем одна большая; 100 мелких товарных складов — дороже, чем один большой, и так далее. Транспортные издержки, по крайней мере те, которые входят в число издержек, подлежащих авансированию, в купеческом предприятии возрастают вместе с дроблением.

Промышленный капиталист должен был бы затрачивать в торговой части своего предприятия больше труда и издержек обращения. Один и тот же купеческий капитал, если бы он был разделён между множеством мелких купцов, потребовал бы вследствие такой раздробленности гораздо больше рабочих для опосредствования своих функций, и, кроме того, потребовался бы более крупный купеческий капитал для обращения того же самого товарного капитала.

Если мы обозначим через **B** весь купеческий капитал, затраченный непосредственно на куплю и продажу товаров, а через **b** обозначим соответствующий переменный капитал, расходуемый на оплату вспомогательных торговых рабочих, то **B + b** оказывается меньше, чем должен бы быть весь купеческий капитал **B**, если бы каждый купец обходился без помощников, то есть если бы часть капитала не расходовалась на **b**.

Обозначим капитал, затраченный непосредственно на куплю и продажу товаров, через **B**, постоянный капитал, потребляемый при этой функции, через **K** (вещественные торговые издержки) и переменный капитал, расходуемый купцом, через **b**.

Если мы возьмём **K**, то оказывается, что оно, самое большее, такой же величины, а в действительности меньше той части постоянного капитала, которую пришлось бы употребить для купли и продажи производителю; но она составила бы тогда прибавку к тому

постоянному капиталу, который употребляется производителем непосредственно в производстве. Тем не менее эта часть должна постоянно возмещаться из цены товара, или, что то же самое, соответственная часть товара должна постоянно расходоваться в этой форме, должна, если иметь в виду совокупный общественный капитал, постоянно воспроизводиться в этой форме. Эта часть авансируемого постоянного капитала так же ограничивающе влияла бы на норму прибыли, как и вся масса его, вложенная непосредственно в производство. Поскольку промышленный капиталист предоставляет торговую часть своего предприятия купцу, ему нет надобности авансировать эту часть капитала. Вместо него её авансирует купец. Но это только номинально; купец не производит, не воспроизводит потребляемый им постоянный капитал (вещественные торговые издержки). Следовательно, производство последнего является особым видом предпринимательской деятельности или, по крайней мере, частью деятельности известных промышленных капиталистов, которые, таким образом, играют такую же роль, как промышленные капиталисты, доставляющие постоянный капитал тем, кто производит жизненные средства. Следовательно, купец получает, во-первых, возмещение этого, капитала и, во-вторых, прибыль на него. Таким образом, вследствие того и другого происходит сокращение прибыли промышленного капиталиста.

Однако **благодаря связанной с разделением труда концентрации и экономии она сокращается в меньшей мере, чем в том случае, если бы ему самому приходилось авансировать этот капитал. Сокращение нормы прибыли меньше, потому что меньше авансируемый таким образом капитал**.

Поэтому отношение промышленного капитала к его торговым наёмным рабочим не таково, как отношение к его производительным наёмным рабочим. При прочих равных условиях, чем больше он применяет последних, тем крупнее производство, тем больше прибавочная стоимость, или прибыль. И наоборот. Чем больше масштаб производства и чем больше подлежащая реализации стоимость, а потому и прибавочная стоимость, следовательно, чем больше произведённый товарный капитал, тем больше возрастают абсолютно, хотя и не относительно, конторские издержки и в тем большей мере они вызывают определённого рода разделение

труда. В какой мере прибыль является предпосылкой таких расходов, это обнаруживается, между прочим, в том, что часто при увеличении жалованья торговым служащим часть его уплачивается в виде отчислений определённого процента с прибыли. По существу дела, труд, заключающийся только в посреднических операциях, связанных отчасти с калькуляцией стоимостей, отчасти с их реализацией, отчасти с обратным превращением реализованных денег в средства производства, размер которых зависит, следовательно, от величины произведённых и подлежащих реализации стоимостей, — такой труд действует не как причина, подобно непосредственно производительному труду, а как следствие соответствующей величины и массы этих стоимостей. Подобным же образом обстоит дело и с другими издержками обращения. Для того чтобы много измерять, взвешивать, упаковывать, транспортировать, должно быть налицо много товаров; масса труда по упаковке, транспорту и тому подобное зависит от массы товаров, объектов такой деятельности, а не наоборот.

Торговый рабочий непосредственно не производит прибавочной стоимости. Но цена его труда определяется стоимостью его рабочей силы, следовательно издержками её производства, тогда как проявление этой рабочей силы в действии, её напряжение, расходование и износ, как и у всякого другого наёмного рабочего, отнюдь не ограничиваются её стоимостью. Поэтому его заработная плата никак не пропорциональна массе прибыли, которую он помогает реализовать капиталисту. То, чего он стоит капиталисту, и то, что он ему приносит, — это различные величины. Он приносит ему прибыль не потому, что непосредственно создаёт прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд. Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наёмных рабочих, к тем, труд которых есть квалифицированный труд, стоящий выше среднего труда.

Итак, **происходит раздвоение**. С одной стороны, функции капитала как товарного капитала и денежного капитала (а потому в дальнейшем определении как торгового капитала) суть общие определённые формы промышленного капитала. С другой стороны, особые капиталы, следовательно, особые категории

капиталистов занимаются исключительно этими функциями, и таким образом эти функции становятся особыми сферами увеличения стоимости капитала.

Только в торговом капитале торговые функции и издержки обращения оказываются обособленными. Та сторона промышленного капитала, которой он соприкасается с обращением, существует не только в том, что сам он постоянно пребывает в форме товарного капитала и денежного капитала, но и в том, что наряду с мастерской имеется контора. Но в торговом капитале эта сторона обособляется. Контора представляет собой его единственную мастерскую. Часть капитала, употребляемая в форме издержек обращения, оказывается у оптового купца значительно большей, чем у промышленника, потому что, кроме собственной конторы, которая находится при каждой промышленной мастерской, часть капитала, которую должен был бы употреблять таким образом весь класс промышленных капиталистов, концентрируется в руках отдельных купцов, которые, обеспечивая продолжение функций обращения, берут на себя вытекающие из этого издержки обращения.

Издержки обращения представляются промышленному капиталу и действительно являются непроизводительными издержками. Купцу они представляются источником его прибыли, которая, — если предположить общую норму прибыли, — находится в соответствии с их величиной. Поэтому расход, который приходится производить на эти издержки обращения, представляется торговому капиталу производительной затратой. Следовательно, и торговый труд, который он покупает, **для него** — непосредственно производительный труд.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как купеческий капитал притягивает к себе свою долю прибыли?

Купеческий капитал участвует в создании прибавочной стоимости?

В чём состоит функция купеческого капитала?

Почему работникам купца платят большую зарплату?

В чём источник зарплаты купца и его наёмных работников?

Глава 18.
ОБОРОТ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. ЦЕНЫ

влияние оборота купеческого капитала на норму прибыли, влияние оборота промышленного капитала на норму прибыли, ещё одна причина кризисов

Оборот промышленного капитала есть единство времени его производства и времени его обращения; поэтому он охватывает процесс воспроизводства, взятый в целом. Напротив, оборот купеческого капитала, так как он есть фактически только обособившееся движение товарного капитала, представляет лишь первую фазу метаморфоза товара, **Т — Д**, движение особого капитала, направленное к своему исходному пункту; **Д — Т — Д** с купеческой точки зрения представляет оборот купеческого капитала. Купец покупает, превращает свои деньги в товар, потом продаёт, снова превращает тот же самый товар в деньги; и таким образом это повторяется постоянно.

Повторение оборота товарно-торгового капитала выражает не что иное, как повторение актов купли и продажи, между тем повторение оборота промышленного капитала выражает периодичность и возобновление всего процесса воспроизводства (включая в него и процесс потребления). Напротив, для купеческого капитала это является только внешним условием. Промышленный капитал должен постоянно выбрасывать товары на рынок и снова извлекать их оттуда, чтобы для купеческого капитала сохранялась возможность быстрого оборота. Если процесс воспроизводства вообще происходит медленно, то медленно совершается и оборот купеческого капитала. Опосредствуя оборот производительного капитала, купеческий капитал сокращает время его обращения. Но он не оказывает прямого влияния на время производства, которое тоже является границей времени оборота промышленного капитала. Это — первая граница для оборота купеческого капитала. Во-вторых же, — если оставить в стороне ту границу, которую ставит ему производительное потребление, порождаемое воспроизводством, — этот оборот в конце концов ограничен быстротой и размерами всего личного потребления, так как от этого зависит вся та часть товарного капитала, которая входит в фонд потребления.

Купеческий капитал, во-первых, сокращает фазу **Т — Д** для производительного капитала. Во-вторых, при современной кредитной системе он располагает значительной частью всего денежного капитала общества, так что он может производить свои закупки прежде, чем уже купленное будет окончательно продано; причём безразлично, продаёт ли наш купец прямо окончательному потребителю или между ними обоими стоят 12 других купцов. При чрезвычайной эластичности процесса воспроизводства, который постоянно может быть выведен за каждый данный предел, в самом производстве он не находит никакой границы или только очень эластичную границу. Следовательно, кроме отделения актов **Т — Д** и **Д — Т**, вытекающего из самой природы товара, здесь создаётся **фиктивный спрос**. Движение купеческого капитала, несмотря на его обособление, всегда есть не что иное, как движение промышленного капитала в сфере обращения. Но, в силу своего обособления, он совершает своё движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. **Внутренняя зависимость и внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь восстанавливается насильственно, посредством кризиса**.

Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в распоряжение оптовой торговли денежный капитал общества.

Кризис наступает тогда, когда затраты купцов, продающих на отдалённых рынках (или тех купцов, запасы которых накопились и внутри страны), возвращаются столь медленно и в столь скудных количествах, что банки настаивают на платежах, или сроки уплаты по векселям под закупленные товары наступают раньше, чем совершится перепродажа. Тогда начинаются принудительные продажи, продажи с целью уплаты. И вместе с тем разражается крах, который сразу кладёт конец кажущемуся процветанию.

Но внешний характер и иррациональность оборота купеческого капитала усиливается ещё больше вследствие того, что оборот одного и того же купеческого капитала может опосредствовать

одновременно или последовательно обороты очень различных производительных капиталов.

Однако оборот купеческого капитала может опосредствовать не только обороты различных промышленных капиталов, но и противоположные фазы метаморфоза товарного капитала. Например, купец покупает холст у фабриканта и продаёт его белильщику. Следовательно, в этом случае оборот одного и того же купеческого капитала, — в действительности один и тот же акт **Т — Д**, реализация холста, — представляет две противоположные фазы для двух различных промышленных капиталов. Поскольку купец вообще продаёт для производительного потребления, его **Т — Д** всегда представляет **Д — Т** какого-нибудь промышленного капитала, а его **Д — Т** всегда представляет **Т — Д** какого-нибудь другого промышленного капитала.

Оборот купеческого капитала отличен от оборота промышленного капитала. Это вытекает из существа дела; отдельная фаза в обороте промышленного капитала выступает в качестве полного оборота собственно купеческого капитала или, по крайней мере, части его. Оборот купеческого капитала стоит также в ином отношении к определению прибыли и цены.

Оборот промышленного капитала выражает, с одной стороны, периодичность воспроизводства, и от этого зависит масса товаров, выбрасываемых на рынок в течение определённого времени. С другой стороны, время обращения образует границу, хотя и растяжимую, которая, воздействуя на размеры процесса производства, тем самым влияет более или менее ограничивающим образом на образование стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому оборот — не как положительный, но как ограничивающий элемент — оказывает определяющее влияние на массу ежегодно производимой прибавочной стоимости и, следовательно, на образование общей нормы прибыли. Напротив, для купеческого капитала средняя норма прибыли есть величина данная. Он не принимает непосредственного участия в создании прибыли, или прибавочной стоимости, и на образование общей нормы прибыли оказывает определяющее влияние лишь постольку, поскольку получает — соответственно той части, какую он составляет от всего капитала, — свою долю из общей массы прибыли, произведённой промышленным капиталом.

Как было показано в книге II, отдел 2, чем больше число оборотов промышленного капитала, тем больше масса прибыли, которую он производит. Правда, теперь, с установлением общей нормы прибыли, **вся прибыль распределяется между различными капиталами, но не пропорционально их непосредственному участию в её производстве, а соответственно той части, которую каждый из них составляет от всего капитала, то есть пропорционально их величине**. Однако существо дела от этого нисколько не изменяется. Чем больше число оборотов всего промышленного капитала, тем больше масса прибыли, масса ежегодно производимой прибавочной стоимости, а потому при прочих равных условиях и норма прибыли. Иное дело с купеческим капиталом. Для него норма прибыли есть величина данная, определяемая, с одной стороны, массой прибыли, произведённой промышленным капиталом, с другой стороны, — относительной величиной всего торгового капитала, его количественным отношением к сумме капитала, авансированного на процесс производства и процесс обращения. Конечно, число его оборотов влияет определяющим образом на его отношение ко всему капиталу, или на относительную величину купеческого капитала, необходимого для обращения; при этом ясно, что абсолютная величина необходимого купеческого капитала и скорость его оборота обратно пропорциональны друг другу; но его относительная величина, или та доля, которую он составляет от всего капитала, определяется его абсолютной величиной, если предположить все прочие условия равными.

Условия, сокращающие среднюю продолжительность оборота купеческого капитала, например развитие средств транспорта, соответственно уменьшают абсолютную величину купеческого капитала, следовательно повышают общую норму прибыли. И наоборот. Развитый капиталистический способ производства сравнительно с предшествующими общественными отношениями оказывает двоякое влияние на купеческий капитал: то же самое количество товаров оборачивается при помощи меньшей массы действительно функционирующего купеческого капитала; вследствие более быстрого оборота купеческого капитала и большей скорости процесса воспроизводства, — а на этом и основывается более быстрый оборот, — уменьшается купеческий капитал

по отношению к промышленному капиталу. С другой стороны, с **развитием капиталистического способа производства всё производство становится товарным производством**, и потому весь продукт попадает в руки агентов обращения; к этому следует добавить то, что при прежнем способе производства, которое велось в мелких масштабах, — если оставить в стороне массу продуктов, потреблявшихся непосредственно в натуральной форме самими производителями, и массу повинностей, выполнявшихся в натуральной форме, — очень значительная часть производителей продавала свои товары непосредственно потребителям или работала по их личному заказу. Поэтому, хотя при **прежних способах производства торговый капитал больше по отношению к товарному капиталу, который оборачивается с его помощью**, однако он:

1. Абсолютно меньше, так как несравненно меньшая часть всего продукта производится в виде товара и должна поступать в обращение как товарный капитал и попадать в руки купцов; он меньше потому, что товарный капитал меньше. Но вместе с тем он относительно больше не только в силу большей медленности своего оборота и не только по сравнению с массой товаров, совершающих оборот при его помощи. Он больше и в силу того, что цена этой массы товаров, а, следовательно, и авансируемый на неё купеческий капитал, вследствие более низкой производительности труда, больше, чем при капиталистическом производстве; поэтому та же самая стоимость выражается в меньшей массе товаров.

2. На основе капиталистического способа производства не только производится большая масса товаров (причём надо принять в расчёт уменьшение стоимости товаров, образующих эту массу), но одна и та же масса продукта, например зерна, образует большую массу товара, то есть всё большая часть его поступает в торговлю. Впрочем, вследствие этого возрастает не только масса купеческого капитала, но вообще весь капитал, вкладываемый в обращение, например в судоходство, в железные дороги, телеграф и прочее.

3. Но, — и это та точка зрения, изложение которой относится к «конкуренции капиталов», — нефункционирующий купеческий капитал или купеческий капитал, функционирующий только наполовину, с прогрессом капиталистического способа производства

возрастает, по мере того как облегчается его проникновение в розничную торговлю, по мере развития спекуляции и увеличения избытка высвобождающегося капитала.

Число оборотов купеческого капитала в различных отраслях торговли оказывает прямое влияние на торговые цены товаров. Высота торговой накидки на цену, величина части торговой прибыли данного капитала, которая приходится на цену производства единицы товара, стоит в обратном отношении к числу оборотов или к скорости оборота купеческого капитала в различных отраслях торговли. Если купеческий капитал оборачивается пять раз в год, то он присоединяет к товарному капиталу одинаковой стоимости только ⅕ накидки, присоединяемой к товарному капиталу равной стоимости другим купеческим капиталом, который может обернуться только один раз в год.

В то время как более подробное исследование влияния времени оборота на образование стоимости в отношении промышленного капитала опять приводит к тому общему закону и базису политической экономии, что **стоимости товаров определяются содержащимся в них рабочим временем**, влияние оборотов купеческого капитала на торговые цены обнаруживает явления, которые, если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев, как будто предполагают чисто произвольное определение цен, именно определение их просто тем, что капитал вдруг решил получить в течение года определённое количество прибыли. Именно вследствие такого влияния оборотов кажется, будто процесс обращения как таковой определяет цены товаров в известных пределах независимо от процесса производства. Все поверхностные и превратные воззрения на процесс воспроизводства в его целом взяты из представлений о купеческом капитале и из тех представлений, которые вызываются его специфическими движениями в головах агентов обращения.

Итак, с точки зрения купеческого капитала **кажется**, что сам оборот определяет цены. С другой стороны, в то время как скорость оборота промышленного капитала, поскольку она открывает возможность для данного капитала эксплуатировать больше или меньше труда, влияет определяющим и ограничивающим образом на массу прибыли, а потому и на общую норму её, для торгового капитала норма прибыли даётся извне, и внутренняя связь её

с образованием прибавочной стоимости совершенно стирается. **Если один и тот же промышленный капитал при прочих неизменяющихся условиях и в особенности при одинаковом органическом строении оборачивается в продолжение года четыре раза вместо двух, то он производит вдвое больше прибавочной стоимости, а потому и прибыли; и это явственно обнаруживается, если и пока этот капитал обладает монополией на более совершенный метод производства, который даёт ему возможность ускорять оборот. Напротив, различная продолжительность оборота в различных отраслях торговли проявляется в том, что прибыль, получаемая на один оборот определённого товарного капитала, находится в обратном отношении к числу оборотов денежного капитала, при помощи которого этот товарный капитал совершает свой оборот**. Малая прибыль и быстрый оборот являются для лавочника именно тем принципом, которому он следует из принципа.

Впрочем, само собой понятно, что этот закон оборотов купеческого капитала в каждой отрасли торговли, — даже если оставить в стороне чередование более быстрых и более медленных оборотов, компенсирующих друг друга, — имеет значение только для средних оборотов всего купеческого капитала, вложенного в эту отрасль. Число оборотов капитала **A**, действующего в той же самой отрасли, как и **B**, может быть больше или меньше среднего числа оборотов. В этом случае число оборотов других капиталов будет соответственно меньше или больше. Оборот всей массы купеческого капитала, вложенной в эту отрасль, от этого нисколько не изменяется. Но это имеет решающее значение для отдельного купца или розничного торговца. В этом случае он получает добавочную прибыль совершенно так же, как получают добавочную прибыль промышленные капиталисты, когда они производят при условиях более благоприятных, чем средние. Если того потребует конкуренция, он может продавать дешевле своих «собратьев», не понижая своей прибыли ниже среднего уровня. Если условия, дающие ему возможность делать более быстрый оборот, например места для продажи, сами покупаются, то он может уплачивать за них особую ренту, то есть часть его добавочной прибыли превращается в земельную ренту.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как влияет оборот купеческого капитала на норму прибыли?
Как влияет оборот промышленного капитала на норму прибыли?
Что приводит к кризисам?
Что происходит по мере развития капиталистического способа производства?
Что кажется купцу?

Глава 19.
ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

денежно-торговый капитал, из чего развились деньги, торговля деньгами не образует сокровищ

Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берёт на себя часть движения промышленного капитала в обращении и совершает его как своё собственное и ему присущее движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал. Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый этими техническими функциями. От совокупного капитала отделяется и обособляется в форме денежного капитала определённая часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы выполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь известная часть промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется и выполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения этого денежного капитала опять-таки представляют собой лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства.

> *Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находящаяся в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый тем чисто техническим движением, которое совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала есть* ***денежно-торговый капитал.***

Торговый капитал одновременно совершает акты **Т — Д** и **Д — Т**, то есть не только один капитал находится в стадии **Т — Д**, в то время как другой капитал находится в стадии **Д — Т**, но один и тот же капитал одновременно постоянно покупает и постоянно продаёт в силу непрерывности процесса производства; он одновременно и постоянно находится в обеих стадиях. Между тем как одна часть его превращается в деньги, чтобы впоследствии превратиться обратно в товар, другая часть в то же время превращается в товар, чтобы потом опять превратиться в деньги.

Функционируют ли при этом деньги как средство обращения или как средство платежа, это зависит от формы товарообмена. В обоих случаях капиталисту постоянно приходится платить деньги многим лицам и постоянно получать деньги в уплату от многих лиц. Эта чисто техническая операция уплаты и получения денег уже сама по себе составляет труд, который, поскольку деньги функционируют как средство платежа, делает необходимым подведение баланса платежей, акты взаимных расчётов. Этот труд относится к издержкам обращения, представляет собой труд, не создающий никакой стоимости. Он сокращается благодаря тому, что его выполняет особое подразделение агентов или капиталистов для всего остального класса капиталистов.

Появляется особая отрасль предпринимательской деятельности, и так как она в качестве такой особой отрасли обслуживает денежный механизм всего класса, она концентрируется, ведётся в крупном масштабе; и здесь, в свою очередь, происходит разделение труда в пределах этой особой отрасли предпринимательской деятельности как вследствие распадения её на различные, независимые одна от другой отрасли, так и вследствие образования специального аппарата в каждой из таких отраслей (большие конторы, многочисленные бухгалтеры и кассиры, далеко идущее разделение труда). Уплата денег, приём их, сальдирование балансов, ведение текущих счетов, хранение денег и прочее, будучи отделены от актов, обусловивших необходимость этих технических операций, делают капитал, авансированный на эти функции, денежно-торговым капиталом.

Различные операции, вследствие обособления которых в особые отрасли предпринимательской деятельности возникает

торговля деньгами, вытекают из различных определений самих денег и из их функций, которые приходится таким образом выполнять и капиталу в форме денежного капитала. **Деньги вообще первоначально развиваются при обмене продуктов между различными общинами**, поэтому торговля деньгами, торговля денежным товаром развивается прежде всего из **международных** сношений.

В качестве мировых денег национальные деньги утрачивают свой национальный характер; деньги одной страны выражаются в деньгах другой, и таким образом всё сводится к содержанию в них золота или серебра, тогда как последние как два товара, обращающиеся в качестве мировых денег, сводятся к взаимному постоянно изменяющемуся соотношению их стоимостей. Опосредствование соответствующих операций торговец деньгами делает своим особым занятием. Таким образом, **меняльное дело и торговля слитками** являются самыми ранними формами торговли деньгами и вытекают из двояких функций денег: как национальных денег и как мировых денег.

Из капиталистического процесса производства, как и из торговли вообще, даже при докапиталистическом способе производства, вытекает:

Во-первых, собирание денег как сокровища, то есть в настоящее время как части капитала, которая постоянно должна иметься налицо в денежной форме в качестве резервного фонда средств платежа и покупательных средств. Это первая форма сокровища, в которой оно снова появляется при капиталистическом способе производства и вообще образуется по крайней мере при развитии торгового капитала. То и другое относится как к внутреннему, так и к международному обращению. Это сокровище всегда находится в текучем состоянии, оно постоянно вливается в обращение и постоянно утекает из него обратно. Вторую форму сокровища представляет собой лежащий без движения, временно незанятый капитал в денежной форме; сюда же относится и вновь накопленный денежный капитал, ещё не вложенный в дело. Функциями, которых требует это образование сокровища как таковое, являются прежде всего его хранение, счетоводство и так далее.

Во-вторых, расходование денег при покупках, приём их при продажах, уплата денег и получение при платежах, выравнивание

платежей и так далее. Торговец деньгами выполняет всё это для купцов и промышленных капиталистов сперва как простой кассир.

Торговля деньгами получает полное развитие, когда к её остальным функциям присоединяется предоставление ссуд и торговля в кредит, — а это всегда происходит уже в самом её начале, — об этом в следующем отделе в связи с капиталом, приносящим проценты.

Самая торговля слитками, перевозка золота или серебра из одной страны в другую, есть только результат товарной торговли, который определяется вексельным курсом, выражающим состояние международных платежей и ставки процента на различных рынках. Торговец слитками как таковой опосредствует только этот результат.

Торговля деньгами не образует сокровищ, а доставляет технические средства для того, чтобы это образование сокровищ, поскольку оно происходит добровольно (следовательно, если оно не является выражением того, что капитал не находит применения или что процесс воспроизводства нарушен), свести к экономическому минимуму; потому что, если управление резервным фондом покупательных средств и средств платежа ведётся для всего класса капиталистов, то этот резервный фонд может быть не столь велик, как в том случае, если им управляет каждый капиталист особо. **В торговле деньгами происходит не купля благородных металлов, а только распределение их, поскольку они куплены в процессе торговли товарами**. Торговля деньгами облегчает выравнивание балансов, поскольку деньги функционируют как средство платежа, и при помощи искусственного механизма этого выравнивания балансов уменьшает массу денег, требующуюся для расчётов; но она не определяет ни связи, ни размера взаимных платежей. Например, векселя и чеки, которые обмениваются друг на друга в банках и в расчётных палатах, представляют собой совершенно независимые сделки, суть результаты данных операций, и дело сводится лишь к тому, чтобы технически наилучшим способом выравнять эти результаты. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство, размеры и число покупок и продаж совершенно не зависят от торговли деньгами. Она может лишь сократить

технические операции, которыми сопровождаются эти сделки, и таким образом уменьшить массу наличных денег, необходимых для данного оборота.

Итак, торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем её, то есть обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое денежно-торговый капитал?
Из чего развились деньги?
Почему торговля деньгами не образует сокровищ?

Глава 20.
ИЗ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

функция купеческого капитала, развитие купеческого капитала всё более превращает продукты в товары, самостоятельное развитие купеческого капитала обратно развитию капиталистического производства, случай и причины господства торговли над производством, переход от феодального к капиталистическому способу производства

Ничего не может быть более нелепого, чем рассматривать купеческий капитал — в форме или товарно-торгового или же в форме денежно-торгового капитала — как особый вид промышленного капитала, по аналогии, например, с горным делом, земледелием, животноводством, промышленностью, транспортом и прочими отраслями, которые представляют собой образовавшиеся вследствие общественного разделения труда разветвления, а потому и особые сферы приложения, промышленного капитала. Уже то простое наблюдение, что всякий промышленный капитал, находясь в фазе обращения процесса своего воспроизводства как товарный капитал и денежный капитал, выполняет совершенно те же функции, которые являются исключительными функциями купеческого капитала в его обеих формах, — уже одно это наблюдение должно было бы сделать невозможным такое грубое понимание. Наоборот, в товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производительным, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения — с другой, приобретают самостоятельное существование вследствие того, что определённые формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, приобретают вид самостоятельных форм и функций отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею. Превращённая форма промышленного капитала и вещественные различия производительного капитала, вытекающие из природы различных отраслей промышленности, — это вещи совершенно различные.

До сих пор мы рассматривали купеческий капитал с точки зрения и в пределах капиталистического способа производства. Но не только торговля, а и торговый капитал старше

капиталистического способа производства и в действительности он представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала.

Так как мы уже видели, что торговля деньгами и авансированный на неё капитал не требуют для своего развития ничего иного, кроме оптовой торговли и, далее, товарно-торгового капитала, то лишь последним мы здесь и займёмся.

Так как торговый капитал не выходит из сферы обращения и его функция состоит исключительно в том, чтобы опосредствовать обмен товаров, то, — если оставить в стороне неразвитые формы, вытекающие из непосредственной меновой торговли, — для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения. Или, лучше сказать, последнее является условием его существования. Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытнообщинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всём своём объёме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей, удовлетворяемых их производством. Купеческий капитал лишь опосредствует движение этих крайних членов, товаров, которые являются для него заранее данными предпосылками.

Метаморфоз товаров, их движение состоит: 1) вещественно — в обмене различных товаров друг на друга, 2) в отношении формы — в превращении товара в деньги, в продаже, и в превращении денег в товар, в купле. И к этим функциям, к **обмену товаров посредством купли и продажи, сводится функция купеческого капитала**. Следовательно, он опосредствует только

товарный обмен, который, однако, нельзя понимать с самого начала просто как товарный обмен между непосредственными производителями. При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а, следовательно, и продаёт продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство. Купец покупает и продаёт для многих. В его руках сосредоточиваются купли и продажи, вследствие чего купля и продажа утрачивают связь с непосредственными потребностями покупателя (как купца).

Но **какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, для которых купец служит посредником при обмене товаров, его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал**. Форма этого капитала постоянно одна и та же: **Д—Т—Д'**; деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, есть исходный пункт, и увеличение меновой стоимости, — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и опосредствующие его операции — отделённые от производства и совершаемые не производителями — суть лишь средство увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости.

Чем менее развито производство, тем более денежное имущество концентрируется в руках купцов, или тем более оно является специфической формой купеческого имущества.

При капиталистическом способе производства, — то есть, когда капитал овладевает самим производством и придаёт ему совершенно изменённую и специфическую форму, — купеческий капитал выступает лишь как капитал с особой функцией. При всех прежних способах производства, — и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство жизненных средств для самого производителя, — купеческий капитал оказывается функцией капитала по преимуществу.

Итак, не **представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал появляется в качестве исторической формы капитала задолго до того, как капитал подчинил себе само производство**. Его существование и развитие до известной степени само

является историческим условием для развития капиталистического способа производства 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своём акте купли концентрирует акты купли многих лиц. С другой стороны, **всё развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что всё более придаёт ему характер производства ради меновой стоимости, всё более превращает продукты в товары**. Однако, как мы скоро увидим из дальнейшего изложения, его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой.

При капиталистическом производстве купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования низводится до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще, а выравнивание прибыли сводит его норму прибыли к общему среднему уровню. Он функционирует уже только как агент производительного капитала.

Особые общественные отношения, складывающиеся с развитием купеческого капитала, теперь уже не являются определяющими; напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения. Это наблюдается даже в пределах одной и той же страны, где, например, чисто торговые города больше напоминают о прошлых отношениях, чем фабричные города.

Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, то есть равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества.

> ***Самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства.***

Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли, например у венецианцев, генуэзцев и голландцев, следовательно, там, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые ещё не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации вступивших в обмен обеих производящих стран. В этом случае перед нами купеческий капитал в чистом виде, обособленный от крайних членов, от тех сфер производства, между которыми он служит посредником. Таков главный источник его образования. Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом её существования. При посреднической торговле это сказывается не только в упадке торговли как особой отрасли, но и в падении преобладания чисто торговых народов и вообще их торгового богатства, которое покоилось на базисе этой посреднической торговли.

Так как движение купеческого капитала есть **Д — Т — Д'**, то прибыль купца, во-первых, получается благодаря актам, совершающимся лишь в пределах процесса обращения, следовательно, получается при совершении двух актов: купли и продажи, и, во-вторых, она реализуется при совершении последнего акта продажи. Следовательно, это «прибыль от отчуждения». Чистая независимая торговая прибыль на первый взгляд кажется невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дёшево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли. Следовательно, это не обмен эквивалентов. Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому — деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равные величины стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, является сначала совершенно случайным. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, то есть потому что они суть выражения чего-то одного и того же третьего. Продолжающийся обмен и более регулярное

воспроизводство для обмена всё более устраняют этот элемент случайности. Но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обоими, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладёт в карман. Самим своим движением он устанавливает эквивалентность.

Торговые народы древнего мира существовали, как боги Эпикура в межмировых пространствах, или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, колоссально развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников. На **пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот**.

Не подлежит никакому сомнению, что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями и быстро подвинувшие вперёд развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. **Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — всё это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства**. Между тем современный способ производства в своём первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались ещё в средние века. Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией. А если в XVI и отчасти ещё в XVII столетии внезапное расширение торговли и создание нового мирового рынка оказали решающее влияние на падение старого и на подъём капиталистического способа производства, то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства. Мировой рынок сам образует основу этого способа производства. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в постоянно увеличивающемся масштабе ведёт к постоянному расширению мирового рынка, так что в этом

случае не **торговля революционизирует промышленность, а промышленность постоянно революционизирует торговлю**. И торговое господство теперь связано уже с большим или меньшим преобладанием условий крупной промышленности. Стоит сравнить, например, Англию и Голландию.

Переход от феодального способа производства происходит: либо так, что производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности (это действительно революционизирующий путь); либо же купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени, — примером чего может служить хотя бы английский суконщик XVII столетия, подчиняющий своему контролю ткачей, остававшихся тем не менее самостоятельными, продавая им шерсть и скупая у них сукно, — всё же **этот путь сам по себе не ведёт к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку**. Таким образом, например, ещё вплоть до середины XIX столетия фабрикант во французской шёлковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — просто купцом, который предоставлял ткачам работать их старым кустарным способом и господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали. Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по море его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наёмных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчинённых капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства. Такие же отношения, лишь несколько модифицированные, существуют в части лондонского ремесленного производства мебели.

Таким образом, **переход совершается трояким образом**: во-первых, купец непосредственно становится промышленником; это имеет место в отраслях ремесла, основанных на торговле,

в частности, в производстве предметов роскоши, которые вместе с сырьём и рабочими ввозятся купцами из-за границы, как в пятнадцатом веке в Италию из Константинополя. Во-вторых, купец делает своими посредниками мелких мастеров или прямо покупает у самостоятельного производителя; номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства. В-третьих, промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли.

Первоначально торговля была предпосылкой для превращения цехового и сельского домашнего ремесла и феодального земледелия в капиталистические производства. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создаёт для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые сырые и вспомогательные материалы, и тем самым вызывает к жизни новые отрасли производства, которые с самого начала основываются на торговле: на производстве для рынка и для мирового рынка, и на условиях производства, доставляемых мировым рынком. Как только мануфактура до некоторой степени окрепла, она, — а ещё больше крупная промышленность, — сама создаёт себе рынок, завоёвывает его своими товарами. Теперь торговля становится слугой промышленного производства, для которого постоянное расширение рынка является жизненным условием. Постоянно расширяющееся массовое производство переполняет наличный рынок и потому постоянно расширяет этот рынок, раздвигает его рамки. Что ограничивает это массовое производство, так это не торговля (поскольку последняя выражает лишь существующий спрос), а величина функционирующего капитала и степень развития производительной силы труда. Промышленный капиталист постоянно имеет перед собой мировой рынок, он сравнивает и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки производства с рыночными ценами не только в своей стране, но и с мировыми ценами. В более ранние периоды это сравнение выпадает на долю почти исключительно купцов и обеспечивает таким образом торговому капиталу господство над промышленным капиталом.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

К чему сводится функция купеческого капитала?
Как развитие купеческого капитала всё более превращает продукты в товары?
Почему самостоятельное развитие купеческого капитала обратно развитию капиталистического производства?
Когда торговля господствует над производством и почему?
Когда производство господствует над торговлей и почему?
Как происходит переход от феодального к капиталистическому способу производства?

Отдел 5.
ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ

Глава 21.
КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ

отличие ссуды от продажи (обмена), чем является всякий ссудный капитал, форма движения ссудного капитала, ошибочность утверждения о цене ссуды, процент, «цена» капитала, потребительная стоимость ссужаемых денег

В ходе дальнейшего исследования следует иметь в виду, что, говоря об общей норме прибыли, или о средней прибыли, мы подразумеваем это последнее значение, то есть говорим лишь о средней норме в её законченном виде. А так как норма эта теперь одинакова для промышленного и для торгового капитала, то, поскольку речь идёт только об этой средней прибыли, нет также необходимости впредь делать различие между промышленной и торговой прибылью. **Независимо от того, вложен ли капитал в сферу производства как промышленный капитал или в сферу обращения как торговый капитал, он приносит соответственно своей величине одну и ту же годовую среднюю прибыль**.

Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, — независимо от того, существует ли она в действительности в форме денег или товара, — могут на основе капиталистического производства быть превращены в капитал и вследствие такого превращения из стоимости данной величины становятся стоимостью **самовозрастающей**, увеличивающейся. Они производят прибыль, то есть дают капиталисту возможность выжимать из рабочих и присваивать определённое количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Тем самым **помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал**. Их потребительная

стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. В этом качестве потенциального капитала, средства для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром особого рода. Или, что сводится к тому же, **капитал как капитал становится товаром**.

Рассмотрим сначала своеобразие обращения капитала, приносящего проценты. Затем, во вторую очередь, следует рассмотреть тот своеобразный способ, при котором он продаётся как товар, именно ссужается, а не уступается раз и навсегда.

Исходным пунктом являются деньги, которые **А** ссужает **В**. Ссуда может быть предоставлена под залог или без залога; однако первая форма является более древней, за исключением ссуды под товары или под долговые обязательства, как-то: векселя, акции и так далее. Эти особые формы нас здесь не интересуют. Мы имеем здесь дело с капиталом, приносящим проценты, в его обычной форме.

В руках **В** деньги действительно превращаются в капитал, проделывают движение **Д — Т — Д'** и затем снова возвращаются к **А** как **Д'**, как **Д + ΔД**, где **ΔД** представляет процент. Ради упрощения мы пока оставляем в стороне тот случай, когда капитал остаётся в руках **В** на более продолжительное время и проценты выплачиваются в определённые сроки.

Итак, движение таково: **Д — Д — Т — Д' — Д'**. Дважды здесь появляются 1) расходование денег как капитала, 2) обратный приток их как реализованного капитала, как **Д'**, или **Д + ΔД**.

Форма ссуды, вместо формы продажи, свойственная этому товару, капиталу как товару, встречающаяся, впрочем, и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги в качестве капитала становятся товаром.

Владелец денег, желающий, применить свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как капитал, — как капитал не только для себя самого, но и для других. Это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создаёт прибавочную стоимость, прибыль; как стоимость, которая в движении

сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему её лицу, в данном случае, к владельцу денег; следовательно, лишь на время удаляется от него и из рук своего собственника лишь временно переходит во владение функционирующего капиталиста, то есть не поступает в уплату и не продаётся, а лишь отдаётся в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и, во-вторых, возвратится как реализованный капитал, реализовав свою потребительную стоимость, свою способность производить прибавочную стоимость.

Товар, который ссужается как капитал, ссужается, смотря по его свойствам, как основной или как оборотный капитал. Деньги могут даваться в ссуду в обеих формах, — как основной капитал, например, в том случае, когда они выплачиваются обратно в форме пожизненной ренты, так что вместе с процентами всегда возвращается обратно и часть капитала. Некоторые товары по самой природе своей потребительной стоимости могут быть даны в ссуду лишь как основной капитал, например дома, суда, машины и так далее. Но **всякий ссудный капитал, какова бы ни была его форма и как бы природа его потребительной стоимости ни модифицировала обратную уплату, всегда является лишь особой формой денежного капитала**. Потому что то, что даётся здесь в ссуду, всегда есть определённая денежная сумма, и на эту же сумму исчисляется и процент. Если то, что ссужается, не есть ни деньги, ни оборотный капитал, то и обратно оно уплачивается таким способом, как притекает обратно основной капитал. Кредитор получает периодически процент и часть потреблённой стоимости самого основного капитала, эквивалент периодического износа. А по истечении срока неизрасходованная часть ссуженного основного капитала возвращается обратно в натуральной форме. Если ссуженный капитал — капитал оборотный, то и он возвращается к кредитору точно так же, как притекает обратно оборотный капитал.

Итак, способ возвращения определяется каждый раз действительным кругооборотом воспроизводящегося капитала и его особых видов. Но возвращение ссуженного капитала принимает форму обратной уплаты потому, что авансирование, отчуждение

этого капитала имеет форму ссуды. В этой главе мы занимаемся лишь собственно денежным капиталом, от которого произошли все другие формы ссудного капитала.

Ссудный капитал притекает обратно два раза; в процессе воспроизводства он возвращается к функционирующему капиталисту, а затем ещё раз повторяется возвращение как передача капитала кредитору, денежному капиталисту, как обратная уплата капитала его действительному собственнику, юридической исходной точке капитала.

Движение, характерное для капитала вообще, — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке, — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит. **A** отдаёт свои деньги не как деньги, а как капитал. С капиталом здесь не происходит никакого изменения. Он лишь переходит в другие руки. Его действительное превращение в капитал совершается только в руках **B**. Но для **A** он уже стал капиталом вследствие простой передачи **B**. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место лишь для **B**. Но для **A** возвращение происходит в той же форме, как отчуждение. Из рук **B** капитал снова возвращается в руки **A**. **Отдача, ссуда денег на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, присущая капиталу, приносящему проценты**, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег как капитала есть операция, лежащая вне сделок между кредиторами и заёмщиками. В самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключён.

> *Отдача, ссуда денег на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, присущая капиталу, приносящему проценты.*

Как товар особого рода капитал обладает и **своеобразным родом отчуждения**. Поэтому и возврат получает здесь выражение не как следствие и результат определённого ряда

экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; в отношении же капитала, приносящего проценты, кажется, будто его возврат как капитала зависит от простого соглашения между кредитором и заёмщиком. Так что по отношению к этой сделке возвращение капитала представляется уже не результатом, который определяется процессом производства, а представляется так, как будто бы данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег. Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошёл вовремя, то заёмщику приходится искать иной вспомогательный источник для выполнения своих обязательств перед кредитором. Простая форма капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы **А** и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $\mathbf{A} + \frac{1}{x}\mathbf{A}$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени, — есть лишь **иррациональная форма действительного движения капитала**.

В действительном движении капитала его обратное возвращение есть момент процесса обращения. Сначала деньги превращаются в средства производства; процесс производства превращает их в товар; путём продажи товара они снова превращаются в деньги и в этой форме возвращаются обратно в руки капиталиста, который впервые авансировал данный капитал в денежной форме. Но в отношении капитала, приносящего проценты, возврат его, как и выдача, есть лишь результат юридической сделки между собственником капитала и вторым лицом. Мы видим лишь выдачу и обратную уплату. Всё, что происходит между ними, изгладилось.

Но так как деньги, авансированные как капитал, обладают свойством возвращаться к тому, кто их авансировал, затратил как капитал; так как **Д — Т — Д'** есть имманентная форма движения капитала, то именно поэтому владелец денег может ссужать их как капитал, как нечто такое, что обладает свойством возвращаться к своему исходному пункту, сохраняться и возрастать как стоимость в том движении, которое оно совершает. Он отдаёт

деньги как капитал, так как после того, как они применены как капитал, они возвращаются к своей исходной точке, и, следовательно, по истечении известного срока заёмщик может возвратить их именно потому, что они притекают обратно к нему самому.

Итак, **отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возврата по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно применяются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке**. Таким образом действительный кругооборот денег как капитала является условием юридической сделки, согласно которой заёмщик должен возвратить деньги кредитору. Если заёмщик не затратит деньги как капитал, — это его дело. Кредитор ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделать функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до его возвращения в денежной форме к своему исходному пункту.

До сих пор мы рассматривали только движение ссудного капитала между его собственником и промышленным капиталистом. **Теперь нам предстоит исследовать процент**.

Кредитор расходует свои деньги как капитал; сумма стоимости, которую он отчуждает другому лицу, есть капитал и потому возвращается к нему обратно. Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением её как капитала, а просто возвращением ссуженной суммы стоимости. Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и возрасти, увеличиться в своём размере, то есть возвратиться с прибавочной стоимостью, как **Д +ΔД**, и это **ΔД** является здесь процентом, или той частью средней прибыли, которая не остаётся в руках функционирующего капиталиста, а достаётся денежному капиталисту.

Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передаёт промышленному капиталисту, заёмщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги имеют благодаря тому, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости, производят в своём движении определённую

прибавочную стоимость, среднюю прибыль (то, что превышает или стоит ниже её, представляется здесь случайностью). У остальных же товаров потребительная стоимость в конце концов потребляется, при этом исчезает субстанция товара, а с ней и его стоимость. **Товар-капитал, напротив, обладает той особенностью, что благодаря потреблению его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но ещё и увеличиваются**.

Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — **способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту** на то время, на которое он передаёт этому последнему право распоряжаться ссудным капиталом.

В этом смысле имеется известная аналогия между деньгами, отданными таким образом в ссуду, и рабочей силой, взятой в её отношении к промышленному капиталисту. Но только стоимость рабочей силы капиталист оплачивает, тогда как стоимость взятого в ссуду капитала он просто возвращает обратно. Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста — это способность в процессе её потребления производить большую стоимость (прибыль), чем она сама имеет, производить больше, чем она стоит. Этот избыток стоимости является для промышленного капиталиста потребительной стоимостью рабочей силы. Точно так же потребительной стоимостью ссудного денежного капитала является его способность присоединять и увеличивать стоимость.

> ***Потребительная стоимость ссужаемых денег — это их способность функционировать в качестве капитала и в качестве такового производить при средних условиях среднюю прибыль.***

Что же является ценой ссудного капитала? Покупатель обыкновенного товара покупает потребительную стоимость этого товара, а оплачивает его стоимость. Заёмщик денег также покупает их потребительную стоимость как капитала; но что он оплачивает? Конечно, не их цену, или стоимость, как при покупке других товаров. Между кредитором и заёмщиком не происходит, как между

покупателем и продавцом, смены формы стоимости, при которой эта стоимость один раз существует в форме денег, в другой раз — в форме товара. Тождественность отдаваемой и обратно получаемой стоимости проявляется здесь совершенно иным образом. Сумма стоимости, деньги, отдаётся без эквивалента и возвращается по истечении известного времени. Кредитор всё время остаётся собственником данной стоимости даже после того, как она из его рук перешла в руки заёмщика. При простом обмене товаров деньги всегда находятся на стороне покупателя; при ссуде же деньги находятся на стороне продавца. Он является тем лицом, которое отдаёт деньги на известное время, а покупатель капитала является тем лицом, которое получает их как товар. Но это возможно лишь постольку, поскольку деньги функционируют как капитал и поэтому авансируются. Заёмщик берёт взаймы деньги как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но сначала это капитал лишь в себе, — подобно всякому капиталу в его исходной точке в момент его авансирования. Только посредством потребления он увеличивает свою стоимость, реализуется как капитал. Но заёмщик должен возвратить его как реализованный капитал, то есть как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент); а процент может быть только частью реализованной заёмщиком прибыли. Частью, а не всей прибылью, так как для заёмщика потребительная стоимость взятого взаймы капитала заключается в том, что он производит ему прибыль. В противном случае не происходило бы отчуждения потребительной стоимости со стороны кредитора. С другой стороны, и заёмщику не может доставаться вся прибыль, ибо это означало бы, что он ничего не заплатил за отчуждение потребительной стоимости и возвращает кредитору авансированные деньги только как простые деньги, а не как капитал, не как реализованный капитал, потому что реализованным капиталом они являются только как **Д + ΔД**.

Оба, и кредитор, и заёмщик, расходуют одну и ту же денежную сумму как капитал. Но лишь в руках последнего она функционирует как капитал. То обстоятельство, что одна и та же сумма денег двукратно существует как капитал для двух лиц, не удваивает прибыли. **Эта сумма может функционировать как капитал для обоих только благодаря тому, что прибыль делится**. Та часть, которая достаётся кредитору, называется **процентом**.

> ***Процент** — это та часть прибыли заёмщика, которая достаётся кредитору.*

Предполагается, что вся сделка происходит между капиталистами двух видов, между денежным капиталистом и капиталистом промышленным или торговым. Никогда не следует забывать, что здесь капитал как капитал есть товар, или что товар, о котором здесь идёт речь, есть капитал. Все проявляющиеся здесь отношения были бы поэтому иррациональны, если бы мы имели дело с простым товаром или с капиталом, поскольку последний функционирует в процессе своего воспроизводства как товарный капитал. Давать в ссуду и брать взаймы вместо того, чтобы продавать и покупать — вот в чём заключается здесь вытекающее из специфической природы товара-капитала различие. Точно так же то, что здесь уплачивается, есть процент, а не цена товара. **Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цены товара**. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме, к такой форме, что это есть определённая сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости, тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.

> *Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме, к такой форме, что это есть определённая сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости, тогда как **цена по своему понятию равна** выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.*

Если цена выражает стоимость товара, то процент выражает увеличение стоимости денежного капитала и поэтому выступает как цена, которая уплачивается за него кредитору. Отсюда следует, до чего нелепо с самого начала желание непосредственно приложить сюда простые отношения обмена, купли и продажи, опосредствуемые деньгами, как это делает

Прудон. Основное предположение как раз и заключается в том, что деньги функционируют как капитал и поэтому могут быть переданы третьему лицу как капитал в себе, как потенциальный капитал.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что есть капитал?
Чем становится ссужаемый капитал?
Что отличает ссуду от продажи (обмена)?
Чем является всякий ссудный капитал?
Какова форма движения ссудного капитала?
В чём ошибочность и почему утверждения о цене ссуды?
Что такое цена?
Что такое процент?
Что такое «цена» капитала?
В чём состоит потребительная стоимость ссужаемых денег?

Глава 22.
ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ. СТАВКА ПРОЦЕНТА. «ЕСТЕСТВЕННАЯ» НОРМА ПРОЦЕНТА

от чего зависит ставка процента, тенденция к понижению ставки процента, отсутствие «естественной» ставки процента, ставка процента и норма прибыли, благодаря чему развивается финансовый капитал

Так как процент есть просто та часть прибыли, которую, согласно принятому нами до сих пор предположению, промышленный капиталист должен уплачивать денежному капиталисту, то максимальным пределом процента служит сама прибыль промышленного капиталиста.

При прочих равных условиях, то есть если предположить более или менее постоянное отношение между процентом и всей прибылью, функционирующий капиталист будет в состоянии и согласится платить более высокий или низкий процент в прямой зависимости от высоты нормы прибыли. Так как мы видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства, то отсюда следует, что более высокая или низкая ставка процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие ставки процента действительно выражает различие норм прибыли. Позже мы увидим, что так бывает отнюдь не всегда. В этом смысле можно сказать, что **процент регулируется прибылью, точнее — общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется даже на его средний уровень. Во всяком случае среднюю норму прибыли следует рассматривать как конечный максимальный предел процента**.

Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется капиталистическая промышленность, — состояние покоя, возрастающее оживление, процветание, перепроизводство, крах, стагнация, состояние покоя и так далее, циклы, дальнейший анализ которых выходит за пределы нашего исследования, — то мы увидим, что **низкая ставка процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли**,

повышение процента — переходу от процветания к следующей фазе цикла, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису.

Конечно, с другой стороны, **низкий процент может совпасть с застоем**, а умеренно повышающийся процент — с возрастающим оживлением. А **наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов**, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать взаймы для производства платежей. В то же время, — так как повышению процента соответствует понижение курса ценных бумаг, — это даёт людям со свободным денежным капиталом превосходный случай приобрести за бесценок такие процентные бумаги, которые при нормальном ходе дел должны снова достигнуть по меньшей мере своей средней цены, как только ставка процента снова понизится.

Однако **существует тенденция к понижению ставки процента, совершенно независимо от колебаний нормы прибыли**. И главные причины тому двоякого рода:

1. «Даже если предположить, что капитал никогда не берут взаймы иначе, как для производительного применения, то всё же возможно, что ставка процента изменяется без какого-либо изменения нормы валовой прибыли. Ибо по мере того, как нация подвигается вперёд по пути богатства, возникает и всё больше возрастает класс людей, которые благодаря трудам своих предков обладают такими фондами, на одни лишь проценты, с которых они могут жить. Точно так же многие из тех, кто в юности и в зрелом возрасте был активно занят предпринимательской деятельностью, отходят от дел, чтобы на старости лет спокойно жить на проценты с тех сумм, которые они сами накопили. Оба эти класса имеют тенденцию увеличиваться с ростом богатства страны, потому что с более или менее значительным капиталом, имеют шансы раньше сколотить себе состояние, чем те, кто начинает дело с небольшим капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь осваиваемых и бедных странах. Как многочислен класс рантье в Англии! По мере роста класса рантье растёт также и класс людей, ссужающих капитал,

ибо это одни и те же люди» (Ramsay «An Essay on the Distribution of Wealth» [1836]).

2. Давление на ставку процента должны также оказывать развитие системы кредита, постоянно возрастающая вместе с нею возможность для промышленников и купцов распоряжаться при посредстве банкиров всеми денежными сбережениями всех классов общества и прогрессирующая концентрация этих сбережений в таких размерах, при которых они могут действовать как денежный капитал.

Во многих юридических тяжбах, при решении которых приходится иметь дело с вычислением процентов, приходится принимать среднюю ставку процента в качестве узаконенной. Но если спросить, почему границы средней ставки процента не могут быть выведены из общих законов, то ответ найдём просто в природе процента. Процент есть только часть средней прибыли. Один и тот же капитал выступает в двояком определении: как ссудный капитал — в руках кредитора, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и сам производит прибыль лишь один раз. В самом процессе производства характер капитала, как капитала ссудного, не играет никакой роли. Что оба лица делят между собой ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайностей факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными её пайщиками. При делении произведённой стоимости на прибавочную стоимость и заработную плату, на котором существенно основывается определение нормы прибыли, определяющее влияние оказывают два совершенно различных элемента: рабочая сила и капитал; прибавочная стоимость и заработная плата — функции двух независимых переменных, которые взаимно ограничивают друг друга; и из их качественного различия происходит количественное деление произведённой стоимости. Мы увидим позже, что то же самое происходит при делении прибавочной стоимости на ренту и прибыль. По отношению к проценту не происходит ничего подобного. Здесь качественное различие, наоборот, происходит, как мы сейчас увидим, из чисто количественного деления одной и той же части прибавочной стоимости.

Из всего вышеизложенного следует, что **нет никакой «естественной» нормы процента**. Но если, с одной стороны, границы средней ставки процента, в противоположность общей норме прибыли, или границы средней нормы процента, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм процента, не могут быть установлены каким-либо общим законом, — так как здесь речь идёт лишь о делении валовой прибыли под различными титулами между двумя владельцами капитала, — то, наоборот, ставка процента, как средняя, так и её рыночная величина, в каждом конкретном случае выступает в качестве равномерной, определённой и осязательной величины совершенно иначе, чем это имеет место при общей норме прибыли.

Ставка процента относится к норме прибыли так же, как рыночная цена товара к его стоимости. Поскольку ставка процента определяется нормой прибыли, она всегда определяется общей нормой прибыли, а не частными нормами прибыли, которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности, и тем более не добавочной прибылью, которую отдельный капиталист может получить в какой-нибудь особой сфере предпринимательства. Поэтому общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней ставке процента, хотя последняя не представляет собой чистого или достаточно надёжного выражения первой.

Правда, ставка процента сама постоянно меняется в зависимости от рода обеспечения, представляемого различными категориями заёмщиков, и от продолжительности займа; но для каждой такой категории она едина во всякий данный момент. Следовательно, это различие не нарушает характера постоянства и единообразия ставки процента.

Средняя ставка процента является в каждой стране для более или менее продолжительных периодов постоянной величиной, так как общая норма прибыли, несмотря на постоянное изменение отдельных норм прибыли, изменяется лишь в сравнительно продолжительные периоды времени, причём изменение в одной сфере уравновешивается противоположным изменением в другой. И относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере средней ставки процента.

Что касается постоянно колеблющейся рыночной ставки процента, то для каждого момента она, подобно рыночной цене товаров, является определённой величиной, потому что на денежном рынке весь ссудный капитал постоянно противостоит функционирующему капиталу как единая масса, и, следовательно, отношение между предложением ссудного капитала, с одной стороны, и спросом на него, с другой, всякий раз определяет рыночный уровень процента. Это происходит в тем большей мере, чем более развитие кредитного дела и связанная с ним концентрация его придают ссудному капиталу всеобщий общественный характер и сразу, одновременно выбрасывают его на денежный рынок. Напротив, общая норма прибыли всегда существует лишь как тенденция, как движение к выравниванию отдельных норм прибыли. Конкуренция капиталистов, — которая как раз и является этим движением к выравниванию, — заключается здесь в том, что она постепенно отвлекает капитал от тех сфер, в которых прибыль долгое время стоит ниже среднего уровня, и так же постепенно привлекает его к тем сферам, в которых она превышает средний уровень; или также в том, что дополнительный капитал мало-помалу в различных пропорциях распределяется между этими сферами. По отношению к этим различным сферам это — постоянные колебания прилива и отлива капитала, а отнюдь не одновременное действие всей массы капитала, как при определении ставки процента.

Общая норма прибыли действительно определяется совершенно иными и более сложными причинами, чем рыночная ставка процента, прямо и непосредственно определяемая отношением между спросом и предложением, и потому не является очевидным и непосредственно данным фактом, как ставка процента. Особые нормы прибыли в различных сферах производства сами более или менее неопределённы; но, поскольку они проявляются, проявляется не единообразие их, а различие. Общая же норма прибыли сама выступает лишь в качестве минимального предела прибыли, а не как эмпирическая, непосредственно воспринимаемая форма действительной нормы прибыли.

Отмечая это различие между ставкой процента и нормой прибыли, мы ещё оставляем в стороне следующие два обстоятельства, способствующие упрочению ставки процента: 1) что исторически уже до этого существовал капитал, приносящий проценты,

и была налицо традиционная общая ставка процента; 2) что мировой рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление ставки процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли.

Средняя прибыль выступает не как непосредственно данный факт, а как конечный результат выравнивания противоположных колебаний, который можно установить лишь при помощи исследования. Иначе обстоит дело со ставкой процента. При своей общепризнанности, по крайней мере в пределах известной местности, ставка процента является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному и торговому капиталу в их операциях предпосылкой и специальной статьёй при калькуляции. Она становится общей способностью всякой денежной суммы, равной 100 ф. ст., принести 2, 3, 4, 5 фунтов стерлингов. Метеорологические бюллетени отмечают положение барометра не с большей точностью, чем биржевые бюллетени — уровень ставки процента не для того или иного капитала, а для каждого находящегося на денежном рынке капитала, то есть вообще для ссудного капитала.

На денежном рынке противостоят друг другу лишь кредитор и заёмщик. Товар имеет одну и ту же форму — форму денег. Здесь стёрты все особые формы капитала, которые капитал принимает в зависимости от того, в какую особую сферу производства или обращения он вложен. Капитал существует здесь в лишённой различий, равной себе самой форме самостоятельной стоимости, в форме денег. Здесь уже нет более места конкуренции между различными сферами; все они вместе выступают как заёмщики денег, и капитал противостоит им всем тоже в такой форме, в которой он ещё безразличен к определённому роду и способу своего применения. **Если промышленный капитал только в движении и конкуренции между отдельными сферами проявляет себя как общий капитал всего класса, то здесь капитал всей своей массой действительно выступает как общий капитал всего класса в спросе и предложении капитала. С другой** стороны, денежный капитал на денежном рынке действительно обладает такой формой, в которой он, как общий элемент, безразличный к особому способу его применения,

распределяется между различными сферами, среди класса капиталистов, соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К тому же с **развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он появляется на рынке, всё в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной частицы находящегося на рынке капитала, а выступает как концентрированная, организованная масса, которая совершенно иначе, чем реальное производство, стоит под контролем банкиров, являющихся представителями общественного капитала**. Таким образом, поскольку дело касается формы спроса, ссудному капиталу противостоит класс в его целом; что же касается предложения, то он сам выступает во всей своей массе как ссудный капитал.

Капитал здесь в качестве товара предлагается в денежной форме; поэтому фиксация его цены, как и у всех других товаров, есть фиксация его рыночной цены; поэтому ставка процента всегда является общей ставкой процента, количественно определённой, как такое-то количество денег за такое-то количество денег. Напротив, норма прибыли даже в пределах одной и той же сферы при одинаковых рыночных ценах товаров может быть различна в зависимости от различия условий, при которых одни и те же товары производятся отдельными капиталами, потому что норма прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства. И эти различные нормы прибыли могут выравниваться сначала в пределах одной и той же сферы производства, а затем между различными сферами лишь посредством постоянных колебаний.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Чем регулируется процент?
Когда какая бывает ставка процента и почему?
Почему есть тенденция к понижению ставки процента?
Почему нет «естественной» ставки процента?
Как относится ставка процента к норме прибыли?
Благодаря чему развивается финансовый капитал?

Глава 23.
ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД

часть прибыли превращается в процент, предпринимательский доход, ошибочное смешение предпринимательского дохода с платой за надзор (управление)

Процент, как мы это видели в двух предыдущих главах, появляется первоначально, есть первоначально и остаётся в действительности не чем иным, как той частью прибыли, то есть прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и кредитору этого капитала. Если капиталист применяет только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит; эта последняя целиком принадлежит ему. В самом деле, раз **собственники капитала сами же применяют его в процессе воспроизводства, они не принимают участия в конкуренции, определяющей ставку процента, и уже в этом сказывается, насколько категория процента, невозможная без определения ставки процента, сама по себе чужда движению промышленного капитала**.

В самом деле, только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создаёт категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создаёт ставку процента.

> ***Только** разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает **часть прибыли в процент**, создаёт категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создаёт ставку процента.*

Пока капитал функционирует как промышленный капитал, он принадлежит процессу воспроизводства, закреплён в нём. Хотя промышленный капиталист и является его собственником,

но эта собственность не даёт ему возможности до тех пор, пока он пользуется капиталом как капиталом для эксплуатации труда, одновременно располагать им и ещё каким-нибудь способом. Совершенно так же обстоит дело и с денежным капиталистом. Пока его капитал находится в ссуде и потому функционирует как денежный капитал, он приносит ему проценты, часть прибыли, но основной суммой капиталист не может располагать. Это обнаруживается всякий раз, когда капиталист отдаёт свой капитал в ссуду, например на год или на несколько лет, и через известные сроки получает проценты, не получая обратно капитала. Но даже возвращение капитала нисколько не меняет дела. Получая его обратно, капиталист всегда должен снова отдавать его в ссуду, если желает сохранить для себя его действие как капитала, в данном случае, денежного капитала. Пока капитал находится в его руках, он не приносит процентов и не действует как капитал; а пока он приносит проценты и действует как капитал, он находится не в его руках. Отсюда возможность ссужать капитал на вечные времена.

Возникает вопрос: **каким образом это чисто количественное деление прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное**? Другими словами, каким образом капиталист, применяющий лишь свой собственный, а не заёмный капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой? И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал, — заёмный или нет, — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?

Известно, что не всякое случайное количественное деление прибыли такого рода превращается в качественное. Например, несколько промышленных капиталистов объединяются для ведения предприятия и затем распределяют между собой прибыль согласно юридически закреплённому договору. Другие ведут своё предприятие самостоятельно, без компаньонов. Эти другие не исчисляют своей прибыли по двум категориям, одну часть как индивидуальную прибыль, другую как прибыль компании для несуществующих компаньонов. Следовательно, в этом случае количественное деление не превращается в качественное. Деление происходит в том случае, когда собственник

состоит из нескольких юридических лиц; оно не имеет места, когда этого нет.

Чтобы дать ответ на вопрос, нам придётся несколько дольше остановиться на действительном исходном пункте образования процента; то есть необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически разные лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, или как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдаёт капитал в ссуду, другой производительно его применяет.

Для производительного капиталиста, работающего при помощи заёмного капитала, валовая прибыль распадается на две части: процент, который он должен заплатить кредитору, и избыток сверх процента, составляющий его собственную долю в прибыли. Если общая норма прибыли дана, то эта последняя часть определяется ставкой процента; если дана ставка процента, то эта часть определяется общей нормой прибыли. И далее: как бы валовая прибыль, действительная величина стоимости всей прибыли, ни отклонялась в каждом конкретном случае от средней прибыли, та её часть, которая принадлежит функционирующему капиталисту, определяется процентом, так как этот последний фиксируется общей ставкой процента (если оставить в стороне случаи особых юридических договоров) и предполагается как величина данная, прежде чем начнётся процесс производства, то есть прежде чем будет получен его результат, валовая прибыль. Действительный специфический продукт капитала есть прибавочная стоимость, или, точнее, прибыль. Но для капиталиста, работающего при помощи заёмного капитала, этот продукт не прибыль, а прибыль минус процент, то есть часть прибыли, остающаяся у него по уплате процента. Таким образом эта часть прибыли необходимо представляется ему продуктом капитала, поскольку этот капитал функционирует; по отношению к нему так оно и есть в действительности, потому что он — представитель капитала лишь как функционирующего капитала. Он — персонификация капитала, поскольку капитал функционирует, а функционирует он постольку, поскольку вложен в промышленность или

в торговлю таким образом, что приносит прибыль, и поскольку применяющий его капиталист совершает с ним те операции, которых требует данная отрасль предпринимательства. В противоположность проценту, который он должен выплачивать из валовой прибыли кредитору, приходящаяся на его долю остальная часть прибыли необходимо принимает, таким образом, форму промышленной, соответственно торговой, прибыли, или, употребляя выражение, охватывающее и ту и другую, принимает форму **предпринимательского дохода**. Если валовая прибыль равна средней прибыли, то величина этого предпринимательского дохода будет определяться исключительно ставкой процента. Если валовая прибыль отклоняется от средней прибыли, то разность между нею и средней прибылью (за вычетом из той и другой процента) определяется всеми теми конъюнктурными моментами, которые вызывают временное отклонение, — или отклонение нормы прибыли в отдельной сфере производства от общей нормы прибыли, или же отклонение той прибыли, которую получает отдельный капиталист в определённой сфере, от средней прибыли этой особой сферы. Но мы видели, что норма прибыли в самом процессе производства зависит не только от прибавочной стоимости, но и от многих других обстоятельств: от покупной цены средств производства, от методов производства, более производительных, чем средние, от экономии постоянного капитала и так далее. И если оставить в стороне цену производства, то норма прибыли зависит от особых конъюнктурных моментов, а в каждой отдельной предпринимательской сделке от большей или меньшей ловкости и предприимчивости капиталиста, от того, насколько покупает или продаёт капиталист выше или ниже цены производства, от того, следовательно, присваивает ли он себе в процессе обращения большую или меньшую часть совокупной прибавочной стоимости. Но во всяком случае количественное деление валовой прибыли превращается здесь в качественное, тем более что само количественное деление зависит от того, что подлежит делению, как хозяйничает активный капиталист при помощи капитала и какую валовую прибыль он приносит ему как функционирующий капитал, то есть вследствие функций капиталиста как активного капиталиста. Функционирующий капиталист предполагается здесь не собственником капитала. Собственность на капитал

представлена по отношению к нему кредитором, денежным капиталистом. Таким образом, процент, который функционирующий капиталист уплачивает ему, является частью каловой прибыли, приходящейся на долю собственности на капитал, на долю этой собственности как таковой. В противоположность этому часть прибыли, приходящаяся на долю активного капиталиста, представляется теперь в виде предпринимательского дохода, вытекающего исключительно из операций или функций, которые он совершает в процессе воспроизводства при помощи капитала, следовательно, специально из тех функций, которые выполняет он как предприниматель в промышленности или торговле. Следовательно, по отношению к нему процент представляется просто плодом собственности на капитал, плодом капитала самого по себе, абстрагированного от процесса воспроизводства капитала, плодом капитала, поскольку он «не работает», не функционирует; между тем предпринимательский доход представляется ему исключительно плодом тех функций, которые он совершает с капиталом, плодом движения и процессирования капитала, такого процессирования, которое представляется активному капиталисту теперь как его собственная деятельность в противоположность бездеятельности, неучастию денежного капиталиста в процессе производства. Это качественное разграничение двух частей валовой прибыли, заключающееся в том, что процент есть плод капитала самого по себе, плод собственности на капитал, независимо от процесса производства, а предпринимательский доход — плод процессирующего капитала, капитала действующего в процессе производства, а потому плод той активной роли, которую лицо, применяющее капитал, играет в процессе воспроизводства, — это качественное разграничение отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте, потому что **процент притекает к денежному капиталисту, кредитору, являющемуся просто собственником капитала, то есть просто представителем собственности на капитал до процесса производства и вне процесса производства; предпринимательский же доход притекает только к функционирующему капиталисту, не собственнику капитала**.

Капитал по отношению к приносимым им категориям прибыли распадается на **капитал-собственность**, капитал вне процесса производства, сам по себе приносящий процент, и на **капитал в процессе производства**, который, как капитал, совершающий процесс, приносит предпринимательский доход.

Теперь ясными становятся причины, благодаря которым это деление валовой прибыли на процент и предпринимательский доход, раз оно сделалось качественным, сохраняет этот характер качественного деления для всего капитала и для всего класса капиталистов.

Во-первых: это вытекает уже из того простого эмпирического обстоятельства, что большинство промышленных капиталистов, хотя и в различной мере, работает при помощи как собственного, так и заёмного капитала и что отношение между собственным и заёмным капиталом в различные периоды изменяется.

Во-вторых: превращение одной части валовой прибыли в форму процента превращает другую её часть в предпринимательский доход. В самом деле, этот последний есть лишь та противоположная форма, которую принимает избыток валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория. Всё исследование вопроса, каким образом валовая прибыль дифференцируется на процент и предпринимательский доход, сводится просто к исследованию того, каким образом часть валовой прибыли вообще кристаллизуется и приобретает самостоятельное существование в виде процента. Но капитал, приносящий проценты, исторически существует как готовая, старинная форма, а потому и **процент как готовая форма прибавочной стоимости, произведённой капиталом, существует уже задолго до появления капиталистического способа производства** и соответствующих ему представлений о капитале и прибыли. Поэтому и до сих пор денежный капитал, капитал, приносящий проценты, всё ещё остаётся в народном представлении капиталом как таковым, капиталом по преимуществу. Отсюда же, с другой стороны, и то господствовавшее до времени Масси представление, будто процентом оплачиваются деньги как таковые («стоимость денег»). То **обстоятельство, что данный в ссуду капитал приносит процент независимо от того, применяется ли он в действительности как капитал или**

нет, — он приносит процент даже в том случае, если он взят в ссуду в целях потребления, — укрепляет представление о самостоятельности этой формы капитала.

> ***Предпринимательский доход** — это всего лишь та противоположная форма, которую принимает избыток валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория*

В-третьих: работает ли промышленный капиталист с собственным или с заёмным капиталом, это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что ему противостоит класс денежных капиталистов как особый вид капиталистов, денежный капитал как самостоятельный вид капитала и **процент** как соответствующая этому особому капиталу самостоятельная форма прибавочной стоимости.

Качественно процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал, которую капитал приносит сам по себе, хотя его собственник остаётся вне процесса воспроизводства, которую капитал, следовательно, даёт обособленно от своего процесса.

Количественно часть прибыли, образующая процент, представляется так, как будто она связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом, и норма этой части прибавочной стоимости, норма процента, или ставка процента, закрепляет такое отношение. Потому что, во-первых, ставка процента — несмотря на свою зависимость от общей нормы прибыли — определяется самостоятельно, и, во-вторых, подобно рыночной цене товаров, она, в противоположность неуловимой норме прибыли, выступает как устойчивое, при всех переменах единообразное, очевидное и всегда данное отношение.

Итак, оказалось, что та часть прибыли, которую функционирующий капиталист должен уплачивать простому собственнику взятого в ссуду капитала, превращается в самостоятельную форму той части прибыли, которую приносит под названием процента всякий капитал как таковой, взят ли он в ссуду или нет. Величина этой части зависит от высоты средней ставки процента. На происхождение её теперь указывает лишь то, что функционирующий капиталист, поскольку он является собственником своего

капитала, не конкурирует — по крайней мере активно — в определении ставки процента. Чисто количественное деление прибыли между двумя лицами, имеющими различные юридические титулы на неё, превратилось в качественное деление, которое **кажется** вытекающим из самой природы капитала и прибыли. Потому что, как мы видели, когда часть прибыли вообще принимает форму процента, разность между средней прибылью и процентом, или избыток прибыли над процентом, превращается в противоположную проценту форму, в форму предпринимательского дохода.

> ***Процент** — это та часть прибыли, которую функционирующий капиталист должен уплачивать простому собственнику взятого в ссуду капитала.*

Эти две формы, процент и предпринимательский доход, существуют лишь в своей противоположности. Следовательно, обе они находятся в известном соотношении не с прибавочной стоимостью, по отношению к которой они суть лишь части, фиксированные под различными категориями, рубриками и названиями, а в соотношении одна с другой. Так как одна часть прибыли превращается в процент, то другая выступает в виде предпринимательского дохода. Под прибылью мы постоянно понимаем здесь среднюю прибыль, так как здесь для нас совершенно безразличны отклонения как индивидуальной прибыли, так и прибыли в различных сферах производства, то есть те или иные изменения в распределении средней прибыли, или прибавочной стоимости, связанные с конкурентной борьбой и другими обстоятельствами.

Приносящий проценты капитал — это капитал как ***собственность*** в противоположность ***капиталу как функции***. Но пока капитал не функционирует, он не эксплуатирует рабочих и не вступает в антагонизм с трудом.

С другой стороны, предпринимательский доход составляет противоположность не наёмному труду, а лишь проценту.

Во-первых: если предположить среднюю прибыль как величину данную, то норма предпринимательского дохода определяется не заработной платой, а ставкой процента. Она будет выше или ниже в обратном отношении к ставке процента.

Во-вторых: своё притязание на предпринимательский доход, а, следовательно, и самый этот доход, функционирующий капиталист выводит не из своей собственности на капитал, а из функции капитала в противоположность той его определённой форме, когда она существует как бездеятельная собственность. Это проявляется как непосредственно существующая противоположность в тех случаях, когда он оперирует заёмным капиталом, так что процент и предпринимательский доход достаются двум разным лицам. Предпринимательский доход возникает из функции капитала в процессе воспроизводства, то есть вследствие операций, деятельности, которыми функционирующий капиталист опосредствует эти функции промышленного и торгового капитала.

На основе капиталистического производства капиталист управляет как процессом производства, так и процессом обращения. Эксплуатация производительного труда стоит усилий для самого капиталиста или для других лиц, которые действуют от его имени. Его **предпринимательский доход в противоположность проценту представляется ему, таким образом, чем-то независимым от собственности на капитал, более того, результатом его функций как не собственника, как работника**.

Поэтому в **его голове** необходимо возникает представление, что его предпринимательский доход не только не находится в какой-либо противоположности наёмному труду, не только не является просто неоплаченным чужим трудом, а, напротив, сам есть не что иное, как заработная плата, плата за надзор, более высокая плата, чем заработная плата обыкновенного наёмного рабочего, 1) потому что это более сложный труд, 2) потому что он сам выплачивает себе заработную плату. Что функция его как капиталиста состоит в том, чтобы производить прибавочную стоимость, то есть неоплаченный труд, да ещё при самых экономных условиях, — это совершенно заслоняется тем фактом, что процент достаётся капиталисту, даже если он и не выполнял никакой функции как капиталист, а был лишь собственником капитала, и что, напротив, предпринимательский доход достаётся функционирующему капиталисту, даже если он не был собственником капитала, с которым функционирует. Из-за противоположных форм обеих частей, на которые распадается прибыль, то есть

прибавочная стоимость, забывают, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление её ничего не может изменить ни в её природе, ни в её происхождении и условиях её существования.

Остановимся теперь подробнее на предпринимательском доходе. Процент, с одной стороны, есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим. С другой стороны, форма процента придаёт другой части прибыли качественную форму предпринимательского дохода, далее — форму платы за надзор. Особые функции, которые приходится выполнять капиталисту как таковому и которые выпадают на его долю как раз в отличие от рабочих и в противоположность рабочим, представляются как чисто трудовые функции. Он создаёт прибавочную стоимость не потому, что работает как капиталист, а потому, что несмотря на своё качество капиталиста он тоже работает. Поэтому эта часть прибавочной стоимости — это уже не прибавочная стоимость, а её противоположность — эквивалент выполненного труда. Так как отчуждённый характер капитала, его противоположность труду переносится по ту сторону действительного процесса эксплуатации, а именно переносится на капитал, приносящий проценты, то самый этот процесс эксплуатации представляется простым процессом труда, в котором функционирующий капиталист выполняет лишь иную работу, чем рабочий. Таким образом, труд по эксплуатации и эксплуатируемый труд тождественны как труд. Труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации. Процент становится общественной формой капитала, но выраженной в нейтральной и индифферентной форме; предпринимательский доход становится экономической функцией капитала, но отвлечённой от определённого, капиталистического характера этой функции.

При этом в сознании капиталиста происходит совершенно то же, что с упомянутыми во 2 отделе этой книги основаниями для компенсации при выравнивании прибыли в среднюю прибыль. Эти основания для компенсации, которые определяющим образом влияют на распределение прибавочной стоимости, превращаются благодаря капиталистическому способу представления в причины возникновения и (субъективные) основания для оправдания прибыли.

Представление о предпринимательском доходе как о вознаграждении за труд по надзору, возникающее из противоположности, существующей между предпринимательским доходом и процентом, находит дальнейшую опору в том, что часть прибыли в самом деле может быть обособлена и действительно обособляется как заработная плата, или, точнее, наоборот: что **часть заработной платы на основе капиталистического способа производства выступает как интегральная составная часть прибыли**.

Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разъединённым трудом самостоятельных производителей. Но природа его — двоякого рода.

С одной стороны, во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижёром оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческое дело, этот труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами.

Плата за управление, которой вознаграждаются наёмные управляющие как торговыми, так и промышленными

предприятиями, выступает совершенно обособленно от предпринимательского дохода и в кооперативных фабриках рабочих и в капиталистических акционерных предприятиях. Отделение платы за управление от предпринимательского дохода, которое в других случаях является случайным, приобретает здесь постоянный характер.

В кооперативной фабрике труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала. Акционерные предприятия, развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию всё более отделять этот труд по управлению как особую функцию от владения капиталом, собственным ли, или заёмным, совершенно так же, как с развитием буржуазного общества функции суда и управления отделяются от земельной собственности, атрибутами которой они были в феодальное время. Но когда, с одной стороны, простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капиталист, а с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер, концентрируется в банках и ссужается ими, а не его непосредственными собственниками; когда, с другой стороны, лицо, являющееся только управляющим, не владеющее капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового, — тогда остаётся лишь служащий, а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства.

Смешение предпринимательского дохода с платой за надзор или за управление первоначально возникло из той особой формы, которую избыток прибыли над процентом принимает в противоположность проценту. Оно получило своё дальнейшее развитие благодаря апологетическому стремлению представить прибыль не как прибавочную стоимость, то есть неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд. Этому со стороны социалистов было противопоставлено требование, чтобы прибыль была фактически сведена к тому, за что она выдаётся в теории, а именно к простой плате за надзор. И это требование, противопоставленное теоретическому прикрашиванию,

было тем неприятнее, чем более эта плата за надзор с возникновением многочисленного класса промышленных и торговых управляющих обретала, с одной стороны, подобно всякой другой заработной плате, свой определённый уровень и свою определённую рыночную цену и чем ниже, с другой стороны, она опускалась, как всякая плата за квалифицированный труд, по мере общего развития, понижавшего издержки производства особо обученной рабочей силы. С **развитием кооперации среди рабочих и акционерных предприятий среди буржуазии был уничтожен и последний предлог для смешения предпринимательского дохода с платой за управление, и прибыль практически выступила как то, чем она бесспорно была теоретически: как чистая прибавочная стоимость, как стоимость, за которую не уплачивается эквивалента, как реализованный неоплаченный труд; так что функционирующий капиталист действительно эксплуатирует труд, и плод его эксплуатации, если он работает с заёмным капиталом, делится на процент и предпринимательский доход — избыток прибыли над процентом**.

Кроме того, дела о банкротстве, разбираемые в судах, показывают, что эта плата за надзор обыкновенно находится в обратном отношении к труду по надзору, который в действительности несут эти номинальные директора.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что превращает часть прибыли в процент?
На что распадается капитал по приносимым им категориям прибыли?
Что такое предпринимательский доход?
Что такое процент?
Как существуют эти две формы капитала — процент и предпринимательский доход?
Из чего состоит предпринимательский доход?
Почему происходит смешение предпринимательского дохода только с платой за надзор?

Глава 24.
ВЫДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ В ФОРМЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ

наиболее фетишистская формула капитала, качественная граница накоплению капитала

В капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей **наиболее внешней и фетишистской формы**. Мы имеем здесь перед собой Д—Д', деньги, которые производят большее количество денег, имеем самовозрастающую стоимость без процесса, опосредствующего два крайних пункта.

В форме капитала, приносящего проценты, самовозрастание стоимости, как качество, проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. **Вещь** (деньги, товар, стоимость), как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи; от владельца денег, то есть товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в **этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения**. **Общественное отношение получило законченный вид**, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность создавать стоимость, бóльшую стоимость, чем та, которая заключается в них самих. Деньги как таковые потенциально уже представляют собой самовозрастающую стоимость, и как таковые они отдаются в ссуду, что является формой продажи этого своеобразного товара. Создавать стоимость, приносить проценты является их

свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева — приносить груши. Как такую приносящую проценты вещь, кредитор и продаёт свои деньги. **Но этого мало. Даже действительно функционирующий капитал представляется таким образом, как будто он приносит процент не как функционирующий капитал, а как капитал сам по себе, как денежный капитал**.

Переворачивается и следующее отношение: процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, то есть прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное, а прибыль, превратившаяся теперь в форму предпринимательского дохода, — просто как всего лишь добавок, придаток, присоединяющийся в процессе воспроизводства. Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получают своё завершение. В Д—Д' мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений; форму капитала, приносящего проценты, простую форму капитала, в которой он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; перед нами способность денег, соответственно товара, увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства, то есть перед нами мистификация капитала в самой яркой форме.

Для вульгарной политической экономии, стремящейся представить капитал самостоятельным источником стоимости, созидания стоимости, форма эта является, конечно, настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источник прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделённый от самого процесса, приобретает некое самостоятельное бытие.

Только в форме денежного капитала капитал становится товаром, свойство которого самовозрастать в стоимости имеет определённую цену, отмечаемую в каждом конкретном случае ставкой процента.

Как капитал, приносящий проценты, и именно в его непосредственной форме приносящего проценты денежного капитала, капитал приобретает свою чистую фетишистскую форму:

в **Д—Д'** мы видим субъект, вещь, которая может быть продана. Во-первых, это происходит вследствие постоянного пребывания его в форме денег, в такой форме, в которой стёрта всякая определённость его и не видны его реальные элементы. Ведь деньги — это как раз та форма, в которой стирается различие между товарами как потребительными стоимостями, а потому и различие между промышленными капиталами, состоящими из этих товаров и условий их производства; деньги — это форма, в которой стоимость, — а здесь капитал, — существует как самостоятельная меновая стоимость. В процессе воспроизводства капитала денежная форма является мимолётной, простым переходным моментом. Напротив, на денежном рынке капитал всегда существует в этой форме. Во-вторых, произведённая капиталом прибавочная стоимость, опять-таки в форме денег, представляется здесь принадлежащей капиталу как таковому. Как деревьям свойственно расти, так капиталу, **согласно этой видимости**, свойственно в **этой** его форме денег порождать деньги.

Показателен пример умозрительного рассуждения, основанного на данном заблуждении, который был опубликован в «Observations on reversionary payments etc.». London, 1772: «1 шиллинг, отданный в рост в год рождения нашего Христа» (то есть вероятно в храме Иерусалимском) «из 6% под сложные проценты, вырос бы в сумму большую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращённая в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна». — «Государство всегда в состоянии найти выход из затруднительного положения, ибо, располагая самыми малыми сбережениями, оно может уплатить самые крупные долги в такой короткий срок, какого могут потребовать его интересы» (стр. XIII, XIV). Какое «превосходное» теоретическое введение к вопросу об английском государственном долге! Так как автор текста Ричард Прайс рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, как самодействующий автомат, как простое самоувеличивающееся число (совершенно так же, как Мальтус считал, что население растёт в геометрической прогрессии), то он вообразил, что открыл закон возрастания капитала в формуле:

$$s = c(1 + z)^n$$

где **s** = сумме капитала + проценты на проценты, **c** = авансированному капиталу, **z** = ставке процента (выраженной в соответственных частях 100), а **n** = ряду лет, на протяжении которых протекает процесс. Но самое удручающее, что в 1786 году палата общин постановила собрать путём обложения населения 1 миллион ф. ст. для государственных нужд. По Прайсу, конечно, не могло быть ничего лучшего, как обложить налогом народ, чтобы «накопить» полученную таким способом сумму и таким образом избавиться от государственного долга при посредстве таинства сложных процентов.

Процесс накопления капитала может быть представлен как накопление процентов на проценты лишь в той мере, в какой можно назвать процентом ту часть прибыли (прибавочной стоимости), которая превращается обратно в капитал, то есть служит для высасывания нового прибавочного труда. Однако:

1. Если отвлечься от всех случайных нарушений, значительная часть имеющегося в наличии капитала постоянно более или менее обесценивается в течение процесса воспроизводства, так как стоимость товаров определяется не тем рабочим временем, которого первоначально стоит их производство, а тем рабочим временем, которого стоит их воспроизводство, а это рабочее время постоянно уменьшается вследствие развития общественной производительной силы труда. Поэтому на более высокой ступени развития общественной производительной силы труда наличный капитал представляется не результатом продолжительного процесса накопления капитала, а результатом сравнительно очень короткого периода воспроизводства.

2. Как было показано в 3-ем отделе этой книги, норма прибыли понижается по мере возрастания накопления капитала и соответствующего ему увеличения производительной силы общественного труда, которое получает выражение как раз в растущем относительном уменьшении переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если постоянный капитал, приводимый в движение одним рабочим, удесятеряется, то, чтобы принести такую же норму прибыли, прибавочное рабочее время должно было бы удесятериться и скоро для него не хватило бы всего рабочего времени и всех 24 часов в сутки, даже если бы капитал присваивал их целиком. Представление же, что норма прибыли не понижается,

лежит в основе прогрессии Прайса и вообще в основе «всепоглощающего капитала со сложными процентами».

Тождество прибавочной стоимости и прибавочного труда ставит качественную границу накоплению капитала: эта граница определяется продолжительностью всего рабочего дня, данным уровнем развития производительных сил и численностью населения, которая ограничивает число рабочих дней, поддающихся эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочная стоимость рассматривается в иррациональной форме процента, то предел становится исключительно количественным, и накопление капитала превосходит всякое воображение.

Но в капитале, приносящем проценты, представление **капитала-фетиша** завершено; то представление, которое накопленному продукту труда, к тому же ещё фиксированному в форме денег, приписывает силу производить прибавочную стоимость в геометрической прогрессии, производить её благодаря прирождённому скрытому свойству, чисто автоматически, так что этот накопленный продукт труда, по мнению «Economist», уже давно дисконтировал все богатства мира за все времена, как по праву принадлежащие и достающиеся ему. Продукт прошлого труда, даже сам прошлый труд здесь уже сам по себе чреват частью настоящего или будущего живого прибавочного труда. Но мы знаем, во-первых, что на самом деле сохранение, а следовательно и воспроизводство, стоимости продуктов прошлого труда есть только результат их контакта с живым трудом; и, во-вторых, что **господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, — определённое социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как выглядит наиболее фетишистская формула капитала?
В чём суть этого фетишизма?
Что ставит качественную границу накоплению капитала?

Глава 25.
КРЕДИТ И ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ

фиктивный капитал, вексель, банк, банкнота

Из простого товарного обращения развивается функция денег как средства платежа и вместе с тем отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром. С развитием торговли и капиталистического способа производства, при котором производят в расчёте лишь на обращение, этот естественный базис кредита расширяется, получает всеобщее значение, развивается. В общем и целом, деньги функционируют здесь лишь в качестве средств платежа, то есть товар продаётся не за деньги, а под письменное обязательство платежа в определённый срок: постепенно развивается фиктивный капитал.

> ***Фиктивный капитал** — капитал, который, в отличие от действительного капитала, представляет собой не стоимость, а лишь право на получение дохода: земля, приносящая доход в виде ренты; банковский вексель; банкноты, не обеспеченные золотом; облигации государственных займов и акции.*

Все платёжные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию **векселей**. Такие векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа, в свою очередь, сами обращаются как платёжное средство; они-то и образуют собственно торговые деньги.

> ***Вексель** — платёжное обязательство или торговые деньги.*

Поскольку они в конце концов взаимно погашаются при сальдировании счетов по требованиям и долгам, они функционируют абсолютно как деньги, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги. Подобно тому, как эти взаимные авансы производителей и купцов друг другу образуют подлинную основу кредита, так и орудие их обращения, вексель,

образует основу собственно кредитных денег, банкнот и так далее. Последние имеют своим базисом не денежное обращение, будь то металлические или государственные бумажные деньги, а вексельное обращение.

Другая сторона кредита связана с развитием торговли деньгами, которое в капиталистическом производстве, конечно, идёт параллельно с развитием товарной торговли. В предыдущем отделе мы уже видели, как в руках торговцев деньгами концентрируется хранение принадлежащих коммерсантам резервных фондов, технические операции по приёму и выплате денег, по международным платежам, а вместе с тем и торговля слитками. В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом, или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заём и ссуда денег становятся их особым делом. Торговцы деньгами выступают как посредники между действительным кредитором и заёмщиком денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать большими массами в своих руках ссудный денежный капитал, так что вместо отдельного денежного кредитора промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех денежных кредиторов. Они становятся общими распорядителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем кредиторам они концентрируют заёмщиков, так как они берут взаймы для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, кредиторов, с другой — централизацию заёмщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он берёт взаймы под более низкие проценты, чем отдаёт взаймы.

> ***Банк** — это централизованный представитель денежного капитала кредиторов и заёмщиков. Прибыль банка в том, что он берёт взаймы под более низкие проценты, чем отдаёт взаймы.*

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним различными путями. Во-первых, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках

концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал. Тем самым **резервный фонд торгового мира** сокращается до необходимого минимума, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдаётся в ссуду, функционирует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых, ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, которые предоставляют банкам отдавать их в ссуду. С развитием банковской системы, а именно, как только банки начинают платить проценты по вкладам, в них уже концентрируются денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные функционировать как денежный капитал, объединяются в большие суммы и таким образом образуют денежную силу. Это собирание мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от её посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заёмщиками. Наконец, в банках депонируются и доходы, которые предполагается потреблять лишь постепенно.

Кредитование (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учёта векселей — превращения их в деньги до истечения их срока — и посредством ссуд в различных формах: прямой ссуды по личному кредиту, ссуд под залог процентных бумаг, государственных облигаций, всякого рода акций, в особенности же путём ссуд под накладные, доковые варранты и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под вклады и тому подобное.

Кредит же, предоставляемый банкиром, может быть предоставлен в различных формах, например векселями на другие банки, чеками на них, открытием прямого кредита, наконец, — в случае банков, имеющих право на выпуск банкнот, — собственными банкнотами банка. Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель в любое время может получить деньги и которым банкир заменяет частные векселя. Последняя форма кредита кажется непосвящённым особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные

деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляют собой удивительное смешение государственного банка и частного банка; в действительности основу их операций составляет государственный кредит, а их билеты являются в большей или меньшей степени узаконенным платёжным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда даёт наличными в ссуду депонированные у него деньги. В действительности банкнота составляет лишь монету для оптовой торговли — самое же важное значение для банков всегда имеют вклады. Лучшее тому доказательство дают шотландские банки.

> ***Банкнота** есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель в любое время может получить деньги и которым банкир заменяет частные векселя.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое фиктивный капитал?
Что такое вексель?
Что такое банк?
Что такое банкнота?

Глава 26.
НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА; ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАВКУ ПРОЦЕНТА

предел нормы прибыли, предел ставки процента, ссуда, ссуда капитала, ссуда денег, ссуда под учёт векселей, выдача и учёт векселей

Когда товары фигурируют как капитал, их стоимость как капитала, в отличие от их стоимости как товаров, выражается в прибыли, которая получается от их производительного или торгового применения. А норма прибыли безусловно имеет всегда известное отношение к рыночной цене купленных товаров и к их **спросу и предложению**. Ставка же процента в общем имеет предел в норме прибыли, в этом нет никакого сомнения. **Но чем определяется этот предел?** Определяется же он спросом и предложением денежного капитала в отличие от всех других форм капитала.

Однако можно было бы дальше спросить: **каким образом определяется спрос и предложение денежного капитала?** Не подлежит сомнению, что существует скрытая связь между предложением вещественного капитала и предложением денежного капитала, равно как и то, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал определяется условиями действительного производства. Спрос на денежный капитал, а потому «стоимость капитала» может повыситься, несмотря на понижение прибыли; как только предложение денежного капитала относительно понизится, повысится его «стоимость». Однако этой повысившейся стоимости денежного капитала как раз соответствует на другой стороне понизившаяся денежная стоимость реального капитала (товарного капитала и производительного капитала). **Стоимость капитала в одной форме повысилась, потому что стоимость капитала в другой форме понизилась**.

Если ставка процента поднялась очень высоко, то только потому, что спрос на денежный капитал рос ещё быстрее, чем предложение, другими словами, потому что с расширением промышленного производства расширилось ведение его на основе кредитной системы. Другими словами, действительное

расширение промышленности вызвало усиленный спрос на «ссуды».

Спрос на деньги как таковые всегда сводится только к желанию превратить стоимость из формы товара или долговых требований в форму денег. Потому-то, даже если оставить в стороне кризисы, существует **большое различие между займом капитала и учётом**, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги.

Банкир настолько привык фигурировать как распределитель — в форме ссуды — свободного в денежной форме общественного капитала, что всякая функция, при которой он отдаёт деньги, кажется ему ссудой. Все деньги, которые он выплачивает, представляются ему ссудой. Если банкир расходует деньги прямо на выдачу ссуды, то это верно в буквальном смысле. Если он затрачивает их на учёт векселей, то для него самого они в действительности представляют собой ссуду, выданную до истечения срока векселя. Таким путём в голове банкира укрепляется представление, что он не может произвести ни одного платежа, который не был бы ссудой. И именно ссудой не в том только смысле, что всякое помещение денег с целью извлечения процента или прибыли рассматривается с экономической точки зрения как ссуда, которую соответствующий владелец денег в качестве частного лица выдаёт себе самому в качестве предпринимателя. А ссудой в том определённом смысле, что банкир заимообразно передаёт клиенту сумму, на которую увеличивается находящийся в распоряжении последнего капитал.

Именно это представление, перенесённое из банкирской конторы в политическую экономию, породило вызывающий путаницу спорный вопрос: **является ли то, что банкир наличными деньгами предоставляет в распоряжение своего клиента, капиталом или же только деньгами, средством обращения?** Чтобы разрешить этот — по существу простой — спорный вопрос, мы должны стать на точку зрения клиентов банка. Всё зависит от того, чего те требуют и что получают.

Если банк соглашается дать своему клиенту **заём просто под личный его кредит, без предоставления с его стороны обеспечения**, то дело ясно. Клиент безусловно получает определённую по величине стоимости ссуду, как дополнение к его

капиталу, которым он до сих пор располагал. Он получает ссуду в денежной форме, следовательно, получает не только деньги, но и денежный **капитал**.

Если же он получает ссуду, выданную под **залог ценных бумаг и тому подобное**, то это — ссуда в том смысле, что ему даются деньги под условием их обратной уплаты. Но это не ссуда капитала. Потому что ценные бумаги тоже представляют капитал, и притом на большую сумму, чем ссуда. Следовательно, получатель берёт меньшую капитальную стоимость, чем отдаёт в залог; такая операция отнюдь не представляет собой для него приобретения, добавочного капитала. Он совершает сделку не потому, что ему нужен капитал, — он уже имеет его в своих ценных бумагах, — а потому, что ему нужны деньги. Здесь, следовательно, перед нами **ссуда денег, а не капитала**.

Если **ссуда выдаётся под учёт векселей**, тогда исчезает и форма ссуды. Налицо простая **купля-продажа**. Посредством передаточной надписи вексель переходит в собственность банка, а деньги — в собственность клиента; о возврате их с его стороны нет и речи. Если клиент покупает наличные деньги с помощью векселя или другого орудия кредита, то это такая же ссуда, не больше и не меньше, как если бы он купил наличные деньги за какой-нибудь другой товар: хлопок, железо, хлеб. И всего меньше может быть тут речь о ссуде капитала. **Всякая купля-продажа между торговцами есть передача капитала. Ссуда же имеет место только там, где передача капитала совершается не взаимно, а односторонне и на срок**. Поэтому ссуда капитала посредством учёта векселей может иметь место только там, где вексель — бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара и который не берёт ни один банкир, раз он знает, что это за вексель. Следовательно, в нормальной учётной сделке клиент банка не получает никакой ссуды ни капиталом, ни деньгами; он получает деньги за проданный товар.

> ***Выдача векселей** — это превращение товара в одну из форм кредитных денег, а **учёт векселей** — лишь превращение этих кредитных денег в другие деньги, а именно в банкноты.*

Таким образом случаи, когда клиент требует у банка и получает от него капитал, очень ясно отличаются от тех, когда он получает в ссуду деньги или покупает деньги у банка.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Чем, почему и как определяется предел нормы прибыли?
Чем, как и почему определяется предел ставки процента?
Что такое ссуда капитала?
Что такое ссуда денег?
Что такое ссуда под учёт векселей?
Что такое выдача и учёт векселей?

Глава 27.
РОЛЬ КРЕДИТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

роль кредита в развитии капитализма, начало прехождения частной собственности, становление империализма (монополистического капитализма), частное производство без контроля частной собственности, роль кредита в развитии империализма, экспроприация при империализме, капиталистические акционерные общества и кооперативные предприятия?

Замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

I. Образование кредита необходимо для того, чтобы опосредствовать выравнивание нормы прибыли или процесс этого выравнивания, на чём покоится всё капиталистическое производство.

II. Сокращение издержек обращения.

1. Одной из главных статей издержек обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Экономия денег посредством кредита осуществляется трояким образом:

a. Для значительной части сделок деньги вовсе не нужны.

b. Ускоряется обращение средств обращения. Отчасти это совпадает с тем, что придётся сказать в пункте 2. С одной стороны, это ускорение — техническое, то есть при неизменной величине и количестве действительных товарных оборотов, опосредствующих потребление, меньшее количество денег или денежных знаков исполняет ту же самую службу. Это находится в связи с техникой банковского дела. С другой стороны, кредит увеличивает скорость товарного метаморфоза и вместе с тем скорость денежного обращения.

c. Замещение золотых денег бумажными.

2. Ускорение кредитом отдельных фаз обращения, или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала, а вместе с тем ускорение процесса воспроизводства вообще. Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение находящихся в обращении

средств обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме.

III. Образование акционерных обществ. Благодаря этому:

1. Колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2. Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — **упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства**.

3. **Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов**. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, то есть всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), то и тогда вся эта прибыль получается только в форме процента, то есть вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом, прибыль выступает (уже не одна только часть её, процент, получающая своё оправдание в прибыли заёмщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, то есть из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности

всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего подёнщика. В **акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал**, следовательно, и **труд совершенно отделён от собственности на средства производства и на прибавочный труд**. **Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединённых производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в общественную собственность**. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор ещё связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

> *При коммунизме **общественный капитал** становится капиталом непосредственно ассоциированных индивидуумов в рамках общественной концентрации средств производства и рабочей силы.*

Это есть упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое прежде всего представляется простым переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие оно выступает и в своём проявлении. В известных сферах оно ведёт к установлению **монополии** и **потому требует государственного вмешательства**. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектёров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — **частное производство без контроля частной собственности**.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело, — которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое

по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом. Распоряжение общественным, а не собственным капиталом позволяет ему распоряжаться общественным трудом. **Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в общественном мнении, становится базисом кредитной надстройки**. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит преобладающая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не своей, а общественной собственностью. Вместе с тем пошлой становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы другие делали за него сбережения.

Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. **Экспроприация** распространяется здесь с непосредственного производителя на самих мелких и средних капиталистов. Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление её является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, то есть их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта **экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме**, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит всё больше придаёт этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то её движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже

существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции ещё стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того, чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, то есть применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без **фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика.** Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному большему или меньшему расширению кооперативных предприятий в национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как **переходные формы** от капиталистического способа производства к **ассоциированному**, только в **одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно**.

Если кредит оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластичный по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и именно потому форсируется,

что значительная часть общественного капитала применяется не собственниками его, пускающимися в силу этого в предпринимательскую деятельность совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо взвешивает ограниченные возможности своего частного капитала. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, **свободное развитие лишь до известного предела** и, следовательно, в действительности создаёт для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прерываемые кредитом. Поэтому кредит ускоряет развитие материальных производительных сил и создание мирового рынка, доведение которых как материальных основ новой формы производства до известной высокой степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе **двойственный характер**: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и всё более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придаёт главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им приятный характер помеси мошенника и пророка.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём состоит роль кредита?
Когда и почему начинает происходить прехождение частной собственности?
Как происходит становление империализма (монополистического капитализма)?
Какой необходимый этап становления (и чего) происходит при империализме?
Что означает фраза — частное производство без контроля частной собственности?
Какова роль кредита в развитии империализма?
Как выглядит экспроприация при империализме?
Как следует рассматривать капиталистические акционерные общества и кооперативные предприятия?

Глава 28.
СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И КАПИТАЛ

обращение денег в функции монеты, обращение денег в функции капитала, путаница этих процессов

Средства обращения обращаются, с одной стороны, как монета (деньги), поскольку они опосредствуют расходование доходов, следовательно, обмен между индивидуальными потребителями и розничными торговцами; к последним следует причислить всех купцов, продающих потребителям — индивидуальным потребителям, в отличие от производительных потребителей, или производителей. Здесь деньги обращаются в **функции монеты**, хотя они постоянно возмещают капитал. Известная часть денег в стране всегда предназначается для этой функции, хотя эта часть слагается из постоянно меняющихся отдельных единиц денег. Напротив, поскольку деньги опосредствуют передачу капитала, в качестве ли покупательного средства (средства обращения) или в качестве средства платежа, они представляют собой **капитал**. Следовательно, не функция денег как покупательного средства и не функция денег как средства платежа отличает их от монеты, потому что деньги могут функционировать как покупательное средство даже между торговцами, поскольку последние покупают друг у друга на наличные, и потому что они могут функционировать как средство платежа также между торговцем и потребителем, поскольку даётся кредит и доходы сначала потребляются, а потом оплачиваются. Следовательно, различие состоит в том, что во втором случае эти деньги не только возмещают капитал для одной стороны, продавца, но и расходуются, авансируются как капитал другой стороной, покупателем. Следовательно, в действительности это — **отличие денежной формы дохода от денежной формы капитала, а не отличие средств обращения от капитала**, потому что в качестве посредника между торговцами, равно как и в качестве посредника между потребителем и торговцем, обращается определённая по своему количеству часть денег, и потому в обеих этих функциях деньги в одинаковой мере служат средством обращения.

Однако часто имеет место **различного рода путаница**:

1. Вследствие смешения функциональных определений;
2. Вследствие привнесения вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе взятых;
3. Вследствие привнесения вопроса о соотношении количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства.

К пункту 1) о смешении функциональных определений, то есть о непонимании того, что деньги в одной форме являются **средствами обращения**, а в другой форме — **капиталом**. Поскольку деньги служат в той или другой функции, служат для реализации дохода или для передачи капитала, они функционируют в купле и продаже или при платеже как покупательное средство или средство платежа и в более широком смысле слова как средство обращения. Дальнейшее определение денег, которое они имеют в счёте того, кто их тратит или в счёте того, кто их получает, — определение, выражающееся в том, что они представляют для данного лица капитал или доход, — абсолютно ничего здесь не меняет; и это обнаруживается также двояко. Хотя виды денег, обращающихся в обеих сферах, различны, но одна и та же единица денег, например, пятифунтовая банкнота, переходит из одной сферы в другую и попеременно выполняет обе функции; это неизбежно уже потому, что розничный торговец может придать своему капиталу денежную форму только в форме той монеты, которую он получает от своих покупателей. Эти золотые монеты и банкноты вместе с излишней разменной монетой каждый день или каждую неделю он депонирует в своём банке и оплачивает ими свои закупки, выписывая чеки на свой счёт в банке. Но те же самые золотые монеты и банкноты столь же постоянно, прямо или косвенно, извлекаются из банков всей публикой как потребителем в качестве денежной формы дохода (например, фабриканты берут мелкие деньги для выплаты заработной платы) и постоянно обратно притекают к розничным торговцам, для которых они таким образом вновь реализуют часть их капитала, но вместе с тем и часть их дохода. Это последнее важное обстоятельство часто совершенно упускают из виду. Лишь когда деньги затрачиваются как денежный капитал в начале процесса воспроизводства, капитальная стоимость существует как таковая в чистом её виде. Потому что в произведённом товаре

заключается не только израсходованный капитал, но уже и прибавочная стоимость, товар есть не только капитал потенциально, но уже осуществившийся капитал, капитал с присоединённым к нему источником дохода. Следовательно, то, что розничный торговец отдаёт за деньги, обратно притекающие к нему, — его товар, — представляет собой для него капитал плюс прибыль, капитал плюс доход.

Далее, обращающиеся деньги, обратно притекая к розничному торговцу, снова восстанавливают денежную форму его капитала. Следовательно, совершенно неправильно превращать различие между обращением как обращением дохода и обращением как обращением капитала в различие между средством обращения и капиталом. Такой оборот мысли происходит потому, что просто становятся на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот, постоянно находящаяся на руках у публики (хотя и постоянно слагающаяся не из одних и тех же банкнот) и функционирующая как средство обращения, ничего ему не стоит, кроме бумаги и расходов на печатание. Это выставленные на него самого обращающиеся долговые обязательства (векселя), которые, однако, приносят ему деньги и таким образом служат средством увеличения стоимости его капитала. Но они отличны от его капитала, будь то собственный капитал или капитал, взятый в ссуду. Отсюда для него вытекает специальное различие между средством обращения и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего со значением этих понятий самих по себе.

Различие между деньгами как средством платежа и деньгами как покупательным средством (средством обращения) есть различие, принадлежащее самим деньгам, а не различие между деньгами и капиталом. Из-за того, что в розничной торговле обращается больше медной и серебряной монеты, а в оптовой — больше золотой, различие между серебряной и медной монетой, с одной стороны, и золотой, с другой, не становится различием между средством обращения и капиталом.

К пункту 2) о привнесении вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе взятых. Поскольку деньги обращаются или как покупательное средство или как средство платежа, — безразлично, в какой из двух сфер и независимо от их функции реализовывать доход или капитал, — сохраняют

свою силу ранее развитые при исследовании простого товарного обращения законы относительно количества обращающихся денег (книга I, глава 3). Массу обращающихся денег в обоих случаях определяет скорость обращения, то есть число повторений одними и теми же деньгами в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного средства и средства платежа, количество одновременных покупок и продаж, соответственно платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец, её определяют подлежащие сальдированию в это же самое время платёжные балансы. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход — это безразлично, от этого абсолютно ничего не меняется в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного средства и средства платежа.

К пункту 3), к вопросу о соотношении количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства. Обе сферы обращения внутренне связаны, потому что, с одной стороны, сумма подлежащих израсходованию доходов выражает размеры потребления, а с другой — величина обращающихся в производстве и торговле капиталов выражает размеры и быстроту процесса воспроизводства. Несмотря на это, одни и те же обстоятельства влияют различно, и даже в противоположном направлении, на количество денежных масс, обращающихся в обеих функциях или сферах, или, как говорят англичане на своём банковском языке, на количество обращения. И это снова даёт повод к вульгарному разграничению средств обращения и капитала.

В периоды процветания, большого расширения, ускоренного и энергичного процесса воспроизводства рабочие заняты полностью. В большинстве случаев наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее её падение ниже среднего уровня в другие периоды коммерческого цикла. Вместе с тем значительно растут доходы капиталистов. Потребление повсюду повышается. Товарные цены тоже регулярно повышаются, по крайней мере в решающих отраслях предпринимательской деятельности. Вследствие этого возрастает количество обращающихся денег, по крайней мере в известных границах, ибо большая скорость обращения, в свою очередь, ставит предел

возрастанию количества средств обращения. Так как часть общественного дохода, состоящая из заработной платы, первоначально авансируется промышленным капиталистом в форме переменного капитала и всегда в форме денег, то в периоды процветания она требует больше денег для своего обращения. Но мы не должны дважды считать их: первый раз как деньги, необходимые для обращения переменного капитала, и второй раз как деньги, необходимые для обращения дохода рабочих. Уплачиваемые рабочим в виде заработной платы деньги расходуются в розничной торговле и приблизительно еженедельно возвращаются в банки в качестве вкладов розничных торговцев, предварительно обслужив в мелких кругооборотах ряд разного рода промежуточных сделок. В периоды процветания возврат денег к промышленным капиталистам протекает гладко, и, таким образом, их потребность в денежных ссудах растёт не от того, что им необходимо выплатить больше заработной платы, не от того, что требуется больше денег для обращения их переменного капитала.

Общий результат таков, что в периоды процветания масса средств обращения, служащих для расходования доходов, значительно возрастает.

Что же касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно обращения только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластичного и лёгкого кредита. Скорость обращения между самими капиталистами непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчёт, сравнительно сокращается. Абсолютно она может увеличиться, но относительно, по сравнению с расширением процесса воспроизводства, она при всех обстоятельствах сокращается. С одной стороны, крупные массовые платежи погашаются без всякого посредничества денег; с другой — вследствие сильного оживления процесса воспроизводства ускоряется движение одного и того же количества денег в качестве как покупательного средства, так и средства платежа. Та же самая масса денег опосредствует обратный приток большего количества отдельных капиталов.

В общем в такие периоды денежное обращение является полным, хотя часть II его (передача капитала) сокращается,

по крайней мере относительно, тогда как часть I (расходование доходов) абсолютно расширяется.

В периоды же кризисов отношение становится обратным. Обращение I (расходование доходов) сокращается, цены падают, падает также и заработная плата; число занятых рабочих сокращается, масса оборотов уменьшается. Напротив, в обращении II (передача капитала) с сокращением кредита увеличивается потребность в денежных ссудах. Не подлежит никакому сомнению, что с сокращением кредита, совпадающим с застоем в процессе воспроизводства, сокращается масса средств обращения, требующихся для I, расходования доходов, тогда как для II, для передачи капиталов, она увеличивается.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое обращение денег в функции монеты?
Что такое обращение денег в функции капитала?
Какого рода понятийная путаница тут обычно возникает и почему?

Глава 29.
СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА

составляющие банковского капитала, иллюзорный (фиктивный) капитал, капитализация, вексель, государственная ценная бумага, акция, заём

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: **торговые бумаги**, то есть текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учёте которых состоит собственно деятельность банкира; и **публичные ценные бумаги**, как, например, государственные облигации, казначейские свидетельства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены также ипотеки. Капитал, составляющийся из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, **вложенный самим банкиром**, и депозиты, составляющие его **заёмный капитал**. В банках с банкнотной эмиссией сюда относятся также и банкноты. Депозиты и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же **депозиты**, то есть капитал других людей. Разделение капитала на части остаётся неизменным, независимо от того, ведёт ли банкир своё дело только при помощи собственного капитала или же только при помощи капитала, депонированного у него.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 фунтов стерлингов, превращённая в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 фунтов стерлингов. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 фунтов стерлингов рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 фунтов стерлингов. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 фунтов стерлингов — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент

производства, как, например, земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче.

Возьмём для примера **государственный долг** и **заработную плату**.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определённый процент за капитал, который оно получает взаймы. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать своё долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблён, израсходован государством. Он больше не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 фунтов стерлингов; 2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, то есть на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 фунтов стерлингов или 5%; 3) может продать это долговое обязательство на 100 фунтов стерлингов всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платёжеспособность государства не вызывает сомнений, то владелец А может, вообще говоря, продать долговое обязательство В за 100 фунтов стерлингов, потому что для В совершенно безразлично, ссужает ли он 100 фунтов стерлингов из 5% годовых или же путём уплаты 100 фунтов стерлингов обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 фунтов стерлингов. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остаётся **иллюзорным**, **фиктивным капиталом**.

И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы её затратить, вложить как капитал, а между тем только применение её в качестве капитала могло бы превратить её в самосохраняющуюся стоимость. Капитал государственного долга остаётся чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, —

так как вообще капитал, приносящий проценты, порождает всякие извращённые формы, то и долги в представлении банкира могут казаться товарами, — мы рассмотрим рабочую силу.

Заработная плата принимается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, например, годовая заработная плата = 50 фунтов стерлингов, а ставка процента — 5%, то рабочая сила, функционирующая в течение года, считается равной капиталу в 1 000 фунтов стерлингов. **Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того чтобы объяснять эксплуатацией рабочей силы увеличение стоимости капитала, наоборот, производительность рабочей силы объясняется тем, что сама рабочая сила является этой таинственной вещью, капиталом, приносящим проценты**. Имеются два обстоятельства, опрокидывающих это безмозглое представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путём её передачи другому.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причём его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента. Таким образом **всякая связь с действительным процессом возрастания капитала исчезает бесследно, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается**.

> *Образование фиктивного капитала называют **капитализацией**.*

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорный капитал, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги чисто иллюзорная. Кредит создаёт акционерный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных ценных бумаг, но

и акций — поддерживает **иллюзию**, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с увеличением этой стоимости). В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как в случае государственных долгов, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент могут быть истребованы вкладчиком. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но на смену извлечённых вкладов поступают новые, так что в период нормального хода дел их средняя величина мало изменяется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причём часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому **большая часть банкирского капитала совершенно фиктивна** и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в сейфах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере

отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется ещё то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет большей частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая вкладывает его в банк под проценты или без них.

> ***Большая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода).***

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счёт вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги, или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами).

Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов,

благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках. Бóльшая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

Так как одни и те же деньги, в зависимости от скорости их обращения, могут совершать несколько различных покупок, то они могут также совершать несколько различных займов, потому что купля передаёт их из одних рук в другие, а заём есть не что иное, как передача денег из рук в руки, не опосредствуемая куплей. Для каждого из продавцов деньги представляют превращённую форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют поочерёдно различные капиталы, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовывать различные товарные стоимости.

> ***Заём** есть не что иное, как передача денег из рук в руки, не опосредствуемая куплей.*

Наряду с этим деньги служат средством обращения, с помощью которого происходит перемещение вещественного капитала из одних рук в другие. При ссуде деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках кредитора, они в его руках не средство обращения, а форма существования стоимости его капитала. И в этой форме он передаёт их при ссуде третьему лицу. Если бы **A** ссудил деньги **B**, а **B** ссудил их **C** без посредства купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только одну капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто они функционируют как форма стоимости различных товарных капиталов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Из чего состоит банковский капитал?
Что такое иллюзорный (фиктивный) капитал?
Что такое капитализация?
Что такое вексель?
Что такое государственная ценная бумага?
Что такое акция?
Что такое заём?

Глава 30.
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ (ЧАСТЬ I)

коммерческий кредит, ссудный капитал, накопление денежного капитала, обратное соотношение движений ссудного и промышленного капиталов, конечная причина всех кризисов

Единственно трудные вопросы в исследовании кредита, к которым мы теперь подходим, суть следующие:

Во-первых, накопление собственно денежного капитала. В какой мере оно является и в какой не является признаком действительного накопления капитала, то есть воспроизводства в расширенном масштабе?

И, во-вторых, в какой степени денежное затруднение, то есть недостаток ссудного капитала, выражает недостаток действительного капитала (товарного капитала и производительного капитала)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег, как таковых, с недостатком средств обращения?

Итак, известно, что титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и тому подобное являются фактически титулами на действительный капитал. Однако они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридическое право на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом. Но эти титулы становятся также и бумажными дубликатами действительного капитала; дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость наряду с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Ибо действительный капитал существует наряду с ними и, конечно, не переходит в другие руки оттого, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому, что путём продажи за них можно получить обратно деньги как за капитальные стоимости. Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и тому подобное, оно выражает расширение

действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение налоговых требований, например, на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут продаваться как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются.

Проанализируем сначала **коммерческий кредит**, то есть кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определённым сроком платежа, документ об отсрочке платежа. Каждый даёт кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечёмся пока от банкирского кредита, который образует совершенно иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя в свою очередь обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей от одного к другому, без посредствующего учёта, то происходит лишь перенесение долгового требования с **А** на **В**, совершенно не изменяющее связи в целом. Одно лицо только ставится на место другого. Но даже и в этом случае погашение долгов может иметь место без вмешательства денег.

Относительно кругооборота этого чисто коммерческого кредита необходимо отметить два момента:

Во-первых: погашение этих взаимных долговых требований зависит от обратного притока капитала, то есть от акта **Т—Д**, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то последний сможет уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего агента, то агент сможет уплатить деньги, если тем временем ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом, эти уплаты зависят от бесперебойности воспроизводства, то есть процесса производства и процесса потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платёжеспособность одного зависит в то же время от платёжеспособности другого; ибо векселедатель, выдавая свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала

в его собственном предприятии или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое в течение данного срока должно уплатить ему по векселю. Если оставить в стороне расчёты на возврат капитала, платёж может состояться только за счёт резервного капитала, которым располагает векселедатель для выполнения своих обязательств в случае замедленного возврата капитала.

Во-вторых: эта кредитная система не устраняет необходимости уплаты наличными. Прежде всего, значительная часть затрат должна всегда производиться наличными: заработная плата, налоги и так далее. Далее, пусть, например, **B**, получивший от **C** вместо платежа вексель, сам должен до истечения срока этого векселя уплатить **D** по векселю, для которого уже наступил срок платежа, а для этого ему нужны наличные деньги.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать сами по себе, таковы: 1) богатство промышленников и купцов, то есть резервный капитал, находящийся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самый этот обратный приток. Последний может замедлиться на некоторое время, или товарные цены могут в течение данного периода времени упасть, или вдруг может оказаться, что товар вследствие застоя на рынке не находит сбыта. Чем долгосрочнее вексель, тем больше должен быть резервный капитал и тем значительнее возможность уменьшения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка обусловливалась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно, однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) всё сильнее должен господствовать в сделках спекулятивный элемент. Производство в крупном масштабе и для отдалённых рынков бросает весь продукт в сферу торговли; однако немыслимо такое удвоение капитала нации, при котором торговцы сами по себе были бы в состоянии закупать на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продавать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен — кредит, объём которого возрастает

вместе с ростом стоимости производства и сроки которого удлиняются по мере увеличивающейся отдалённости рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растёт вместе с размерами самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; капиталы, предоставленные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления, или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь выступает в виде ссудного капитала, всегда есть капитал, находящийся в определённой фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причём эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок.

То, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме, когда он для своего владельца является просто товарным капиталом, то есть капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь кредит опосредствует метаморфоз товара: не только **Т — Д**, но также **Д — Т** и действительный процесс производства.

Кредит опосредствует здесь: 1) поскольку речь идёт о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку речь идёт о купцах, — транспортировку и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар.

Максимум кредита означает здесь наиболее полное вовлечение промышленного капитала в производство, то есть крайнее напряжение его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно

увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, оно тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает бесперебойно, а потому обратный приток капитала остаётся обеспеченным, этот кредит поддерживается и расширяется, причём расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой вследствие замедления обратного притока, переполнения рынков, понижения цен, появляется избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой последний не в состоянии выполнять свои функции. Налицо масса товарного капитала, но он не находит сбыта. Налицо масса основного капитала, но вследствие застоя воспроизводства он большей частью бездействует. Кредит сокращается: 1) потому, что этот капитал не занят, то есть остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своего метаморфоза, 2) потому, что подорвана вера в возможность бесперебойного течения процесса воспроизводства, 3) потому, что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит.

Итак, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальное напряжение процесса воспроизводства, то вместе с тем появляется и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность при продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждый стремится, но не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, масса капитала — не свободного и ищущего приложения, а стеснённого в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее нехватка кредита (и потому всего выше учётная ставка при банкирском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остаётся сплошь и рядом незанятым, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики стоят, сырьё накопляется, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел нехватке производительного капитала. Как раз в этот период имеется избыток производительного капитала частью

по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращённым масштабом воспроизводства, частью по сравнению с уменьшенным потреблением.

Конечной причиной всех действительных кризисов остаётся всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может идти лишь в случае общего неурожая либо главных продуктов питания, либо важнейшего промышленного сырья.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. Таким образом, для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала. Но, с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря товарным сделкам с единственной целью фабрикации векселей, весь процесс настолько усложняется, что видимость очень солидного предприятия с бесперебойным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время и после того, когда в действительности обратный приток достигается лишь за счёт частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти чрезмерно здоровый вид. Предприятия кажутся всё ещё в высшей степени здоровыми, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается крах.

Теперь мы возвратимся к **накоплению денежного капитала**. Не всякое увеличение ссудного денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за пережитым кризисом, когда ссудный капитал массами

бездействует. В те моменты, когда процесс производства сокращается (в английских промышленных округах после кризиса 1847 производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своей низшей точки, когда дух предпринимательства парализован, в такие моменты господствует низкая процентная ставка, которая в данном случае указывает лишь на увеличение ссудного капитала как раз вследствие сокращения и парализованности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги частью благодаря отливу золота, частью благодаря банкротствам, отпадает надобность в добавочных деньгах для функции мировых денег; наконец, объём операций по учёту векселей сокращается вместе с сокращением числа и общей суммы самих этих векселей, — всё это очевидно само собой. Спрос на ссудный денежный капитал — и как на средство обращения и как на средство платежа — поэтому уменьшается (о новых затратах капитала пока нет речи), и поэтому наступает относительное изобилие этого капитала. Но в то же время и предложение ссудного денежного капитала при таких обстоятельствах положительно увеличивается.

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банковского дела то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определённый срок в ссудный капитал. Такое возрастание денежного капитала не выражает собой рост производительного капитала, как, например, и увеличение вкладов в лондонских акционерных банках, после того как эти банки начали платить проценты по вкладам, не выражает возрастания денежного капитала. Пока масштаб производства остаётся неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссудного денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкая ставка процента.

Если процесс воспроизводства достигает снова состояния расцвета, предшествующего чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которым в свою очередь действительно создаётся «здоровый» базис для облегчённого обратного притока капиталов

и расширения производства. При таком состоянии дел ставка процента всё ещё низка, хотя и превышает свой минимум. Фактически это единственный период, когда можно сказать, что низкая ставка процента и, следовательно, относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Лёгкость и регулярность обратного притока капитала, в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, предложение ссудного капитала и препятствует повышению ставки процента. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль те рыцари наживы, которые ведут дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала и потому оперируют всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется ещё значительный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых крупных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, когда кредит внезапно прекращается, платежи приостанавливаются, процесс воспроизводства парализуется и за упомянутыми выше исключениями наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездеятельного промышленного капитала.

Следовательно, **движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала**. Фаза, в которой низкая, но превышающая свой минимум ставка процента совпадает с «улучшением» и с растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда эта ставка достигает своей средней величины — одинаково удалённой и от минимума, и от максимума, — только эти два момента выражают совпадение обилия ссудного капитала с большим расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкая ставка процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокая ставка совпадает с избытком промышленного капитала. Низкая ставка процента, сопровождающая «улучшение», свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковском кредите, так как он всё ещё стоит на своих собственных ногах.

С этим промышленным циклом дело обстоит так, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот должен периодически воспроизводиться. В **состоянии депрессии** производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис. При **процветании** — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В период перепроизводства и мошенничеств производительные силы напрягаются в самой высокой степени, даже за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Очевидно само собой, что в период кризиса недостаёт средств платежа. Обратимость векселей заступает место метаморфоза самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм вели операции только в кредит. Невежественное и нелепое банковское законодательство — вроде законов 1844–1845 — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковское законодательство не может устранить кризиса.

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время застоя в делах в значительной степени теряет своё свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента цена их падает. Она падает, далее, вследствие общего недостатка кредита, который заставляет их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Наконец, цена акций падает, частью вследствие уменьшения доходов, удостоверениями на получение которых они являются, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса этот фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем для его владельцев уменьшается возможность получать под него деньги на рынке. Всё же понижение курса этих ценных бумаг совершенно не затрагивает того действительного капитала, который они представляют, и, напротив, весьма сильно затрагивает платёжеспособность его владельцев.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое денежный капитал?
Что такое товарный капитал?
Что такое производительный капитал?
Что такое промышленный капитал?
Что такое фиктивный капитал?
Что такое действительный капитал?
Что такое коммерческий кредит?
Что такое ссудный капитал?
В чём конечная причина всех кризисов?

Глава 31.
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ (ЧАСТЬ II)

превращение денег в ссудный капитал, текучий капитал, доход

Превращение денег в ссудный денежный капитал — история гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам следует здесь различать две вещи:

1. Простое превращение денег в ссудный капитал;
2. Превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в ссудный капитал.

Только при условии, указанном в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала.

Превращение денег в ссудный капитал

Мы уже видели, что возможно скопление, сверхизобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в обратном отношении. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих формах — производительного и товарного капитала — сокращается, следовательно, в начале цикла после кризиса; и, во-вторых, в период, когда началось улучшение, но коммерческий кредит ещё мало прибегает к банковскому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, находящий применение в возрастающих размерах, но по очень низкой процентной ставке, так как теперь промышленный и торговый капиталисты диктуют условия денежному капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает бездействие промышленного капитала, во втором случае — относительную независимость коммерческого кредита от банковского кредита, покоящуюся на наличии обратного притока денег, кратких сроках

кредита и на ведении дела по преимуществу с собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой ссудный капитал, ещё не выступили в поход; люди, ведущие дело на собственный капитал, ещё далеки от ведения операций почти целиком за счёт кредита. В первой фазе избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во второй фазе он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, он только относителен, то есть пока является таковым лишь по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что низкий процент, который в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором — с медленно растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательский доход. В ещё большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут хотя процент и возрастает, но не в такой степени, как прибыль.

С другой стороны, мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банковского дела, экономное использование резерва обращения или также резервного фонда принадлежащих частным лицам платёжных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который потому и называется также **текучим капиталом**, сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно так же лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой его доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о ссудах на годы, но лишь о краткосрочных ссудах под векселя и под залог) на самом деле растёт совершенно независимо от действительного накопления.

Масса ссудного капитала совершенно отлична от количества средств обращения. Под количеством средств обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся

в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине резерв банков.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, который может быть употреблён для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у денежных кредиторов. По крайней мере это справедливо для дела в общем и целом. К тому же в периоды хорошего положения дел, пока ещё не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при лёгкости кредита и возрастающем доверии большая часть функций обращения выполняется просто с помощью кредита, без посредства металлических или бумажных денег.

Простая возможность иметь большую сумму вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1. Числа покупок и платежей, выполняемых одними и теми же деньгами;

2. Числа их обратных возвращений в банк в качестве вклада, причём их повторная функция платёжного и покупательного средства опосредствуется превращением их снова во вклад.

Превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в ссудный капитал

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собой разумеется, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путём увеличения элементов самого производительного капитала. Таким образом, развитие кредита и колоссальная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должны уже сами по себе ускорять накопление ссудного капитала как отличную от действительного накопления форму. Это быстрое развитие ссудного капитала потому есть результат действительного накопления, что оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль, образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь часть прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же

время присвоение части процентов на чужие сбережения). Ссудный капитал накопляется одновременно за счёт промышленников и купцов. Мы видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла ставка процента может подняться настолько высоко, что будет полностью поглощать прибыль некоторых отраслей, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных процентных бумаг и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене до своего нормального уровня и выше. Тогда бумаги эти снова сбываются, и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остаётся на руках скупивших их капиталистов, приносит им более высокие проценты, так как эти бумаги были куплены по пониженной цене. Но всю прибыль, получаемую денежными капиталистами и превращаемую обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего как отличное от действительного накопления, хотя и порождённое им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и так далее, как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расширении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, то есть потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это верно по отношению ко всем доходам, поскольку они потребляются постепенно, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в её высших формах, доходу непроизводительных классов и так далее. Все они в известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены во вклады, а тем самым и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, верно то положение, что **доход есть превращённая в деньги часть стоимости товарного капитала**, а следовательно — выражение и результат действительного накопления, а не сам производительный капитал.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что и как превращается в ссудный капитал?
Почему ссудный капитал также называют текучим капиталом?
Что есть доход?

Глава 32.
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ (ЧАСТЬ III, ОКОНЧАНИЕ)

расширение потребления как накопление ссудного капитала, особые формы накопления денежного капитала, ограниченность капиталистического производства, последняя иллюзия капиталистической системы, основа капиталистического производства, деньги — истинное бытие стоимости

Итак, масса денег, которая превращается обратно в капитал, является результатом массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный денежный капитал, она не является массой производительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (причём мы оставляем в стороне рабочего, так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающийся от действительного накопления промышленного капитала, потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, вовсе не становится капиталом. Другая часть годового продукта возмещает капитал, а именно, постоянный капитал производителей предметов потребления. Но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простыми посредниками потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей предметов потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежащего возмещению постоянного капитала в натуре. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растёт с расширением

процесса воспроизводства. Однако временно они выполняют функции ссужаемых денег, то есть денежного капитала. Следовательно, с этой стороны накопление денежного капитала всегда должно отражать в себе более значительное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссудного денежного капитала отчасти выражает лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые авансируют агенты воспроизводства, а денег, которые они занимают; таким образом, то авансирование денег, которое происходит в процессе воспроизводства, представляется авансированием заёмных денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, в свою очередь ссужает их другой части агентов воспроизводства, причём банкир этот кажется благодетелем; в то же время распоряжение этим капиталом оказывается полностью в руках банкира как посредника.

Нам остаётся лишь указать некоторые **особые формы накопления денежного капитала**. Капитал высвобождается, например, вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и так далее. Если промышленник не может расширить непосредственно свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссудный денежный капитал. Но кроме того, капитал высвобождается в денежной форме, особенно у купца, когда наступают перерывы в ходе дела. Если купец совершил ряд сделок и вследствие таких перерывов может начать новый ряд сделок лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссудного денежного капитала. В первом

случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное высвобождение части ранее связанного капитала, следовательно, возможность расширения процесса воспроизводства при тех же самых денежных средствах. Во втором случае — простой перерыв потока сделок. Но в обоих случаях деньги превращаются в ссудный денежный капитал, представляют накопление этого последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и ставку процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором — препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, основательно упрочив своё положение, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создаётся в течение промышленного цикла, тем больше число таких людей. Тут накопление ссудного денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (в его относительном размере), с другой стороны, оно выражает собой лишь размеры превращения промышленных капиталистов в чисто денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение дела в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить по двум причинам. Или потому, что данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или потому, что накопленная сумма, для того чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых вложений капитала в данном определённом предприятии. Поэтому накопленная сумма превращается сначала в ссудный денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей произведённой прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же это новое накопление наталкивается в своём применении на трудности, на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет

место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток ссудного денежного капитала указывает лишь на **ограниченность капиталистического производства**. Последующий кредитный ажиотаж показывает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие в силу законов возрастания капитала, из-за тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения денег в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты, весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже потому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но всё же сопровождающих его моментов, в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток увеличивается по мере развития кредита. Вместе с этим избытком, следовательно, должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы, то есть возникают избыточная торговля, перепроизводство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и тому подобное, то здесь излишне останавливаться на этом вопросе. Следует подчеркнуть лишь тот момент, что благодаря разделению труда в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания (собирателями сокровищ), поскольку оно

доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую ещё теряют свои сбережения, как, например, рабочие при крахе банков. С одной стороны, промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны, денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства, и который даёт им публика, превращает в источник своего личного обогащения. Вместе с тем **рушится последняя иллюзия капиталистической системы, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением**. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется, состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.

> ***Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется, состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.***

Нам остаётся сделать ещё несколько замечаний относительно ссудного капитала. Насколько часто одни и те же деньги могут фигурировать в качестве ссудного капитала, это всецело зависит, как было показано выше, от того,

1. Насколько часто они реализуют товарные стоимости в процессе продажи или платежа, перенося таким образом капитал, и от того, далее, насколько часто они реализуют доход. Насколько часто они переходят в другие руки в качество реализованной стоимости, всё равно капитала или дохода, это зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2. Это зависит от экономии платежей и от развития и организации кредитного дела;

3. Наконец, от взаимного сцепления и быстроты действия кредитов, благодаря которым деньги, осев в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выплывают в другом — в виде ссуды.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра — товаров, вещество которых служит мерой стоимостей, — то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, то есть простым титулом стоимости, чем-то вроде знаков стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они, хотя в известный момент и образуют денежный капитал, однако, не превращаются в ссудный денежный капитал, а обмениваются на элементы производительного капитала или же ими расплачиваются как средством обращения при реализации дохода и, следовательно, они не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал и одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал, ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, проистекает из действительного накопления, то есть из превращения стоимости товарного капитала и так далее в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости, как таковое, отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего **накопления (нового процесса производства)**, которое опосредствуется выдачей денег в ссуду.

С ростом вещественного богатства растёт класс денежных капиталистов; с одной стороны, растёт число и богатство капиталистов, отошедших от дел, рантье; а во-вторых, усиливается развитие кредитной системы, а вместе с тем растёт число банкиров, кредиторов, финансистов и тому подобных. С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, масса ценных бумаг, государственных процентных бумаг, акций и так далее. Но вместе с тем увеличивается и спрос на свободный денежный капитал, причём **биржевики, спекулирующие этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке**.

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средняя ставка процента для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, — не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент.

Было также указано, что и для колебаний коммерческого процента — процента, устанавливаемого в торговом мире денежными кредиторами, занимающимися учётными и ссудными операциями, — в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда ставка процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую она впоследствии превышает), причём движение это является результатом повышения прибыли, — и это было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых: если ставка процента в течение продолжительного времени держится высоко, то это доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это ещё вовсе не показатель того, что высока и норма предпринимательского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент.

Во-вторых: положение, что спрос на денежный капитал, а стало быть, и ставка процента, растёт вследствие того, что норма прибыли высока, не тождественно с тем, что ставка процента высока потому, что растёт спрос на промышленный капитал. В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и ставка процента, достигает своего максимума; норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал снижается почти до нуля. В такое время каждый прибегает к кредиту лишь для того, чтобы платить, чтобы выполнить уже принятые на себя обязательства. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать, и чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. В это время ссудный капитал требуют или промышленный капиталист или купец. Промышленный капиталист расходует его на средства производства и на рабочую силу.

Основу капиталистического производства составляет то, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определённый товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром по преимуществу в противоположность всем другим товарам. Это должно обнаруживаться в двояком направлении, и особенно у капиталистически развитых наций, которые в широких размерах замещают деньги, с одной стороны, кредитными операциями, с другой стороны, — кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит сокращается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем другим товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости.

> ***Основа капиталистического производства** в том, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определённый товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром по преимуществу в противоположность всем другим товарам.*

Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, то есть в их собственную чисто фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги суть деньги лишь постольку, поскольку они в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги. Вместе с отливом золота становится проблематичной их обратимость в деньги, то есть их тождество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение процентной ставки и так далее с целью обеспечить условия обмена на золото. Это может быть доведено до крайности при помощи фальшивого законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации в своих интересах торговцами

деньгами, — Оверстонами и компанией. Но основа кредитных денег дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (конечно, не их мнимое обесценение) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради нескольких миллионов в деньгах должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы в товарах.

***Деньги** есть истинное бытие стоимости.*

Это **неизбежно при капиталистическом производстве** и образует одну из его прелестей. При прежних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, не получают развития ни кредит, ни кредитные деньги. Пока общественный характер труда выступает как денежная форма существования товаров, то есть как вещь, существующая вне действительного производства, неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. С другой стороны, ясно, что, пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путём увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путём изъятия их увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что **если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие её в данный момент нарушено**. **Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег**, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что выражает накопление ссудного капитала?
Какие есть формы накопления денежного капитала?
В чём ограниченность капиталистического производства?
В чём состоит последняя иллюзия капиталистической системы?
Что есть основа капиталистического производства?
Почему деньги — это истинное бытие стоимости?

Глава 33.
СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ ПРИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ

экономия устранения денег из обращения, определение количества обращающихся векселей и банкнот, банки создают кредит и капитал, становление финансового капитала за счёт централизации вокруг национальных банков

«Кредит есть великий регулятор скорости обращения... Отсюда понятно, почему период сильного угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с наполнением до отказа каналов обращения» («The Currency Theory Reviewed etc.», p. 65).

Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы экономного использования средств обращения основываются на кредите. Но с другой стороны: возьмём для примера банкноту в 500 фунтов стерлингов. **A** отдаёт её сегодня **B** в уплату по векселю; **B** вносит её в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи её вексель для **C**; **C** уплачивает её своему банку, банк отдаёт её вексельному маклеру в виде ссуды и так далее. Скорость, с которой обращается здесь банкнота, обслуживая покупки и платежи, обусловливается той скоростью, с которой она всё снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада и затем опять переходит в другие руки в форме ссуды. Простая экономия средств обращения достигает наивысшего развития в Расчётной палате в простом обмене векселей, которым истёк срок, и когда преобладает функция денег как средства платежа только для погашения излишков. Но само существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, а следовательно, и действенность этого метода сбалансирования платежей. **Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как средства платежа, покоящейся, в свою очередь, на кредите** (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей), когда встречные долговые

требования, представленные векселями или чеками, **либо** погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счёта одного на счёт другого, **либо** различные банкиры погашают их в своих расчётах между собой.

Одна и та же банкнота может образовывать вклады у различных банкиров. Равным образом она может образовывать различные вклады у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель **B** банкнотой, вложенной **A**, **B** уплачивает **C**, **C** вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который её выдал. Влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел. Здесь прежде всего следует принять во внимание периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет «в один месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц низкого, в третий же месяц оно стоит на средней точке» (Ньюмарч, В. А. 1857, № 1650).

Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее хождение как законное средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь незначительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков. Обращение банкнот Английского банка испытывает, четыре раза в год преходящие колебания в связи с тем, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», то есть проценты по государственному долгу, для чего банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются; но очень скоро они опять притекают обратно.

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах обращающихся средств, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Например, как только разражается кризис (речь идёт лишь о средствах платежа), но так как в поступлении этих средств платежа каждый зависит от других, и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за средствами платежа, находящимися на рынке, то есть за банкнотами. Каждый припрятывает столько банкнот, сколько ему удаётся получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения именно тогда, когда потребность в них всего острее.

Таким образом, **количество обращающихся векселей, точно так же как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения**; в 50-х годах XIX века в обычное время в Соединённом королевстве находилось в обращении, наряду с 39 миллионами в банкнотах, около 300 миллионов векселей, в том числе 100–120 миллионов только на один Лондон. **Размер обращения векселей не оказывает никакого влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество**. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно прекращается; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет, по крайней мере до настоящего времени в Англии, способность к обращению, так как за спиной Английского банка стоит страна со всем своим богатством.

Мы видим таким образом, как английские банки создают кредит и капитал:

1. Путём выпуска собственных банкнот;

2. Путём выдачи платёжных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причём, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными;

3. Путём уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего округа — создаётся передаточной надписью банка.

Могущество Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную ставку процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не в состоянии путём повышения учётной ставки предотвратить умеренный отлив золота из своего металлического запаса, так как потребность в средствах платежа удовлетворяется частными и акционерными банками и вексельными маклерами, капитал и сила которых возросли за последние 30 лет. Он вынужден будет в таких случаях прибегать к другим средствам. Но для критических моментов всё ещё верно то, о чем банкир Глин (из фирмы Глин, Милс, Карри и К[0]) говорил комиссии палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57): «1709. В периоды больших затруднений

в стране Английский банк диктует процентную ставку. — 1710. В периоды чрезвычайного угнетения... когда учётные операции частных банков или маклеров сравнительно сокращаются, эти операции ложатся на Английский банк, и он тогда имеет силу устанавливать рыночную ставку процента».

Вот она, централизация! **Кредитная система, имеющая своим центром так называемые национальные банки и группирующихся вокруг них крупных торговцев деньгами и ростовщиков, представляет собой гигантскую централизацию, и она даёт этому классу паразитов сказочную силу не только периодически опустошать ряды промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство, — а между тем эта банда ничего не знает о производстве и не имеет с ним ничего общего.** Акты 1844 и 1845 годов служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и биржевые маклеры.

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих эксплуатируемых, то он может получить истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров.

«Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец порывал с обществом шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как старается он сохранить доброе мнение о нём банкира, быть всегда респектабельным! Нахмуренный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем закрыт! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (Дж. М. Белл, управляющий банком в Шотландии. «The Philosorhy of Joint Stock Banking». London, 1840, p. 46–47).

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как может осуществляться экономия устранения денег из обращения?
Чем определяется количество обращающихся векселей и банкнот?
Как банки создают кредит и капитал?
Что говорит Маркс о начавшимся в XIX веке становлении финансового капитала?

Глава 34.
«ПРИНЦИП ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ» И АНГЛИЙСКОЕ БАНКОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1844 ГОДА

ложность теории стоимости денег Рикардо, глупость банковского акта 1844 года

По Рикардо, стоимость денег — металлических — определяется овеществлённым в них рабочим временем, однако лишь до тех пор, пока количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше этого отношения, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже нормального отношения, то стоимость их повышается, а товарные цены падают — при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно оценивается выше его стоимости, в то время как недооценённые товары направляются оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам.

Нет надобности повторять здесь приведённое Марксом в «К критике политической экономии» (Берлин, 1859, стр. 150 и далее) **доказательство ложности этой теории Рикардо**. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо были переработаны школой банковских теоретиков.

Наиболее всеобщее и ощутительное явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, наступающее после довольно длительного всеобщего их повышения. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь названо, но не объяснено... различная фразеология точно так же не изменяет задачу, как не изменил бы её перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлась необычайно кстати, ибо она **придаёт тавтологии видимость**

причинного отношения. Отчего происходит периодическое всеобщее падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег.

Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения...

Если только согласиться с превращением тавтологии в причинное отношение, то всё остальное получается очень легко. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы узнаём от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, то есть от того, что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточного количества их в обращении. **Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег**. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с сокращением денежного обращения, а падение цен — с расширением денежного обращения, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что вследствие некоторого, хотя статистически и совершенно недоказуемого, уменьшения или увеличения находящейся в обращении товарной массы количество обращающихся денег, пусть не абсолютно, но относительно увеличилось или уменьшилось. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но они выравниваются благодаря своему чередованию, так, например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен вызывает вывоз товаров за границу, этот вывоз влечёт за собой прилив денег в страну, а последний вновь вызывает возрастание товарных цен. Обратное происходит при избыточном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают

из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому становится совершенно ясно, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим целебным средством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом вызывают падение или повышение товарных цен. Такое же действие на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки путём подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что в обращении недостаточно денег, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены — слишком низки; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. И наоборот, они должны быть изъяты из обращения пропорционально количеству золота, отливающему из страны. **Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом**. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому всё ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а всё вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота. Лорд Оверстон (банкир Джонс Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбатнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «currency principle», не только проповедовали эту доктрину, но через посредство банковских актов сэра Роберта Пиля от 1844 и 1845 годов сделали её основой существующего английского и шотландского банковского законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите.

> ***Ложная** предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому всё ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а всё вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота!*

В самом деле, это старый вздор, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то, согласно этой теории, цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта страны, вывозящей золото, на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время как стоимость экспортируемых товаров возрастает на их родине, куда приливает золото. На **самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь процентную ставку, тогда как увеличение его понижает последнюю**; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.

> ***На самом же деле** уменьшение количества золота повышает лишь процентную ставку, тогда как увеличение его понижает последнюю; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.*

Например, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (Англия), а потому, что они упали — упали из-за чрезмерного

ввоза — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По теории «денежной школы», при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, а в Индии и Китае — повыситься.

Кризис 1837 года с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 присоединился ещё развёрнутый добавочный кризис, и своекорыстное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии — это нелепость и невозможность! — вызвали, наконец, ту путаницу в умах, которая позволила «денежной школе» применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковские законы 1844–1845 были приняты парламентом.

Банковский акт 1844 года делит Английский банк на эмиссионное и банковое отделение. Первое получает обеспечений — главным образом в виде свидетельств государственного долга — на 14 млн. фунтов стерлингов и весь металлический запас, который может состоять из серебра не более чем на ¼, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для каждодневных нужд монеты (около одного миллиона) всегда готовый резерв банкового отделения. Эмиссионное отделение выдаёт публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные операции с публикой осуществляет банковое отделение.

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банкового резерва, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в резерв, выпускается в обращение новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно подчинённое законам металлического обращения, и благодаря этому, по утверждению сторонников «денежной школы», кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение Банка на два независимых отделения лишало дирекцию возможности свободно располагать в решающие моменты всеми доступными ей

средствами, так что могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло в бездействии миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное состояние дел могло наступать тем легче, что почти каждый кризис имеет период, когда происходит сильный отлив золота за границу, который надо покрывать главным образом за счёт металлического запаса Банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих в этом случае за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом, **банковский акт 1844 года прямо толкает весь торговый мир к тому, чтобы в момент, когда разражается кризис, тотчас же припрятать запасы банкнот и, следовательно, ускорить и обострить кризис**; таким наступающим в решающий момент искусственным повышением спроса на денежные ссуды, то есть на средства платежа, при одновременном ограничении их предложения, этот акт в период кризиса гонит процентную ставку до неслыханной высоты; итак, **вместо того чтобы устранять кризисы, он их усиливает** до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь промышленный мир, либо банковский акт.

Угнетённое состояние фабричной промышленности в течение месяцев кризиса выражается в том, что вещественный товарный капитал в избытке заполняет кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому вещественный производительный капитал целиком или наполовину бездействует, чтобы не производить ещё больше товарного капитала, не находящего покупателей.

Два раза, 25 октября 1847 и 12 ноября 1857, кризис достигал такой высоты; когда правительство освободило Банк от ограничений в выпуске банкнот, приостановив действие акта 1844, и **оба раза этого было достаточно для того, чтобы приостановить кризис**. В 1847 достаточно было уверенности в возможности снова получать банкноты под первоклассное обеспечение, чтобы извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4–5 миллионов; в 1857 было выпущено без малого 1 миллион банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Суть ложной теории стоимости денег Рикардо?
В чём глупость банковского акта 1844 года?
Что на самом деле?

Глава 35.
БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ И ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

когда происходит ввоз и когда — отлив благородного металла, чувствительность, создаваемая кредитной и банковской системой, что воплощают в себе деньги при капитализме, под влиянием чего может меняться заграничный вексельный курс

Движение золотого запаса

Относительно накопления банкнот в периоды угнетения следует заметить, что здесь повторяется образование сокровищ в виде благородного металла, которое наблюдалось в тревожные времена на самых ранних стадиях существования общества. Влияние акта 1844 года представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства обращения; он хочет отождествить отлив золота с сокращением, прилив золота с расширением количества средств обращения. На опыте применения акта было доказано обратное. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящихся в обращении банкнот Английского банка после 1844 года никогда не достигала того максимума, который Банк имел право выпускать. И кризис 1857 года показал, с другой стороны, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488 830 фунтов стерлингов больше этого максимума. Законный максимум был тогда 14 475 000 фунтов стерлингов плюс сумма металлического запаса в подвалах Банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать, с одной стороны, движение металла в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, движение золота и серебра от источников их производства в различные другие страны и распределение этого добавочного металла между этими странами.

Во-вторых, между странами, не производящими золота и серебра, благородный металл постоянно циркулирует туда и обратно; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же

непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конечном счёте, имеет ли место прилив или отлив, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, поскольку обращают внимание на конечный результат, упускается из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело воспринимается всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла есть лишь результат и выражение соотношения между ввозом и вывозом товаров, тогда как он в то же время выражает соотношение между независимым от товарной торговли ввозом и вывозом самого благородного металла.

В-третьих, преобладание ввоза над вывозом, и наоборот, измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. Большая или меньшая точность этого мерила зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковское дело вообще централизовано. Ибо от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет вообще национальный запас металла. Но если даже это и так, указанное мерило всё же не точно, так как при известных условиях добавочный ввоз поглощается внутренним обращением и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться для внутреннего обращения и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвёртых, вывоз металла принимает форму отлива, если движение в сторону уменьшения продолжается длительное время, так что уменьшение становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия для размена банкнот и тому подобное, в различных случаях оказывается различным.

В-пятых, назначение металлического резерва так называемого национального банка, назначение, которое служит отнюдь не единственным регулятором величины металлического запаса,

ибо он может возрастать вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны, является трояким: 1) Быть резервным фондом для международных платежей, короче, резервным фондом мировых денег. 2) Быть резервным фондом для внутреннего металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Быть резервным фондом для платежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и ничего общего не имеет с функциями денег как таковых.

В-шестых, за исключением разве только 1837 года, действительный кризис всегда наступал уже после изменения вексельного курса, то есть в тот момент, когда ввоз благородного металла снова стал превышать вывоз.

В-седьмых, как только общий кризис заканчивается, золото и серебро — оставляя в стороне прилив новых количеств благородного металла из стран его производства — распределяются снова в тех соотношениях, в которых они существовали как особое сокровище различных стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях **относительная величина сокровища каждой страны определяется её ролью на мировом рынке**.

В-восьмых, отливы металла являются большей частью симптомами изменений в состоянии внешней торговли, а это изменение есть, в свою очередь, предвестник того, что назревает кризис.

В-девятых, платёжный баланс может быть благоприятен для Азии и неблагоприятен для Европы и Америки.

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно в два периода. С одной стороны, в первой фазе низкой процентной ставки, которая следует за кризисом и выражает собой сокращение производства; и затем во второй фазе, когда ставка процента повышается, но ещё не достигает своего среднего уровня. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит достигает большого размаха и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах при сравнительном обилии ссудного капитала избыточный приток капитала в форме золота и серебра, то есть в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал, должен оказывать значительное влияние на ставку процента, а тем самым и на тонус всей деловой жизни.

С другой стороны, **отлив, непрерывный значительный вывоз благородного металла**, наступает, когда новых поступлений уже нет, рынки переполнены и мнимое процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень сильный спрос на ссудный капитал и потому ставка процента достигает по меньшей мере своего среднего уровня. При этих условиях, выражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного ухода капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссудный денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на ставку процента. Но вместо того, чтобы ограничивать кредитные операции, повышение ставки процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Поэтому такой период предшествует краху.

Именно развитие кредитной и банковской системы, которая, с одной стороны, стремится поставить весь денежный капитал на службу производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и, с другой стороны, на известной фазе цикла сводит металлический резерв к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции, — именно эта развитая кредитная и банковская система и создаёт чрезмерную чувствительность всего организма. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение металлического запаса по сравнению с его средней величиной оказывает относительно ничтожное влияние на производство.

Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка. **Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно**, как это уже было указано в книге I, главе III, при исследовании функции денег в качестве средства платежа.

Чем же отличаются золото и серебро от других видов богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществлённого в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение общественного характера богатства.

Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В условиях капиталистического производства они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом, лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства. Следовательно, это общественное бытие денег проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их.

> ***В условиях капиталистического производства обмен происходит при посредстве денег. Таким образом, лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; при капитализме в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства.***

Пока производство идёт бесперебойно, это забывается. Кредит, тоже как общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно **доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолётным и идеальным, простым представлением**. Но как только кредит потрясён, — а эта фаза неизбежно наступает в современном промышленном цикле, — всё реальное богатство вдруг должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро. Это требование безумное, однако оно неизбежно вырастает из самой системы. Между тем всё золото и серебро, долженствующее удовлетворить эти чудовищные притязания, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в подвалах банка. Таким образом, в воздействии отлива золота тот факт, что производство как общественное производство не подчинено в действительности общественному контролю, резко обнаруживается в том, что общественная форма богатства как вещь существует

вне его. Это обстоятельство в действительности является общим для капиталистической системы и для более ранних систем производства, поскольку последнее покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе оно проявляется наиболее резко и притом в самой уродливой форме абсурдного противоречия и бессмыслицы, так как 1) при капиталистической системе производство менее всего является производством ради непосредственной потребительной стоимости, ради потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения; 2) так как с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную, и фантастическую границу богатства и его движения, — но всё снова и снова наталкивается на эту границу.

Во время кризиса возникает требование превратить сразу все векселя, ценные бумаги, товары в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото.

Вексельный курс

Барометром движения денежного металла в международном масштабе является, как известно, вексельный курс. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если этот перевес платёжных обязательств Англии перед Германией не выравнивается снова благодаря, например, преобладанию закупок Германии в Англии над закупками Англии в Германии, то выраженная в стерлингах цена векселей, выписанных в марках на Германию, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков обычный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет более значительные размеры и будет долго продолжаться, то это отразится на банковском резерве Англии, и английский денежный рынок,

в первую очередь Английский банк, должен будет принять защитные меры. Последние, как мы уже видели, состоят главным образом в повышении процентной ставки. При значительном отливе золота на денежном рынке наступают обыкновенно затруднения, то есть спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокая ставка процента вытекает отсюда сама собой; таким образом учётная ставка, декретированная Английским банком, соответствует положению вещей и осуществляется на рынке. Бывают, однако, случаи, когда отлив металла вызывается иными, а не обычными комбинациями сделок (например, займами иностранных государств, вложением капитала за границей и так далее) и когда положение на лондонском денежном рынке как таковом отнюдь не оправдывает существенного повышения ставки процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путём усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как принято выражаться, и таким образом искусственно создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; манёвр, который с каждым годом становится для этого Банка все затруднительнее.

Заграничный вексельный курс может изменяться:

1. Под влиянием платёжного баланса в данный момент, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей или же государственными расходами на ведение войн и так далее, поскольку при этом производятся наличными деньгами платежи за границей.

2. Под влиянием обесценения в данной стране денег, — металлических или бумажных. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 фунт стерлингов представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собой разумеется, его примут по 12,5 франка вместо 25.

3. Если речь идёт о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве денег серебро, другая золото, то вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости обоих металлов, ибо такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами.

Монетарная система по преимуществу — католическая, кредитная по преимуществу — протестантская. «Шотландцы

ненавидят золото». В **бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь вера даёт спасенье**. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но кредитная система столь же мало освободилась от базиса монетарной системы, как мало протестантизм освободился от основ католицизма.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Когда происходит ввоз благородного металла?
Когда происходит отлив благородного металла?
Какую чувствительность создают кредитная и банковская система?
Что воплощают в себе деньги при капитализме?
Под влиянием чего может меняться заграничный вексельный курс?

Глава 36.
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

купеческий капитал, ростовщический капитал, докапиталистические формы существования ростовщического капитала, историческая роль ростовщического капитала, как развивается кредитное дело, роль кредитной системы для капитализма, ошибка Прудона, первичная и вторичная эксплуатации, выгоды церкви от ростовщичества

Капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его по его старинной форме — ростовщический капитал, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к **допотопным формам капитала**, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях.

> ***Ростовщический капитал** — это старинная форма капитала, приносящего проценты.*

Для существования ростовщического капитала необходимо, чтобы по крайней мере часть продуктов превратилась в товары и наряду с товарной торговлей получили развитие деньги в своих различных функциях.

Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и особенно денежно-торгового капитала. В Древнем Риме со времени последних лет существования республики, где мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития.

Деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ. Однако профессиональный собиратель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берёт деньги взаймы для того, чтобы при их помощи делать прибыль, применять их как капитал, то есть затрачивать. Следовательно, и в прежних формах денежный кредитор противостоит ему совершенно так же, как современному капиталисту.

Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты.

Во всех тех формах, в которых хозяйство, основанное на рабском труде (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи), существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда через куплю рабов, земли и так далее, — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты.

Однако **характерные формы существования ростовщического капитала во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, были две**. Я говорю характерные формы. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчинённые формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: **во-первых**, ростовщичество путём предоставления денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; **во-вторых**, ростовщичество путём предоставления денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных, индивидуальных производителей, огромное большинство последних составляет класс крестьян.

И то и другое, — как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков из мелких производителей, — приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов.

Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный

капитал, — такой ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает те жалкие общественные условия, при которых общественная производительность труда не развивается, как при капиталистическом производстве, за счёт самого труда.

Итак, с одной **стороны**, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой **стороны**, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, словом, все те формы, при которых производитель ещё выступает как собственник своих средств производства.

При развитом капиталистическом способе производства рабочий не является собственником условий производства — поля, которое он возделывает, сырого материала, который он обрабатывает, и так далее. Но этому отчуждению условий производства от производителя соответствует здесь действительный переворот в самом способе производства. Разрозненные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, внутренне связанных между собой функций; орудие труда становится машиной. Самый способ производства уже не допускает как связанного с мелкой собственностью распыления орудий производства, так и изолированности самих рабочих. При капиталистическом производстве ростовщичество уже не может отделять условия производства от производителя, потому что они уже отделены.

Ростовщичество централизует денежное имущество там, где средства производства распылены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при всё более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время основой политических отношений, основой самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт проедается феодалами и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ

производства остаётся всё тот же; он только начинает тяжелее давить на работника. Обременённый долгами рабовладелец или феодал высасывает больше, потому что из них самих больше высасывают. Или же в конце концов они уступают своё место ростовщику, который сам становится земельным собственником или рабовладельцем, как всадники в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь в том отношении, что оно разрушает и уничтожает те формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал.

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в условиях буржуазной экономики в отсталых отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, например, сравнить процентную ставку Англии с процентной ставкой в Индии, то нам следовало бы взять для этого не процентную ставку Английского банка, а, например, тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности те, кто ссужает им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству ростовщичество исторически важно тем, что оно само есть процесс возникновения капитала. Ростовщический

капитал и купеческое богатство служат образованию денежных средств, независимых от земельной собственности. Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым, всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается образование сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровище, **деньги именно в форме средства платежа выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал**. Чего расточительное и развращающее богатство хочет, это денег как денег, денег как средства, на которое всё можно купить. А также платить долги. Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. Превращение натуральных повинностей и оброков в пользу земельного собственника и государства в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль. В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны — образование сокровищ становится реальным только при ростовщичестве и в ростовщичестве его мечта осуществляется. От собственника сокровища требуют не капитала, а денег как денег; однако благодаря проценту он превращает для себя это денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостоять ему как чужая собственность.

Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям

капиталистического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда ставило ему прежнее законодательство. **Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, когда речь идёт о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; когда взаймы берут для личных нужд**, как, например, в ломбарде; когда представители потребляющего богатства получают займы для расточительства, или когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и так далее, следовательно, является ещё в качестве непосредственного производителя владельцем своих собственных условий производства; наконец, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. **Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заёмщика, противостоящего денежному кредитору**. Даже человеку без средств предоставляют кредит как промышленнику или купцу, однако только в том случае, если есть уверенность, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи заёмного капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что **человек без средств, но обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела, чтобы таким образом превратиться в капиталиста**, — ведь при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно, — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению новых счастливчиков, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов,

укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать всё новые и новые силы из низших слоёв общества. **Совершенно так же, как в средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян**. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетённых классов, тем прочнее и опаснее его господство.

> *Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетённых классов, тем прочнее и опаснее его господство.*

Поэтому вместо того, чтобы предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей никогда не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на общественные средства производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковская система, по своей формальной организации и централизации, как отмечено ещё в 1697 году в сочинении «Some Thoughts of the Interest of England», представляет собой самое искусное и совершенное творение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения как Английский банк над торговлей и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне круга его действия, и он относится к этому движению пассивно. В **банковской системе, конечно,**

дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста или каждого отдельного капитала определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством совокупного прибавочного труда, присваиваемого совокупным капиталом, откуда каждый отдельный капитал получает свой дивиденд в количестве, пропорциональном той части совокупного капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала опосредствуется и осуществляется в полной мере лишь полным развитием кредитной и банковской системы. С другой стороны, последняя идёт дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только ещё потенциальный, не функционирующий ещё активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. **Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала**. Банковское дело изымает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но **благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства**.

Далее, банковская система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги в действительности суть не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причём, однако, характер этот, как находящийся в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что **кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как элемент в связи с другими великими органическими**

переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сенсимонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. **Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги, был способен создать несусветную фантазию «дарового кредита»**, эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благих пожеланий.

Купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает, однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала по преимуществу. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе. Напротив, в **капитале, приносящем проценты, в чистом виде представлен самовоспроизводящий характер капитала, самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как скрытое качество**. От этого-то и происходит, что даже некоторые представители политической экономии, особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг ещё полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, например, земельную ренту лишь как его разновидность, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутренняя структура капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земля, как и капитал, ссужается только капиталистам. Вместо денег могут быть, конечно, даны в ссуду средства производства в их натуральном виде, например, машины, промышленные

здания и так далее. Но они представляют тогда определённую денежную сумму, а если кроме процента уплачивается известная сумма для возмещения износа, то это вытекает из потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала. Решающим здесь опять-таки является вопрос, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, по крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, что как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Ещё более неуместно и бессмысленно присоединение сюда ссуды домов и тому подобного для индивидуального потребления. Что рабочий класс надувают и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный, но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего жизненными средствами. Это **вторичная эксплуатация**, сопровождающая **первичную**, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно не имеет здесь значения и чисто формальна и лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создаёт его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем больше расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежные средства развиваются как особые средства, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. **Ростовщический капитал развивается тем больше, чем больше производство данной страны в массе своей остаётся натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью**.

Поскольку ростовщичество выполняет двоякую роль: во-первых, вообще создаёт наряду с купеческим капиталом самостоятельные денежные средства, во-вторых, присваивает себе условия труда, то есть разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала.

Выгоды для церкви от запрещения процента

«Взимать проценты церковь запретила; но она не запрещала продавать имущество, чтобы помочь себе в случае нужды; не запрещала даже отдавать заимодавцу это имущество на определённый срок до уплаты долга, чтобы последний мог располагать этим имуществом как обеспечением долга, а также, пользуясь им, мог, пока оно в его руках, получать вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и благочестивые корпорации извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Благодаря этому столь большая часть национального богатства попала во владение так называемой «мёртвой руки», тем более что евреи не могли вести ростовщичество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (J. G. Busch. «Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung etc.». 3. Aufl, Band II, Hamburg, 1808).

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое купеческий капитал?
Что такое ростовщический капитал?
Почему Маркс называет ростовщический и купеческий капиталы близнецами?
Каковы старые, докапиталистические, формы существования ростовщического капитала?
В чём историческая роль ростовщического капитала?
Как развивается кредитное дело?
Чем для капитализма является кредитная система?
В чём ошибка Прудона?
Что такое первичная и вторичная эксплуатации?
Каковы выгоды церкви от ростовщичества?

Отдел 6.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ

Глава 37.
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

условия капиталистического способа производства в земледелии, земельная рента и необходимость рассмотрения земельной ренты, стремление сокращать срок аренды, превращение земли в землю-капитал, собственность на землю — помеха земледелию, различие между земельной рентой и процентом на вложенный капитал, разделение труда между земледельческими и промышленными рабочими

Анализ земельной собственности в её различных исторических формах лежит за рамками этой работы. **Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведённой капиталом, достаётся земельному собственнику**. Следовательно, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как и промышленность, — подчинено капиталистическому способу производства, то есть сельское хозяйство ведётся капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, в который вкладывается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наёмный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и так далее точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. **Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства буржуазного общества, что имеются, следовательно, налицо также и такие его условия, как свободная конкуренция капиталов, возможность перелива их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и так далее**. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма её, превращённая воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия, которое

ведётся крестьянином в целях пропитания и при котором владение землёй является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его собственность на землю — наиболее благоприятным условием, условием процветания его способа производства. Если **капиталистический способ производства вообще предполагает экспроприацию у рабочего условий его труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию земли у сельских рабочих и подчинение их капиталисту, ведущему земледелие ради прибыли**. Следовательно, для нашего исследования не важно, если, возражая нам, напомнят, что существовали или ещё существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может иметь значение только для тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению определённых отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполным. Ради полноты следует заметить, что здесь под землёй подразумевается и вода, поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

Та **форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создаётся им самим посредством подчинения земледелия капиталу**; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях

частной собственности; что он, с одной стороны, совершенно отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства, а с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от земельной собственности и от земельного собственника, для которого земля означает не что иное, как определённый денежный налог, взимаемый им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землёй, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность находится в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, короче, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретики в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной **стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, с другой стороны, сведение к абсурду земельной собственности — таковы великие заслуги капиталистического способа производства.** Как **и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту прежде всего ценой полного обнищания непосредственных производителей**.

> *Для земельного собственника земля означает не что иное, как определённый денежный налог, взимаемый им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера (арендатора).*

Предпосылка капиталистического способа производства такова: действительные земледельцы суть наёмные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведёт сельское хозяйство только как особую отрасль применения капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определённые сроки, например ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (**совершенно так же, как заёмщик денежного капитала — определённый процент**)

за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется **земельной рентой**, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных угодий, лесов и так далее. Она уплачивается за всё время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход.

> ***Земельная рента** есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход.*

Далее, мы имеем здесь перед собой все **три класса**, которые в совокупности и в отношении друг к другу составляют **остов современного общества**: наёмный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Краткосрочные затраты капитала, связанные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание земли вообще, если только оно ведётся до некоторой степени рационально, то есть не сводится к грубому истощению почвы, как было, например, у прежних американских рабовладельцев — против чего, однако, господа земельные собственники по контракту обеспечивают себе гарантию, — эти затраты улучшают почву, увеличивают количество её продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами. И основной капитал, вложенный в землю на более длительный срок, используемый в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачивается также фермером. Когда же истекает определённый договором срок аренды, — и это одна **из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды**, — тогда произведённые в земле улучшения достаются собственнику земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции,

от земли. При заключении нового договора об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, вложенный в землю, — безразлично, сдаёт ли он теперь землю тому самому фермеру, который произвёл улучшение, или уже другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется её цена, — теперь оказывается повышенной её стоимость. Он продаст не просто землю, но улучшенную землю, вложенный в землю капитал, который ему ничего не стоил. Это одна **из тайн** — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — возрастающего с ходом экономического развития обогащения земельных собственников, постоянного разбухания их рент и возрастания денежной стоимости их земли.

> ***Затраты, улучшающие почву, увеличивающие количество и качество её продукта, превращают землю из простой материи в землю-капитал.***

Но в то же время это — одна **из величайших помех рациональному земледелию**, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком будут использованы до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство, на эту помеху указывал в прошлом веке Джемс Андерсон, подлинный создатель современной теории ренты и в то же время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном, а в наши дни на это указывают противники современного строя земельной собственности в Англии.

В собственно земледелии этот процесс проявляется ещё не так ясно, как при использовании земли в качестве строительного участка. В Англии подавляющая часть земли под строительство не продаётся в собственность, а сдаётся земельными собственниками на 99 лет, или, если возможно, и на более короткий срок. По истечении этого срока строения вместе с самой землёй достаются земельному собственнику.

«Они» (арендаторы) «обязуются, после того как они всё время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока договора передать крупному земельному собственнику дом в хорошем, удобном для жилья состоянии. Едва истекает срок договора

об аренде, как приходит агент или инспектор земельного собственника, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к владениям своего лендлорда... Факт тот, что если полное действие этой системы будет сохранено ещё на продолжительное время, всё домовладение в королевстве, точно так же как земля в сельских округах, окажется в руках крупных земельных собственников. Почти весь Уэст-Энд Лондона, к северу и югу от Темпл Бар, принадлежит примерно полдюжине крупных лендлордов, сдаётся в аренду, принося огромную земельную ренту, и там, где сроки договоров ещё не совсем истекли, они быстро истекают один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения наших приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных земельных левиафанов» (А. А. Уолтон, «History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland», London, 1865).

Этот пример собственности на строения важен, 1) потому, что он ясно показывает **различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал**, — процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на строение, как и на капитал, вкладываемый при обработке земли арендатором в землю, достаётся промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определённые сроки, за пользование землёй; 2) потому, что он показывает, как вместе с землёй, в конце концов, достаётся земельному собственнику и вложенный в неё чужой капитал, и вследствие этого его рента возрастает на величину процента.

Ниже будет показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт вообще, смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определённой — по крайней мере на базисе капиталистического способа производства — с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, то есть тем естественным

условием, без которого он невозможен, является то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования — в продуктах земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и так далее. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится **простое собирательство**: охота, рыболовство, разведение скота) является основой всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд заключает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, необходимо входящие в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это — лишь разделение труда между ними.

> *Как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества.*

Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного

развития, притом продукт весьма новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определённой ступени в развитии производства. Подобно тому как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только предметами роскоши или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в питание, не говоря уже о питании народных масс, — точно так же, с другой стороны, часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми предметами потребления как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд — с **общественной точки зрения**. **Он в известной части такой же необходимый труд, как и необходимая часть земледельческого труда**. Да он и есть лишь обособившаяся форма известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединён с земледельческим трудом, необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда.

При рассмотрении земельной ренты следует **избегать трёх главных ошибок**, которые затемняют анализ.

1. Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства. Общее для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определённой земельной площадью, — это общее ведёт к тому, что различия не замечаются.

2. Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. Однако субъективные и объективные условия прибавочного труда и прибавочной стоимости вообще не имеют никакого отношения к конкретной, определённой форме как прибыли, так и ренты. Они имеют значение для прибавочной стоимости, как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3. В экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что её величина определяется отнюдь не её получателем, а развитием общественного труда, независимым от её получателя, совершающимся помимо него. Поэтому

легко принять за своеобразную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства — и, точнее, капиталистического производства, которое во всём своём объёме есть товарное производство, — обще всем отраслям производства и всем их продуктам.

Рента может развиться как денежная рента лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той самой мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством, следовательно, в той самой мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство, потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности захватывать посредством своей монополии на землю всё возрастающую часть этой прибавочной стоимости, а тем самым повышать стоимость своей ренты и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист всё же является ещё самодеятельным агентом. Земельному же собственнику приходится только захватывать всё возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чём заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, всё более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растёт спрос, а вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, то есть, говоря иными словами, в той мере, как растёт масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это происходит без содействия земельного собственника, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависят от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще.

Производитель — как в промышленности, так и в земледелии, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определённой комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его продукта и его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если, с одной стороны, вместо того, чтобы объяснять ренту, занимаются объяснением прибавочной стоимости или, при ещё более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще, то, с другой стороны, здесь делают ту ошибку, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земледельческим продуктам. Объяснение делается ещё более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к реализации определённой товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения, а реализует ли он её и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, **своеобразие земельной ренты заключается не в том, что земледельческие продукты развиваются в стоимости и как стоимости, то есть не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземледельческие продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе всё растущую долю этих создаваемых без её содействия стоимостей, всё растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что капиталистический способ производства предполагает в земледелии?
Почему надо рассмотреть земельную ренту?
Что есть рента для земельного собственника?
Что такое земельная рента?
Почему собственник земли стремится сокращать срок аренды?
Что превращает землю в землю-капитал?
Почему собственность на землю — помеха земледелию?
В чём различие между земельной рентой и процентом на вложенный капитал?
Как происходит разделение труда между земледельческими и промышленными рабочими?
Почему нельзя рассматривать производителя изолированно?
В чём своеобразие ренты?

Глава 38.
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

рента, дифференциальная рента, цена

При анализе земельной ренты мы прежде всего будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены превращается в ренту, — для целей нашего анализа достаточно иметь в виду земледельческие продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты земли или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. То есть их продажные цены равны издержкам их производства (стоимости потреблённого постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потреблённый и непотреблённый. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства.

И вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может образоваться земельная рента, то есть каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику?

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определённое меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответственных отраслях промышленности цена производства составляет 115 единиц за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100 единиц. Эти 15% прибыли исчисляются не только на потреблённый капитал в 100, но на весь капитал, применённый в производстве этой товарной стоимости.

Предположим далее, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 единиц вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в 15% = 115, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды,

тоже будут продавать по 115, то есть по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль будет составлять 25 единиц вместо 15; регулирующая цена производства позволит им получать добавочную прибыль в 12,77% — не потому, что они продают свои товары выше цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары производятся, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях, при условиях выше среднего уровня, преобладающего в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства:

Во-первых: добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве двигательной силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства), которая не есть случайный результат сделок в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой производства у этих производителей, поставленных в более благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна превышению общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Двумя границами, регулирующими это превышение, являются, с одной стороны, индивидуальные издержки производства, а потому индивидуальная цена производства, с другой стороны — общая цена производства. Стоимость товара, произведённого при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществлённой форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, одним из факторов которой является уровень общей нормы прибыли, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между

индивидуальной и общей нормой прибыли. Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже.

Во-вторых: до сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, то есть возникающая не в результате случайных операций по продаже или колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который даёт ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определённых издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не всё. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизируются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и так далее. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять своё физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и так далее. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу,

применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создаёт добавочной прибыли, которая сводится именно к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создаёт здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы ещё дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому, как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определённой затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и так далее, а с определёнными природными условиями определённой части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускают фабрикантов, у которых нет водопадов, к применению этой естественной силы, так как земли — и тем более земли с источниками водяной силы, — ограничены. Это не исключает того, что, хотя количество естественных водопадов в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведён, чтобы полностью использовать его двигательную силу; водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и так далее. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках её владельца, то есть такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала; эта **естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землёй**. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы

производства, ни к числу таких её условий, которые могут быть созданы как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках тех лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собственников, то мы увидим, что они не допускают применение капитала к водопаду, использование последнего посредством капитала. **Они могут разрешить и не разрешить его использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой могущей быть монополизированной и фактически монополизированной естественной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту**, то есть она достаётся собственнику водопада.

Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 фунтов стерлингов в год, то его прибыль составляет 15 фунтов стерлингов; 15% на те 100 фунтов стерлингов, которые теперь составляют сумму его издержек производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть, в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. **Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталист сам был собственником водопада**. Он по-прежнему получал бы добавочную прибыль в 10 фунтов стерлингов не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот избыток происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту.

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает её. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы применённого капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие относительно большей производительности определённых отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми капиталами, которые не могут воспользоваться такими исключительными, создаваемыми природой благоприятными условиями повышения производительной силы. Если бы, например, несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром всё же доставляло решающие преимущества, невозможные при использовании силы воды, и если бы эти преимущества с лихвой превосходили преимущества от использования силы воды, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

> *Рента является* ***дифференциальной рентой****, в случаях, когда она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает её. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.*

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь её естественный базис, которым она служит, будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не её причина. **Если бы ту же самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но по-прежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость**. Но, с другой стороны, без потребительной стоимости, то есть без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не выравнивались в цены производства

и различные индивидуальные цены производства не выравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, — совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу применяемого им труда, как естественную, так и общественную.

> *Потребительная стоимость есть носитель меновой стоимости, а не её причина!*

В-четвёртых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, использовалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, **земельная собственность не создаёт той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь даёт земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а её превращения в форму земельной ренты**, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, прежде всего, что цена водопада, то есть цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства у данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада вообще является

иррациональным выражением скрывающегося за ним реального экономического отношения. **Водопад, как и земля вообще, как и все силы природы, не имеет никакой стоимости**, потому что в нём не овеществлено никакого труда, а потому он не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, там тем самым и нечего представлять в деньгах. **Цена водопада есть не что иное, как капитализированная рента**. Земельная собственность даёт собственнику возможность присваивать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; присваиваемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда она выступает как цена самой силы природы.

> *Цена есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость.*

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению её в собственно земледелии. То, что будет сказано о земледелии, в общем относится и к рудникам.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое рента?
Что такое дифференциальная рента?
Что такое цена?

Глава 39.
ПЕРВАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ

добавочная прибыль как случайное, добавочная прибыль как закономерное, дифференциальная рента I формы, источники дифференциальной ренты I формы, регулирующая рыночная цена

Добавочная прибыль, если она создаётся нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам процесса обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках и дают неодинаковые результаты.

Значит:

> ***Добавочная прибыль**, как закономерное, всегда есть разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда.*

И далее:

> *Закономерная добавочная прибыль превращается в **дифференциальную земельную ренту I**, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках и дают неодинаковые результаты.*

Две независимые от капитала общие **причины этой неодинаковости** результатов:

1. **Плодородие** земельных участков.
2. **Местоположение** земельных участков.

Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут вводиться в обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различных основания дифференциальной ренты, плодородие и местоположение, могут действовать в противоположном

направлении. Земельный участок может быть очень хорошо расположен и быть весьма малоплодородным, и наоборот.

Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обусловливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме, в зависимости от формы, которой определяется большая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений. Таким образом, отчасти от развития агрохимии, отчасти от развития механизации земледелия зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно всё же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития химических и механических средств агрикультуры, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством известкования тяжёлой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (например, применением особых плугов для обработки тяжёлых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие одинаково плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренаж почвы). Это может изменить и саму последовательность в обработке различных категорий почвы, как это наблюдалось, например, по отношению к лёгкой песчаной и тяжёлой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — с прогрессом земледельческой культуры — переход может совершаться как от более плодородных земель к менее плодородным, так и обратно.

Мы предполагаем определённую ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что последовательность, в которой

различного рода земли располагаются по своему достоинству, сообразуется с этой ступенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена по восходящей или нисходящей линии, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Представим четыре категории земли: **A**, **B**, **C**, **D**. Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 фунтам стерлингов, или 60 шиллингам. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шиллингов за квартер равняется на самой плохой почве цене производства 60, то есть равняется затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть **A** будет этой самой плохой землёй, которая на 50 шиллингов затрат даёт 1 квартер = 60 шиллингов, следовательно, прибыль составляет 10 шилл., или 20%. Пусть земля **B** при тех же затратах даёт 2 квартера = 120 шиллингам. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли. Пусть земля **C** при тех же затратах даёт 3 квартера = 180 шиллингам; вся прибыль = 130 шиллингам. Добавочная прибыль = 120 шиллингам. Пусть земля **D** даёт 4 квартера = 240 шиллингов, добавочная прибыль = 180 шиллингам.

Соответственно рента была бы:

для **D** = 190–10 = 180 шиллингов, или разности между **D** и **A**;

для C = 130–10 = 120 шиллингов, или разности между **C** и **A**;

для **B** = 70–10 = 60 шиллингов, или разности между **B** и **A**;

а совокупная рента для **B**, **C**, **D** = 6 квартерам = 360 шилл., что равняется сумме разностей между **D** и **A**, **C** и **A**, **B** и **A**.

> ***Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой.***

Таблица 1

Категория земли	Продукт		Авансированный капитал	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A	1	60	50	1/6	10		
B	2	120	50	1 1/6	70	1	60
C	3	180	50	2 1/6	130	2	120
D	4	240	50	3 1/6	190	3	180
Итого:	10 кварт.	600 шилл.	—	—	—	6 кварт.	360 шилл.

Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (здесь ещё не принимается в расчёт местоположение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития земледелия, следовательно, из ограниченности размера лучших земель и из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

Дифференциальная рента и градация дифференциальной ренты могут возникать как по нисходящей линии вследствие перехода от лучшей земли к худшей, так и, наоборот, по восходящей линии в следствие перехода от худшей к лучшей, а также в меняющихся, перекрещивающихся направлениях.

В зависимости от различных способов её образования дифференциальная рента может возникать при постоянной, повышающейся и понижающейся цене земледельческого продукта.

Необходимо сделать ещё следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследуется у нас под рубрикой I, но они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II формы.

Во-первых: средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении площади обрабатываемой земли, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых земельных участков. Если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной средней годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой площади, то цена

невозделанной части земельной площади определяется ценой возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала и её результатов на возделанных земельных участках. Так как все категории земли, за исключением наихудшей, приносят ренту, то благодаря этому образуется номинальная цена для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для их владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю.

Во-вторых: процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или путём перехода к худшей земле или на различных имеющихся категориях земли в различных пропорциях в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к худшей земле, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а может быть лишь, — предполагая капиталистический способ производства, — следствием повышения цен, а при всяком способе производства — лишь результатом необходимости. Но это не имеет безусловного значения. **Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землёй вследствие её местоположения**, которое имеет решающее значение при всяком расширении обрабатываемой площади в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя земля определённого района в целом принадлежит к числу более плодородных, всё же местами встречаются земли лучшего и худшего качества, и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной близости к лучшей. Если худшая земля вклинивается отдельными участками в лучшую, то соседство с последней создаёт худшей земле преимущество по сравнению с землёй более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

В-третьих: неправильно предполагать, что земли в колониях и вообще в молодых странах, которые могут вывозить хлеб по более дешёвой цене, непременно отличаются большим естественным плодородием. Хлеб продаётся в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах. Разделение труда на мировом рынке даёт колониям эту возможность. Если поэтому кажется, что колонии,

принимая во внимание их молодость и относительную малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почв и не плодотворности труда проживающих в них людей, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд представлен. Далее, в относительно менее плодородной пахотной земле, но которая лишь недавно начала обрабатываться и ещё не освоена в достаточной мере, при более или менее благоприятных климатических условиях бывает накоплено, во всяком случае в верхних слоях, настолько много легкорастворимых веществ, необходимых для питания растений, что она долгое время даёт урожай, не требуя удобрений, даже при самой поверхностной обработке. К этому присоединяется ещё почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли. Возможность такой поверхностной обработки естественно исчерпывается со временем, — тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше вывоз её продукта.

Наконец, в-четвёртых, освоение всё больших площадей новых земель, когда приходится прибегать к земле худшего качества, чем та, которая до тех пор возделывалась, — освоение различных категорий земли, начиная с земли **A** и до земли **D**, то есть, например, освоение больших площадей земель **B** и **C**, отнюдь не предполагает предварительного повышения цен на хлеб, подобно тому как ежегодное расширение, например, хлопчатобумажной промышленности не требует постоянного повышения цен на пряжу. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на объём производства, однако, оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих на производство ни задерживающего, ни особо оживляющего влияния, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистическим способом) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях — постоянной иммиграцией. Потребности постоянно возрастают, и в предвидении этого всё новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя и, в зависимости

от обстоятельств, быть может, для производства разных земледельческих продуктов. К этому само по себе приводит образование новых капиталов. Что касается отдельного капиталиста, то объём своего производства он соразмеряет с имеющимся в его распоряжении капиталом, поскольку он ещё сам в состоянии управлять своим капиталом. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если произведено слишком много, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять своё производство, как овладевая сравнительно большей частью существующего рынка, так и расширяя сам рынок.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое добавочная прибыль как случайное?
Что такое добавочная прибыль как закономерное?
Что такое дифференциальная рента I формы?
Источники дифференциальной ренты I формы?
Что такое регулирующая рыночная цена?

Глава 40.
ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

дифференциальная рента II формы, различия в распределении капитала между фермерами помимо различий в плодородии и местоположении

До сих пор дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в лучшую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовал экстенсивный рост обработки земли, расширение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. **Рассмотрим теперь, будет ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности вкладываются один после другого на одном и том же участке земли и если они вкладываются одновременно в различные участки земли, — если только предположить, что результаты одни и те же**.

> *Разница от вложения капиталов различной производительности в один после другого на одном и том же участке земли относительно их вложения одновременно в различные участки земли, дающие одни и те же результаты есть* ***дифференциальная рента II***.

При нашем рассмотрении дифференциальной ренты **II** необходимо отметить ещё и следующие пункты.

Во-первых: её основой и исходным пунктом не только исторически, но и, поскольку речь идёт об её движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента **I**, то есть одновременное возделывание земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по местоположению, то есть одновременное применение различных составных частей совокупного

земледельческого капитала на землях различного качества. С другой стороны, движение дифференциальной ренты **II** в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама, в свою очередь, служит мозаичной основой для дифференциальной ренты **I**.

Во-вторых: при дифференциальной ренте в форме **II** к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами.

И, наконец, если мы рассмотрим сначала только образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте **II**, не касаясь условий, при которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту, то в таком случае ясно, что дифференциальная рента **II** является лишь другим выражением дифференциальной ренты **I**, а по существу совпадает с ней. Различие в плодородии различных земель влияет при дифференциальной ренте **I** лишь постольку, поскольку благодаря ему вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или дают количество продуктов, не пропорциональное величине капиталов. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков различной по качеству земли, — это ничего не может изменить в различии плодородия земли или продукта, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большей продуктивностью. По-прежнему при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала даёт такие же результаты, какие при дифференциальной ренте **I** дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала.

ВОПРОС ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое дифференциальная рента **II***?*

Глава 41.
ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ. ПОСТОЯННАЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

закон ренты, источник и причина возникновения прибыли, стремление капиталиста минимизировать живой труд

Напомним, что условие предполагает, что рыночная цена по-прежнему регулируется капиталом, вложенным в наихудшую землю **A**.

I. Если дополнительный капитал, вложенный в какую-либо из приносящих ренту земель **B**, **C**, **D**, производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю **A**, то есть если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая, таким образом, никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Всё остаётся по-старому. Это равносильно тому, как если бы любое число акров земли **A**, наихудшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех категорий дополнительные продукты пропорционально величине этих капиталов, то есть производство возрастает в зависимости от специфического плодородия земли каждой категории, пропорционально величине дополнительного капитала.

Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению вложенного в землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения вложенного капитала и пропорциональное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с какой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества.

III. Дополнительные капиталы приносят дополнительный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но с понижающейся нормой, не пропорционально увеличению дополнительных капиталов.

> *Закон таков:* ***рента на землях всех этих категорий абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу****.*
> *Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина добавочной прибыли возрастает; совершенно так же, как уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли.*

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собой разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный капитал, в какую бы категорию земли он ни был вложен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением земли. Сюда же относятся случаи, когда дополнительная затрата меньшего капитала производит то же или большее действие, чем прежняя дополнительная затрата большего капитала.

Для капиталистов затрата как переменного, так и постоянного капитала в одинаковой мере является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, как и действительную стоимость товаров. Поэтому, **хотя прибыль возникает лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, всё же отдельному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом издержек производства, который больше всего следует сводить к минимуму**. Это лишь капиталистически извращённая форма той истины, что относительно большее применение **прошлого** труда, по **сравнению с живым**, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком ложном виде, каким перевёрнутым на голову представляется всё с точки зрения конкуренции.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Каков закон ренты?
Из чего возникает прибыль и почему?
Почему капиталист стремиться сводить живой труд к минимуму?

Глава 42.
ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ. ПОНИЖАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

условия и причина повышения ренты

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

I. При **неизменяющейся** производительности дополнительных затрат капитала.

Этот случай предполагает, что количество продукта на различных землях возрастает соответственно их качеству в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исключает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле **A**. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остаётся = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях понизиться только потому, что регулирующей становится не цена производства на земле **A**, а цена производства на ближайшей по качеству земле **B**, или вообще на какой-нибудь земле, лучшей, чем земля **A**; если бы цена производства на земле **C** сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечён из земли **A** или даже из земель **A** и **B**, и таким образом вся земля, худшая, чем земля **C**, перестала бы конкурировать с землями, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле **A** и т. д. сделалось бы излишним для обеспечения предложения.

Если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли **A** капитал и создать

достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизменяющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра, если не на всех землях, то, по крайней мере, на некоторых, и в среднем на всех возделываемых землях.

Однако господа земельные собственники, если они являются одновременно и владельцами или пайщиками текстильных предприятий, сахарных, винокуренных заводов и так далее, всё же могут при понижении денежной ренты очень сильно выигрывать как производители сырых материалов для своих собственных предприятий.

II. При **понижающейся** норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, поскольку цена производства здесь, как в только что рассмотренном случае, может лишь понизиться, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях, лучших, чем земля **A**, продукт с земли **A** сделается излишним, и потому капитал будет отвлечён от земли **A**, или земля **A** будет применена для производства другого продукта.

III. При **повышающейся** норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот только тем отличается от варианта **I**, приведённого в начале этой главы, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, что исключение из сельскохозяйственного оборота земли **A** с помощью известного дополнительного продукта происходит здесь быстрее.

Как при убывающей, так и при повышающейся производительности дополнительных затрат капитала последние могут оказывать различное влияние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. В той мере, в какой это различное влияние будет нивелировать или увеличивать различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой **I**. В остальном всё зависит от величины земельной площади и капитала, приходившихся на землю **A**, и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того, чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный вопрос, на исследовании которого здесь стоит остановиться и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем.

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю **A**, не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля **A** по-прежнему не приносит ренты, цена её продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант **I**, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля **A** необходимо выпадает, и тем более она выпадает в варианте **II** (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, вложенный в землю **A**, должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте **III** второго случая, когда цена производства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть, при известных условиях, вложен как в землю **A**, так и в земли лучшего качества.

При всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала. Это — абсолютная точка зрения, которая показывает, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (подобно тому, как при дифференциальной ренте **I** высота средней ренты на всю возделываемую площадь) есть следствие увеличившейся затраты капитала на землю, причём безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменившейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах.

> *При всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является*

> ***следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала.***

ВОПРОС ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Когда и почему рента повышается?

Глава 43.
ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ. ПОВЫШАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

дифференциальные ренты I и II как предел друг для друга, условие исчезновения ренты, живучесть класса землевладельцев и её снижение

Повышение цены производства предполагает, что производительность земли наихудшего качества, не приносящей ренты, убывает. Земля **А** остаётся регулирующей, следовательно повышающаяся цена производства делает возможным две модификации: земля **А** может остаться землёй, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем земля **А**, и начинает регулировать цену, так что земля **А** уже приносит ренту.

Чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории земли, уже освоенные, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живёт так расточительно, как этот, никакой другой не предъявляет такой претензии на традиционную, «положению соответствующую» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не влезает с таким лёгким сердцем в долги. И тем не менее он всегда выходит из положения благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренту вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из земли капиталистом. Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного земельного собственника постепенно иссякает.

Из сказанного следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с относительно более высокой производительностью, пусть даже убывающей, рента с акра абсолютно возрастает, хотя относительно, по сравнению

с авансированным капиталом (следовательно, как норма добавочной прибыли или ренты), она уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остаётся без изменения, если только производство на худших землях не станет излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных пределах всё ещё производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль и добавочная производительность которого, следовательно, = 0, ничего не изменяет в высоте образовавшейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена производства квартера на лучших землях вследствие этого возрастает, избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но количество квартеров, дающих такой уменьшенный избыток, увеличивается, так что общий результат не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые дают продукт с индивидуальной ценой производства, превышающей регулирующую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только = 0, но ниже нуля, с минусом, то есть ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле **A**, — такая дополнительная затрата всё больше приближает индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, всё больше уменьшает между ними разницу, которая образует добавочную прибыль, соответственно ренту. Всё большая и большая часть того, что раньше составляло добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли **B**, продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно,

по сравнению с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Исчезнуть рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле B совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала войдёт в образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, когда она вовсе исчезает. Но этот предел наступает не сразу после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что её влияние уничтожает более высокую производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности капитала, вложенного в землю **A**, а потому индивидуальная средняя цена квартера с земли **B** становится равной индивидуальной средней цене квартера с земли **A**.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь формальное превращение добавочной прибыли в ренту и хотя собственность на землю даёт здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее достигает предела; следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности.

Таким образом, повышение общей цены производства, которое становится здесь необходимым, когда границы для него уже, чем обычно, не только служит здесь причиной повышения дифференциальной ренты, но само существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной того, что

общая цена производства раньше и быстрее повышается, чтобы таким образом обеспечить ставшее необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо далее заметить следующее: дополнительная затрата капитала на земле **B** не могла бы повысить регулирующей цены, если бы земля **A** в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле этой дополнительной затраты или если бы в конкуренции стала участвовать новая, худшая, чем **A**, земля, цена производства на которой хотя и выше, но ниже этой дополнительной затраты. Таким образом, мы видим, что **дифференциальная рента I является базисом для дифференциальной ренты II, вместе с тем они служат пределом друг для друга**, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна рядом с другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в иных случаях, когда, например, очередь доходит до лучших земель.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему и как дифференциальные ренты I и II служат пределом друг для друга?
Когда исчезает рента?
Почему так живуч класс землевладельцев?
Почему эта живучесть иссякает?

Глава 44.
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА ТАКЖЕ И С НАИХУДШЕЙ ИЗ ВОЗДЕЛЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ

земля приносит ренту после вложения капитала, сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой

Предположим, что спрос на хлеб повышается и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных вложений капитала с недостаточной производительностью в земли, приносящие ренту, или посредством дополнительных вложений капитала, тоже с убывающей производительностью, в землю **A**, или посредством вложений капитала в новые земли худшего качества, чем земля **A**.

С точки зрения капиталистического способа производства всегда имеет место относительное удорожание продуктов, если для получения того же продукта делается затрата, если должно оплачиваться нечто такое, что прежде не оплачивалось. Ибо под возмещением капитала, потреблённого в производстве, следует понимать только возмещение стоимостей, которые представлены в определённых средствах производства. Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоят, — эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, то есть как даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно вообще всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчёт при определении цены, пока продукт, изготовляемый при её помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если со временем потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, то есть если придётся производить дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или при содействии человека, человеческого труда, то в капитал войдёт новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта будет сделана

относительно большая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдёт вздорожание производства.

Так называемые мелиоративные работы продолжительного действия, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, стоящих затраты капитала, и которые могут рассматриваться как вложение капитала в землю, — почти все сводятся к тому, чтобы определённому участку земли, почве в определённом ограниченном месте придать такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Поверхность одного массива земли является ровной от природы, поверхность другого — приходится выравнивать; один обладает естественными стоками для воды, другой требует искусственного дренажа; один от природы обладает глубоким пахотным горизонтом, на другом его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с надлежащим количеством песка, у другой ещё необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается илом, на другом этого приходится достигать с помощью труда, или, говоря языком буржуазной политической экономии, с помощью капитала.

Поистине **забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные преимущества которой искусственно созданы, рента есть процент, а на другой земле, которая обладает этими преимуществами от природы, не есть процент**.

На деле же вопрос извращается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, её и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, ложно изображать в виде процента. Но **после того, как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в неё вложен капитал, а потому, что затрата капитала превратила землю в более производительную сферу вложений, чем до этого**. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она ещё не была сделана, предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который участок в данном случае приносит), которую даёт земля, уже поглотившая такую затрату капитала, точно так же является

дифференциальной рентой, как если бы эта земля от природы обладала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И **эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизирован**. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Почему земля приносит ренту после вложения капитала?
Когда сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой?

Глава 45.
АБСОЛЮТНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

причина ренты, абсолютная рента, возникновение цен производства

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не приносит земельной ренты или, выражаясь в более общей форме, что земельную ренту приносит только такая земля, на которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту.

Если спросить далее, на чём основывается предположение, что продукт земли наихудшей категории **A** не даёт ренты, то ответ необходимо будет таков: если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что дополнительно авансированный капитал, вложенный в землю **A**, оплачивает обычную цену производства, то есть даёт на капитал обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того, чтобы в землю **A** вкладывался дополнительный капитал. То есть для капиталиста достаточно этого условия, чтобы использовать нормальным способом новый капитал, получать обычную прибыль.

Во всяком случае капиталистический фермер, поскольку он должен действовать как капиталист, может при этих условиях возделывать землю **A**. Итак, условие для нормального использования капитала на земле **A** налицо. Но из той предпосылки, что капитал мог бы быть вложен фермером в землю **A** в соответствии со средними условиями увеличения стоимости капитала, хотя он не мог бы платить ренту, отнюдь не следует вывод, что эта относящаяся к категории **A** земля будет немедленно предоставлена в распоряжение арендатора.

Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдём, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение земельной собственности, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определённых и случайных по своему характеру обстоятельствах.

Во-первых, когда сам земельный собственник — капиталист, или сам капиталист — земельный собственник. Если рыночная цена поднялась достаточно для того, чтобы на той земле, которая является теперь землёй **А**, можно было извлечь цену производства, то есть возместить капитал плюс среднюю прибыль, то он может в этом случае сам вести хозяйство на своём участке земли. Но почему? **Потому что по отношению к нему земельная собственность не создаёт какой-либо границы для приложения его капитала**. Он может распоряжаться землёй просто как элементом природы и потому может руководствоваться исключительно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями.

Во-вторых: среди арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которые земельный собственник не считает такими, потому что для него существует общая сумма ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих её отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку принимаются во внимание те арендуемые участки земли, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не **платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, к которой они составляют придаток**.

В-третьих: арендатор может затратить дополнительный капитал на свою прежнюю аренду, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом дополнительный продукт доставляет ему лишь цену производства, приносит обычную прибыль, но не даёт возможности платить дополнительную ренту. Таким образом, с одной **части капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, с другой — нет**.

Итак, предположим, что в наличности имеются условия для нормального применения капитала на земле категории **А**. Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы ренту приносила и наихудшая земля **А**? То есть налагает ли монополия земельного собственника такую границу

затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что если, например, на старых арендах существуют дополнительные капиталовложения, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство нисколько не решает вопроса, может ли действительно быть вложен капитал в землю **A**, которая также приносила бы среднюю прибыль, но не давала бы ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не удовлетворяют спроса, это доказывается необходимостью привлечения для обработки новой земли **A**. Если дополнительное возделывание земли **A** имеет место лишь постольку, поскольку она приносит ренту, следовательно, избыток над ценой производства, тогда **возможны только два случая**. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, всё равно будет ли последняя присвоена арендатором или земельным собственником. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля **A** не может быть возделана, если она не даст ренты. Ибо если бы для возделывания было достаточно только цены производства, одной только средней прибыли, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, как только они стали бы приносить одни эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле **A**, которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля **A** начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля **A** не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия обработка её началась бы уже при более низком уровне цены, и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые, для того чтобы приносить

обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене, которая при обработке земли **A** стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть произведены. Конечно, рента с земли **A** образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими затратами капитала на старых арендуемых участках, которые не приносят ренты. Но если участки земли **A** создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, то есть следствие того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обусловливается различиями земель и которая создаёт границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли **A** была бы не простым следствием повышения цены, например, хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля должна приносить ренту для того, чтобы её вообще возделывали, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, когда представилась бы возможность осуществить это условие.

Если наихудшая земля категории **A** не может возделываться, — хотя возделывание её принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то **земельная собственность является причиной, создающей это повышение цены. Собственность на землю сама создала ренту**.

Одна лишь юридическая собственность на землю не создаёт земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование её, которое принесёт ему известный избыток, независимо от того, найдёт ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как строения и так далее. Он не может увеличить или уменьшить абсолютные размеры этого поля деятельности, но может изменить то количество земли, которое находится на рынке. Отсюда, как это отмечал

уже Фурье, характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно большая часть земли всегда пустует.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует распашки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшихся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли поднялась достаточно высоко, чтобы затрата капитала на эту землю приносила арендатору цену производства, а тем самым обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести земельному собственнику ренту. Он сдаёт в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, рыночная цена должна подняться выше цены производства, до **P+r**, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи земли в аренду ничего не приносит, не имеет в экономическом отношении никакой ценности, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того, чтобы пустить в продажу новую землю наихудшей категории.

Теперь встаёт такой вопрос: из **того, что наихудшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, следует ли, что цена продукта земли необходимо является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство?** Что такой налог имеет свои определённые экономические границы, это само собой разумеется. Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их, — конкуренцией земельных собственников между собой, наконец, потребностью и платёжеспособностью потребителей. Но здесь речь идёт не об этом. Речь идёт о том, входит ли рента, уплачиваемая с наихудшей земли, в цену её продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, который обложен этим налогом, то есть как элемент, не зависимый от стоимости этого товара.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведён товар. Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала, то есть если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем для общественного среднего капитала, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. То есть такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при одинаковой эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна издержкам капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведённая в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого строения. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определённую сферу производства, более высокого строения, чем средний общественный капитал. Стоимость произведённых им товаров ниже их цены производства, что обычно характерно для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Один простой факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных категорий земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому **абсолютной рентой**. Целый ряд промышленных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой добавочной прибыли,

которая могла бы превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последнею общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимостям. **Цены производства возникают из выравнивания товарных стоимостей, которое по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потреблённых в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько её произведено в отдельных сферах производства и сколько её поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов**. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, характерным элементом которой является средняя прибыль. Постоянная тенденция капиталов — производить посредством конкуренции это выравнивание в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолевать все помехи этому выравниванию. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от неё индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складывающихся в различных сферах, то есть общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше, это предположение основывается на постоянном изменении пропорций распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности перелива их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей совокупного общественного капитала. При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают

конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства или в которой производится прибавочная стоимость большая, чем средняя прибыль, и вместе с тем распределять избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства пропорционально между всеми сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря превышению товарной стоимостью цены производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. И вот в качестве такой чуждой силы и преграды капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность или капиталисту — земельный собственник.

> ***Тот факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сама по себе ни в какой мере недостаточна для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных категорий земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому абсолютной рентой.***

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда позволяют думать, что рента обязана своим существованием монопольной цене. Чтобы быть поближе к примеру, который приводит А. Смит, представим, например, владельца такого леса, который растёт без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии. Если ему уплачивается рента капиталистом, который занимается рубкой леса, вследствие того, например, что на него существует спрос

в Англии, или если владелец леса сам как капиталист производит рубку, то заготовленный лес, кроме прибыли на авансированный капитал, даст ему большую или меньшую ренту. По отношению к этому чистому продукту природы это представляется чисто монопольной надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он приводит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости заготовленного леса содержится больший избыток неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого строения. Поэтому за лесоматериалы может выручаться средняя прибыль, а значительный избыток в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот, при той лёгкости, с какой может расширяться рубка леса, то есть при быстроте увеличения этого производства, приходится предполагать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена лесоматериалов сравнялась с их стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь избыток неоплаченного труда (сверх той его части, которая достаётся капиталисту как средняя прибыль).

С прогрессом земледелия, как мы выяснили это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда встаёт вопрос, позволяет ли, с одной стороны, плодородие земли вообще, а с другой стороны, её местоположение возделывать её так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены, — предполагая, что издержки возделывания не понизились, иными словами, что завоевания технического характера не образуют нового момента, обусловливающего расширение возделывания, — может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше из-за своего местоположения исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может

настолько повысить преимущества местоположения, что ими компенсируется меньшая производительность. Или, и без повышения рыночной цены, местоположение благодаря улучшению средств сообщения откроет возможность лучшим землям вступить в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в тех штатах Северной Америки, на территории которых имеются прерии.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, например в форме государственных земель, общинных земель и так далее, совершенно случайно ограждают крупные участки земли от возделывания, которому они подвергаются в силу этого лишь постепенно. Последовательность, с которой они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их местоположения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. В действительности здесь решающую роль играет скорее случай, благоприятствующий воровству, представляющий крупным лендлордам возможность присвоить ту или иную землю под более или менее благовидным юридическим предлогом.

В-четвёртых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определённый момент ступень развития в росте населения и капитала ставит расширению земледелия известную, хотя и эластичную границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые временно воздействуют на рыночную цену, как, например, ряд благоприятных и неблагоприятных времён года, — пространственное расширение земледелия зависит от общего состояния рынка капиталов и положения дел в данной стране.

Поскольку собственно земледельческая рента есть просто монопольная цена, последняя может быть весьма незначительной, как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях весьма незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, **существо абсолютной ренты** заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или одинаковой эксплуатации труда,

производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости выравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, поскольку для производства — земледелия или добычи сырья — требуется земля, тормозит это выравнивание для капиталов, вложенных в землю, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе выравнивания в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достаётся не классу капиталистов, который выжал её из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают её у капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала.

> ***Земельная рента** — это часть прибавочной стоимости товаров, но часть эта достаётся не классу капиталистов, который выжал её из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают её у капиталистов.*

Насколько велико это отклонение или существует ли оно вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По сути дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала ещё больше, чем для земледельческого.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что есть причина ренты?
Что такое абсолютная рента?
Из чего возникают цены производства?
В чём существо абсолютной ренты?

Глава 46.
РЕНТА ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. РЕНТА С РУДНИКОВ. ЦЕНА ЗЕМЛИ

когда частная собственность на землю становится нелепой, иррациональность земельной ренты

Повсюду, где существует вообще рента, образуется дифференциальная рента и подчиняется она тем же законам, что и земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где силы природы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земли собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты.

Что касается земли, предназначаемой для строительных целей, эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает местоположение; во-вторых, очевидной и полнейшей пассивностью собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации общественного прогресса, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности, и той чудовищной властью, которую даёт эта земельная собственность, когда она, будучи соединена в одних руках с промышленным капиталом, практически позволяет промышленному капиталу устранять с земли, как места жительства, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы.

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены, потому что независимо от неё существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене, потому что существует рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду ту цену, которая определяется только стремлением купить и платёжеспособностью покупателей,

независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, из винограда которого производится вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, даёт монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достаётся в этой форме земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделённый особыми свойствами. Итак, здесь ренту создаёт монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая ставится земельной собственностью безрентной затрате капитала на невозделанной землёй. Что только титул собственности известного числа лиц на землю даёт им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей мере, — это маскируется тем обстоятельством, что капитализированная рента, следовательно, именно эта капитализированная дань, выступает как цена земли, и потому последняя может продаваться подобно всякому другому предмету торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил своё право на ренту не даром, не без труда, риска и предпринимательского духа капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, кажется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с ней право на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему негра, представляется, что он приобрёл свою собственность на негра не в силу существующего института рабства как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен быть налицо до того, как становится возможной его продажа, и как одна продажа, так и целый ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его, — так это производственные отношения. Когда последние

достигают такого пункта, где им приходится переменить свою оболочку, отпадает получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни материальный источник титула и всех основывавшихся на нём сделок.

С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь её владельцы, пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейств, они должны оставить её улучшенной последующим поколениям.

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землёй, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет основное орудие производителей, так что они вынуждены покупать её по любой цене.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно:

1. Просто вследствие понижения ставки процента, благодаря чему рента продаётся дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2. Потому что возрастает процент на капитал, присоединённый к земле.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продуктов земли, в таком случае всегда повышается норма дифференциальной ренты, независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или её совсем не будет. Под нормой мы понимаем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал,

именно не содержит в себе того основного капитала, который продолжает существовать наряду с продуктом. Зато здесь подразумевается, что на тех землях, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. На наихудшей земле повышение цены земледельческого продукта создаёт сначала ренту, а отсюда и цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена земледельческого продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остаётся без изменения, то рента может возрасти потому только (оставляя в стороне монопольные цены), что при равновеликой затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, причём их будет достаточно только для того, чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остаётся без изменений. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь введённой в сельскохозяйственный оборот, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежнем плодородии и прежней рыночной цене возрастает масса капитала, эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остаётся прежняя, её масса, например, удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит, подобно первой, добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту.

Отношение части прибавочной стоимости, денежной ренты, — потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости, — к земле само по себе нелепо и иррационально, потому что здесь **измеряются одна другой несоизмеримые величины**: с одной стороны, определённая потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее прибавочная стоимость, — с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные футы земли даёт земельному собственнику возможность улавливать определённое количество

неоплаченного труда, реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах, как свинья в картофеле. Но прежде всего это выражение означает то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтовой банкноты к диаметру земли.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вследствие этого и цены земли могут как вообще, так и для отдельных категорий земли, отчасти конкурировать между собой, отчасти исключать друг друга и могут действовать лишь попеременно. Но из изложенного следует, что из повышения цены земли нельзя непосредственно делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечёт за собой повышение цены земли, нельзя непосредственно делать вывода, что продукт земли увеличился.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Когда частная собственность на землю станет нелепой?
Почему отношение ренты к земле иррационально?

Глава 47.
ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

базис всякого общества, кажущаяся причина возникновения ренты, отработочная рента, продуктовая рента, денежная рента, переход к ренте капиталистической, издольное хозяйство, парцеллярное хозяйство, роль ростовщичества в становлении капиталистического хозяйства, мелкая земельная собственность тормозит развитие общественных производительных сил

Необходимо уяснить себе, в чём собственно заключается трудность трактовки земельной ренты с точки зрения современной политической экономии как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого ещё не понимает огромное число даже новейших писателей, о чём свидетельствует всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому». Новизна в этих случаях почти всегда заключается в том, что возвращаются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешён анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу ни был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость выравнялась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведённой всем общественным капиталом во всех сферах производства, — откуда после этого выравнивания, после уже совершившегося очевидного распределения всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берётся ещё та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику.

Вся трудность анализа ренты заключалась в том, чтобы объяснить избыток земледельческой прибыли над средней прибылью,

объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а избыток этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей производства. Сама средняя прибыль есть продукт, образование процесса общественной жизни, протекающего при вполне определённых исторических производственных отношениях, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и — как это имеет место при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства вообще. Следовательно, при **таких общественных формах, где ещё нет капитала**, который выполняет ту функцию, что принуждает к прибавочному труду и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, **где капитал ещё не подчинил себе общественного труда или подчиняет его лишь спорадически**, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как избытке над средней прибылью, то есть над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведённой всем общественным капиталом.

> ***При таких общественных формах, где ещё нет капитала, который выполняет ту функцию, что принуждает к прибавочному труду и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал ещё не подчинил себе общественного труда или подчиняет его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как избытке над средней прибылью, то есть над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведённой всем общественным капиталом.***

Физиократы правы, что всё производство прибавочной стоимости, а следовательно, и всё развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности земледельческого труда. **Если люди вообще**

не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше жизненных средств, следовательно, в узком смысле больше земледельческих продуктов, чем требуется каждому работнику для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы достаточно лишь на то, чтобы произвести жизненные средства, необходимые для его личного потребления, то вообще не может быть и речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости.

Производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность работника, составляет **базис всякого общества**, и прежде всего базис капиталистического производства, которое всё возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает её, по выражению Стюарта, в «свободные руки», даёт возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах.

Но что сказать о новейших экономистах, которые на закате всей классической политической экономии, скорее в то время, когда она была уже на смертном одре, повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и существенное о земельной ренте, после того как эта земельная рента уже давным-давно исследована как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной политической экономии как раз характерно, что то, что на определённой исторической ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обоснованно, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно. Она обнаруживает тем самым, что ей чуждо даже представление о проблемах, занимавших классическую политическую экономию. Она путает эти проблемы с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме перешла из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического способа производства в новейшее время выступает отчасти в виде церковной десятины, отчасти

как диковина, увековеченная старинными договорами. Благодаря этому **кажется, будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта, следовательно, не из общественных отношений, а из земли**. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость представлена в прибавочном продукте, однако, наоборот, **прибавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не всегда представляет прибавочную стоимость**. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 года по сравнению с 1840 годом должна была бы представлять огромную прибавочную стоимость, между тем как цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие неурожая в течение ряда лет рента может колоссально возрасти, потому что цена хлеба повышается, хотя эта прибавочная стоимость представлена в абсолютно уменьшившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие хорошего урожая в течение ряда лет рента может понизиться, потому что цена падает, хотя понизившаяся рента будет представлена в большей массе сравнительно дешёвой пшеницы. Теперь относительно продуктовой ренты следует прежде всего заметить, что она представляет перешедшую из отжившего способа производства, исчезающую традицию, противоречие которой с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собой исчезла из частных договоров и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость. Но, во-вторых, там, где она продолжает существовать на базисе капиталистического способа производства, она была и могла быть не чем иным, как по-средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, например, цена квартера пшеницы стоит на уровне 40 шиллингов. Часть этого квартера должна возместить содержащуюся в нём заработную плату, должна быть продана, чтобы она могла быть авансирована снова; другую часть необходимо продать для того, чтобы уплатить приходящуюся на квартер долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда, семена и даже часть удобрений входят в воспроизводство как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки

приходится продать часть квартера. Поскольку же их в действительности не приходится покупать как товары, а напротив, они могут быть возмещены из самого продукта в натуральной форме, чтобы снова войти как условия производства в его воспроизводство, — как это бывает не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они входят в счёт, выраженные как счётные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Износ машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, прибыль исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или счётных деньгах. Эта прибыль представлена в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А остальная часть образует ренту. Если продуктовая рента, установленная договором, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности продуктовая рента, которая не сообразуется с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а потому может образовать вычет не только из прибыли, но и из тех составных частей, которыми возмещается капитал, — уже по одной этой причине такая рента представляет устаревшую форму. В действительности эта продуктовая рента, поскольку она является рентой не только по названию, но и по существу, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к напоминающему доброе старое время представлению, что продукта в натуральной форме должно быть достаточно для того, чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, оставить капиталистическому арендатору больше продуктов питания, чем ему требуется, и что избыток над этим образует натуральную ренту.

Отработочная рента

Если мы рассмотрим земельную ренту в её самой простой форме, в форме отработочной ренты, когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства

(плуга, скота и прочих), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника, то здесь дело ещё совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере работник может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, то есть избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы назвали бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения, в котором его рабочее время делится на рабочее время для него самого и барщинное рабочее время для земельного собственника. Итак, **этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью**, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только есть непосредственно неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тождественны с землёй, а поскольку они отличны от неё, они считаются лишь её принадлежностью.

> ***Отработочная рента** есть земельная рента в её самой простой форме, когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и прочих), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника.*

Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остаётся «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный

производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее. **Данная форма тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно.** Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с ней. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что оно существует здесь ещё в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь ещё отделён в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого.

Здесь, где не только тождественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость ещё осязательно имеет форму прибавочного труда, **совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще**. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) естественные условия его труда, то есть в первую очередь обрабатываемая земля, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная

производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность производить избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта **возможность не создаёт ренты, её создаёт лишь принуждение, превращающее возможность в действительность**.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собой, что, при прочих равных условиях, от относительных размеров прибавочного или барщинного труда всецело зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать своё положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы предвосхищаем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, то есть избыток над его заработной платой, производимой им же самим.

Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда, то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве.

Предположим, например, что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной установившимся или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается с ростом его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, которые у него возникают, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причём не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и сельскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного

экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врождённых расовых черт характера и так далее.

Продуктовая рента

Превращение отработочной ренты в продуктовую ренту, если рассматривать дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, ***владеющий*** условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить ***собственнику*** того условия труда, которое в этом состоянии охватывает всё, то есть собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворённое в земельном собственнике.

> ***Продуктовая рента** есть форма прибавочной стоимости или прибавочного труда, представляющая прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, **владеющий** условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить **собственнику** земли.*

В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она всё же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, то есть ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и при этом всё равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую

ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд должен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье около и вне своего хозяйства, как было раньше, здесь стали уже само собой разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, по-прежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется.

Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта продуктовая рента в её чистом виде, хотя её остатки могут продержаться до более развитых способов производства и производственных отношений, по-прежнему предполагает натуральное хозяйство, то есть предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает, далее, соединение сельской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединённого земледельческо-промышленного семейного труда, причём, как это часто наблюдалось в средние века, в продуктовую ренту могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта.

При этой форме ренты, когда прибавочный труд представлен в продуктовой ренте, рента может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю даётся здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности.

Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд.

Денежная рента

Под денежной рентой мы понимаем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей собой лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы продуктовой ренты, как и она сама, в свою очередь, была лишь превращённой отработочной рентой. Непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) вместо продукта цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, этот избыток необходимо превратить из натуральной формы в денежную форму.

> ***Денежная рента** — это когда непосредственному производителю приходится уплачивать своему земельному собственнику вместо продукта цену продукта.*

Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако **часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар**.

Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешённость от связи с обществом. Отношение издержек производства, в которые теперь входят в большей или меньшей мере денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идёт здесь навстречу своему разложению, всё ещё остаётся тот же, как при продуктовой ренте, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать земельному собственнику как собственнику существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, то есть неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращённого в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала спорадическое, потом всё более и более совершающееся в национальном масштабе превращение продуктовой ренты в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы можем ещё отчасти и теперь наблюдать процесс этого превращения.

Денежная рента как превращённая форма продуктовой ренты, и в противоположность ей, есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного

прибавочного труда, который приходится отдавать собственнику условий производства. В своей чистой форме эта рента, как и отработочная рента и продуктовая рента, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю.

В своём дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

Когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и промышленности, — **необходимо начинается и предоставление земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли далеко от земледелия и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство нажитый в городе капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства**, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может стать лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке.

С появлением капиталистического арендатора между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным командиром этих сельскохозяйственных рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом отношении, именно просто денежном и договорном отношении, только к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, — не только фактически и случайно, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах,

а нормально, в её признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд, — прибыль и избыток над прибылью, — захватывает его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдаёт земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, благодаря своему капиталу, извлёк непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Много или мало он отдаёт земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыми ею неземледельческими ценами производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда, на которую капитал претендует как на часть, с самого начала и нормально причитающуюся ему. Вместо ренты нормальной формой прибавочной стоимости сделалась теперь прибыль, и **рента имеет теперь значение лишь обособившейся при особых обстоятельствах формы не прибавочной стоимости вообще, а определённого её ответвления, добавочной прибыли**.

Издольное хозяйство и крестьянская парцеллярная собственность

Здесь мы подошли к концу ряда ступеней развития земельной ренты.

Во всех этих формах земельной ренты — отработочная рента, продуктовая рента, денежная рента (как просто превращённая форма продуктовой ренты) — плательщик ренты всегда предполагается действительным земледельцем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идёт к собственнику земли. Даже при последней форме, при денежной ренте, — поскольку она выступает в чистом виде, то есть как

просто превращённая форма продуктовой ренты, — это не только возможно, но и действительно так бывает.

Как **переходную форму** от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать систему **издольного хозяйства**, при которой земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли, — остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определённых, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может фактически также и поглотить весь прибавочный труд арендатора или же оставить ему большую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал.

Далее **парцеллярная собственность**. Крестьянин здесь одновременно и производитель, и свободный собственник своей земли, которая является основным средством его производства, необходимым полем приложения его труда и капитала. При этой форме не уплачивается никакой арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где вообще получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достаётся крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при прежних, более древних формах земельной собственности, сельское население численно значительно преобладает над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капитала движется в узких пределах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земледельческого продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует на такой ступени общественного развития, когда ещё вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого совершается при более благоприятных естественных условиях.

Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является, с одной стороны, ни средняя прибыль на капитал, поскольку сам этот крестьянин мелкий капиталист, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он земельный собственник. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, — часто вплоть до тех пор, когда покрывается лишь физический минимум заработной платы. Что касается его как земельного собственника, то для него отпадает граница, полагаемая собственностью, которая может проявиться лишь по отношению к обособленному от неё капиталу (включая и труд), препятствуя его приложению. Конечно, процент на цену земли, который притом обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, является

границей. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная в цене земли и уплачиваемом на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходимым для его существования, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, в добавочной прибыли. Рента может быть вычетом из средней прибыли или даже единственной частью её, которая и реализуется. Итак, для того чтобы владеющий парцеллой крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы, как это имеет место при нормальном капиталистическом способе производства, рыночная цена земледельческого продукта поднялась настолько высоко, чтобы приносить ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксированный в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня стоимости или до уровня цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда.

Мелкая земельная собственность по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести её повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств

производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности. Для этого способа производства урожайные годы — несчастье.

Затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет собой вложение земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет собой помеху земледелию также и в том случае, когда её предпринимают крупные хозяйства. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность земельного собственника, всё равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его. Сам ли он забирает ренту, или же должен, в свою очередь, отдать её ипотечному кредитору, — это само по себе ничего не изменяет в ведении хозяйства в арендованном имении.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого участия отнюдь не принимает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие между частной собственностью на землю и рациональным земледелием, нормальным общественным пользованием землёй. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других, — есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелком земледелии, цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности,

выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счёте не ему, а земельному собственнику. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства постоянно сменяющих друг друга человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в том, и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Если мелкая земельная собственность создаёт класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище её природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне. Крупная промышленность и предпринимательское ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: предпринимательская система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля, в свою очередь, создают для земледелия средства истощения почвы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В каком случае не может идти речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости?
Что есть базис всякого общества?
Из чего, как кажется, возникает рента?
Что такое отработочная рента?
Что такое продуктовая рента?
Что такое денежная рента?
Как происходит переход к ренте капиталистической?
Что такое издольное хозяйство?
Что такое парцеллярное хозяйство?
Какова роль ростовщичества в становлении капиталистического хозяйства?
Почему мелкая земельная собственность тормозит развитие общественных производительных сил?

Отдел 7.
ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Глава 48.
ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА

«триединая» формула и её недостаток, капитал, труд, стоимость, земля не может создавать прибавочной стоимости, цивилизаторская сторона капитала, свобода, капиталист

В вульгарной политэкономии часто используют формулу: **капитал — прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля — земельная рента, труд — заработная плата.** Вот **триединая формула**, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Далее, поскольку процент выступает как специфический, характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность проценту — как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая формула точнее сводится к следующей:

Капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата; в этой формуле прибыль, форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства, благополучно устраняется.

Однако, при ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы находим… что мнимые источники богатства, которым можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собой. Они относятся друг к другу примерно так же, как **нотариальные пошлины, свёкла и музыка**.

Капитал, земля, труд! Но капитал — это не вещь, а определённое, общественное, принадлежащее определённой исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придаёт этой вещи специфический общественный характер. Капитал — это не просто сумма материальных и произведённых средств производства. Капитал — это превращённые в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами. Монополизированные определённой

частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы, — вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале.

> ***Капитал** — это не вещь, а определённое, общественное, принадлежащее определённой исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придаёт этой вещи специфический общественный характер. Капитал — это не просто сумма материальных и произведённых средств производства. Капитал — это превращённые в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами.*

Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как поработители и покупатели своих производителей, но также и общественные силы их труда и обобществлённая форма этого труда противостоят им как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь определённую, на первый взгляд весьма мистическую, общественную форму одного из факторов исторически сложившегося общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, то есть во всей её первозданности. **Стоимость — это труд. Поэтому земля не может создать прибавочной стоимости**. Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему- либо другому, кроме как к тому, что известное количество труда даёт известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт. Различие в плодородии почвы приводит к тому, что одни и те же количества труда и капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости.

И, наконец, в качестве «третьего в союзе» фигурирует простой призрак — труд, который есть не что иное, как абстракция, и как таковой вообще не существует или, если мы возьмём то, что под этим скрывается — производительная деятельность человека

вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишённая всякой общественной формы и определённого характера, но выступающая просто в её естественном бытии, независимо от общества, отрешённо от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая ещё для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение.

> ***Труд как таковой** — производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой.*
>
> *Труд как таковой в его простой определённости как **целесообразная производительная деятельность** ставится в отношение к средствам производства не в их общественной определённости формы, а в их вещественной субстанции, к средствам производства как к материалу и средству труда, различающимся между собой тоже лишь вещественно как потребительные стоимости: земля — как непроизведённое средство труда, остальные — как произведённые средства труда.*

Вульгарная политэкономия нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит: земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата или цена труда, есть прежде всего три невозможных компонента. Прежде всего перед нами потребительная стоимость, земля, которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, рента: таким образом общественное отношение, взятое как вещь, поставлено в отношение пропорциональности к природе; то есть выходит, что в известное отношение друг к другу ставятся две несоизмеримые величины. Затем капитал — процент. Если под капиталом понимается определённая сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то прежде всего является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал — процент» отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому

вульгарный экономист и предпочитает формулу «капитал — процент», с таинственным свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле «капитал — прибыль», что последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, сознавая, что 4 не есть 5 и потому 100 талеров не могут быть 110 талерами, вульгарный экономист ищет спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала, в его потребительной стоимости как условии производства, в машинах, сыром материале и так далее. Таким образом, вместо непонятного первого отношения, при котором 4 = 5, опять выводят совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определённым общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны, как и в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этих несообразностей, ему всё становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошёл как раз до «рационального» в буржуазном представлении. Наконец, труд — заработная плата, цена труда, как показано в книге I, есть выражение, которое прежде всего противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены, которая вообще сама есть лишь определённое выражение стоимости; «цена труда» столь же иррациональна, как и «жёлтый логарифм». Но как раз этим-то больше всего и удовлетворяется вульгарный экономист, потому что он тут дошёл до глубокого воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятию стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и так далее. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счёт другой; с другой стороны, эта ступень создаёт материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой

форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвящённого материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 6 часам и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 12 часам, а норма прибавочного труда = только 33,33%. Таким образом, от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определённого времени, а следовательно, также и в течение определённого прибавочного рабочего времени. Следовательно, **действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается**. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. **Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее**

достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это всё же остаётся царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своём базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

> ***Свобода** есть осознанная необходимость (Б. Спиноза).*
>
> ***Свобода** — власть, господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живёт индивид (Маркс К., Энгельс Ф. «Немецкая идеология»).*
>
> ***Свобода воли** означает … способность принимать решения со знанием дела (Ф. Энгельс «Анти-Дюринг»).*
>
> ***Свобода** — господство над обстоятельствами со знанием дела (М. Попов).*

Далее, прибыль на капитал (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента есть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категории, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достаётся ли она капиталу или земельной собственности, что, однако, ничего не изменяет в её сущности. Сложенные вместе, прибыль на капитал и земельная рента образуют сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, представленный в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Её роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведённой прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и также не просто

потому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у работников, но особенно потому, что земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под названием заработной платы получает часть продукта, где представлена часть его труда, которую мы называем необходимым трудом, то есть трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: беднее или богаче, благоприятнее или не благоприятнее.

Какими бы несравнимыми вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из года в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику — земельную ренту, и рабочая сила, — при нормальных условиях и пока она применяется, — приносит заработную плату рабочему. Эти три части ежегодно производимой совокупной стоимости и соответствующие им части ежегодно производимого совокупного продукта могут, — накопление мы оставляем здесь пока в стороне, — ежегодно потребляться их соответствующими владельцами без того, чтобы иссяк источник их воспроизводства. Они выступают как предназначенные для ежегодного потребления плоды многолетнего дерева или, вернее, трёх деревьев; они образуют **годовой доход трёх классов**: капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще. Таким образом, капиталисту его капитал, земельному собственнику его земля и рабочему его рабочая сила или, скорее, самый его труд (так как он действительно продаёт рабочую силу только как себя проявляющую и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле, что капитал для капиталиста — постоянно действующий

насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника — постоянно действующий магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд — постоянно возобновляющееся условие и постоянно возобновляющееся средство для того, чтобы в форме заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта — необходимые жизненные средства. Они являются, далее, таковыми в том смысле, что капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда, в форме прибыли, земельная собственность — другую часть в форме ренты и наёмный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз благодаря этому превращению эти части делаются доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, не **создавая, однако, самой субстанции**, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличие этой субстанции, то есть совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществлённый общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а напротив, в извращённой форме.

Может показаться, что по крайней мере в формуле «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля — земельная рента». **Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наёмного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определённые общественные условия, при которых продаётся эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства**. Труд овеществляется и в той составной части стоимости товара, которая в качестве заработной платы образует цену рабочей силы; он создаёт эту часть точно так же, как другие части продукта;

но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще раз труд нами фиксируется, как созидатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме, как условие производства, а в его общественной определённости, которая отлична от общественной определённости наёмного труда.

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берётся в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, в котором он выжимает прибавочный труд принуждением, оказываемым на рабочую силу, то есть на наёмного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость заключает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю неразделённую прибавочную стоимость. Здесь, напротив, капитал как источник дохода ставится в отношение только к той части, которая достаётся капиталисту. А это не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та её часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая связь отпадает ещё более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Наконец формула: «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковое симметрическое несовпадение своих частей. В действительности, раз наёмный труд представляется не как общественно определённая форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наёмным трудом (так представляет себе дело тот, кто опутан капиталистическими производственными отношениями), то и определённые, специфические общественные формы, которые принимают вещественные условия труда — произведённые средства производства и земля — по отношению к наёмному труду (как и, наоборот, со своей стороны они предполагают наёмный труд), — прямо совпадают с вещественным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще имеют в действительном процессе труда, независимо от каждой его конкретной, исторически определённой общественной формы и даже независимо от любой общественной формы. Отчуждённая от труда, ставшая самостоятельной по отношению к нему и тем самым превращённой формой условий труда, в которой таким образом

произведённые средства производства превращаются в капитал, а земля — в монополизированную землю, земельную собственность, эта принадлежащая определённому историческому периоду форма совпадает поэтому с бытием и функцией произведённых средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе, от природы; капитал оказывается просто «экономическим наименованием» этих средств производства; и земля оказывается сама по себе, от природы, землёй, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как при капитале и капиталисте, — который в действительности есть не что иное, как **персонифицированный капитал**, — продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям, так и в лице земельного собственника персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и как самостоятельная сила требует своей доли в произведённом с её помощью продукте; так что не земля получает принадлежащую ей часть продукта для восстановления и повышения её производительности, а вместо неё земельный собственник получает долю этого продукта её для расточения и мотовства. Ясно, что капитал предполагает труд как наёмный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наёмного труда, так что совпадение труда вообще с наёмным трудом кажется само собой разумеющимся, то капитал и монополизированная земля должны также представляться естественной формой условий труда по отношению к труду вообще. Капитал представляется теперь естественной формой средств труда, а потому чисто вещным свойством, возникающим из их функций в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведённое средство производства становятся тождественными выражениями. Точно так же тождественными выражениями становятся земля вообще и земля, монополизированная частной собственностью. Поэтому средства труда как таковые, средства труда, которые являются капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая — источником ренты.

В формуле: «капитал — прибыль» или, ещё лучше, «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его

источниками, оказывается завершённой мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определённостью: получился заколдованный, извращённый и на голову поставленный мир, в котором «господин Капитал» и «госпожа Земля» как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш. Великая заслуга классической политической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и окостенение различных общественных элементов богатства по отношению друг к другу, эту персонификацию вещей и овеществление производственных отношений, эту религию повседневной жизни, — тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются воедино в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, свела в непосредственном процессе производства стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду. Однако даже лучшие из её представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём недостаток «триединой» формулы?
Что такое капитал?
Что такое труд?
Что такое стоимость?
Почему земля не может создавать прибавочной стоимости?
В чём цивилизаторская сторона капитала?
Что такое свобода?
Что такое капиталист?

Глава 49.
К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

сумма средней прибыли и ренты, валовая выручка, чистая выручка, валовой доход, чистый доход, национальный доход, не вся стоимость товаров возникает из дохода, на что распадается прибавочная стоимость, товарная стоимость, догма Смита

В исследовании, которое нам теперь предстоит, можно отвлечься от различия между ценой производства и стоимостью, так как различие это вообще отпадает, если, как в данном случае, рассматривать стоимость совокупного годового продукта труда, то есть продукта совокупного общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента есть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. **Средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости**.

> *Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения.*

Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, в течение которой он выполняет количество труда, необходимое для воспроизводства стоимости его собственных жизненных средств: оплаченная часть всего его труда, то есть та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Остальная часть рабочего дня, всё избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости его заработной платы, есть прибавочный труд, неоплаченный труд, выраженный в прибавочной стоимости всей его товарной продукции (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными

наименованиями — на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Часть совокупной стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в течение года, выражается в годовой сумме стоимости трёх доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведённому избытку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, которая равна стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного капитала.

Весь вновь присоединённый труд представлен во вновь созданной в течение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Стало быть, с одной стороны, не остаётся избыточного общественного труда для возмещения потреблённого постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью в натуральной форме и по стоимости, частью только по стоимости (поскольку речь идёт просто об износе основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная годичным трудом и распадающаяся на заработную плату, прибыль и ренту, и в этих формах подлежащая расходованию, кажется недостаточной для того, чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Стоимость годового товарного продукта, совершенно так же как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала и стоимость каждого отдельного товара, распадается на две составные части: на **A** — часть, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и на **B**, часть, которая в форме дохода выступает как заработная плата, прибыль и рента. Последняя составная часть стоимости, **B**, постольку представляет противоположность первой, **A**, поскольку **A**, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно притекает обратно в форме капитала, а именно постоянного капитала. Однако и **B**, в свою очередь, в себе самой содержит противоположность. Прибыль и рента имеют то общее с заработной

платой, что все три являются формами дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, то есть неоплаченный труд, а в заработной плате — оплаченный труд.

Валовая выручка, или валовой продукт, есть весь воспроизведённый продукт. Оставляя в стороне применённую, но непотреблённую часть основного капитала, стоимость валовой выручки, или валового продукта, равняется стоимости авансированного и потреблённого в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая распадается на прибыль и ренту. Или, если рассматривать продукт не отдельного капитала, а совокупного общественного капитала, валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта, которая остаётся за вычетом части стоимости и измеряемой ею части всего произведённого продукта, возмещающей вложенный на производство и потреблённый в нём постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена превратиться снова в доход рабочего) + прибыль + рента. **Чистый же доход** есть прибавочная стоимость, следовательно — прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с земельным собственником прибавочную стоимость и измеряемый ею прибавочный продукт.

Мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая, — хотя некоторая доля её и притекает обратно как переменный капитал, стало быть, притекает обратно тоже в форме капитала, — тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости совокупного годового

общественного продукта. Различие между продуктом отдельного капиталиста и общественным продуктом заключается лишь в следующем: с точки зрения отдельного капиталиста чистый доход отличается от валового дохода, ибо последний заключает в себе заработную плату, первый же исключает её. Если же рассматривать доход всего общества, то **национальный доход** состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть из валового дохода. Впрочем, и это является лишь абстракцией, так как всё общество, при капиталистическом производстве, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту.

> ***Абсурдная догма**, проходящая через всю политическую экономию со **времён Адама Смита**, будто вся стоимость товаров в конечном счёте распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту — неверна (что уже было показано в книге II, отдел III).*

Затруднения, которые приводят к догме Адама Смита, в кратких чертах таковы:

1. Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждого единичного товара заключает в себе часть стоимости = постоянному капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращённому в заработную плату для рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее делящуюся на прибыль и ренту). Каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты, следовательно, трёх источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие всё потребление получателей этих доходов, товары, которые, кроме этих трёх составных частей стоимости, содержат в себе ещё одну составную часть стоимости, а именно постоянный капитал?

2. Непонимание того, как и почему труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

3. Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к отдельному капиталу, а по отношению к совокупному капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, то есть вся стоимость, созданная всем вновь присоединённым в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и ещё в то же время сводиться к стоимости, ограниченной доходами; каким образом, далее, потреблённый при производстве постоянный капитал может быть вещественно и по стоимости возмещён новым, несмотря на то, что вся сумма вновь присоединённого труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и исчерпывающе представлена в сумме стоимости обеих. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его различных составных частей со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4. Но сюда присоединяется дальнейшее затруднение, которое ещё усиливается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных по отношению друг к другу доходов. Затруднение это заключается в том, что устойчивые определения дохода и капитала взаимно обмениваются и меняются местами, так что, с точки зрения отдельного капиталиста, кажутся лишь относительными определениями, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства.

5. Помимо той путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает и другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные особые формы дохода, самостоятельные одна по отношению к другой и относящиеся к различным элементам производства вследствие превращения её в прибыль и ренту. Забывают, что стоимости товаров являются основой и что распадение этой товарной стоимости на особенные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение

в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определённым категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и в законе определения стоимости. Так же мало изменяется закон стоимости вследствие того обстоятельства, что выравнивание прибыли, то есть распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте) ставятся земельной собственностью на пути к этому выравниванию, обусловливают отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на величину присоединения прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров, как источника этих различных составных частей цены.

Если обратиться к начальному периоду истории человеческого общества, то мы увидим, что здесь нет ещё произведённых средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться в натуре из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но здесь природа непосредственно даёт жизненные средства и поначалу нет нужды их производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь небольшие потребности, время не на то, чтобы использовать ещё не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого сто́ит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и так далее. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, у дикаря совершенно соответствует обратному превращению прибавочного труда в новый капитал. В процессе накопления постоянно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство, что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, то есть из прибавочного труда, ведёт к **ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает**

из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при более тщательном анализе показывает, что добавочный труд, — который всегда выступает в форме дохода, — служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а, поскольку он не потребляется как доход, для создания нового дополнительного капитала.

Всё затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединённый труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, выступает как прибыль, понимаемая здесь как форма прибавочной стоимости вообще, то есть как стоимость, которая ничего не стоила капиталисту и которая поэтому, конечно, не должна возмещать ему ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому такая стоимость существует в форме незанятого, добавочного богатства, короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал, и как доход. Она частично уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом, ясно, что ежегодно присоединяемый труд создаёт как капитал, так и доход; что и обнаруживается в процессе накопления. Но часть рабочей силы, затраченная на производство нового капитала (следовательно, по аналогии, та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать продукты питания, а на то, чтобы изготовлять орудие, посредством которого он присваивает продукты питания), становится невидимой потому, что весь продукт прибавочного труда выступает прежде всего в форме прибыли, — определение, которое в действительности не имеет ничего общего с самим этим прибавочным продуктом, а касается только частного отношения капиталиста к инкассированной им прибавочной стоимости. В действительности **прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал**, то есть на предметы потребления и добавочные средства производства. Но прежний, оставшийся от прошлого года, постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, уничтожена, стало быть, поскольку прежний капитал не должен быть воспроизведён, — а такие нарушения процесса воспроизводства подпадают под страхование),

рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединённого труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединённого труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потреблённого постоянного капитала, хотя этот вновь присоединённый труд распадается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда не есть продукт этого вновь присоединённого труда, а уже существовавший и потреблённый постоянный капитал; что поэтому та часть продукта, в которой представлена эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает в натуре средства производства этого постоянного капитала; 2) что часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединённый труд, не потребляется в натуре как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где он приобретает такую натуральную форму, в которой может быть потреблён как доход, но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединённого труда.

Пока воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потреблённый элемент постоянного капитала должен возмещаться в натуре посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же дееспособности. Если производительная сила труда остаётся прежней, то это натуральное возмещение будет в то же время и возмещением той стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта может вполне возместить в натуре постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет большей части продукта придать форму предметов потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуется более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает, — если мы отвлечёмся от исторически определённой

экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что всё ещё сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал означает не что иное, как применение части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. Что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, например, у дикаря он выступает как избыточный труд, непосредственно направленный на производство средств производства), означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается тем, кто не работает. Но что в действительности превращается в капитал, — это не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Что действительно превращается таким образом — это стоимость, овеществлённый труд, или продукт, в котором непосредственно представлена эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги.

И тогда, когда прибыль превращается в капитал, не эта определённая форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала. Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает её капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — совершенно безразлично для овеществления труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или: то, что представляет для одного доход, для другого представляет капитал, и потому это — просто субъективные отношения.

Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа — лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было сказано об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что, рассматриваемое как стоимость, входит с пряжей как составная часть в капитал ткача — это стоимость пряжи. Каким образом части этой стоимости распределяются для самого прядильщика на капитал и доход, иными словами, на оплаченный и неоплаченный труд, — это совершенно безразлично для определения стоимости самого товара (если отвлечься от изменений, обусловливаемых средней прибылью). Однако здесь таится ещё представление, будто прибыль, вообще прибавочная стоимость, есть избыток над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, прибыли от отчуждения. Если оплачивается цена производства или даже стоимость товара, то оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Далее, совершенно верно, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, могут быть сведены, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства распадаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма выражения того факта, что **всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда**. Но уже в книге I было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая — переменную часть капитала и третья — только прибавочную стоимость.

Буржуазный политэконом Шторх, выражая и мнение многих других, говорит: «Продаваемые продукты, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии с двух различных точек зрения: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что

доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («Considerations sur la nature du revenu national». Paris, 1824).

Во-первых, это ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм, работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по **уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остаётся господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая всё это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Чему равна сумма средней прибыли и ренты?
Что такое валовая выручка?
Что такое чистая выручка?
Что такое валовой доход?
Что такое чистый доход?
Что такое национальный доход?
Почему не вся стоимость товаров возникает из дохода?
На что распадается прибавочная стоимость?
Что такое товарная стоимость?
Что такое догма Смита?

Глава 50.
ВИДИМОСТЬ, СОЗДАВАЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЕЙ

на что распадается цена производства, как эта ситуация видится капиталистам, когда капиталиста интересует стоимость

Стоимость товаров, или регулируемая всей их стоимостью **цена производства**, распадается на:

1. Ту часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или представляет прошлый труд, потреблённый в форме средств производства при изготовлении товара; иными словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельный товар, а товарный капитал, то есть ту форму, в которой представлен продукт капитала за определённый отрезок времени, например за год; отдельный товар образует лишь элемент товарного капитала, и стоимость его распадается на те же самые составные части, что и стоимость товарного капитала.

2. Ту часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собой доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату, которую рабочий, следовательно, воспроизвёл в этой переменной части стоимости капитала; короче, часть стоимости, в которой представлена оплаченная часть труда, вновь присоединённого в производстве товара к первой, постоянной части стоимости.

3. Прибавочную стоимость, то есть ту часть стоимости товарного продукта, в которой представлен неоплаченный, или прибавочный, труд. Эта последняя часть стоимости принимает, в свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как функционирующего капитала) и форму земельной ренты, которая достаётся собственнику земли, участвующей в процессе производства.

Составные части 2) и 3), то есть та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода — в виде заработной платы (конечно, лишь после того, как последняя предварительно прошла через форму переменного капитала), прибыли и ренты — отличается от постоянной составной части 1) тем,

что к ней сводится вся та стоимость, в которой овеществляется труд, вновь присоединённый к этой постоянной части, к средствам производства товара.

Если же оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, следовательно, представляет вновь присоединённый труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода — на заработную плату, прибыль и ренту, соответствующие величины стоимости которых, то есть те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, выведенными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, прибыль и рента образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путём соединения которых получается, — если оставить в стороне постоянную составную часть, — стоимость товара; иными словами, неверно было бы утверждение, что они образуют слагаемые составные части товарной стоимости или цены производства.

Подобно тому, как распределение стоимости товаров, вновь присоединённой и вообще разлагающейся на доходы, находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и деление самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту находит свои границы в законах, регулирующих выравнивание норм прибыли. Что касается деления прибыли на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она даёт ту определённую величину стоимости, в границах которой это деление должно произойти и только может произойти. Определённая пропорция, в которой происходит деление, здесь носит случайный характер, то есть определяется исключительно отношениями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, то есть уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим. Но почему? Потому что один и тот же фактор производства, капитал, должен распределить достающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора

производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определённой закономерной границы для деления средней прибыли, не снимает границ последней, как части товарной стоимости, — так же, как граница прибыли предприятия не затрагивается тем фактом, что два его компаньона в силу каких-либо внешних обстоятельств делят между собой эту прибыль не поровну.

Как же определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, вокруг которой колеблются её рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идёт здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносилен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать прежде всего, что такое капитал. Из чего состоит капитал? Возьмём самое простое его проявление: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит, из товаров. Но стоимость товаров, по предположению, определяется, в первую очередь, ценой производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, а эта цена, в первую очередь, регулируется ценой труда, и цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, выплачиваемый рабочему в обмен на его труд; а цена товаров, из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь, определяется опять-таки ценой труда; ибо цена товаров определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции нисколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем тогда будет определяться заработная плата? Конкуренцией. Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала действовать, что благодаря равно-

весию её обеих противоположно направленных сил она перестаёт оказывать влияние. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, то есть не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует её.

Не остаётся ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего. Но эти жизненные средства представляют собой товары, имеющие цену. Следовательно, цена труда определяется ценой необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценой труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценой жизненных средств, определяется ценой труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путём как раз и не узнаем.

Но допустим, что столь утешительным способом мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, что производители в пределах одной и той же сферы производства будут продавать свои товары по одинаковым ценам, а в пределах различных отраслей производства — по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определённой частично заработной платой. Конкуренция может поэтому лишь выравнивать различия в норме прибыли. Для того чтобы возможно было выровнять неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже быть налицо. Конкуренция её не создаёт. Она повышает или понижает её, но не создаёт того

уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, со своей стороны, регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли появляется при равновесии сил конкурирующих между собой капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая выступает при этом равновесии. Почему, когда такое равновесие достигнуто, общая норма прибыли = 10% или 20% или 100%? Вследствие конкуренции? Но, как раз наоборот, конкуренция устранила причины, вызывавшие отклонения от 10% или 20% или 100%. Она привела к товарной цене, при которой каждый капитал даёт одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь всё снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена составляет 10 или 20 или 100 единиц?

Следовательно, не остаётся ничего иного, как объяснять норму прибыли, а потому и прибыль, как непостижимым образом определяемую надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной величиной — вот единственное, что говорит нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, когда мы говорили об общей норме прибыли, о «необходимой цене» прибыли.

Совершенно нет нужды опять прослеживать этот **бесплодный ход рассуждений** в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведённый сколько-нибудь последовательно, он обусловливает лишь то, что прибыль и рента кажутся просто надбавкой к цене товаров, определяемой совершенно непостижимыми законами, определяемой, в первую очередь, заработной платой. Короче, конкуренция должна объяснить все бессмыслицы экономистов, между тем как экономисты, наоборот, должны были бы объяснить конкуренцию.

В действительности же дело сводится — окольным иррациональным путём — к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нём труда,

стоимость же заработной платы — ценой необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потреблённых при их производстве средств производства; распадение этой данной суммы стоимости, определённой количеством труда, овеществлённого в товарном продукте, на три составные части, которые **принимают затем** в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты **вид самостоятельных независимых** друг от друга форм дохода, — это распадение представляется на **поверхности** капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов последнего, в совершенно извращённом виде.

Если заработная плата = **x**, прибыль = **y**, земельная рента = **z**, то в рассматриваемом случае сумма **x + y + z** всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это происходит совсем не так. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потреблённых на его изготовление средств производства дана равной 100, которые распадаются затем на **x**, **y** и **z**. Напротив, для них цена товара слагается просто из величин стоимости заработной платы, прибыли и ренты, которые определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что **x**, **y** и **z** даны и определены **каждый самостоятельно** и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара как результат сложения этих составных частей, образующих его стоимость.

Такое смешение понятий (принятие одного за другое) неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы, которые относятся как таковые к трём совершенно отличным друг от друга факторам производства: труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возникают из этих последних.

Во-вторых, общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает одни из них

и понижает другие в зависимости от среднего строения капитала в соответственных сферах производства. Таким образом, здесь, по крайней мере в некоторых отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие её понижения. **Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения**.

В-третьих, допустим, что распределение произведённой обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции. При этом предположении, когда стоимость товаров была бы и проявлялась бы как величина постоянная; когда часть стоимости товарного продукта, распадающаяся на доходы, оставалась бы постоянной величиной и именно таковой и представлялась бы; когда, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распадалась бы на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции, — даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы представляться в извращённом виде: не как распадение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе, составляющих её элементов заработной платы, прибыли и земельной ренты. Такая видимость возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данная при распадении её на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, функционируют как предпосылка стоимости товаров.

Если бы капиталист находил какой-либо интерес в том, чтобы поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и своекорыстными мотивами, — то опыт тотчас покажет ему, что продукт, производимый им самим, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят как постоянная часть капитала в его продукт. Так как для него, поскольку речь идёт о его новой

продукции, вновь образованная стоимость складывается, по видимости, из величин заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продукции других капиталистов; таким образом, цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров, сводится, правда, способом, в котором нельзя разобраться до конца, в конечном счёте к сумме стоимости, получающейся от сложения самостоятельных, регулируемых различными законами, проистекающих из различных источников факторов стоимости: заработной платы, прибыли и ренты.

В-четвёртых. Продаются ли товары по их стоимости или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично, следовательно, **для него совершенно безразлично само определение стоимости**. Определение стоимости уже с самого начала есть нечто, совершающееся за его спиной в силу независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены производства образуют регулирующие средние цены в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое интересует отдельного капиталиста и служит для него и для капитала в каждой сфере производства определяющим моментом лишь постольку, поскольку уменьшение или увеличение количества труда, которое требуется для производства товаров при росте или падении производительной силы труда, в первом случае даёт ему возможность получить при существующих рыночных ценах сверхприбыль, а в другом — принуждает его повышать цены товаров, так как теперь на каждую единицу продукта, или на каждый отдельный товар, падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, большая сумма процента. **Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку оно повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку оно, следовательно, ставит его в исключительное положение**.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулирующими не только ту цену, по которой он может реализовать часть прибыли, — предпринимательский доход, — причитающуюся на долю его, как функционирующего капиталиста, но по которой он вообще должен продавать товары, чтобы возможно было продолжение процесса воспроизводства.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства распадение стоимости, в которой представлен вновь присоединённый труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты становится настолько само собой разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют сами условия существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прошлых исторических периодах, откуда мы приводили примеры при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится всё путём аналогии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

На что распадается цена производства?
Как ситуация видится (и почему) капиталистам?
Когда капиталиста интересует стоимость?

Глава 51.
ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

отношения распределения, производственные отношения, две характерные особенности капитализма, момент наступления кризиса, содержание кризиса

Стоимость, вновь присоединяемая ежегодно при помощи вновь присоединяемого труда, — а следовательно, и часть годового продукта, в которой представлена эта стоимость и которая может быть выделена из валовой стоимости продукта, — распадается на три части, принимающие формы трёх различных доходов, формы, выражающие одну часть этой стоимости, как принадлежащую или достающуюся владельцу рабочей силы, другую — владельцу капитала, а третью — владельцу земельной собственности. Следовательно, это — отношения или **формы** распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведённая стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

> ***Отношения распределения** выражают те отношения, в которых вся вновь произведённая стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.*

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства вообще. Конечно, нельзя отрицать, что докапиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, но эти последние истолковываются как неразвитые, несовершенные и замаскированные, не достигшие своего наиболее чистого выражения и высшей формы, как иначе окрашенные разновидности этих естественных отношений распределения.

В таком представлении правильно лишь одно: в любом общественном производстве (например, в естественно сложившихся

индийских общинах или в более искусственно развившемся коммунизме перуанцев) всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и членов их семьи и, — оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление, — другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, **тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям**.

Ум, более развитой, более критический, признаёт, правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем большим упорством **держится за неизменный**, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определённостью, что он, как и всякий другой определённый способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как своё историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определённому способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своём общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, **условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних**, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

> ***Производственные отношения**, — отношения, в которые вступают люди в своём общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер.*

При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт неверен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, собственно заработная плата, постоянно принимает только форму дохода, дохода рабочего, после того как он до этого противостоял тому же самому рабочему в форме капитала. Тот факт, что произведённые условия труда и продукты труда противопоставляются, вообще, как капитал непосредственным производителям, уже заранее предполагает определённый общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим и тем самым определённое отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает, в свою очередь, экспроприацию земли у непосредственных производителей и тем самым определённую форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли и ренты. С другой стороны, **если капиталистический способ производства предполагает эту определённую общественную форму условий производства, то он непрерывно воспроизводит её**. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, при которых эти продукты производятся, воспроизводит тем самым и соответствующие отношения распределения.

Можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение: экспроприацию у работника условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства индивидуумов, исключительную собственность на землю для других индивидуумов, — одним словом, все те отношения,

которые были исследованы в главе о первоначальном накоплении (книга I, глава XXIV). Но это распределение совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения, когда этим последним, в противоположность производственным отношениям, приписывают исторический характер. При этом имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определённых его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и всё движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых, он **производит свои продукты как товары**. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой. Это означает прежде всего то, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, а потому в качестве свободного наёмного рабочего, а следовательно, труд вообще выступает в качестве наёмного труда. После всего того, что было выяснено нами до сих пор, излишне снова показывать, как отношение капитала к наёмному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наёмный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наёмного труда; это — определённые общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства; продукт этих определённых общественных производственных отношений.

Характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения, то есть определённый общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определённые общественные черты, в то же время он включает столь же определённые отношения агентов производства, которыми определяется

использование их продукта с целью увеличения стоимости и его обратное превращение в жизненные средства или в средства производства. Но даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведённого товара вытекает всё определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и взаимное дополнение его продуктов труда, обмен веществ между продуктами этого труда, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — всё это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся стремлениям отдельных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, причём каждый старается продать свой товар возможно дороже (и в регулировании самого производства действуют, как кажется, исключительно по своему произволу), то **внутренний закон пробивает себе дорогу лишь через посредство их конкуренции**, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь **закон стоимости** и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний. Далее, уже в **товаре и в ещё большей степени в товаре как продукте капитала, заключены овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства**.

Во-вторых, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, — это **производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства**. Капитал производит главным образом капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая

форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему, характер самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Та власть, которую приобретает капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которую он выполняет как руководитель и властелин производства, существенно отличны от власти на базисе производства при помощи рабов, крепостных и так далее.

В то время как на базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства в форме строго регулирующей власти и построенного как законченная иерархия общественного механизма процесса труда, — причём, однако, этой властью носители её пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства, — среди самих носителей этой власти, **среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства властно даёт о себе знать индивидуальному произволу только как всесильный закон природы**.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наёмного труда и средства производства в форме капитала, — следовательно только вследствие такого специфически общественного характера этих двух основных факторов производства, — часть стоимости (продукта) выступает как прибавочная стоимость, а эта прибавочная стоимость — как прибыль (рента),

доход капиталиста, добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что часть стоимости выступает таким образом, как его прибыль, добавочные средства производства, предназначенные для расширенного воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, выступают как новый добавочный капитал, и процесс расширенного воспроизводства вообще — как процесс капиталистического накопления.

Хотя форма труда как наёмного труда имеет решающее значение для характера всего процесса и для специфического способа самого производства, тем не менее **определение стоимости вытекает не из наёмного труда**. При **определении стоимости речь идёт об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и долей поглощения которого различными продуктами соответственно определяется их общественный удельный вес**. Та определённая форма, в которой общественное рабочее время проявляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формой труда как наёмного труда и соответствующей формой средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим, однако, сами так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наёмный труд, прибыль — капитал. Эти определённые формы распределения предполагают, следовательно, определённые общественные черты условий производства и определённые общественные отношения агентов производства. Определённое отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определённого отношения производства.

А теперь возьмём прибыль. Эта определённая форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых средств производства совершается в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он, собственно, мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, при этом на границы, которые встают перед ним в форме страхового и резервного

фонда, закона конкуренции и так далее и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются выравниванием норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, **прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства**, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается прежде всего развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость, — развитием этой определённой общественной формы господствующего процесса производства. Оно развивает из себя кредит и кредитные учреждения, и тем самым соответствующую форму производства. Процент и подобные проценту мнимые формы распределения входят в цену как определяющие производственные моменты.

> ***Капитал** есть самовозрастающая стоимость, **создающая** прибавочную стоимость.*

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой — по крайней мере никакой нормальной — функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, 2) что земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного жизненного процесса, низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты, — обстоятельство это есть специфически исторический результат капиталистического способа производства. То, что земля приобрела форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа

производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера этого способа производства. **Доход земельного собственника и при других формах общества можно назвать рентой, но он существенно отличен от ренты, какой она является при этом способе производства**.

Следовательно, так называемые отношения распределения соответствуют исторически определённым, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определённой формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает.

> ***Отношения распределения соответствуют исторически определённым, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. И каждая форма распределения исчезает вместе с определённой формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает.***

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, ещё робкой критики буржуазной политической экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы

остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определённая историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы. Наступление такого кризиса проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения, — а следовательно, и определённой исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием её факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой.

> ***Наступление кризиса** проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения, — а следовательно, и определённой исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием её факторов — с другой стороны. Тогда **разражается конфликт** между материальным развитием производства и его общественной формой.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое отношения распределения?
Что такое производственные отношения?
Каковы две характерные особенности капитализма?
Когда наступает кризис?
Что происходит в кризис?

Глава 52.
КЛАССЫ

Эта глава, помимо 52 главы Капитала, включает в себя основные мысли работ В. И. Ленина «Великий почин» (1919 г.), «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920 г.) и книги М. В. Попова «Классовая борьба» (2018 г).

три класса капиталистического общества по Марксу, определение классов, основная заслуга Маркса, классовая борьба и её виды, диктатура пролетариата, главное условие успеха в политической борьбе, полное уничтожение классов

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наёмные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют **три больших класса современного общества**, покоящегося на капиталистическом способе производства.

Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства всё больше и больше отделяются от труда, что распылённые средства производства всё больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наёмный труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда, то есть превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

Ближайший вопрос, на который мы должны теперь ответить, таков: **что образует класс**? — причём ответ этот получится сам собой, если мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наёмные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это — тождество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, компоненты которых — образующие их индивидуумы — живут

соответственно на заработную плату, прибыль и земельную ренту, живут использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения, врачи и чиновники, например, образовали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причём члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние делятся, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных угодий. {**здесь рукопись Маркса обрывается**} Так что же такое «классы»?

> ***Классы** — это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают».*
>
> *В. И. Ленин, «Великий почин», 1919 г.*

С другой стороны, по мере развития капитализма, как это было показано ранее (книга III глава 15), **обостряется основное противоречие капитализма**, а именно противоречие между всеобщей силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства, и это противоречие становится всё более и более вопиющим. А это предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. А это означает обострение борьбы основных классов, то есть обострение классовых противоречий и, соответственно, обострение классовой борьбы.

К. Маркс в своём письме к И. Вейдемейру в 1852 году писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что

я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего:

1. Что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства,

2. Что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата,

3. Что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов.

Невежественные олухи, вроде Гейнцена, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают этим только то, что они, несмотря на весь свой кровожадный, мнимочеловеколюбивый вой, считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, non plus ultra (непревзойдённое, крайний предел) истории, доказывают только то, что они — лишь слуги буржуазии. И это прислужничество тем отвратительнее, чем меньше понимают эти болваны также и величие, и преходящую необходимость самого буржуазного строя...»

> ***Классовая борьба** — борьба между классами. По Марксу, — это, в конечном счёте, выражение борьбы между развивающимися производительными силами и отстающими от них производственными отношениями. В определённый исторический период один класс («реакционный») воплощает отжившие производственные отношения, другой («прогрессивный») — нарождающиеся производственные отношения, соответствующие развивающимся производительным силам.*

Классовая борьба имеет несколько составляющих, прежде всего это борьба **теоретическая**, когда научные представители прогрессивного класса создают научные произведения, в которых они **выражают в научном плане интересы передового класса**. В этом смысле они находятся на острие классовой

борьбы, потому что всякая пропаганда идёт уже с учётом тех разработок, которые делаются в теоретических произведениях авторов, представляющих интересы передового, сегодня это — рабочего, класса.

Далее — это **идеологическая** борьба, в которую входит борьба теоретическая. Идеологическая борьба охватывает не только разработку теоретических проблем силами учёных, но и пропаганду теоретически разработанных позиций и положений.

> ***Идеология** — это система идей, которые выражают **интересы** того или иного класса.*
>
> ***Идеология** — это живая система идей, которые присутствуют в общественном сознании. Эти идеи передаются людьми от одного к другому, эти идеи люди сами сообщают друг другу и распространяют, эти идеи влияют на действия людей.*
>
> *«**Идея**» — это не просто мысль, а это **мысль, которая отвечает на вопрос «что делать?»**.*

Что такое **пропаганда**? Пропаганда по понятию представляет собой **привнесение глубоких знаний всё более широкому кругу граждан, трудящихся**. Пропаганда есть широкое распространение знаний. Распространение знаний должно быть непременным атрибутом деятельности партии рабочего класса, поскольку если она не распространяет знания, то эти знания остаются чисто книжными: в науке они как бы есть, они открыты, но до людей они не донесены, а раз они до людей не донесены, то они не являются материальной силой. И наоборот, как писал Маркс, когда идея овладевает массами, она становится материальной силой.

Кроме пропаганды, имеется и такая важная часть классовой борьбы, как агитация. А что такое агитация? Агитация — в отличие от пропаганды, — это призыв к немедленному действию. А именно, — если вы разобрались, если вы поняли свои **интересы**, — мы призываем вас бороться за них и даём конкретный лозунг борьбы.

Далее, — с агитацией уже непосредственно связана борьба **политическая**. Политическая борьба — это **борьба за завоевание, удержание и осуществление государственной власти в интересах своего класса**. Для правящего класса буржуазии политическая борьба — это двойная задача: удержание своего господствующего положения и продолжение угнетения трудящихся, — эксплуатация. А для рабочего класса не двойная, а тройная задача: чтобы удерживать и осуществлять государственную власть, сперва надо эту власть завоевать.

Как завоевать власть? Многие думают, что, если они будут проводить митинги и манифестации, они тем самым получат власть. Другие думают, что они смогут получить власть на буржуазных выборах. Кто-то возлагает надежды на терроризм. Однако теоретический вывод в этом вопросе сделан марксизмом давно, — через выборы, манифестации, митинги, реформы, террор и тому подобное диктатура рабочего класса установлена быть не может никогда. Как писал Энгельс, выборы, — это «показатель зрелости рабочего класса». Они показывают, больше или меньше людей стало выступать за партию рабочего класса, насколько партия рабочего класса активна, больше или меньше людей проникнуто пролетарской идеологией. Но не более того! И большего в буржуазном обществе никакие выборы дать не могут. Следовательно, вопрос о политической борьбе рабочего класса — это в конечном итоге вопрос о революции и о том, как установить Советскую власть.

А что такое Советы (Советская власть)? Советы родились в Иваново-Вознесенске в 1905 году. И родились они благодаря творчеству самих рабочих, которые поняли, что надо создавать свои органы для выражения своих интересов, а не думать, что их выразят буржуазия или люди, далёкие от рабочего класса. Поэтому стачечные комитеты, действовавшие во время забастовок в Иваново-Вознесенске, решили объединиться в единое целое, то есть направить своих представителей от каждого стачечного комитета в единый городской Совет. Этот городской Совет, по существу, и стал органом власти, поскольку он мог блокировать любую деятельность, которая была направлена против рабочих и против населения Иваново-Вознесенска. В то же время, если кто-то хотел что-то сделать во время забастовки, он должен

был обратиться в этот Совет. Сила Советов была в том, что они были, по существу, органами стачечной борьбы.

И вот здесь становится видна связь между экономической борьбой и борьбой политической — без экономической борьбы невозможно создать Советы, невозможно создать забастовочные комитеты, по представительству от которых создаются Советы, а, следовательно, без неё нельзя и успешно провести политическую борьбу — всё сведётся к пропагандистской деятельности. Получается, что без экономической борьбы не может быть развёрнута и настоящая политическая борьба, настоящее завоевание политической власти, и всё ограничится митингами, голосованиями и маханием флажками и знамёнами, не дойдя до того момента, чтобы власть перешла в руки передового класса. По этой причине экономической борьбе надо выделить одно из самых важных мест и уделять ей большое внимание; без экономической борьбы невозможно организовать настоящую политическую борьбу, это будет только показная, «картонная» политическая борьба.

В чём состоит **экономическая** борьба? Для этого надо понять, в чём состоят экономические интересы рабочего класса при капитализме. Рабочий класс — это класс, который живёт наёмным трудом. Он продаёт свою рабочую силу, как товар, капиталистам, собственникам средств производства. В чём заинтересован рабочий класс при капитализме?

1. В лучших условиях продажи своей рабочей силы.

2. В том, чтобы перестать продавать свою рабочую силу вообще, забрав средства производства, созданные самим же рабочим классом, себе. Превратить их в общественную собственность, ликвидировать систему найма — купли-продажи рабочей силы и создать социалистическое общество как низшую фазу коммунизма.

> ***Экономические интересы** — это такая характеристика положения людей (характеристика не сознания, а именно положения людей) в системе общественного производства, которая показывает, что им в силу этого положения объективно выгодно и в какой мере.*

Спрашивается, а какое место занимает экономическая борьба? Экономическая борьба начинается с борьбы за лучшие условия продажи рабочими своей рабочей силы, для чего рабочие объединяются в профессиональные союзы и начинают совместно отстаивать общие интересы. А уже борьба в профсоюзах учит рабочих совместной, коллективной борьбе за общее дело, что и позволяет называть профсоюзы школой коммунизма. Отсюда следует важность верного понимания того, как вести рабочему классу экономическую борьбу при капитализме.

Необходимо только помнить, что экономическая борьба пролетариата — это основание борьбы политической, то есть борьбы за завоевание, удержание и осуществление власти пролетариатом. А власть пролетариата — это диктатура пролетариата и форма организации этой власти — Советы.

> ***Диктатура пролетариата** есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества.*
>
> *Ленин В. И.,*
> *«Детская болезнь «левизны» в коммунизме», 1920 г.*
>
> ***Организационной формой диктатуры пролетариата являются Советы** — органы, выбираемые на производстве и от производства, где рабочие могут контролировать работу своих депутатов, вплоть до их отзыва и замены на других.*

Каково главное условие успеха в политической борьбе? Рабочие для успеха в политической борьбе должны организоваться и мобилизоваться. Лозунг сегодняшнего, капиталистического, дня — рабочие мобилизуйтесь для борьбы за свои интересы, мобилизуйтесь и организуйтесь в масштабах всей страны. Что для этого надо сделать? Для этого надо создавать свою партию — партию рабочего класса. А партия рабочего класса — это такой отряд людей, который не только что-то провозглашает или пишет, или разъясняет, а это передовой отряд класса, за которым класс идёт. **Партия рабочего класса** — это соединение научного

социализма с рабочим движением. Надо понять, что сила рабочего класса в его организованности, и рабочий класс должен приложить усилия для того, чтобы эту организованность проявить, и тогда речь будет идти не только о поражениях, печальных рассказах, что у нас это отняли, да то отобрали. Отбирают у тех, кто плохо борется. А надо вернуть тем, кто борется, славу наших отцов и дедов, надо не просто отмечать «Столетие революции», отмечать, «как здорово наши отцы и деды боролись», а надо показать, что наши люди, наши современники, тоже умеют бороться так, как в своё время боролись большевики.

Однако, **для полного уничтожения классов** надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить ещё и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда, и, наконец, социальное неравенство между мужчиной и женщиной.

«Под равенством социал-демократы в области политической разумеют равноправие, а в области экономической, как уже сказано, уничтожение классов. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют. Равноправие есть требование одинаковых политических прав для всех граждан государства, достигших известного возраста и не страдающих ни обыкновенным, ни либерально-профессорским слабоумием. Это требование выдвинуто впервые вовсе не социалистами, не пролетариатом, а буржуазией. Общеизвестный исторический опыт всех стран мира свидетельствует об этом…» (В. И. Ленин «Либеральный профессор о равенстве», 1914).

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Какие три класса капиталистического общества выделяет Маркс?
Что такое классы?
В чём основная заслуга Маркса?
Что такое классовая борьба?
Какой бывает классовая борьба?
Что такое диктатура пролетариата?
Какое главное условие успеха в политической борьбе?
Что необходимо для полного уничтожения классов?

Отдел 8.
ДОПОЛНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

По работе Ф. Энгельса
«Дополнения к третьему тому Капитала»

С тех пор как «Капитал» передан на суд общественного мнения, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить моё личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причём и в таких случаях не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Это порицалось; высказывалось мнение, что я должен был превратить имевшийся в моём распоряжении материал в систематически обработанную книгу. Но я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: такой человек, как Маркс, имеет полное право на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении. Далее, у меня не было ни малейшего желания обращаться по своему усмотрению с наследием столь выдающегося человека; я бы это считал нарушением доверия. И наконец, это было бы совершенно бесполезно. Вообще **бессмысленно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник**; для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария, и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первой же полемике, однако, пришлось бы привлечь подлинный текст, а при второй и третьей — издание его стало бы неизбежным.

Такого рода полемика вполне естественна в отношении труда, дающего так много нового, и притом лишь в форме бегло набросанной первой обработки, местами не лишённой пробелов. Именно здесь моё вмешательство может быть действительно

полезным для устранения трудностей в понимании, для того чтобы выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно сильно подчёркнуто, или сделать некоторые важные дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 году. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

Дополнительная глава 53.
ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ

общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия, рабочее время как универсальное мерило, труд создаёт стоимость во всём периоде товарного производства, товарное производство становится капиталистическим, возникновение прибыли и нормы прибыли, конкуренции как основа развития, подчинение промышленности капиталу и образование промышленного капитала, появление капиталистической прибавочной стоимости, захват внутреннего рынка промышленным капиталом, формирование цены производства, внешняя экономическая экспансия

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между обоими этими факторами так же и после опубликования Марксова текста приведёт к спорам, как они имели место и до его опубликования. Кое-кто ожидал настоящего чуда и считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого жонглёрства простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия. Конечно, более всех приятно разочарован уже известный нам знаменитый Лориа.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении г-на Лориа, что «стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже само понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и так далее».

Итак, отношение, в котором два товара обмениваются, — их стоимость — есть нечто совершенно случайное, приставшее к товарам извне и могущее иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, это ни в малейшей степени не зависит от условий, внутренне присущих этой пшенице или этому золоту, а зависит от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Ибо в ином случае эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом, и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что

можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два товара, это и есть их стоимость — вот и всё. Следовательно, стоимость идентична с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто ещё продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины — группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим, далее, что цена каждой группы = **1 000** млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Это даст в сумме по элементарному подсчёту цену или стоимость в **2 000** миллиардов. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г-н Лориа. Обе группы вместе могут представлять цену в **2 000** млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то **1 000 + 1 000 = 2 000**; но если мы говорим: стоимость, то **1 000 + 1 000 = 0**. Так обстоит дело, по крайней мере в данном случае, где речь идёт о совокупности всех товаров. Ибо здесь товар каждого из двух владельцев стоит **1 000** млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим все товары обоих в руках третьего лица, то у первого не будет никакой стоимости, у второго тоже, а у третьего и подавно: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так расправившегося с понятием стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной политической экономии.

Стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведённых товаров; она не живёт в сознании агентов капиталистического производства; стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; **понятие стоимости в её материальной определённости есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия**; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями

в конечном счёте и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счёте господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; по поводу такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно.

Но в то же время оно представляется мне взятым слишком обще, ему можно придать более определённую, более точную формулировку; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона. Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной политической экономии, — не обращают должного внимания на то, что здесь речь идёт не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в «Капитале», книга III, отдел I: «Вся трудность происходит от того, что товары обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости». И далее, «обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определённо высокая степень капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как предшествующее цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землёй, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением,

что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой-организации ремесла, пока средства производства, закреплённые в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины».

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытками этих продуктов, с которого начинается превращение продуктов в товары, возникает позднее, причём сначала он происходит лишь между отдельными разноплемёнными общинами и только потом возникает и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся между собой главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти всё необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но и перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже перемалывает ещё зерно на ручной мельнице, печёт хлеб, прядёт, красит, изготовляет льняные и шерстяные ткани, дубит кожи, строит и ремонтирует деревянные здания, изготовляет инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что такая семья или семейная группа в основном ведёт натуральное хозяйство.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, то есть из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых

он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны, или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые у нас на Рейне ещё в дни моей юности ходили из одного крестьянского дома в другой и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? **Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подводящим мерилом у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немыслимо**. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись всё больше и больше по количеству воплощённого в них труда. С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (заметим хорошенько — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, ещё отчётливее, но с другой — она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается прямо, без посредничества купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продаёт свои продукты и совершает покупки. И здесь

точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам ещё до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и так далее. Таким образом, **в средневековье люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства** в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как **же при этом обмене по количеству, затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределённым объёмом продукции, например для хлеба и скота, и при этом людьми, не умеющими считать? Очевидно, лишь путём длительного процесса приближения зигзагами, часто в потёмках, ощупью, причём, как и всегда, лишь горький опыт учил людей. Необходимость для каждого, в общем и целом, возместить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен наряду с неизменяющимся — нередко на протяжении многих столетий — характером их производства, облегчали эту задачу**. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как **скот**, для которого, ввиду продолжительности времени производства отдельной его головы, это определение кажется наиболее затруднительным, был **первым довольно общепризнанным денежным товаром**. А для этого необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племён. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе

к первоначальному периоду товарного производства находится тот или другой народ, — например русские и восточные народы, — тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путём долгого, упорного торга полностью оплатить рабочее время, употреблённое на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, всё товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома «Капитала»; стало быть, в частности, развиваются и условия, при которых **только труд и является созидателем стоимости**. Притом эти условия прокладывают себе путь, не будучи осознанными людьми, и лишь путём трудных теоретических исследований они могут быть абстрагированы из повседневной практики; стало быть, эти условия действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. **Важнейшим и решающим шагом вперёд был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена**. С точки зрения практики решающим мерилом стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдалённых стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краёв; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерила стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, **закон стоимости Маркса имеет силу повсюду**, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — **для всего периода простого товарного производства**,

следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определённым, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. **Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления**. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за две с половиной, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, **закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет**. И вот после этого полюбуйтесь глубокомыслием г-на Лориа, называющего стоимость, имевшую всеобщее и непосредственное значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

Пока мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до сих пор, когда **мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство**. Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде всё было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и своё положение свободного собственника, свободного или зависимого оброчника или крепостного, а городской ремесленник своё ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанное с юных лет мастерство в унаследованной профессии. И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота.

Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был в сущности общинником, как и всё его современники. В деревне господствовала выросшая на основе первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой величины, с одинаковыми участками земли каждого для данной местности качества, и пользовался соответствующими одинаковыми правами в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и было прекращено предоставление новых наделов, наступило дробление наделов благодаря наследованию и так далее и соответствующее дробление общинных прав, но единицей общинного землевладения по-прежнему оставался полный надел, так что были половины, четверти и восьмые доли надела с половинной, четвёртой или восьмой долей участия в правах общины-марки. По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные общины и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как применением устройства общины-марки, но уже к привилегированному ремеслу, а не к определённой территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого её члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 году. То же относится к горной промышленности, где каждый пай гарантировал также равное участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своём собственном гостином дворе, состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, — составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определённого качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось

платить туземцам за их товары, и так далее. Точно так же вели своё дело ганзейцы на «Немецком мосту» в норвежском Бергене, а также их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определёнными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основывало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов — Фуггер, Вельзер, Фёлин, Хёхштеттер и так далее.

Здесь мы впервые сталкиваемся с **прибылью** и **нормой прибыли**. А именно — стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. Каждый венецианец в странах Леванта, каждый ганзеец в северных странах платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. В крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собой разумеющимся, как и пользование правами в марке пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая. Таким образом, равная норма прибыли, которая в своём полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространённого морского разбоя, но и потому,

что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыта основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собой монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие ставки процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, то есть в данном случае — отдельных «**наций**». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта — имели особые нормы прибыли. **Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путём — при помощи конкуренции**. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала большую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли больше капиталов в Александрию, изъяв часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное выравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причём очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями: так, например, вся торговля с Востоком прекратилась вследствие монгольских и турецких нашествий, а великие географическо-торговые открытия с 1492 года лишь ускорили и затем довершили её закат.

Последовавшее затем внезапное расширение рынков сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не вызвали

на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли более или менее **крупные нации**. Место торговавших со странами Леванта каталонцев заняла в американской торговле вся объединённая Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже такие маленькие страны, как Голландия и Португалия, были всё же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало странствующему купцу, купцу-авантюристу, XVI и XVII столетий опору, которая всё более и более делала товарищество, защищающее своих членов также и при помощи оружия, и связанные с его существованием расходы излишним бременем. Далее, **теперь богатства накоплялись в руках отдельных лиц значительно быстрее**, так что вскоре отдельные купцы могли тратить на торговые операции столько же средств, сколько раньше расходовало целое общество. **Торговые общества, там, где они ещё продолжали существовать, превращались по большей части в вооружённые корпорации**, которые под защитой и протекторатом своих государств завоёвывали и монопольно эксплуатировали целиком вновь открытые страны. **Но чем в большем числе основывались, преимущественно государством, колонии в новых районах, тем больше торговые товарищества уступали место торговой деятельности отдельного купца, и вместе с тем выравнивание норм прибыли всё больше и больше становилось исключительно делом конкуренции**.

До сих пор мы знакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор имелся только торговый и ростовщический капитал, поскольку промышленный капитал ещё не получил развития. Производство ещё было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому **торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль**

лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода — для Италии, следовательно, с упадком торговли с Левантом — иностранная конкуренция и затруднения со сбытом могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортёру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во **внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по их стоимостям, а во внешней торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям**. **Полная противоположность современному положению**, когда цены производства имеют силу во внешней и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно иными нормами прибыли, так что теперь, например, говядина претерпевает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и транспортные расходы.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало существованию промышленного капитала было положено уже в средние века, а именно в трёх областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности. **Судоходство в тех размерах, в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, то есть наёмных рабочих** (отношения найма последних могли маскироваться артельными формами с участием в прибылях), а галеры того времени немыслимы без гребцов — **наёмных рабочих или рабов**. Предприятия по добыванию руды, которые первоначально велись объединёнными в артели работниками, почти везде превращались в акционерные общества, которые вели производство силами наёмных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, обеспечивая их пряжей и заставляя их за его счёт перерабатывать её в ткань за определённую плату, — короче говоря, **превращаясь из простого купца в так называемого раздатчика**.

Здесь мы имеем перед собой **первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости**. Горные промыслы ввиду их замкнутого монопольно-корпоративного характера мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и так далее. Ну а как обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые вынесли на рынок товары, произведённые непосредственно за счёт капиталиста, создав этим конкуренцию товарам того же рода, произведённым за счёт ремесленника?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для данной местности, сведена к приблизительно средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив работать на себя мелких мастеров, он ломал традиционные границы производства, при которых производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. **Торговый капиталист** покупал рабочую силу работника, который покамест ещё владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьём. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярную работу, он мог вместе с тем настолько понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом раздатчик присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и так далее и оставлять её в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуду ткачу, которого, как правило, только долговое рабство заставляло подчиняться новым условиям производства. И, во-вторых, даже независимо от этого расчёт представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вёл своё экспортное дело с капиталом в **30 000** дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или

каких-нибудь других денежных единиц. Положим, что **10 000** из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как **20 000** тратятся на заморских рынках. Пусть капитал оборачивается **раз в два года**, тогда годовой оборот равен **15 000**. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счёт, сделаться раздатчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Пусть время производства штуки ткани, которой он торгует, равняется в среднем **двум месяцам** (хотя это, наверное, слишком продолжительный срок). Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для обеспечения ткачей пряжей на **два месяца**. Так как его годовой оборот — **15 000**, то в **два месяца** он закупает тканей на **2 500**. Пусть **2 000** из них представляют стоимость пряжи, а **500** — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в **2 000**. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он благодаря новому методу извлекает у ткача, составляет лишь **5% стоимости ткани**, что даёт безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в **25%** (**2000c + 500v + 125m; m' = $^{125}/_{500}$ =25%; p' = $^{125}/_{2500}$ = 5%**).

При таких условиях наш купец с годовым оборотом **15 000** получит **750** добавочной прибыли, а в **2,667 года** вернёт себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — следовательно, чтобы получить в течение того же времени большую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведётся для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причём она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова восстановлено, хотя быть может уже на другом уровне, ввиду того что часть произведённой внутри страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Дальнейшим шагом по пути подчинения промышленности капиталу было введение мануфактуры. Последняя также

давала возможность мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях в большинстве случаев был и купцом-экспортёром своих товаров, — в Германии так было до 1850 г. почти повсюду, а местами сохранилось и до сих пор, — производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: прибавочная стоимость, присваиваемая владельцем мануфактуры — капиталистом, позволяет ему или купцу-экспортёру, с которым он её делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новый метод производства не станет всеобщим и снова произойдёт выравнивание прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она выравнена в местном масштабе, остаётся прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается избыточная промышленная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в ещё гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путём непрерывного революционизирования производства всё более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. **Именно крупная промышленность таким путём окончательно завоёвывает капиталу внутренний рынок, кладёт конец мелкому производству и натуральному хозяйству крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу**. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перелива капитала из одной отрасли в другую. **Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства**. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, вне сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путём снова отнимает у первых присвоителей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собой

в теоретическом отношении никаких трудностей. Но зато на практике здесь больше трудностей, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, то есть с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и меньше всего подчиняются капиталистическому производству; это относится прежде всего к земледелию. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключённую в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, которые произведены докапиталистическими методами и которые, следовательно, стоят дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости всё же может получать обычную для его местности норму прибыли, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, то есть задолго до того, как стала возможна промышленная норма прибыли.

Дополнительная глава 54.
БИРЖА

возникновение биржи, возникновение акционерных обществ

1. Из третьего тома, пятого отдела, в особенности из главы 27 видно, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве вообще. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придаёт бирже значительно возросшую и всё растущую роль и которое в своём дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков всё производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и всё обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, **биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства**.

2. В 1865 г. биржа была ещё второстепенным элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей представляли государственные ценные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке занимали господствующее положение, в Англии же только собирались поглотить принадлежащие аристократам частные банки, в массе своей играли ещё сравнительно незначительную роль. Железнодорожные акции были также ещё относительно слабо распространены по сравнению с настоящим временем. Промышленных предприятий, так же как и банков, непосредственно в акционерной форме было ещё немного, большей частью они создавались в более бедных странах, как Германия, Австрия, Америка и так далее: — «глаз хозяина» был в то время ещё не изжитым суеверием.

Следовательно, биржа тогда была ещё местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно интересовало рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальвинистской догмы, что уже на этом свете божественное предопределение — иначе, случай — определяет благословение и проклятье, богатство, это значит роскошь и власть, и бедность, это значит лишения и рабство.

3. Теперь дело обстоит иначе. Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со всё возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности это наблюдалось уже в 1845 г., далее железнодорожные аферы. Вместе с этим накоплением возрастала и масса рантье, людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, чтобы облегчить приложение высвободившейся таким образом массы денежного капитала, ныне повсюду, где этого не было раньше, установлены новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и уменьшены обязательства акционеров, прежде нёсших неограниченную ответственность (акционерные общества в Германии в 1890 — 40% подписки!).

4. Отсюда **постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия**, одну отрасль за другой постигает эта судьба. Сначала железоделательная промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские вложения (ещё раньше горнорудная промышленность, если она ещё не имела формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, а также машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии пока лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядильная фабрика в Олдем, ткацкая фабрика в Бернли и так далее, объединение швейных предприятий; но это лишь предварительная ступень, так как во время ближайшего кризиса эти объединения распадутся и предприятия снова окажутся в руках отдельных хозяев), пивоварни (несколько лет назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guiness Bess, Allsopp). Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alcali). Обыкновенная единоличная фирма всё более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту,

когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество.

То же самое относительно торговли. Leafs, Parsons, Morleys, Morrison, Dillon — все эти фирмы превратились в акционерные общества. Точно такие же изменения претерпевают и розничные фирмы.

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки преобразуются в акционерные общества.

5. В области земледелия то же самое. Неимоверно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими наименованиями) — всё больше и больше становятся ипотекодержателями; вместе с их акциями действительная верховная собственность на землю передаётся бирже, и это имеет место в ещё большей степени, если имения попадают в руки кредиторов. Здесь революция в сельском хозяйстве, связанная с обработкой степных земель, оказывает огромное влияние; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадёт в руки биржи также в Англии и во Франции.

6. Далее приложение капитала за границей — всё в акциях. Если говорить только об Англии: американские железные дороги, северные и южные.

7. Затем колонизация. Последняя ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы захватили Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигерия, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналенд и Наталь захвачены для биржи Родсом.

Книга IV

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

Отделы 1–10 по популярному очерку В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», 1916 г. Отдел 11 по работе И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», 1924 г. Отдел 12 по работе В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“», 1916 г.

После испано-американской (1898 г.) и англо-бурской (1899–1902 гг.) войны, экономическая, а также политическая литература старого и нового света всё чаще и чаще останавливается на понятии «империализм» для характеристики переживаемой нами эпохи. В 1902 году в Лондоне и Нью-Йорке вышло в свет сочинение английского экономиста Дж. А. Гобсона: «Империализм». Автор, стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, с теперешней позицией бывшего марксиста К. Каутского, — дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. В 1910 году в Вене вышло в свет сочинение австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга: «Финансовый капитал» (русский перевод: Москва, 1912 г.). Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма» — так гласит подзаголовок книги Гильфердинга. В этой работе автор попытается кратко изложить, в возможно более популярной форме, связь и взаимоотношение основных экономических особенностей империализма.

Отдел 1.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И МОНОПОЛИИ

конкуренция порождает концентрацию производства, концентрация приводит к монополии, капитализм превратился в империализм, борьба между собой союзов монополистов, влияние монополий на хаотичность капиталистического производства

Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во всё более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают промышленные переписи.

Например в Германии, менее чем одна сотая доля предприятий имеет более ¾ общего количества паровой и электрической силы! На долю 2,97 млн. мелких (до 5 наёмных рабочих) предприятий, составляющих 91% всего числа предприятий, приходится всего 7% паровой и электрической силы! Десятки тысяч крупнейших предприятий — всё; миллионы мелких — ничто.

Денежный капитал и банки, делают этот перевес горстки крупнейших предприятий ещё более подавляющим и притом в самом буквальном значении слова, то есть миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов.

В другой передовой стране современного капитализма, в Соединённых Штатах Северной Америки, рост концентрации производства ещё сильнее. В 1904 году почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов охватывают 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что **концентрация, на известной ступени её развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии**. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою, а с другой стороны, затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий. Это превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если

не важнейшее — в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нём.

Но прежде обратим внимание, что не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия; а с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая комбинация, то есть соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отбросов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и тому подобное). «Комбинация, — пишет Гильфердинг, — уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-вторых, комбинация приводит к устранению торговли. В-третьих, она делает возможными технические усовершенствования, а следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с «чистыми» (то есть не комбинированными) предприятиями. В-четвёртых, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с «чистым», — усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстаёт от понижения цены фабрикатов».

Эти гигантские предприятия с производством стали в 400 000 тонн (тонна = 60 пудов) в год, с громадной добычей руды и каменного угля, с производством готовых изделий из стали, с 10 000 рабочих, живущих по казармам заводских посёлков, иногда со своими собственными железными дорогами и гаванями, — являются типичными представителями, например, немецкой железной промышленности. И концентрация идёт всё дальше и дальше вперёд. Отдельные предприятия становятся всё крупнее; всё большее число предприятий одной и той же или различных отраслей промышленности сплачивается в гигантские предприятия, для которых полдюжины крупных берлинских банков служат и опорой, и руководителями.

Или вот что пишет профессор Герман Леви в специальном исследовании о «Монополиях, картелях и трестах»: «в Велико-

британии именно крупный размер предприятий и их высокий технический уровень несут в себе тенденцию к монополии. С одной стороны, концентрация привела к тому, что на предприятие приходится затрачивать громадные суммы капитала; поэтому новые предприятия стоят перед всё более высокими требованиями в смысле размеров необходимого капитала, и этим затрудняется их появление. А с другой стороны (и этот пункт мы считаем более важным), каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, созданных концентрацией, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса, а в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до уровня, невыгодного ни для нового завода, ни для монополистических союзов».

Когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казённая наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведёт к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты — упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обусловливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

> ***Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведёт к монополии.***

Для Европы можно установить довольно точно время окончательной смены старого капитализма новым: это именно — начало

XX века. В одной из новейших сводных работ по истории «образования монополий» мы читаем: «Можно привести из эпохи до 1860 г. отдельные примеры капиталистических монополий; можно открыть в них зародыши тех форм, которые столь обычны теперь; но всё это безусловно — доисторические времена для картелей. Настоящее начало современных монополий относится, самое раннее, к 1860 годам. Первый крупный период развития монополий начинается с международного угнетения промышленности 1870 годов и простирается до начала 1890 годов». «Если рассматривать дело в европейском масштабе, то предельным пунктом развития свободной конкуренции являются 60-ые и 70-ые годы. Тогда Англия закончила постройку своей капиталистической организации старого стиля. В Германии эта организация вступила в решительную борьбу с ремеслом и домашней промышленностью и начала создавать себе свои формы существования». «Большой переворот начинается с краха 1873 года или, вернее, с депрессии, которая последовала за ним и которая — с едва заметным перерывом в начале 80-х годов и с необыкновенно сильным, но коротким подъёмом около 1889 года — заполняет 22 года европейской экономической истории». «Во время короткого периода подъёма 1889–1890 гг. картелями сильно пользовались для использования конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала вверх цены ещё быстрее и ещё сильнее, чем это произошло бы без картелей, и почти все эти картели погибли бесславно «в могиле краха». Прошло ещё пять лет плохих дел и низких цен, но в промышленности царило уже не прежнее настроение. Депрессию не считали уже чем-то само собою разумеющимся, в ней видели лишь паузу перед новой благоприятной конъюнктурой.

И вот картельное движение вступило в свою вторую эпоху. Вместо преходящего явления картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Они завоёвывают одну область промышленности за другой и в первую голову обработку сырых материалов. Уже в начале 1890 годов картели выработали себе в организации коксового синдиката, по образцу которого создан угольный синдикат, такую картельную технику, дальше которой движение, в сущности, не пошло. Большой подъём в конце XIX века и кризис 1900–1903 годов стоят — по крайней мере

в горной и железной промышленности — впервые всецело под знаком картелей. И если тогда это казалось ещё чем-то новым, то теперь для широкого общественного сознания стало само собою разумеющейся истиной, что крупные части хозяйственной жизни изъяты, как общее правило, из свободной конкуренции» (Т. Фогельштейн «Финансовая организация капиталистической индустрии и образование монополий» в «Основах социальной экономики». VI раздел, Тюбинген, 1914 г. Того же автора: «Организационные формы железоделательной и текстильной промышленности в Англии и Америке». Том I, Лейпциг, 1910 г.).

Итак, вот основные итоги истории монополий:

1. 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши.

2. После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они ещё исключение. Они ещё не прочны. Они ещё преходящее явление.

3. Подъём конца XIX века и кризис 1900–1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. **Капитализм превратился в империализм**.

Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и прочее. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и так далее. В руках картелей и трестов сосредоточивается нередко семь-восемь десятых всего производства данной отрасли промышленности.

Отчёт американской правительственной комиссии о трестах говорит: «Их превосходство над конкурентами основывается на крупных размерах их предприятий и на их превосходно поставленной технике. Табачный трест с самого своего основания прилагал все усилия к тому, чтобы в широких размерах заменять ручной труд машинным повсюду. Он скупал для этой цели все патенты, имеющие какое-либо отношение к обработке табака, и израсходовал на это громадные суммы. Многие патенты оказывались сначала негодными, и их приходилось перерабатывать инженерам, состоящим на службе у треста. В конце 1906 г. было создано два филиальных общества с исключительной целью

скупки патентов. Для той же цели трест основал свои литейни, машинные фабрики и починочные мастерские. Одно из этих заведений, в Бруклине, занимает в среднем 300 рабочих; здесь производятся опыты над изобретениями для производства папирос, маленьких сигар, нюхательного табака, листового олова для упаковки, коробок и прочее; здесь же усовершенствуются изобретения». «И другие тресты держат у себя на службе так называемых инженеров для развития техники, задачей которых является изобретать новые приёмы производства и испытывать технические улучшения. Стальной трест платит своим инженерам и рабочим высокие премии за изобретения, способные повысить технику или уменьшить издержки» (Отчёт члена комиссии об объединениях в табачной промышленности. Вашингтон. — цитировано по книге Пауль Тафель «Североамериканские тресты и их влияние на прогресс техники». Штутгарт, 1913 г.).

Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства. В частности обобществляется и процесс технических изобретений и усовершенствований.

Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учёт всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) в данной стране и даже в ряде стран, во всём мире. Такой учёт не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учёт размеров рынка, который «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения — железные дороги в Америке, пароходные общества в Европе и в Америке. Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остаётся частным.

Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнёт немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее.

> ***Капитализм в его империалистической стадии** вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. **Производство становится общественным, но присвоение остаётся частным**.*

Поучительно взглянуть просто хотя бы на перечень тех средств цивилизованной борьбы к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов; 2) лишение рабочих рук посредством «альянсов»; 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен; 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, её гнёту, её произволу.

> ***Не конкурентная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий, а удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, её гнёту, её произволу.***

Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом. Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для

капитализма вообще, становится ещё больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так называемая тяжёлая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к ещё более острому отсутствию планомерности», как признаётся Ейдэльс, автор одной из лучших работ об «отношении немецких крупных банков к промышленности» (Ейдэльс, «Отношение немецких крупных банков к промышленности, в особенности к металлургической промышленности», Лейпциг, 1905 г.). А кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии. Вот чрезвычайно поучительное рассуждение Ейдэльса о значении кризиса 1900 года, кризиса, сыгравшего, как мы знаем, роль поворотного пункта в истории новейших монополий: «Кризис 1900 года застал наряду с гигантскими предприятиями в главных отраслях промышленности ещё много предприятий с организацией, по теперешним понятиям, устарелою, «чистые» предприятия» (то есть не комбинированные), «поднявшиеся вверх на гребне волны промышленного подъёма. Падение цен, понижение спроса привели эти «чистые» предприятия в такое бедственное положение, которое либо вовсе не коснулось комбинированных гигантских предприятий, либо затронуло их на совсем короткое время. Вследствие этого кризис 1900 года в несравненно большей степени привёл к промышленной концентрации, чем кризис 1873 года: этот последний создал тоже известный отбор лучших предприятий, но при тогдашнем уровне техники этот отбор не мог привести к монополии предприятий, сумевших победоносно выйти из кризиса. Именно такой длительной монополией, и притом в высокой степени, обладают гигантские предприятия теперешней железоделательной и электрической промышленности благодаря их очень сложной технике, их далеко проведённой организации, мощи их капитала, а затем в меньшей степени и предприятия машиностроительной, известных отраслей металлургической промышленности, путей сообщения и пр.» (там же).

> ***Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свой-***

> *ственную всему капиталистическому производству в целом, это усиливает кризисы, а кризисы, в свою очередь, в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии.*

Монополия — вот последнее слово «новейшей фазы в развитии капитализма», но наши представления о действительной силе и значении современных монополий были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во внимание роли банков.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как конкуренция порождает концентрацию производства?
Как концентрация производства подводит к монополии?
Когда капитализм превратился в империализм?
Как борются между собой союзы монополистов?
Усиливает или ослабляет монополия хаотичность капиталистического производства?

Отдел 2.

БАНКИ И ИХ НОВАЯ РОЛЬ

новая роль банков при империализме, коллективный капиталист

Основной и первоначальной операцией банков является посредничество в платежах.

В связи с этим банки превращают бездействующий денежный капитал в действующий, то есть приносящий прибыль, собирают все и всяческие денежные доходы, предоставляя их в распоряжение класса капиталистов.

По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников во всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это **превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм**, и потому на концентрации банковского дела нам надо в первую голову остановиться.

В 1907–1908 гг. вклады всех акционерных банков Германии, обладавших капиталом более 1 миллиона марок, составляли 7 миллиардов марок; в 1912–1913 — уже 9,8 миллиарда. Увеличение на 40% за пять лет, причём из этих 2,8 млрд. увеличения 2,75 млрд. приходится на 57 банков, имевших капитал свыше 10 миллионов марок. Мы видим, как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство.

В более старых капиталистических странах эта «банковая сеть» ещё гуще. В Англии с Ирландией в 1910 г. число отделений всех банков определялось в 7151. Четыре крупных банка имели каждый свыше 400 отделений (от 447 до 689), затем ещё 4 свыше 200 и 11 свыше 100.

В парижском крупном банке, «Лионский кредит», число счетов с 28 535 в 1875 году поднялось до 633 539 в 1912 году (Жан Лескюр, «Сбережения во Франции», Париж, 1914 г.).

Эти простые цифры, пожалуй, нагляднее, чем длинные рассуждения, показывают, как с концентрацией капитала и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение. Из **разрозненных капиталистов складывается один коллективный капиталист**. Ведя текущий счёт для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала точно узнавать состояние дел у отдельных капиталистов, затем контролировать их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец всецело определять их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и тому подобное.

«Банки создают в общественном масштабе форму, но именно только форму, общего счетоводства и общего распределения средств производства», — писал Маркс в «Капитале» книга III, отдел II).

В деле обобществления капиталистического хозяйства конкуренцию банкам начинают оказывать сберегательные кассы и почтовые учреждения, которые более «децентрализованы», то есть захватывают в круг своего влияния большее количество местностей, большее число захолустий, более широкие круги населения. Границы между банками и сберегательными кассами «всё более стираются». Торговые палаты, например, в Бохуме, в Эрфурте, требуют «запретить» сберегательным кассам вести «чисто» банковые операции вроде учёта векселей, требуют ограничения «банковской» деятельности почтовых учреждений. Банковые тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии. Ибо, с одной стороны, миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов те же магнаты банкового капитала; а с другой стороны, государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь

средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности.

Смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи. Биржа давно перестала быть необходимым посредником обращения, каким она была раньше, когда банки не могли ещё размещать большей части выпускаемых фондовых ценностей среди своих клиентов. ««Всякий банк есть биржа» — это современное изречение заключает в себе тем больше правды, чем крупнее банк, чем больше успехов делает концентрация в банковом деле» (Оскар Штиллих, «Деньги и банковое дело», Берлин, 1907 г.).

Другими словами: старый капитализм, капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришёл новый капитализм, носящий на себе явные черты чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции с монополией.

Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно всё больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к тресту банков. В Америке не девять, а два крупнейших банка, миллиардеров Рокфеллера и Моргана, господствуют над капиталом в 11 миллиардов марок. В Германии с ростом концентрации банков суживается тот круг учреждений, к которому вообще можно обратиться за кредитом, в силу чего увеличивается зависимость крупной промышленности от немногих банковых групп.

Опять и опять последнее слово в развитии банкового дела — монополия.

Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счёт и тому подобное, то эти операции, взятые в отдельности, ни на йоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение

текущих счетов данного предприятия позволяет банку — а это так и бывает — всё детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается всё более полная зависимость промышленного капиталиста от банка.

Вместе с этим развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно.

Старый капитализм отжил. Новый является переходом к чему-то. **Найти «твёрдые принципы и конкретную цель» для «примирения» монополии со свободной конкуренцией, разумеется, дело безнадёжное**. Признание практиков звучит совсем не так, как казённое воспевание прелестей «организованного» капитализма его апологетами вроде Шульце-Геверница, Лифмана и тому подобными «теоретиками». XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от **господства капитала вообще к господству финансового капитала**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём новизна роли банков при империализме?
Что такое коллективный капиталист?

Отдел 3.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ

финансовый капитал, империализм, рантье

«Всё возрастающая часть промышленного капитала, — пишет Гильфердинг, — не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку всё возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал, — следовательно, капитал в денежной форме, — который таким способом в действительности превращён в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом» (Гильфердинг, «Финансовый капитал», М., 1912 г.).

> ***Финансовый капитал** — это монополистический капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками при господстве банков.*

Концентрация производства; монополии, вырастающие из неё; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия.

Нам следует перейти теперь к описанию того, как «**хозяйничанье» капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии**.

Опыт показывает, что достаточно владеть 40% акций, чтобы распоряжаться делами акционерного общества, ибо известная часть раздробленных, мелких акционеров не имеет на практике никакой возможности принимать участие в общих собраниях и так далее. «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации

капитала», усиления роли и значения мелкого производства, на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии. Поэтому, между прочим, в более передовых или более старых и «опытных» капиталистических странах законодательство разрешает более мелкие акции. В Германии закон не разрешает акций менее, чем на сумму в 1 000 марок, и немецкие финансовые магнаты с завистью смотрят на Англию, где закон разрешает акции и в 1 фунт стерлингов. Сименс, один из крупнейших промышленников и «финансовых королей» Германии, заявил в рейхстаге 7 июня 1900 г., что «акция в 1 фунт стерлингов есть основа британского империализма». У этого купца заметно более глубокое, более «марксистское» понимание того, что такое империализм, чем у некоего неприличного писателя, который считается основателем русского марксизма и который полагает, что империализм есть дурное свойство одного из народов...

Но «система участий» не только служит к гигантскому увеличению власти монополистов, она, кроме того, позволяет безнаказанно обделывать какие угодно тёмные и грязные дела и обирать публику, ибо руководители «общества-матери» формально, по закону, не отвечают за «общество-дочь», которое считается «самостоятельным» и через которое можно всё «провести». Вот пример, заимствуемый нами из майской книжки немецкого журнала «Банк» за 1914 год: ««Акционерное общество пружинной стали» в Касселе несколько лет тому назад считалось одним из самых доходных предприятий Германии. Плохое управление довело дело до того, что дивиденды упали с 15% до 0%. Как оказалось, правление без ведома акционеров дало в ссуду одному из своих «обществ-дочерей», «Хассия», номинальный капитал которого составлял всего несколько сот тысяч марок, 6 миллионов марок. Об этой ссуде, которая почти втрое превышает акционерный капитал «общества-матери», в балансах последнего ничего не значилось; юридически такое умолчание было вполне законно и могло длиться целых два года, ибо ни единый параграф торгового законодательства этим не нарушался. Председатель наблюдательного совета, который, в качестве ответственного лица, подписывал лживые балансы, был и остаётся председателем Кассельской торговой палаты. Акционеры узнали об этой ссуде обществу «Хассия» лишь долго спустя после того, как она

оказалась ошибкой... «и когда акции «пружинной стали», в силу того, что их стали сбывать с рук посвящённые, пали в цене приблизительно на 100%...»

Этот типичный пример эквилибристики с балансами, самой обычной в акционерных обществах, объясняет нам, почему правления акционерных обществ с гораздо более лёгким сердцем берутся за рискованные дела, чем частные предприниматели. Новейшая техника составления балансов не только даёт им возможность скрывать рискованные дела от среднего акционера, но и позволяет главным заинтересованным лицам сваливать с себя ответственность посредством своевременной продажи акций в случае неудачи эксперимента, тогда как частный предприниматель отвечает своей шкурой за всё, что он делает.

О том, каких размеров «система участия» достигла в русских крупных банках, можно судить по данным, сообщаемым Е. Агадом, который 15 лет служил чиновником русско-китайского банка и в мае 1914 г. опубликовал сочинение под не совсем точным заглавием: «Крупные банки и всемирный рынок». Автор делит крупные русские банки на две основные группы: а) работающие при «системе участий» и б) «независимые», произвольно понимая, однако, под «независимостью» независимость от заграничных банков; первую группу автор делит на три подгруппы: 1) немецкое участие; 2) английское и 3) французское, имея в виду «участие» и господство крупнейших заграничных банков соответствующей национальности. По этим данным, из почти 4-х миллиардов рублей, составляющих капитал крупных банков, свыше ¾, более 3-х миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, «общества-дочери» заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковое трио: «Парижский союз»; «Парижский и Нидерландский»; «Генеральное общество») и берлинских (особенно «Немецкий» и «Учётное общество»). Два крупнейших русских банка, «Русский» («Русский банк для внешней торговли») и «Международный» («СПБ. Международный торговый банк») повысили свои капиталы с 1906 г. по 1912 г. с 44 до 98 млн. рублей, а резервы с 15 до 39 млн., «работая на ¾ немецкими капиталами»; первый банк принадлежит к «концерну» берлинского «Немецкого банка», второй — берлинского «Учётного общества». Добрый

Агад глубоко возмущается тем, что берлинские банки имеют в своих руках большинство акций и что поэтому русские акционеры бессильны.

Капитализму свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой «мощью», из всех остальных. В каких размерах идёт этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссий, то есть выпуска всякого рода ценных бумаг.

> ***Империализм**, то есть **господство финансового капитала**, есть высшая ступень капитализма, когда отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц достигает громадных размеров.*

Резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 миллиардов франков ценных бумаг. Из этих четырёх стран две — самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две — передовые капиталистические страны по быстроте развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве — Соединённые Штаты и Германия. Вместе эти 4 страны имеют 479 миллиардов франков, то есть почти 80% всемирного финансового капитала. **Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих**

стран — международных банкиров, этих четырёх «столпов» всемирного финансового капитала.

Особенно следует остановиться на той роли, которую играет в создании международной сети зависимостей и связей финансового капитала вывоз капитала.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое финансовый капитал?
Что такое империализм?
Кто такое рантье?

Отдел 4.

ВЫВОЗ КАПИТАЛА

вывоз товаров, вывоз капитала, новые монополии начала 20 века, возможность и необходимость вывоза капитала

Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала.

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром. Рост обмена как внутри страны, так и в особенности международного есть характерная отличительная черта капитализма. Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран неизбежны при капитализме. Сначала Англия стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать её, в обмен, сырыми материалами. Но эта монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На **пороге XX века мы видим образование иного рода монополий**: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах.

Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остаётся, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, — тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития, и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа

производства. Пока капитализм остаётся капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путём вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дёшевы. **Возможность вывоза капитала создаётся тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма**, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и так далее. **Необходимость вывоза капитала создаётся тем, что в немногих странах капитализм «перезрел»**, и капиталу недостаёт (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ «прибыльного» помещения.

Гигантского развития вывоз капитала достиг только в начале XX века. Перед I мировой войной вложенный за границей капитал трёх главных стран достигал 175–200 миллиардов франков. Доход с этой суммы, по скромной норме в 5%, должен достигать 8–10 миллиардов франков в год. Солидная основа империалистского угнетения и эксплуатации большинства наций и стран мира, капиталистического паразитизма горстки богатейших государств!

Как распределяется этот помещённый за границей капитал между разными странами, где он помещён, на этот вопрос можно дать лишь приблизительный ответ, который, однако, в состоянии осветить некоторые общие соотношения и связи современного империализма.

В Англии на первое место выдвигаются её колониальные владения, которые очень велики и в Америке (например, Канада), не говоря уже об Азии и прочих. Гигантский вывоз капитала теснее всего связан здесь с гигантскими колониями, о значении которых для империализма мы ещё будем говорить дальше. Иное дело во Франции. Здесь заграничный капитал помещён главным образом в Европе и прежде всего в России (не менее 10 миллиардов франков), причём преимущественно это — ссудный капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия. В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим

империализмом. В Германии — третья разновидность: колонии её невелики, и распределение помещаемого ею за границей капитала наиболее равномерное между Европой и Америкой.

Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всём мире.

Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий. Вот, например, что писал в октябре 1913 г. берлинский журнал «Банк»: «На международном рынке капиталов разыгрывается с недавнего времени комедия, достойная кисти Аристофана. Целый ряд чужестранных государств, от Испании до Балкан, от **России** до Аргентины, Бразилии и Китая, выступают открыто или прикрыто перед крупными денежными рынками с **требованиями, иногда в высшей степени настоятельными, получить заём**. Денежные рынки находятся теперь не в очень блестящем положении, и политические перспективы не радужные. Но ни один из денежных рынков не решается отказать в займе, из боязни, что сосед предупредит его, согласится на заём, а вместе с тем обеспечит себе известные услуги за услуги. При такого рода международных сделках почти всегда кое-что перепадает в пользу кредитора: уступка в торговом договоре, угольная станция, постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки».

Финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование «связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке. Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и так далее. Франция в течение двух последних десятилетий (1890–1910 гг.) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу. Сделки между особенно крупными предприятиями бывают при

этом таковы, что они стоят — как выразился «мягко» Шильдер — «на границе подкупа». Крупп в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии — образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа.

Франция, давая взаймы России, «прижала» её в торговом договоре 16 сентября 1905 г., выговорив известные уступки до 1917 года; то же по торговому договору с Японией от 19 августа 1911 г. Таможенная война Австрии с Сербией, продолжавшаяся с семимесячным перерывом с 1906 г. по 1911 г., была вызвана отчасти конкуренцией Австрии и Франции в деле поставок военных припасов Сербии. Поль Дешанель заявил в палате в январе 1912 г., что французские фирмы за 1908–1911 гг. доставили Сербии военных материалов на 45 миллионов франков.

Таким образом финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира. Большую роль играют при этом банки, учреждаемые в колониях, и их отделения. Страны, вывозящие капитал, поделили мир между собою, в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привёл и к прямому разделу мира.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что такое вывоз товара?
Что такое вывоз капитала?
Какого рода монополии образуются на пороге XX века?
В чём возможность и в чём необходимость вывоза капитала?

Отдел 5.

РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ СОЮЗАМИ КАПИТАЛИСТОВ

сверхмонополии, раздел мира, передел мира, необходимость делить мир для империалистов

Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в своё, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естественно» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей. Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие.

Электрическая промышленность — самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма конца XIX и начала XX века. Рассмотрим, на примере электрической промышленности, как вырастает такая **сверхмонополия**.

В Германии знаменитое A. E. G. (Всеобщее общество электричества) господствует над 175–200 обществ (по системе «участий») и распоряжается общей суммой капитала приблизительно в 1,5 миллиарда марок. Одних только прямых заграничных представительств оно имеет 34, из них 12 акционерных обществ, — более чем в 10 государствах. Ещё в 1904 г. считали, что капиталы, вложенные немецкой электрической промышленностью за границей, составляли 233 миллиона марок, из них 62 млн. в России. Нечего и говорить, что «Всеобщее общество электричества» представляет из себя гигантское «комбинированное» предприятие с производством — число одних только фабрикационных обществ у него равняется 16 — самых различных продуктов, от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов. Но концентрация в Европе была также составной частью процесса концентрации в Америке. Так появилась «Всеобщая электрическая Компания» (General Electric Co). Таким образом

сложились две электрические «державы»: «других, вполне независимых от них, электрических обществ на земле нет», — пишет Гейниг в своей статье: «Путь электрического треста». О размере оборотов и величине предприятий обоих «трестов» некоторое, далеко не полное, представление дают следующие цифры:

		оборот товаров (млн. марок)	число служащих	чистая прибыль (млн. марок)
Америка: «Вс. эл. К°» (G. E. C.)	1907	252	28 000	35,4
	1910	298	32 000	45,6
Германия: «Вс. об-во эл.» (A. E. G.)	1907	216	30 700	14,5
	1911	362	60 800	21,7

И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключён договор о дележе мира. Конкуренция устраняется. G. E. C. «получает» Соединённые Штаты и Канаду; A. E. G. «достаётся» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые — разумеется, тайные — договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально ещё не поделённые, страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами.

Понятно само собою, насколько затруднена конкуренция против этого, фактически единого, всемирного треста, который распоряжается капиталом в несколько миллиардов и имеет свои «отделения», представительства, агентуры, связи и так далее во всех концах мира. Но раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает **передела**, если отношения силы — вследствие неравномерности развития, войн, крахов и тому подобного — изменяются.

Поучительный пример попытки такого передела, борьбы за передел, представляет керосиновая промышленность. «Керосиновый рынок мира, — писал Ейдэльс в 1905 г., — и теперь ещё поделён между двумя крупными финансовыми группами: американским «Керосиновым трестом» (Standard Oil) Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти, Ротшильдом и Нобелем. Обе группы стоят в тесной связи между собою, но их монопольному положению угрожают, в течение вот уже нескольких

лет, пятеро врагов»: 1) истощение американских источников нефти; 2) конкуренционная фирма Манташева в Баку; 3) источники нефти в Австрии и 4) в Румынии; 5) заокеанские источники нефти, особенно в голландских колониях (богатейшие фирмы Самюэля и Шелла, связанные также с английским капиталом). Три последние ряда предприятий связаны с немецкими крупными банками, с крупнейшим «Немецким банком» во главе. Эти банки самостоятельно и планомерно развивали керосиновую промышленность, например, в Румынии, чтобы иметь «свою» точку опоры. В румынской керосиновой промышленности считали в 1907 году иностранных капиталов на 185 млн. франков, в том числе немецких 74 млн.

Началась борьба, которую в экономической литературе так и называют борьбой за «делёж мира». С одной стороны, «Керосиновый трест» Рокфеллера, желая захватить всё, основал «общество-дочь» в самой Голландии, скупая нефтяные источники в Голландской Индии и желая таким образом нанести удар своему главному врагу: голландско-английскому тресту «Шелла». С другой стороны, «Немецкий банк» и другие берлинские банки стремились «отстоять» «себе» Румынию и объединить её с Россией против Рокфеллера. Этот последний обладал капиталом неизмеримо более крупным и превосходной организацией транспорта и доставки керосина потребителям. Борьба должна была кончиться и кончилась в 1907 году полным поражением «Немецкого банка», которому оставалось одно из двух: либо ликвидировать с миллионными потерями свои «керосиновые интересы», либо подчиниться. Выбрали последнее и заключили очень невыгодный для «Немецкого банка» договор с «Керосиновым трестом». По этому договору, «Немецкий банк» обязался «не предпринимать ничего к невыгоде американских интересов», причём было, однако, предусмотрено, что договор теряет силу, если в Германии пройдёт закон о государственной монополии на керосин.

Тогда начинается «керосиновая комедия». Один из финансовых королей Германии, фон Гвиннер, директор «Немецкого банка», через своего частного секретаря, Штауса, пускает в ход агитацию за керосиновую монополию. Весь гигантский аппарат крупнейшего берлинского банка, все обширные «связи» приводятся в движение, пресса захлёбывается от «патриотических»

криков против «ига» американского треста, и рейхстаг почти единогласно принимает 15 марта 1911 года резолюцию, приглашающую правительство разработать проект о керосиновой монополии. Правительство ухватилось за эту «популярную» идею, и игра «Немецкого банка», который хотел надуть своего американского контрагента и поправить свои дела посредством государственной монополии, казалась выигранной. Немецкие керосиновые короли предвкушали уже гигантские прибыли, не уступающие прибылям русских сахарозаводчиков... Но, во-первых, немецкие крупные банки перессорились между собой из-за дележа добычи, и «Учётное общество» разоблачило корыстные интересы «Немецкого банка»; во-вторых, правительство испугалось борьбы с Рокфеллером, ибо было весьма сомнительно, достанет ли Германия керосина помимо него (производительность Румынии невелика); в-третьих, подоспела миллиардная ассигновка 1913 года на военную подготовку Германии. Проект монополии отложили. «Керосиновый трест» Рокфеллера вышел из борьбы пока победителем.

Чрезвычайно поучительна также история образования международного рельсового картеля. В первый раз английские, бельгийские и немецкие рельсовые заводы сделали попытку основать такой картель ещё в 1884 г., во время сильнейшего упадка промышленных дел. Согласились не конкурировать на внутреннем рынке вошедших в соглашение стран, а внешние поделить по норме: 66% Англии, 27% Германии и 7% Бельгии. Индия была предоставлена всецело Англии. Против одной английской фирмы, оставшейся вне соглашения, была поведена общая война, расходы на которую покрывали известным процентом с общих продаж. Но в 1886 г., когда из союза вышли две английские фирмы, он распался. Характерно, что соглашения не удавалось достигнуть во время последовавших периодов промышленного подъёма.

В начале 1904 г. основан стальной синдикат в Германии. В ноябре 1904 г. возобновлён международный рельсовый картель по нормам: Англии — 53,5%, Германии — 28,83%, Бельгии — 17,67%. Затем присоединилась Франция с нормами 4,8%, 5,8% и 6,4% в первый, второй и третий год, сверх 100%, то есть при сумме 104,8% и так далее. В 1905 г. присоединился «Стальной трест» Соединённых Штатов («Стальная корпорация»), затем Австрия и Испания. «В данный момент, — писал Фогельштейн

в 1910 г., — делёж земли закончен, и крупные потребители, в первую голову государственные железные дороги, — раз мир уже поделён и с их интересами не считались — могут жить, как поэт, на небесах Юпитера».

Некоторые буржуазные писатели (к которым присоединился теперь и К. Каутский, совершенно изменивший своей марксистской позиции, например, 1909 года) выражали то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме. Это мнение теоретически совершенно вздорно, а практически есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма. Международные картели показывают, до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и из-за чего идёт борьба между союзами капиталистов. Это последнее обстоятельство есть самое важное; только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего, ибо форма борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но сущность борьбы, её классовое содержание прямо-таки не может измениться, пока существуют классы.

Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меняется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения «чисто» экономические или внеэкономические (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма. Подменять вопрос о содержании борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста.

Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются

известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, «борьбы за хозяйственную территорию».

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Как вырастают сверхмонополии?
Что такое раздел мира?
Что такое передел мира?
Почему капиталисты делят мир?

Отдел 6.

РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

причина перехода капитализма к империалистической стадии, особенности России, особенности капиталистического империализма

Географ А. Супан в своей книге о «территориальном развитии европейских колоний» подводит следующий краткий итог этому развитию в конце XIX века:

Процент земельной площади, принадлежащей европейским колониальным державам (Соединённые северные Штаты в том числе):

	1 876	1 900	Увеличение на
В Африке	10,8%	90,4%	+ 79,6%
В Полинезии	56,8%	98,9%	+ 42,1%
В Азии	51,5%	56,6%	+ 5,1%
В Австралии	100,0%	100,0%	—
В Америке	27,5%	27,2%	– 0,3%

«Характеристичной чертой этого периода, — заключает он, — является, следовательно, раздел Африки и Полинезии». Так как в Азии и в Америке незанятых земель, то есть не принадлежащих никакому государству, нет, то вывод Супана приходится расширить и сказать, что характеристичной чертой рассматриваемого периода является **окончательный раздел** земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был передел, — напротив, переделы возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделённым, так что **дальше предстоят лишь переделы**, то есть переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину».

Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом. Необходимо поэтому подробнее остановиться прежде

всего на фактических данных, чтобы возможно точнее выяснить как отличие этой эпохи от предыдущих, так и положение дела в настоящее время. В первую голову возникают здесь **два фактических вопроса**: наблюдается ли усиление колониальной политики, обострение борьбы за колонии именно в эпоху финансового капитала и как именно поделён мир в этом отношении в настоящее время.

Период предельного развития капитализма домонополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860 и 1870 годы. Мы видим теперь, что именно после этого периода начинается громадный «подъём» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира. **Несомненен, следовательно, тот факт, что переход капитализма к ступени монополистического капитализма, к финансовому капиталу связан с обострением борьбы за раздел мира**.

Гобсон в своём сочинении об империализме выделяет эпоху 1884–1900, как эпоху усиленной «экспансии» (расширения территории) главных европейских государств. Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880 годов, со стороны всех капиталистических государств представляет из себя **общеизвестный факт истории** дипломатии и внешней политики.

В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840–1860 годах, руководящие буржуазные политики её были ***против*** колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом. В 1852 году такой склонный, вообще говоря, к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!

Чемберлен проповедовал империализм как «истинную, мудрую и экономную политику», указывая особенно на ту конкуренцию, которую встречает теперь Англия на мировом рынке со стороны Германии, Америки, Бельгии. Спасение в монополии — говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии — вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить ещё не поделённые части мира. А Сесиль Родс говорил

по поводу своих империалистских идей в 1895 году: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединённого Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами».

Получаем следующие итоги картины территориального раздела мира и изменений в этом отношении за последние десятилетия:

	Колонии				**Метрополии**		**Всего**	
	1876		**1914**		**1914**		**1914**	
	кв. м.	жит.	кв. м.	жит.	кв. м.	жит.	кв. м.	жит.
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6	11,1	95,1
Германия			2,9	12,3	0,5	64,9	3,4	77,2
С. Штаты			0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7
Япония			0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
Итого 6 великих держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Китай, Голландия и пр.)							9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)							14,5	361,2
Остальные страны							28,0	289,9
						Вся земля	133,9	1 657,0

Мы видим наглядно, как «закончен» был на границе XIX и XX веков раздел мира. Колониальные владения расширились после 1876 года в гигантских размерах: более чем в полтора раза, с 40 до 65 миллионов кв. км у шести крупнейших держав; прирост

составляет 25 млн. кв. км, в полтора раза больше площади метрополий (16,5 млн.). Три державы не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвёртая, Франция, почти не имела их.

К 1914 г. эти четыре державы приобрели колонии площадью в 14,1 млн. кв. км, то есть приблизительно раза в полтора больше площади Европы, с населением почти в 100 миллионов. Неравномерность в расширении колониального владения очень велика. Если сравнить, например, Францию, Германию и Японию, которые не очень сильно разнятся по величине площади и по количеству населения, то окажется, что первая из этих стран приобрела почти втрое больше колоний (по площади), чем вторая и третья, вместе взятые. Но по размерам финансового капитала Франция в начале рассматриваемого периода была, может быть, тоже в несколько раз богаче Германии и Японии, взятых вместе. На размер колониальных владений, кроме чисто экономических условий, и на базе их, оказывают влияние условия географические и прочие. Как ни сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но всё же разница остаётся немалая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, **страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейший капиталистический империализм оплетён, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических**.

Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вёл колониальную политику и осуществлял империализм. Но «**общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией**» (Ч. П. Лукас. «Великий Рим и Великая

Британия», Оксфорд, 1912 г.). Даже капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала.

Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и тому подобное. Владение колонией одно даёт полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защититься законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всём мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний.

Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приёмы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и прочих), если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и прочее и тому подобное. Отсюда — **неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще**. Как тресты капитализируют своё имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски не поделённого мира или за передел кусков, уже разделённых.

Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», справедливо говорит Гильфердинг. А один буржуазный французский писатель, как бы развивая и дополняя приведённые выше мысли Сесиля Родса, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, во всех странах старой цивилизации скопляется «нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию; энергии, выбиваемой из определённой классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри»» (Валь, «Франция в колониях», 1905 г., цитата по Анри Рюссье, «Раздел Океании», Париж, 1905 г.).

Раз идёт речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости.

Например, Аргентина. «Южная Америка, а особенно Аргентина, — пишет Шульце-Геверниц в своём сочинении о британском империализме, — находится в такой финансовой зависимости от Лондона, что её следует назвать почти что английской торговой колонией». Капиталы, помещённые Англией в Аргентине, Шильдер определял, по сообщениям австро-венгерского консула в Буэнос-Айресе за 1909 г., в 8,75 миллиарда франков. Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого финансовый капитал — и его верный «друг», дипломатия — Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей её экономической и политической жизни.

Несколько иную форму финансовой и дипломатической зависимости, при политической независимости, показывает нам

пример Португалии. Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200 лет, со времени войны за испанское наследство (1701–1714 гг.), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала её и её колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе с своими противниками, Испанией, Францией.

Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для вывоза капитала в Португалию и её колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, её кабелями и прочее. Такого рода отношения между отдельными крупными и мелкими государствами были всегда, но в эпоху капиталистического империализма они становятся всеобщей системой, входят, как часть, в сумму отношений «раздела мира», превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала.

Чтобы покончить с вопросом о разделе мира, мы должны отметить ещё следующее. Не только американская литература после испано-американской и английская после англо-бурской войн поставили этот вопрос вполне открыто и определённо в самом конце XIX и начале XX века, не только немецкая литература, всего «ревнивее» следившая за «британским империализмом», систематически оценивала этот факт. И во французской буржуазной литературе вопрос поставлен достаточно определённо и широко, поскольку это мыслимо с буржуазной точки зрения. Сошлёмся на историка Дрио, который в своей книге: «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» в главе о «великих державах и разделе мира» писал следующее: «В течение последних лет все свободные места на земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Северной Америки. На этой почве произошло уже несколько конфликтов и перемещений влияния, являющихся предвестниками более ужасных взрывов в близком будущем. Ибо приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (то есть XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений, «империализма», который является самой замечательной характерной чертой конца

XIX века». И автор добавлял: «При этом разделе мира, в этой бешеной погоне за сокровищами и крупными рынками земли, сравнительная сила империй, основанных в этом, XIX, веке, находится в полном несоответствии с тем местом, которое занимают в Европе нации, основавшие их. Державы, преобладающие в Европе, вершительницы её судеб, не являются равным образом преобладающими во всём мире. А так как колониальное могущество, надежда обладать богатствами, ещё не учтёнными, окажет очевидно своё отражённое действие на сравнительную силу европейских держав, то в силу этого колониальный вопрос — «империализм», если хотите, — изменивший уже политические условия самой Европы, будет изменять их всё более и более» (Ж.-Э. Дрио, «Политические и социальные проблемы», Париж 1900 г.).

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

С чем связан переход капитализма к империалистической стадии?
В чём была особенность России?
В чём особенность капиталистического империализма?

Отдел 7.

ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ОСОБАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

монополия, империализм, пять основных признаков капиталистического империализма, ошибки Каутского, влияние финансового капитала и монополий на неравномерность развития капитализма

Мы должны теперь попытаться подвести известные итоги, свести вместе сказанное выше об империализме. **Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще**. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определённой, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться **в свою противоположность**, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. **Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями**. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из неё вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время **монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют её, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов**. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.

> *Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю.*

Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделённой до конца.

> ***Империализм** есть монополистическая стадия капитализма.*

Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — всё же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить. Поэтому, не **забывая условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии**, следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие **пять основных его признаков**:

1. Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;

2. Слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии;

3. Вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;

4. Образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир;

5. Закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира

международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

> ***Империализм** есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.*

Мы увидим ещё ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто экономические понятия (которыми ограничивается приведённое определение), а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении. Сейчас же надо отметить, что, понимаемый в указанном смысле, империализм представляет из себя, несомненно, особую стадию развития капитализма.

Нечего и говорить, конечно, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма. Однако спорить об определении империализма приходится прежде всего с главным марксистским теоретиком эпохи так называемого Второго Интернационала, то есть 25-летия 1889–1914 годов, К. Каутским. Против основных идей, выраженных в данном нами определении империализма, Каутский выступил вполне решительно и в 1915 г., и даже ещё в ноябре 1914 года, заявляя, что под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определённую политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с «современным капитализмом», что если понимать под империализмом «все явления современного капитализма», — картели, протекционизм, господство финансистов, колониальную политику — то тогда вопрос о необходимости империализма для капитализма сведётся к «самой плоской тавтологии», ибо тогда, «естественно, империализм есть жизненная необходимость для капитализма»

и так далее. Мысль Каутского мы выразим всего точнее, если приведём данное им определение империализма, направленное прямо против существа излагаемых нами идей (ибо возражения из лагеря немецких марксистов, проводивших подобные идеи в течение целого ряда лет, давно известны Каутскому, как возражения определённого течения в марксизме).

Определение Каутского гласит: «Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять всё большие **аграрные** области, без отношения к тому, какими нациями они населены».

Это определение ровнёхонько никуда не годится, ибо оно односторонне, то есть произвольно, выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и неверно связывая его только с промышленным капиталом в аннектирующие другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей. **Империализм есть стремление к аннексиям — вот к чему сводится политическая часть определения Каутского**. **Она верна, но крайне неполна**, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции. Нас занимает здесь, однако, экономическая сторона дела, которую внёс в своё определение сам Каутский. **Неверности в определении Каутского бьют в лицо**. Для империализма характерен как раз не промышленный, а финансовый капитал. Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие финансового капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннексионистской (колониальной) политики. Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчёт Бельгии, французские насчёт Лотарингии), ибо, во-первых, законченный раздел земли вынуждает, при переделе, протягивать руку ко всяким землям; во-вторых, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, то есть к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии

(Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии; Англии Багдад, как опорный пункт против Германии и так далее).

Каутский ссылается в особенности — и неоднократно — на англичан, установивших будто бы чисто политическое значение слова империализм в его, Каутского, смысле. Берём англичанина Гобсона и читаем в его сочинении «Империализм», вышедшем в 1902 г.: «**Новый империализм отличается от старого, во-первых, тем, что он на место стремлений одной растущей империи ставит теорию и практику соревнующих империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде; во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала**» (Гобсон, «Империализм», Лондон, 1902 г.).

Мы видим, что Каутский абсолютно неправ фактически в своей ссылке на англичан вообще (он мог бы сослаться разве на вульгарных английских империалистов или прямых апологетов империализма). Мы видим, что Каутский, претендуя, что он продолжает защищать марксизм, на деле делает шаг назад по сравнению с социал-либералом Гобсоном, который правильнее учитывает две «исторически-конкретные» (Каутский как раз издевается своим определением над исторической конкретностью!) особенности современного империализма: 1) конкуренцию нескольких империализмов и 2) преобладание финансиста над торговцем. А если речь идёт главным образом о том, чтобы промышленная страна аннектировала аграрную, то этим выдвигается главенствующая роль торговца.

Определение Каутского не только неверное и не марксистское. Оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией, и с марксистской практикой.

Совершенно несерьёзен тот спор о словах, который поднят Каутским: **назвать ли новейшую ступень капитализма империализмом или ступенью финансового капитала. Называйте, как хотите; это безразлично**. Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики,

толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, не захватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершённый как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместим с неимпериалистской политикой. Получается затушёвывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма.

Каутский пишет, что империализм не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма, и мы можем и должны бороться с этой политикой, бороться с империализмом, с аннексиями и так далее. Возражение кажется вполне благовидным, а на деле оно равняется более тонкой, более прикрытой (и потому более опасной) проповеди примирения с империализмом, ибо «борьба» с политикой трестов и банков, не затрагивающая основ экономики трестов и банков, сводится к буржуазному реформизму и пацифизму, к добреньким и невинным благопожеланиям. Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий — вот теория Каутского, не имеющая ничего общего с марксизмом.

«С чисто экономической точки зрения, — пишет Каутский, — не невозможно, что капитализм переживёт ещё одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма», то есть сверхимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу «общей эксплуатации мира интернационально-объединённым финансовым капиталом».

На этой «теории ультраимпериализма» нам придётся остановиться ниже, чтобы подробно показать, до какой степени она разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом. Здесь же нам надо, сообразно общему плану настоящего очерка, взглянуть

на точные экономические данные, относящиеся к этому вопросу. «С чисто экономической точки зрения» **возможен ли «ультраимпериализм» или это ультрапустяки?** Если понимать под чисто экономической точкой зрения «чистую» абстракцию, тогда всё, что можно сказать, сведётся к положению: развитие идёт к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно, вроде указания, что «развитие идёт» к производству предметов питания в лабораториях. В этом смысле «теория» ультраимпериализма такой же вздор, каким была бы «теория ультраземледелия».

Если же говорить о «чисто экономических» условиях эпохи финансового капитала, как об исторически-конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мёртвые абстракции «ультраимпериализма» (служащие исключительно реакционнейшей цели: отвлечению внимания от глубины наличных противоречий) является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их.

В наличии **три области с высоко развитым капитализмом** (сильное развитие и путей сообщения, и торговли, и промышленности): среднеевропейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующие над миром государства: Германия, Англия, Соединённые Штаты. Империалистское соревнование между ними и борьба крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний; создание «средней Европы» ещё в будущем, и рождается она в отчаянной борьбе. Пока — признак всей Европы политическая раздробленность. В британской и американской областях очень высока, наоборот, политическая концентрация, но громадное несоответствие между необъятными колониями первой и ничтожными — второй. А в колониях капитализм только начинает развиваться. Борьба за южную Америку всё обостряется.

И также **две области слабого развития капитализма**, — российская и восточноазиатская. В первой крайне слабая плотность населения, во второй — крайне высокая; в первой политическая концентрация велика, во второй отсутствует. Китай только ещё начали делить, и борьба за него между Японией, Соединёнными Штатами и так далее обостряется всё сильнее.

Сопоставьте с этой действительностью, — с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и прочим, с бешеной борьбой между империалистическими государствами — глупенькую побасёнку Каутского о «мирном» ультраимпериализме. Разве это не реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности? Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами «ультраимпериализма» (как производство таблеток в лаборатории «можно» объявить зародышем ультраземледелия), не показывают нам примера раздела и передела мира, перехода от мирного раздела к немирному и обратно? Разве американский и прочий финансовый капитал, мирно деливший весь мир, при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не переделяет теперь мир на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем немирным путём?

Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чём может заключаться, при капитализме, разрешение противоречия кроме как в силе?

Быстрее всего растёт капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются новые империалистские державы (Япония). Борьба всемирных империализмов обостряется. Растёт дань, которую берёт финансовый капитал с особенно прибыльных колониальных и заокеанских предприятий. При разделе этой «добычи» исключительно **высокая доля попадает в руки стран, не всегда занимающих первое место по быстроте развития производительных сил**. В крупнейших державах, взятых вместе с их колониями, длина железных дорог составляла (тыс. км):

	1890	1913	
США	268	413	+ 145
Британская империя	107	208	+ 101
Россия	32	78	+ 46
Германия	43	68	+ 25
Франция	41	63	+ 22
Всего в 5 державах	491	830	+ 339

Итак, около 80% всего количества железных дорог сконцентрировано в 5 крупнейших державах. Но концентрация собственности на эти дороги, концентрация финансового капитала ещё неизмеримо более значительна, ибо английским и французским, например, миллионерам **принадлежит громадная масса акций и облигаций американских, русских и других железных дорог**.

Благодаря своим колониям Англия увеличила «свою» железнодорожную сеть на 100 тысяч километров, вчетверо больше, чем Германия. Между тем общеизвестно, что развитие производительных сил Германии за это время, и особенно развитие каменноугольного и железоделательного производства, шло несравненно быстрее, чем в Англии, не говоря уже о Франции и России. В 1892 году Германия производила 4,9 миллиона тонн чугуна, против 6,8 в Англии; а в 1912 году уже 17,6 против 9,0, то есть гигантский перевес над Англией! Спрашивается, на **почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, — разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала, с другой?**

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Что есть монополия?
Что есть империализм?
Каковы пять основных признаков капиталистического империализма?
В чём ошибки Каутского?
Ослабляют или усиливают финансовый капитал и монополии неравномерность развития капитализма?

Отдел 8.

ПАРАЗИТИЗМ И ЗАГНИВАНИЕ КАПИТАЛИЗМА

паразитизм империалистической фазы капитализма, загнивание империалистической фазы капитализма, экономическая основа империализма, государство-рантье, процессы эмиграции и иммиграции, империализм раскалывает рабочий класс, опасность оппортунизма

Нам следует остановиться теперь ещё **на одной очень важной стороне империализма**, которая большей частью недостаточно оценивается в большинстве рассуждений на эту тему. Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал тут шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о **паразитизме**, свойственном империализму.

Как мы видели, самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, то есть выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как **и всякая монополия, она порождает неизбежно стремление к застою и загниванию**. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперёд; постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс.

Пример: в Америке некий Оуэнс изобрёл бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладёт их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма). Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Однако **тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает**

в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берёт верх. Монополия обладания особенно обширными, богатыми или удобно расположенными колониями действует в том же направлении.

Далее. Империализм есть громадное скопление в немногих странах денежного капитала, достигающего, как мы видели, 100–150 миллиардов франков ценных бумаг. Отсюда — **необычайный рост класса или, вернее, слоя рантье**, то есть лиц, живущих «стрижкой купонов», — лиц, совершенно отделённых от участия в каком бы то ни было предприятии, — лиц, профессией которых является праздность. **Вывоз капитала, одна из самых существенных экономических основ империализма**, ещё более усиливает эту полнейшую оторванность от производства слоя рантье, налагает отпечаток паразитизма на всю страну, живущую эксплуатацией труда нескольких заокеанских стран и колоний.

Понятие: «государство-рантье», или государство-ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме. Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников. «Среди помещений капитала за границей, — пишет Шульце-Геверниц, — на первом месте стоят такие, которые падают на страны, политически зависимые или союзные: Англия даёт взаймы Египту, Японии, Китаю, Южной Америке. Её военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. «Англия, — пишет Шульце-Геверниц, — перерастает постепенно из промышленного государства в государство-кредитора. **Несмотря на абсолютное увеличение промышленного производства и промышленного вывоза, возрастает относительное значение для всего народного хозяйства доходов от процентов и дивидендов, от эмиссий, комиссий и спекуляции**. По моему мнению, именно этот факт является экономической основой империалистического подъёма. Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем».

Относительно Германии издатель берлинского журнала «Банк» А. Лансбург писал в 1911 г. в статье: «Германия — государство-рантье» следующее: «В Германии охотно посмеиваются

над склонностью к превращению в рантье, наблюдаемой во Франции. Но при этом забывают, что, поскольку дело касается буржуазии, германские условия всё более становятся похожими на французские».

Государство-рантье есть государство паразитического, загнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отражаться как на всех социально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности.

Чтобы показать это возможно нагляднее, предоставим слово Гобсону, который всего более «надёжен», как свидетель, ибо его невозможно заподозрить в пристрастии к «марксистскому правоверию», а с другой стороны, он — англичанин, хорошо знающий положение дел в стране, наиболее богатой и колониями, и финансовым капиталом, и империалистским опытом.

Описывая, под живым впечатлением англо-бурской войны, связь империализма с интересами «финансистов», рост их прибылей от подрядов, поставок и прочего, Гобсон писал: «направителями этой определённо паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта». Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению автора, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Для экономической возможности такого подкупа, в какой бы форме он ни совершался, необходима — добавим от себя — монополистически высокая прибыль. Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет: «Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Бóльшую часть

тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением её южной части, проведены для нас туземцами».

У Шульце-Геверница мы находим, что когда народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 г. по 1898 г., то доход «от заграницы» за это время возрос в **девять** раз. Если «заслугой» империализма является «воспитание негра к труду» (без принуждения не обойтись...), то «опасность» империализма состоит в том, что «Европа свалит физический труд — сначала сельскохозяйственный и горный, а потом и более грубый промышленный — на плечи темнокожего человечества, а сама успокоится на роли рантье, подготовляя, может быть, этим экономическую, а затем и политическую эмансипацию краснокожих и темнокожих рас».

Всё бóльшая часть земли в Англии отнимается от сельскохозяйственного производства и идёт под спорт, под забаву для богачей. Про Шотландию — самое аристократическое место охоты и другого спорта — говорят, что «она живёт своим прошлым и мистером Карнеджи» (американским миллиардером). На одни только скачки и на охоту за лисицами Англия расходует ежегодно 14 миллионов фунтов стерлингов (около 130 млн. рублей). Число рантье в Англии составляет около 1 миллиона. Процент производительного населения понижается:

	Население Англии	Число рабочих в главных отраслях промышленности	% к населению
	(миллионы)		
1 851	17,9	4,1	23%
1 901	32,5	4,9	15%

И, **говоря об английском рабочем классе**, буржуазный исследователь «британского империализма начала XX века» вынужден систематически проводить разницу между «верхним слоем» рабочих и «собственно пролетарским низшим слоем». Верхний слой поставляет массу членов кооперативов и профессиональных союзов, спортивных обществ и многочисленных

религиозных сект. К его уровню приноровлено избирательное право, которое в Англии «всё ещё достаточно ограниченное, чтобы исключать собственно пролетарский низший слой»!!

К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится **уменьшение эмиграции из империалистских стран и увеличение иммиграции** (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой. Эмиграция из Англии, как отмечает Гобсон, падает с 1884 г. Эмиграция из Германии достигла максимума за 10-летие 1881–1890 гг. Зато росло число рабочих, приходящих в Германию из Австрии, Италии, России и прочих. Во Франции рабочие в горной промышленности «в значительной части» иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы. В Соединённых Штатах иммигранты из Восточной и Южной Европы занимают наихудшие оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы. **Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата**.

В письме к Каутскому от 12 сентября 1882 г. Энгельс писал: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и её монополией на всемирном рынке». Здесь ясно указаны причины и следствия. **Причины**: 1) эксплуатация данной страной всего мира; 2) её монопольное положение на всемирном рынке; 3) её колониальная монополия. **Следствия**: 1) обуржуазение части английского пролетариата; 2) часть его позволяет руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею. Империализм начала XX века докончил раздел мира горсткой государств, из которых каждое эксплуатирует теперь (в смысле извлечения сверхприбыли) немногим меньшую часть «всего мира», чем Англия в 1858 г.; каждое занимает монопольное положение на всемирном рынке благодаря трестам, картелям, финансовому капиталу, отношениям кредитора к должнику;

каждое имеет до известной степени колониальную монополию (мы видели, что из 75 млн. кв. километров всех колоний мира 65 млн., то есть 86% сосредоточено в руках шести держав; 61 млн., то есть 81% сосредоточено в руках 3-х держав).

Отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить **непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения**: империализм из зачатков вырос в господствующую систему; капиталистические монополии заняли первое место в народном хозяйстве и в политике; раздел мира доведён до конца; а, с другой стороны, вместо безраздельной монополии Англии мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую всё начало XX века. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий, как победил оппортунизм в Англии во второй половине XIX столетия, но он окончательно созрел, перезрел и сгнил в ряде стран, вполне слившись с буржуазной политикой, как социал-шовинизм. Русский социал-шовинизм господ Потресовых, Чхенкели, Масловых и так далее как в своём откровенном виде, так и в прикровенном (Чхеидзе, Скобелев, Аксельрод, Мартов и прочие), тоже вырос из русской разновидности оппортунизма, именно из ликвидаторства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

В чём состоит паразитизм империалистической фазы капитализма?
В чём загнивание империалистической фазы капитализма?
Что есть экономическая основа империализма?
Что такое государство-рантье?
Что происходит с эмиграцией и иммиграцией?
Как империализм раскалывает рабочий класс?
Чем опасен оппортунизм?

Отдел 9.

КРИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

способность империализма к реформируемости, возможность мира при империализме, аннексия

Критику империализма мы понимаем в широком смысле слова, как отношение к политике империализма различных классов общества в связи с их общей идеологией.

Гигантские размеры финансового капитала, концентрированного в немногих руках и создающего необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков, — с одной стороны, а с другой, обострённая борьба с другими национально-государственными группами финансистов за раздел мира и за господство над другими странами, — всё это вызывает повальный переход всех имущих классов на сторону империализма. «Всеобщее» увлечение его перспективами, бешеная защита империализма, всевозможное приукрашивание его — таково знамение времени. Империалистская идеология проникает и в рабочий класс. Китайская стена не отделяет его от других классов. Если вожди теперешней так называемой «социал-демократической» партии Германии получили по справедливости название «социал-империалистов», то есть социалистов на словах, империалистов на деле, то Гобсон ещё в 1902 году отметил существование «фабианских империалистов» в Англии, принадлежащих к оппортунистическому «Фабианскому обществу».

Буржуазные учёные и публицисты выступают защитниками империализма обыкновенно в несколько прикрытой форме, затушёвывая полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьёзными проектами «реформ» вроде полицейского надзора за трестами или банками и тому подобным. Реже выступают циничные, откровенные империалисты, имеющие смелость признать нелепость мысли о реформировании основных свойств империализма.

Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперёд ли идти, к дальнейшему

обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнёта в связи с гнётом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистских странах начала XX века. И **разрыв с марксизмом со стороны Каутского** и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной, оппозиции, а, напротив, слился с ней практически.

В Соединённых Штатах империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а потом высадили американские войска и аннексировали Филиппины), — цитировали слова Линкольна: «когда белый человек сам управляет собой, это — самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это — деспотизм» (Ж. Патуйе, «Американский империализм», Дижон, 1904 г.). Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием».

Такова же основная позиция Гобсона в его критике империализма. Гобсон предвосхитил Каутского, восставая против «неизбежности империализма» и апеллируя к необходимости «поднять потребительную способность» населения (при капитализме!). На мелкобуржуазной точке зрения в критике империализма, всесилия банков, финансовой олигархии и прочее стоят цитированные неоднократно нами Агад, А. Лансбург, Л. Эшвеге, а из французских писателей — Виктор Берар, автор поверхностной книги:

«Англия и империализм», вышедшей в 1900 году. Все они, нисколько не претендуя на марксизм, противопоставляют империализму свободную конкуренцию и демократию, осуждают затею Багдадской железной дороги, ведущую к конфликтам и войне, высказывают «невинные пожелания» мира и тому подобное — вплоть до статистика международных эмиссий А. Неймарка, который, подсчитывая сотни миллиардов франков «международных» ценностей, восклицал в 1912 году: «возможно ли предположить, чтобы мир мог быть нарушен? ... чтобы при таких громадных цифрах рисковали вызвать войну?».

Со стороны буржуазных экономистов такая наивность не удивительна; им же притом и выгодно казаться столь наивными и «всерьёз» говорить о мире при империализме. Но что же осталось от марксизма у Каутского, когда он в 1914, 1915, 1916 годах становится на ту же буржуазно-реформистскую точку зрения и утверждает, что «все согласны» (империалисты, якобы социалисты и социал-пацифисты) насчёт мира? Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них.

Начнём с цитаты из Гильфердинга, выводы которого Каутский много раз, в том числе в апреле 1915 г., объявлял «единогласно принятыми всеми социалистическими теоретиками».

«Не дело пролетариата, — пишет Гильфердинг, — более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади политику эры свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции — он превратился теперь в реакционный идеал — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма».

Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демократию», «простой вес экономических факторов», — ибо этот идеал объективно тащит назад, от монополистического капитализма к немонополистическому, является реформистским обманом.

Торговля с Египтом (или с другой колонией или полуколонией) «выросла бы» сильнее без военного занятия, без империализма, без финансового капитала. Что это значит? Что капитализм развивался бы быстрее, если бы свободная конкуренция не ограничивалась ни монополиями вообще, ни «связями» или гнётом (то есть тоже монополией) финансового капитала, ни монопольным обладанием колониями со стороны отдельных стран?

Другого смысла рассуждения Каутского иметь не могут, а этот «смысл» есть бессмыслица. Допустим, что да, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала бы капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идёт развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, рождающая монополию. И монополии уже родились — именно из свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, всё-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии.

Как ни вертите рассуждения Каутского, ничего кроме реакционности и буржуазного реформизма в нём нет. Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушёвывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартеллированной промышленностью, с другой, и так далее.

Совершенно такой же реакционный характер носит пресловутая теория «ультраимпериализма», сочинённая Каутским. Сравните его рассуждение на эту тему в 1915 году с рассуждением Гобсона в 1902 году:

Каутский: «...Не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединённым финансовым капиталом? Подобная новая фаза

капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет ещё достаточных предпосылок».

Гобсон: «Христианство, упрочившееся в немногих крупных федеральных империях, из которых каждая имеет ряд нецивилизованных колоний и зависимых стран, кажется многим наиболее законным развитием современных тенденций и притом таким развитием, которое дало бы больше всего надежды на постоянный мир на прочной базе интеримпериализма».

Ультраимпериализмом или сверхимпериализмом назвал Каутский то, что Гобсон за 13 лет до него назвал интеримпериализмом или междуимпериализмом. Кроме сочинения нового премудрого словечка, посредством замены одной латинской частички другою, прогресс «научной» мысли у Каутского состоит только в претензии выдавать за марксизм то, что Гобсон описывает, в сущности, как лицемерие английских попиков.

Каковы бы ни были благие намерения английских попиков или сладенького Каутского, объективный, то есть действительный социальный смысл его «теории» один и только один: **реакционнейшее утешение масс надеждами на возможность постоянного мира при капитализме посредством отвлечения внимания от острых противоречий и острых проблем современности и направления внимания на ложные перспективы какого-то якобы нового будущего «ультраимпериализма»**. Обман масс — кроме этого ровно ничего нет в «марксистской» теории Каутского.

Затушёвывание самых глубоких противоречий империализма Каутским, неизбежно превращающееся в приукрашивание империализма, не проходит бесследно и на критике политических свойств империализма этим писателем. **Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе**. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области — результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнёт и стремление к аннексиям, то есть к нарушениям национальной независимости (ибо **аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций**). Гильфердинг справедливо отмечает связь империализма с обострением национального

гнёта: «Что касается вновь открытых стран, — пишет он, — там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев; сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корень революционизируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обособленность «внеисторических наций», они вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-помалу даёт покорённым средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшею: создание единого национального государства, как орудия экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы».

> ***Аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций.***

К этому надо добавить, что не только во вновь открытых, но и в старых странах империализм ведёт к аннексиям, к усилению национального гнёта и, следовательно, также к обострению сопротивления. Возражая против усиления политической реакции империализмом, Каутский оставляет в тени ставший особенно насущным вопрос о невозможности единства с оппортунистами в эпоху империализма. Возражая против аннексий, он придаёт своим возражениям такую форму, которая наиболее безобидна для оппортунистов и всего легче приемлема для них. Он обращается непосредственно к немецкой аудитории и тем не менее затушёвывает как раз самое важное и злободневное, например, что Эльзас-Лотарингия является аннексией Германии. Для оценки этого «уклона мысли» Каутского возьмём пример. Допустим, японец осуждает аннексию Филиппин американцами. Спрашивается, многие ли поверят, что это делается из вражды к аннексиям вообще, а не из желания самому аннексировать Филиппины? И не придётся ли признать, что «борьбу» японца против аннексий

можно счесть искренней и политически честной исключительно в том случае, если он восстаёт против аннексии Кореи Японией, если он требует свободы отделения Кореи от Японии?

И теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма насквозь проникнуты абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушёвывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Возможно ли реформистское развитие империализма в следующую формацию?
Возможен ли мир при империализме?
Что такое аннексия?

Отдел 10.

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ИМПЕРИАЛИЗМА

главные виды монополий, империализм, связь империализма с оппортунизмом

Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу. Надо отметить в особенности **четыре главных вида монополий** или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.

Во-первых, **монополия выросла из концентрации производства** на очень высокой ступени её развития. Это — монополистские союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты. Мы видели, какую громадную роль они играют в современной хозяйственной жизни. К началу XX века они получили полное преобладание в передовых странах и если первые шаги по пути картеллирования были раньше пройдены странами с высоким охранительным тарифом (Германия, Америка), то Англия с её системой свободной торговли показала лишь немногим позже тот же основной факт: рождение монополий из концентрации производства.

Во-вторых, **монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья**, особенно для основной, и наиболее картеллированной, промышленности капиталистического общества: каменноугольной и железоделательной. Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картеллированной и некартеллированной промышленностью.

В-третьих, **монополия выросла из банков**. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три –пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических

наций осуществили «личную унию» промышленного и банкового капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества, — вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвёртых, **монополия выросла из колониальной политики**. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния» — то есть сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и прочее — наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, например, своими колониями одну десятую долю Африки, как это было ещё в 1876 году, тогда колониальная политика могла развиваться немонополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда $^{9}/_{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделённым, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обострённой борьбы за раздел и за передел мира.

Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнёт картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — всё это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Всё более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живёт всё более вывозом капитала и «стрижкой купонов». **Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию**

исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растёт, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия).

> ***Империализм** — это паразитический или загнивающий, умирающий капитализм.*

С одной стороны, этот необыкновенно быстро выросший финансовый капитал именно потому, что он так быстро вырос, непрочь перейти к более «спокойному» обладанию колониями, подлежащими захвату, путём не только мирных средств, у более богатых наций. А в Соединённых Штатах экономическое развитие за последние десятилетия шло ещё быстрее, чем в Германии, и как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко. С другой стороны, сравнение хотя бы республиканской американской буржуазии с монархической японской или германской показывает, что крупнейшее политическое различие в высшей степени ослабляется в эпоху империализма — не потому, чтобы оно было вообще не важно, а потому, что речь идёт во всех этих случаях о буржуазии с определёнными чертами паразитизма.

Далее, получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и тому подобное даёт им экономическую **возможность подкупать отдельные прослойки рабочих**, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создаётся **связь империализма с оппортунизмом**, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах.

Некоторые писатели, например Л. Мартов, любят отмахиваться от факта связи империализма с оппортунизмом в рабочем движении — факта, который ныне особенно сильно бросается в глаза, — посредством «казённо-оптимистических» (в духе Каутского и Гюисманса) рассуждений такого рода: дело противников капитализма было бы безнадёжно, если бы именно передовой капитализм вёл к усилению оппортунизма или если бы именно наилучше оплачиваемые рабочие оказывались склонны к оппортунизму и тому подобное. Не надо обманываться насчёт значения такого «оптимизма»: это — оптимизм насчёт оппортунизма, это — оптимизм, служащий к прикрытию оппортунизма. На самом же деле особенная быстрота и особенная отвратительность развития оппортунизма вовсе не служит гарантией прочной победы его, как быстрота развития злокачественного нарыва на здоровом организме может лишь ускорить прорыв нарыва, освобождение организма от него. Опаснее всего в этом отношении люди, не желающие понять, что борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая и лживая фраза.

> ***Борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая и лживая фраза.***

Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходный или, вернее, **умирающий капитализм**.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Какие есть главные виды монополий?
Что такое империализм?
В чём состоит связь империализма с оппортунизмом?

Отдел 11.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

По работе И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», 1924 г.
закон неравномерности развития капитализма, опыт Великой Октябрьской революции, необходимое и достаточное для построения социализма

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришёл к **закону о неравномерности скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран**. По смыслу этого закона, развитие предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит неравномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли всё время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперёд в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперёд стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая в XIX веке представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну. То же самое нужно сказать о Японии по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, империалистическая война 1914 года. **Закон этот исходит из того, что**:

1. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли.

2. Делёж этой «добычи» происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооружёнными с ног до головы хищниками (в начале XX века это Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю.

3. Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным.

4. Этот прорыв вероятнее всего может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, то есть, где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться.

5. Ввиду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

«Неравномерность экономического и политического развития, — пишет Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что **возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране**. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами».

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно развитых странах, что чем развитее в промышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, причём возможность победы социализма в одной стране, да ещё капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин ещё во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств

противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой. Известно, что **Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции**.

И ещё читаем у Ленина: «власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и так далее, — разве это не всё, что нужно для того, чтобы из **кооперации, из одной только кооперации**, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве **это не всё необходимое для построения полного социалистического общества? Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения**».

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Каковы основные положения закона неравномерности развития капитализма?

Что подтвердила Великая Октябрьская революция?

Что есть необходимое и достаточное для построения социализма?

Отдел 12.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И ВОЙНА

По работе В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», 1916 г.
виды войны, нация, нелепость отрицания участия в национально-освободительной войне, реакционность лозунгов «защиты отечества» при империалистической войне

При империализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и прочего, кроме как учёт силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и тому подобной. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов и монополий, отраслей промышленности, стран при империализме нет и быть не может. И что такое силовое разрешение конфликтов? Это использование сторонами конфликта вооружённых сил или, по-простому, — война.

«**Что такое война?** Это вооружённая борьба классов, наций и государств: если вооружённая борьба классов — то это **гражданская** война, если наций — **национально-освободительная** война, если государств — **империалистическая война** за передел мира между государствами» (М. В. Попов «Лекции по философии истории»). Также, для лучшего понимания сути дела, дадим определение нации, выведенное Сталиным.

> ***Нация** есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.*
>
> *И. В. Сталин,*
> *«Марксизм и национальный вопрос», 1913 г.*

При этом само собой понятно, что нация, как **и всякое историческое явление, подлежит изменению, имеет свою историю, начало и конец**. Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных выше признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того, достаточно

отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Обыватели способны всякую войну оправдать, говоря «мы защищаем отечество», тогда как марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать эту войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, в этом смысле законной и справедливой. Лозунг же защиты отечества есть сплошь да рядом обывательски несознательное оправдание войны, при неумении исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны.

Марксизм даёт такой анализ и говорит: если «действительная сущность» войны состоит, например, в свержении чуженационального гнёта (что особенно типично для Европы 1789–1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетённого государства или нации. Если «действительная сущность» войны есть передел колоний, делёж добычи, грабёж чужих земель (такова война 1914–1918 гг.), — тогда фраза о защите отечества есть «сплошной обман народа».

Как же найти «действительную сущность» войны, как определить её? Война есть продолжение политики. Надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, то есть защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть **империалистская война**. Если политика была национально-освободительная, то есть выражавшая массовое движение против национального гнёта, то она, вытекающая из такой политики, есть **национально-освободительная война**.

Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики», и потому ограничивается тем, что-де «неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, из-за чего ведётся война, какими классами, ради какой политической цели... Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает. **Для марксиста важно**, из-за чего ведётся данная война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска…

Коротко: — война между империалистскими (то есть угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями

зависимости от финансового капитала и прочее) великими державами или в союзе с ними есть империалистская война. Такова война 1914–1918 годов. «Защита отечества» есть обман в этой войне, есть оправдание её. — война против империалистских, то есть угнетательских держав со стороны угнетённых (например, колониальных народов) есть действительно-национальная война. Она возможна и теперь. «Защита отечества» со стороны национально-угнетённой страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты вовсе не против «защиты отечества» в такой войне.

Отрицать «защиту отечества», то есть участие в войне демократической, есть нелепость, не имеющая ничего общего с марксизмом. Прикрашивать империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», то есть, выдавая её за демократическую, значит обманывать рабочих, переходить на сторону реакционной буржуазии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Какие бывают войны?
Что такое нация?
Почему отрицание участия в национально-освободительной войне — нелепость?
Почему лозунги «защиты отечества» реакционны при империалистической войне?

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Что такое **товар***?*
Что такое **труд***?*
Что такое **всеобщий труд***?*
Что такое **деньги***?*
Что такое **капитал***?*
Что такое **стоимость***?*
Что такое **рынок***?*
Что такое **постоянный капитал***?*
Что такое **переменный капитал***?*
Что такое **прибавочная стоимость***?*
Что есть **источник прибавочной стоимости***?*
Что такое **производительный капитал***?*
Что такое **торговый капитал***?*
Что такое **денежный капитал***?*
Что такое **промышленный капитал***?*
Что такое **купеческий капитал***?*
Что такое **сокровище***?*
Что такое **основной капитал***?*
Что такое **оборотный капитал***?*
Что такое **ремесленный труд***?*
Что такое **цех** *(***артель***)?*
Что такое **мануфактура***?*
Что такое **машинное производство***?*
Что такое **органическое строение капитала***?*
Что такое **доход***?*
В чём суть **догмы Смита***?*
Что такое **прибыль***?*
Что такое **цена производства***?*
Что такое **процент***?*
Что такое **банковский капитал***?*
Что такое **рента***?*
Что такое **закон стоимости***?*
Что такое **конкуренция***?*
Что такое **монополия***?*
Что такое **классы***?*
Почему **пролетариат есть могильщик капитализма***?*
Что такое **капитализм***?*
Что такое **империализм***?*

Что такое **финансовый капитал**?
В чём суть **закона неравномерности развития при капитализме**?
Какие **войны при империализме**?
Почему **забастовки есть самый эффективный приём экономической борьбы**?
Почему нужно **бороться за сокращение рабочего времени**?
Каковы **предпосылки социализма в капитализме**?

СОДЕРЖАНИЕ

Как получить от этой книги наибольшую пользу 3

КНИГА I. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОЗДСТВА КАПИТАЛА 7

ОТДЕЛ 1. ТОВАР И ДЕНЬГИ 9
Глава 1. Товар 9
Глава 2. Процесс обмена 30
Глава 3. Деньги, или обращение товаров 35

ОТДЕЛ 2. ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ 53
Глава 4. Превращение денег в капитал 53

ОТДЕЛ 3. ПРОИЗВОДСТВО
АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ 67
Глава 5. Процесс труда и процесс увеличения стоимости 67
Глава 6. Постоянный капитал и переменный капитал 76
Глава 7. Норма прибавочной стоимости 81
Глава 8. Рабочий день 85
Глава 9. Норма и масса прибавочной стоимости 94

ОТДЕЛ 4. ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ
ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ 99
Глава 10. Понятие относительной прибавочной стоимости . . . 99
Глава 11. Кооперация 104
Глава 12. Разделение труда и мануфактура 111
Глава 13. Машины и крупная промышленность 126

ОТДЕЛ 5. ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ
И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ 146
Глава 14. Абсолютная и относительная прибавочная
стоимость 146
Глава 15. Изменение в величине цены рабочей силы
и прибавочной стоимости 152
Глава 16. Различные формулы нормы прибавочной
стоимости 158

ОТДЕЛ 6. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА 162
Глава 17. Превращение стоимости, соответственно и цены, рабочей силы в заработную плату 162
Глава 18. Повременная заработная плата. 167
Глава 19. Поштучная заработная плата 171
Глава 20. Национальные различия в заработной плате 175

ОТДЕЛ 7. ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА. 178
Глава 21. Простое воспроизводство. 180
Глава 22. Превращение прибавочной стоимости в капитал. . . 187
Глава 23. Всеобщий закон капиталистического накопления . . 198
Глава 24. Так называемое первоначальное накопление 212
Глава 25. Колонии при капитализме 224

КНИГА II. ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА 227

ОТДЕЛ 1. МЕТАМОРФОЗЫ КАПИТАЛА И ИХ КРУГООБОРОТ 229
Глава 1. Кругооборот денежного капитала. 229
Глава 2. Кругооборот производительного капитала 246
Глава 3. Кругооборот товарного капитала 256
Глава 4. Три фигуры процесса кругооборота. 261
Глава 5. Время обращения 270
Глава 6. Издержки обращения. 276

ОТДЕЛ 2. ОБОРОТ КАПИТАЛА 289
Глава 7. Время оборота и число оборотов. 289
Глава 8. Основной капитал и оборотный капитал 292
Глава 9. Общий оборот авансированного капитала. Циклы оборотов 305
Глава 10. Теории основного и оборотного капитала. Физиократы и Адам Смит. 308
Глава 11. Теории основного и оборотного капитала. Рикардо . . 314
Глава 12. Рабочий период 318
Глава 13. Время производства 326
Глава 14. Время обращения 330
Глава 15. Влияние времени оборота на величину авансируемого капитала 335

Глава 16. Оборот переменного капитала 346
Глава 17. Обращение прибавочной стоимости 353

ОТДЕЛ 3. ВОСПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА 365
Глава 18. Введение 365
Глава 19. Прежние представления о предмете 371
Глава 20. Простое воспроизводство 375
Глава 21. Накопление и расширенное воспроизводство 396

КНИГА III. ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ 407

ОТДЕЛ 1. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ 409
Глава 1. Издержки производства и прибыль 409
Глава 2. Норма прибыли 416
Глава 3. Отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости 423
Глава 4. Влияние оборота на норму прибыли 432
Глава 5. Экономия в применении постоянного капитала 435
Глава 6. Влияние изменения цен на норму прибыли 449
Глава 7. Добавления 460

ОТДЕЛ 2. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ 463
Глава 8. Различное строение капиталов в разных отраслях производства и вытекающие отсюда различия в нормах прибыли 463
Глава 9. Образование общей нормы прибыли (средней нормы прибыли) и превращение стоимости товаров в цену производства 472
Глава 10. Выравнивание общей нормы прибыли посредством конкуренции. Рыночные цены и рыночные стоимости. Добавочная прибыль 485
Глава 11. Влияние общих колебаний заработной платы на цены производства 499

Глава 12. Добавления 501

ОТДЕЛ 3. ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К ПОНИЖЕНИЮ 506
Глава 13. Закон как таковой 506
Глава 14. Противодействующие причины 516
Глава 15. Развитие внутренних противоречий закона 524

ОТДЕЛ 4. ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ (КУПЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ) 541
Глава 16. Товарно-торговый капитал 541
Глава 17. Торговая прибыль 548
Глава 18. Оборот купеческого капитала. Цены 557
Глава 19. Денежно-торговый капитал 565
Глава 20. Из истории купеческого капитала 570

ОТДЕЛ 5. ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ 579
Глава 21. Капитал, приносящий проценты 579
Глава 22. Деление прибыли. Ставка процента. «Естественная» норма процента 589
Глава 23. Процент и предпринимательский доход 596
Глава 24. Выделение капиталистического отношения в форме капитала, приносящего проценты 609
Глава 25. Кредит и фиктивный капитал 614
Глава 26. Накопление денежного капитала; его влияние на ставку процента 618
Глава 27. Роль кредита в капиталистическом производстве . . 622
Глава 28. Средства обращения и капитал 629
Глава 29. Составные части банковского капитала 635
Глава 30. Денежный капитал и действительный капитал (часть I) 642
Глава 31. Денежный кап. и действительный кап. (часть II) . . . 652
Глава 32. Денежный капитал и действительный капитал (часть III, окончание) 657

Глава 33. Средства обращения при кредитной системе 667
Глава 34. «Принцип денежного обращения» и английское банковское законодательство 1844 года 672
Глава 35. Благородный металл и вексельный курс 679
Глава 36. Докапиталистические отношения 687

ОТДЕЛ 6. ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ 699
Глава 37. Вводные замечания 699
Глава 38. Дифференциальная рента. Общие замечания 710
Глава 39. Первая форма дифференциальной ренты 718
Глава 40. Вторая форма дифференциальной ренты. Общие замечания 725
Глава 41. Вторая форма дифференциальной ренты. Постоянная цена производства 727
Глава 42. Вторая форма дифференциальной ренты. Понижающаяся цена производства 730
Глава 43. Вторая форма дифференциальной ренты. Повышающаяся цена производства 734
Глава 44. Дифференциальная рента также и с наихудшей из возделываемых земель 738
Глава 45. Абсолютная земельная рента 741
Глава 46. Рента за строительные участки. Рента с рудников. Цена земли 752
Глава 47. Генезис капиталистической земельной ренты 757

ОТДЕЛ 7. ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ 777
Глава 48. Триединая формула 777
Глава 49. К анализу процесса производства 788
Глава 50. Видимость, создаваемая конкуренцией 799
Глава 51. Отношения распределения и производственные отношения 808
Глава 52. Классы 818

ОТДЕЛ 8. ДОПОЛНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА 827
Дополнительная глава 53. Закон стоимости и норма прибыли 829
Дополнительная глава 54. Биржа 846

КНИГА IV. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА 849

ОТДЕЛ 1. КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И МОНОПОЛИИ 851

ОТДЕЛ 2. БАНКИ И ИХ НОВАЯ РОЛЬ 861

ОТДЕЛ 3. ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ 865

ОТДЕЛ 4. ВЫВОЗ КАПИТАЛА 871

ОТДЕЛ 5. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ СОЮЗАМИ КАПИТАЛИСТОВ 875

ОТДЕЛ 6. РАЗДЕЛ МИРА МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ 881

ОТДЕЛ 7. ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ОСОБАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА 889

ОТДЕЛ 8. ПАРАЗИТИЗМ И ЗАГНИВАНИЕ КАПИТАЛИЗМА 899

ОТДЕЛ 9. КРИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА 905

ОТДЕЛ 10. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ИМПЕРИАЛИЗМА 913

ОТДЕЛ 11. НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И РЕВОЛЮЦИЯ 917

ОТДЕЛ 12. НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И ВОЙНА 921

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ 925

Михаил Васильевич Попов, Марат Сергеевич Удовиченко

ПОЛИТЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА

ОТ КЛАССИКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

РЕДАКТОРСКАЯ ГРУППА

Корректоры: Андрей Садовский, Игорь Елисеев
Художники: Александра Фотина, Александра Жилич
Вёрстка: Виталий Евстигнеев

АДРЕС КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

https://vk.com/communism.university

ВИДЕО

Все права на данную книгу принадлежат Фонду Рабочей Академии и группе Свободное время.

Подписано в печать 01.12.2025.
Формат 60 × 88 ⅛. Печать офсетная.
Издатель Англинова Л. Н.
194358, Санкт-Петербург, ул. Николая Рубцова, д. 9
Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, оф. 14
Сайт: www.litobook.ru, e-mail: info@litobook.ru,
тел.: +7 (812) 712-02-08